МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

XIII Международная студенческая
научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы юриспруденции», посвященная 35-летию
Государственной независимости Республики Таджикистан
и 30-летию Российско-Таджикского (Славянского) университета,
Дню Таджикской науки»

(Душанбе, 17 апреля 2026 г.)
Сборник докладов

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

XIII Международная студенческая научно-практическая конференция «Актуальные вопросы юриспруденции», посвященная 35-летию Государственной независимости Республики Таджикистан и 30-летию Российско-Таджикского (Славянского) университета, Дню Таджикской науки»

(Душанбе, 17 апреля 2026 г.)

Сборник докладов

Душанбе - 2026

УДК 340:005.745
А 43

Актуальные вопросы юриспруденции: материалы XIII Международной студенческой научно-практической конференции «Актуальные вопросы юриспруденции», посвященная**,** 35-летию Государственной независимости Республики Таджикистан и 30-летию Российско-Таджикского (Славянского) университета, Дню Таджикской науки». (Душанбе, 17 апреля 2026г.). – Душанбе: РТСУ, 2026. – 480 с.

Главный редактор: И.Р. Иброхимзода, доктор экономических наук, профессор
Редакционная коллегия:
А.В. Золотухин, доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора);
Р.Г. Назарзода, к.ю.н., доцент (ответственный секретарь);
Ш.С. Хамроев, доктор юридических наук, профессор;
Т.И. Султонова, доктор юридических наук, профессор;
Х.Т. Носиров, доктор юридических наук, профессор;
Р.Г. Назарзода, кандидат юридических наук, доцент;
Р.А. Абдуллаева, доктор юридических наук, профессор;
Д.Х. Эльназаров, доктор юридических наук, профессор;
Ф.М. Аминова, доктор юридических наук, профессор.

Рецензенты:
д.ю.н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права РТСУ Т.И. Султонова
д.ю.н., профессор заведующий кафедрой криминалистики и судебно-экспертной деятельности Таджикского национального университета Назаров А.К.

В сборнике представлены научные статьи, доклады аспирантов, студентов и магистрантов, в которых рассматривается широкий круг актуальных вопросов конституционного, гражданского, предпринимательского и уголовного права, а также уголовного и гражданского процесса.

Сборник предназначен для аспирантов, студентов, магистрантов юридических специальностей, преподавателей высших учебных заведений и всех, интересующихся современными правовыми проблемами.

Составители:
Хамроев Ш.С., д.ю.н., профессор
Назарзода Р.Г., к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Рекомендовано к печати РИС РТСУ

© Юридический факультет
Российско-Таджикский (Славянский) университет – 2026

Перечень требований к оформлению материалов и условия представления статей для публикации

1. Материалы для публикации принимаются только в электронном варианте и в объёме не более 10 страниц.
2. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.
3. Автор (авторы) в соответствии с приведенными ниже требованиями должен оформить статью:

- поля: верхнее, нижнее, левое, правое – 2 см.
- текст: текстовый редактор MS WORD, шрифт - Times New Roman, размер – 12; стиль – обычный; интервал – одинарный; отступ – 1,00; выравнивание – по ширине; верхний и нижний колонтитулы – 1,25 см.
- порядок расположения текста:

- первая строка – название статьи **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** жирным шрифтом - выравнивание по центру;
- вторая строка – интервал;
- третья строка - Ф.И.О. автора(ов) полностью (жирный шрифт) (выравнивание по центру). Каждый автор указывается в отдельной строке.
- четвёртая строка – квалификация автора (бакалавр, магистр, аспирант), отделение, курс (выравнивание по центру);
- пятая строка - полное название организации - место учебы автора в именительном падеже. Если все авторы статьи учатся в одном учреждении, можно не указывать место учебы каждого автора отдельно (выравнивание по центру);
- шестая и седьмая строка – почтовый индекс, страна, город, телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех), адрес электронной почты для каждого автора (выравнивание по центру);
- восьмая строка - интервал;
- девятая строка – название статьи на английском языке **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** жирным шрифтом - выравнивание по центру;
- далее та же информация об авторе повторяется на английском языке (выравнивание по центру);
- далее аннотация на русском и английском языке не более 600 знаков (считая с пробелами) для аннотации на каждом языке (выравнивание по ширине);
- далее ключевые слова (приводятся на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой запятой (выравнивание по ширине);
- после пропущенной строки печатается основной текст статьи (выравнивание по ширине).

4. Ссылки на Список литературы: в тексте обязательны и оформляются после приведенной цитаты: [3, 12], где первая цифра - номер источника в списке литературы, вторая - страница. Подстрочные сноски не допускаются.
5. Список литературы: выполняется по ГОСТ 7.0.5-2008 и располагается в конце статьи после слова «Список литературы:»; сначала указываются нормативные источники в иерархичном порядке, затем – научная и учебная литература. Список оформляется в алфавитном порядке.
6. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.
7. Номера страниц – не ставить.

Полную ответственность за содержание материалов несут авторы публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 13

СЕКЦИЯ «СОСТОЯНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»

Амонзода Ш.Ш. Понятие и основания возникновения денежного обязательства 15
Абдурахмонова Ш.М., Давлатзода М.М., Носиров А.А. Сравнительный анализ специальных договорных конструкций в гражданском праве Республики Таджикистан: Рамочный, опционный и абонентский договоры 18
Давлатзода Ш.Ш. Гражданско-правовая характеристика объектов интеллектуальной собственности 22
Живанова Ф.Дж. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности 26
Каххорова М.С. Проблемы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав 29
Кодиров Ш.К., Мусоев М.М. Правовая природа и сущность организационных соглашений в гражданском законодательстве Республики Таджикистан 32
Коршунов О.Н., Рахматова Н.В. Брачный договор в семейном праве РФ 37
Коршунов О.Н., Рахматова Н.В. Право собственности супругов в семейном праве Российской Федерации 47
Коршунов О.Н. К вопросу об алиментных обязательствах 55
Мехралишоева Ф.Э. Понятие и правовая сущность исключительных прав 59
Шоева И.Р. Правовая природа признания вещных прав как способа защиты гражданских прав 61
Юсупов С.Ш. Проблемные аспекты функционирования института смежных прав в гражданском праве Российской Федерации 64

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ»

Абдурахмонов А.Т. К вопросу о понятии инвестиционного договора 69
Абдуллоева М.Н. Инновационная деятельность как объект правового регулирования 73
Абдуллоева М.Н. Объекты и виды инновационной деятельности 77
Ализода Н.Р. Современная аграрная политика и место безопасного сельского хозяйства в ней 81
Амиров Н.Х. Миноритарные и мажоритарные акционеры в корпоративном праве 85
Гафуров М.М. Правовые основы несостоятельности (банкротства) 89
Исматуллозода М. Правовой статус потребителя по законодательству Республики Таджикистан 91
Одинаева Н.М., Карроматуллозода Р.К. Водное право и законодательство на территории Северного Таджикистана 94
Карроматуллозода Р.К. Доисламское (зороастрийское) водное право 97
Махмадалиев М.А. Договор лизинга как основная правовая форма осуществления лизинговых операций по законодательству Республики Таджикистан 100
Меликов М.Д. Отдельные меры в области охраны земель 106
Мухамедова М.А. Принципы участия государства в предпринимательской деятельности 110
Раджабова Ш.М. Проблемы правоприменения и пути совершенствования регулирования кредитных договоров по законодательству Республики Таджикистан 114
Салимов А.В. Проблемы и особенности правового обеспечения коллективных субъектов в форме холдингов и корпораций в Российской Федерации 120
Сюй ЛинЛин Виды кредитных организаций по законодательству Республики Таджикистан 125

Сюй ЛинЛин Понятие и признаки кредитных организаций.....130
Тагаев М.С. Источники правового регулирования договора транспортной экспедиции.....134
Усманов Ш.С. Обыкновенные и привилегированные акции.....139
Холмуродов К.А. Понятие и значение животного мира как объекта правовой охраны.....142
Зейналлы Н.Ю. Прибыль кооперативов и ее распределение в соответствии с законодательством Соединенных Штатов Америки.....147

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»

Абдуллаев Дж.А. Классификация мер принуждения: от «Смешанного» критерия к связи с объектом обеспечения.....152
Абдуллобекзода Т.А., Каримзода Абдурахмон Умар. Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в Республике Таджикистан.....157
Азизи Х.П. Теоретико-правовые основы принципа презумпции невиновности в уголовном процессе Республики Таджикистан.....161
Азизи Х.П. Процессуальные гарантии обеспечения принципа презумпции невиновности в уголовном процессе Республики Таджикистан.....165
Азизи Х.П. Проблемы реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве.....169
Алиматов А. М., Абдуллобекзода Т.А. Некоторые актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан.....171
Гариева Р.Р. Понятие целей и оснований применения мер пресечения.....174
Давлатов А. О. Правовые основы и процессуальный порядок осмотра трупа по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан.....180
Давлатов А. О. Тактика и методика проведения осмотра трупа на месте его обнаружения: практика органов предварительного следствия Таджикистана.....184
Давлатов А. О. Тактические и организационные проблемы осмотра трупа на месте его обнаружения.....188
Давлатов М.Б. Становление и развитие института прекращения уголовного дела в уголовном процессе.....194
Желтова В.А., Муродова Д.Б. Участие в разбирательстве в суде по делам несовершеннолетних.....197
Желтова В.А., Раджабова Ф.Б. Цифровизация уголовного судопроизводства как фактор повышения эффективности доступа к правосудию.....202
Зокирова Р.К. Правовой статус переводчика как иного участника уголовного судопроизводства.....204
Назарзода Р.Г., Давлатов М.Б. Понятие прекращения уголовного дела как института уголовно процессуального права.....208
Назарзода Р.Г., Давлатов М.Б. Проблемы прекращения уголовного дела на судебных стадиях уголовного судопроизводства в связи с отказом от обвинения.....212
Назаров А.Д. Предварительное следствие как самостоятельная форма предварительного расследования.....217
Нуруллобекова К.Н. Научные подходы к классификации общих условий судебного разбирательства.....219
Нуруллобекова К.Н. Функциональное значение общих условий судебного разбирательства в системе правосудия.....223
Отамбекова Д.Д. Назначение наказания при рецидиве преступлений.....227
Отамбекова Д.Д. Понятие и признаки рецидива преступлений.....233
Расулзода С.А. Особенности участия специалиста-криминалиста в осмотре места происшествия.....237
Расулзода С.А. Тактические основы участия специалиста-криминалиста в следственных действиях.....239

Расулзода С.А., Мирзоев С.Б. Участие специалиста-криминалиста в проведении обыска и выемки. 247
Розикова Ж.Х. Феномен латентности сексуального насилия в отношении несовершеннолетних: криминалистические аспекты выявления и расследования. 250
Садурдинзода С.А. Понятие потерпевшего по действующему уголовно процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан 253
Хайитова Ф. М. Устранение коллизий и пробелов в трансграничном применении амнистий в рамках СНГ: опыт России и Таджикистана. 262
Холзода А.Х, Акилова К.У. Использование цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе 265
Холзода А.Х., Азизмамадова М. Принципы уголовного судопроизводства и их практическая реализация 271
Ятимзода Х.Ш. Судебное почерковедение и автороведение: предмет, задачи и научные основы. 276
Рзаева П.А.Осуществление конституционным судом Азербайджанской Республики защиты прав и свобод человека и гражданина - аспирант 4-го курса заочного отделения кафедры Конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета (анг.язык) 284
Самедзаде Р.С. Социальное обеспечение судей - аспирант 2-го курса очного отделения кафедры Конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета. (анг.язык) 287
Гаджиев М.В. История развития Азербайджанского законодательства о прекращении уголовного преследования - аспирант 4-го курса заочного отделения кафедры Уголовного процесса юридического факультета Бакинского государственного университета (анг.язык) 291
Бабаева П. Б. Право на личную неприкосновенность в законодательстве государств - участников содружества независимых государств - аспирант 3-го курса заочного отделения кафедры Конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета (анг. язык) 294

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

Абдухамидзода А.А. Международно-правовая охрана ледников. 300
Адильханов К.А. Межпоколенческая климатическая справедливость: защита интересов будущих поколений в международном праве (на англ.яз.) 301
Аминова Ф.М., Мансурова А.Н. Международно-правовое сотрудничество государств в области предупреждения и противодействия торговле людьми. 305
Аминова Ф.М., Хабибова М.Х. Понятие «Хромающего брака» в международном частном праве. 307
Зокиров М.И. Правовое регулирование деятельности институтов Европейского Союза в сфере легальной миграции. 310
Зокиров М.И. Правовое регулирование легальной миграции в Европейском Союзе. 313
Кудратуллозода Б.К, Назаров А.С. Отдельные проблемы унификации норм международного права в современных условиях 316
Кудратуллозода Б.К, Назаров А.С. Понятие гармонизации законодательств субъектов международного права 318
Кавмиддинов Дж.Дж. Цифровая трансформация государственного управления в Республике Таджикистан: современное состояние и перспективы развития 321
Мамадамонов У.М., Ходжаев Дж.И. Международный договор как источник внутригосударственного права. 324

Мамадамонов У.М., Чжан Тао. Унификация законодательство государств БРИКС в области электронной торговли. 327
Маматкулова П.Р. Проблемы коллизий при установлении происхождения ребенка в международном частном праве. 331
Маматкулова П.Р. Эволюция развития института установления отцовства в семейном праве Республики Таджикистан. 334
Махмадкулова З. У. Правовое регулирование международных железнодорожных перевозок грузов: сравнительный анализ правил ЦИМ и СМГС. 338
Назаров А.К., Сангова Д. Правовое регулирование имущественных отношений супругов с иностранным элементом. 340
Назаров А.К., Сангова Д. Коллизионно-правовое регулирование семейных отношений в международном частном праве. 342
Назаров А.К., Хайдарова Н.А. Права женщин в современном Таджикистане: проблемы и перспективы развития. 344
Назаров М.Т. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года как основа современного международно-правового регулирования. 347
Суюнова М.С. Роль протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху к конвенции против трансграничной организованной преступности 2000г. в борьбе с незаконной миграции. 350
Суюнова М.С. Деятельность Генеральной Ассамблеи ООН по борьбе с незаконной перевозкой мигрантов. 354
Ходжаев Дж. И. Порядок и стадии заключения международных договоров. 357
Чжан Тао. Особенности образования и правовой статус объединения БРИКС. 360
Шоев Х.А. Международные договоры как базовый источник международного торгового права. 363

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ, УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА»

Ачилов И. Б. Кризис принципов права в национальном, демократическом государстве 371
Кабирова С. А. Система и компетенция органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению безопасности 373
Каюмова А.А. Контроль за исполнением бюджета 376
Мирзоева Н. П. Роль государственных органов в обеспечении экономической безопасности 380
Неъматджанова А.А. Правовая защиты традиционных ценностей в Республики Таджикистан 383
Нумонова М.О. Права человека и совершенствование законодательство Российской Федерации о донорстве органов и их трансплантации 386
Носиров Д.М. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 389
Одилова М.Б. Конституционные гарантии, пределы и ограничения права осужденного к лишению свободы на свидание 394
Расулов М. С. Стратегия национального развития Республики Таджикистан в контексте формирования национальной идентичности и мировоззрения таджикского народа 397
Садикова Н. Ш. Правовые основы деятельности Прокуратуры в РТ 400
Хаетова Д. Н. Правовое регулирование защиты прав детей в чрезвычайных ситуациях 407
Хуматализода С. Н. Конституция как одна из основных ценностей государства и общества 414
Насков Д.С. Проблемы совершенствования механизма формирования правосознания молодёжи 419

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА»

Абдуллаева Р.А., Давлатов А.Р. Проблемные аспекты индивидуального преступного поведения 423
Абдуллаева Р.А., Норимов Дж.К. Проблемные аспекты при классификации преступлений против собственности 428
Абдуллаева Р.А., Коршунов О.Н. Преступления против жизни и здоровья совершаемыми медицинскими работниками 432
Абдуллаев Н.С., Амиралиев С.Б. Общетеоретическая характеристика преступности в киберпространстве в условиях цифровизации общества 437
Абдуллаев Н.С., Амиралиев С.Б. Актуальные вопросы противодействия преступности в киберпространстве в современном обществе 440
Абдуллаев Н.С., Джуразода С.Р. Характеристика преступлений, грубо нарушающих мораль по отношению к лицам молодого возраста 446
Давлатов А.Р. Структура личности преступника 449
Муслимова А.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка в уголовном законодательстве Кыргызской Республики 452
Норимов Дж.К. Отличие хищения от других преступлений, причиняющих материальный ущерб собственникам 458
Сулайманова Н.Н., Шамилова К.Ш. Актуальные проблемы и пути совершенствования правового регулирования незаконного проведения опытов на человеке (статья 147 УККР) 461
Сулайманова Н.Н., Дурсунова Р.С. Уголовная ответственность за незаконное занятие традиционной (народной) медициной в Кыргызской Республике 466
Сулайманова Н.Н., Кыбраева А.М. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка в Кыргызской Республике 471
Чоршанбиев А.Ч., Рахимов А.А. Семейное насилие в контексте изучения уголовного права 476
Чоршанбиев А.Ч., Наврузмамадова О.П. Уголовно-криминологическая характеристика современной работорговли и методы её борьбы 479

CONTENT

PREFACE 13

SECTION "STATUS AND IMPROVEMENT OF LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE FIELD OF CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES"

Amonzoda Sh.Sh. The concept and basis for the creation of a monetary obligation 15
Abdurakhmonova Sh.M., Davlatzoda M. M., Nosirova A. A. Comparative analysis of special contractual constructions in the civil law of the Republic of Tajikistan: framework, option, and subscription contracts 18
Davlatzoda Sh.Sh. Civil law characteristics of intellectual property objects 22
Zhivanova F. Dz. Content of the exclusive right to intellectual property objects 26
Kakhhorova M. S. The problems of the disposal of the exclusive rights to the patent rights objects 29
Kodirov Sh. K., Musoev M. M. The legal nature and essence of organizational agreements in the civil law of the Republic of Tajikistan 32
Korshunov O. N. Rakhmatova N. V. Marriage contract in the family law of the Russian Federation 37
Korshunov O. N. Rakhmatova N. V. Property rights of spouses in family law of the Russian Federation 47
Korshunov O. N. On the question of alimony obligations 55
Mehralishoeva F. E. Concept and legal nature of exclusive rights 59
Shoeva I. R. Legal nature of right in rem recognition as a way to civil rights protection 61
Yusupov S. Sh. Problematic aspects of the functioning of the institute of related rights in the civil law of the Russian Federation 64

SECTION "PROBLEMS AND PROSPECTS OF BUSINESS LAW DEVELOPMENT IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS"

Abdurakhmonov A.T. On the Concept of an Investment Agreement 69
Abdulloeva M.N. Innovative Activity as an Object of Legal Regulation 73
Abdulloeva M.N. Objects and Types of Innovative Activity 77
Alizoda N.R. Modern Agrarian Policy and the Place of Safe Agriculture Within It 81
Amirov N.Kh. Minority and Majority Shareholders in Corporate Law 85
Gafurov M.M. Legal Foundations of Insolvency (Bankruptcy*)* 89
Ismatullozoda M. Legal Status of the Consumer under the Legislation of the Republic of Tajikistan 91
Odinaeva N.M., Karomatullozoda R.K. Water Law and Legislation in the Territory of Northern Tajikistan 94
Karomatullozoda R.K. Pre-Islamic (Zoroastrian) Water Law 97
Makhmadaliev M.A. Lease Agreement as the Main Legal Form for Carrying Out Leasing Operations under the Legislation of the Republic of Tajikistan 100
Melikov M.D. Certain Measures in the Field of Land Protection 106
Mukhamedova M.A. Principles of State Participation in Entrepreneurial Activity 110
Radzhabova Sh.M. Issues of Law Enforcement and Ways to Improve the Regulation of Credit Agreements under the Legislation of the Republic of Tajikistan 114
Salimov A.V. Problems and Specific Features of the Legal Framework for Collective Entities in the Form of Holdings and Corporations in the Russian Federation 120
Xu Linlin Types of Credit Institutions under the Legislation of the Republic of Tajikistan 125
Xu Linlin The Concept and Features of Credit Institutions 130
Tagaev M.S. Sources of Legal Regulation of the Transport Expedition Agreement 134
Usmanov Sh.S. Ordinary and Preferred Shares 139
Kholmurodov K.A. The Concept and Significance of the Animal World as an Object of Legal Protection 142
Zeynally N.Y. Profit of Cooperatives and Its Distribution in Accordance with the Legislation of the United States of America 147

SECTION "PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE NORMS OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION AND WAYS TO SOLVE THEM"

Abdullaev J.A. Classification of coercive measures: from the “mixed” criterion to the link with the object of safeguarding 152
Abdullobekzoda T.A., Karimzoda A.U. Protection of public order and ensuring public safety in the Republic of Tajikistan 157
Azizi Kh.P. Theoretical and legal foundations of the principle of presumption of innocence in the criminal process of the Republic of Tajikistan 161
Azizi Kh.P. Procedural guarantees for ensuring the principle of presumption of innocence in the criminal process of the Republic of Tajikistan 165
Azizi Kh.P. Problems of implementing the principle of presumption of innocence in criminal proceedings 169
Alimatov A.M., Abdullobekzoda T.A. Some topical problems of the theory and practice of operational-search activity in the Republic of Tajikistan 171
Garieva R.R. The concept of goals and grounds for the application of preventive measures 174
Davlatov A.O. Legal Foundations and procedural procedure for the examination of a corpse under the criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan 180
Davlatov A.O. Tactics and methodology of conducting a corpse examination at the place of its discovery: practice of preliminary investigation bodies of Tajikistan 184
Davlatov A.O. Tactical and organizational problems of corpse examination at the place of its discovery 188
Davlatov M.B. Formation and development of the institution of termination of a criminal case in criminal procedure 194
Zheltova V.A., Murodova D.B. Participation in court proceedings in cases involving minors 197
Zheltova V.A., Radzhabova F.B. Digitalization of criminal proceedings as a factor in increasing the efficiency of access to justice 202
Zokirova R.K. Legal status of an interpreter as another participant in criminal proceedings 204
Nazarzoda R.G., Davlatov M.B. The concept of termination of a criminal case as an institution of criminal procedural law 208
Nazarzoda R.G., Davlatov M.B. Problems of termination of a criminal case at the judicial stages of criminal proceedings in connection with the withdrawal of the prosecution. 212
Nazarov A.D. Preliminary Investigation as an Independent form of pre-trial investigation 217
Nurullobekova K.N. Scientific approaches to the classification of general conditions of trial 219
Nurullobekova K.N. Functional significance of general conditions of trial in the justice system 223
Otambekova D.D. Concept and features of recidivism of crime 227
Otambekova D.D. Sentencing in cases of recidivism of crimes 233
Rasulzoda S.A. Specific features of the participation of a forensic specialist in crime scene examination 237
Rasulzoda S.A. Tactical foundations of the participation of a forensic specialist in investigative actions 239
Rasulzoda S.A., Mirzoev S.B. Participation of a forensic specialist in conducting search and seizure 247
Rozikova Zh.Kh. The phenomenon of latency of sexual violence against minors: forensic aspects of detection and investigation 250

Sadurdinzoda S.A. The concept of a victim under the current criminal procedure legislation of the russian federation and the Republic of Tajikistan 253
Khayitova F.M. Elimination of conflicts and gaps in the cross-border application of amnesties within the cis: experience of Russia and Tajikistan 262
Kholzoda A.Kh., Akilova K.U. Use of digital (electronic) evidence in criminal proceedings 265
Kholzoda A.Kh., Azizmamadova M. Principles of criminal proceedings and their practical implementation 271
Yatimzoda Kh.Sh. Forensic handwriting and authorship analysis: subject, tasks, and scientific foundations 276
Rzayeva P.A. Protection of human and civil rights and freedoms by the constitutional court of the Republic of Azerbaijan 284
Samedzade R.S. Social Security of Judges 287
Hajiyev M. V. History of the Development of Azerbaijani Legislation on the Termination of Criminal Prosecution 291
Babaeva P.B. The Right to Personal Integrity in the Legislation of the CIS Member States) 294

SECTION "PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL PUBLIC AND PRIVATE LAW AT THE PRESENT STAGE"

Abdukhamidzoda A.A. International legal protection of glaciers. 300
Adilkhanov K.A. Intergenerational climate justice: protection of the interests of future generations in international law 301
Aminova F.M., Mansurova F.N. International legal cooperation of states in the field of prevention and combating human trafficking. 305
Aminova F.M., Habibova M.H. 307
Zokirov M.I. Legal regulation of the activities of the European Union institutions in the sphere of legal migration. 310
Zokirov M.I. Legal regulation of the activities of the European Union institutions in the sphere of legal migration. 313
Kudratullozoda B.K., Nazarov A.S. Selected problems of unification of international law norms in modern conditions 316
Kudratullozoda B.K., Nazarov A.S. Harmonization in the legislation of subjects of international law 318
Kavmidinov D.D. Digital transformation of public administration in the Republic of Tajikistan: current state and development prospects 321
Mamadamonov. U.M., Khodjaev J. I. International treaty as a source of domestic law. 324
Mamadamonov. U.M., Zhang Tao. Unification of the legislation of the BRICS contries in the field of electronic commerce. 327
Mamatqulova P.R. Problems of conflict of law in determining the origin of a child in private international law. 331
Mamatqulova P.R. Evolution of the institution of establishing paternity in the family law of the Republic of Tajikistan. 334
Mahmadkulova Z. U. Legal regulation of international rail carriage of freight: a comparative analysis of the CIM and SMGS rules. 338
Nazarov A.K., Sangova D. Legal regulation of property relations of spouses with a foreign element. 340
Nazarov A.K., Sangova D. Conflict-of-law regulation of family relations in private international law. 342
Nazarov A.K., Khaidarova N. A. Women'**s** rights in modern Tajikistan: problems and development prospects. 344
Nazarov M.T. The Vienna conventions on diplomatic relations of 1961 as the basis of modern international legal regulation. 347

Suyunova M.S. The role of the protocol against the smuggling of migrants by land, sea and air to the 2000 convention against cross-border organized crime in the fight against illegal migration. 354
Hojaev J.I. 357
Zhang Tao. Features of education and legal status of the BRICS association. 360
Shoev H.A. International treaties as a basic source of international trade law. 363

SECTION "PROBLEMS OF POWER, GOVERNANCE AND SELF-GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A RULE-OF-LAW STATE"

Achilov I. B. The Crisis of Legal Principles in a National Democratic State 371
Kabirova S. A. The System and Competence of State and Local Government Bodies in Ensuring Security 373
Kayumova A. A. Budget Execution Control 376
Mirzoeva N. P. The Role of Government Agencies in Ensuring Economic Security 380
Nemadjanova A. A. Legal Protection of Traditional Values in the Republic of Tajikistan 383
Numonova M. O. Human Rights and Improving the Legislation of the Russian Federation on Organ Donation and Transplantation 386
Nosirov D. M. Digital Transformation and Protection of Citizens' Rights in the Digital Space 389
Odilova M. B. Constitutional Guarantees, Limits, and Restrictions on the Right of a Person Sentenced to Imprisonment to Visit 394
Rasulov M. S. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan in the Context of the Formation of National Identity and Worldview of the Tajik People 397
Sadikova N. Sh. Legal Framework for the Activities of the Prosecutor's Office in the Republic of Tatarstan 400
Khaetova D. N. Legal Regulation of the Protection of Children's Rights in Emergencies 407
Khumatalizoda S. N. The Constitution as One of the Fundamental Values of the State and Society 414

SECTION "PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION, CRIMINOLOGY AND PENAL ENFORCEMENT LAW"

Abdullaeva R.A., Davlatov A.R. Problematic aspects of individual criminal behavior 420
Abdullaeva R.A., Norimov J.K. Problematic aspects in the classification of crimes against property 425
Abdullaeva R.A., Korshunov O.N. Crimes against life and health committed by healthcare professionals 429
Abdullaev N.S., Amiraliev S.B. General theoretical characteristics of cybercrime in the context of digitalization of society 434
Abdullaev N.S., Amiraliev S.B. Current Issues of combating cybercrime in modern society 437
Abdullaev N.S., Dzhurazoda S.R. Characteristics of crimes grossly violating moral standards in relation to young persons 443
Davlatov, A.R. The structure of the offender's personality 446
Muslimova A.N. The murder of a newborn child by a mother in the criminal legislation of the Kyrgyz Republic 449
Norimov J.K. The difference between theft and other crimes causing material damage to owners 455
Sulaimanova N.N., Shamilova K.Sh. Current issues and ways to improve the legal regulation of illegal experimentation on humans (article 147 of the criminal code) 458
Sulaimanova N.N., Dursunova R.S. Criminal liability for illegal practice of traditional (folk) medicine in the Kyrgyz Republic 463
Sulaimanova N.N., Kybraeva A.M. Criminal liability for failure to fulfill child-raising obligations in the Kyrgyz Republic 468
Chorshanbiev A.Ch., Rakhimov A.A. Domestic violence in the context of criminal law studies 473
Chorshanbiev A.Ch., Navruzmamadova O.P., Criminal-criminal characteristics of the modern slave trade and methods of combating it 476

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приветствуем всех участников XIII Международной студенческой научно-практической конференции «Актуальные вопросы юриспруденции», посвященной 35-летию Государственной независимости Республики Таджикистан, 30-летию Российско-Таджикского (Славянского) университета и Дню Таджикской науки»!

С каждым годом интерес к данной конференции со стороны нашей студенческой молодёжи возрастает. В этом году проводится 13-я по счету конференция. Безусловно, это связано с широкомасштабными правовыми реформами, происходящими в нашей республике.

В условиях перехода Таджикистана к обществу с рыночной экономикой и построению правового государства в системе таджикского законодательства происходят глубокие изменения. Ежегодно в стране принимаются различного рода нормативно-правовые акты, направленные на реформирование социально-экономических и политических процессов. При этом, важное значение приобретают исследования проблем права и правового государства, совершенствования законодательства, развития международных отношений, повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, изучения причин преступности и других правонарушений, а также разработки мер по их предупреждению и снижению.

Необходимо подчеркнуть, что в современный период особую актуальность приобретают научные исследования молодежи, которая является продолжателем старшего поколения, обладающей созидательной силой и реальным двигателем общественного развития, будущим нации и государства. Молодежь должна быть активной частью общества, уметь предлагать созидательные инициативы, защищать государственные символы и национальные святыни независимости, участвовать в общественно-политической жизни Таджикистана, укреплять безопасность государства, сохранять его честь и достоинство, а также противостоять угрозам и вызовам современного мира, оставаясь истинными патриотами своей страны.

Именно поэтому проводимая конференция призвана объединить студенческую молодёжь и представителей правовой сферы вокруг общих научных и профессиональных интересов, создавая условия для обмена мнениями, знаниями и опытом сотрудничества. Уровень образования в обществе увеличивает количество и скорость совершения научных открытий, а также быстроту их распространения в практической сфере. Современный научно-технический прогресс привёл к существенным изменениям в науке, технике и образовании, что связано с качественно новым уровнем взаимодействия этих важнейших сфер жизнедеятельности общества.

В связи с этим, целью проведения XIII Международной студенческой научно-практической конференции «Актуальные вопросы юриспруденции», посвященной 35-летию Государственной независимости Республики Таджикистан, 30-летию Российско-Таджикского (Славянского) университета и Дню Таджикской науки», является формирование новых знаний и обмен научным и практическим опытом ученых, студентов, аспирантов и специалистов в сфере юриспруденции. Выражаем надежду, что данная конференция внесет значительный вклад в развитие научного потенциала молодежи в сфере науки и образования и послужит очередным этапом в решении актуальных правовых проблем современности.

Настоящая конференция является мероприятием, объединяющим усилия высших учебных заведений РТ и стран СНГ, главной целью которого является содействие развитию профессиональных и личных контактов между студентами, магистрантами и аспирантами из различных стран, а также развитие у них навыков проведения самостоятельной научно-исследовательской работы и умения представлять результаты своей работы.

Доклады участников конференции подлежат заслушиванию и обсуждению в рамках секционных заседаний по актуальным вопросам современной юридической науки, в частности, по проблемам международного, гражданского, предпринимательского, конституционного права, гражданского процесса, а также уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Желаем всем участникам конференции крепкого здоровья, успехов в научно-исследовательской и практической деятельности, плодотворных дискуссий и новых достижений!

СЕКЦИЯ «СОСТОЯНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»

ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Амонзода Шохрух Шухрат
магистрант 2-го года факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

THE CONCEPT AND BASIS FOR THE CREATION OF A MONETARY OBLIGATION

Amonzoda Shohrukh Shukhrat
2nd year master's student, Faculty of Distance Learning
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade St., 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются понятия денежных обязательств, их правовая природа и сущность, Автор всесторонне рассматривает сущность данного обязательства и его признаки.*

Annotation. *This article examines the concept of monetary obligations, their legal nature, and their essence. The author provides a comprehensive analysis of the nature of such obligations and their characteristics.*

Ключевые слова*: деньги, обязательство, денежное обязательство, долг, уплата денег.*

Keywords: *money, obligation, monetary obligation, debt, payment of money*

В цивилистической науке вопросы, касающиеся сущности денежного обязательства, его места в общей системе обязательственных правоотношений и его значимости, остаются недостаточно изученными. Это подтверждается тем, что даже в работах авторитетных исследователей римского права денежное обязательство не выделяется как отдельная самостоятельная правовая категория, а лишь как разновидность обязательств по уплате денег, предметом которых являются заменимые, потребляемые вещи, выраженные в денежной форме [10, 132]. Как отмечал Ф.К. Савиньи, указания, встречающиеся в римском праве по теории денежных обязательств, стоят ниже самых умеренных ожиданий [11, 321].

Л.А. Лунц под денежными обязательствами подразумевал уплату денежных знаков, которые имеют функцию средства обращения [7, 154]. На наш взгляд, утверждение Л.А. Лунца о том, что деньги в денежных обязательствах могут выполнять только функцию средства обращения, ориентировано лишь на наличные расчеты (деньги). Автор тем самым не учитывает особенность безналичных денег, которые не имеют функции средства обращения.

О.С. Иоффе предлагал рассматривать денежное обязательство как обязательство, связанное с уплатой денег [5, 134]. При таком подходе деньги — это имущество, передача которого погашает денежное обязательство исполнением.

В.А. Белов определяет денежное обязательство как форму гражданско-правовых отношений. Его суть заключается в наличии у кредитора права требовать определенную денежную сумму, что корреспондирует с юридической обязанностью должника совершить платеж. Таким образом, содержание обязательства сводится к действиям по передаче денег. В.А. Белов подчеркивает, что объектом данного обязательства выступает конкретная денежная сумма, которая на практике часто идентифицируется как «долг» [3, 14].

М.Г. Бакуева определяет денежное обязательство, как обязательство, в силу которого одно лицо (кредитор) вправе требовать от другого лица (должника) определенную сумму денежных единиц, в целях погашения денежного долга, а должник обязан совершить платеж определенной валюты по гражданско-правовому договору и по иным основаниям, предусмотренным гражданским законодательством [2, 36-37].

Д.Г. Лавров полагает, что денежным является обязательство, в котором должник обязуется уплатить в пользу кредитора определенную сумму денег в качестве меры стоимости имущественного блага кредитора [6, 64]. В данном случае мы считаем необходимым трактовать то, что охватывается стоимостью имущественного блага кредитора, поэтому определение недостаточно полное.

И.М. Кутузов смысл денежных обязательств видит в его взаимосвязи с денежным платежом. В обоснование своего довода автор в качестве примера денежных обязательств приводит обязательства по переводу денежных средств и их зачислению с одного банковского счета на другой счет, по уплате денежных сумм, составляющих предмет векселя и чека [8, 470].

Л.А. Новоселова в качестве главного, определяющего признака денежных обязательств выделила обязанность уплаты денег. Автор отмечает, что деньги используются в обязательстве в качестве средства погашения денежного долга, восстановления эквивалентности обмена, компенсации продавцу стоимости переданного им товара (в широком экономическом смысле этого понятия) либо компенсации понесенных им «имущественных потерь» [9, 25].

С позиции Л.С. Эльяссона, под денежным обязательством «разумеется обязательство, предметом которого будет платеж определенной денежной суммы». Вместе с тем, выделяя признаки денежного обязательства, он указывал на следующее: 1) предмет платежа определяется родовыми признаками; 2) существует полная однородность и заменимость денег как предмета платежа; 3) предметом обязательства будет денежная сумма, воплощенная в денежных знаках, служащих по закону законным платежным средством [12, 27].

Таким образом, автор рассматривает суть денежных обязательств через призму средства погашения денежного долга.

Исходя из вышеизложенного, анализ представленных данных позволяет заключить, что ключевым признаком, определяющим категорию «денежные обязательства», является их целевое назначение – погашение денежного долга. Иными словами, передача денежных средств в рамках таких обязательств осуществляется исключительно с целью урегулирования платежа [4, 21].

Юридическая природа денежного обязательства проявляется в возможности требовать от того, кто обязан, предоставления определённых материальных благ в пользу того, кто имеет право. При формировании правовой основы денежных обязательств следует учитывать их экономическую сущность, заключающуюся в товарном перемещении материальных ценностей из владения кредитора в собственность должника. Предметом такого обязательства выступает денежный долг, выраженный в конкретной сумме.

Некоторые авторы указывают, что в литературе не принято выделять денежные обязательства в самостоятельную группу, отделяя их от других гражданско-правовых обязательств, при построении научной классификации обязательств в целом [6, 38]. Основанием такого выделения служит ряд статей (ст. 381, ст. 383, ст. 384, ст. 416 Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РТ) [1]). Ответственность за неисполнение денежного обязательства предусмотрена ст. 453 ГК РТ. Денежное обязательство может возникнуть как в результате свободного волеизъявления сторон, так и при нарушения гражданских прав.

В сфере гражданского оборота выделяются два типа денежных обязательств. Первый тип характеризуется тем, что денежная сумма является непосредственным предметом обязательства (т.е. предполагают передачу денежной суммы), без которой оно не может существовать. Участники таких обязательств осознают свою роль в макроэкономическом денежном обороте и ориентированы на достижение результатов, связанных с этим участием. Второй тип обязательств допускает передачу денежных средств лишь в качестве инструмента, когда стороны рассматривают друг друга как участников товарного оборота. В этом случае деньги выступают как эквивалент, а не как самоцель перераспределения. Хотя прямое перераспределение денежных средств не является основной целью, оно может быть достигнуто косвенно. Важно отметить, что содержанием всех денежных обязательств, без исключения, является уплата денег как их предмета. Основная цель всех денежных обязательств заключается именно в уплате определенной и конкретной суммы денег, основанной на законе или договоре.

Обобщая, мы предлагаем рассматривать денежное обязательство как гражданские правоотношения, где ключевым является право кредитора требовать и обязанность должника осуществить выплату этого требования, то есть передать конкретную сумму денег. Эта конкретная сумма денег и является предметом денежного обязательства.

Основаниями возникновения обязательств служат разнообразные юридические факты или их совокупность, такие как заключение сделок, издание административных актов, причинение ущерба, неосновательное обогащение, а также иные действия граждан и организаций или различные события.

В случаях, когда возникает обязательство по уплате цены за товар, работу или услугу, а также по возврату полученной суммы займа, денежные средства выступают в качестве средства платежа с особой наглядностью. Юридическая доктрина и правоприменительная практика единогласно признают денежный характер подобных правоотношений. Перечень оснований возникновения денежных обязательств не ограничивается приведенными примерами. Так, обязательство по уплате может возникнуть вследствие причинения вреда (например, обязанность возместить ущерб в денежной форме) или неосновательного обогащения (обязанность вернуть неосновательно полученные денежные средства). К денежным обязательствам также относятся выплаты юридическим лицом дивидендов его участникам, а также доли в имуществе, пропорциональной их вкладу в уставной (складочный) капитал, при выходе из организации.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 г., №1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com (дата обращения: 08.02.2026).
2. Бакуева М.Г. Исполнение денежных обязательств по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 2005. – 199 с.
3. Белов В.А. Денежные обязательства. - М., 2007. – 266 с.
4. Ерпылева Н.Ю. Актуальные проблемы теории правового регулирования международных расчетных отношений // Законодательство и экономика. - 2001. - №7. - С. 20-29.
5. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4-х т. Обязательственное право. - СПб., 2004. - Т. 3. – 880 с.
6. Лавров Д.Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. - СПб, 2000. – 167 с.
7. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. - М., 1999. - 350 с.

8. Международное частное право: учебник / Л.П. Ануфриева и др.; отв. ред. Г.К. Дмитриева. - М. 2004. – 688 с.
9. Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. - М., 2000. - 176 с.
10. Пухан И., Поленск-Акимовская М. Римское право: учебник. - М., 2000. - 411 с.
11. Савиньи Ф. К. Обязательственное право. - М., 2008. – 576 с.
12. Эльяссон Л.С. Деньги, банки и банковые операции. - М., 1926. – 232 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: РАМОЧНЫЙ, ОПЦИОННЫЙ И АБОНЕНТСКИЙ ДОГОВОРЫ

Абдурахмонова Ширинбону Махмудовна
магистрант 1-го года обучения
факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Давлатзода Марджона Махмадсаид
магистрант 1-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Носирова Аниса Алишеровна
магистрант 1-го года обучения факультета очного обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF SPECIAL CONTRACTUAL CONSTRUCTIONS IN THE CIVIL LAW OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: FRAMEWORK, OPTION, AND SUBSCRIPTION CONTRACTS

Abdurakhmonova Shirinbonu Makhmudovna
1st-year Master's student, Faculty of Extramural (Distance) Learning
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
Tel.: (+992 37) 227 67 40, E-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Davlatzoda Marjona Makhmadsaid
1st-year Master's student, Faculty of Extramural (Distance) Learning
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
Tel.: (+992 37) 227 67 40, E-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Nosirova Anisa Alisherovna
1st-year Master's student, Faculty of Full-Time Studies,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992 37) 227 67 40, E-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируются новые для гражданского законодательства Республики Таджикистан договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры, введенные в ходе масштабной реформы ГК РТ 2022 года. На основе доктринальных исследований рассматривается специфика данных договоров как «инструментальных» конструкций, позволяющих структурировать длительные предпринимательские отношения. Автор исследует механизмы «отложенного действия» обязательств и правовую сущность безотзывной оферты в опционных соглашениях. Обосновывается значимость данных новелл для повышения гибкости и прозрачности гражданского оборота в Таджикистане.*

Annotation. The article analyzes the contractual constructions new to the civil legislation of the Republic of Tajikistan: framework, option and subscription contracts, introduced during the large-scale reform of the Civil Code of the Republic of Tajikistan in 2022. Based on doctrinal research, the specifics of these contracts are considered as "instrumental" constructions that allow structuring long-term entrepreneurial relationships. The author examines the mechanisms of "deferred action" of obligations and the legal essence of an irrevocable offer in option agreements. The significance of these innovations for increasing the flexibility and transparency of civil circulation in Tajikistan is substantiated.

Ключевые слова: *Гражданский кодекс РТ 2022, рамочный договор, опцион на заключение договора, абонентский договор, специальные договорные конструкции, организационные обязательства.*

Keywords: *Civil Code of the RT 2022, framework contract, option to conclude a contract, subscription contract, special contractual constructions, organizational obligations*.

Развитие рыночных отношений в Республике Таджикистан требует постоянного совершенствования правовых инструментов, обеспечивающих стабильность и предсказуемость предпринимательского взаимодействия. Принятие нового Гражданского кодекса Республики Таджикистан 24 декабря 2022 года (далее — ГК РТ 2022) ознаменовало новый этап в регулировании обязательственного права. Одной из ключевых инноваций стало легальное закрепление «специальных договорных конструкций», таких как рамочный, опционный и абонентский договоры (статьи 491–494 ГК РТ). Данные институты позволяют сторонам не просто совершать разовые сделки, а формировать гибкие «каркасы» для длительного сотрудничества, что критически важно для современного инвестиционного климата республики.

В современной цивилистической науке специальные договорные конструкции рассматриваются как модели, определяющие общие правила взаимодействия сторон в будущем. Как отмечает А. Н. Левушкин, такие договоры носят «инструментальный» характер. Их основная задача — не немедленное исполнение имущественной обязанности, а создание правовых условий для его осуществления в будущем [6].

В ГК РТ 2022 года эти конструкции вынесены в общие положения о договоре, что подчеркивает их универсальность. Они могут применяться к самым разным видам обязательств: от купли-продажи до оказания сложных интеллектуальных услуг. Основное отличие данных конструкций от классических договоров заключается в их «двухэтапности»: сначала стороны согласовывают общие условия (организационный этап), а затем реализуют их через конкретные сделки (исполнительский этап).

Рамочный договор (договор с открытыми условиями) является наиболее востребованной формой в оптовой торговле и банковской сфере. Статья 494 ГК РТ определяет его как соглашение, устанавливающее общие условия обязательственных отношений сторон, которые впоследствии конкретизируются путем заключения отдельных договоров или подачи заявок.

Ключевой характеристикой рамочного договора является его «неполнота» в момент заключения. Стороны сознательно оставляют открытыми такие условия, как

объем партии товара или точная цена, передавая право их уточнения на будущее. Это позволяет: минимизировать временные затраты на переговоры при каждой новой поставке; сформировать устойчивые логистические цепочки; обеспечить правовую определенность даже в случае, если разовый договор не был подписан, но действия сторон соответствуют «рамке» [8, 35].

Особый интерес в новом законодательстве РТ вызывают нормы об ***опционах.*** Статья 492 ГК РТ разграничивает «опцион на заключение договора» и «опционный договор». В основе этой конструкции лежит идея предоставления одной из сторон исключительного права (секундарного права) решить, будет ли договор исполнен или заключен [7, 6].

- Опцион на заключение договора строится на механизме безотзывной оферты. Одна сторона дает другой право «запустить» действие договора в течение определенного срока простым акцептом.

- **Опционный договор** предполагает, что сам контракт уже заключен, но требование об исполнении обязательств по нему может быть предъявлено одной из сторон только при наступлении определенных обстоятельств или по её усмотрению.

С практической точки зрения, как подчеркивает А. Н. Левушкин, опцион — это способ страхования рисков [6]. В условиях Таджикистана это может найти применение в сфере недропользования или при купле-продаже долей в бизнесе, где покупателю нужно время для проверки актива (due diligence), прежде чем окончательно вступить в сделку.

Абонентский договор (договор с исполнением по требованию) легализует модель отношений, широко применяемую в сервисных индустриях. Согласно ст. 491 ГК РТ, абонент обязуется вносить платежи за право требовать от другой стороны исполнения обязательств в необходимом ему объеме.

Главный доктринальный риск здесь заключается в вопросе: должен ли абонент платить, если он не воспользовался услугой? Новый ГК РТ дает однозначный ответ: обязанность оплаты сохраняется независимо от того, было ли затребовано исполнение, если иное не предусмотрено законом. Это обеспечивает финансовую устойчивость исполнителя, который вынужден постоянно держать ресурсы в готовности для обслуживания абонента.

Сравнивая указанные договорные конструкции, можно выявить их общие черти и сходства. Принятие нового Гражданского кодекса Республики Таджикистан в 2022 году стало отправной точкой для глубокой трансформации обязательственного права. Внедрение в правовое поле специальных договорных конструкций — рамочного, опционного и абонентского договоров (статьи 491–494 ГК РТ) — позволило юридически оформить сложные экономические процессы, которые ранее находились в «серой зоне» непоименованных сделок. Несмотря на то что каждая из этих конструкций преследует свои специфические цели, их объединяет общая организационная природа и инструментальный характер, направленный на структурирование длительных правоотношений.

Общим фундаментом для рассматриваемых договоров является их **организационная направленность**. В отличие от классических договоров купли-продажи или подряда, где обязательство направлено на немедленный обмен благами, специальные конструкции создают «правовую оболочку» для будущего взаимодействия. Как отмечает доктрина, эти договоры обладают «отложенным эффектом»: в момент их подписания реальное имущественное предоставление часто не происходит, а лишь фиксируются условия, при которых оно станет возможным. Это сближает все три модели, делая их незаменимыми инструментами в предпринимательской деятельности, где важна предсказуемость и снижение транзакционных издержек.

Однако при детальном сопоставлении обнаруживаются фундаментальные

различия в механизмах их реализации. **Рамочный договор** (ст. 494 ГК РТ) выступает в роли «договора с открытыми условиями». Его главная задача — зафиксировать общие правила (порядок расчетов, ответственность, арбитраж), оставив конкретику (объем товара, цену партии) для будущих заявок. Здесь исполнение инициируется согласованной волей обеих сторон в рамках уже созданной структуры. В этом смысле рамочный договор — это прежде всего инструмент удобства и процессуальной экономии.

В отличие от него, **опционный механизм** (ст. 492 ГК РТ) строится на логике одностороннего права. Если рамочный договор — это «шаблон», то опцион — это «шанс». Посредством безотзывной оферты одна сторона предоставляет другой исключительное право выбора: заключать основной договор или нет. Здесь проявляется категория «секундарных прав», когда правовое положение одного субъекта полностью зависит от волеизъявления другого. Ключевым отличием опциона является наличие «опционной премии» — платы за само право выбора, которая обычно не возвращается, даже если держатель опциона решит не вступать в сделку.

Абонентский договор (ст. 491 ГК РТ) вносит в это сравнение третий аспект — принцип постоянной готовности. Если опцион дает право *начать* отношения, а рамочный договор — *упростить* их, то абонентский договор гарантирует *доступ* к услугам [6]. Главное отличие здесь кроется в специфике оплаты: абонент платит не за конкретный объем полученного блага, а за право требовать исполнения в любой момент. Риск невостребованности услуги в данном случае ложится на абонента, что является уникальной чертой данной конструкции, резко отличающей её от рамочной модели, где оплата производится только за реальный результат.

Сравнивая волевой компонент, можно заметить восходящую линию зависимости сторон: от партнерского взаимодействия в рамочном договоре до полной зависимости одной стороны от другой в опционе и обязанности платить за «потенциальное» исполнение в абонентском договоре. С точки зрения определенности условий, опцион требует максимальной точности в описании будущего контракта, в то время как рамочный договор, напротив, ценится за свою гибкость и «открытость» условий.

В завершение следует подчеркнуть, что внедрение специальных договорных конструкций в ГК РТ является своевременным и необходимым шагом. Рамочный, опционный и абонентский договоры представляют собой эффективный инструментарий для структурирования современного бизнеса. Они позволяют участникам оборота более гибко распределять риски и планировать долгосрочное развитие. Для студенческой науки и будущих практиков в Таджикистане крайне важно глубокое понимание специфики этих институтов, так как именно они станут основой для оформления крупных инвестиционных и коммерческих проектов в ближайшее десятилетие.

В условиях правовой системы Таджикистана эти три конструкции не исключают, а дополняют друг друга. На практике они часто интегрируются: крупный инвестиционный проект может начинаться с *рамочного соглашения*, содержать в себе *опционы* на выкуп долей и сопровождаться *абонентским договором* на юридическую поддержку. Легализация этих инструментов в ГК РТ 2022 года обеспечила национальный бизнес современным инструментарием, позволяющим эффективно распределять риски и строить долгосрочные стратегии развития в полном соответствии с законом.

В отличие от традиционного подхода, где каждый договор должен быть максимально определенным, новые специальные конструкции РТ допускают «отложенный эффект». Это сближает гражданское право Таджикистана с мировыми коммерческими стандартами (Principles of International Commercial Contracts

UNIDROIT), где гибкость договора ценится выше его формальной завершенности в момент подписания.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 23 ноября 2022 г. под № 915. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.10.2025 г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/https:/ (дата обращения 15.12.2025г.).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996г. № 14-ФЗ (в актуальной редакции) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/https:/ (дата обрашения 15.12.2025г.).
4. Кодиров Ш.К. О значении организационных договоров в гражданском праве // Научно – информационный журнал «Правовая жизнь». - 2024, - № 1 (45). – С. 99-104.
5. Кодиров Ш.К., Имомова, Н.М. Правовая природа рамочного договора: сравнительный анализ законодательства Таджикистана и зарубежных стран // Вестник Таджикского национального университета. – 2025, - №1. - С. 203-210.
6. Левушкин А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 2 (87). — С. 19-26.
7. Лубягина Д. В. Бычков А. И. Опционный договор // Имущественные отношения в РФ. - 2016. - № 1. - С. 67.
8. Маилян Г. Э. Генеральное соглашение об открытии кредитной линии как рамочный (организационный) договор // Юрист. - 2015. - № 13. - С. 34.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Давлатзода Шабнам Шарифхон
Магистрант 1-го года обучения заочного отделения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

CIVIL LAW CHARACTERISTICS OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

Davlatzoda Shabnam Sharifhon
1st year Master's student of the correspondence department of the faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В научной статье исследуется система объектов интеллектуальной собственности и тенденция развития таких объектов в Российской Федерации. Целью исследования является систематизация и*

классификация объектов интеллектуальной собственности, а также необходимость вывести особую дефиницию объектов интеллектуальной собственности, которая будет отражать все необходимые признаки таких объектов.

Annotation. *The scientific article investigates the system of intellectual property objects and the trend of development of such objects in the Russian Federation. The purpose of the study is the systematization and classification of intellectual property objects, as well as the need to derive a special definition of intellectual property objects, which will reflect all the necessary features of such objects.*

Ключевые слова: *объекты интеллектуальной собственности, интеллектуальная собственность, исключительное право, защита в гражданском обороте.*

Key words: *intellectual property objects, intellectual property, exclusive right, protection in civil turnover.*

Обеспечение прав и интересов авторов и правообладателей объектов интеллектуальной деятельности, стимулирование развития экономики и просвещения общества достигается путем формирования сбалансированного правового регулирования объектов интеллектуальной собственности. Гражданское законодательство в сфере интеллектуальной собственности регулирует отношения, возникающие в связи с созданием, использованием и правовой охраной данных объектов, созданных в результате творческой деятельности человека.

В современном обществе объекты интеллектуальной собственности занимают ведущую роль в гражданском обороте. Авторы и правообладатели музыкальных произведений, программ ЭВМ, товарного знака, изобретения и иных объектов интеллектуальной собственности стремятся извлечь максимальную выгоду из их использования.

При этом ввиду особого характера данных объектов законодательством предусмотрен особый порядок их использования, отличный от обычных материальных объектов. Изменение экономических условий в государстве, а именно переход от плановой экономики к рыночной, усиление глобализационных процессов в мире также поспособствовали более чувствительному изменению правовых норм об интеллектуальной собственности.

В международном праве дефиниция интеллектуальной собственность была введена в гражданский оборот в середине XIX века. Особенность международных норм, посвященных объектам интеллектуальной собственности, заключается в том, что данный перечень является открытым.

Законодательная дефиниция объектов интеллектуальной собственности отсутствует в российском законодательстве при этом в статье 1225 ГК РФ содержится перечень объектов интеллектуальной деятельности.

Л.А. Новоселова обращает внимание, что интеллектуальная собственность представляет собой закрытый перечень нематериальных объектов, возникающих в процессе творческой деятельности человека. Такие объекты, имеющие объективную форму, позволяют обеспечить вовлеченность в гражданский оборот посредством установления за правообладателями особой категории субъективных прав [3, 74].

Важно отметить, что интеллектуальная собственность не имеет законодательной дефиниции, а объекты интеллектуальной собственности определяются через закрытый перечень, который время от времени претерпевает изменения.

Общие характеристики объектов интеллектуальной собственности становились предметом дискурса довольно часто. Так, М. А. Рожкова к общим признакам относит их нематериальную природу, допустимость одновременного использования

несколькими самостоятельными субъектами, неспособность к обороту, коммерческую ценности [4, 13].

В. А. Дозорцев к признакам объектов интеллектуальной собственности относит их нематериальный характер, коммерческую ценность, эстетическое или информационное содержание, обособленность от смежных объектов [1, 38-39].

Полагаем, что к общим признакам объектов интеллектуальной собственности следует отнести следующие характеристики:

1) Нематериальный характер. Интеллектуальные права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель. Сам объект неосязаем и не имеет материального носителя, именно поэтому объект интеллектуальной собственности должен быть выражен на материальном носителе. Средства индивидуализации юридических лиц, товаров и услуг создаются для повышения узнаваемости конкретного товара, услуги или юридического лица в гражданском обороте;

2) Объективированное выражение. Объекты интеллектуальной собственности должны иметь объективную форму его выражения. Только при наличии такой объективной формы выражения (письменной, устной) возникает сам объект;

3) Вовлеченность в гражданский оборот. С момента создания результата интеллектуальной деятельности использовать такой объект может только его автор или иной правообладатель. Правообладатель исключительного права вправе передать принадлежащее ему исключительное право другому лицу. Исключительное право включает в себя три правомочия правообладателя: правомочие использования, распоряжения и запрета. Подчеркиваем, что в ряде случаев действующим законодательством установлен запрет на отчуждение исключительного права на охраняемые объекты интеллектуальной собственности. Например, в силу пункта 2 статьи 1474 ГК РФ распоряжение исключительным правом на фирменное наименование запрещается.

4) Охраноспособность. Интеллектуальная собственность имеет закрытый перечень объектов. Только перечисленные в законодательстве объекты интеллектуальной собственности подлежат правовой охране. Так, например, как уже отмечалось, рационализаторские предложения и научные открытия никак не защищаются современным гражданским законодательством в сфере интеллектуальной собственности. Считаем, что к дополнительным признакам объектов интеллектуальной собственности следует отнести:

1) Коммерческая ценность. Данный признак заключается в возможности получать доход или иную выгоду от использования или иного распоряжения такими объектами. Следует отметить, что коммерческая ценность может быть обязательным признаком для объекта интеллектуальной собственности, например, для секрета производства.

2) Неисчерпаемость. Физическая амортизация отсутствует у объектов интеллектуальной собственности. При этом важно учесть, что их нравственное значение для общества может утратиться. Отдельно стоит упомянуть, что некоторые результаты интеллектуальной деятельности, например, такие как произведения искусства (живопись, портреты) могут изнашиваться, однако их ценность в обществе может и повышаться с каждым годом. Например, в Третьяковской галерее хранится произведение живописи «Утро в сосновом лесу» Ивана Шишкина, которое получило общественное признание.

Законодатель не забывает актуализировать перечень объектов интеллектуальной собственности, в 2019 году в него были включены географические указания, которые являются средством индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Отнесение географических указаний к интеллектуальной

собственности поспособствовало узнаваемости бренда в предпринимательской деятельности, что также повышает коммерческую ценность определенного товара.

Для всестороннего изучения объектов интеллектуальной собственности необходимо изучить также их классификацию.

Неоднородный характер объектов интеллектуальной собственности усложняет выработку четко разграниченной классификации интеллектуальной собственности. В научных кругах приводится классификация, которая подразделяет все объекты интеллектуальной собственности на три категории: литературная и художественная собственность; промышленная собственность; нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности. Такое разделение по большей степени является правильным, однако нетрадиционные объекты можно объединить вместе с объектами промышленной собственности в одну группу.

Систематизация объектов интеллектуальной собственности по указанным категориям представляется достаточно логичной, так как регулирование объектов литературной и художественной собственности отличается от регулирования объектов промышленной собственности.

Т.Ф. Тимофеева приводит обширную классификацию объектов интеллектуальной собственности в зависимости от правового регулирования:

- объекты патентного права;
- средства индивидуализации;
- объекты авторского права;
- секрет производства;
- селекционные достижения;
- объекты, охраняемые правом на топологии интегральных микросхем;
- единая технологии [5, 10].

Следует заметить, что «законодательная» классификация подразделяет все объекты интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

В результате проведенного исследования следует указать, что в российском праве на современном этапе его развития установлен закрытый перечень объектов, в то время как в международных нормах перечень интеллектуальной собственности является открытым.

Следовательно, правовое регулирование объектов интеллектуальной собственности в России имеет более «жесткие» рамки защиты таких объектов интеллектуальной собственности. Только те объекты, которые перечислены в ст. 1225 ГК РФ является интеллектуальной собственностью.

Сформированный перечень объектов интеллектуальной собственности содержит в себе 17 поименованных объектов.

Так, проведенное исследование позволяет сформировать следующее понятие объектов интеллектуальной собственности -под которыми следует понимать особые нематериальные блага, которые выражены в письменной или устной форме и созданы в результате «нового» интеллектуального труда. Внедрение объектов интеллектуальной собственности в гражданский оборот осуществляется через предоставление правообладателю «особых» исключительных прав.

Список литературы:

1. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2003. – 416 с.
2. Красавчиков О. А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) II Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. М., 2005. Т. 2. – С. 466.

3. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник I под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. - М.: Статут, 2017. - 512 с.
4. Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты: учебное пособие. - Москва: Проспект, 2014. - 248 с
5. Тимофеева Т. Ф. Защита интеллектуальной собственности и информационная безопасность: учебно-методическое пособие I Т. Ф. Тимофеева. – Чебоксары: ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2023. – 172 с.

СОДЕРЖАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Живанова Фарзона Джумаевна
Магистрант 1-го года обучения заочного отделения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

CONTENT OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

Zhivanova Farzona Dzhumaevna
1st year Master's student of the correspondence department of the faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируется содержание исключительного права с позиции его позитивной и негативной функций. Приводятся доктринальные и авторская позиции.*

Annotation. *The content of an extraordinary law from the position of its positive and negative function is analyzed in the article.*

Ключевые слова: *содержание исключительного права, негативная функция, позитивная функция, использование, распоряжение, запрет.*

Key words: *a content of an extraordinary law, negative function, positive function, using, an order, prohibition.*

В таких международных договорах, как Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года [1], Римская конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 года, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS), в директивах ЕС и ряда иных документов исключительные права раскрываются через разные формулировки, например, «право разрешать» определенные действия, «право разрешать или запрещать» совершение этих действий, «возможность не допускать» их совершения и т.д. [4, 20].

В результате можно сделать вывод о том, что термин «исключительное право» с позиции его закрепления в законе может рассматриваться следующим образом: 1) как возможность субъекта по его усмотрению осуществлять и разрешать использование объекта и 2) запрещать использование объекта интеллектуальной деятельности [5, 52].

В России содержание исключительного права раскрывается в ст. 1229 ГК РФ. Пункт 1 названной статьи состоит из трех абзацев. В содержательном плане первый абзац раскрывает позитивную функцию исключительного права через закрепление общего правила использования результата интеллектуальной собственности, при этом ограничив правообладателя только внешними пределами такого использования: правообладатель вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Данный абзац был дополнен также правомочием распоряжения исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, если иное не предусмотрено ГК РФ.

Абзац второй закрепил негативную функцию исключительного права, прямо указав на правомочие правообладателя по своему усмотрению разрешать или запрещать иным лицам использовать принадлежащий ему результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Примечательно, что абзац содержит прямое указание на то, что отсутствие запрета не считается согласием или разрешением на использование объекта.

В третьем абзаце пункта 1 ст. 1229 ГК РФ содержится общий запрет, который обращен непосредственно ко всем третьим лицам (что также представляет собой негативную функцию исключительного права): другие лица не вправе использовать объект интеллектуальной собственности без согласия на то правообладателя. Исключение составляют случаи, прямо указанные в законе. Кроме того, в данном же абзаце в обще виде установлены последствия несоблюдения данного требования: использование объекта без согласия правообладателя (кроме случаев, установленных законом) расценивается как незаконное и влечет за собой ответственность, предусмотренную ГК РФ и иными законами [6, 17].

Исходя из вышеизложенного, казалось бы, можно сделать вывод о том, что законодатель вполне четко определил две функции исключительного права, а именно негативную и позитивную. Более того, налицо традиционное для российского законодательства выделение позитивной и негативной сторон содержания исключительного права. И именно такой подход к содержанию исключительного права, по нашему мнению, представляется правильным. Такую же точку зрения поддерживают многие ученые. В частности, опираясь на труды А.П. Сергеева, А.П. Рабец приходит к выводу о том, что «в настоящее время негативная и позитивная функции исключительного права имеют одинаково важное значение» [7, 16].

Однако на доктринальном уровне высказаны на этот счет прямо противоположные точки зрения. Так, по мнению большинства ученых, существует исключительно позитивная функция исключительного права, которая дополнена правомочием распоряжения. Такой позиции придерживаются, в частности, И.А. Близнец и К.Б. Леонтьев [5, 56], О Ф. Ономриенко [1, 12]. К сожалению, непонятно, почему в своей аргументации указанные обращаются к абзацу первому пункта 1 ст. 1229 ГК РФ, при этом полностью игнорируя положения второго и третьего абзацев названной нормы. В основе их рассуждении лежит идея В.А. Дозорцева о том, что право использования состоит именно в возможности правообладателя монопольно совершать действия в отношении соответствующего объекта интеллектуальной собственности с одновременным запретом третьим лицам использовать такой объект без его разрешения [3, 48].

В дальнейшем эта идея не получила развития, не была предложена редакция соответствующей нормы, которая бы одновременно включала бы в право использования право запрета.

Прямо противоположную позицию занимает М.В. Лабзин. По его утверждению, «... взгляд на исключительное право, как на позитивную возможность единоличного использования не способен объяснить множество явлений и быть основой для

верного разрешения некоторых споров.» [4, 22]. По сути, данное замечание можно было бы признать абсолютно верным, если бы автор отводил негативной функции исключительного права не слишком преувеличенное значение. М.В. Лабзин исходит из главенствующей роли негативной функции исключительного права; по его мнению, именно воздержание третьих лиц от использования объекта интеллектуальной собственности составляет ценность исключительного права, а задача государства в этом случае состоит в законодательном обеспечении такого воздержания [4, 25].

В свою очередь, ссылаясь исключительно на пункт 1 ст. 1229 ГК РФ, Е. Дедков указывает на отсутствие воплощения позитивной функции в нормах ГК РФ. По его словам, правомочие запрещения нарушения исключительного права обозначена в числе правомочий правообладателя [9, 89]. Развивая данную мысль, автор при этом допускает иную крайность: «... сущность исключительного права состоит в праве требования к любому лицу прекратить использование объекта интеллектуальной собственности без согласия правообладателя и воздерживаться от такого неправомерного использования в будущем.» [2, 36].

Однако следует упомянуть, что концепция совокупности позитивной и негативной функции исключительного права исторически сложилась в правовом регулировании соответствующих отношений в России. Вместе с тем ряд авторов считает, что одна или другая функции исключительного права имеют определенный перевес или, другими словами, больше значимости.

Более того, концепция позитивной и негативной функции исключительного права в некоторых трудах подвергается критике. Например, по утверждению Р. Мерзликиной, основными функциями права интеллектуальной собственности выступает охранительная и регулятивная, которые основаны на общих дозволениях и запретах. Причем автор в большей степени критикует именно право запрета, т.е. негативную функцию исключительного права: «Запрещать использование результата интеллектуальной деятельности — это не правомочие, входящее в состав исключительного права. Это один из способов обеспечения иска по делам о нарушении и защите исключительных прав» [5, 52].

Однако такое понимание негативной функции, по нашему мнению, представляется неправильным, поскольку запрет нарушения исключительного права в силу закона является самостоятельным способом защиты гражданских прав, включая и исключительное право. В соответствии со ст. 12 и ст. 1252 ГК РФ запрет рассматривается через «пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения», другими словами, запрет направлен на пресечение уже совершившегося правонарушения или же на пресечение правонарушения в будущем. В этой связи можно сделать вывод о том, что запрет выступает в качестве формы реализации негативной функции исключительного права.

Примечательно, что общий запрет совершения правонарушения в сфере исключительных прав закреплен в пункте 1 ст. 1229 ГК РФ: третьи лица не вправе использовать объект интеллектуальной собственности без разрешения на то правообладателя, кроме случаев, указанных в законе. При этом здесь же наравне с указанным общим запретом предусмотрен конкретный (персональный) запрет: правообладатель вправе по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование принадлежащего ему объекта.

Считаем, что в содержании исключительного права не может иметь большую или меньшую значимость та или иная ее функции, поскольку позитивная функция получила свое обоснование как легальная монополия, именно через данную функцию проявляется публично-правовой аспект исключительного права. В свою очередь негативная функция исключительного права отражает прежде всего гражданско-правовой аспект. И та, и другая функция имеют одинаково важное значение, выделение одной из них может привести к дисбалансу прав как правообладателей,

так и третьих лиц. Кроме того, каждая из указанных функций представляет одинаковый интерес для самого правообладателя несмотря на то, что они играют различную роль. Именно в этом должна заключаться концепция единства позитивной и негативной функций исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что содержанию исключительного права на объекты интеллектуальной собственности присущи две равнозначные функции: позитивная функция (правомочие использования и распоряжения) и негативная функция (правомочие запрещать использовать соответствующий объект всем третьим лицам).

Список литературы:

1. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права: Учебник / Под ред. И.А. Близнеца. М.: Проспект, 2010. – 320 с.
2. Дедков Е. Пресечение и запрещение нарушения исключительного права // Хозяйство и право. – 2011. – № 2. – С. 36-42.
3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей / Исследовательский центр частного права. М.: Статут, 2005. – 416 с.
4. Лабзин М.В. Право запрещать как юридическое содержание исключительного права // Патенты и лицензии. – 2009. – № 7. – С. 20-26.
5. Мерзликина Р. Современное состояние права интеллектуальной собственности в системе российского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2006. – № 5. – С. 51-55.
6. Оноприенко О.Ф. Интеллектуальные права на селекционные достижения в России // Патенты и лицензии. – 2010. – № 3. – С. 15-25.
7. Рабец А.П. Правовая охрана товарных знаков в России: современное состояние и перспектива. – СПб.: Статут, 2003. – 210 с.

ПРОБЛЕМЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ НА ОБЪЕКТЫ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ

Каххорова Мадина Сухробовна
Магистрант 1-го года обучения заочного отделения
факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

THE PROBLEMS OF THE DISPOSAL OF THE EXCLUSIVE RIGHTS TO THE PATENT RIGHTS OBJECTS

Kakhhorova Madina Sukhrobovna
1st year Master's student of the correspondence department of the faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируются существующие проблемы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав. Выявлены наиболее значительные пробелы в правовом регулировании распоряжения*

исключительными правами на объекты патентных прав, предложены возможные пути их устранения.

Annotation. *The article analyzes the current problems of the disposal of the exclusive rights to the patent rights objects. The author identifies the most significant gaps in legal regulation of the disposal of the exclusive rights to the patent rights objects and suggests the possible ways of resolving these deficiencies.*

Ключевые слова: *распоряжение исключительными правами, объекты патентных прав, проблемы правового регулирования, договор, государственная регистрация.*

Keywords: *disposal of the exclusive rights, patent rights objects, problems of legal regulation, agreement, state registration.*

В настоящее время проблематика в области правового регулирования распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав не только не теряет своей актуальности, а, напротив, становится все более значимой. Данной области свойственны те же тенденции, которые присущи праву интеллектуальной собственности в целом. Нередко проблемы в области распоряжения исключительными правами являются следствием того, что более 70 % инновационных фирм получают патенты с единственной целью - блокировать бизнес своих конкурентов [1, 16].

Близнец И.А., сравнивая исключительные права на объекты патентных прав с правом на земельный участок, констатировал: «Общее количество земли ограничено. Ее использование одним индивидом ограничивает возможности других по использованию. Иными словами, мои соседи потеряют нечто от моего использования, а я потеряю нечто, если откажусь от своего права. В случае с патентоохраняемыми объектами, напротив, использование мною конкретного объекта не снизит возможностей использования этого же объекта моим соседом» [1, 110].

Следует отметить, что правовое регулирование договорных способов распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав в Российской Федерации не отличается единообразием в части обязательной государственной регистрации распоряжения.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 1232, п. 2 ст. 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), государственной регистрации подлежит предоставление права использования объектом патентных прав по лицензионному договору; п. 3 ст. 1232, п. 2 ст. 1234 ГК РФ - отчуждение исключительного права на объекты патентных прав по договору; п. 2 ст. 1028 [4], п. 3 ст. 1232 ГК РФ - предоставление права использования комплекса исключительных прав по договору коммерческой концессии; п. 3 ст. 1232, п. 2 ст. 1369 ГК РФ - залог исключительных прав на объект патентных прав.

В то же время к договорным способам распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав относится также распоряжение исключительным правом по договору доверительного управления. При этом передача исключительных прав на объекты патентных прав по договору доверительного управления в настоящее время не подлежит государственной регистрации.

Таким образом, налицо отсутствие единообразия в правовом регулировании распоряжения исключительными правами в части государственной регистрации такого распоряжения.

В целях совершенствования законодательства представляется целесообразным предусмотреть обязательную государственную регистрацию передачи исключительных прав в доверительное управление в случаях, когда результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации подлежит в соответствии с ГК РФ государственной регистрации.

В настоящее время законодатель, несмотря на то что с 1 октября 2014 г. осуществляется государственная регистрация распоряжения исключительным правом на объекты патентных прав, а не договоров, оставил без изменений наименование ст. 1028 ГК «Форма и регистрация договора коммерческой концессии». В целях исправления указанного недостатка представляется целесообразным исключить из наименования ст. 1028 ГК РФ слова «...и регистрация».

Также в настоящее время законодатель в качестве обязательного элемента договора коммерческой концессии указывает наличие предоставления по договору в составе комплекса исключительных прав права на товарный знак, знак обслуживания (п. 1 ст. 1027 ГК РФ).

Вместе с тем нередко правоведы указывают, что договор коммерческой концессии в настоящее время незначительно отличается от комплекса лицензионных договоров, хотя при этом договор коммерческой концессии продолжает оставаться самостоятельным видом договора [3, 261].

Представляется разумным установить возможность предоставления права на использование только коммерческого обозначения в качестве средства индивидуализации. Реализация этого предложения позволит расширить сферу применения договора коммерческой концессии на территории, на которой товарный знак не зарегистрирован или не может быть зарегистрирован.

Также с введением в действие изменений в п. 1 ст. 1027 ГК РФ согласно Федеральному закону от 18.12.2006 г. «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» № 231-ФЗ возникли вопросы к порядку предоставления права использования товарного знака и знака обслуживания по договору коммерческой концессии. В частности, в новой редакции ст. 1027 ГК РФ указание исключительных прав на товарный знак и знак обслуживания произведено через запятую, а не через разделительный союз «или». Представляется, однако, что одновременное предоставление правообладателем пользователю исключительных прав на товарный знак и знак обслуживания не требуется [4, 134]. Системное толкование действующих положений гл. 54 ГК РФ позволяет утверждать, что необходимым и достаточным для договора коммерческой концессии является присутствие в составе комплекса любого из указанных средств индивидуализации товаров (работ, услуг) правообладателя.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным изложить п. 1 ст. 1027 ГК РФ в следующей редакции: «По договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) или действующий в интересах правообладателя доверительный управляющий обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак (знак обслуживания) или на коммерческое обозначение, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав».

Также в соответствии с п. 2 ст. 1365 ГК РФ отчуждение исключительного права на промышленный образец не допускается, если оно может явиться причиной введения потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя. Вместе с тем в соответствии с п. 3 ст. 358.18 ГК РФ к договору залога исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации применяются общие положения о залоге.

Таким образом, возможны случаи, когда исключительное право на промышленный образец невозможно было бы передать по договору об отчуждении исключительного права (на промышленный образец или товарный знак), поскольку такое отчуждение может явиться причиной введения потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя (п. 2 ст. 1365, п. 2 ст. 1488 ГК РФ). Однако

в случае обращения взыскания на предмет залога такое исключительное право может быть передано стороне, выступающей в договоре залога в качестве залогодержателя.

В целях устранения указанной ситуации целесообразно дополнить ст. 358.18 ГК РФ п. 3.1 в следующей редакции: «3.1. Залог исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) или на промышленный образец допускается при условии соблюдения правил, предусмотренных пунктом 2 статьи 1365 ГК РФ, пунктом 2 статьи 1488 ГК РФ».

Таким образом, устранить проблемы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав представляется возможным посредством внесения изменений в нормы действующего российского законодательства.

Список литературы:

1. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права: Учебник / Под ред. И.А. Близнеца. – М.: Проспект, 2010. – 320 с.
2. Бондаренко Д.П. Правовое регулирование договора коммерческой концессии в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. 150 с.
3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей / Исследовательский центр частного права. – М.: Статут, 2005. – 416 с.
4. Тлявгулов Г.Р. Понятие распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 12. – С. 134-145.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Кодиров Шодмон Кодирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734000, Республика Таджикистан, г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30
e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Мусоев Мухибджон Максудович
магистрант 2-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

THE LEGAL NATURE AND ESSENCE OF ORGANIZATIONAL AGREEMENTS IN THE CIVIL LAW OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Kodirov Shodmon Kodirovich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Musoev Mukhibjon Maksudovich
2nd year master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursundaze str., 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа и значение организационных договоров в гражданском праве Республики Таджикистан. Анализируются существующие в Гражданском кодексе РТ конструкции, обладающие признаками организационных соглашений, такие как предварительный договор, договор простого товарищества и договор об организации перевозок. Автор обосновывает необходимость более четкого законодательного регулирования организационных отношений для повышения эффективности предпринимательской деятельности и укрепления стабильности гражданского оборота в условиях современной экономики.*

Annotation. *The article examines the legal nature and significance of organizational contracts in the civil law of the Republic of Tajikistan. The constructions existing in the Civil Code of the RT that have the features of organizational agreements, such as a preliminary contract, a simple partnership agreement and an agreement on the organization of transportation, are analyzed. The author substantiates the need for clearer legislative regulation of organizational relations to increase the efficiency of entrepreneurial activity and strengthen the stability of civil circulation in the modern economy.*

Ключевые слова: *организационный договор; организационные отношения; Гражданский кодекс Республики Таджикистан; предварительный договор; договор об организации перевозок; гражданское право.*

Key words: *organizational contract; organizational relations; Civil Code of the Republic of Tajikistan; preliminary contract; contract on the organization of transportation; civil law.*

В современной юридической науке и практике всё большее значение приобретают соглашения, которые напрямую не регулируют переход имущества или оказание услуг, а создают правовой фундамент для будущего взаимодействия сторон. Такие соглашения принято называть организационными договорами. Несмотря на то, что Гражданский кодекс Республики Таджикистан (далее — ГК РТ) не содержит единой дефиниции «организационного договора», практика его применения в различных сферах гражданского оборота становится всё более интенсивной [9, 100].

Вопрос об организационных отношениях в гражданском праве был поднят еще в советский период О.А. Красавчиковым, который выделил организационные начала в качестве самостоятельного элемента гражданско-правового регулирования. Суть организационного правоотношения заключается в его «обслуживающем» характере: оно не является самоцелью, а служит условием для возникновения или упорядочивания имущественных отношений в будущем [11].

В законодательстве Республики Таджикистан можно выделить несколько ключевых договорных конструкций, которые по своей природе являются организационными:

1. Рамочный договор (ст. 494 ГК РТ). Согласно новой редакции кодекса, рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается соглашение, определяющее общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы в будущем. Это революционная норма для таджикского бизнеса. Ранее предприниматели вынуждены были каждый раз согласовывать все существенные условия, теперь же они могут заключить один «базовый» договор на годы вперед, а детали (количество товара, цена партии) уточнять через простые заявки. Статья 494 прямо указывает, что к отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, применяются общие условия рамочного договора.

2. Опцион и договор опциона (ст. 492 ГК РТ). Введение статьи об опционах — это ответ на запросы современного финансового и инвестиционного рынка Таджикистана. Опцион на заключение договора позволяет одной стороне

предоставить другой право заключить один или несколько договоров в будущем путем акцепта безотзывной оферты. Это дает инвесторам гибкость: они могут «забронировать» право на сделку, выплатив за это опционную премию. Для студенческой науки важно понимать различие: опцион — это право, а не обязанность для одной из сторон, что радикально отличает его от предварительного договора.

3. Предварительный договор (ст. 493 ГК РТ). В новом кодексе предварительный договор сохранил свою значимость, но получил более четкую регламентацию. По нему стороны обязуются заключить в будущем основной договор на условиях, предусмотренных предварительным. В отличие от рамочного договора, предварительный всегда направлен на заключение *одной конкретной* сделки.

4. Абонентский договор (ст. 491 ГК РТ). Это еще одна организационная конструкция, появившаяся в ГК РТ 2022. Он предусматривает право стороны требовать исполнения от другой стороны в любое время в течение срока действия договора за определенную плату. Это крайне актуально для сферы ИТ-услуг, юридического сопровождения и фитнес-индустрии республики.

5. Договор об организации перевозок (ст. 817 ГК РТ). При необходимости осуществления систематических перевозок грузов отправитель и перевозчик могут заключать долгосрочные договоры об организации перевозок. В них определяются объемы, сроки и условия предоставления транспортных средств, что прямо соответствует признакам организации длительных правовых связей.

6. Договор простого товарищества (Глава 51 ГК РТ). Данное соглашение направлено на организацию совместной деятельности сторон без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной цели.

Легализация данных институтов в 2022 году решила многолетнюю проблему неопределенности. Теперь суды Таджикистана имеют четкое основание для защиты прав сторон в сложных организационных связях. Это особенно важно для привлечения иностранных инвестиций, так как международный бизнес привык работать через рамочные соглашения и опционы [9].

С точки зрения юридической техники, ГК РТ 2022 стал гораздо ближе к современным мировым стандартам (включая опыт РФ и европейских стран), сохранив при этом национальную специфику. Организационные договоры теперь не воспринимаются как «второстепенные» — они признаны полноценным инструментом управления рисками.

Среди ученых-цивилистов ведутся дискуссии о том, является ли организационный договор самостоятельным видом договора или это лишь «договорная конструкция». Большинство исследователей склоняются к тому, что это полноценный гражданско-правовой договор, имеющий свои существенные условия, предмет и механизм защиты прав сторон. Для Республики Таджикистан признание организационного договора на уровне доктрины и судебной практики имеет стратегическое значение. Это позволяет усилить организованность субъектов хозяйствования и обеспечить правовую защиту на стадии подготовки к крупным инвестиционным проектам [12].

Основной целью организационного договора является разработка условий для длительного и предсказуемого партнерства. В условиях развития цифровой экономики и электронной торговли в Таджикистане роль таких договоров будет только расти. Например, при создании цифровых платформ участникам необходимо заранее согласовать организационные правила взаимодействия, которые не всегда укладываются в рамки классической купли-продажи или найма.

Таким образом, исследование правовой природы организационных соглашений в новом ГК РТ 2022 показывает, что законодатель пошел по пути признания автономии воли сторон и гибкости гражданского оборота. Статьи 491–494 Кодекса создают прочный фундамент для развития сложных экономических отношений [10].

Для нас, магистрантов, изучение этих новелл открывает новые горизонты в понимании того, как право может не просто регулировать обмен благами, но и эффективно конструировать будущее партнерство.

Для более глубокого понимания природы организационных соглашений в правовой системе Республики Таджикистан необходимо обратиться к их классификации. В доктрине гражданского права принято выделять несколько критериев разграничения таких договоров.

Во-первых, по сфере применения организационные договоры делятся на:

- Предпринимательские (например, межбанковские соглашения, договоры об организации перевозок);
- Непредпринимательские (предварительный договор между физическими лицами о купле-продаже жилья).

Во-вторых, по функциональному назначению можно выделить:

- Подготовительные договоры — направлены на создание условий для заключения одного конкретного договора (предварительный договор).
- Рамочные договоры — устанавливают общие условия для множества будущих сделок, которые будут заключаться в течение длительного периода [13].

Для таджикской правовой науки особенно важно разграничивать «организационный договор» и «имущественный договор». Если в имущественном договоре главным является *результат* (передача вещи), то в организационном — *процесс* согласования воли сторон и создание процедурных рамок. Это подтверждает тезис о том, что организационный договор является самостоятельной правовой категорией, требующей автономного регулирования в ГК РТ.

Изучение зарубежного опыта позволяет оценить значимость проведенной в Таджикистане реформы и определить дальнейшие пути совершенствования правоприменительной практики.

Опыт Российской Федерации. ГК РФ в 2015 году прошел этап масштабной реформы, став одним из первых на постсоветском пространстве, где были легализованы рамочные (ст. 429.1) и опционные (ст. 429.2) соглашения. Для Республики Таджикистан российский опыт послужил важным ориентиром. В новом ГК РТ 2022 года мы видим схожий подход к структурированию организационных норм (статьи 492 и 494), что свидетельствует о формировании единого правового пространства в рамках СНГ и готовности таджикского законодательства к поддержке сложных трансграничных инвестиционных проектов.

Опыт Республики Казахстан. Гражданское законодательство Казахстана также основывается на принципах Модельного кодекса стран СНГ. Однако казахстанская практика интересна тем, что на уровне нормативных постановлений Верховного Суда там более детально проработаны вопросы защиты «добросовестного ожидания» (legitimate expectations) сторон [14]. Таджикскому правосудию, после внедрения новых норм об организационных договорах в 2022 году, предстоит пройти аналогичный путь формирования устойчивой судебной практики, которая бы защищала права стороны, рассчитывающей на заключение основного договора.

Опыт стран континентальной Европы (на примере Германии). В германском гражданском праве (BGB) концепция организационных договоров неразрывно связана с институтом *culpa in contrahendo* (ответственность за вину при ведении переговоров) [6]. В отличие от прежних редакций кодекса, новый ГК РТ 2022 года значительно приблизился к европейским стандартам. Внедрение четких правил о рамочных и предварительных договорах позволяет обеспечить защиту участников гражданского оборота еще до момента реального исполнения имущественных обязательств. Это создает высокий уровень предсказуемости, характерный для развитых правовых систем.

Сравнительный анализ показывает, что с принятием Гражданского кодекса в новой редакции Республика Таджикистан совершила качественный переход. Если ранее организационные элементы присутствовали в праве фрагментарно (преимущественно в виде предварительного договора), то с 1 июля 2023 года в стране сформирована современная системная «надстройка». Введение институтов рамочного договора, опциона и абонентского договора ставит таджикское законодательство в один ряд с наиболее прогрессивными правовыми системами мира, создавая надежную правовую основу для развития рыночной экономики.

Актуальность темы исследования возрастает в связи с реализацией «Концепции цифровой экономики в Республике Таджикистан». Появление электронных торговых площадок и маркетплейсов порождает потребность в новых типах организационных соглашений — *пользовательских соглашениях* и *соглашениях об информационном взаимодействии*.

В таких договорах отсутствует элемент классической купли-продажи со стороны самой платформы, но детально прописывается организационный механизм: Порядок регистрации и верификации участников; Правила разрешения споров между пользователями; Организация системы электронных платежей.

Исследовательский взгляд на эту проблему позволяет сделать вывод, что организационный договор становится фундаментом для всей цифровой инфраструктуры страны. Без четкого понимания правовой природы таких соглашений невозможно обеспечить безопасность и стабильность электронной коммерции в республике.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 23 ноября 2022 г. под № 915. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0.// М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (дата обращения: 07.10.2025 г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/https:/ (дата обрашения 15.12.2025г.).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996г. № 14-ФЗ (в актуальной редакции) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/https:/ (дата обрашения 15.12.2025г.).
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право // М.: Статут, 2020. – 847 с.
5. Гражданское право: учебник: в 4-х Т. 4: Обязательственное право / В.В. Витрянский В.С. Ем, И.А. Зенин и др.; под ред. Е.А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер, 2008. – 800 с.
6. Жужжалов М. Б. Учение Р. Фон Иеринга о преддоговорной ответственности: влияние на современность и возможности по применению в будущем (комментарий к русско-му переводу работы «Culpa in contrahendo, или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров») // Вестник гражданского права. – 2013. - №3. – С. 267-311.
7. Иеринг Р. culpa in contrahendo, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. - 2013. - № 3. – С. 190-266.
8. Кодиров Ш.К. К вопросу о некоторых правовых проблемах заключения гражданско-правовых договоров посредством сети Интернет // Юридический вестник (научный журнал). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №2 (2). – С.55-59.
9. Кодиров Ш.К. О значении организационных договоров в гражданском праве //

Научно – информационный журнал «Правовая жизнь». - 2024, - № 1 (45). – С. 99-104.
10. Кодиров Ш.К., Имомова, Н.М. Правовая природа рамочного договора: сравнительный анализ законодательства Таджикистана и зарубежных стран // Вестник Таджикского национального университета. – 2025, - №1. - С. 203-210.
11. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. – 1966. – № 10: Антология уральской цивилистики. – Москва: Статут, 2001. – С. 156–165.
12. Подузова Е. Б. Организационный договор в современном гражданском праве и законодательстве // Гражданское право. — 2013. — № 3. — С. 13-16.
13. Сафонова Е. Ю. Место и роль организационных договоров в системе гражданско-правовых договоров // Юридическая наука. — 2012. — № 3. — С. 50-53.
14. Сулейменов М.К. Преддоговорные отношения // Вестник Института законодательства РК. – 2018. - №4 (53). - С 50-64.

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РФ

Коршунов Олег Николаевич
студент 4 курса очного обучения юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) Университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсундазе, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Рахматова Наталья Владимировна
старший преподаватель кафедры гражданского права
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсундазе, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

MARRIAGE CONTRACT IN THE FAMILY LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Korshunov Oleg Nikolaevich
4th year full-time student, Civil Law profile, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Mirzo Tursundaze, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Rakhmatova Natalia Vladimirovna
Senior lecturer of civil law, faculty of law Russian-Tajik (Slavonic) University, 734025,
Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. Mirzo Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *Актуальность данной научной работы заключается в первую очередь в эволюции семейных правоотношений. Так как сейчас семья является оплотом морали и ценности социальной жизни, семейные правоотношения стоят на первом месте. Семейное законодательство в равной степени эволюционирует с отношениями в семье в целом. Рассмотрение темы прав супругов на общее имущество в реалиях нашего общества очень важно для социального развития граждан Российской Федерации. Ведь споры по поводу раздела имущества после развода зачастую делают из некогда счастливой супружеской пары заклятых врагов. Законодательное регулирование правоотношений в сфере имущественных*

интересов супружеских пар разнообразно, но, как и в любых правовых институтах существуют пробелы, которые можно урегулировать либо аналогией права, либо созданием судебного прецедента, что в рамках российского правового поля случается крайне редко. Как известно, в семейном законодательстве Российской Федерации существует два режима правоотношений между супругами — это законный и договорной режим. Права пользования, распоряжения и владения общей собственностью супругов регулируются нормами семейного и гражданского права. Договорным режимом является двухстороннее соглашение между мужем и женой, где предусмотрены их права и обязанности в отношении общего имущества и ряд условий пользования им.

Annotation. *The relevance of this research lies primarily in the evolution of family legal relations. Since the family is currently a bastion of morality and social value, family legal relations are of paramount importance. Family legislation evolves in tandem with family relationships as a whole. Examining the issue of spouses' rights to common property in the context of our society is very important for the social development of citizens of the Russian Federation. Disputes over the division of property after divorce often turn once-happy couples into bitter enemies. The legislative regulation of legal relations in the sphere of the property interests of married couples is diverse, but, as in any legal institution, there are gaps. These can be addressed either by analogy of law or by the creation of judicial precedent, which happens extremely rarely within the Russian legal system. As is known, the family legislation of the Russian Federation provides for two regimes of legal relations between spouses: the legal regime and the contractual regime. The rights of use, disposition, and ownership of the common property of spouses are regulated by the norms of family and civil law. The contractual regime is a bilateral agreement between husband and wife that stipulates their rights and obligations with respect to common property and a number of conditions for its use.*

Ключевые слова: *Супруги, имущество, имущественные права, обязанности сторон, режим собственности, совместное имущество, раздельное имущество, условия договора, нотариальное удостоверение, расторжение договора, семейное право, защита интересов супругов.*

Keywords*: Spouses, property, property rights, obligations of the parties, property regime, joint property, separate property, contract terms, notarization, contract termination, family law, protection of spouses' interests.*

Определяя супругов как участников имущественного правоотношения, необходимо исходить, прежде всего, от режима их совместной собственности. При этом данный режим различается в зависимости от того, лежит ли в основе имущественных взаимоотношений между супругами закон или договор.

До принятия первой части Гражданского кодекса РФ имущественные отношения между супругами строились исключительно на основе императивных норм брачно-семейного законодательства. В силу этого супруги, даже желая изменить отношения собственности по поводу определенного имущества, не могли это, к сожалению, сделать. Только новый Гражданский кодекс Российской Федерации предусмотрел, что имущество, нажитое супругами во время брака, может и не находится в их общей совместной собственности в случае, если договором между ними установлен иной режим этого имущества [1, 8].

Кроме того, ГК предусмотрел диспозитивность ряда норм по поводу регулирования общей собственности супругов в договорном режиме. В силу российского семейного законодательства брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и при его расторжении.

Целью брачного договора является предоставление супругам или лицам,

вступающим в брак, широких возможностей отступления от режима совместной собственности, установленного статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации в качестве законного режима имущества супругов. Брачным договором супруги вправе устанавливать режим совместной, а также долевой или раздельной собственности на все принадлежащее им имущество, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов. В силу этого брачный договор по российскому законодательству можно без всяких оговорок охарактеризовать как разновидность гражданско-правового договора, в связи, с чем на него распространяются общие положения об обязательствах, о сделках Гражданского кодекса Российской Федерации. Необходимо отметить, что брачный договор представляет собой сложный правовой состав, содержащий в себе признаки многих правовых институтов. В брачном договоре могут быть схожие условия с договором дарения, мены, безвозмездного пользования.

Что касается определения брачного договора с точки зрения классификации сделок, то по российскому законодательству брачный договор можно отнести к:

- двусторонним сделкам;
- консенсуальным сделкам, то есть сделкам, действительность которых достаточно достижения соглашения сторон;
- казуальным сделкам, то есть сделкам, действительность которых прямо зависит от наличия основания;
- бессрочным сделкам. Заключение брачного договора на срок, не регламентируется законодательством, но и не противоречит ему. В Российской Федерации брачный договор может также быть и условной сделкой в случае, если он заключен между лицами, еще не находящимся в браке [2,104].

Под содержанием брачного договора понимаются права и обязанности супругов. В брачном договоре супруги вправе определить самые различные аспекты имущественных отношений, а именно:

1) свои права и обязанности по взаимному содержанию, которые могут ограничиваться определенными сроками либо ставиться в зависимость от наступления или не наступления определенных условий, связанных, например, с фактом рождения ребенка, с продолжительностью пребывания в браке и др.;

2) способы участия в доходах друг друга:

- в денежной и натуральной форме заработная плата супругов;
- в денежной и натуральной форме дополнительные вознаграждения супругов;
- прибыль от занятия предпринимательской деятельностью;
- прибыль по акциям супругов; - прибыль от участия в управлении собственностью организаций и граждан;
- прибыль от использования имущества или земельного участка [3,136]. Супруги вправе избрать любой способ разделения своей прибыли. Доходы могут быть, как и раздельные, так и совместные, так же предусматривается разделение супругов на доли [4, 85];

3) порядок и размер нанесения каждым из супругов семейных расходов, как текущих, так и целевых [5, 16].

В качестве текущих расходов законодательством признаются те расходы, связанные в первую очередь с оплатой жилищно-коммунальных услуг, электричества, телефонной связи и так далее. Законодательство предусмотрело и понятие для целевых расходов. Целевые расходы — это расходы на семейный отдых, поддержание надлежащего состояния дома, квартиры или дачи и другое. Такие расходы могут распределиться между супругами, но в большинстве случаев, такие расходы покрываются одним из супругов.

4) имущество, которое будет передано каждому из супругов в случае расторжения законного брака. Такое имущество может быть перечисленной в

брачном договоре. Права на имущество пережившего супруга могут быть предусмотрены брачным договором только в части, не противоречащей гражданскому законодательству, в части наследования данного имущества [6, 222].

5) в брачный договор также включаются иные положения, не противоречащие законодательству, где супруги могут включать дополнительные условия действия брачного договора. Сторонами брачного договора могут быть лица, как вступившие в законный брак, так и вступающие. Лица, вступающие в законный брак, должны быть полностью дееспособные и достигшие брачного возраста, в России этот возраст составляет 18 лет.

Однако прямая зависимость брачного договора от факта существования брака или намерения оформить его, означает, что лица, не достигшие брачного возраста, получившие разрешение органа местного самоуправления на вступление в брак, могут заключить брачный договор до момента регистрации брака с письменного согласия своих родителей или попечителей. Несовершеннолетние лица, вступившие в законный брак с разрешения органов местного самоуправления, приобретают гражданскую дееспособность в полном объеме [7, 36] и потому вправе заключить брачный договор самостоятельно.

Эмансипированные несовершеннолетние лица вправе самостоятельно заключить брачный договор до вступления в законный брак, поскольку с момента обретения полной дееспособности, они становятся полноценными субъектами правоотношений, регулирующих заключение брачного договора. [7,36-37].

Предметом брачного договора моет быть только имущество, в том числе имущественные права. Не могут быть предметом брачного договора личные неимущественные отношения супругов. Брачным договором супруги вправе изменить установленный для них законом режим совместной собственности и установить иной режим [8]. При этом возможны следующие варианты:

1) договорной режим права собственности на имущество супругов. Его можно применить не ко всему нажитому в браке имуществу, а только к его отдельным видам (к примеру, только к недвижимости или ценным бумагам) или установить неравенство долей супругов при разделе общего имущества и др. [9, 39];

2) долевой режим права собственности на имущество супругов. Этот режим основан на соответствующих положениях гражданского законодательства [7, 40]. Он позволяет учесть размер вклада денежными средствами и личным трудом каждого супруга в приобретении имущества и распространяется лишь на определенные предметы, являющиеся частью общего имущества супругов. В брачном договоре следует определить конкретное имущество, к которому будет применяться именно этот режим права собственности, и устанавливать критерии определения долей каждого из супругов в праве долевой собственности;

3) раздельный режим права собственности на имущество супругов. Этот режим может быть распространен только на регистрируемое имущество, приобретенное в браке каждым из супругов. Супруг, который приобрел это имущество, вправе владеть, пользоваться и распоряжаться им по собственному усмотрению.

К регистрируемому имуществу относятся недвижимость, транспортные средства, ценные бумаги и акции. Брачный договор может быть заключен в отношении как имеющегося, так и будущего имущества супругов. Потому что оно может увеличиваться, становится более ценным, особенно когда речь идет о доходах, банковских процентах и др. В ином случае на имущество, которое приобреталось бы супругами после заключения брачного договора, автоматически распространялся не договорной, а законный режим совместной собственности супругов. Как уже упоминалось ранее, что брачный договор является бессрочным договором, но законодательство все равно предусмотрело как одно из условий срок действия этого договора [10, 317].

Брачный договор может быть заключен на определенный срок и без указания срока. Срок действия такого договора может быть так же установлен в зависимости от наступления определенных условий [8, 85]. Правовой режим имущества супругов, нажитого до вступления в силу брачного договора, а также после окончания срока его действия, будет определяться по правилам седьмой главы Семейного кодекса Российской Федерации как законный режим имущества супругов. Помимо общего срока действия брачного договора в нем следует указывать сроки выполнения каждым из супругов, принятых на себя обязательств, например, по предоставлению средств, на содержание друг друга.

Немаловажным критерием при составлении брачного договора является соблюдение его формы. Договор должен быть составлен в письменной форме и удостоверен нотариусом. При этом нотариус должен не только проверить соответствие брачного договора закону, но и разъяснить супругам его смысл и значение. За нотариальное удостоверение брачного договора взимается государственная пошлина. Условия и порядок заключения брачного договора установлены в статьях 40-44 Семейного кодекса РФ и применяются к брачным договорам, заключенным после 1 марта 1996 года. Брачные договоры, заключенные с 1 января 1995 года по 1 марта 1996 года, имеют юридическую силу и без нотариального заверения, так как законодательство в то время не предусматривало для брачных договоров обязательной нотариальной формы [11, 235].

Несоблюдение нотариальной формы брачного договора влечет его недействительность [7, 41]. Такой договор является ничтожным и не влечет юридических последствий.

Брачный договор — это соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющие имущественные права и обязанности супругов в браке или в случае его расторжения. Брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в периоде брака. Законодательством предусмотрен ряд условий, которые могут включаться в данный договор. Такой договор в некой мере упрощает процедуру раздела имущества при бракоразводном процессе. Помимо собственности супругов, в брачном договоре также можно предусмотреть и раздел как совместных доходов, так и расходов, вплоть до оплаты коммунальных услуг, электричества и т.д. Как стало известно существует разделение расходов: целевые и плановые.

К целевым расходам относится отдых всей семьи, также содержание дома или квартиры, что так же есть основанием для включения таких расходов в брачный договор. Что касается элементов брачного договора, как и во всех договорах указывается предмет, сроки. Как оказалось, в брачном договоре можно определить срок действия, но зачастую такие договоры бессрочны, так как в основном такой договор завершает свое действие после окончания брака между лицами. Обязательной формой брачного договора является письменная форма, заверенная нотариусом. Несоблюдение такой формы договора влечет его недействительность.

Брачным договором признается соглашение лиц, вступающим в брак, или соглашение супругов, определяющих их имущественные права и обязанности в браке или в случае его расторжения [8, 87]. Можно выделить следующие вопросы, которые могут быть урегулированы при помощи брачного договора:

1. Супруги вправе изменить установленный законом режим собственности в отношении добрачного имущества супругов, их имущества, нажитого в браке, а также имущества, которое планируется приобрести в будущем. Супруги вправе установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов [8, 84].

2. В брачном договоре супруги вправе определить права и обязанности по взаимному содержанию. Условия предоставления содержания на договорной основе

могут не совпадать с основаниями законного порядка алиментирования. Право на получение содержания может не зависеть от нетрудоспособности одного из супругов. Например, обязанности содержания трудоспособной жены возлагается на мужа вне зависимости от статуса жены.

3. В брачном договоре супруги могут определить порядок несения каждым из них семейных расходов. Возможно, равное участие супругов в расходах либо возложение большей части семейных расходов на одного из супругов. Объем несения семейных расходов на одного из супругов может определяться конкретной денежной суммой.

4. В брачном договоре могут быть отражены возможные способы участия каждого из супругов в доходах друг друга. Как правило, под доходами понимается прибыль от физического или интеллектуального труда супругов.

5. В брачном договоре может быть указано имущество, подлежащее передаче каждому из супругов в случае расторжения брака. С точки зрения правовой природы брачный договор является гражданско-правовым. Наличие у брачного договора определенной специфики не означает, что брачный договор является особым договором семейного права, отличным от договоров гражданско-правового характера. Заключение брачного договора — это право, а не обязанность граждан. Воля лиц, вступающих в брак, и супругов, состоящих в браке, относительно заключения брачного договора и его условий должна формулироваться свободно, без принуждения и самостоятельно [4, 89].

Брачный договор, заключенный под влиянием насилия, угрозы или обмана, а также брачный договор, одна из сторон которого была вынуждена заключить его вследствие стечения тяжелых обстоятельств на невыгодных условиях, чем другая сторона, может быть признан в судебном порядке недействительным и отменен [5, 17].

При заключении брачного договора действуют, как ни странно, положения статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данные положения служат своеобразным скелетом для заключения подобного рода договоров. Как уже указывалось ранее, брачный договор может быть заключения как до вступления в законный брак, так и в любое другое время по желанию сторон. Если договор был заключен до вступления в законный брак, то такой договор является условной сделкой с отложением всех условий, которые предусмотрены в данном договоре. Так как субъектами брачного договора могут быть только супружеские пары, способность к заключению брачного договора следует связать со способностью заключения законного брака [6, 274].

Право на самостоятельное заключение брачного договора следует признать и за несовершеннолетними, эмансипированными в соответствии со статьей 27 Гражданского кодекса РФ, с момента эмансипации, такие лица становятся полностью дееспособными. Брачный договор предполагает, что заключившие его лица состоят в зарегистрированном браке, поэтому возникает вполне логичный вопрос, могут ли заключить такой договор лица, которые уже состоят в законном браке.

Как уже говорилось ранее, лица до вступления в брак могут заключить своеобразное соглашение, что, по сути, может считаться брачным договором, но по факту таким не является до вступления этих лиц в законный брак. Брачный договор должен быть заключен обязательно в письменной форме и нотариально удостоверен. Несоблюдение требуемой формы влечет ничтожность договора. Такие требования к форме связанные, прежде всего с особыми условиями при составлении брачного договора. Этот договор действует в течении весьма продолжительного промежутка времени и определяет имущественные права и обязанности супругов на будущее время.

Основным элементом содержания брачного договора является установление правового режима регулирования имущественных отношений супругов. Такой режим и называется в законодательстве договорным. Брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения между супругами. Это связанно с тем, что в брачный договор включается как существенное условие имущественные отношения. Если бы супруги получили возможность включать в брачный договор условия о том, кто будет мыть посуду или выносить мусор, очевидно, то, что наложение санкций за неисполнение таких обязанностей они попросту не смогли бы установить [12, 153].

Брачный договор также не может содержать условия, ущемляющие права нетрудоспособного супруга на получение алиментов. Из этого вытекает так же то, что брачный договор не может противоречить основным началам семейного законодательства. Поскольку брачный договор является разновидностью гражданско-правовых договоров, нарушение его условий или неисполнение их влечет за собой наступление гражданско-правовой ответственности [13, 17].

Под ответственностью законодательство понимает наступление неблагоприятных последствий, наступивших для нарушителя условий договора. Есть перечень условий, вследствие которых такая ответственность наступает:

- наличие правонарушения;
- наступление неблагоприятного результата;
- имущественного или морального вреда;
- наличие причинно-следственной связи между наступившим последствием и правонарушением;
- наличие вины правонарушителя. Так как на требования, вытекающих из семейных правоотношений, исковая давность не распространяется, пострадавшая сторона может обратиться в суд за защитой своих прав в любое время.

Содержание статьи 151 Гражданского кодекса позволяет считать, что ответственность по брачному договору возможна за причинение только имущественного вреда, поскольку брачный договор является разновидностью гражданско-правового договора. Возмещение морального вредя возможно лишь в случае причинения нравственных или физических страданий, действием или бездействием в отношении его личных неимущественных прав. Но личные неимущественные права не могут быть предметом брачного договора, поэтому возмещение морального вреда по брачному договору невозможно. За нарушение условий брачного договора или за их неисполнение должны применяться те же формы ответственности, что и в случае нарушения условий любого другого договора, к примеру, возмещение убытков или уплата неустойки. Существуют следующие способы защиты прав участников брачного договора, предусмотренные статьей 12 Гражданского кодекса РФ:

1) признание права;
2) восстановление положения, существовавшего до нарушения права;
3) признание оспариваемой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности;
4) Применение последствий недействительности ничтожной сделки;
5) Самозащита права;
6) Возмещение убытков и др. [5, 16].

Из этого следует вывод, что брачный договор — это разновидность гражданско-правовых сделок, который так же заключается по правилам норм Гражданского кодекса Российской Федерации. Сторонами брачного договора выступают супруги. Возможен вариант заключения брачного договора до вступления в брак, но такой договор по факту не будет считаться реальной сделкой. Важна, безусловно, письменная нотариально удостоверенная форма брачного договора, без которой

брачный договор считается ничтожным.

Соблюдение всех элементов договора является залогом правильности и законности составления брачного договора. В число элементов брачного договора входят: стороны брачного договора, предмет брачного договора, сроки действия и форма договора.

Также в договоре прописывается ответственность сторон, как и в любом другом гражданско-правовом договоре. Как известно, брачный договор имеет характер сделки, касающейся сугубо имущественных отношений, поэтом возмещение морального вреда по брачному договору невозможно. Так как моральный вред является последствием причинение физических или нравственных страданий гражданину, и это касается личных неимущественных прав супругов, которые ввиду своей характеристики не входят в предмет брачного договора.

Таким образом процедура заключения брачного договора частично напоминает заключение гражданско-правовой сделки. В контракт включаются существенные условия такие как: предмет, срок действия, ответственность сторон. Что касается формы, то брачный договор заключается в письменной форме, при желании можно удостоверить данную сделку у нотариуса

Выводом к данному параграфу выступает тот факт, что содержание брачного договора предопределяет дальнейшую судьбу раздела совместной собственности супругов.

Как и все гражданско-правовые договоры брачный договор можно изменить и расторгнуть. Изменение брачного договора и расторжение может пройти как по соглашению сторон (супругов) так и без такового. В данном параграфе будут рассмотрены условия изменения и расторжения брачного договора, а по-иному завершение договорного режима собственности супругов.

В наше время достаточное количество семейных пар прибегают к заключению брачного договора с целью подстраховки своих имущественных прав на совместное имущество в случае расторжения брака. Как уже указывалось ранее брачный договор может быть составлен как до вступления в законный брак, так и между новоиспеченными супругами. И в том, и в другом случае брачный договор гарантирует супругам иметь права на совместную собственность. Так же законодатель дает право супругам в любой момент изменить условия брачного договора или расторгнуть его, в случае изменения жизненных обстоятельств [14, 58].

Основное назначение брачного договора — это в первую очередь установление особого режима на совместную собственность супружеской пары.

Как уже было отмечено ранее, договор можно изменить и расторгнуть, впрочем, как и все остальные гражданско-правовые сделки.

Порядок изменения и расторжения брачного договора прописан в статье 43 Семейного кодекса Российской Федерации и брачный договор может быть изменен или расторгнут в любое время по соглашению супругов. Соглашение об изменении или о расторжении брачного договора совершается в той же форме, что и сам брачный договор.

Допускается изменение или расторжение договора в одностороннем порядке и по согласию сторон.

По требованию одного из супругов брачный договор может быть изменен или расторгнут по решению суда по основаниям и в порядке, которые установлены в Гражданском кодексе Российской Федерации.

В зависимости от обстоятельств соглашение супругов может быть изменено или расторгнуто:

1) путем подписания дополнительного документа к основному договору - новой редакции договора или же дополнительного соглашения;

2) в судебном порядке путем подачи иска.

Со стороны гражданского законодательства, а именно статьи 450 ГК РФ, существуют иные обстоятельства изменения или расторжения договора. Таковыми являются:

- желание и согласие сторон;
- существенное нарушение условий соглашения;
-иные случаи, прописанные в законодательстве;
- признак ничтожности или недействительности договора как сделки.

Брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексам РФ для недействительности сделок, а именно:

- ограничением правоспособности и дееспособности супругов.
- разграничение обязанностей супругов в отношении несовершеннолетних детей.
- ограничение прав супругов на получение содержания;
- иные нарушения семейного или гражданского законодательства, которые могут повлечь недействительность брачного договора.

Желание супругов изменить брачный договор зачастую вызвано изменение договоренностей между супружеской парой относительно принадлежности имущества в случае развода.

Не стоит забывать о судебном расторжении брачного договора, и чтобы дело дошло до судебного разбирательства в отношении договора, должен наступить ряд оснований, предшествующих суду:

1) заключение брачного договора лицом, которое находилось в состоянии заблуждения или же не могло понимать совершаемых действий;

2) заключение соглашения под действием угроз, психического или физического насилия, с помощью принуждения или шантажа, результатом которого стали весьма невыгодные условия заключения брачного договора для одной из сторон.

3) заключение договора с лицом, которое судом признано ограничено дееспособным.

Для изменения или расторжения договора судом, кроме того, необходимо одновременное существование следующих условий:

- в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;
- изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла предвидеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по брачному договору;
- исполнение договора без изменения условий очень сильно нарушило бы соответствующее брачному договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что сторона лишилась бы того имущества, на которое претендовала в рамках составленного брачного контракта;
- из существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

При расторжении договора вследствие существенно изменившихся обстоятельств суд по требованию любой из сторон определяет последствия расторжения брачного договора, исходя из необходимости справедливого разделении между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением брачного договора.

В отношении изменения и расторжения брачного:

1) договор может быть изменен или расторгнут только по соглашению супругов;

2) соглашение об изменении или о расторжении брачного договора совершается в той же форме, что и сам брачный договор, т.е. в письменной форме с последующим нотариальным удостоверением;

3) моментом изменения или прекращения брачного договора считается момент его оформления и т.д.

Таким образом, изменение и расторжение брачного контракта — это добровольное дело супругов, оно может быть осуществлено ими в любое время. Причиной изменения и расторжения брачного договора могут стать изменения или в личных отношениях между мужем и женой, или в имущественных отношениях в связи с приобретением новых ценных вещей.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29.01.1996. — № 5. — ст. 410.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. — № 17. — 27.01.1996.
4. Ерофеев, Б.В. Гражданское право России. \[Текст\] / Б.Ф. Ерофеев. — М.: Юрайт, 2010. — 671 с.
5. Ильичева, М.Ю. Расторжение брака: как сэкономить время, деньги и нервы: монография \[Текст\] / М.Ю. Ильичева. — Ростов н/Д, 2014. — 389 с.
6. Касьянова, Г.Ю. Имущественные отношения в гражданском и официальном браке: монография \[Текст\] / Г.Ю. Касьянова. — М., 2014. — 487 с.
7. Ломакина, П.А. Добровольный раздел общих долгов супругов по российскому праву // Название журнала (предположительно). — 2016. — № 4.
8. Мыскин, А.В. Брачный договор и личные неимущественные отношения: проблемы взаимодействия.: монография \[Текст\] / А.В. Мыскин // Закон. — 2017. — № 1.
9. Нечаева, А.М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата \[Текст\] / А.М. Нечаев. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 303 с.
10. Пузиков, Р.В. Семейное право: учебное пособие для СПО \[Текст\] / Р.В. Пузиков, Н.А. Иванова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 167 с.
11. Пчелинцева, Л.М. Семейное право России: Учебник. \[Текст\] / Л.М. Пчелинцева. — М., 2012. — 688 с.
12. Слепакова, А.В. Правоотношения собственности супругов.: монография \[Текст\] / А.В. Слепакова. — М.: Статут, 2015. — 312 с.
13. Суханов, Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды \[Текст\] / Е.А. Суханова. — 2008—2012 гг. — М.: Статут, 2013. — 272 с.
14. Чефранова, Е.А. Имущественные отношения супругов: Научно-практическое пособие. \ [Текст] / Е.А. Чефранова. — М., 2008. — 168 с.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РФ

Коршунов Олег Николаевич
студент 4 курса очного обучения юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) Университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсундазе, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Рахматова Наталия Владимировна
старший преподаватель кафедры гражданского права
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсундазе, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

PROPERTY RIGHTS OF SPOUSES IN FAMILY LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Korshunov Oleg Nikolaevich
4th year full-time student, Civil Law profile, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Mirzo Tursundaze, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Rakhmatova Natalia Vladimirovna
Senior lecturer of civil law, faculty of law Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, St. Mirzo Tursunzade, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования права собственности супругов по законодательству Российской Федерации. Исследуется правовая природа совместной собственности супругов, а также соотношение законного и договорного режимов имущества. Особое внимание уделяется положениям Семейный кодекс Российской Федерации, определяющим состав общего имущества супругов и порядок его раздела. Анализируются основания возникновения, изменения и прекращения имущественных прав супругов, а также особенности защиты данных прав в судебной практике.*

Annotation. *The article examines current issues of legal regulation of spousal property rights under the legislation of the Russian Federation. It explores the legal nature of joint ownership of spouses, as well as the correlation between the statutory and contractual regimes of property. Particular attention is paid to the provisions of the Family Code of the Russian Federation, which define the composition of marital property and the procedure for its division. The grounds for the emergence, modification, and termination of spouses' property rights are analyzed, along with the specific features of judicial protection of these rights in court practice.*

Ключевые слова*: Право собственности супругов, совместная собственность, общее имущество, раздел имущества, брачный договор, законный режим имущества, договорный режим имущества, семейное законодательство РФ, защита имущественных прав*

Keywords*: Marital property rights, joint property, common property, division of property, marriage contract, legal property regime, contractual property regime, family law of the Russian Federation, protection of property rights.*

История любых правоотношений важна для их понимания в наше время. Если вспомнить истоки семейных правоотношений, то мы увидим, что институт семьи и взаимоотношений между супругами — это достаточно древний институт. Стоит призадуматься о взаимоотношениях мужа и жены в древние века, когда фактически всеми правами, касалось ли это имущества или воспитания детей, обладал супруг. В то время, как жена в большей мере выполняла всего две функции (детородная и хозяйственная).

В разных странах, на разных континентах права и обязанности супругов очень сильно различались.

К примеру, в странах, где открыто правил патриархат, у мужа было больше прав чем у жены, но были и уголки мира, где все еще оставались пережитки матриархата, и в этом случае супруга, как правообладатель, была более раскована в своих правах что касается совместной собственности [1, 59].

Для более четкого представления о собственности супругов нужно обратиться к историческим истокам возникновения такого явления как брак.

Брак в социологическом смысле на ранних стадиях исторического развития общества — это постоянный или временный союз между лицами разного пола для производства потомства. На более поздних стадиях исторического развития общества это такой же союз, но союз законный в отличие от незаконных связей.

К последним относились:

- конкубинат - постоянный открытый и незаконный союз;
- прелюбодеяние (адюльтер или тайные связи);
- проституция (развратная связь). Это понятие означало профессиональное участие в половом акте со всяким желающим ради денег [2, 54].

Брачные отношения в ходе своего развития претерпели различные преобразования, что в свою очередь влияло на развитие общества. В эволюции супружеского союза выделяют две эпохи:

1) эпоху натурального брака в до государственного периода и до возникновения систематизированного религиозного культа.

2) эпоху законного брака, регулируемого религиозными и государственными установлениями в форме моногамии: брак одного мужчины с одной женщиной. Моногамному браку предшествовало несколько форм брака: гетерический (коммунальный брак); полиандрия; полигамный брак.

Если затронуть буржуазный период становления общества, то в той же самой Англии с 1882 года имущество супругов по «общему праву» считалось принадлежащим только мужу. Жена фактически была лишена права на совместную собственность. Из всех трех прав (распоряжение, владение и пользование) жена имела право пользоваться совместным имуществом, но никак не распоряжаться и владеть этим имуществом. Эти права были прерогативой мужа. А что касается личного имущества жены, которым она владела до брака (приданное) переходило в собственность мужу после заключения брака. В тот период понятия совместной собственности как такового не было, личность жены растворялась в личности мужа [3, 78].

С наступлением века капиталистических отношений в Англии нормы общего права пришли в противоречие с интересами властеимущего класса. Законодательство предусматривало, чтобы сохранить фамильное имущество жены был создан институт отдельной собственности жены, в котором предусматривалось сохранение определенной доли имущества за женой.

Таким образом, в Англии появилось такое понятие, как брачный контракт, где прописывались доли имущества мужа и жены. В последующем суд утверждал такие контракты.

За созданием института отдельной собственности жены последовало принятие парламентом в 1882 году Закона о собственности замужних женщин. В нем законодатель предусмотрел то, что при вступлении брак у жены сохраняется все ее личное имущество, приобретенное до брака на таких же условиях, если бы был заключен между мужем и женой брачный контракт. Замужней женщине, благодаря этому закону, можно было заключать сделки по поводу ее имущества, право завещать эту собственность, «форма брака-купли исчезает, но по сути дела такой брак осуществляется во все возрастающих масштабах, так что не только на женщину, но и на мужчину устанавливается цена, причем не по их личным качествам, а по их имуществу» [4, 66.].

Таким образом, появление брачных контрактов в Англии 1882 года обусловилось желанием буржуазии оградить свой капитал от внешнего вмешательства.

Имущественные права супругов с течением времени так же эволюционируют с обществом. В разных странах данный процесс протекает по-разному. К примеру, в Царской России супружеские права и обязанности делились на три вида:

1) личные. К ним относились права сословного характера, передаваемые мужем жене, если она по происхождению принадлежала к низшему по сравнению с мужем сословию. Если же жена принадлежала к высшему сословию по сравнению с мужем, то она сохраняла свои права. К личным обязанностям также относились обязанности мужа любить свою жену, жить с ней в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее болезни. Жена обязана была повиноваться мужу как главе семейства, любить, почитать, быть послушной и быть привязанной к нему;

2) связанные с содержанием супругов. Обязанность содержать другого супруга распространялась только на мужа. Муж должен был содержать жену в соответствии со своими средствами и действительными потребностями жены;

3) имущественные. В отношении имущества действовал принцип его раздельности, то есть считалось, что в результате брака у супругов не возникало общего имущества. Каждый из супругов мог распоряжаться своим имуществом, в том числе недвижимостью, не спрашивая разрешения у другого. Что касается приданого жены, то оно считалось ее собственностью, но передавалось в пользование супругу для покрытия семейных расходов, а в случае развода по инициативе жены переходило в собственность мужа в качестве штрафа.

Супруги имели право заключать между собой договор относительно определенного имущества, принадлежащего одному из них, в нотариальной форме как до, так и после заключения брака. О факте составления такого договора должно было быть упомянуто в акте бракосочетания, иначе такой договор мог быть признан недействительным [2, 60].

Октябрьская революция 1917 года ознаменовала новый этап развития российского семейного законодательства, связанный с созданием советского семейного права. Вскоре Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом Народных Комиссаров были приняты декреты, регулировавшие семейные правоотношения.

Первый декрет от 18 декабря 1917 года регулировал процедуру заключения брака. Этим декретом признавались браки, заключенные только в государственных органах. Второй декрет регулировал процедуру расторжения брака и был издан 19 декабря 1917 года.

22 октября 1918 года был принят первый кодекс, регулирующий семейные отношения, - Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Он урегулировал практически все вопросы семейных отношений [5, 120].

Супруги были уравнены в решении вопросов семейной жизни и выборе их места жительства.

Второй кодекс, регулирующий семейные отношения, был принят в 1962 году, назывался он «Кодекс законов о браке, семье и опеке» им были введены новые положения касающиеся «сожительства» и совместной собственности:

- признавались фактические браки наряду с зарегистрированными;
- признавалась общность правового режима супружеской собственности.

В 1968 году был принят общесоюзный правовой акт - Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик, на основе которого были разработаны кодексы всех союзных республик, регулировавшие семейные отношения.

Третьим семейным кодексом, принятым в 1969 году, вводились нормы о личной собственности каждого из супругов.

Поэтому в Советском союзе регулирование прав супругов на общую собственность происходило только с помощью закона. Никакой речи о брачных контрактах не велось. Предполагалось, что в советской семье духовное начало берет верх над материальным.

В Советском союзе у супругов из общего имущества были в основном предметы потребления (мебель, одежда), поэтому в принципе делить было нечего, и надобности такой зачастую не возникало. Поэтому законный режим регулирования общей собственности в советский период отвечал интересам большинства семей.

Но с развитием правоотношений, связанных с частной собственности, ситуация стала меняться. Поскольку появились семьи, у которых доход был значительно выше, чем у среднестатистических семей и им нужно было защитить свое имущество от внешнего воздействия и вмешательства третьих лиц [6,100].

Первоначально право супругам устанавливать иной (отличный от законного) режим имущества было закреплено в Гражданском Кодексе РФ 1994 года, а именно в статье 256.

В этой статье сказано: «Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен другой режим этого имущества» [7, 10].

Таким образом, можно сделать выводы, что историческое становление института брака и совместной собственности супругов менялось с течением веков. В разных правовых системах мира регулирование данных правоотношений существенно отличается, например, в той же самой Англии до 1882 года жена не имела прав на имущество, нажитое в период брака в отличие от мужа. Напротив, в Российской Империи муж должен был содержать свою жену, что в свою очередь подразумевало тот факт, что же на могла пользоваться и распоряжаться совместной собственностью, нажитой в период брака.

В Советском союзе законодатель стремился уровнять права супругов, было издано множество нормативных актов, регулирующих семейные правоотношения. На протяжении с 1917 года по 1990 год было издано 3 Семейных кодекса, в которых вводились, изменялись и исключались нормы регулирующие семейные отношения, касающиеся совместной собственности.

Супружество - основа семьи. Семейная общность складывается не только из взаимной любви, уважения и заботы, но и из таких прозаических вещей, как общее хозяйство и семейный бюджет. Как ни странно, в супружестве переплетаются такие интересы, как личные и имущественные. В отличие от личных, отношения супругов по поводу имущества не только в большей степени поддаются правовому регулированию, но и нуждаются в таком регулировании [8, 133].

В соответствии со ст. 4 Семейного Кодекса Российской Федерации к имущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным

законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных правоотношений. Ввиду этого нормы семейного права, регулирующие имущественные отношения мужа и жены, дополняются нормами гражданского законодательства.

Согласно гражданскому законодательству Российской Федерации, право собственности трактуется таким образом: собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц.

В том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом [9]. Что касается общей собственности супругов, то есть иное определение, которое обозначено в статье 256 Гражданского кодекса Российской Федерации и звучит так: имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Вещи индивидуального пользования (одежда и т.д.), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные во время брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался. Имущество каждого из супругов может быть признано их совместной собственностью, если будет установлено, что в течение брака за счет общего имущества супругов или личного имущества другого супруга были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества [9]. Правовое регулирование обеспечивает имущественным отношениям необходимую определенность в интересах как самих супругов, так и третьих лиц: кредиторов, наследников.

Обобщая все вышеуказанные определения общей собственности супругов, можно выделить одно основное понятие, которое будет в дальнейшем встречаться в последующих параграфах данной дипломной работы.

Имущественные правоотношения супругов — это урегулированные нормами семейного и гражданского права общественные отношения, складывающиеся между супругами по поводу нажитого в браке имущества и взаимного предоставления содержания [8, 134].

Имущественные правоотношения между супругами в свою очередь подразделяются на три основных группы:

1) правоотношения по поводу имущества, нажитого супругами в период брака;

2) правоотношения по поводу имущества, являющегося предметом брачного договора;

3) правоотношения по поводу предоставления взаимного материального содержания.

Действующим законодательством Российской Федерации предусмотрены два режима имущества супругов: а) законный режим; б) договорной режим. Законный режим имущества супругов представляет собой режим их совместной собственности, к которой относится имущество, принадлежащее мужу и жену, нажитое во время брака, или общая собственность супругов.

Семейный кодекс выделяет перечень совместного имущества, которое подпадает под регулирование законным режимом имущества:

- доходы каждого из супругов от предусмотренной законом деятельности (трудовая, предпринимательская и т.д.);

- пенсии, пособия;

- денежные выплаты, не имеющие специального назначения (суммы материальной помощи суммы, выплаченные в возмещении ущерба в связи с утратой трудоспособности, вследствие увечья либо иного повреждения здоровья);

- движимые и недвижимые вещи, приобретенные за счет общих доходов супругов;

- любое другое нажитое имущество в период брака независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства [10, 29].

Договорной режим не так давно введен Семейным кодексом Российской Федерации. С появлением такого режима законодатель рассчитывал, что процент судебных разбирательств по поводу раздела совместной собственности сократится. Мало того, существовали иллюзии, что брачный договор позволит укрепить семейные узы. Однако брачный договор в полной мере не выполнил всех тех задач, которые ожидались, более того, он не приобрел широкого распространения среди супружеских пар. Все-таки, как правило, в брак вступают молодые люди, не обремененные собственностью [11, 201].

Что же касается брачного договора, как семейно-правового института, то при его определении следует исходить из текста статьи 40 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которой брачный договор — это соглашение между супругами. Правовая природа данного вида сделки до сих пор является спорным моментом, этот институт носит сугубо имущественный характер. Сторонами контракта выступают лица, намеревающиеся вступить в брак в установленном порядке.

Согласно статье 38 Семейного Кодекса Российской Федерации, раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованиям любого из супругов. Также законом, предусмотренный другой вариант, а именно, в случае заявления кредитором требования о разделе общего имущества супругов для обращения взыскания на долю одного из супругов в общем имуществе супругов. Общее имущество супругов может быть разделено как по их соглашению, так и в судебном порядке (при споре двух сторон) [2, 129].

Исходя из ключевых определений, которые указаны в Гражданском кодексе РФ, совместная собственность супругов представляется совокупностью правовых норм, главной задачей которых является регулирования имущественных отношений между супружеской парой и определение общей имущественной массы, право распоряжения которой принадлежит им на равных условиях.

Исходя из всех законодательных определений, между общей и совместной собственностью нет никакой разницы, эти понятия полностью тождественны и имеют одно и то же функциональное назначение и правовую природу.

Однако, при этом, совместная собственность не предполагает разделения имущественной массы на отдельные части, и распоряжение подобным имуществом будет осуществляться обоими супругами, основываясь на принципе добросовестности или же на основании соглашений между ними.

Если же супруги имеют желание разделить свое имущество, то в таком случае оно может быть осуществлено на общих основаниях. Однако при этом, будут созданы условия, при которых имущественные доли сформируют общее долевое владение.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «право собственности супругов» закреплено не только в семейном, но и в гражданском законодательстве. Супруги могут быть субъектами имущественных отношений, в том числе - отношений собственности, как на общих условиях, так и на основании специальных условий, вызванных фактом пребывания их в браке.

Как известно, приобретение имущества остается важнейшим способом возникновения супружеской собственности. В соответствии с п.1 ст.35 Семейного кодекса владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в

совместной собственности супругов, осуществляются по их обоюдному согласию. Это правило соответствует общим положениям гражданского законодательства [9] о владении, пользовании и распоряжении имуществом, находящимся в совместной собственности лиц.

Исходя из равенства прав обоих супругов на совместную собственность предполагает, что при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом он действует с согласия другого супруга [12].

Таким образом, законом установлена презумпция (предположение) согласия другого супруга на акт распоряжения общим имуществом, а это означает, что лицу, заключающему сделку с одним из супругов, не нужно проверять, согласен ли на сделку другой супруг, требовать представления доверенности от последнего, а следует исходить из факта его согласия. Иное решение законодателем данного вопроса привело бы к значительному затруднению гражданского оборота.

Предположение о наличии согласия супруга на совершение сделки по распоряжению общим имуществом другим супругом на практике может не соответствовать действительному положению дел. В таком случае супруг, чьё согласие на сделку получено не было, вправе обратиться за защитой своих нарушенных прав в суд и оспорить такую сделку.

Вместе с тем его требование о признании сделки недействительной может быть удовлетворено судом лишь в том случае, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки, то есть действовала заведомо недобросовестно.

Указанное в п.2 ст.35 Семейного кодекса специальное условие, необходимое для удовлетворения иска супруга о признании сделки недействительной, направлено на защиту законных интересов добросовестных контрагентов в сделках и упрощение правил гражданского оборота. На требование супруга по п.2 ст.35 Семейного кодекса о признании сделки по распоряжению общим имуществом, совершенной другим супругом, недействительной по мотиву отсутствия согласия супруга - истца Семейным кодексом срок исковой давности не установлен, что нельзя признать правильным решением [13, 221].

С учетом положений ст.4 Семейного кодекса о применении к семейным отношениям, не урегулированным семейным законодательством, гражданского законодательства, представляется возможным применить к такому требованию срок исковой давности, предусмотренный п.2 ст.181 Гражданского кодекса. То есть применительно к рассматриваемой ситуации один год со дня, когда супруг узнал или должен был узнать о совершении сделки другим супругом без его согласия.

Тем более на практике встречаются ситуации, когда супруг знал об отчуждении имущества другим супругом и не высказывал возражений по существу сделки, молчаливо ее одобряя. Естественно, это субъективно расценивалось сторонами в сделке как согласие всех заинтересованных лиц на совершение сделки. Однако затем в силу изменения обстоятельств, в основном связанных с разводом и разделом имущества, этот супруг заявлял о своем несогласии с совершенной сделкой [1, 204].

Правило о презумпции согласия супруга на совершение сделки по распоряжению общим имуществом другим супругом не распространяется на сделки одного из супругов по распоряжению недвижимостью и сделки, требующие нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке.

Для совершения такого вида сделок одним из супругов необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга [12, 10]. К недвижимости (недвижимому имуществу) закон относит земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все объекты, которые связаны с землей так, что их перемещение невозможно без несоразмерного ущерба их назначению, в том числе

леса и многолетние насаждения, жилые и нежилые помещения, здания, сооружения, кондоминиумы, предприятия как имущественные комплексы [9, 50].

Круг сделок, подлежащих нотариальному удостоверению и (или) государственной регистрации, определен в Гражданском кодексе. В тех случаях, когда сделка по распоряжению общим недвижимым имуществом или сделка, совершенная с общим имуществом, требующая нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации, была заключена одним из супругов без предварительно полученного нотариально удостоверенного согласия другого супруга, такая сделка является оспоримой.

В Семейном кодексе нет специальной нормы о праве супругов, заключать между собой сделки, однако такое право у супругов, безусловно, существует как у субъектов, наделенных гражданской правоспособностью и дееспособностью [9, 51]. Они могут совершать друг с другом любые сделки, не противоречащие закону. Обычно это безвозмездные сделки (договор дарения, договор поручения), что объясняется спецификой семейных отношений.

Действие каждого из правил может быть ограничено или исключено договором между супругами [9, 52].

Статьей 34 Семейного кодекса РФ приводится примерный перечень вещей, поступающих в общую совместную собственность супругов: доходы каждого из супругов, реализация результатов интеллектуальной деятельности, пенсии и т.д.

Из этого следует, что основаниями возникновения права общей совместной собственности супругов могут быть:

- приобретение вещей любым из супругов;
- участие в имуществе другого супруга собственными средствами или общим имуществом, значительно увеличившее стоимость этого имущества.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) [Текст]: с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 05.12.1994. - № 32. - ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) [Текст] // Российская газета. - № 17.27.01.1996
3. Альбиков, И.Р. Юридическая природа института - законного режима имущества супругов в современном праве // Семейное и жилищное право. [Текст] / И.Р. Альбиков. - 2011. - №6 - С. 25-30.
4. Антокольская, М.А. Семейное право: Учебник. [Текст] / М.А. Антокольская. - М., 2010. 336 с.
5. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для академического бакалавриата [Текст] / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2017. — 394 с.
6. Александров, И. Ф. Семейное право: Учебное пособие. [Текст] / И.Ф. Александров. - 2-е изд. - М.: ИЦ РИОР: ИНФРА-М, 2011. - 122 с.
7. Белов, В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть. [Текст] / В. А. Белов. – М.: Юрайт, 2016.
8. Ильичева, М.Ю. Расторжение брака: как сэкономить время деньги и нервы: монография [Текст] / М.Ю. Ильичева. - Ростов н/Д, 2014. - 389 с.
9. Илюшина, М.Н. Особенности договорных форм раздела общего имущества супругов предпринимательского назначения / [Текст] М.Н. Илюшина, С.Ю. Чашкова // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2010. - № 3.
10. Корнеева И.Л. Семейное право: учебник для бакалавров [Текст] / И.Л. Корнеева. - 2-е изд., перераб, и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2013. - 355 с.

11. Муратова, С.А. Семейное право: учебник [Текст] / С.А. Муратова. - М., 2013. - 289 с.
12. Пананенкова, Н. А. Регулирование брачного договора в российском и иностранном праве.: монография [Текст] / Н.А. Пананенко // Бюллетень нотариальной практики. - 2014. - № 2.
13. Пчелинцева, Л.М. Практикум по семейному праву. Учеб. пособие для вузов по спец. Юриспруденция [Текст] / Л.М. Пчелинцева - М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2014 - 273 с.

К ВОПРОСУ ОБ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Коршунов Олег Николаевич
студент 4 курса очного обучения юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) Университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсундазе, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

ON THE QUESTION OF ALIMONY OBLIGATIONS

Korshunov Oleg Nikolaevich
4th year full-time student, Civil Law profile, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Mirzo Tursundaze, 30
tel: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В исследовательской работе будут рассмотрены вопросы, которые будут касаться алиментных обязательств. Дополнительно будут рассмотрены историческое происхождение алиментных обязательств. В каких юридических документах были первые предпосылки. Кому назначались алименты, в каких суммах. По мимо всего изложенного дополнительно будут рассмотрены, способы при которых можно освободиться от алиментных обязательств. А также будет дана правовая характеристика оснований для прекращения правоотношений и их изменений.*

Annotation. *This research paper will examine issues related to alimony obligations. It will also examine the historical origins of alimony obligations, including the legal documents that laid the foundations for them, and who was assigned alimony in what amounts. In addition to all of the above, it will also examine the methods by which one can be released from alimony obligations. It will also provide a legal description of the grounds for terminating legal relationships and their modifications.*

Ключевые слова*: алименты, семейное право, несовершеннолетние дети, нетрудоспособные родители, алиментное соглашение, судебный приказ, задолженность по алиментам, освобождение от уплаты.*

Keywords*: alimony, family law, minor children, disabled parents, alimony agreement, court order, alimony arrears, exemption from payment.*

С момента принятие Конституции СССР в 1936 году нормы семейного права заметно укрепились. Именно благодаря принятию данной конституции в 1936 году и с момента изменение норм семейного права, в котором теперь давалось возможность взыскивать алиментные обязательства на содержание ребенка, который появился вне зарегистрированного брака. 21 июля 1967году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, касавшийся «Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей».

Согласно этому указу, алименты могли быть выплачиваться, как и в судебном

порядке так и до судебного порядка путем составления соглашения касавшийся уплаты алиментов на содержания детей между супругами.

Последний вариант был наиболее оптимален, чтобы не быть в центре внимания. Однако некоторые недобросовестные лица не выполняли свои обязанности по данному соглашению и мать обязана была подавать иск в суд.

Изменения в правовом регулировании продолжались параллельно с развитием общественных условий, закреплённых в конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 годов. [5, 44-50] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1967 г. «Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей» предусматривал, что по мимо заработной платы алименты взыскивались и с других доходов тоже таких как стипендия, пенсия, гонорар и других денежных сумм.

Данная процедура по взысканию алиментов осуществлялось обычно через суд, однако были случаи, когда лица сами по письменному желанию изъявляли платить денежную сумму на содержание детей. Данная процедура по письменному заявлению о выплате алиментов на содержание детей должна была служить гарантией того, что алиментоплательщик будет вовремя платить определенную сумму на содержания детей. Однако данная процедура не увенчалось успехов и оказалось неэффективной. Основной причиной низкой эффективности рассматриваемой нормы стала осознанно поддерживаемая предвзятость в пользу исполнительного листа по сравнению с заявлением плательщика [6, 336]

Кодекс «О браке и семье», который был принят 1969, который закрепил правовые положение касаемые взыскание алиментов в долевом соотношении, взыскание алиментов в твердой денежной сумме и вопросы, которые затрагивают размер выплат алиментов на содержание определенных лиц. Обобщённо можно утверждать, что советское семейное законодательство защищало права тех слоёв населения, которые не могли самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию через трудовую деятельность. Выплата алиментов направлялась на решение ключевой социально-экономической задачи — обеспечение нуждающихся финансовой поддержкой, в первую очередь — несовершеннолетних детей.

На территории Российской Федерации алиментные обязательства бывают в одностороннем порядке, в срочном порядке и бессрочном порядке. Сами алиментные обязательства носят сугубо индивидуальный характер правопреемство касаемо алиментных обязательств не допускается. Согласно семейному законодательству в случае смерти лица, которые уплачивал алименты обязанность по выплатам прекращается.

По обязательственным алиментам субъектами могут быть лишь те лица, которые предусмотрено законом. А именно следующие лица: дети, нетрудоспособные родители, нетрудоспособный супруга, беременная жена и другие члены семьи. Субъектами по выплатам выступает алименты плательщик и лицо, который эти алименты ему зачисляются.

Объектом выступают алиментные обязательства, которые возникают между лицом, который платит алименты и лицом который принимает алименты на свое содержание. Сам размер алиментов устанавливается судебным решением или по договоренности между лицами заключив между собой соглашением, если это прямо установлено в исполнительном листе.

Ссылаясь на семейный кодекс Российской Федерации, статья 81 пункт 1 в данной статье закреплено положение касаемо взыскание алиментов в долевом соотношение. Согласно статье, на одного ребенка лицо, которое обязан оплачивать алименты платит ¼ часть от своего дохода, на двух детей оплачивает 1/3 от своего дохода, что составляет 33% процента от своего ежемесячного дохода, на два и более детей лицо обязуется платить более 50% от своего дохода [7, 67].

В фиксированном денежном эквиваленте, отвечающем установленному

количеству МРОТ. Размер такого эквивалента устанавливается судом с учётом максимального сохранения ребёнку ранее существовавшего уровня обеспечения, с учётом финансового состояния сторон, их семейного положения и иных значимых обстоятельств. Одновременно как в долевой части (в рамках ст. 81 Семейного кодекса РФ), так и в виде фиксированной денежной суммы. Осуществление предусмотренной законом обязанности по принудительному исполнению алиментных обязательств в отношении несовершеннолетних возлагается на Федеральную службу судебных приставов и её региональные подразделения.

Существуют меры по, которым можно взыскать принудительно алименты с лица, который злостно уклоняется по обязательству выплачивать алименты определённому лицу. Данная процедура предусмотрена Федеральным законом «Об исполнительном производстве» [8, 45].

Первая ступень процедуры заключается в возбуждении исполнительного листа это первый этап принудительного взыскание алиментов с лица, который злостно уклоняется по их выплатам. Сам исполнительный лист начинает действовать незамедлительно. Согласно исполнительному производству, пристав-исполнитель принимает исполнительный лист и возбуждает производство в течение суток. Добровольный срок для исполнения производства в законе не устанавливается. Несвоевременное выполнение обязательства признаётся при отсутствии исполнения требований об уплате алиментов в течение одних суток после получения копии постановления судебного пристава о начале исполнительного производства.

В законодательстве были внесены поправки в 2017году касаемых лиц, которые злостно уклонялись по выплатам алиментам им запрещалось осуществлять следующие действие. За злостное уклонение от уплаты алиментов лицу могут ограничить право управлять транспортным средством. Лицо, которое имеет долги или злостно уклоняется по их выплате запрещен выезд из страны. На основании закона, который вступил в законную юридическую силу 1октября 2017года в котором говорилось, что лицо, которое имеет долг по выплатам алиментам и он составляет от 10 до 30 тысячи рублей им запрещено покидать пределы Российской Федерации.

Злостных уклонистов могут привлечь к уголовной ответственности виде наказания исправительные работы, обязательные работы, административный штраф в размере до 20 тысячи рублей или арестом административного характера до 10-15 суток. В дополнение к указанным изменениям предлагается включение в состав необходимых условий получения развода положения об установлении обязанности по уплате алиментов при расторжении брака, что станет обязательным требованием для возможного оформления развода в случае отсутствия подобного заявления в судебном порядке.

Такой подход применяется в нескольких странах мира. Например, во Франции суд не может рассмотреть ходатайство о расторжении брака без наличия соглашения об обеспечении детей, стороны вынуждены представить данное соглашение для проверки и при необходимости — внесения поправок (ст. 232 Гражданского кодекса Франции). Обязательность такого соглашения предусмотрена также в Италии (ст. 328 Гражданского кодекса Италии) и Швейцарии (ст. 140 Гражданского кодекса Швейцарии) [9, 92].

Рассмотрим основание освобождение от алиментных обязательств. Если речь касается алиментных обязательств на содержание беременной жены и ее ребенка, которая она носит в утробе, то согласно нормам семейного кодекса муж не имеет право подавать на развод пока ребенку не исполнится год и если жена подаст на алименты на ее содержания, то муж обязуется ей выплачивать определенную сумму, однако есть основание по которому его могут освободить от уплаты.

Только в том случае, если он докажет, что ребенка, который она носит в утробе не является его биологическим потомком. Однако на практике это не применяется.

Есть процедура, по которой можно определить пол ребенка, еще не появившийся на свет, однако мать может отказаться от прохождение данной процедуры.

Так, как данная процедура может привести к прежде временным родам и может отразится на здоровье ребенка. Следующее основание по прекращению алиментных обязательств является достижение несовершеннолетних детей совершеннолетними, если они не обучаются ВУЗЕ или другом среднее образовательном учреждении таких, как колледж. Следующий вид уплаты алиментов является содержание нетрудноспособных родителей.

По правилам если родители стали нетрудноспособными, то дети обязаны содержать нетрудноспособных родителей, однако есть основание, по которым они могут освободится по выплатам. Если родитель сам не обеспечивал своего ребенка, был лишен родительских прав судом, и родитель никаким образом не принимал участие в его воспитании.

Есть уплата алиментов на содержание нетрудноспособного супруга/супруги, то есть супруг или супруга должна выплачивать своему/своей нетрудноспособному/нетрудноспособной супругу или супруге денежные средства на ее содержания, однако закон освобождает лиц от уплаты алиментов, если это нетрудоспособность была вызвана злоупотреблением алкогольной продукции или веществами, который одурманивают разум, но тут надо предоставить доказательства, который подтвердят, что данная нетрудно способность была вызвана и-за этих веществ. Семейным кодексом предусмотрено еще одно основание, по которому лицо на, которое было возложено уплата алиментов, если он откажется от своего ребенка и его усыновит другая семья, то он освобождается от алиментных обязательств, при лишении родительских прав лицо будет все равно выплачивать определенную денежную сумму назначено судом на содержание своего ребенка.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 08.12.1995 г. (с изм. от 03.08.2018 г. № 322-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения: 26.01.2026).
3. Багданова Т.В. Исторический аспект становления и развития законодательства, регулирующего порядок взыскания алиментов // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. № 1.
4. Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.
5. Демаева А.А. Проблемы правового регулирования отношений по уплате и взысканию алиментов [Электронный ресурс] // Евразийский научный журнал 2016. № 11. URL: http://journalpro.ru/articles/problemy-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-po-uplate-i-vzyskaniyu-alimentov.
6. Свод законов Российской империи. Т. 10. Свод законов гражданских [Электронный ресурс]. СПб., 1900. URL: http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html (дата обращения: 26.01.2026).
7. Седунов Е.М. История становления алиментного законодательства в Российской империи и СССР [Электронный ресурс] // Московский экономический журнал. 2015. № 3. URL: http://qje.su/biznes-i-pravo/istoriya-stanovleniya-alimentnogo-zakonodatelstva-v-rossijskoj-imperii-isssr (дата обращения: 26.01.2026).
8. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm (дата обращения: 21.02.2026).
9. Об исполнительном производстве: Фед. закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ: принят Гос. Думой 14.09.2007 г. (с изм. от 21.02.2019 № 12-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Мехралишоева Фарзия Эраджовна
Магистрант 1-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

CONCEPT AND LEGAL NATURE OF EXCLUSIVE RIGHTS

Mehralishoeva Farziya Erajovna
1st year full-time master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются аспекты понятия и специфики правовой сущности такого института гражданского права как исключительные права.*

Annotation. *This article examines the concept and specific legal nature of exclusive rights, a civil law institution.*

Ключевые слова: *институт права, право интеллектуальной собственности, исключительное право, субъект права*

Keywords: *legal institution, intellectual property law, exclusive right, legal entity*

Исключительные права, являясь единой конструкцией правовой связи обладателя прав и объекта интеллектуального творчества, призваны обеспечивать принцип формального равенства права интеллектуальной собственности. Правовое равенство — это равенство свободных и равенство в свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов [1, 13].

Касаясь темы сущности права, следует сказать, что сущность права состоит в урегулировании социальных отношений, в установлении меры дозволенного и недозволенного поведения, в установлении, если можно так выразиться, системы координат для индивидов, субъектов права. Именно этим можно объяснить установление охраны для тех или иных объектов и, наоборот, ее неустановление для других, правовую возможность охранять результаты творчества, использовать их и распоряжаться ими.

Интеллектуальная собственность традиционно причисляется к подотраслям гражданского права, содержащая в себе три института: авторского права, промышленной собственности и охрану так называемых нетрадиционных объектов.

В настоящее время нельзя сделать однозначный вывод о значении и смысле понятия исключительных прав. Неясность термина «исключительные права» фактически осталась. Законодательство, используя понятие исключительного права, сводит его содержание к праву на использование произведения и на запрещение его использования другими лицами.

Следует отметить, что выделение исключительных прав в качестве особой категории происходит в противопоставление всем другим видам гражданских прав: вещных, обязательственных, имущественных и неимущественных и т.д.

Исключительные права как особая категория подразумевают не просто наличие прав, которых ни у кого больше нет (практически - у подавляющего большинства), но и, как следствие, особую привилегию правообладателя.

Гораздо объемнее и насыщеннее, чем в законодательстве, понятие

исключительных прав раскрывает правовая литература. Ее анализ позволяет трактовать этот термин главным образом как монополизацию прав их обладателем. Подобной точки зрения придерживаются многие авторы. А.П. Сергеев характеризует признак исключительности следующим образом: «Признак исключительности означал (в дореволюционной литературе) прежде всего монополию обладателя авторского права на использование произведения...» [5, 61]. В современный период произошло восстановление истинного смысла понятия исключительности авторских прав. Закон признает, что только сам обладатель авторского права может решать все вопросы, связанные с осуществлением авторских правомочий. Л.А. Трахтенгерц, характеризуя исключительные права на объекты промышленной собственности, также использует понятие монополии правообладателя: «Монополия патентовладельца на охраняемые объекты создает необходимые правовые предпосылки для включения этих объектов в систему экономических отношений» [6, 87]. Н.В. Макагонова также считает, что исключительность авторских прав ассоциируется с монополией их владельца, с его единственной над ними властью [4, 81].

Таким образом, монополию прав можно рассматривать как второе значение термина «исключительные права». Понятие исключительности прав в смысле монополии образно исключает (от слова «исключительность») правообладателя из круга субъектов, не обладающих такими правами. Исключительные права по своей сути являются абсолютными. По известной конструкции этих прав активному субъекту, правообладателю, противостоит круг пассивных субъектов, обязанных воздерживаться от действий, не согласованных с правообладателем.

Закрепление исключительных прав за субъектом подразумевает его особый, исключительный статус. Так, В.А. Дозорцев характеризует права как «авторские, смежные, патентные и т.п. права, будучи исключительными абсолютными правами, обеспечивают их обладателям легальную монополию на совершение различных действий (по использованию результатов их творчества и распоряжению ими) с одновременным запрещением всем другим лицам совершать указанные действия» [2, 61]. Под исключительными правами понимаются субъективные права, обеспечивающие их носителям совершение всех дозволенных законом действий с одновременным запретом всем третьим лицам совершения таких действий. В целом исключительность состоит не в том, что право принадлежит исключительно одному лицу, а в том, что оно закрепляется исключительно за лицом определенным законом.

Таким образом, следует вывести еще одно значение термина «исключительные права», по сути вытекающее из монополии прав, - особый статус их обладателя. Наличием прав их обладатель исключается из общего числа субъектов права. В этом смысле это права исключительного субъекта, обладающего особыми (исключительными) правами. Указанная трактовка отделяет владеющего субъекта от невладеющих.

В литературе высказываются различные точки зрения по поводу момента возникновения исключительных прав. Так, Э.П. Гаврилов моментом возникновения прав считает: для авторского права - момент первого опубликования произведения вне зависимости от того, произошло это по воле автора или нет; для патентных прав - момент опубликования сведений о выдаче свидетельства о регистрации [1, 14].

Высказанной точкой зрения автор пытался выразить принцип социальной и правовой справедливости. Причем автор одним из критериев определения момента возникновения считает момент, с которого третьи лица оповещаются об охране прав и могут быть привлечены к ответственности за их нарушение.

Действующее законодательство устанавливает права на объекты интеллектуальной собственности как совокупность неимущественных прав и имущественных. Авторские права включают в свой состав одновременно и моральное право, и имущественное право. Вследствие этого возникает вопрос: это особая

конструкция права или декларируемая совокупность неимущественных прав, закрепленных в ст. 150 ГК РФ, и имущественных (исключительных) прав на произведение?

Представляется, что логичнее выглядит последнее. Неимущественные права закреплены в ст. 150 ГК РФ и продублированы в специальных нормативных актах в сфере интеллектуальной собственности. В противном случае мы получим неоправданное «раздувание» прав: огромное количество институтов будет обладать подобным «дуализмом». Даже материальный собственник может иметь наряду с правом собственности неимущественные права, но из этого не следует, что они являются частью конструкции права собственности. Например, собственнику (впрочем, как и другому субъекту) жилого помещения принадлежат права на выбор места жительства. ГК РФ не предусматривает объединения в одной правовой конструкции одновременно указанных права собственности на жилище и неимущественного права на свободу места жительства. Это разные права, у них разная природа и разные правовые режимы. Аналогично объясняется дуализм прав на продукты интеллектуального творчества.

Список литературы:

1. Гаврилов Э.П. Исключительные права на нематериальные объекты // Патенты и лицензии. – 2001. – № 3. – С. 13-20.
2. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
3. Дозорцев В.А. Понятие исключительного права // Проблемы современного гражданского права. – М.: Городец, 2000. – С. 287-320.
4. Макагонова Н.В. Авторское право: Учебное пособие / Под ред. Э.П. Гаврилова. – М.: Юрид. лит-ра, 1999. – 286 с.
5. Мэггс П.Б. Сергеев А.П. Интеллектуальная собственность. – М.: Юристъ, 2000. – 400 с.
6. Трахтенгерц Л.А. Патентное законодательство. Нормативные акты и комментарий. – М.: Юрид. лит-ра, 1994. – 287 с.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИЗНАНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Шоева Идигул Рахмутдиновна
Магистрант 2-го года обучения заочного отделения
факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

LEGAL NATURE OF RIGHT IN REM RECOGNITION AS A WAY TO CIVIL RIGHTS PROTECTION

Shoeva Idigul Rakhmutdinovna
2nd year Master's student of the correspondence
department of the faculty of correspondence (distance) education
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовой сущности признания вещных прав с точки зрения сложившейся судебной практики и теоретических подходов к разрешению соответствующих коллизий. Рассматриваются особенности применения рассматриваемого способа защиты в отношении именно вещных прав, сформулированы условия применения признания вещных прав.*

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the legal essence of the right in rem recognition as seen through the existing court practice and theoretical approaches to the solution of the conflicts available. The peculiarities are described of the application of the defense type concerning the rem rights in particular; the conditions for the rem rights recognition are given.*

Ключевые слова: *признание вещного права, способ защиты гражданских прав, условия признания вещного права, наличие в натуре объекта признания как специальное условие признания, абсолютный и внедоговорный характер*

Keywords: *right in rem recognition, way of the civil rights protection, conditions of the right in rem recognition, availability of the specific object of recognition as a special condition for the recognition, absolute and non-contractual character.*

Защите вещных прав посвящена гл. 20 Гражданского кодекса РФ. Однако она не содержит регламентации защиты указанных прав путем их признания, что ставит под сомнение возможность применения рассматриваемого способа защиты в отношении именно вещных прав. Данные обстоятельства породили довольно активную дискуссию относительно названной проблемы.

Сущность признания вещных прав оценивается в литературе по-разному. В результате анализа ряда мнений можно констатировать, что признание вещных прав в качестве самостоятельного способа защиты законодательством не предусмотрено. Между тем требование о признании вещного права, если исходить из логики данной позиции, входит в качестве одного из притязаний в состав виндикационного или негаторного способов. Другие авторы вполне обоснованно рассматривают признание вещных прав в качестве самостоятельного способа защиты права.

К примеру, при исследовании позиции В. А. Тархова и В. А. Рыбакова применительно к рассматриваемой проблематике видно, что вещное право защищается только мерами, предусмотренными гл. 20 Гражданского кодекса РФ. При этом данные авторы называют лишь такие вещно-правовые способы, как виндикационные и негаторные, вытекающие из названных мер, мотивируя свою точку зрения следующим образом. В гл. 20 Гражданского кодекса РФ говорится не обо всех средствах защиты, а только о тех, которые применяются в пределах правового отношения вещного права и с помощью которых реализуется компенсационная функция гражданского права в области вещных правоотношений [6, 48].

В свою очередь А. Зевайкина утверждает, что Гражданский кодекс РФ не признает самостоятельности подобного способа, и указывает, что если лицо, требуя освободить имущество от ареста, доказывает, к примеру, свое право собственности, но не добивается его возврата, так как имущество находится во владении контрагента на законном основании, то такие требования с точки зрения их юридической природы можно квалифицировать лишь как иски о признании права собственности [3, 12].

Думается, необходимо отметить, что если ГК РФ прямо не закрепляет возможности применения признания вещного права для защиты права, то нельзя утверждать, что закон не признает самостоятельности рассматриваемого способа защиты гражданских прав.

Вещно-правовой характер указанного способа, думается, вполне успешно удалось доказать А.П. Сергееву, который считает, что такой способ является абсолютным, так как соответствующее требование может быть предъявлено к любому лицу и не связано с какими-либо обязательственными отношениями; оно

является вещным, так как направлено на защиту индивидуально-определенного имущества [2, 411-414].

Иными словами, ученый фактически отметил два сущностных признака признания вещного права: абсолютный и внедоговорный характер.

Таким образом, одним из условий применения признания права как способа защиты гражданских прав в отношении признания именно вещных прав будет являться отсутствие обязательственных правоотношений между сторонами спора.

Соответственно абсолютный характер признания вещного права также подтверждается правоприменителем. В частности, в рамках рассмотрения одного дела суд установил, что такой вещно-правовой иск, как признание права собственности, может быть предъявлен любым лицом, имеющим доказательства своего права собственности на индивидуально-определенную вещь, к любому, кто, по его мнению, нарушает или может нарушить его право. Таким образом, абсолютный характер признания является еще одной отличительной чертой защиты именно вещных прав.

Представляется, что необходимо согласиться с таким мнением относительно понимания признания вещного права. Тем более, что изложенная позиция подтверждается и судебной практикой.

При анализе сложившейся судебной практики можно с уверенностью утверждать, что поскольку признание права осуществляется только в судебной форме защиты, то применение признания вещного права представляет собой внедоговорное требование обладателя соответствующего вещного права о констатации перед третьими лицами факта принадлежности заинтересованному лицу вещного права на спорное имущество. Условиями реализации такого способа являются: наличие в натуре объекта, в отношении которого заявлено требование о признании права; наличие правовых оснований для признания за заинтересованным лицом вещного права на спорную вещь; отрицание или непризнание прав заинтересованного лица третьими лицами; наличие у заинтересованного лица правового интереса к спорной вещи.

Трудно не согласиться с указанным перечнем условий применения признания права. Думается, что применительно к рассматриваемой теме интерес должен представлять анализ такого условия, как «наличие в натуре объекта» (полагаем, что данное условие необходимо рассматривать в совокупности с условием о наличии у заинтересованного лица правового интереса к спорной вещи).

В связи с изложенным нельзя не отметить, что в правовой доктрине не наблюдается единства мнений относительно возможности признания права, в частности, на уничтоженную вещь.

Все же представляется, что указанное мнение ошибочно в силу следующего. Поскольку признание вещного права является способом защиты нарушенного права на определенную вещь, то данный способ не подлежит применению, если указанная вещь погибла или уничтожена.

Кроме того, в случае, если на момент рассмотрения уже искового требования о признании права вещь (объект признания) отсутствует, то отсутствует и возможность восстановления нарушенного права, что противоречит ст. 4 АПК РФ, ст. 3 ГПК РФ.

Более того, применительно к праву собственности установлена специальная правовая норма - ст. 235 ГК РФ, которая прямо предусматривает, что уничтожением имущества прекращается право собственности на это имущество.

Следовательно, если в отношении права собственности указанная позиция получила правовое закрепление, то возникает неясность в части применения указанной правовой нормы к иным вещным правам. Указанное обстоятельство, в свою очередь, требует корректировки статей ГК РФ с целью закрепления общих положений о прекращении вещного права в связи с уничтожением вещи [4, 33].

Таким образом, думается, необходимо выделить специальное условие

признания вещного права - наличие спорной вещи на момент рассмотрения спора.

При таких обстоятельствах, несмотря на отсутствие в законе правового закрепления в гл. 20 ГК РФ такого способа защиты вещного права, как признание права, судебная практика в значительной степени восполнила указанный пробел.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день имеется достаточный практический и теоретический материал для прямого правового закрепления возможности применения признания права в отношении вещных прав путем включения соответствующих правовых положений в гл. 20 ГК РФ «Защита права собственности и других вещных прав» (об указанных обстоятельствах свидетельствует и наличие обширной судебной практики, устраняющей существующие на сегодняшний день правовые пробелы).

Необходимо отметить, что тенденции развития правовой мысли свидетельствуют о том, что на сегодняшний день имеются предложения по включению в ГК РФ отдельной статьи «защита вещных прав», посвященной определению способов защиты. В частности, это подтверждают положения, содержащиеся в Концепции развития законодательства о вещном праве. Однако указанная концепция не выделяет в качестве самостоятельного такого способа защиты вещного права, как признание права. Наблюдается регламентация возможности применения только виндикационного и негаторного исков.

Список литературы:

1. Граве К. А., Пергамент А.И., Мальцман Т.Б. Гражданское право. – М.: Проспект, 2015. – 290 с.
2. Гражданское право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ПБОЮЛ Л.В. Рож-ников, 2001. Т. 1. – 720 с.
3. Зевайкина А. Иски о признании права собственности // Рос. юстиция. – 2001. – №8. – С. 15-25.
4. Иоффе О.С. Советское гражданское право. – М.: Юрид. лит. 1967. – 401 с.
5. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник ВАС РФ. – 2009. – №4. – С. 33-41.
6. Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. – М.: Изд. группа «Юрист», 2002. – 150 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СМЕЖНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юсупов Саид Шодиевич

Магистрант 1-го года обучения заочного отделения факультета заочного (дистанционного) обучения

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF THE INSTITUTE OF RELATED RIGHTS IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yusupov Said Shodievich

1st year Master's student of the correspondence department of the faculty of correspondence (distance) education

Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30

tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Аннотация. *Рассмотрены проблемные вопросы функционирования института смежных прав в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий обусловило ряд проблем в рассматриваемой сфере. Установлено, что в настоящее время существует необходимость совершенствования механизмов правовой защиты авторских и смежных прав.*

Annotation. *The problematic issues of the functioning of the Institute of related rights in accordance with the current legislation of the Russian Federation are considered. The development of information and telecommunication technologies has caused a number of problems in this area. It has been established that at present there is a need to improve the mechanisms of legal protection of copyright and related rights.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, защита прав, исключительное право, авторское право, смежные права, сеть Интернет, плагиат, пиратство, контрафактная продукция, ответственность, законодательство*

Keywords: *intellectual property, protection of rights, exclusive right, copyright, related rights, Internet, plagiarism, piracy, counterfeit products, liability, legislation*

Категория «смежные права» активно распространена и используется именно в странах романо-германской правовой семьи, когда как в странах англосаксонской системы такой дефиниции не выделяется, в связи с чем используется обобщающее понятие как «авторские права». Проблемы авторских и смежных прав являются чрезвычайно актуальными сегодня ввиду того, что в настоящее время ведется активная борьба с плагиатом и пиратством - явлениями, которые основаны на безвозмездном и свободном использовании плодов чужого труда. Особенно акцентуируется эта тематика в связи с активным использованием возможностей сети Интернет. Безусловно, это нельзя назвать здоровой тенденцией - она должна искореняться путем повышения правовых средств охраны авторских и смежных прав, в том числе в гражданском праве.

Главным проблемным аспектом функционирования рассматриваемого института является необходимость совершенствования механизмов правовой защиты авторских и смежных прав, особенно в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет. Нужно заметить, что касательно именно смежных прав достаточно активно ведется борьба по их защите через судебные органы. Связано это, прежде всего, с самими особенностями рассматриваемой категории. Очень часто обладателями смежных прав являются крупные организации, музыкальные лейблы и т. п., которые готовы защищать свои вложения посредством проведения судебных тяжб.

Интернет прочно вошел в жизнь большинства жителей планеты. Его основное преимущество - свободный доступ к информации. Глобальная сеть предоставляет возможность получить необходимые данные из любого конца планеты. Однако, технические возможности компьютерных сетей позволяют осуществлять их

использование и в противоправных целях. Сегодня сеть является источником интернет-пиратства - незаконного распространения объектов авторских и смежных прав. В современном мире интернет так или иначе связан с вопросами использования исключительных прав: все статьи, фотографии, рисунки, записи, клипы и т. д. — все это так или иначе является объектом авторских или смежных прав. Однако, первоначальный смысл сети «Интернет» основан на добровольном размещении информации. Но в настоящее время очень много материалов, размещаемых в открытом доступе, являются объектами смежных или авторских прав. Ситуация усугубляется и потенциальной невозможностью всеобъемлющего регулирования таких прав: интернет слишком обширен и невозможно контролировать объем всех

данных, размещаемых в цифровой среде. Кроме того, в последнее время наблюдается проблема сетевых «зеркал». Даже если пиратские сайты обнаруживаются, и доступ к ним ограничивается, администраторы интернет-сайтов создают точные копии и продолжают заниматься противоправной деятельностью [2, 16].

Наиболее распространенные способы нарушения исключительных прав с использованием сети Интернет схожи с существующими в реальном пространстве. К ним можно отнести плагиат, незаконное копирование и распространение.

Однако, можно выделить и специфические формы:

1) Интернет-пиратство - наиболее распространено в аудиовизуальной сфере. В сети Интернет распространяется множество клипов, записей программ, телепередач, фильмов и других подобных материалов. Данная деятельность является достаточно масштабной и осуществляется специализирующимися на этом людьми. Зачастую они оформляют платный доступ к специальным сервисам, откуда и совершают незаконное копирование с последующим распространением. Основной целью деятельности таких лиц является получение материальной выгоды за счет размещения на сайтах с пиратским материалом рекламных продуктов. Некоторыми авторами отмечается, что ряд таких субъектов стремятся таким образом «достичь социальной справедливости и помочь людям» [4, 377]. В качестве одной из самых опасных тенденций называют выход пиратских копий до их официального релиза у правообладателя. В результате, последний теряет целевую аудиторию, а значит, количество просмотров и ту же самую прибыль от рекламодателей.

2) Интернет-пиратство музыкальных произведений - в большей степени касается фонограмм и записей выступлений. Сегодня в сети активно распространяются файлообменники с этими материалами, которые «забирают» потенциальную аудиторию у официальных распространителей, а, следовательно, несут потенциальные убытки в виде упущенной выгоды.

3) Интернет-пиратство в сфере программного обеспечения. Данная противоправная деятельность заключается в осуществлении незаконного копирования и распространение программных продуктов в сети Интернет, в том числе снятие официальных средств защиты программных продуктов. Рассматриваемая проблема осложняется тем, что подобная деятельность обуславливает возникновение иных негативных последствий, в частности, возможность заражения компьютерных устройств различными интернет-вирусами, содержащихся во взломанном программном обеспечении, что является причиной утечки персональных данных, хищений финансовых активов, взломам операционных систем и т. д.

Защита авторских и смежных прав обуславливает решение ряда проблем в рассматриваемой сфере, которые можно разделить на три вида: образовательные, правовые и технологические.

Во-первых, среди общественности широкое распространение получило поверье о том, что любой продукт, размещенный в сети Интернет, является свободным и авторским правом не защищается. Действительно, в глобальной сети любое произведение без особых усилий можно скачать, скопировать и распространить, поскольку сеть Интернет предполагает свободное копирование информации без дополнительных соглашений и юридических действий. В этой ситуации единственным препятствием является институт авторского права.

В настоящее время в научном сообществе высказываются различные позиции относительно этой проблемы и способы ее решения. Обобщение научных подходов позволило сгруппировать их следующим образом [5, 140]:

1) охрана авторских и смежных прав в сети Интернет является нецелесообразной;

2) охрана авторских и смежных прав в сети Интернет традиционными правовыми

способами невозможна, в связи с чем необходим новый правовой механизм, регламентирующий данную сферу деятельности. В свою очередь, новый механизм защиты указанных прав также несет в себе дополнительные проблемы. В частности, законодательная проблема, которая связана с тем, что законодателем не предусмотрено дополнительных средств (способов) регламентации охраны авторских и смежных прав. Другой является проблема образования, то есть осуществление охраны прав осуществляют высоко квалифицированные специалисты в данной сфере.

3) охрана авторских и смежных прав в сети Интернет традиционными способами необходима и возможна путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство. В настоящее время, разброс регулирования охраны интеллектуальной собственности по различным нормативно-правовым актам недопустима, так как носит глобальный характер. Соответственно, охрана интеллектуальной собственности требует единого нормативно-правового акта для урегулирования

споров в данной сфере. Мы склонны придерживаться второй позиции: опыт последних лет показывает неэффективность традиционных механизмов, хотя в случае со смежными правами они иногда дают результаты. Однако, все имеющиеся судебные решения - лишь капля в море. Сегодня необходима разработка новых эффективных мер противодействия пиратству в сети Интернет [1, 59].

Таким образом, в функционировании института смежных прав сегодня имеется ряд ключевых проблем. Первая, наиболее актуальная, связана с защитой смежных прав в сети Интернет. В настоящее время не существует действенного механизма деятельности в этом направлении, а традиционные способы не дают желаемых результатов. Считаем, что в настоящий момент возникла необходимость разработки новых способов защиты смежных прав в сети Интернет. Анализ судебной практики показал, что сегодня в Российской Федерации назрела необходимость совершенствования законодательства о защите смежных прав. В первую очередь, необходим поиск эффективных средств противодействия интернет-пиратству, которое в последние годы набирает свою популярность. Люди хотят использовать объекты чужих смежных прав нелегально, но при этом, бесплатно, удовлетворяя свои культурные потребности. Ряд лиц и вовсе идет на это для получения коммерческой выгоды, например, за распространение контрафактных записей исполнителей. К сожалению, имеющихся традиционных способов в настоящее время не хватает, а потому в сети продолжается массовое нарушение исключительных прав, что в демократическом правовом государстве недопустимо. Еще одной значимой проблемой являются отдельные аспекты правового регулирования защиты смежных прав, в том числе в уголовно-правовой и административно-правовой областях.

Список литературы:

1. Алисова Е. В. Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet // Наука, образование и культура. – 2016. – № 7 (10). – С. 55-62.
2. Савина В. Г. Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet // Студенческий вестник. – 2021. – № 16-3(161). – С. 16-18.
3. Самокруто М. А. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав // Бюллетень науки и практики. – 2020. – № 5. – С. 20-23.
4. Сологубова Л. А., Кириенко С. Е. Защита объектов авторского права и смежных прав в интернете // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2014. – № S6. – С. 377-382.
5. Соцков Е.А. Неюрисдикционные способы защиты интеллектуальной собственности // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – №1(2). – С. 138-143.

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ»

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОГОВОРА

Абдурахмонов Азиз Тошбоевич
магистрант 1-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF AN INVESTMENT AGREEMENT

Abdurakhmonov Aziz Toshboevich
1st year full-time master's student
of the training program «Corporate Lawyer» of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируется правовая природа и понятие инвестиционного договора в контексте законодательства Республики Таджикистан. Отмечается, что, несмотря на широкое применение данного инструмента на практике, его легальное определение в национальном законодательстве отсутствует. Автор рассматривает традиционный подход, относящий к инвестиционным договорам различные гражданско-правовые соглашения (подряд, лизинг, франчайзинг, концессию и др.), и приходит к выводу о комплексной, смешанной природе такого договора. В статье выделяются существенные признаки инвестиционного договора: наличие инвестиционного проекта, долгосрочный характер, целевое использование средств и возникновение общей долевой собственности на результат. Особое внимание уделяется дискуссии о правовой природе данных соглашений: анализируются три основных подхода — публично-правовой (административный), гражданско-правовой и международно-правовой. Резюмируется, что инвестиционный договор представляет собой особый, не поименованный в гражданском законодательстве вид договора.*

Annotation. *The article analyzes the legal nature and concept of an investment agreement in the context of the legislation of the Republic of Tajikistan. It is noted that, despite the widespread use of this instrument in practice, its legal definition is absent in national legislation. The author examines the traditional approach that classifies various civil law contracts (construction contract, leasing, franchising, concession, etc.) as investment agreements and concludes that such an agreement has a complex, mixed nature. The article highlights the essential features of an investment agreement: the existence of an investment project as a prerequisite for concluding the agreement, the long-term nature of the parties' relationship, commercial interest, targeted use of the investor's funds, written form of the agreement, and the emergence of common shared ownership of the invested property and the result of investment activities. Special attention is paid to the discussion on the legal nature of these agreements: three main approaches are analyzed — public law (administrative), civil law, and international law. It is summarized that an investment agreement represents a special type of agreement not provided for by civil legislation.*

Ключевые слова: *инвестиционный договор, Республика Таджикистан, гражданское законодательство, правовая природа, смешанный договор, инвестиционный проект, существенные признаки договора, общая долевая собственность, предпринимательское законодательство, концессионные договоры.*

Keywords: *investment agreement, Republic of Tajikistan, civil legislation, legal nature, mixed contract, investment project, essential features of a contract, common shared ownership, business legislation, concession agreements.*

Для любого предприятия важна разумная и целенаправленная инвестиционная деятельность. Вложения денежных средств и материальных благ в реализацию различных проектов несут в себе задачу достижения определенных целей в зависимости от проводимой предприятием политики. Цели могут быть самыми различными: строительство объектов,

повышение рентабельности производственного процесса, замена устаревшего оборудования и, как следствие, повышение эффективности, расширение производства, увеличение доли рынка, технологический прорыв и т.д.

Однако какую бы цель не преследовала инвестиционная деятельность того или иного хозяйствующего субъекта, функционирование инвестиционного бизнеса предполагает четкую организацию процесса управления реализацией инвестиционных проектов, где немаловажную роль играет инвестиционный договор.

Несмотря на довольно широкое применение инвестиционных договоров на практике, в законодательстве Республики Таджикистан нет конкретного определения инвестиционного договора. Данное обстоятельство влечет широкое использование на практике различных договорных форм осуществления инвестиций, оставляя тем самым открытым вопрос о безопасности участников инвестирования. В связи с этим можно согласиться с авторами, полагающими, что «ненадлежащий уровень правового регулирования инвестиций связан с неясным представлением о том, что же следует считать инвестицией, инвестиционным договором и в каких случаях гражданско-правовые отношения можно квалифицировать как инвестиционные» [3, 56].

Законодательство, регулирующее инвестиционную деятельность, имеет массу пробелов, не позволяющих использовать его как систему, дающую участникам инвестиционной деятельности четкий алгоритм действий [9, 25]. Подобные проблемы неоднократно были объектом научных исследований в современной юридической литературе [5, 113].

В советское время инвестиционный договор представлял собой соглашение, которое заключалось между государством и иностранным инвестором с целью привлечения инвестиций. Данное соглашение определяло порядок и условия допуска иностранного капитала. При этом иностранному инвестору в рамках соглашения устанавливался льготный режим, который включал применение стабилизационной оговорки, а также применение льготного налогового режима в виде освобождения от уплаты налогов, таможенных платежей на срок действия договора. Также гарантировался перевод полученной прибыли за пределы советского государства.

По данной проблеме имелись и научные изыскания. Так, М.И. Кулагин под инвестиционным соглашением понимал «договор между частным иностранным вкладчиком и государством, в котором определяются условия допуска и функционирования частного инвеститора в данной стране, взаимные права и обязанности вкладчика капитала и государства» [5, 40].

К характерным чертам инвестиционного договора Н.Н. Вознесенская относила следующее:

1) субъектный состав состоят из суверенного государства и частного иностранного лица;

2) предмет соглашения являлись имущественные отношения, построенные на основе своеобразной эквивалентности, а не на власти и подчинении;

3) применимым правом было национальное право государства-реципиента. Но имелась оговорка о предоставлении частному инвестору долгосрочного постоянного правового режима. Это означало неприменение к нему новых невыгодных для него положений законов и других нормативных правовых актов.

4) для заключения договора требовалось специальное разрешение государственных органов.

Именно в таком понимании рассматривалась правовая природа инвестиционного договора – в качестве гражданско-правовых договоров.

Отсутствие законодательного определения инвестиционного договора в Республике Таджикистан, по нашему мнению, объясняется тем, что понятие и сущность договора в полном объеме регламентируется гражданским законодательством.

В научной литературе традиционно к числу инвестиционных договоров относят договоры строительного подряда, инвестирования строительства, продажи недвижимости, продажи предприятий, финансовой аренды (лизинга), франчайзинга, доверительного управления имуществом, концессионные договоры и некоторые другие. Каждый из видов договоров регулируется нормами Гражданского кодекса РТ и нормами актов предпринимательского законодательства.

Вместе с тем инвестиционный договор - по своей юридической природе комплексное

соглашение, имеющее элементы многих гражданско-правовых договоров. Данный смешанный договор определяет не только взаимоотношения собственников или титульных владельцев средств, вкладываемых в объекты предпринимательской деятельности, но и процесс реализации инвестиционного проекта и распределение доходов. К существенным признакам инвестиционного договора следует отнести: наличие инвестиционного проекта как предпосылки заключения договора; долгосрочный характер отношений сторон; коммерческую заинтересованность; целевое использование средств инвестора; письменную форму договора; возникновение общей долевой собственности на вложенное имущество и на результат инвестиционной деятельности [8, 10].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что заключение инвестиционного договора происходит путем заключения нескольких соглашений, которые в совокупности своей составляют инвестиционный договор.

По вопросу правовой природы инвестиционного договора в юридической литературе имеется несколько позиций. Представители первого подхода признают публично-правовую природу инвестиционных договоров и относят их к области административного права. Такой точки зрения, в частности, придерживался В.П. Мозолин. Учёный отрицал гражданско-правовую природу инвестиционных соглашений по тому основанию, что правовой базой для выдачи соответствующих документов являются «бланкетные полномочия, заранее предоставляемые государствами своим правительственным органам, или же постановления индивидуального характера, принимаемые высшими органами государств по конкретным иностранным инвестициям» [7, 98].

Представители второго подхода, напротив, доказывают гражданско-правовую природу инвестиционных соглашений и признают их в качестве разновидности гражданско-правовых договоров, обладающих определенной спецификой. В частности, такой позиции придерживается Л.А. Лунц, Н.Н. Вознесенский и Н.Г. Доронина [6, 112].

Сторонники третьей точки зрения сравнивают инвестиционные договоры с международными договорами и относят их к институту международного публичного права. Такое мнение высказывают некоторые зарубежные учёные, например, Л. Сон, Р. Бакстер, Б. Уортли.

Кроме этого, существуют комплексный подхода по вопросу правовой природы инвестиционного договора. Так, например, по мнению А.С. Богатырева, «в силу сложности и комплексности отношений регулирования, вероятно, и невозможно прямолинейно отнести инвестиционные соглашения-контракты к категории договоров и соглашений международного публично-правового характера или административного и гражданского характера в национальном праве» [1, 74].

Государство, являясь властвующим субъектом публичного права, в интересах привлечения иностранных инвестиций в экономику страны переводит своей властью отдельные публично-правовые отношения в правовое поле частного права, становясь партнером частного иностранного инвестора при заключении с ним инвестиционного соглашения по общему правилу, установленному ст. 136 Гражданского кодекса РТ. Включая соответствующие публично-правовые требования и правомочия непосредственно в структуру конкретного инвестиционного соглашения, государство тем самым превращает их специально, только в рамках данного соглашения, в частноправовые субъективные права и обязанности. Это во многих случаях более надежно обеспечивает имущественные права государства и экономические интересы страны, чем способ прямых административно-правовых санкций по отношению к зарубежному инвестору.

Сочетание норм публично-правового и частноправового характера типично для правового регулирования инвестиционных договоров. Инвестиционный договор – это комплексный правовой институт, в рамках которого возникают как частноправовые, так и публично-правовые отношения, поэтому его следует признать договором со смешанной правовой природой.

Инвестиционный договор - комплексное по своей юридической природе соглашение, имеющее элементы многих гражданско-правовых договоров. Данный смешанный договор определяет не только взаимоотношения собственников или титульных владельцев средств, вкладываемых в объекты предпринимательской деятельности, но и процесс реализации инвестиционного проекта и распределение доходов. К существенным признакам инвестиционного договора следует отнести: наличие инвестиционного проекта как

предпосылки заключения договора; долгосрочный характер отношений сторон; коммерческую заинтересованность; целевое использование средств инвестора; письменную форму договора; возникновение общей долевой собственности на вложенное имущество и на результат инвестиционной деятельности.

Основная масса инвестиционных договоров носит гражданско-правовую природу. В юридической литературе преобладает точка зрения, согласно которой правовое содержание инвестиционных правоотношений и инвестиционной деятельности определяется тем, что они являются разновидностью гражданско-правовых отношений и обладают общими с ним чертами. Поэтому их можно определить как общественные отношения, связанные с инвестициями и инвестиционной деятельностью, урегулированные нормами гражданского права, в результате чего у участников этих правоотношений возникают имущественные и личные неимущественные права и обязанности [1, 117].

Большинство отношений в сфере инвестиционной деятельности регулируется нормами публичного права. Но также имеется немалый ряд инвестиционных отношений, которые регулируются нормами гражданского права. Особенно это касается отношений в части заключения и исполнения инвестиционных договоров. В этой связи можно утверждать, что данная группа отношений имеет комплексный характер, включая элементы публичного и частного права.

В Республике Таджикистан одними из наиболее распространенных договорных форм осуществления инвестиционной деятельности в настоящее время являются договор финансовой аренды (лизинга) и соглашение о разделе продукции. Положения данных договоров закреплены в отдельных законах, к которым относятся Закон РТ «О соглашениях о разделе продукции» от 5 марта 2007 года за №238 и Закон Республики Таджикистан «О финансовой аренде (лизинге)» от 22 апреля 2003 г. за №9.

В положениях вышеуказанных нормативно-правовых актов определяется сфера применения договоров как формы осуществления инвестиционной деятельности. Содержание каждого вида договора раскрывается законодателем посредством определения условий, при которых заключается договор. Это, прежде всего существенные условия, которые необходимы и достаточны для заключения договора. К таким условиям относятся, прежде всего, условия о предмете договора, это условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные, которые необходимы для данного вида договора, и условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Договор не может считаться заключенным без достижения соглашения по всем существенным условиям.

Положения различных договоров, заключаемых инвесторами, могут быть частично исключены или дополнены другими положениями в зависимости от вида договора или соглашения, специфики конкретного объекта инвестиций и требований законодательства.

К характерным признакам инвестиционных договоров относятся:

1) заключению инвестиционного договора предшествует инвестиционный проект;

2) договорные отношения носят долгосрочный характер;

3) направленность на получение прибыли;

4) возмездный характер;

5) целевой характер использования денежных средств;

6) вовлечение инвестора в производственно-хозяйственную деятельность;

7) долевое участие сторон договора.

К существенным условиям договора согласно п. 1 ст. 464 Гражданского кодекса РТ относятся условия: 1) о предмете договора; 2) условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида; 3) условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Договор не может считаться заключенным без достижения соглашения по всем существенным условиям. Как упоминалось ранее, инвестиционный договор является непоименованным договором и не входит в систему договоров, предусмотренную Гражданским кодексом РТ.

Таким образом, инвестиционный договор можно назвать особым видом договора, не предусмотренным нормами гражданского законодательства. Хотя в условиях развития инвестиционно-финансовой деятельности в Республике Таджикистан в настоящее время возрастает необходимость четкой законодательной регламентации данного договора как

отдельного вида гражданско-правового договора.

На основании изложенного предлагаем дополнить вторую часть Гражданского кодекса РТ самостоятельной главой, посвящённой правовому регулированию инвестиционного договора.

Список литературы:

1. Богатырев А.Г. Инвестиционное право. — М., 1992. — 354 с.
2. Вознесенская Н.Н. Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. — М., 1975. — 196 с.
3. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. — 2005. — № 9. — С. 56–64.
4. Кулагин М.И. Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами // Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки: сб. науч. тр. — М., 1983. — С. 38–45.
5. Лисица В. Инвестиционный договор // Закон. — 2001. — № 6. — С. 112–118.
6. Лунц Л.А. Курс международного частного права. Особенная часть. — М., 1975. — 430 с.
7. Мозолин В.П. Право США и экспансия американских корпораций. — М., 1974. — 98 с.
8. Шадрина Т.В. Правовое регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. — М., 1999. — 187 с.
9. Шичанин А.В., Гривков О.Д. Некоторые аспекты минимизации правовых рисков при осуществлении инвестиционной деятельности // Право и экономика. — 2007. — № 6. — С. 23–29.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Абдуллоева Мадина Нусратуллоевна
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460 e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

INNOVATION ACTIVITIES AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION

Abdulloeva Madina Nusratulloevna
2st year full-time master's student
of the training program «Corporate Lawyer» of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460; e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается инновационная деятельность как самостоятельный объект правового регулирования в современных условиях развития экономики. Раскрывается содержание понятия инновационной деятельности, её признаки и особенности как сложного межотраслевого правового явления. Особое внимание уделяется анализу правовых механизмов регулирования инновационной деятельности, включая государственную политику в сфере инноваций, формы стимулирования и поддержки инновационной активности, а также участие субъектов предпринимательства в инновационных процессах. Исследуются проблемы правового обеспечения инновационной деятельности, в том числе недостаточная системность законодательства, наличие правовых пробелов и сложности в реализации мер государственной поддержки. Обосновывается необходимость совершенствования нормативно-правовой базы с учётом современных вызовов цифровизации и глобализации, а также обеспечения баланса интересов государства и частных субъектов в инновационной сфере.*

Annotation. *This article examines innovation as an independent subject of legal regulation in the current economic environment. It explores the concept of innovation, its characteristics, and its specific features as a complex, intersectoral legal phenomenon. Particular attention is paid to the analysis of legal mechanisms regulating innovation, including state policy in the field of innovation, forms of incentives and support for innovation, and the participation of business entities in innovation processes. The article explores the challenges of legal support for innovation, including the insufficient consistency of legislation, the presence of legal gaps, and difficulties in implementing state support measures. It substantiates the need to improve the regulatory framework, taking into account the modern challenges of digitalization and globalization, as well as to ensure a balance of interests between the state and private entities in the field of innovation.*

Ключевые слова: *инновационная деятельность, правовое регулирование, инновации, государственная поддержка, предпринимательство, цифровизация, правовые механизмы, инновационная экономика, Республика Таджикистан.*

Keywords: *innovation activities, legal regulation, innovation, state support, entrepreneurship, digitalization, legal mechanisms, innovative economy, the Republic of Tajikistan.*

В системе современного экономического права инновационная деятельность утвердилась в качестве самостоятельного и комплексного объекта правового регулирования. Её правовая природа является производной от диалектического единства частных и публичных интересов. С одной стороны, она коренится в частной инициативе, свободе научного творчества и предпринимательства, а с другой – приобретает стратегическое значение для национальной безопасности, экономического суверенитета и устойчивого развития государства, что обуславливает необходимость активного публично-правового вмешательства [6, 311]. Как справедливо отмечает М.В. Волынкина, «правовое регулирование инновационной деятельности представляет собой целенаправленное воздействие на общественные отношения в сфере создания и внедрения новшеств с помощью системы взаимосвязанных юридических средств» [3, 45]. Это воздействие формирует особый правовой режим – совокупность правовых средств, определяющих специфический порядок возникновения, осуществления и защиты прав и обязанностей субъектов в данной сфере [2, 152].

В Республике Таджикистан формирование такого режима осуществляется на основе иерархической системы стратегических и нормативных правовых актов, которые образуют многоуровневую основу для регулирования. Ключевыми элементами этой системы являются два уровня регулирования – программно-стратегический, законодательный и подзаконный. Рассмотрим более подробно:

1. Программно-стратегический уровень задаёт долгосрочные цели и приоритеты в следующих стратегических документах Республики Таджикистан:

- Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года (утв. Постановлением Правительства РТ от 3 апреля 2012 г. № 145), определяющая общие контуры модернизации экономики и социальной сферы.

- Стратегия Республики Таджикистан в сферах науки, технологий и инноваций на период до 2030 года (2021 г.), конкретизирующая задачи научно-технологического и инновационного прорыва.

- Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года, представляющая собой пример отраслевого стратегического планирования для одного из ключевых направлений технологических инноваций.

2. Законодательный уровень устанавливает базовые правовые рамки и представлен рядом законодательных актов. В числе первых из них следует назвать системообразующий РТ «Об инновационной деятельности», который закрепляет основополагающие понятия, принципы, права, обязанности и механизмы регулирования инновационной деятельности. Значение данного закона в правовой системе заключается в выполнении им ряда ключевых функций. Во-первых, данный Закон вводит и легализует основополагающие дефиниции, такие как «инновационная деятельность», «инновация», «инновационный проект», «субъект инновационной деятельности», формируя единый понятийный аппарат для правотворчества и правоприменения. Во-вторых, им устанавливаются принципы и цели государственной инновационной политик, задающие парадигму развития всей сферы инновационной деятельности (ст.ст. 10, 11 Закона).

Помимо Закона РТ «Об инновационной деятельности», в систему данного законодательства входят законы Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности. Это обусловлено тем, что инновационный процесс неразрывно связан с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности. В частности, к ним относятся Закон РТ «Об изобретениях» от 28 февраля 2004 года; Закон РТ Об авторском праве и смежных правах от 13 ноября 1998 года, № 726; Закон РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания от 05 марта 2007 г., № 234; Закон РТ «О промышленных образцах от 28 февраля 2004 г., № 16; Закон РТ «О секретных изобретениях от 21 июля 2010 г., № 624

3. Подзаконный уровень. Подзаконный уровень регулирования необходим для конкретизации и практической реализации положений законов в сфере инновационной деятельности. Именно подзаконные нормативные правовые акты позволяют детально определить порядок применения законодательных норм, механизмы государственной поддержки, процедуры отбора и финансирования инновационных проектов, а также полномочия уполномоченных органов.

Среди нормативных правовых актов этого уровня следует назвать Положение об Экспертном координационном совете по управлению реализацией Программы инновационного развития Республики Таджикистан на 2011-2020 годы. Указанное Положение определяет правовой статус, цели, задачи, функции и порядок деятельности Экспертного координационного совета, создаваемого для обеспечения согласованного и эффективного управления реализацией Программы инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2020 годы, включая координацию действий государственных органов, экспертизу предлагаемых инновационных проектов, мониторинг выполнения программных мероприятий и выработку рекомендаций по корректировке и совершенствованию государственной инновационной политики.

Системный анализ указанных актов позволяет выделить многоуровневую архитектуру правового регулирования инновационной деятельности в Таджикистане, которая включает: 1) нормативное закрепление понятийного аппарата и правового статуса деятельности; 2) регламентацию процесса её осуществления; 3) установление механизмов государственного управления, координации и поддержки.

С теоретико-правовой точки зрения объектом правового регулирования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе создания, внедрения, распространения и использования инноваций. Эти отношения возникают между различными субъектами инновационной деятельности — разработчиками, инвесторами, пользователями инновационной продукции, организациями инновационной инфраструктуры и государственными органами. При этом инновационная деятельность не сводится исключительно к хозяйственным операциям, поскольку включает элементы научного творчества, управления, публичного администрирования и оборота результатов интеллектуальной деятельности, что существенно расширяет рамки ее правового воздействия.

Особенностью инновационной деятельности как объекта правового регулирования является ее высокая степень неопределенности и рискованности. Результаты инновационной деятельности заранее не гарантированы, а экономический эффект может проявляться лишь в долгосрочной перспективе. Данное обстоятельство обусловливает необходимость особых правовых режимов, направленных на стимулирование инновационной активности, распределение рисков между участниками инновационного процесса и защиту их законных интересов. В теории права это обосновывает применение сочетания диспозитивных и императивных методов регулирования, а также активное участие государства в формировании условий инновационного развития.

Существенное значение имеет и то, что инновационная деятельность тесно связана с результатами интеллектуальной деятельности, обладающими особым правовым режимом. Интеллектуальная собственность выступает ключевым элементом инновационного процесса, а ее правовая охрана является необходимым условием коммерциализации инноваций и привлечения инвестиций. В этой связи правовое регулирование инновационной деятельности направлено не только на упорядочение экономических отношений, но и на обеспечение баланса интересов авторов, правообладателей, инвесторов и общества в целом.

Инновационная деятельность как объект правового регулирования характеризуется также многостадийностью, что предполагает правовое воздействие на каждом этапе

инновационного цикла – от научных исследований и опытно-конструкторских разработок до внедрения инноваций и их распространения на рынке. Каждая стадия отличается спецификой возникающих правоотношений и требует применения различных правовых инструментов, включая договорные конструкции, меры государственной поддержки, механизмы контроля и мониторинга [5, 35].

Важной теоретической характеристикой инновационной деятельности является ее публично-частная природа. С одной стороны, инновационная деятельность осуществляется субъектами частного права на основе свободы предпринимательства и договорной автономии. С другой стороны, государство выступает активным участником инновационного процесса, определяя приоритетные направления инновационного развития, формируя нормативно-правовую базу, реализуя стратегические и программные документы, а также осуществляя координацию и контроль [1, 234]. Такое сочетание частных и публичных начал предопределяет особую модель правового регулирования инновационной деятельности, основанную на взаимодействии рыночных механизмов и государственного управления.

В условиях повышенной рискованности и неопределённости результатов инновационной деятельности правовое регулирование приобретает не только охранительный и упорядочивающий характер, но и стимулирующий. Это выражается в создании специальных правовых режимов, предоставлении мер государственной поддержки, поощрении инвестиций в инновационные проекты и формировании институциональной инфраструктуры, способствующей реализации инновационных идей. Законодательство и стратегические документы, такие как Закон Республики Таджикистан «Об инновационной деятельности» и Стратегия Республики Таджикистан в сферах науки, технологий и инноваций на период до 2030 года, предусматривают комплекс мер, направленных на стимулирование субъектов инновационной деятельности через целевые программы, гранты, налоговые льготы, развитие технопарков и венчурных фондов. С точки зрения теории права, такой подход обеспечивает сочетание императивных и диспозитивных методов регулирования, когда государство определяет приоритетные направления инновационного развития и одновременно предоставляет субъектам свободу выбора форм и методов реализации инноваций [4, 53]. Стимулирование инновационной деятельности выступает неотъемлемым элементом правового воздействия, направленного на активизацию научно-технического потенциала, повышение эффективности производства, защиту интересов участников инновационного процесса и достижение стратегических целей социально-экономического развития государства.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что инновационная деятельность как объект правового регулирования представляет собой сложное, многоуровневое и динамично развивающееся общественное явление, затрагивающее широкий круг экономических, научно-технических и управленческих отношений. Ее специфика обусловлена тем, что инновационная деятельность одновременно выступает сферой реализации научного потенциала, формой предпринимательской активности и инструментом достижения стратегических целей социально-экономического развития государства. В силу этого правовое регулирование инновационной деятельности носит комплексный характер и опирается на нормы различных отраслей права – гражданского, предпринимательского, административного, финансового и международного права.

Список литературы:

1. Административное право: учебник / Под ред. Л.Л. Попова. М., 2019. С. 456-460; Финансовое право: учебник / отв. ред. Е.Ю. Грачёва. - М., 2020. – 342 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. - М., 1982. – 534 с.
3. Волынкина М.В. Правовое регулирование инновационной деятельности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2009. – 305 с.
4. Касьянова Г.Ю. Венчурное финансирование: правовые аспекты // Законодательство и экономика. - 2017. - № 5. - С. 51-57.
5. Патоков В.В. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: правовые формы // Предпринимательское право. - 2015. - № 2. - С. 34-39.
6. Теория государства и права / Под ред. В.Д. Перевалова. - М., 2018. – 418 с.

ОБЪЕКТЫ И ВИДЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Абдуллоева Мадина Нусратуллоевна
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

OBJECTS AND TYPES OF INNOVATION ACTIVITIES

Abdulloeva Madina Nusratulloevna
2st year full-time master's student
of the training program «Corporate Lawyer» of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460; e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуются объекты и виды инновационной деятельности в контексте их правового регулирования в Республике Таджикистан. Отмечается отсутствие в юридической доктрине единой классификации объектов инновационной деятельности, в связи с чем анализируются основные теоретико-правовые подходы к их определению: узкий, связывающий инновации преимущественно с результатами интеллектуальной деятельности; широкий (комплексный), включающий как результаты, так и процессы их создания и внедрения; а также интеграционный подход, охватывающий финансово-инвестиционные элементы инновационной деятельности. Установлено, что законодатель Республики Таджикистан закрепляет интеграционную модель, объединяя в едином перечне нематериальные результаты, их материальные формы, инновационные проекты и финансовые инструменты. Обосновывается, что подобная широта подхода, с одной стороны, обеспечивает гибкость правового регулирования, а с другой – порождает проблемы правовой квалификации и применения норм. Предлагается систематизация объектов инновационной деятельности по логике инновационного цикла («идея - продукт - проект - финансы»). Также рассматриваются виды инновационной деятельности, закреплённые в законодательстве, отражающие многоэтапный характер инновационного процесса – от научных исследований до коммерциализации и распространения результатов. Делается вывод о необходимости уточнения критериев отнесения объектов к инновационным и обеспечения согласованности законодательства в данной сфере.*

Annotation. *The article examines the objects and types of innovation activities in the context of their legal regulation in the Republic of Tajikistan. The author notes the absence of a unified classification of innovation objects in the legal doctrine, and therefore analyzes the main theoretical and legal approaches to their definition: a narrow approach, linking innovations primarily with the results of intellectual activity; a broad (comprehensive) approach, including both the results and the processes of their creation and implementation; and an integration approach, encompassing the financial and investment elements of innovation activities. It is established that the legislator of the Republic of Tajikistan enshrines the integration model, combining in a single list intangible results, their tangible forms, innovative projects and financial instruments. It is substantiated that such a broad approach, on the one hand, ensures the flexibility of legal regulation, and on the other, gives rise to problems of legal qualification and application of norms. The article proposes to systematize the objects of innovation activity according to the logic of the innovation cycle ("idea - product - project - finance"). The types of innovative activity enshrined in legislation are also examined, reflecting the multi-stage nature of the innovation process—from scientific research to commercialization and dissemination of results. A conclusion is reached regarding the need to clarify the criteria for classifying objects as innovative and to ensure the consistency of legislation in this area.*

Ключевые слова: *инновационная деятельность, объекты инновационной деятельности, виды инновационной деятельности, правовое регулирование, результаты*

интеллектуальной деятельности, инновационная продукция, инновационные проекты, финансовые инструменты, Республика Таджикистан.

Keywords: *innovative activity, objects of innovative activity, types of innovative activity, legal regulation, results of intellectual activity, innovative products, innovative projects, financial instruments, the Republic of Tajikistan.*

Объектами инновационной деятельности являются те результаты научной, технической и технологической деятельности, которые подлежат созданию, внедрению и коммерциализации, а также имущественные и нематериальные блага, обеспечивающие их реализацию. В соответствии со ст. 4 Закона РТ «Об инновационной деятельности» к объектам инновационной деятельности относятся следующие объекты:

- инновационная продукция;
- результаты интеллектуальной деятельности, содержащие новую и полезную техническую информацию;
- объекты исключительных прав, связанные с созданием инновационной продукции;
- инновационные и инвестиционные проекты, программы, работы и услуги, а также финансовые активы и ценные бумаги инновационных организаций.

С точки зрения теории права, такие объекты представляют собой юридически значимые результаты творческой и научно-технической деятельности, на которые распространяется комплекс норм, направленных на их охрану, использование и стимулирование внедрения в экономический оборот. Объекты инновационной деятельности формируют правовую основу для регулирования отношений между разработчиками, инвесторами, пользователями инновационной продукции и государственными органами, обеспечивая законность, баланс интересов и защиту интеллектуальной собственности.

Выделение объектов инновационной деятельности имеет принципиальное значение как с теоретической, так и с практико-правовой точки зрения, поскольку именно через объекты определяется предмет и пределы правового регулирования в данной сфере. Как пишет по этому поводу Д.М. Мошкова, чёткое закрепление объектов инновационной деятельности позволяет установить, какие результаты и блага подлежат правовой охране, использованию и государственному стимулированию, а также какие общественные отношения включаются в сферу инновационного законодательства [5, 251].

Разграничение объектов инновационной деятельности необходимо для формирования эффективного механизма защиты прав субъектов, прежде всего в части охраны результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав. Определение объектов позволяет применять соответствующие правовые режимы к инновационной продукции, инновационным проектам, финансовым активам и иным результатам инновационного процесса, что обеспечивает правовую определённость и предсказуемость регулирования.

Теоретическое значение классификации объектов инновационной деятельности заключается в обеспечении правовой определенности и системности регулирования. Закрепление объектов позволяет соотнести конкретные результаты инновационного процесса с соответствующими правовыми режимами, прежде всего режимами интеллектуальной собственности, инвестиционной деятельности и предпринимательского оборота. Тем самым создаются предпосылки для дифференцированного правового воздействия, при котором нормы права учитывают специфику каждого объекта инновационной деятельности и характер возникающих в связи с ним отношений.

Вопрос о правовой природе и классификации объектов инновационной деятельности является одним из наиболее дискуссионных в отечественной и зарубежной юридической науке. Теоретико-правовой анализ позволяет выявить как точки соприкосновения, так и существенные различия между доктринальными подходами и легальным делением объектов инновационной деятельности, закрепленным в ст. 4 Закона РТ «Об инновационной деятельности».

Говоря о теоретико-правовых подходах к определению объектов инновационной деятельности, в первую очередь, следует отметить, что в юридической доктрине отсутствует единая, общепризнанная классификация объектов инновационной деятельности. Анализ научных трудов позволяет выделить несколько основных подходов. Рассмотрим их подробнее.

1. Узкий подход связывает объекты инновационной деятельности исключительно с

результатами интеллектуальной деятельности, обладающими признаками новизны и потенциальной коммерческой или социальной полезности. Сторонники данного подхода, такие как О.А. Городов, полагают, что «инновация как объект правового регулирования есть не что иное, как результат интеллектуальной деятельности, воплощенный в новой или усовершенствованной продукции, технологии или процессе, готовый к внедрению» [2, 18]. В рамках этого подхода акцент делается на нематериальной сущности инновации как знания или решения, а материальные носители рассматриваются как форма её объективации. Аналогичной позиции придерживается Д.В. Грибанов, определяющий инновацию как «объект правоотношения, отличающийся своим нематериальным содержанием и представляющий собой полезное знание» 3, 145]. Под объектом инновационной деятельности он признаёт саму инновационную идею, техническое решение или информация, облеченную в охраняемую правовую форму (изобретение, ноу-хау, программа для ЭВМ).

2. Широкий («комплексный») подход расширяет понимание объекта, включая в него не только результаты интеллектуальной деятельности, но и материальные результаты, а также деятельность (проекты) по их созданию и внедрению. Так, И.В. Ершова и Т.М. Иванова указывают, что «объектами инновационной деятельности выступают как сами нововведения (новые продукты, технологии), так и комплекс действий по их разработке, освоению и распространению» [4, 251]. В этом случае объектом правового регулирования становится не статичный результат, а динамичный процесс или проект, ведущий к его достижению. Особняком стоит позиция О.И. Худокормовой, которая предлагает провести дифференциацию внутри самих объектов интеллектуальной собственности, выделяя те из них, которые обладают инновационным потенциалом, т.е. способны лечь в основу нововведения [6, 39]. Она критически относится к включению в перечень объектов всех видов ИС без разбора, справедливо отмечая, что не всякий объект авторского права или товарный знак является инновационным по своей сути.

3. Интеграционный подход является наиболее широким, который развивается в экономико-правовых исследованиях. Он включает в круг объектов инновационной деятельности также финансовые инструменты и активы, обеспечивающие реализацию инноваций. Данный подход акцентирует инвестиционную составляющую инновационного процесса.

Если проанализировать легальную модель объектов инновационной деятельности, представленную в Законе РТ «Об инновационной деятельности», можно обнаружить, что законодатель Республики Таджикистан в ст. 4 Закона РТ избрал широкий, интеграционный подход. На это указывает тот факт, что легальное определение охватывает весь инновационный цикл – от первоначальной идеи до её рыночной реализации и финансового обеспечения, объединяя разнородные по своей правовой природе элементы в единый нормативный перечень.

Так, законодатель включает в круг объектов как нематериальные результаты («результаты интеллектуальной деятельности, содержащие новую и полезную техническую информацию»), так и их материальные воплощения («инновационная продукция»). Это отражает понимание инновации не просто как абстрактного знания, но как решения, получившего практическое выражение в товаре, работе или услуге. Такая двойственность соответствует позиции ряда учёных, рассматривающих инновацию как единство «идеи» и её «овеществлённой формы» [4, 251].

К тому же, перечень объектов инновационной деятельности охватывает не только статические результаты, но и динамические процессы и организационные формы их достижения: «инновационные и инвестиционные проекты, программы, работа и услуги, связанные с созданием, использованием и распространением инновационной продукции». Это свидетельствует о том, что законодатель воспринимает инновационную деятельность как комплексный, управляемый процесс, нуждающийся в собственном правовом оформлении и защите. Данный подход коррелирует с мнением исследователей, выделяющих инновационный проект в качестве ключевого объекта правового регулирования, опосредующего переход от идеи к результату [1, 112].

Более того, следует обратить внимание, что легальная модель расширяет понятие объекта, включая в него финансовые инструменты («финансовые активы и ценные бумаги инновационных организаций»). Это указывает на признание законодателем того, что современные инновации неотделимы от механизмов их финансирования и капитализации.

Включение данного элемента отражает интеграционный подход, учитывающий экономическую сущность инновационной деятельности как деятельности, требующей инвестиций и создающей финансовые ценности.

На наш взгляд, подобная широта подхода, с одной стороны, позволяет гибко регулировать различные аспекты инновационного процесса, с другой стороны, порождает определённые системные и правоприменительные сложности. Мы полагаем, что объединение в одной норме столь разнородных категорий, как результаты интеллектуальной деятельности (нематериальный объект), продукцию (материальный объект), инновационные проекты (совокупность действий) и ценные бумаги (финансовый инструмент), создаёт риск нечёткой квалификации конкретных правоотношений. Более того, формулировки «результаты интеллектуальной деятельности» и «объекты исключительных прав, связанные с созданием инновационной продукции», по сути, перекрывают друг друга, поскольку основная часть результатов интеллектуальной деятельности является объектом исключительных прав.

На наш взгляд, с точки зрения правильного построения закона, более логичной и понятной была бы система, где все объекты выстроены по порядку, от самого начала до конца. Например, сначала идет основа – сама инновационная идея или результат интеллектуальной деятельности. Потом – то, во что эта идея превращается, то есть готовая инновационная продукция (товар или услуга). Следующим шагом была бы организационная сторона – проект, в рамках которого всё это создается. И наконец, финансовые инструменты (вроде акций или инвестиций), которые делают реализацию этого проекта возможной. Такая последовательность «идея - продукт - проект - финансы» выглядит более упорядоченной и лучше отражает реальные этапы работы над инновацией.

По нашему мнению, критерий отнесения результатов интеллектуальной деятельности к объектам инновационной деятельности – содержание «новой и полезной технической информации» - является оценочным и может вызывать сложности при правоприменении. Дело в том, что не всякий объект интеллектуальной собственности, даже охраняемый патентом, обладает достаточной новизной или полезностью для признания его инновацией в смысле Закона. Это создаёт область неопределённости и требует разработки дополнительных экспертных или нормативных критериев. Как справедливо отмечает О.И. Худокормова, следовало бы проводить более чёткое разграничение между объектами интеллектуальной собственности вообще и объектами, обладающими инновационным потенциалом [6, 40].

К тому же хотим обратить внимание, что каждый вид объекта из перечня ст. 4 Закона РТ «Об инновационной деятельности» влечёт применение различных правовых режимов. В частности, гражданско-правового – для результатов интеллектуальной деятельности; гражданско-правового и административного – для проектов и программ; финансового и корпоративного – для ценных бумаг. Сама по себе ст. 4 Закона не устанавливает этих режимов, а лишь указывает на объекты, подпадающие под действие Закона. Следовательно, эффективность регулирования напрямую зависит от системной согласованности Закона РТ «Об инновационной деятельности» со специальным законодательством в сфере интеллектуальной собственности, о ценных бумагах, о госзакупках и других.

Говоря о видах инновационной деятельности, следует отметить, что они определяются с учётом многоаспектного характера инновационного процесса, включающего научные исследования, технологические разработки, внедрение инноваций, коммерциализацию и распространение результатов. Согласно ст. 5 Закона РТ «Об инновационной деятельности», к видам инновационной деятельности относятся:

- внедрение новых идей и научных достижений в государственное управление;
- выполнение и обслуживание научно-исследовательских, проектных, изыскательских, опытно-конструкторских и технологических работ, направленных на получение новой или усовершенствованной продукции, услуг, методов работы или технологических процессов;
- организация рынка сбыта инновационной продукции;
- технологическое переоснащение и подготовка производства;
- проведение испытаний для сертификации и стандартизации инновационной продукции, производство новой или усовершенствованной продукции или применение новых технологий на начальном этапе внедрения, создание и развитие инновационной инфраструктуры;

- пропаганда и распространение результатов инновационной деятельности, охрана, передача и приобретение прав на объекты интеллектуальной собственности, включая нераскрытую научную и научно-техническую информацию, а также иные виды деятельности, не запрещённые законодательством Республики Таджикистан.

Выделение конкретных видов инновационной деятельности выполняет систематизирующую и структурирующую функцию. Такой подход позволяет рассматривать инновационную деятельность как систему, что соответствует современным управленческим и экономическим теориям инновационного процесса.

Представленный перечень видов инновационной деятельности является прямым основанием для применения всего комплекса мер государственного регулирования и поддержки, предусмотренных законодательством.

Список литературы:

1. Волынкина М.В. Правовое регулирование инновационной деятельности в Российской Федерации. - М., 2009. - С. 112-115.
2. Городов О.А. Правовая инноватика (правовое регулирование инновационной деятельности). - СПб., 2008. - С. 18.
3. Грибанов Д.В. Ресурсы и правовое регулирование инновационной экономики // Российский юридический журнал. - 2010. - № 4. - С. 145.
4. Ершова И.В., Иванова Т.М. Предпринимательское право: учеб. пособие. - М.: Юриспруденция, 1999. - С. 251.
5. Мошкова Д.М. Правовые основы инновационной деятельности в Российской Федерации // Юрист. - 2014. - № 1. - С. 43 - 46.
6. Худокормова О.И. Объекты инновационной деятельности // Предпринимательское право. - 2010. - № 2. - С. 39–41.

СОВРЕМЕННАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И МЕСТО БЕЗОПАСНОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НЕЙ

Ализода Нуридини Рахими
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

MODERN AGRICULTURAL POLICY AND THE ROLE OF SAFE AGRICULTURE

Alizoda Nuridini Rahimi
Master of 2-year full-time course
corporate lawyer training program of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. Во-первых, в условиях роста численности населения усиливается потребность в обеспечении продовольственной безопасности. Государства стремятся формировать эффективную аграрную политику, способную гарантировать стабильное производство качественных и безопасных продуктов питания. Безопасное сельское хозяйство играет ключевую роль, поскольку ориентировано не только на объемы производства, но и на качество, экологичность и безопасность продукции.

Во-вторых, усиливаются экологические проблемы: деградация земель, загрязнение почв и водных ресурсов, изменение климата. В этой связи возрастает значение устойчивых и экологически безопасных методов ведения сельского хозяйства. Аграрная политика современных государств все чаще включает меры по снижению негативного воздействия на окружающую среду, что делает безопасное сельское хозяйство её важнейшим элементом.

Annotation. The relevance of the topic is обусловлена the need to ensure food security, environmental protection, public health safety, and the improvement of legal regulation of agrarian relations in modern conditions. In the context of population growth, the demand for ensuring food security is increasing. States strive to develop effective agricultural policies capable of guaranteeing stable production of high-quality and safe food products. Safe agriculture plays a key role, as it is focused not only on production volumes but also on the quality, environmental sustainability, and safety of products.

At the same time, environmental problems are intensifying, including land degradation, soil and water pollution, and climate change. In this regard, the importance of sustainable and environmentally safe agricultural practices is growing. Modern agricultural policy increasingly includes measures to reduce the negative impact on the environment, which makes safe agriculture its essential component.

Ключевые слова: аграрная политика, государственное регулирование сельского хозяйства, продовольственная безопасность, безопасное сельское хозяйство, устойчивое развитие, экологическая безопасность, органическое сельское хозяйство.

Keywords: agricultural policy, state regulation of agriculture, food security, safe agriculture, sustainable development, environmental safety, organic agriculture.

Средний размер хозяйств в условиях развития многообразных форм собственности и типов хозяйствования, образующих аграрный сектор экономики или же составляющих современное сельское хозяйство республики, - не более 1 га. Основными сельскохозяйственными продуктами являются хлопок, пшеница, виноград, фрукты и овощи, рис, кукуруза, картофель, цитрусовые и бобовые. Около 73% населения республики заняты в сельском хозяйстве. Основные проблемы в сельском хозяйстве — это почвенная эрозия, засоленность почв, недостаточное производство кормов и малоэффективные ирригационные системы. Почти 90% пашен орошается, а хлопчатник остается стратегической культурой. В последние годы продолжает увеличиваться площадь под зерновыми, пшеница остается весьма важной культурой. Важнейшим ограничивающим фактором устойчивого развития безопасного сельского хозяйства остается низкий уровень механизации. Словом, республика и её регионы располагают огромными возможностями для сельскохозяйственного развития, поскольку здесь существуют два важнейших начала для обеспечения устойчивого развития безопасного сельского хозяйства, а именно, природный потенциал и людские ресурсы. Кроме того, традиционные методы ведения сельского хозяйства, богатые генетические ресурсы и плодородные горно-долинные земли и пастбища также представляют собой громадный потенциал для устойчивого развития аграрного сектора экономики.

Использование качественных семян высокоурожайных сортов, удобрений и пестицидов может помочь увеличить продовольственные и кормовые ресурсы. Все это могло бы быть возможным благодаря агроэкономическим исследованиям ученых и практиков, содержанию в лучшем состоянии природных ресурсов, трудолюбию и большому опыту самого народа по развитию сельского хозяйства.

Постановка данного вопроса в интересах прогресса республики и обеспечения продовольственной безопасности страны свидетельствует о её огромной социально-экономической важности. В то же время ясно, что составить модель обеспечения устойчивого развития аграрного сектора национальной экономики при существующей слабой материально- технической базе и нехватке специалистов высокой квалификации будет нелегко. Только тщательный анализ и использование мирового опыта, накопленного более развитыми странами, помогут определить сильные и слабые стороны проблемы обеспечения устойчивого развития безопасного сельского хозяйства, как части национальной экономики. Другого пути попросту нет.

В социально-экономической жизни Таджикистана особое место принадлежит сельскому хозяйству. Состояние последнего в значительной степени влияет на стабильность развития республики и её регионов, благополучие и благосостояние населения страны.

Но анализ основных показателей развития сельского хозяйства республики показывает, что из года в год продолжает сокращаться объем валовой продукции отрасли. Производительность труда за это время резко упала. Несмотря на наличие благоприятных природно-климатических и богатых трудовых ресурсов, дехканские (фермерские) хозяйства, колхозы, совхозы, сельское предпринимательство и другие формы организации труда и

производства стали меньше выпускать сельхозпродукции. Средний уровень оплаты труда сельских товаропроизводителей в народном хозяйстве продолжает снижаться. Согласно данным Агентства по статистике при Правительстве РТ, только в 2000г. 434 сельскохозяйственных предприятия (65,2% от их общего количества) завершили год с убытками. Идет процесс деиндустриализации сельского хозяйства, переход на примитивные технологии производства. Растет явная и скрытая безработица, разрушается инфраструктура села. Поэтому проведение соответствующих научных исследований в области построения нового сельского хозяйства в структуре национальной экономики в условиях независимости и рыночных отношений очень важно, оно определяет актуальность и перспективность перехода к новому безопасному сельскому хозяйству устойчивого типа.

Вместе с тем, важно постоянно иметь в виду, что, несмотря на очевидность, проблема создания нового сельского хозяйства в структуре национальной экономики, выражающаяся в развитии разнообразных форм собственности и форм хозяйствования, включая проблемы совершенствования отношений собственности на землю, развития агропромышленной интеграции в новых и различных её формах, вопросы образования агрокомбинатов, агрофирм, иных формирований по производству, переработке, хранению и сбыту сельскохозяйственной продукции и продовольствия и на этой основе добиться кардинального улучшения отечественного производства путем перехода к смешанной, многоукладной, аграрной экономике, требуемой независимостью и рыночными отношениями, практически игнорировалась учеными агрономической науки.

Постановка проблемы обеспечения и на этой основе достижения устойчивого развития аграрной экономики - основная черта нового безопасного сельского хозяйства, хотя понятия «устойчивое развитие» и «рынок» имеют давнюю историю [1, 4.1.]. К примеру, еще в трактате «Гуань-цзы», о котором мы уже упоминали, отмечается, что «рынок — это то, когда все знают о состоянии своего хозяйства» [3, 19], и что «если правитель сам держит в руках возможности регулирования хлеба, денег и металлов, то тогда вся страна будет в устойчивом состоянии».

Для обеспечения продовольственной безопасности Таджикистана и устойчивого развития его сельского хозяйства важное значение имела и имеет проблема эффективного использования земельных угодий республики. Как известно, земельные ресурсы Республики Таджикистан весьма ограничены. Между тем в республике имеется значительная возможность для повышения эффективности потребления водных ресурсов. Проблема требует восстановления и обновления оросительных систем как особого элемента политики по устойчивому водопользованию. Кроме того, должна быть повышена эффективность водопользования на уровне хозяйств и сельских общин, что может быть достигнуто на основе комбинированного подхода законодательных и технических методов управления, нацеленных на удовлетворение имеющегося спроса. В любом случае речь идет о проблемах эффективного землепользования в условиях развития разнообразных форм собственности и типов хозяйства как особого средства производства.

По нашему мнению, заслуживает самого глубокого осмысления модель перехода к многоукладной рыночной экономике и макроэкономическому регулированию сельского хозяйства со стороны государства, используемая в Китае. Согласно принятой здесь концепции, рыночные механизмы не могут быть всесильными в решении целого ряда жизненно важных вопросов. Более того, опора только на рынок может привести к прямо противоположным результатам. Потребность в государственном регулировании нового сельского хозяйства обосновывается также необходимостью устранять противоречия интересов между регионами и общенациональной экономикой. Особенно необходимо госрегулирование в переходный период. Такая экономическая политика позволила Китаю в 1979-1996 гг. обеспечить среднегодовой прирост ВВП в размере 9,9%.

Таджикистан располагает огромными возможностями для формирования смешанной аграрной экономики. К примеру, современное сельское хозяйство республики состоит из 2278 крупных, средних, малых хозяйств и организаций, из них 1 колхоз, 5 совхозов, 91 госхоз, 1 арендное хозяйство, 767 ассоциаций дехканских (фермерских) хозяйств, 849 коллективных дехканских фермерских хозяйств, 20 акционерных обществ, 126 сельхозкооперативов, 411 подсобных хозяйств при предприятиях и организациях, 7 агрофирм и 37966 дехканских хозяйств. Население республики постоянно растет, как растет количество городов и промышленных центров.

Согласно данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан на 1 января 2010 г. население республики достигло 7 061,0 тыс. человек против 5 505 тыс. человек в 1991 г. и выросло на 128%. [4, 16]. Значительными темпами растет городское население республики. Возникает вопрос: как и какими путями решить проблему питания?

В этих условиях особой проблемой становится создание новой структуры агропромышленного производства, способствующей продовольственному самообеспечению населения республики. Этими формами собственности в 2010 г. было произведено зерна - 1 261,0 тыс. тонн, хлопка-волокна - 310,5 тыс. тонн, картофеля - 760,1 тыс. тонн, фруктов - 224,7 тыс. тонн, овощей - 1142,6 тыс. тонн, винограда - 124,2 тыс. тонн, мяса во всех категориях - 143,2 тыс. тонн, молока - 660,7 тыс. тонн, яиц - 231,9 тысячи штук, что на 23,1% больше, чем за 2009 год. [5, 173]. Приведенные данные не отвечают требованиям научнообоснованной нормы питания, принятой в мировой практике. Однако отметим, что достижение устойчивого развития сельским хозяйством - объективная реальность. Поэтому только смешанная аграрная экономика многоукладного типа сможет решить эти проблемы.

Опыт строительства новой жизни во многих развитых странах мира свидетельствует о том, что наличие моделей и теории построения будущего общества, независимо от их качества, вывело эти страны в разряд высокоразвитых, с классической рыночной экономикой и развитым аграрным сектором (США, Швеция, Япония, Германия, Финляндия, скандинавские страны, Китай, Сингапур, Таиланд, Южная Корея и др.).

Проведенное нами исследование относительно модели сельского хозяйства устойчивого типа и опыт строительства новой жизни во многих развитых странах мира позволяют нам выделить следующее:

1) всякое социально-экономическое моделирование, как это подчеркнуто в «Таджикской модели развития», приведет к прозрачной, предсказуемой экономике, где модельному развитию аграрного сектора Таджикистана будет уделено значительное внимание;

2) на современном этапе развития Таджикистана выявление определяющих принципов «нового сельского хозяйства» — это единственно верный путь совершенствования организационно-экономических основ аграрной экономики. Агроэкономическая наука, идущая от заранее определенных факторов развития будущего сельского хозяйства, должна приблизить теорию к реальной практике, что очень важно;

3) формирование нового видения общества, интереса самого населения к новому и устойчивому сельскому хозяйству поддерживается местными хукуматами, ибо устойчивое сельское хозяйство превратило многие страны мира в передовые и состоятельные. Поэтому построение устойчиво развитой сельской экономики должно стать общенациональной задачей;

4) модель развития безопасного сельского хозяйства не является схемой, выдвинутой сверху, и подогнать под неё жизнь населения республики невозможно. Она должна быть основана на активности самого населения, непосредственного производителя материальных благ, иметь практический дух и созидательную силу. Только в этом случае устойчивое сельское хозяйство как особая отрасль экономики станет полезной людям в их обычной жизни. Из всего сказанного вытекает, что речь идет о таком сельском хозяйстве, которое вбирает в себя все лучшее, как из самой жизни, так и из передовой мировой практики.

Таким образом, анализируя проблемы формирования нового сельского хозяйства в структуре национальной экономики, выдвинутые в «Таджикской модели развития», зададимся вопросом: чем именно будущее сельское хозяйство будет отличаться от нынешнего? И такое отличие должно быть, ибо новое сельское хозяйство претендует быть новым способом производства [2, 72].

Выступая на Международной научной конференции, посвященной 1100-летию Государства Саманидов в Санкт-Петербурге, говоря о результатах развития республики, Э. Рахмон отметил: «Надо сказать, что мы шагнули вперед своей дорогой, отказ от привычных схем, порой навязываемых извне, попытки найти свой собственный путь делают Таджикистан непохожим на другие государства. Схемы, о которых я говорил, это образцы и модели, скопированные с чужих стран, и слепое подражание им не принесет нам желаемых результатов». [6, 129].

Список литературы:
1. Василевский Е.Г., Жамина В.А. История экономических учений. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – Ч. 4.1.
2. Гафуров Х. Таджикистан на рубеже и в XXI веке: Президент Эмомали Рахмонов и национальная экономика. – С. 72.
3. История экономических учений. – Ч. 4.1. – С. 18–19.
4. Регионы Республики Таджикистан. – Душанбе: УОП ГВЦ АС при ПРТ, 2010. – С. 16.
5. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан, 2010. – Душанбе: УОП ГВЦ АС при ПРТ, 2010. – С. 164–173.
6. Рахмон Эмомали. Независимость Таджикистана и возрождение нации. – Душанбе: Ирфон, 2006. – Т. 2. – С. 127–129.

МИНОРИТАРНЫЕ И МАЖОРИТАРНЫЕ АКЦИОНЕРЫ В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ

Амиров Назарали Хуршедович
магистрант 1-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460 e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

MINORITY AND MAJORITY SHAREHOLDERS IN CORPORATE LAW

Amirov Nazarali Khurshedovich
1st year full-time master's student
of the training program «Corporate Lawyer» of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460; e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуется правовое положение миноритарных и мажоритарных акционеров в системе корпоративного права. Автором анализируется объем правомочий различных категорий акционеров в зависимости от размера принадлежащего им пакета акций, а также степень их влияния на управление акционерным обществом. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия легального определения понятий «миноритарный» и «мажоритарный» акционер в законодательстве Республики Таджикистан. На основе анализа корпоративной практики выделены виды контрольных пакетов акций (абсолютный, квалифицированный, блокирующий и др.). В заключении обосновывается необходимость совершенствования правовых механизмов защиты прав миноритарных акционеров и установления пределов влияния мажоритарных участников в целях обеспечения баланса интересов внутри корпорации.*

Annotation. *This article examines the legal status of minority and majority shareholders in the corporate law system. The author analyzes the scope of powers of various categories of shareholders depending on the size of their shareholdings, as well as the degree of their influence on the management of a joint-stock company. Particular attention is paid to the lack of a legal definition of the term's "minority" and "majoritarian" shareholders in the legislation of the Republic of Tajikistan. Based on an analysis of corporate practice, the author identifies types of controlling stakes (absolute, qualified, blocking, etc.). The author concludes by substantiating the need to improve legal mechanisms for protecting the rights of minority shareholders and establishing limits on the influence of majority participants in order to ensure a balance of interests within the corporation.*

Keywords: *Minority shareholders, majority shareholders, corporate law, joint-stock company, controlling stake, legal status, protection of minority shareholders' rights, legislation of Tajikistan, corporate governance, balance of interests.*

Ключевые слова: *миноритарные акционеры, мажоритарные акционеры, корпоративное право, акционерное общество, контрольный пакет акций, правовой*

статус, защита прав миноритарных акционеров, законодательство Таджикистана, корпоративное управление, баланс интересов.

В условиях развития корпоративных отношений и акционерной формы предпринимательства особую актуальность приобретает проблема правового положения различных категорий акционеров, среди которых ключевое значение имеют миноритарные и мажоритарные акционеры. Их правовой статус определяется объемом принадлежащего пакета акций, что непосредственно влияет на степень участия в управлении акционерным обществом, распределении прибыли и принятии стратегически значимых решений.

Разграничение миноритарных и мажоритарных акционеров имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку отражает баланс интересов внутри корпорации и позволяет выявить потенциальные риски злоупотребления корпоративным контролем либо, напротив, ущемления прав акционеров с незначительным пакетом акций. В этой связи особую значимость приобретает анализ правовых механизмов защиты миноритарных акционеров и пределов влияния мажоритарных участников.

В акционерном праве Республики Таджикистан данные категории акционеров играют важную роль в обеспечении устойчивости корпоративного управления и инвестиционной привлекательности акционерных обществ. Это обусловливает необходимость комплексного исследования их правового положения, соотношения прав и обязанностей, а также механизмов обеспечения баланса их интересов в корпоративных отношениях.

Термин «миноритарный акционер» и производные от него прочно укрепились в категориальном аппарате современной отечественной теории и практики акционерного и предпринимательского права, корпоративного управления. Они активно применяются в научной и учебно-методической литературе, в некоторых нормативных актах, в судебной практике. При этом в законодательстве определение миноритарного акционера, так же как и родового понятия, отсутствует. Поэтому приходится обращаться вначале к зарубежным источникам.

Термин «миноритарный акционер» происходит от англ. minor — незначительный, несущественный, второстепенный. В американской справочной литературе миноритарный акционер понимается как владелец такого незначительного количества акций корпорации, что он не имеет возможности контролировать управление корпорацией или избирать ее директоров [1].

Миноритарные акционеры – это те акционеры акционерного общества, у которых доля в уставном капитале общества составляет небольшим количеством акций. Они могут быть как физическими, так и юридическими лицами. Миноритарные акционеры не обладают контрольным пакетом акций, то есть не могут принимать решения от имени компании, в отличие от большинственных акционеров, которые обладают контрольным пакетом акций. Это означает, что миноритарные акционеры не могут принимать решения о назначении и увольнении руководства, о выпуске новых акций и других важных вопросах, касающихся управления компанией.

Однако миноритарные акционеры все еще имеют определенные права, такие как право на получение дивидендов, право на информацию о деятельности компании, право на обращение в суд, если их права были нарушены, а также другие права, предусмотренные законодательством. Кроме того, существуют механизмы защиты прав миноритарных акционеров, например, возможность обжалования решений, принятых большинством акционеров, если они нарушают права меньшинства.

Мелкие акционеры, или как их еще называют миноритарные акционеры, в силу владения небольшим количеством акций не имеют возможности определять решения акционерного общества, и тем самым оказывать влияние на его управление. Как пишут М. Кроткова и Е. Киршенман, миноритарные акционеры – это акционеры, «чей пакет акций не позволяет блокировать решения по важнейшим вопросам повестки дня на собрании акционеров». Фактически такие акционеры превратились в обычных вкладчиков, поэтому основной их интерес заключается «в достижении определенного уровня доходности на вложенные в акции средства» [5, 25].

На постсоветском пространстве в отличие от Таджикистана можно обнаружить определение миноритариев в правовых актах. В целях совершенствования правового регулирования и возможного заимствования положительного опыта представляет интерес

законодательство Республики Казахстан, где данный вопрос урегулирован наиболее детально.

Так, после принятия Закона Республики Казахстан от 19 февраля 2007 г. № 230-111 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав миноритарных инвесторов» все акционеры были законодательно разделены на две категории: крупные (в том числе владеющие контрольным пакетом акций) и миноритарные. Согласно казахстанскому законодательству, крупным признается акционер (или несколько акционеров), действующий на основании заключенного между ними соглашения, которому (которым в совокупности) принадлежат 10 и более процентов голосующих акций акционерного общества. Миноритарным же признается акционер, которому принадлежат менее 10% голосующих акций акционерного общества [3].

Для сравнения, в соответствии с пп. 4 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 13 мая 2003 г. № 415-II «Об акционерных обществах» голосующими акциями являются размещенные простые акции, а также привилегированные акции, право голоса по которым предоставлено в случаях, предусмотренных этим законом. Не являются голосующими выкупленные обществом акции, а также акции, находящиеся в номинальном держании и принадлежащие собственнику, сведения о котором отсутствуют в системе учета центрального депозитария [2].

Анализ законодательства Республики Таджикистан показывает, что в отличие от Казахстана, где установлен четкий количественный критерий (10%), в отечественном праве отсутствует формальное закрепление понятий «миноритарный» и «мажоритарный» акционер. Это приводит к тому, что разграничение статуса акционеров в Таджикистане осуществляется не столько на основе закона, сколько исходя из корпоративной практики и анализа фактической возможности влиять на управление обществом. Тем не менее, уставом акционерного общества для акционеров обоих видов могут быть предусмотрены и иные права, что позволяет восполнять пробелы централизованного регулирования на локальном уровне.

Крупными акционерами (в юридической литературе их также называют мажоритарными акционерами) являются акционеры, владеющие значительным пакетом акций и, тем самым, имеющие возможность определять решения акционерного общества. Основной их интерес заключается «в достижении определенных результатов от деятельности общества посредством принятия ими необходимых управленческих решений». Другими словами, мажоритарность, т.е. преобладающее участие в капитале, означает такую долю обладания акциями акционерного общества, которая с учетом всех значимых корпоративных обстоятельств позволяет ее владельцу обеспечивать принятие решений общего собрания акционеров.

Определение управленческой монополии – достаточность голосов для принятия решений на общем собрании акционеров – зависит от моментов корпоративной практики, типичных для данного акционерного общества, наиболее значимые из которых:

- категории (типы, классы) акций;
- состав акционеров, в том числе участие в акционерном обществе государства и муниципальных образований, а также основания такого участия;
- «распыленность» акций;
- оборот акций;
- наличие отношений аффилированности;
- наличие акционерных соглашений;
- возможность «поглощения», наличие интереса со стороны рейдеров;
- потенциальные и реальные условия предоставления права голоса по акциям на конкретном общем собрании акционеров;
- характеристика конкретного действия акционера или действия против акционера.

На основе анализа акционерного законодательства и корпоративной практики выделены:

- абсолютный контрольный пакет – концентрация в одних руках 100% акций (или по крайней мере голосующих акций);
- квалифицированный контрольный пакет – владение от 75% + 1 голосующая акция;
- контроль «большинством голосов» - владение от 50% + 1 голосующая акция до 75% голосов;

- контроль значительным числом голосов – консолидация от 25 до 50% голосующих акций;

- блокирующий пакет голосующих акций – 25%;

Мажоритарными акционерами называются акционеры, у которых владение акциями обеспечивает контроль над акционерным обществом. То есть, мажоритарный акционер может принимать решения, определяющие деятельность общества и имеющие существенное значение для его развития. Часто мажоритарным акционером становится лицо или компания, которые купили большой пакет акций на рынке и теперь имеют возможность управлять обществом. Например, если у общества имеется 1000 акций, а один из акционеров владеет 500 акциями, то он становится мажоритарным акционером.

Мажоритарный акционер обладает значительной властью и может принимать важные решения, такие как избрание членов совета директоров, решения о распределении прибыли и другие. Он также может влиять на стратегию развития общества и принимать решения, связанные с инвестированием и финансовыми операциями. Однако мажоритарный акционер не имеет абсолютной власти и должен учитывать интересы других акционеров и законодательство. В случае нарушения прав меньшинственных акционеров, они могут обратиться в суд для защиты своих прав и интересов.

Мажоритарные акционеры обычно являются основными владельцами акций в акционерном обществе. Они обладают контрольным пакетом акций, который даёт им возможность принимать стратегические решения, назначать исполнительных директоров, решать вопросы выплаты дивидендов и другие важные вопросы, связанные с управлением компанией. Такие акционеры могут использовать свою власть в интересах компании, но также могут использовать ее для личных целей [1, 88]. В связи с этим законодательство и корпоративная практика устанавливают ряд ограничений на действия мажоритарных акционеров, чтобы защитить права менее влиятельных акционеров и обеспечить устойчивость компании.

В целом, мажоритарные акционеры являются важными участниками управления акционерным обществом, но их власть должна быть ограничена, чтобы обеспечить справедливое и эффективное управление компанией в интересах всех ее акционеров.

Как правило, мажоритарные акционеры имеют значительное влияние на управление компанией и могут принимать ключевые решения без участия миноритарных акционеров. Это связано с тем, что у мажоритарных акционеров обычно есть достаточно большой пакет акций, чтобы обеспечить достаточное количество голосов для принятия решений на общем собрании акционеров. Также важно отметить, что мажоритарные акционеры часто могут влиять на выбор управляющих органов компании, таких как совет директоров или правление, что позволяет им контролировать работу компании в целом. Однако мажоритарные акционеры также могут сталкиваться с определенными ограничениями и обязательствами в соответствии с законодательством о ценных бумагах и корпоративном праве, которые могут ограничивать их влияние на компанию.

Мажоритарные акционеры играют важную роль в управлении акционерными обществами и имеют значительное влияние на работу компаний, однако их действия часто могут подвергаться регулированию со стороны государства в интересах защиты прав менее влиятельных миноритарных акционеров и обеспечения устойчивого развития компаний.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что миноритарные и мажоритарные акционеры представляют собой две взаимосвязанные, но разнонаправленные силы в корпоративном праве. Мажоритарии обладают реальной властью и определяют судьбу компании, но ограничены законом в части ущемления прав меньшинства. Миноритарии, не имея контроля, тем не менее являются источником капитала и обладают набором юридических инструментов (вплоть до судебного оспаривания), позволяющих блокировать наиболее одиозные решения.

Список литературы:

1. Богачева Е.Л. Миноритарные и мажоритарные акционеры как стороны корпоративных конфликтов // Проблемы экономики и юридической практики. - 2016. - №1. – С. 87-91.
2. Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 года № 415-II «Об акционерных обществах» // https://prg.kz/document/?doc_id=1039594 (дата обращения: 30.03.2026).

3. Закон Республики Казахстан от 19 февраля 2007 г. № 230-111 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав миноритарных инвесторов» // https://cdb.kz/sistema/pravovaya-baza/o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-nekotorye-zakonodatelnye-akty-respubliki-kazakhstan-po-voprosam-zashchity-prav-minoritarnykh-investorov/?ysclid=mnd3ld5sh1987140396 (дата обращения: 30.03.2026).
4. Закон Республики Таджикистан от 5 марта 2007 г. № 237 «Об акционерных обществах» (с изм. и доп. от 14.05.2025) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2007. – № 3. – Ст. 170.
5. Кроткова М., Киршенман Е. Гринмейл: нападение или защита // Консультант. – 2008. - № 7. - С. 24–27.
6. Minority Shareholder // Black's Law Dictionary. — 9th ed. — St. Paul, Minn. West Group, 2009. — URL: https://thelawdictionary.org/minority-shareholder/ (дата обращения: 30.03.2026).

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Гафуров Мехрофарид Музафаршоевич
магистрант 1-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

LEGAL FOUNDATIONS OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Gafurov Mehrofarid Muzafarshoevich
Master of 1-year full-time course
Corporate Lawyer training program of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В настоящее время существенно усугубились вопросы осуществления экономической деятельности различных субъектов предпринимательства, прослеживается негативная динамика роста неплатежеспособности российских предприятий, в сфере чего особое значение приобретает проблема предотвращения кризисных ситуаций и оздоровление финансового состояния фирмы. Институт банкротства занимает центральное место в системе оценки неплатежеспособности предприятия и защиты интересов контрагентов и кредиторов. В представленной статье рассматривается понятие и правовые основы несостоятельности.*

Annotation. *at present, the issues of economic activity of various business entities have significantly worsened, there is a negative trend in the growth of insolvency of Russian enterprises, in which the problem of preventing crisis situations and improving the financial condition of the company is of particular importance. The institution of bankruptcy occupies a central place in the system of assessing the insolvency of an enterprise and protecting the interests of counterparties and creditors. This article discusses the concept and legal foundations of insolvency.*

Ключевые слова: *неплатёжеспособность, предпринимательство, фирма, предприятие, контрагенты, банкротство.*

Keywords: *insolvency, entrepreneurship, firm, enterprise, contractors, bankruptcy.*

В настоящее время институт банкротства имеет особое значение в системе экономических и предпринимательских правоотношений в стране, является особым инструментом в системе финансового оздоровления деятельности предприятия, поскольку финансовое оздоровление представляет собой процедуру банкротства, в основании которого находится программа восстановления платежеспособности предприятия и пошаговое погашение кредиторской задолженности фирмы.

Ликвидация организаций, не сумевших в установленные сроки восстановить свою финансовую устойчивость и платежеспособность, является необходимой мерой по выведению неэффективного хозяйствующего субъекта из системы рыночных правоотношений.

Процедура банкротства является эффективной мерой, в основании которой находится процедура погашения кредиторской задолженности и прочих обязательств предприятия за счёт имущества фирмы. На основании Федерального закона Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» банкротство может рассматриваться в качестве неспособности организации отвечать по своим обязательствам перед кредиторами. Вопрос о несостоятельности юридического лица решается только арбитражным судом [1].

Признание предприятия банкротом предусматривается в тех случаях, когда фирма не может удовлетворить требования кредиторов, работников, государственных органов власти по вопросам погашения задолженностей и исполнения договорных обязательств по истечении 3 месяцев со дня необходимости их погашения. Целесообразно обозначить основные внутренние и внешние факторы возникновения кризисной ситуации. К основным внешним факторам можно отнести общеэкономические, рыночные, политические, в частности, рост инфляции, безработица, падение уровня жизни граждан государства, политическая нестабильность и пр.

К внутренним факторам можно отнести следующие:

– операционные факторы, в основании которых находится неэффективное финансово-экономическое управление предприятием, безграмотное управление собственным и заемным капиталом, слабая маркетинговая деятельность, неэффективное использование основных производственных фондов, безграмотное управление заемным капиталом;

– инвестиционные факторы, среди которых особенно стоит обозначить неэффективную инвестиционную политику предприятия, слабый и неразвитый инвестиционный менеджмент и пр.;

– финансовые факторы, среди которых особенно необходимо обозначить безграмотное финансовое управление предприятием, неэффективную финансовую стратегию, низкую ликвидность активов предприятия, возрастание дебиторской задолженности [2, 43].

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы признания предприятия несостоятельным, является Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Данным законодательным актом закрепляются основные признаки банкротства юридического лица, специфика рассмотрения дел о банкротстве, правовое положение всех субъектов признания несостоятельности предприятия, а также основные механизмы предупреждения банкротства.

В качестве первых отголосков надвигающейся несостоятельности предприятия выступают задержки в предоставлении бухгалтерской и финансовой отчётности, что говорит о неэффективном функционировании финансовых служб фирмы, а также негативные изменения в общей структуре баланса, то есть существенное превышение обязательств предприятия над его имуществом и собственными денежными активами.

Если рассматривать сущность банкротства в качестве экономического института, то оно введено как один из рыночных механизмов для избавления рыночного оборота от хозяйствующих субъектов, систематически не исполняющих свои финансовые обязательства.

Таким образом, одной из целей банкротства является защита кредиторов. Другая цель – реабилитация должника там, где это возможно, либо ликвидация организации как неэффективного участника рынка. А если процедура банкротства вводится в отношении физического лица, то ее целью является освобождение гражданина от зависимости долгов и обязательств перед кредиторами, которые он уже не сможет исполнить.

В экономической литературе выделяют два основных критерия несостоятельности (банкротства). Это недостаточность имущества должника и неплатежеспособность. Эти понятия, безусловно, взаимозависимы. Поэтому в экономической литературе встречается такое определение банкротства, как неспособность должника выполнить свои обязательства и финансовые обязательства в установленный срок из-за недостаточности денежных средств.

Банкротство – единственный законный способ разрешения ситуации, когда обязательства есть, а средств на их выполнение нет. Когда организация становится неплатежеспособной, процедура банкротства выступает.

Рассмотрим преимущества, которые официальное банкротство приносит неплатежеспособному владельцу бизнеса [3, 46].

1. Закон о банкротстве защищает интересы кредиторов, но защищает и самого должника. Получив то, что осталось от активов неплатежеспособного предпринимателя, кредиторы не имеют права требовать что-либо еще. Обычно это намного меньше той суммы, которая должна была быть выплачена изначально. Но кредиторам придется довольствоваться одной частью или потерять все. Должник, получив официальное списание своего долга, хотя и ценой лишения остатков имущества, может со временем восстановить предпринимательскую деятельность.

2. «Очищение» перед всеми организациями, которые могут потребовать исполнения обязательства от должника-исполнителя. Лицо, прошедшее процедуру банкротства, становится «неуязвимым» для налоговых органов, коллекторов, фондов, кредиторов и т.д.

3. Еще одним преимуществом является то, что после принятия арбитражным судом решения о признании организации банкротом, прекращается процедура начисления пени, штрафов и других денежных санкций, увеличивающих задолженность.

4. Если инициатором процедуры банкротства является не сам предприниматель, а его кредиторы, то расходы несет не банкрот, а инициаторы.

Таким образом, грамотно выстроенная политика финансового управления и стратегирования даёт возможность избежать несостоятельностью фирмы и сохранить стабильное финансовое положение. Именно финансовая эффективность деятельности предприятия является фактором, свидетельствующим о конкурентоспособности компании. В случаях, когда финансовое состояние предприятия ухудшается, существенно возрастает риск неплатежеспособности, что в конечном итоге приводит к банкротству предприятия. Институт банкротства является действенным механизмом защиты прав и законных интересов всех субъектов предпринимательства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Российская газета. – 2002. – № 153.
2. Оборин М.С., Мартиросян М.Р. Банкротство как риск и инструмент превентивного реагирования в предпринимательской деятельности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 56. – С. 43-55.
3. Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex Russica. – 2020. – № 62. – С. 46-57.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОТРЕБИТЕЛЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Исматуллозода Марворид
студентка 4-го курса юридического факультета
профиль «Предпринимательско-правовой»
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992)904066889, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

LEGAL STATUS OF THE CONSUMER UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Ismatullozoda Marvorid
4th-year law student Specialization: Entrepreneurial Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 904066889; e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуется правовой статус потребителя по законодательству Республики Таджикистан. Анализируется легальное определение потребителя, закрепленное в статье 1 Закона РТ «О защите прав потребителей», и выделяются его квалифицирующие признаки. Особое внимание уделяется разграничению понятий «потребитель» и «слабая сторона» в обязательственных правоотношениях на основе доктринальных подходов. Установлено, что законодательство Таджикистана избрал расширительный подход, включая в число потребителей как физических, так и юридических лиц. Вместе с тем, наличие формального статуса потребителя не всегда свидетельствует о фактическом положении лица как «слабой стороны», нуждающейся в особой правовой защите. Рассматриваются основные права потребителя, закрепленные в Законе РТ «О защите прав потребителей», их классификация и содержание. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правоприменительной практики с учетом разграничения формального и фактического статуса участников потребительских правоотношений.*

Annotation. *The article examines the legal status of the consumer under the legislation of the Republic of Tajikistan. The author analyzes the legal definition of the consumer enshrined in Article 1of the Law of the Republic of Tajikistan «On Consumer Protection» and identifies its qualifying features. Special attention is paid to the distinction between the concepts of «consumer» and «weaker party» in obligatory legal relations based on the doctrinal approaches developed in the article by V.A. Belov. It is established that the legislator of Tajikistan has chosen a broad approach, including both individuals and legal entities as consumers. At the same time, the presence of a formal consumer status does not always indicate the actual position of a person as a «weaker party» in need of special legal protection. The article examines the main consumer rights enshrined in the Law of the Republic of Tajikistan «On Consumer Protection», their classification and content. The author concludes that further improvement of law enforcement practice is necessary, taking into account the distinction between the formal and actual status of participants in consumer legal relations.*

Ключевые слова: *потребитель, правовой статус, слабая сторона, защита прав потребителей, Республика Таджикистан, Закон «О защите прав потребителей», права потребителя.*

Keywords: *consumer, legal status, weaker party, consumer, protection, Republic of Tajikistan, Law «On Consumer Protection», consumer rights.*

Формирование правового статуса потребителя представляет собой результат теоретического развития гражданского права, отражающего переход от формального равенства сторон к признанию необходимости защиты экономически слабого участника оборота. В Республике Таджикистан данный институт получил законодательное закрепление с принятием Закона РТ «О защите прав потребителей» от 26 декабря 2005 года, который обозначил принципиально важные подходы к определению круга субъектов, наделяемых специальными правами и гарантиями. Анализ содержания этого статуса требует рассмотрения его нормативного определения и доктринального наполнения, что позволяет выявить национальную специфику.

Согласно статье 1 Закона Республики Таджикистан «О защите прав потребителей», потребителем признается физическое или юридическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее или использующее товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Данное определение содержит несколько взаимосвязанных элементов, образующих структуру правового статуса.

Из приведенной нормы можно выделить ряд квалифицирующих признаков.

Во-первых, обращает на себя внимание субъектный состав. Законодатель Таджикистана избрал расширительный подход, отнеся к числу потребителей не только гражданина, но и организации. Предусмотренные законом гарантии распространяются на юридических лиц в тех случаях, когда они приобретают товары для обеспечения собственных хозяйственных нужд, не связанных с извлечением прибыли.

Во-вторых, ключевым критерием выступает цель приобретения — «исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением

предпринимательской деятельности». Именно целевой признак позволяет отграничить потребительские отношения от коммерческих. *В-третьих*, правовой статус потребителя возникает в силу самого факта совершения действий, направленных на приобретение товара, и не связывается с наличием у лица специальных познаний, профессионального опыта или реальной возможностью влиять на условия договора.

Между тем, как обосновывается в статье российского цивилиста В.А. Белова «Правовая сущность понятий «потребитель» и «слабая сторона», формальный критерий не всегда позволяет в полной мере выявить тех участников оборота, которые действительно нуждаются в особой правовой защите. В.А. Белов предлагает следующее определение: «слабая сторона» обязательственных отношений — это лицо, которое в силу специфики фактически складывающихся правоотношений не может в полной мере оценить и осмысленно принять возможные негативные последствия, возникающие в результате принятия и исполнения соответствующих обязанностей. Из данного определения следует, что ключевым критерием выступает неформальный статус субъекта, а его фактическая неспособность адекватно воспринимать риски и последствия заключаемой сделки.

Анализ работы В.А. Белова позволяет выделить совокупность признаков, наличие которых дает основания квалифицировать участника правоотношения в качестве «слабой стороны». Прежде всего, к числу таких признаков относится наличие профессионального контрагента, для которого осуществляемая деятельность является профессиональной и представляет собой один из основных способов получения прибыли. Далее, важным признаком выступает невозможность влиять на условия договора, поскольку у лица отсутствует реальная возможность определять содержание договорных условий, что свидетельствует о неравенстве переговорных возможностей сторон. Данное обстоятельство неразрывно связано с отсутствием у лица специальных знаний, необходимых для адекватной оценки заключаемой сделки. Наконец, особое значение приобретает активное поведение профессионального субъекта, которое должно включать информирование контрагента и получение от него подтверждения об осознании рисков.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что категории «потребитель» и «слабая сторона» соотносятся как формально-целевой статус и фактическое положение участника оборота. Применительно к Республике Таджикистан это означает, что закон, включая в число потребителей юридических лиц, исходит из расширительного подхода, предоставляя специальную защиту всем конечным пользователям товаров независимо от их организационно-правовой формы. Однако, как справедливо отмечает В.А. Белов, наличие статуса потребителя не всегда означает, что лицо является «слабой стороной», и наоборот — отсутствие такого статуса не исключает фактического неравенства переговорных возможностей. Данное теоретическое разграничение имеет важное практическое значение для право применения: судам следует оценивать не только формальный статус участника правоотношения, но и его реальную возможность влиять на условия договора и понимать его последствия.

Правовой статус потребителя находит свое непосредственное выражение в совокупности субъективных прав, предоставленных ему Законом РТ «О защите прав потребителей». Анализ данного нормативного правового акта позволяет выявить не просто набор разрозненных прав, а целостную систему, где каждое право выполняет специфическую регулятивную или охранительную функцию. Представляется возможным классифицировать права потребителя на три основные группы: права, обеспечивающие формирование выбора и заключение договора; права, гарантирующие качество и безопасность товара; права, направленные на защиту нарушенных интересов.

К первой группе относятся право на просвещение, закрепленное в статье 4 Закона, право на достоверную и полную информацию, регламентированное статьей 9 Закона, а также право на свободный выбор, установленное статьей 5 Закона. Право на просвещение выполняет предупредительно-образовательную функцию, направленную на создание основ правовой культуры потребителя. Право на информацию обеспечивает применение этой культуры в каждой конкретной ситуации приобретения товара или услуги, выступая основной гарантией свободы осознанного выбора. Право на свободный выбор представляет собой фундаментальную гарантию автономии воли потребителя.

Вторую группу образуют право на безопасность, закрепленное в статье 7Закона, и право на качество товаров, работ и услуг, установленное статьей 4 Закона. Право на безопасность

имеет императивный характер и не может быть ограничено или отменено договором: потребитель имеет право на то, чтобы товары при обычных условиях их использования были безопасны для его жизни, здоровья, окружающей среды и имущества. Право на качество обеспечивает функциональную пригодность товара, то есть способность удовлетворять те потребности, для которых товар приобретается.

Третью группу составляют права, направленные на восстановление нарушенного положения потребителя. При обнаружении недостатков товара потребитель наделяется возможностью требовать замены товара ненадлежащего качества, возврата уплаченной суммы с расторжением договора, безвозмездного устранения недостатков, соразмерного уменьшения покупной цены либо возмещения убытков. Особое процессуальное значение имеет право на получение документа, подтверждающего оплату товара, закрепленное в пункте 4 статьи 17 Закона. Юридическая природа этого документа характеризуется выполнением доказательственной, легитимирующей и фискально-контрольной функций.

В системе прав потребителя также выделяются коллективные и активные права. Право на создание общественных объединений потребителей, закрепленное в статье 45 Закона, призвано обеспечить переход от индивидуальной к коллективной и организованной форме защиты такие объединения широким спектром прав, включая проведение независимой экспертизы качества товаров, представление интересов потребителей в судебных органах, внесение предложений в государственные органы по вопросам совершенствования стандартов. Право на представление предложений производителю по улучшению качества товара отражает эволюцию роли потребителя от пассивного приобретателя до активного участника рыночных отношений.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что правовой статус потребителя по законодательству Республики Таджикистан имеет сложную структуру, сочетающую формально-целевой характер с признанием необходимости защиты фактически слабой стороны в обязательственных отношениях. Расширительный подход законодателя, включающий в число потребителей юридических лиц, создает широкую правовую основу для защиты всех конечных пользователей товаров. Вместе с тем, разграничение понятий «потребитель» и «слабая сторона», обоснованное в доктрине В.А. Белова, требует учета при право применении не только формального статуса участника правоотношения, но и его реальной возможности влиять на условия договора и понимать его последствия. Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики в этой сфере должно быть направлено на обеспечение баланса интересов всех участников потребительских отношений.

Список литературы:

1. Белов В.А. Правовая сущность понятий «потребитель» и «слабая сторона» в гражданских правоотношениях // Lex Russica. – 2018. – № 6 (139). – С. 26-44.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. – М.: Статут, 2011. – 848 с.
3. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть четвертая): Закон Респ. Таджикистан от 24 дек. 2022 г. № 1918 (ред. от 14.05.2025) [Электронный ресурс] // Информационная система «Континент»: [сайт]. – URL: https://continent-online.com/document/?doc_id=35039815 (дата обращения: 01.04.2026).
4. Закон Республики Таджикистан от 9 декабря 2004 года № 72 «О защите прав потребителей» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004 г., №12, ч. 1, ст. 699; 2008 г., №10, ст. 805, ст. 817; 2013 г., №12, ст. 896; 2015 г., №3, ст. 215; 2018 г., №1, ст. 28; 2021 г., №1-2, ст. 19, №12, ч. 2, ст. 720.

ВОДНОЕ ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Одинаева Нилуфар Мухамадиевна
к.ю.н. ст. преподаватель кафедры предпринимательского права,
Российско - Таджикский (славянский) университет.
734025, Республика Таджикистана, г.Душанбе, ул. М.Турсун-заде,
Тел.: (+992 37) 223 04 60; e-mail: nilufar.odinaeva93@gmail.com

Кароматуллозода Рустам Кароматулло
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460; e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

PRE-ISLAMIC (ZOROASTRIAN) WATER LAW

Karomatullozoda Rustam Karomatullo
2nd-year full-time master's student
in the Corporate Lawyer training program, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University 734025,
Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade St., 30
tel.: (+992) 2230460; e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *Актуальность данной проблемы обусловливается и тем, что Таджикистан, являясь страной, расположенной в верховьях рек региона, в которых аккумулируется основная часть его водных ресурсов (около 60%), не может игнорировать интересы стран - потребителей этих вод, потому что такое игнорирование может привести к осложнению региональных отношений. Это вовсе не означает, что Таджикистан должен ради политических выгод отказаться от своих экономических интересов. Только с учетом, прежде всего, своих интересов, он должен выстраивать отношения с соседями, какими бы тяжелыми не оказались их последствия.*

Annotation. *The urgency of this issue is also determined by the fact that Tajikistan, as a country located in the headwaters of the region's rivers, which accumulate the bulk of its water resources (approximately 60%), cannot ignore the interests of countries consuming these waters, as such neglect could lead to complications in regional relations. This does not mean that Tajikistan should abandon its economic interests for political gain. It must build relations with its neighbors with its own interests at the forefront, no matter how dire the consequences.*

Ключевые слова: *водное прав, Авесто, государство, ресурс, водные проблемы.*

Keywords: *water law, Avesto, state, resource, water problems.*

Вопросы обеспечения водой и правовое регулирование порядка ее распределения на нынешней территории Таджикистана всегда являлись одними из важнейших задач каждого государственного образования в регионе. Об этом свидетельствует история государства и права Таджикистана. С древнейших времен вода играла важную роль при заселении племен на данной территории, интерес на которой естественно представляли только земли, близкие к водным источникам - берега рек и озер.

Водные проблемы и связанные с ним отношения, по мнению некоторых ученых, имеют прямое отношение к возникновению государства и права на Востоке. Истоки регулирования отношений собственности восходят к глубокой древности и естественно связаны с появлением первых государственных образований. Создание первых государств и получение прибавочного продукта за счет поливного земледелия неизбежно влекло за собой необходимость правового регулирования отношений собственности на воду и землю. На значимость водного фактора указывает существование, наряду с теологической, марксистской теорией, теорией насилия, ирригационной теорией возникновения права и государства.

Особое место водные и земельные отношения занимали в государствах, становление которых происходило на "восточном пути производства, при котором основу экономики составляло орошаемое земледелие, земля и ирригационные сооружения являлись собственностью государства, первичной ячейкой общества была земледельческая община"[4, 26].

Согласно ирригационной теории возникновения права и государства, вода и связанные с ней общественные работы могли стать основным фактором появления и становления государств на Востоке. Сторонники ирригационной. теории происхождения

государства проясняют ситуацию следующим образом: при количественном росте членов племен и вообще населения ощущалась нехватка земли, приходилось заселять территории, находящиеся вдали от источников воды. Работы по проведению каналов, их регулярная очистка, контроль за использованием воды со стороны отдельных лиц, привлечение людей ко всем этим работам, то есть усложнение общественных отношений и управления племенем, вели к возникновению отношений, следствием развития которых было появление государства и права. [2, 52].

Несмотря на недостатки ирригационной теории, она свидетельствует об огромной роли воды в жизни восточных государств и обществ, в том числе исторического Таджикистана, на нынешней территории которого с древнейших времен начинается в долинах частичное освоение рек Сырдарья, Вахша, Пянджа [2, 53].

Так, в VI-V вв. до нашей эры из Вахша был проложен канал, в зону которого входило около 50 кв.км земель. Подобный канал под названием Кафыр, орошал примерно в тот же период земли Кабадиана из реки Кафирниган. Искусственное орошение играло значительную роль в земледелии древнего Согда.

С течением времени появляются искусственные водохранилища, созданные силами общин и родов, в которых в зимнее и весеннее периоды складывалась вода и устанавливались порядок ее распределения и пользования. Там, где использование вод природных рек не представлялось возможным, создается богарное земледелие, которое применяло атмосферную влагу - дождевую воду и снег. Порядок пользования всеми земельными угодьями регламентировался нормами обычного права.

Без воды, по сути дела, не было и жизни в определенных оазисах. Появившиеся города и селения могли уйти в небытие при изменении, русла близлежащих к ним рек. Вода для таджиков, предки которых еще на заре человеческой истории обживали территории у подножия, снежных гор и берегов крупных и малых рек, с испокон веков считалась священной [3, 117]. Далекие предки таджикского народа, исповедуя маздаяснийскую религию и Ахуру Мазду, вместе с тем почитали и других богов, в частности, Бога воды. Как в "Авесто", так и в других исторических источниках упоминаются божества — хранители воды. Например, Оахш, или близкое к этому имя означало Бога покровителя Вахша. Люди молились и просили воду у Оахша в засушливые годы. Богиня плодородия также считалась покровительницей вод и водных источников, без нее и земля не плодоносила. Был и единый Бог всех вод - "Апам напат".

Таким образом, вода и связанные с нею социальные и правовые проблемы играли в жизни древних таджиков важную роль. Согласно исследованиям А.К. Рзаева в "Авесто" определенное место отводится элементам водного права. Вода называется "целительной", "стад покровительницей", "имущества покровительницей", "стран покровительницей".[2] Согласно "Авесто", вода входила в число четырех стихий природы и ее нельзя была загрязнять [6, 54].

Значение воды в жизни населения восточных провинций Ахеменидского государства, в том числе предков таджиков, было определено и по-своему использовано должностными лицами и царем царей (шахиншахом) этой империи. Царю царей принадлежали крупные каналы, водохранилища и только по его разрешению крестьянам давали воду. Перекрывая воду дамбой или направляя ее в сторону Каспия или Арала, чиновники требовали уплаты огромных сумм и добивались сбора налогов. Каналы и другие мелкие ручьи, по которым текла вода, являлись объектом купли продажи. Стоимость земли многократно возрастала в случае, если она орошалась проточной водой.

Таким образом, при Ахеменидском правлении Историческом Таджикистане, регулирование водных ресурсов было одним из рычагов давления на местное население, средством удержания их в повиновении, то есть одним из средств управления. Система орошения эпохи Ахеменидов развивалась, в основном, в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Причем низовья Амударьи имели большую территорию, чем все другие, вместе взятые оросительные системы [1, 43].

Развитие земледелия и ирригационных сооружений вели к освоению богарных земель. Особенно активно осваивались земли нынешних Файзабадского, Матчинского, Бойсунского районов.

В период кушанского правления на всей территории Исторического Таджикистана появляются новые каналы, название которых известно из исторических источников - Чармин

об, Кырккиз, Топраккалинский канал с большими водозаборными сооружениями. Создание ирригационной сети обусловило появление ряда хорошо укрепленных городов и крепостей - Шурахана, Большого Гульдурсуна, Топраккалы, Аязкалы и др. Из крупных каналов, проложенных в доисламский период, следует назвать Нарпай, орошавший Кушанию, ниже по Зеравшану, в пределах Бухарского оазиса, один из каналов носил название Шапуркам [5, 53]. Он проходил по самой северной части Бухарского оазиса —Вардана, правители которого соперничали с Бухархудатами. Существовали и другие крупные каналы, которые до VIII века орошали обширные земли Исторического Таджикистана.

Таким образом, вода и связанные с нею социальные и правовые проблемы в жизни древних предков играли важную роль.

Бережное отношение к воде исходило из той значимости и роли, которую она играла в жизни народа. Имея огромную потребность как в питьевой воде, так и воды для орошения, предки таджиков устанавливали разнообразные нормы, регулирующие водные отношения, правила бережного и рационального использования водных ресурсов, правовые механизмы их распределения среди членов общины и др.

Становление и развитие водных отношений на нынешней территории Таджикистана в древности показывает, что отношение к воде начиналось с ее сакрализации, она служила мерилом истины, выявления правового от неправового, справедливости [7, 253] от несправедливости, и постепенно происходящих десакрализация и переходу к нормальным к ней правовым отношениям, отношениям собственности.

Список литературы:

1. Буриев К.Б. История сельского хозяйства Таджикистана (на основе рукописного наследия). -Душанбе, 2002. -С.500.
2. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. Учебник. М.: Проспект,2005. -С. 120; Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. -М.: Юристь, 1999. - С.253.
3. Муллоахмедов М. Культ воды в Авесте //Водные ресурсы Центральной Азии и их рациональное использование. Тезисы докладов международной конференции, Душанбе,9-11 октября 2001 г. -Душанбе,2001. -116-117.
4. Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. -Ташкент: Адолат, 2000. -С.263.
5. Существовало легенда, согласно которой, Шапуркам был вырыть Сасанидским царевичем Шопуром. Об этом см.: Буриев К.Б. Указ.раб. -С.535.
6. Тохиров Ф.Т. Развитие права в Таджикистане. -Душанбе: Ирфон, 1994. -С.555. (на тадж. яз.). Муллоахмедов М. Культ воды в Авесте //Водные ресурсы Центральной Азии и их рациональное использование. Тезисы докладов международной конференции, Душанбе,9-11 октября 2001 г. -Душанбе,2001. -116-117.
7. Халиков А.Г. Правовая система зороастризма. -С.253.

ДОИСЛАМСКОЕ (ЗОРОАСТРИЙСКОЕ) ВОДНОЕ ПРАВО

Карoматуллозода Рустам Карoматулло
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460 kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

PRE-ISLAMIC (ZOROASTRIAN) WATER LAW

Karomatullozoda Rustam Karomatullo
2nd-year full-time master's student
in the Corporate Lawyer training program, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University 734025,
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460 kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной проблемы обусловливается и тем, что Таджикистан, являясь страной, расположенной в верховьях рек региона, в которых аккумулируется основная часть его водных ресурсов (около 60%), не может игнорировать интересы стран - потребителей этих вод, потому что такое игнорирование может привести к осложнению региональных отношений. Это вовсе не означает, что Таджикистан должен ради политических выгод отказаться от своих экономических интересов. Только с учетом, прежде всего, своих интересов, он должен выстраивать отношения с соседями, какими бы тяжелыми не оказались их последствия.

Annotation. The urgency of this issue is also determined by the fact that Tajikistan, as a country located in the headwaters of the region apus's rivers, which accumulate the bulk of its water resources (approximately 60%), cannot ignore the interests of countries consuming these waters, as such neglect could lead to complications in regional relations. This does not mean that Tajikistan should abandon its economic interests for political gain. It must build relations with its neighbors with its own interests at the forefront, no matter how dire the consequences.

Ключевые слова: водное прав, Авесто, государство, ресурс, водные проблемы.

Keywords: water law, Avesto, state, resource, water problems.

Вопросы обеспечения водой и правовое регулирование порядка ее распределения на нынешней территории Таджикистана всегда являлись одними из важнейших задач каждого государственного образования в регионе. Об этом свидетельствует история государства и права Таджикистана. С древнейших времен вода играла важную роль при заселении племен на данной территории, интерес на которой естественно представляли только земли, близкие к водным источникам - берега рек и озер.

Водные проблемы и связанные с ним отношения, по мнению некоторых ученых, имеют прямое отношение к возникновению государства и права на Востоке. Истоки регулирования отношений собственности восходят к глубокой древности и естественно связаны с появлением первых государственных образований. Создание первых государств и получение прибавочного продукта за счет поливного земледелия неизбежно влекло за собой необходимость правового регулирования отношений собственности на воду и землю. На значимость водного фактора указывает существование, наряду с теологической, марксистской теорией, теорией насилия, ирригационной теорией возникновения права и государства.

Особое место водные и земельные отношения занимали в государствах, становление которых происходило на "восточном пути производства, при котором основу экономики составляло орошаемое земледелие, земля и ирригационные сооружения являлись собственностью государства, первичной ячейкой общества была земледельческая община"[4, 26].

Согласно ирригационной теории возникновения права и государства, вода и связанные с ней общественные работы могли стать основным фактором появления и становления государств на Востоке. Сторонники ирригационной. теории происхождения государства проясняют ситуацию следующим образом: при количественном росте членов племен и вообще населения ощущалась нехватка земли, приходилось заселять территории, находящиеся вдали от источников воды. Работы по проведению каналов, их регулярная очистка, контроль за использованием воды со стороны отдельных лиц, привлечение людей ко всем этим работам, то есть усложнение общественных отношений и управления племенем, вели к возникновению отношений, следствием развития которых было появление государства и права. [2, 52].

Несмотря на недостатки ирригационной теории, она свидетельствует об огромной роли воды в жизни восточных государств и обществ, в том числе исторического Таджикистана, на нынешней территории которого с древнейших времен начинается в долинах частичное освоение рек Сырдарья, Вахша, Пянджа [2, 53].

Так, в VI-V вв. до нашей эры из Вахша был проложен канал, в зону которого входило около 50 кв.км земель. Подобный канал под названием Кафыр, орошал примерно в тот же период земли Кабадиана из реки Кафирниган. Искусственное орошение играло значительную роль в земледелии древнего Согда.

С течением времени появляются искусственные водохранилища, созданные силами общин и родов, в которых в зимнее и весеннее периоды складывалась вода и

устанавливались порядок ее распределения и пользования. Там, где использование вод природных рек не представлялось возможным, создается богарное земледелие, которое применяло атмосферную влагу - дождевую воду и снег. Порядок пользования всеми земельными угодьями регламентировался нормами обычного права.

Без воды, по сути дела, не было и жизни в определенных оазисах. Появившиеся города и селения могли уйти в небытие при изменении, русла близлежащих к ним рек. Вода для таджиков, предки которых еще на заре человеческой истории обживали территории у подножия, снежных гор и берегов крупных и малых рек, с испокон веков считалась священной [3, 117]. Далекие предки таджикского народа, исповедуя маздаяснийскую религию и Ахуру Мазду, вместе с тем почитали и других богов, в частности, Бога воды. Как в "Авесто", так и в других исторических источниках упоминаются божества — хранители воды. Например, Оахш, или близкое к этому имя означало Бога покровителя Вахша. Люди молились и просили воду у Оахша в засушливые годы. Богиня плодородия также считалась покровительницей вод и водных источников, без нее и земля не плодоносила. Был и единый Бог всех вод - "Апам напат".

Таким образом, вода и связанные с нею социальные и правовые проблемы играли в жизни древних таджиков важную роль. Согласно исследованиям А.К. Рзаева в "Авесто" определенное место отводится элементам водного права. Вода называется "целительной", "стад покровительницей", "имущества покровительницей", "стран покровительницей".[2] Согласно "Авесто", вода входила в число четырех стихий природы и ее нельзя была загрязнять [6, 54].

Значение воды в жизни населения восточных провинций Ахеменидского государства, в том числе предков таджиков, было определено и по-своему использовано должностными лицами и царем царей (шахиншахом) этой империи. Царю царей принадлежали крупные каналы, водохранилища и только по его разрешению крестьянам давали воду. Перекрывая воду дамбой или направляя ее в сторону Каспия или Арала, чиновники требовали уплаты огромных сумм и добивались сбора налогов. Каналы и другие мелкие ручьи, по которым текла вода, являлись объектом купли продажи. Стоимость земли многократно возрастала в случае, если она орошалась проточной водой.

Таким образом, при Ахеменидском правлении Историческом Таджикистане, регулирование водных ресурсов было одним из рычагов давления на местное население, средством удержания их в повиновении, то есть одним из средств управления. Система орошения эпохи Ахеменидов развивалась, в основном, в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Причем низовья Амударьи имели большую территорию, чем все другие, вместе взятые оросительные системы [1, 43].

Развитие земледелия и ирригационных сооружений вели к освоению богарных земель. Особенно активно осваивались земли нынешних Файзабадского, Матчинского, Бойсунского районов.

В период кушанского правления на всей территории Исторического Таджикистана появляются новые каналы, название которых известно из исторических источников - Чармин об, Кырккиз, Топраккалинский канал с большими водозаборными сооружениями. Создание ирригационной сети обусловило появление ряда хорошо укрепленных городов и крепостей - Шурахана, Большого Гульдурсуна, Топраккалы, Аязкалы и др. Из крупных каналов, проложенных в доисламский период, следует назвать Нарпай, орошавший Кушанию, ниже по Зеравшану, в пределах Бухарского оазиса, один из каналов. носил название Шапуркам [5, 53]. Он проходил по самой северной части Бухарского оазиса —Вардана, правители которого соперничали с Бухархудатами. Существовали и другие крупные каналы, которые до VIII века орошали обширные земли Исторического Таджикистана.

Таким образом, вода и связанные с нею социальные и правовые проблемы в жизни древних предков играли важную роль.

Бережное отношение к воде исходило из той значимости и роли, которую она играла в жизни народа. Имея огромную потребность как в питьевой воде, так и воды для орошения, предки таджиков устанавливали разнообразные нормы, регулирующие водные отношения, правила бережного и рационального использования водных ресурсов, правовые механизмы их распределения среди членов общины и др.

Становление и развитие водных отношений на нынешней территории Таджикистана в древности показывает, что отношение к воде начиналось с ее сакрализации, она служила

мерилом истины, выявления правового от неправового, справедливости [7, 253] от несправедливости, и постепенно происходящих десакрализация и переходу к нормальным к ней правовым отношениям, отношениям собственности.

Список литературы:

1. Буриев К.Б. История сельского хозяйства Таджикистана (на основе рукописного наследия). -Душанбе, 2002. -С.500.
2. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. Учебник. М.: Проспект,2005. -С. 120; Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. -М.: Юрист, 1999. - С.253.
3. Муллоахмедов М. Культ воды в Авесте //Водные ресурсы Центральной Азии и их рациональное использование. Тезисы докладов международной конференции, Душанбе,9-11 октября 2001 г. -Душанбе,2001. -116-117.
4. Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. -Ташкент: Адолат, 2000. -С.263.
5. Существовало легенда, согласно которой, Шапуркам был вырыть Сасанидским царевичем Шопуром. Об этом см.: Буриев К.Б. Указ.раб. -С.535.
6. Тохиров Ф.Т. Развитие права в Таджикистане. -Душанбе: Ирфон, 1994. -С.555. (на тадж. яз.). Муллоахмедов М. Культ воды в Авесте //Водные ресурсы Центральной Азии и их рациональное использование. Тезисы докладов международной конференции, Душанбе,9-11 октября 2001 г. -Душанбе,2001. -116-117.
7. Халиков А.Г. Правовая система зороастризма. -С.253.

ДОГОВОР ЛИЗИНГА КАК ОСНОВНАЯ ПРАВОВАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЗИНГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Махмадалиев Мехроб Ахмадович
Студент 2 курса юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел: +99211117105; e-mail: mahmadaliev_01@mail.ru

LEASING CONTRACT AS THE MAIN LEGAL FORM OF LEASING OPERATIONS UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Makhmadaliev Mekhrob Akhmadovich
Second-year student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +99211117105; e-mail: mahmadaliev_01@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуется договор лизинга как центральная гражданско-правовая конструкция, посредством которой в Республике Таджикистан осуществляется лизинговая деятельность. Показано, что значение договора лизинга выходит за рамки обычной аренды, поскольку именно через него соединяются инвестиционный интерес лизингодателя, предпринимательская потребность лизингополучателя и обязательство продавца по передаче имущества, выбранного для хозяйственного использования. Анализируются положения Гражданского кодекса Республики Таджикистан, Закона Республики Таджикистан «О финансовой аренде (лизинге)», налоговые и институциональные аспекты лизинговых операций, а также современные изменения законодательства. Обосновывается вывод о том, что договор лизинга в таджикском праве выступает не только формой передачи имущества во временное владение и пользование, но и самостоятельным правовым механизмом обновления основных средств, перераспределения предпринимательских рисков и стимулирования инвестиционной активности.*

Annotation. *The article examines the leasing contract as the key civil-law form through which leasing operations are carried out in the Republic of Tajikistan. It is argued that the legal significance of the leasing contract goes beyond ordinary lease relations because it combines the investment*

interest of the lessor, the entrepreneurial need of the lessee and the seller's obligation to transfer the selected asset for business use. The paper analyzes the Civil Code of the Republic of Tajikistan, the Law of the Republic of Tajikistan "On Financial Lease (Leasing)", tax regulation and institutional indicators of the leasing market, as well as recent legislative changes. The author concludes that the leasing contract in Tajik law acts not only as a form of temporary possession and use of property, but also as an independent legal mechanism for renewal of fixed assets, distribution of entrepreneurial risks and stimulation of investment activity.

Ключевые слова: *лизинг, договор лизинга, финансовая аренда, лизинговые операции, лизингодатель, лизингополучатель, предпринимательская деятельность, Республика Таджикистан.*

Keywords: *leasing, leasing contract, financial lease, leasing operations, lessor, lessee, entrepreneurial activity, Republic of Tajikistan.*

В современной системе предпринимательского оборота лизинг занял место правового инструмента, который позволяет хозяйствующим субъектам вводить в экономический оборот оборудование, транспорт, технологические линии и иное имущество без необходимости единовременного отвлечения значительного объема собственных денежных средств. Именно поэтому вопрос о договоре лизинга в законодательстве Республики Таджикистан нельзя сводить к частному сюжету о разновидности аренды. Речь идет о такой юридической форме, в которой соединяются инвестиция, кредитный элемент, временное владение и пользование имуществом, а также последующее распределение имущественных рисков между участниками хозяйственной операции. Нормативную основу такого регулирования в таджикском праве составляют, прежде всего, положения части второй Гражданского кодекса Республики Таджикистан, где в статье 693 закреплено определение договора финансовой аренды (лизинга), а также специальный Закон Республики Таджикистан «О финансовой аренде (лизинге)» от 22 апреля 2003 года. Новейшее развитие этой конструкции связано и с изменениями, внесенными в 2024 году, когда законодатель уточнил сферу действия закона, подчеркнул защиту законных прав и интересов субъектов лизинга и закрепил письменную форму договора с обязательным нотариальным удостоверением. Уже сама логика нормативного закрепления показывает, что для таджикского законодателя договор лизинга выступает не вспомогательным приложением к инвестиционной деятельности, а ее ключевой юридической оболочкой.

Теоретическое значение договора лизинга раскрывается через научную дискуссию о его правовой природе. В цивилистике давно подчеркивается, что лизинг нельзя без остатка растворить ни в договоре аренды, ни в купле-продаже, ни в кредитовании. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, анализируя договорные типы в гражданском праве, справедливо обращали внимание на то, что современный имущественный оборот вырабатывает смешанные и комплексные конструкции, которые, сохраняя связь с традиционными обязательственными моделями, получают самостоятельное юридическое содержание [6, 12-18]. Е.А. Суханов рассматривал финансовую аренду как особую договорную форму, в которой арендный элемент дополняется инвестиционной направленностью и специальным распределением обязанностей по выбору имущества и продавца [7, 638-642]. Е.В. Кабатова, исследуя лизинг как правовой институт, указывала, что его специфика состоит в обязательном целевом приобретении имущества лизингодателем для передачи конкретному лизингополучателю, а не в простом предоставлении уже имеющейся вещи за плату [8, 14-18]. Эти подходы сохраняют методологическую ценность и для анализа таджикского законодательства, поскольку позволяют увидеть: юридическая сущность лизинга состоит не только в передаче имущества во временное пользование, но и в опосредовании инвестиционного процесса договорными средствами.

Для права Республики Таджикистан подобное понимание имеет особую практическую значимость. Национальная экономика нуждается в регулярном обновлении основных средств, особенно в сферах сельского хозяйства, транспорта, строительства, переработки сырья и малого промышленного производства. Вместе с тем доступ к классическому банковскому кредитованию для многих субъектов предпринимательства остается ограниченным либо из-за высокой стоимости заемных ресурсов, либо из-за недостаточности ликвидного залогового обеспечения. В таких условиях лизинг выполняет компенсаторную функцию: предмет лизинга сам становится основой хозяйственной операции и одновременно

экономической гарантией интересов лизингодателя. Не случайно в научной литературе Таджикистана подчеркивается, что развитие лизинговых отношений тесно связано с задачами модернизации производства и расширения инвестиционной активности [10, 289-295], [11, 281-284], [12, 290-294]. Дополнительное подтверждение этому дают и официальные данные Национального банка Таджикистана: по состоянию на 30 сентября 2024 года в стране функционировали 6 лизинговых организаций, активы которых составили 479,1 млн сомони, увеличившись по сравнению с концом 2023 года на 13,1 процента [5]. Эти цифры не свидетельствуют о полном масштабном развитии рынка, однако они показывают, что лизинг в Таджикистане уже существует как самостоятельный сегмент финансовой системы, а значит, требует точной и устойчивой правовой формы.

Если обратиться к гражданско-правовой конструкции договора лизинга, становится очевидно, что его центральным признаком выступает целевой характер приобретения имущества. В отличие от обычной аренды, где арендодатель передает арендатору принадлежащее ему имущество, в лизинге лизингодатель обязуется приобрести у продавца определенное имущество именно для последующей передачи его лизингополучателю. Это обстоятельство имеет принципиальное значение. Во-первых, правовая связь между лизингодателем и продавцом не носит случайного характера: купля-продажа в данном случае обслуживает последующую лизинговую передачу. Во-вторых, выбор имущества и, как правило, продавца осуществляется исходя из предпринимательских потребностей лизингополучателя, который лучше всего знает, какие активы необходимы ему для хозяйственной деятельности. В-третьих, специфика целевого приобретения влияет на распределение риска качества, комплектности, пригодности и эксплуатационных характеристик имущества. Именно здесь договор лизинга демонстрирует свою сложную природу: он связывает в единую юридическую цепь как минимум три субъекта и несколько взаимозависимых имущественных интересов, не превращаясь при этом в простую сумму отдельных сделок.

В этом смысле договор лизинга является основной правовой формой осуществления лизинговых операций потому, что вне надлежащего договорного оформления сама лизинговая операция теряет юридическую определенность. Экономически лизинг можно описать как способ финансирования приобретения имущества, однако право нуждается в конкретной обязательственной оболочке, через которую определяются предмет, срок, размер лизинговых платежей, условия передачи имущества, порядок страхования, основания ответственности, распределение рисков случайной гибели и механизм последующего выкупа либо возврата предмета лизинга. Без такого комплекса условий нельзя установить ни права сторон, ни пределы их ответственности, ни судьбу имущества при нарушении обязательства. Именно договор позволяет перевести экономическую модель в плоскость правового режима. Поэтому договор лизинга в таджикском законодательстве выступает не формальностью, сопровождающей хозяйственную операцию, а ядром всей лизинговой конструкции.

Существенным достоинством договора лизинга как правовой формы является возможность гибкого сочетания интересов сторон. Для лизингополучателя привлекательность состоит в том, что он получает возможность использовать необходимое имущество в предпринимательской деятельности до полного накопления средств на его приобретение. Для лизингодателя важна возмездность операции, сохранение права собственности на предмет лизинга в течение действия договора и более высокий уровень обеспеченности по сравнению с необеспеченным кредитованием. Для продавца имущества выгодно расширение круга потенциальных покупателей и ускорение реализации продукции. Но именно договорное регулирование делает такое совпадение интересов устойчивым. Чем точнее в договоре прописаны технические характеристики предмета, график платежей, условия обслуживания, страхования, ремонта, досрочного прекращения и выкупной стоимости, тем меньше риск того, что хозяйственная цель лизинговой операции будет разрушена конфликтом между ее участниками. Отсюда следует важный вывод: качество договора лизинга прямо влияет на качество всего лизингового оборота.

Нормативная эволюция таджикского законодательства подтверждает движение именно в сторону усиления договорной определенности. Закон Республики Таджикистан «О финансовой аренде (лизинге)» изначально закрепил общие правовые и экономические основы лизинга, круг субъектов, объект лизинга, их права и обязанности. Однако последующие изменения показали стремление законодателя к большей ясности правового

режима. Закон от 13 ноября 2024 года №2111 специально указал, что действующий закон направлен на защиту законных прав и интересов субъектов лизинга, уточнил сферу его действия и закрепил, что закон распространяется на отношения лизинговой деятельности и на лизинг имущества, относящегося к неупотребляемым вещам, предназначенным для временного владения и использования в предпринимательских целях. Особое внимание заслуживает закрепление требования о письменной форме договора и его нотариальном удостоверении. Такое решение может рассматриваться двояко: с одной стороны, оно усиливает доказательственную защищенность сторон и снижает риск споров о содержании обязательства, с другой - увеличивает транзакционные издержки и делает доступ к лизингу более формализованным. Тем не менее само наличие специального требования подтверждает, что государство придает договору лизинга особое значение как инструменту стабильного имущественного оборота.

Говоря о содержании договора лизинга, следует подчеркнуть, что круг существенных и практически значимых условий здесь значительно шире, чем в обычной аренде. Конечно, предмет договора остается базовым условием: имущество должно быть определено таким образом, чтобы исключалась неопределенность его вида, количества, модели, производственных параметров и иного индивидуализирующего описания. Но для лизинга столь же важны условия о продавце, сроке финансирования, размере и структуре лизинговых платежей, порядке передачи имущества, правилах учета расходов по монтажу и наладке, распределении рисков случайной гибели и повреждения, обязанностях по техническому обслуживанию и страхованию, последствиях просрочки платежей, а также о судьбе имущества после окончания срока договора. В зависимости от конкретной экономической модели договор может предусматривать как возврат предмета лизинга, так и его переход в собственность лизингополучателя после исполнения всех обязательств. Именно через детальную договорную технику лизинг приобретает свойства эффективного правового механизма, а не декларативной инвестиционной идеи.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении договора лизинга с иными гражданско-правовыми конструкциями. На практике ошибки в квалификации встречаются тогда, когда лизинг пытаются представить либо как обычную аренду с отсроченным выкупом, либо как форму купли-продажи в рассрочку, либо как кредитную сделку под залог имущества. Между тем каждая из этих моделей отражает лишь часть юридической природы лизинга. Обычная аренда не охватывает элемента целевого приобретения имущества под конкретного пользователя. Купля-продажа в рассрочку не объясняет сохранение права собственности за лизингодателем и особую структуру встречных обязанностей. Кредитование само по себе не создает правового режима пользования вещью и не определяет договорный баланс между продавцом, финансирующей стороной и пользователем имущества. Поэтому в теории и законодательстве оправдано выделение лизинга в самостоятельную договорную конструкцию. Такая самостоятельность особенно важна для судебной практики, поскольку именно она позволяет правильно разрешать споры о моменте перехода рисков, пределах ответственности за недостатки предмета лизинга, допустимости одностороннего отказа, возврате имущества и взыскании задолженности.

Для таджикского правоприменения большое значение имеет и налоговое измерение лизинговых операций. Налоговое право не заменяет гражданско-правовую природу договора лизинга, однако оказывает заметное влияние на его экономическую привлекательность. В Налоговом кодексе Республики Таджикистан финансовая аренда рассматривается как особый правовой режим передачи амортизируемого материального имущества по договору финансовой аренды (лизинга), заключенному на срок более 12 месяцев, в соответствии с законодательством о финансовой аренде (лизинге). Из этого вытекает практический вывод: гражданско-правовая правильность договора влияет не только на возможность защиты права в суде, но и на налоговые последствия сделки. Если договор составлен небрежно, не согласован по ключевым условиям или не соответствует специальному закону, то экономические преимущества лизинга могут быть нивелированы налоговыми рисками и спорами о квалификации операции. Следовательно, договор лизинга остается базовой правовой формой еще и потому, что именно он связывает между собой гражданско-правовое и налоговое регулирование соответствующей операции.

С точки зрения защиты интересов участников оборота договор лизинга ценен тем, что позволяет заранее распределить предпринимательские риски. Для экономики это особенно

важно в условиях, когда стоимость оборудования высока, а производственный цикл может быть длительным и зависимым от внешних факторов. В лизинговой модели риск случайной гибели имущества, риски его непригодности для заявленных целей, риск просрочки платежей, риск обесценивания актива и риск недобросовестного поведения контрагента должны быть распределены не абстрактно, а максимально конкретно. Именно договор создает для этого правовую возможность. Он может предусматривать обязательное страхование предмета лизинга, порядок уведомления о технических неисправностях, право лизингодателя на досрочное изъятие имущества при существенном нарушении обязательства, а также условия, при которых лизингополучатель сохраняет возможность продолжить договор после устранения нарушения. В отличие от общего законодательного описания, договор переводит абстрактную норму в прикладной режим действия. Чем выше стоимость предмета лизинга, тем очевиднее потребность в юридически грамотной договорной работе.

Особую роль договор лизинга играет в аграрной и производственной сферах, где потребность в основных средствах постоянна, а их немедленное приобретение за счет собственных средств объективно затруднено. Не случайно Ф.Ф. Гафоров, рассматривая лизинг как источник инвестиций в аграрном секторе Таджикистана, связывал развитие лизинговых отношений с обновлением материально-технической базы и повышением эффективности хозяйствования [12, 290-294]. Схожую мысль развивает Я.Б. Хакимов, отмечая, что становление и развитие лизинга в Республике Таджикистан во многом зависит от качества нормативного правового регулирования и ясности используемой юридической техники [11, 281-284]. Н. Назирзода также подчеркивает, что для молодого института лизинга устойчивость правовой формы имеет решающее значение, поскольку именно договорная дисциплина превращает общий инвестиционный механизм в реально действующий инструмент гражданского оборота [10, 289-295]. Эти выводы позволяют утверждать, что совершенствование лизингового законодательства должно идти не по пути отвлеченного наращивания регуляторных требований, а по линии улучшения договорной модели: ясности содержания договора, предсказуемости прав и обязанностей сторон и эффективности способов защиты нарушенных прав.

Вместе с тем нельзя игнорировать и проблемные аспекты действующего регулирования. На практике развитию лизинга в Таджикистане препятствуют сравнительно узкий рынок профессиональных лизингодателей, высокая стоимость долгосрочных ресурсов, недостаточная осведомленность части предпринимателей о преимуществах лизинговых схем, а также сложность оформления отдельных сделок, особенно когда речь идет о дорогостоящем оборудовании, трансграничных поставках или сочетании лизинга с иными обеспечительными инструментами. В этой связи любое усложнение обязательной процедуры заключения договора должно оцениваться не только с позиции юридической безопасности, но и с точки зрения доступности лизинга для бизнеса. Формальная строгость, несомненно, дисциплинирует оборот, однако чрезмерная бюрократизация может снизить экономическую привлекательность самого механизма. Поэтому совершенствование законодательства о лизинге должно строиться на разумном балансе: договор должен оставаться надежным, доказуемым и защищенным, но при этом не превращаться в чрезмерно обременительную правовую конструкцию, отпугивающую участников рынка.

Представляется, что дальнейшее развитие таджикского законодательства о лизинге должно быть ориентировано на несколько взаимосвязанных направлений. Во-первых, нуждается в уточнении и систематизации терминология, используемая в специальном законе и смежных нормативных актах, чтобы исключить коллизии между гражданско-правовой и налоговой квалификацией лизинговой операции. Во-вторых, необходима дальнейшая детализация правового режима предмета лизинга, включая порядок учета прав третьих лиц, страхования, обращения взыскания и завершения договора. В-третьих, востребовано развитие типовой договорной практики, которая позволила бы снизить количество ошибок при составлении договоров и повысить доверие предпринимателей к лизинговому механизму. В-четвертых, важным является укрепление судебной и арбитражной практики по спорам, связанным с лизингом, поскольку единообразие толкования норм существенно повышает устойчивость всего рынка. Но все эти направления объединяет одно обстоятельство: в центре реформ неизменно находится именно договор лизинга как основная правовая форма осуществления лизинговых операций.

Принципиально важным для понимания лизинга в таджикском праве является и то обстоятельство, что специальный закон прямо связывает лизинговую деятельность с предпринимательской целью использования имущества. Это означает, что договор лизинга по своей направленности ориентирован прежде всего на профессиональный имущественный оборот, где вещь используется не для личного, семейного или бытового потребления, а для извлечения дохода, производства товаров, выполнения работ или оказания услуг. Такая законодательная установка имеет несколько последствий. Во-первых, она отграничивает лизинг от потребительских форм рассроченного приобретения имущества. Во-вторых, подчеркивает повышенный стандарт осмотрительности сторон, поскольку участники предпринимательского оборота должны более тщательно оценивать экономические и правовые последствия сделки. В-третьих, она объясняет, почему договор лизинга так тесно связан с вопросами бухгалтерского учета, амортизации, налогового режима и обеспечительных механизмов. Иначе говоря, в таджикском законодательстве лизинг изначально мыслится не как упрощенная бытовая модель пользования вещью, а как специализированная правовая форма деловой активности.

Не менее существенным является вопрос о защите прав сторон при неисполнении или ненадлежащем исполнении договора лизинга. Поскольку предмет лизинга обычно представляет собой дорогостоящий актив, любой сбой в платежной дисциплине или нарушение обязанностей по передаче и эксплуатации имущества способно повлечь значительные убытки. Именно поэтому в договоре лизинга особую роль играют условия о последствиях просрочки, праве на досрочное расторжение, возврате предмета лизинга, порядке взыскания задолженности и компенсации расходов лизингодателя. Однако защита должна быть сбалансированной. Чрезмерная ориентация только на интересы финансирующей стороны превращает лизинг в жесткий квази-кредитный механизм и снижает его привлекательность для реального сектора. Напротив, продуманная договорная модель, где учитываются интересы обеих сторон, способствует устойчивости длительных хозяйственных связей. В этом контексте договор выполняет еще одну функцию: он не только оформляет передачу имущества, но и служит инструментом превентивного урегулирования будущих конфликтов. Чем подробнее согласованы процедуры уведомления, осмотра имущества, устранения недостатков, временной приостановки платежей при существенном нарушении со стороны контрагента и досрочного выкупа, тем выше правовая предсказуемость всей операции.

С учетом международной и региональной практики можно утверждать, что дальнейшее развитие лизинга в Таджикистане неизбежно будет сопровождаться усложнением самих договорных моделей. Уже сегодня хозяйственный оборот нуждается не только в классическом финансовом лизинге оборудования, но и в более гибких конструкциях, приспособленных к цифровой технике, транспортным комплексам, аграрной технике, медицинскому оборудованию и объектам инфраструктурного назначения. Это потребует более тонкой регламентации вопросов сервисного обслуживания, распределения валютных рисков, применения электронного документооборота, страхования и возможного участия нескольких финансирующих субъектов. Но даже при расширении спектра операций базовый юридический каркас останется неизменным: именно договор лизинга будет соединять экономическую цель сделки с обязательственно-правовой формой ее реализации. Следовательно, качество будущего развития лизингового рынка в Республике Таджикистан в решающей степени зависит от того, насколько последовательно правоприменитель, законодатель и сами участники предпринимательского оборота будут воспринимать договор не как шаблонное приложение к финансированию, а как главный юридический механизм организации лизинговой деятельности.

Подводя итог, следует отметить, что в законодательстве Республики Таджикистан договор лизинга является не просто разновидностью арендного обязательства, а самостоятельной и сложной гражданско-правовой конструкцией, обеспечивающей юридическую реализацию инвестиционно-хозяйственной операции. Его значение определяется тем, что он связывает воедино интересы лизингодателя, лизингополучателя и продавца имущества, формирует правовой режим предмета лизинга, распределяет предпринимательские риски, определяет налоговые последствия сделки и создает механизм защиты прав всех участников соответствующих отношений. Именно договор придает лизинговой операции юридическую завершенность и превращает экономическую схему

финансирования в предсказуемый институт гражданского оборота. Поэтому тезис о договоре лизинга как основной правовой форме осуществления лизинговых операций по законодательству Республики Таджикистан представляется не только теоретически обоснованным, но и практически подтвержденным состоянием действующего законодательства и логикой современного предпринимательского развития страны.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть вторая). Статья 693.
2. Закон Республики Таджикистан «О финансовой аренде (лизинге)» от 22 апреля 2003 года.
3. Закон Республики Таджикистан от 13 ноября 2024 года № 2111 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан “О финансовой аренде (лизинге)”».
4. Налоговый кодекс Республики Таджикистан от 15 марта 2023 года.
5. Обзор финансовой системы Республики Таджикистан за третий квартал 2024 года / Национальный банк Таджикистана.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М.: Статут, 2000. — 800 с.
7. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 800 с.
8. Кабатова Е.В. Лизинг: правовое регулирование, практика. — М.: ИНФРА-М, 1997. — 204 с.
9. Газман В.Д. Лизинг: теория, практика, комментарии. — М.: Фонд «Правовая культура», 1997. — 416 с.
10. Назирзода Н.Н. Становление и правовое регулирование лизинга в Республике Таджикистан // Law and International Law. 2023. № 148. С. 289-295.
11. Хакимов Я.Б. Некоторые мысли об истории возникновения и развития лизинга в Республике Таджикистан // International scientific-practical journal “Endless light in science”. 2023. С. 281-284.
12. Гафоров Ф.Ф. Сопоставительный анализ преимуществ лизинговых услуг // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. 2014. № 2/10(152), ч. 1. С. 290-294.

ОТДЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ

Меликов Манучехр Джурабекович
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Право и бизнес» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

SPECIFIC MEASURES IN THE FIELD OF LAND PROTECTION

Melikov Manuchehr Jurabekovich
Master of 2-year full-time course
Law and Business training program of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. «Отдельные меры в области охраны земель» *определяется возрастающей необходимостью обеспечения рационального использования земельных ресурсов и их защиты от негативного антропогенного воздействия. В современных условиях усиливаются процессы деградации земель, включая эрозию, засоление, загрязнение и снижение плодородия почв, что представляет угрозу экологической безопасности и устойчивому развитию.*

Особую значимость приобретает совершенствование правовых механизмов охраны земель, направленных на предотвращение их истощения и восстановление природных свойств. Эффективная реализация мер государственного контроля, а также

установление ответственности за нарушение земельного законодательства являются важными условиями обеспечения сохранности земельного фонда.

Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного подхода к охране земель, включающего правовые, экологические и организационные меры, направленные на сохранение земельных ресурсов для настоящих и будущих поколений.

Annotation. *"Specific Measures in the Field of Land Protection" is determined by the increasing need to ensure the rational use of land resources and their protection from negative anthropogenic impacts. Under modern conditions, land degradation processes are intensifying, including soil erosion, salinization, contamination, and a decline in soil fertility, which poses a threat to environmental safety and sustainable development.*

Particular importance is attached to improving legal mechanisms for land protection aimed at preventing land depletion and restoring natural properties. The effective implementation of state control measures, as well as the establishment of liability for violations of land legislation, are essential conditions for ensuring the preservation of the land fund.

Thus, the relevance of the topic is обусловлена the need for a comprehensive approach to land protection, including legal, environmental, and organizational measures aimed at preserving land resources for present and future generations.

Ключевые слова: *охрана земель, земельные ресурсы, рациональное использование земель, деградация земель, эрозия почв, загрязнение земель.*

Keywords: land protection, land resources, rational use of land, land degradation, soil erosion, land contamination.

Одно из действенных средств повышения продуктивности, увеличения плодородия земель является мелиорация. В Российской Федерации принят Федеральный закон от 10.01.1996 г. № 4- ФЗ «О мелиорации земель» (далее- Закон о мелиорации земель) [7, 142], в котором дано определение мелиорации: — это коренное улучшение земель путем проведения гидротехнических, культурно -технических, химических, противоэрозионных, агролесомелиоративных, агротехнических и других мелиоративных мероприятий. В зависимости от того, какие проблемы необходимо решать для улучшения состояния земельного участка, каковы физические, химические, биологические характеристики земельного участка, к нему будут применяться различные типы мелиорации. Типы и виды мелиораций закреплены в главе II Закон о мелиорации земель. Гидромелиорация земель направлена на регулирование водного, воздушного, теплового и питательного режимов почв. Данный тип мелиораций выбирают, когда нужно решить проблему, например, с излишне увлажнёнными или, наоборот, засушливыми землями. Для этого проводят мероприятия по отводу воды или, наоборот, подаче воды через мелиоративные системы.

Агролесомелиорация земель состоит в проведении комплекса мелиоративных мероприятий, обеспечивающих коренное улучшение земель посредством использования почвозащитных, водорегулирующих и иных свойств защитных лесных насаждений. Выделяют несколько видов агролесомелиорации, которые применяются также в зависимости от поставленных задач. Противоэрозионная мелиорация используется для защиты земель от эрозии. Защита обеспечивается путем посадки лесных насаждений на берегах рек, на оврагах, на песках и т.д. Полезащитная мелиорация проводится путем посадки лесных насаждений по границам севооборотов, вдоль границ земель сельскохозяйственного назначения для защиты от неблагоприятных явлений техногенного, антропогенного и защиты от неблагоприятных явлений техногенного, антропогенного и природного происхождения. Пастбищезащитная мелиорация осуществляется в целях недопущения негативных изменений земель пастбищ путем посадки и выращивания лесных насаждений.

Культуртехническая мелиорация проводится в целях коренного улучшения земель, путем расчистки земель от растительности, пней мха, кочек, камней и иных предметов. В некоторых случаях хорошую результативность показывают проведенные мероприятия по глинованию, рыхлению, пескованию и т.п. Могут проводиться и другие культуртехнические работы.

Для улучшения химических и физических свойств земель проводится химическая мелиорация. Этот тип мелиорации земель осуществляется путем гипсования почв, известкования почв и фосфоритования почв. Например, известкование почв приносит положительные результаты, когда необходимо снизить степень кислотности почв, для чего в

нее добавляют известковые удобрения.

Проведение мелиоративных мероприятий осуществляется как при реализации федеральных и региональных программ по мелиорации земель, так и по заказу правообладателей земельных участков.

Рекультивация земель является одним из способов восстановления земель и восстановления качества земель. [1, 2]

Рекультивация необходима для восстановления нарушенных земель, например в процессе недропользования, с целью вовлечения этих земель в хозяйственный оборот. Постановление Правительства РФ от 23.02.1994 № 140 «О рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы» утвердило Основные положения о рекультивации земель» [2, 140]. В соответствии с данным Постановлением был принят Приказ Минприроды РФ № 525, Роскомзема № 67 от 22.12.1995 «Об утверждении Основных положений о рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы» (далее – Приказ № 525). Данный Приказ определил, что нарушенными считаются земли, утратившие свою хозяйственную ценность или являющиеся источником отрицательного воздействия на окружающую среду в связи с нарушением почвенного покрова, гидрологического режима и образования техногенного рельефа в результате производственной деятельности, а также закрепил понятие «рекультивация земель»; это комплекс работ, направленных на восстановление продуктивности и народно-хозяйственной ценности нарушенных земель, а также на улучшение условий окружающей среды.

На основании Приказа № 525 рекультивации подлежат земли, нарушенные:

- разработке месторождений полезных ископаемых открытым или подземным способом, а также добыче торфа;
- прокладке трубопроводов, проведении строительных, мелиоративных, лесозаготовительных, геологоразведочных, испытательных, эксплуатационных, проектно-изыскательских и иных работ, связанных с нарушением почвенного покрова;
- ликвидации промышленных, военных, гражданских и иных объектов и сооружений;
- складировании и захоронении промышленных, бытовых и других отходов;
- строительстве, эксплуатации и консервации подземных объектов и коммуникаций (шахтные выработки, хранилища, метрополитен, канализационные сооружения и др.);
- ликвидации последствий загрязнения земель, если по условиям их восстановления требуется снятие верхнего плодородного слоя почвы;
- проведении войсковых учений за пределами специально отведенных для этих целей полигонов.

Следует отметить, что Постановление Правительства Российской Федерации от 23 февраля 1994 г. № 140 «О рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы», а также Приказ № 525, устарел и имеет многочисленные противоречия в свете изменений, внесенных в федеральное законодательство после его принятия. К числу основных изъянов существующего порядка рекультивации земель, на наш взгляд, следует отнести то, что:

а) отсутствует правовое закрепление временного промежутка, в течение которого должны начаться рекультивационные работы, в результате чего органы государственной власти, согласовывающие проекты рекультивации земель, не указывают этих сроков, оставляя их на усмотрение самим предприятиям, которые могут годами и даже десятилетиями затягивать проведение данных работ (при этом, как известно, срок исковой давности при предъявлении исков о возмещении экологического вреда, согласно п. 3 ст. 78 Закона об охране окружающей среды, составляет 20 лет);

б) органы государственного земельного надзора осуществляют надзор только на стадии выполнения обязанностей по рекультивации земель, но не осуществляют надзор за состоянием уже рекультивированных земель, загрязнённых в результате нефтеразливов.

На сегодняшний день разработаны проекты Постановлений Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о порядке проведения рекультивации и консервации земель» [3] «О порядке определения требований к рекультивации земель и земельных участков» [4] и Приказом Минприроды России «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов рекультивации нарушенных земель» [5] которые в настоящее время проходят процедуру оценки регулирующего воздействия. Указанные проекты должны более

детально урегулировать наиболее актуальные и пока недостаточно регламентированные вопросы рекультивации земель.

В соответствии с п. 5 ст. 13 Земельного кодекса лица, деятельность которых привела к ухудшению качества земель (в том числе в результате их загрязнения, нарушения почвенного слоя), обязаны обеспечить их рекультивацию. Приведение нарушенных земель в состояние, пригодное для их дальнейшего использования, осуществляется на основании проекта рекультивации земель. Данный проект в обязательном порядке должен получить положительное заключение государственной экологической экспертизы.

Рекультивация нарушенных земель может проводиться путем выполнения следующих работ:

- снятие транспортировка и складирование (при необходимости) плодородного слоя почвы;
- нанесение на рекультивируемые земли потенциально плодородных пород и плодородного слоя почвы;
- ликвидация промышленных площадок, транспортных коммуникаций, электрических сетей и других объектов, надобность в которых миновала;
- очистка рекультивируемой территории от производственных отходов, в том числе строительного мусора, с последующим их захоронением или складированием в установленном месте;
- приобретение и посадка саженцев и т.д.

Для организации приемки (передачи) рекультивированных земель, а также для рассмотрения других вопросов, связанных с восстановлением нарушенных земель, рекомендуется создание решением органа местного самоуправления специальной Постоянной комиссия по вопросам рекультивации земель (далее – Постоянная комиссия), если иное не предусмотрено нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и актами органов местного самоуправления.

Государственное статистическое наблюдение за нарушенными землями, снятием и использованием плодородного слоя почвы проводится органами Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестром).

На основании Постановления Правительства РФ от 02.10.2002 № 830 «Об утверждении Положения о порядке консервации земель с изъятием их из оборота» [6] в целях предотвращения деградации земель, восстановления плодородия почв и загрязненных территорий осуществляется консервация земель с изъятием их из оборота.

На основании вышеуказанного Положения допускается консервация земель, подвергшихся негативным (вредным) воздействиям, в результате которых происходят деградация земель и ухудшение экологической обстановки, а также загрязненных земель, использование которых приводит к негативному воздействию на здоровье человека, в том числе:

а) земель, подвергшихся водной и ветровой эрозии, воздействию селей, вторичному засолению, иссушению, уплотнению, а также земель в районах Крайнего Севера, занятых оленьими пастбищами, с сильно нарушенным почвенно-растительным покровом;

б) земель, имеющих просадки поверхности вследствие использования недр или естественных геологических процессов;

в) земель, загрязненных радиоактивными веществами, нефтью и нефтепродуктами, тяжелыми металлами и другими токсичными химическими веществами, биологическими веществами и микроорганизмами свыше предельно допустимых концентраций вредных веществ (микроорганизмов), включая земли, на которых в результате радиоактивного, химического или биогенного загрязнения не обеспечивается производство продукции, соответствующей установленным требованиям.

Предложения по консервации земель, находящихся в федеральной собственности, рассматриваются уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, земель, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации, - органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, земель, находящихся в муниципальной собственности, - органами местного самоуправления, которые принимают решения о консервации земель в пределах своей компетенции. Решения о консервации земель, находящихся в частной собственности, принимаются в отношении земель сельскохозяйственного назначения органами исполнительной власти субъектов Российской

Федерации, а в отношении земель иного целевого назначения - органами местного самоуправления.

На основании принятого решения о консервации земель разрабатывается проект землеустройства, в котором определяются сроки консервации земель, мероприятия по предотвращению деградации земель, восстановлению плодородия почв и загрязненных территорий, очередность их проведения и стоимость, а также предложения по использованию земель после завершения указанных мероприятий.

Земельные участки, изъятые из оборота в соответствии с принятым решением об их консервации, сохраняются за собственниками земельных участков, землевладельцами, землепользователями и арендаторами земельных участков либо переводятся в земли запаса в случаях, установленных законодательством Российской Федерации.

С целью охраны земель разрабатываются соответствующие программы, предусматривающие перечень обязательных мероприятий по охране земель. При этом учитываются особенности хозяйственной деятельности, природные и другие условия.

Оценка состояния земель и эффективности предусмотренных мероприятий по охране земель осуществляются на основании экологической экспертизы, установленных санитарно-гигиенических и иных норм и требований. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», в котором в ст. 11 в качестве объектов экологической экспертизы указаны проекты рекультивации земель, нарушенных при размещении отходов I-V классов опасности.

Для реализации мероприятий по охране земель при проведении, связанных с нарушением почвенного слоя строительных работ и работ по добыче полезных ископаемых плодородный слой почвы, снимается и используется для улучшения малопродуктивных земель. В случае невыполнения этих требований виновные лица могут быть привлечены к административной ответственности по ч.2 ст. 8.7 Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Для оценки состояния земель устанавливаются нормативные предельно допустимых концентраций вредных веществ, вредных микроорганизмов и др., а также проводится почвенные, геоботанические, агрохимические и иные обследования.

Список литературы:

1. Крассов О.И. Совершенствование правового регулирования рекультивации земель // Экологическое право. 2012. № 6. С.2
2. Постановление Правительства РФ от 23.02.1994 № 140 «О рекультивации земель, снятии, сохранении и рациональном использовании плодородного слоя почвы» утвердило Основные положения о рекультивации земель»
3. Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения о порядке проведения рекультивации и консервации земель».
4. Проект Постановления Правительства РФ «О порядке определения требований к рекультивации земель и земельных участков» земель».
5. Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении методических рекомендаций по разработке проектов рекультивации нарушенных земель»
6. Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения о порядке рекультивации и консервации земель с изъятием их из оборота».
7. Федеральный закон от 10 января 1996 г. N 4-ФЗ "О мелиорации земель" (с изменениями и дополнениями) «О мелиорации земель» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 142

ПРИНЦИПЫ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мухамедова Муборак Анваровна
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail.ru kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

PRINCIPLES OF STATE PARTICIPATION IN ENTREPRENEURSHIP

Mukhamedova Muborak Anvarovna
2st year full-time master's student
of the training program «Corporate Lawyer» of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail.ru kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуются принципы участия государства в предпринимательской деятельности в соответствии с правом Республики Таджикистан. Особое внимание уделяется анализу принципа гарантированной государственной защиты и поддержки субъектов предпринимательства, принципа законности, равноправия и недопущения дискриминации, принципа содействия развитию предпринимательской деятельности посредством формирования специальных механизмов и инфраструктуры, а также принципа ограничения вмешательства государства и обеспечения свободы предпринимательства. Рассматривается содержание указанных принципов, их взаимосвязь и значение для обеспечения баланса частных и публичных интересов в условиях трансформации экономики. Выявляются существующие проблемы реализации данных принципов на практике, включая риски избыточного государственного вмешательства и недостаточной эффективности механизмов поддержки. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики с целью обеспечения устойчивого развития предпринимательской среды и укрепления гарантий свободы экономической деятельности.*

Annotation. *This article examines the principles of state participation in entrepreneurial activity in accordance with the law of the Republic of Tajikistan. Particular attention is paid to the analysis of the principle of guaranteed state protection and support for business entities, the principle of legality, equality, and non-discrimination, the principle of promoting the development of entrepreneurial activity through the formation of special mechanisms and infrastructure, and the principle of limiting state intervention and ensuring freedom of entrepreneurship. The article examines the content of these principles, their interrelationships, and their importance for ensuring a balance between private and public interests in the context of economic transformation. It identifies existing challenges in the practical implementation of these principles, including the risks of excessive state intervention and insufficient effectiveness of support mechanisms. It concludes that legal regulation and law enforcement practices need to be improved to ensure the sustainable development of the entrepreneurial environment and strengthen guarantees of freedom of economic activity.*

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, государство, принципы права, Республика Таджикистан, государственная поддержка, равноправие, свобода предпринимательства, вмешательство государства, правовое регулирование.*

Keywords: *entrepreneurial activity, state, principles of law, the Republic of Tajikistan, state support, equality, freedom of enterprise, state intervention, legal regulation.*

Участие государства в предпринимательской деятельности не является произвольным или хаотичным процессом. Как справедливо подмечает И.А. Смагина, оно подчинено системе фундаментальных правовых начал, определяющих его цели, содержание, формы и пределы [3, 5]. Эти принципы формируют концептуальную основу, на которой строится весь механизм взаимодействия публичной власти с частным сектором экономики, обеспечивая баланс между реализацией государственных интересов и защитой свободы предпринимательства. В условиях Республики Таджикистан данные принципы вытекают из конституционных положений, норм гражданского и предпринимательского законодательства, а также конкретизируются в профильных нормативных актах, таких как Закон РТ «О государственной защите и поддержке предпринимательства». Их анализ позволяет не только теоретически осмыслить дуалистическую природу государства как регулятора и равноправного участника рынка, но и выявить системные ориентиры, направляющие его хозяйственную активность в правовое русло. Рассмотрение этих принципов является ключевым для понимания правовых

рамок, в которых государство осуществляет свою экономическую функцию.

Следует отметить, что правовые принципы непосредственного и опосредованного участия Республики Таджикистан в предпринимательской деятельности имеют комплексный, межотраслевой характер, формируясь на стыке конституционного, гражданского и предпринимательского права. Так, ключевое место в этом вопросе занимает Закон РТ «О государственной защите и поддержке предпринимательства», который устанавливая общие рамки взаимодействия публичной власти и частного бизнеса, определяет не только меры поддержки, но и фундаментальные начала, которые в своей совокупности можно рассматривать как принципы государственного участия в экономике с позиции создания благоприятной предпринимательской среды.

Анализ указанного Закона позволяет вывести следующие взаимосвязанные принципы участия государства в предпринимательских отношениях:

1. Принцип гарантированной государственной защиты и поддержки. Данный принцип является центральным, системообразующим началом, лежащим в основе всего комплекса отношений между публичной властью и частным бизнесом в Республике Таджикистан. Он знаменует собой переход государства от роли пассивного регистратора и контролера экономических процессов к роли активного гаранта, ответственного за создание и поддержание устойчивой, благоприятной и безопасной среды для ведения бизнеса. Содержание данного принципа раскрывается через несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, данный принцип является не простой декларацией, а юридически значимым обязательством публично-правового образования. Эта гарантия обретает в Законе РТ «О государственной защите и поддержке предпринимательства» конкретные формы в институциональном, финансовом и процедурном плане. Так, о гарантиях говорит создание уполномоченного государственного органа, Советов по развитию предпринимательства, бизнес-инкубаторов, формирование Фонда государственной поддержки, предоставление грантов и гарантий по кредитам, упрощение государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности, введение моратория на проверки.

К тому следует отметить, что законодатель понимает государственную защиту и поддержку предпринимательской деятельности не только как восстановление нарушенного права постфактум через судебный механизм, но и как система упреждающих мер, направленных на минимизацию самих рисков и нарушений. На это, в частности обращает внимание Н.В. Свечникова [2, 4].

Согласно ст. 11 и 12 Закона РТ «О государственной защите и поддержке предпринимательства», такая деятельность включает в себя совершенствование систем налогообложения, лицензирования, регистрации имущества, таможенного администрирования и антимонопольного регулирования.

Принцип гарантированной поддержки носит дифференцированный и стимулирующий характер, что особенно ярко проявляется в приоритете развития малого и среднего предпринимательства (п. «е» ст. 4 Закона). Государство признает различный потенциал и уязвимость субъектов рынка, концентрируя ресурсы и специальные меры (льготная аренда в бизнес-инкубаторах, целевое консультирование, обучающие программы) на тех сегментах, которые наиболее важны для диверсификации экономики, создания рабочих мест и формирования конкурентной среды.

Данный принцип неразрывно связан с принципом ответственности государства перед бизнес-сообществом. Гарантия, предоставленная законом, предполагает корреспондирующую обязанность государства. Так, в ст. 22 Закона содержит прямой запрет на незаконное вмешательство должностных лиц в хозяйственную деятельность, а ст. 21 предусматривает материальную компенсацию ущерба, причиненного такими действиями.

Всё вышесказанное указывает на то, что принцип гарантированной государственной защиты и поддержки представляет собой многоуровневую конструкцию и означает: 1) законодательное признание государства в качестве активного гаранта стабильности предпринимательского климата; 2) реализацию этого обязательства через создание комплексной инфраструктуры поддержки; 3) смещение акцента с карательно-контрольных на стимулирующе-созидательные методы взаимодействия с бизнесом; 4) установление юридической ответственности государства за обеспечение декларируемых условий деятельности.

2. Принцип законности, равноправия и недопущения дискриминации. Данный принцип

получает конкретное нормативное выражение в системе законодательства Республики Таджикистан, создавая единый правовой режим для всех субъектов предпринимательской деятельности, включая государство и его структуры. Так, в ст. 12 Конституции РТ гарантируется равная защита всех форм собственности, а в ст. 1 Гражданского кодекса РТ прямо устанавливается, что участники гражданских правоотношений (включая государство) равны и не вправе использовать властные полномочия для приобретения преимуществ в гражданско-правовых отношениях.

В его содержании органично синтезируются публично-правовое требование законности и частноправовое начало равенства. С одной стороны, принцип законности обязывает государство и его органы осуществлять любую хозяйственную активность исключительно в рамках установленной законом компетенции и предусмотренных процедур, исключая произвольное использование властных полномочий в частноправовой сфере. С другой стороны, данный принцип означает, что в конкретных гражданско-правовых и предпринимательских отношениях государство не обладает какими-либо преимуществами перед другими субъектами.

3. Принцип содействия развитию предпринимательской деятельности через специальные механизмы и инфраструктуру. В юридической литературе справедливо отмечают, что данный принцип определяет активную, созидательную функцию государства в экономике, выходящую за рамки простого регулирования и правовой защиты [4, 31]. Он находит прямое нормативное выражение в законах Республики Таджикистан, закрепляющих создание и функционирование конкретных инструментов и организационных структур для развития бизнеса.

Данный принцип отражает активную роль государства в стимулировании предпринимательской активности, выходящую за рамки простого регулирования и правовой защиты, и ориентированную на создание условий, способствующих устойчивому экономическому росту и формированию благоприятной предпринимательской среды. В контексте Республики Таджикистан этот принцип находит своё выражение в комплексной государственной политике, направленной на создание специальных механизмов стимулирования бизнеса, инфраструктуры поддержки предпринимателей и институциональных платформ для развития частной инициативы.

Государство внедряет специальные инфраструктурные механизмы, которые создают благоприятные платформы для ведения бизнеса и привлечения инвестиций. Одним из ключевых примеров является деятельность свободных экономических зон, которых в Таджикистане пять, предназначенных для стимулирования предпринимательской деятельности и привлечения инвестиций за счёт льготного правового режима и развитой инфраструктуры. Эти зоны включают: СЭЗ «Сугд», СЭЗ «Дангара», СЭЗ «Пяндж», СЭЗ «Куляб» и СЭЗ «Ишкашим». Все они официально действуют в разных регионах страны [1]. каждая из этих СЭЗ имеет свои особенности и цели, но общая задача всех пяти зон заключается в том, чтобы создать благоприятные условия для предпринимательской деятельности. Например, СЭЗ «Сугд» является одной из крупнейших и наиболее развитых зон, привлекающей предприятия в сферы промышленного производства и инноваций, в то время как СЭЗ «Дангара» и СЭЗ «Пяндж» ориентированы на развитие перерабатывающей промышленности и торговли [1].

4. Принцип ограничения вмешательства и гарантии свободы предпринимательства. Содержание данного принципа сводится к тому, что вмешательство государственных органов в предпринимательскую деятельность допускается лишь в пределах, прямо установленных законом, и исключительно в целях защиты конституционно значимых ценностей, при одновременном обеспечении свободы осуществления предпринимательства и самостоятельности хозяйствующих субъектов.

В Республике Таджикистан данный принцип имеет конституционное и отраслевое закрепление. Так, Конституция Республики Таджикистан провозглашает свободу экономической деятельности, равную защиту всех форм собственности и гарантии свободного использования имущества для осуществления предпринимательской деятельности. Указанные положения конкретизируются в гражданском и предпринимательском законодательстве, которое исходит из презумпции допустимости предпринимательской деятельности и недопустимости произвольного вмешательства государства в хозяйственную сферу.

Реализация принципа ограничения вмешательства проявляется, в частности, в установлении закрытого перечня оснований и форм государственного контроля (надзора) за деятельностью субъектов предпринимательства. Дополнительным инструментом ограничения государственного вмешательства выступает регламентация разрешительных и лицензирующих процедур. В таджикском праве последовательно реализуется курс на сокращение видов деятельности, подлежащих лицензированию, упрощение административных процедур и внедрение электронных форм взаимодействия предпринимателей с государственными органами.

Правовую основу принципов участия государства в предпринимательских отношениях закладывают также нормы Гражданского кодекса РТ, где закреплены фундаментальные начала всего имущественного оборота, а также положения специального законодательства, детализирующие эти начала применительно к публично-правовому статусу государства. Так, Гражданский кодекс РТ в ст. 1 устанавливает краеугольные принципы гражданского права, имеющие прямое отношение к государству как участнику отношений: равенство участников гражданских правоотношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав. Для государства это означает, что, вступая в предпринимательскую сферу, оно обязано «снять» свои властные прерогативы и действовать на равных с другими субъектами. Эти общие принципы получают дальнейшее развитие и специализацию в отраслевых законах, регулирующих государственное участие в экономике, в частности, в Законе «О государственной защите и поддержке предпринимательства».

Таким образом, на основе изложенного в настоящем параграфе можно сделать вывод, что принципы участия государства в предпринимательстве носят межотраслевой характер. Они находят своё выражение не только в нормах предпринимательского права, но и в конституционном, гражданском, административном, финансовом и иных отраслях права, формируя единую систему правовых ориентиров, определяющих пределы и формы государственного воздействия на экономику. Межотраслевой характер данных принципов обусловлен комплексной природой предпринимательской деятельности, которая одновременно затрагивает публичные и частные интересы и требует согласованного правового регулирования.

Список литературы:

1. В Таджикистане разработан онлайн-каталог, представляющий свободные экономические зоны страны // https://en.avesta.tj/2025/08/11/an-online-catalog-has-been-developed-in-tajikistan-to-present-the-countrys-free-economic-zones/?utm_source=chatgpt.com Avesta.tj - All rights reserved (дата обращения: 12.12.2025).
2. Свечникова Н.В. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации в современных условиях // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». - 2013. - № 4. - С. 2 - 4.
3. Смагина И.А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: современное состояние, перспективы развития // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». - 2013. - № 4. - С. 4 - 7.
4. Шишкин С.Н. Государственная поддержка предпринимательской деятельности как специфическая форма государственного регулирования экономики // Предпринимательское право. - 2011. - № 4. - С. 29 - 32.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕДИТНЫХ ДОГОВОРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Раджабова Шукрона Махмадовна
Студентка 2 курса юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел: +992970930020, e-mail: radzhabovashukrona10@gmail.com

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND WAYS TO IMPROVE THE REGULATION OF CREDIT AGREEMENTS UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Rajabova Shukrona Mahmadovna
Second-year student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +992 970 930 020, e-mail: radzhabovashukrona10@gmail.com

Аннотация. *В статье исследуются актуальные проблемы правоприменения в сфере кредитных договоров по законодательству Республики Таджикистан. Анализ проводится с учетом норм гражданского, банковского и потребительского законодательства, а также с опорой на доктринальные подходы к правовой природе кредитного договора. Обосновывается, что ключевые трудности проявляются не столько в отсутствии нормативного регулирования, сколько в разрыве между общими предписаниями закона и фактической договорной практикой кредитных организаций. Рассматриваются вопросы преддоговорного информирования заемщика, согласования существенных условий, прозрачности процентной политики, допустимости включения обременительных для слабой стороны условий, соотношения свободы договора и принципа добросовестности, особенностей обеспечения исполнения кредитных обязательств, а также практических сложностей принудительного взыскания задолженности. Делается вывод о том, что повышение качества правоприменения требует не только корректировки отдельных норм, но и формирования единых стандартов добросовестного кредитования, усиления требований к раскрытию информации, расширения механизмов досудебного урегулирования и более четкой координации гражданско-правовых и публично-правовых средств защиты. Предлагаемые меры ориентированы на обеспечение баланса интересов кредитора, заемщика и государства.*

Annotation. *The article examines current law-enforcement problems in the sphere of credit agreements under the legislation of the Republic of Tajikistan. The analysis is based on the norms of civil, banking and consumer law as well as doctrinal approaches to the legal nature of the credit agreement. It is argued that the main difficulties stem not only from the wording of legal norms but also from the gap between statutory regulation and actual contractual practice of credit institutions. Particular attention is paid to pre-contractual disclosure, agreement on essential terms, transparency of interest policy, admissibility of onerous clauses for the weaker party, the correlation between freedom of contract and good faith, the use of security instruments, and practical issues of debt enforcement. The article concludes that better law enforcement requires both improvement of individual legal provisions and the development of unified standards of fair lending, stronger disclosure obligations, broader out-of-court settlement mechanisms, and more coherent interaction between private-law and public-law remedies*.

Ключевые слова: кредитный договор, банковская деятельность, заемщик, кредитор, процентная ставка, защита прав потребителей, правоприменение, Республика Таджикистан, совершенствование законодательства.

Keywords: credit agreement, banking activity, borrower, creditor, interest rate, consumer protection, law enforcement, Republic of Tajikistan, improvement of legislation.

Кредитный договор в современном гражданском обороте Республики Таджикистан выступает не просто разновидностью обязательства по передаче денежных средств, а одной из ключевых юридических конструкций, через которую организуется движение заемного капитала, поддерживается предпринимательская активность и удовлетворяются текущие потребности граждан. Именно поэтому проблемы правоприменения в данной сфере имеют не локальный, а системный характер. Формально нормативная база выглядит достаточно развернутой: общие положения о займе и специальные правила о кредитном договоре закреплены в части второй Гражданского кодекса Республики Таджикистан, банковская деятельность регулируется специальным законом, отдельные вопросы затрагиваются законодательством о микрофинансовых организациях, защите прав потребителей, кредитных историях, ипотеке и персональных данных. Однако наличие нормативного массива еще не означает отсутствия правовых рисков. На практике центральная проблема заключается в том,

что кредитный договор часто оформляется как стандартный банковский продукт, тогда как по своей юридической природе он требует индивидуально согласованного и добросовестного распределения прав и обязанностей сторон.

С цивилистической точки зрения кредитный договор традиционно рассматривается как консенсуальный, двусторонне обязывающий и возмездный договор, в силу которого банк или иная кредитная организация обязуется предоставить заемщику денежные средства на условиях возвратности, срочности и платности, а заемщик — возвратить полученную сумму и уплатить проценты. Такое понимание соответствует классическим подходам договорного права, сформулированным в трудах М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, которые подчеркивали, что юридическая конструкция договора должна обеспечивать баланс интересов сторон, а не служить формой одностороннего навязывания условий [12, 9-13]. Е.А. Суханов, анализируя обязательственные отношения, указывал на необходимость различать свободу договора как исходный принцип частного права и пределы этой свободы, вытекающие из закона, добросовестности и недопустимости злоупотребления правом [10, 24-27]. Для кредитного договора этот тезис особенно значим, поскольку одна из сторон обычно обладает профессиональным преимуществом, информационной осведомленностью и фактической возможностью предопределить содержание документа.

В таджикской практике кредитор почти всегда предлагает заемщику типовую форму договора, в которой основные условия заранее сформулированы банком либо микрофинансовой организацией. С экономической точки зрения такая стандартизация оправдана: она ускоряет документооборот, снижает транзакционные издержки и делает кредитный продукт воспроизводимым. Но с правовой точки зрения типизация условий порождает вопрос о действительном содержании договорной свободы. Если заемщик фактически может лишь присоединиться к заранее разработанным положениям, то особую роль начинают играть требования к ясности условий, полноте преддоговорного информирования и судебному контролю за несправедливыми либо чрезмерно обременительными оговорками. Именно здесь обнаруживается один из основных дефектов правоприменения: формальное подписание договора нередко подменяет содержательную проверку того, насколько заемщик действительно понимал структуру обязательства, размер полной стоимости кредита, основания изменения процентов, последствия просрочки и механизм обращения взыскания на обеспечение.

Норма о письменной форме кредитного договора имеет в таджикском праве не технический, а гарантийный смысл. Закон связывает несоблюдение письменной формы с ничтожностью сделки. Такая жесткость оправданна, поскольку кредитное обязательство должно быть максимально определенным. Вместе с тем сама письменная форма еще не обеспечивает правовой определенности, если текст договора перегружен специальной терминологией, отсылками к внутренним правилам банка или дроблением существенных условий между несколькими приложениями, тарифами и уведомлениями. На практике это ведет к тому, что заемщик знакомится не с единым и прозрачным обязательством, а с набором разрозненных документов, которые интерпретируются кредитором как составные части договора. В результате при возникновении спора особенно остро встает вопрос: какие условия действительно были согласованы сторонами, а какие содержались лишь в локальных документах кредитной организации и потому не могут безусловно связывать заемщика.

Одной из наиболее чувствительных сфер правоприменения остается регулирование процентной ставки. Л.А. Новоселова, исследуя проценты по денежным обязательствам, справедливо отмечала, что процент — это не только экономическая категория, но и важнейший элемент юридической конструкции денежного обязательства, от прозрачности которого зависит предсказуемость всей сделки [9, 25-27]. В кредитных договорах Республики Таджикистан спорность чаще всего возникает вокруг переменных процентов, дополнительных комиссий, плат за обслуживание и иных платежей, которые по экономической сути увеличивают стоимость кредита. Если в договоре недостаточно ясно раскрыто, какие платежи входят в общую цену кредитного ресурса, то заемщик оказывается лишен возможности объективно оценить финансовые последствия сделки. Отсюда вытекает необходимость более строгого подхода к раскрытию полной стоимости кредита и к недопустимости маскирования процентов под сопутствующие услуги или технические комиссии.

Правоприменительные трудности усугубляются тем, что кредитный договор часто оказывается на пересечении частноправового и публично-правового регулирования. С одной

стороны, это гражданско-правовое обязательство, подчиненное общим принципам равенства участников оборота, диспозитивности и имущественной самостоятельности. С другой стороны, деятельность кредитора лицензируется и контролируется государством, а сам кредитный рынок подвержен регуляторным ограничениям и надзору со стороны Национального банка Таджикистана. Вследствие этого возникает особая модель правоотношения, в которой стандартные цивилистические механизмы должны работать совместно с банковым комплаенсом, требованиями к раскрытию информации, правилами оценки платежеспособности заемщика и защитой финансовой стабильности. На практике же взаимодействие этих блоков не всегда согласовано: нарушение внутренних банковских стандартов не всегда получает адекватную гражданско-правовую оценку, а гражданско-правовой спор нередко рассматривается изолированно от того, исполнил ли профессиональный кредитор свои публично значимые обязанности по добросовестному кредитованию.

Особенно отчетливо это проявляется в отношениях с физическими лицами, где кредитный договор фактически приобретает свойства потребительского договора. Законодательство о защите прав потребителей должно применяться не формально, а с учетом того, что заемщик в подобных отношениях является слабой стороной, нуждающейся в повышенном уровне правовой защиты. Однако в практике нередко сохраняется инерция представления о том, что раз лицо добровольно подписало договор, то все риски его содержания возлагаются исключительно на него. Такой подход представляется чрезмерно упрощенным. Современное понимание добросовестности требует учитывать не только момент подписания, но и качество предоставленной информации, понятность формулировок, отсутствие скрытых экономических последствий и возможность заемщика реально сопоставить предлагаемый продукт с альтернативами. Следовательно, правоприменение должно исходить из того, что подлинная свобода договора в потребительском кредитовании невозможна без информированного согласия заемщика.

Отдельного внимания заслуживает проблема досрочного истребования всей суммы кредита при незначительном нарушении графика платежей. Банковская практика нередко исходит из того, что любое нарушение сроков возврата очередного платежа дает кредитору основание потребовать досрочного погашения долга в полном объеме, взыскать повышенные проценты, неустойку и обратить взыскание на предмет залога. Формально подобные условия могут содержаться в договоре, однако их оценка не должна ограничиваться буквальным толкованием. В соответствии с общими началами гражданского права последствия нарушения обязательства должны быть соразмерны характеру нарушения, а реализация права не должна превращаться в злоупотребление. Если просрочка кратковременна, размер непогашенной суммы невелик, а заемщик предпринимает разумные действия по урегулированию задолженности, автоматическое предъявление самых жестких санкций способно нарушить баланс интересов сторон и подорвать саму идею добросовестного кредитования.

Вопрос об обеспечении исполнения кредитного договора составляет еще одну центральную проблему правоприменения. В таджикской практике широко применяются залог, ипотека, поручительство, неустойка и иные способы обеспечения. С точки зрения кредитора это оправдано, поскольку кредитование всегда сопряжено с риском невозврата. Однако в реальных договорных отношениях нередко наблюдается накопление нескольких обеспечительных инструментов одновременно, причем заемщик и поручители далеко не всегда осознают совокупный объем принимаемой ответственности. Проблема усиливается тогда, когда оценка предмета залога изначально производится в пользу кредитора, а механизм обращения взыскания оказывается для должника мало предсказуемым. В таких случаях обеспечение перестает быть средством разумного страхования риска и превращается в инструмент одностороннего давления, что требует более четкого судебного контроля за соразмерностью обеспечительных мер основному обязательству.

Серьезные правоприменительные вопросы возникают и в связи с деятельностью микрофинансовых организаций. Закон Республики Таджикистан «О микрофинансовых организациях» закрепляет их правовой статус и участие в рынке финансовых услуг [5]. Социально-экономическая роль микрофинансирования бесспорна: оно расширяет доступ к заемным средствам для тех лиц, которые по различным причинам не могут воспользоваться банковским кредитом. Но именно в этом сегменте особенно остро проявляются риски

непрозрачного ценообразования, высокой долговой нагрузки и недостаточного понимания заемщиком финансовых последствий сделки. Правоприменение в указанной сфере должно исходить из того, что микрофинансовый характер организации не снимает с нее обязанности соблюдать стандарты добросовестности, ясности и соразмерности договорных условий. Более того, чем уязвимее категория заемщиков, тем выше должна быть интенсивность правовой защиты и надзора.

Нельзя обойти и проблему кредитных историй, поскольку современный кредитный договор фактически существует в цифровой среде накопления, передачи и оценки данных. Закон Республики Таджикистан «О кредитных историях» создает правовую основу для сбора и использования сведений о выполнении заемщиком обязательств. С одной стороны, это способствует снижению кредитных рисков и дисциплинирует участников оборота. С другой стороны, ошибки в данных, неполнота информации либо ненадлежащее уведомление заемщика способны повлечь существенные ограничения его доступа к финансовым услугам. Правоприменительная проблема состоит в том, что спор о кредите все чаще выходит за пределы текста одного договора и охватывает вопрос о корректности информационного профиля лица. Поэтому совершенствование регулирования кредитных договоров невозможно без действенных процедур исправления кредитной истории, оперативного уведомления заемщика и эффективного распределения ответственности за недостоверные сведения.

В эпоху цифровизации все большее значение приобретает и защита персональных данных заемщика. Кредитные организации обрабатывают значительный массив сведений: паспортные данные, сведения о доходах, семейном положении, месте работы, имуществе, поручителях, кредитной истории и платежном поведении. Формальное согласие на обработку персональных данных, включенное в пакет договорных документов, не всегда гарантирует осознанность такого согласия. На практике заемщик часто не различает, какие сведения действительно необходимы для заключения и исполнения договора, а какие используются для маркетинговых целей, передачи третьим лицам либо формирования скоринговых моделей. Это требует более строгого разграничения целей обработки данных, усиления требований к информированию клиента и установления ясных последствий за выход кредитора за пределы согласованного использования персональной информации.

Еще одним узловым вопросом остается соотношение кредитного договора и договора займа. Несмотря на очевидную близость этих конструкций, их смешение в правоприменении способно порождать ошибки в квалификации. Гражданский кодекс Республики Таджикистан исходит из специального характера кредитного договора по отношению к займу. Следовательно, к кредиту применяются не только общие положения о заемных обязательствах, но и особые правила, вытекающие из субъектного состава, профессионального характера деятельности кредитора и письменной формы сделки. Между тем в спорных ситуациях некоторые участники оборота пытаются свести кредитный договор к обычному займу, чтобы обосновать применение удобных для себя норм или, напротив, уйти от специальных требований банковского регулирования. Для единообразия практики важно последовательно исходить из того, что кредитный договор — это самостоятельная договорная модель, а не просто разновидность передачи денег во временное пользование.

Судебная оценка условий кредитного договора должна строиться не только на буквальном толковании текста, но и на анализе экономического содержания соответствующей оговорки. Этот подход особенно важен тогда, когда банк формально дробит цену договора на множество платежей или включает в текст положения, которые для заемщика выглядят вспомогательными, но фактически имеют решающее значение для объема его обязательства. В.В. Витрянский справедливо подчеркивал, что договорное право не может ограничиваться внешней формой юридической конструкции, игнорируя ее реальный смысл и распределение рисков [11, 3-5]. Применительно к кредитным отношениям это означает, что суд и иные правоприменители должны выявлять действительную экономическую нагрузку спорного условия и проверять, не нарушает ли оно равновесие интересов сторон, даже если формально зафиксировано в подписанном тексте.

Проблемным остается и вопрос о преддоговорной оценке платежеспособности заемщика. С практической точки зрения кредитор заинтересован в проверке клиента, поскольку речь идет о возвратности денежных средств. Но правовой аспект данной процедуры гораздо шире. Если кредитная организация, обладая профессиональными

ресурсами, заведомо выдает кредит при очевидной чрезмерной долговой нагрузке заемщика, то последующее обращение к самым жестким мерам взыскания выглядит противоречиво. Здесь проявляется более общий вопрос о стандартах ответственного кредитования. Правовое регулирование должно ориентировать кредитора не только на извлечение дохода из размещения средств, но и на разумную оценку того, способен ли заемщик исполнить обязательство без разрушительных социальных последствий. Такой подход особенно важен в потребительском сегменте и в отношениях с микрофинансовыми организациями.

Особое место в правоприменении занимают споры о неустойке, штрафах и повышенных процентах за просрочку. Для кредитора санкции являются способом стимулировать надлежащее исполнение. Но для заемщика их накопление нередко означает фактическую невозможность выхода из долговой ситуации. Если первоначальная сумма кредита относительно невелика, а просрочка длится продолжительное время, совокупный объем договорных санкций может многократно превысить основной долг. Именно поэтому совершенствование регулирования кредитных договоров в Таджикистане должно сопровождаться развитием механизмов судебного снижения явно несоразмерной ответственности и более четким разграничением процентов как платы за пользование кредитом и санкций как меры ответственности за нарушение обязательства. Без такого разграничения кредитный договор рискует утратить свою компенсационную и стимулирующую функцию и превратиться в источник чрезмерной имущественной репрессии.

Еще одна практическая проблема связана с досудебным урегулированием просроченной задолженности. В настоящее время значительная часть конфликтов развивается по предсказуемому сценарию: уведомление о просрочке, начисление санкций, предъявление требования о досрочном возврате и переход к судебному взысканию либо обращению на обеспечение. Между тем во многих случаях спор мог бы быть разрешен путем реструктуризации, изменения графика платежей, временной отсрочки или перерасчета долга. Для этого необходимы не только экономические решения банков, но и правовые стимулы, поощряющие переговорный формат поведения сторон. Расширение механизмов досудебного урегулирования позволило бы сократить нагрузку на суды, уменьшить конфликтность и повысить собираемость задолженности без разрушения платежеспособности заемщика.

Совершенствование правового регулирования кредитных договоров по законодательству Республики Таджикистан должно идти по нескольким направлениям одновременно. Во-первых, требуется нормативное закрепление более строгих стандартов раскрытия полной стоимости кредита, включая все обязательные платежи, комиссии и условия изменения процентной ставки. Во-вторых, необходимо усилить контроль за типовыми договорными условиями, которые существенно ограничивают права заемщика или создают неоправданный дисбаланс интересов. В-третьих, следует развивать специальные правила о добросовестном потребительском и микрофинансовом кредитовании, связывая выдачу кредита с обязанностью профессионального кредитора провести разумную оценку платежеспособности клиента. В-четвертых, нуждается в совершенствовании процедура работы с кредитными историями и персональными данными, поскольку цифровая среда стала неотъемлемой частью кредитного правоотношения.

Не менее важной представляется и институциональная сторона проблемы. Для единообразного применения закона необходимо формирование устойчивых разъяснений высших судебных и регуляторных органов по вопросам квалификации кредитных платежей, оценки несправедливых условий, соразмерности санкций и допустимых пределов изменения договора кредитором. Наличие только общих норм без выработанных практических ориентиров оставляет слишком широкое поле для неодинаковой интерпретации. В условиях роста числа финансовых услуг именно предсказуемость правоприменения становится важнейшей ценностью, поскольку она защищает и заемщика, и кредитора. Предпринимательский оборот нуждается не в чрезмерной зарегулированности, а в ясных правилах игры, где профессиональный участник понимает пределы допустимого поведения, а клиент может заранее оценить юридические последствия принятого на себя обязательства.

Таким образом, проблемы правоприменения в сфере кредитных договоров по законодательству Республики Таджикистан связаны прежде всего с несоответствием между формально достаточной нормативной базой и реальной практикой заключения и исполнения договоров. Слабая информированность заемщика, стандартизированный характер банковских форм, непрозрачность отдельных платежей, чрезмерная жесткость

обеспечительных и санкционных механизмов, недостаточная согласованность гражданско-правовых и публично-правовых регуляторов — все это снижает эффективность действующего регулирования. Путь совершенствования видится не в отказе от принципа свободы договора, а в его корректном сочетании с требованиями добросовестности, разумности, соразмерности и повышенной защиты слабой стороны. Лишь при таком подходе кредитный договор сможет выполнять свое подлинное назначение: быть устойчивой, справедливой и предсказуемой правовой формой движения денежных средств в интересах экономики, финансовой системы и граждан Республики Таджикистан.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть вторая) от 11 декабря 1999 г. № 884.
2. Закон Республики Таджикистан «О банковской деятельности» от 19 мая 2009 г. № 524.
3. Закон Республики Таджикистан «О Национальном банке Таджикистана» от 28 июня 2011 г. № 722.
4. Закон Республики Таджикистан «О защите прав потребителей» от 9 декабря 2004 г. № 72.
5. Закон Республики Таджикистан «О микрофинансовых организациях» от 16 апреля 2012 г. № 816.
6. Закон Республики Таджикистан «Об ипотеке» от 20 марта 2008 г. № 364.
7. Закон Республики Таджикистан «О кредитных историях» от 26 марта 2009 г. № 492.
8. Закон Республики Таджикистан «О защите персональных данных» от 3 августа 2018 г. № 1537.
9. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — М.: Статут, 2011. — 847 с.
10. Суханов Е.А. Гражданское право: в 4 т. Т. 3. Обязательственное право. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 800 с.
11. Витрянский В.В. Общие положения об обязательствах и договорах // Хозяйство и право. — 2015. — № 6. — С. 3–22.
12. Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. — М.: Статут, 2016. — 304 с.

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ В ФОРМЕ ХОЛДИНГОВ И КОРПОРАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Салимов Ахмаджон Валижонович
магистрант 1-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

PROBLEMS AND FEATURES OF LEGAL SUPPORT FOR COLLECTIVE ENTITIES IN THE FORM OF HOLDINGS AND CORPORATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Salimov Ahmadjon Valijonovich
Master of 1-year full-time course
Corporate Lawyer training program of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *Настоящая статья посвящена проблемам и особенностям правового обеспечения коллективных субъектов в форме холдингов и корпораций в Российской Федерации на современном этапе развития. Целью статьи является идентификация проблем и особенностей, анализ и разработка предложений дальнейшего совершенствования правовых норм в данной области исследования.*

Annotation. *This article is devoted to the problems and specific features of the legal regulation of collective entities in the form of holdings and corporations in the Russian Federation at the present stage of development. The purpose of the article is to identify existing problems and*

specific features, to analyze them, and to develop proposals for further improvement of legal norms in this area of research.

Ключевые слова: *проблемы, особенности, правовое обеспечение, коллективные субъекты, холдинги, корпорации, финансово-промышленные группы*

Keywords: *problems, features, legal regulation, collective entities, holdings, corporations, financial-industrial groups.*

В настоящее время прогрессивное развитие общественных отношений все больше способствует интеграции рыночных отношений во все сферы жизни общества и взаимодействия граждан, тем самым определяя основные перспективные направления развития для хозяйствующих систем, социального устройства и правовой системы России. Вышеуказанные процессы требуют активного участия такой категории, как коллективные субъекты. Объединения юридических лиц все чаще используются как форма ведения бизнеса как в рамках частной собственности, так и в государственных структурах. Наличие синергетического эффекта и интеграционные процессы экономики способствуют образованию сложных коллективных субъектов, которые позволяют снижать юридические риски, способствуют более прозрачному и открытому контролю со стороны собственников и акционеров.

Так, возникает необходимость более детального исследования и освещения сложных коллективных субъектов как с позиции общей теории права, так и с точки зрения участников гражданско-правовых отношений в рыночных условиях развития отечественной экономики [1, 18].

Гражданское законодательство подразумевает возможность создания различных объединений как юридических, так и физических лиц.

Одной из ключевых причин нормативно правового обеспечения деятельности сложных коллективных субъектов стала необходимость функционирования, наряду с малым и средним бизнесом, крупных хозяйственных комплексов. Как известно, эффективность развития реального сектора экономики и возможность продукции страны быть конкурентоспособной на мировом рынке во многом определяется уровнем наукоемких отраслей промышленности.

Формирование «объединений» в разных сферах экономической деятельности не ново для права Российской Федерации, так, в советском законодательстве активно использовались промышленные, производственные, научно-производственные образования.

В качестве основного нормативного правового акта, регулирующего объединения юридических лиц до 1 сентября 2014 года, следует выделить Гражданский кодекс Российской Федерации (ПК РФ). Положения данного нормативного правового акта содержали регулирующие, помимо указанных выше ассоциаций и союзов, нормы о дочерних (ст. 105) и зависимых (ст. 106) обществах. Положения данных статей определяли возможность создания обществом дочерних или зависимых обществ с целью расширения экономической интеграции.

Кроме того, в ПК РФ была определена возможность создания объединений юридических лиц в формах ассоциаций или союзов. В соответствии со статьей 121 ПК РФ ассоциации и союзы представляют собой некоммерческие организации, имеющие статус юридического лица, созданные с целью достижения общих интересов, координации их предпринимательской деятельности, защиты имущественных интересов.

Налоговое законодательство представляет значительный интерес в вопросе регулирования объединений юридических лиц. Так, первоначально положения статьи 20 вводят понятие «взаимозависимые лица». Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» включил в часть 1 НК РФ раздел V.1 «Взаимозависимые лица. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании» [2, 202], в рамках которого уточняется понятие взаимозависимых лиц. Так, до этого момента под зависимыми лицами подразумевались субъекты, которые в ходе совершения хозяйственной деятельности могут оказывать воздействие на отношения с другой организацией. В ходе проведенных изменений к результатам деятельности компании были добавлены конкретные условия сделок, которые совершаются такими субъектами. Ключевое нововведение предполагает то, что появился

перечень лиц, которые считаются зависимыми [3, 56].

Инвестиционное законодательство Российской Федерации также в статье 4 Федерального закона от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ред. от 25.12.2018) предусматривает в рамках субъекта деятельности, связанной с инвестициями, инвесторов. Их финансово-хозяйственная деятельность построена на основании договора и без образования дополнительного юридического лица.

В рамках развития инвестиционного законодательства принят Федеральный закон от 28 ноября 2011 года № 336-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (ред. от 21.07.2014). В указанном законе подчеркивается важность законодательства, регламентирующего способы организации коллективных инвестиций без образования юридического лица, на современном этапе развития.

В статье 14.1 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2018) предусматривается право страховщиков на создание объединения в форме страхового пула. В соответствии с законом пул представляет собой форму объединения, создаваемого для обеспечения финансово-хозяйственной устойчивости проводимых страховых операционных процедур в рамках договора простого товарищества.

Утративший силу Федеральный закон от 30 ноября 1995 года № 190-ФЗ «О финансово промышленных группах» в статье 2 определяет данный вид сложных коллективных субъектов как «совокупность юридических лиц, действующих как основное и дочерние общества либо полностью или частично объединивших свои материальные и нематериальные активы (система участия) на основе договора о создании финансово-промышленной группы в целях технологической или экономической интеграции для реализации инвестиционных и иных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности и расширение рынков сбыта товаров и услуг, повышение эффективности производства, создание новых рабочих мест» [4, с. 162]. Формирование финансово промышленных субъектов является ответом на интеграционные процессы, проходящие в экономике. Большинство исследований, связанных с вопросами правового статуса финансово-промышленных групп, сводятся к пониманию ее как организационно-правовой формы предпринимательских объединений [5, с. 56]. Анализируя понятие финансово-промышленных групп, закрепленное в законе, стоит выделить ряд критериев, отражающих его сущность. Во-первых, наличие нескольких форм организации — как отношения зависимости, так и добровольные договорные отношения. Во-вторых, цель создания, связанная с укрупнением и объединением торговых, производственных и научных составляющих.

В качестве еще одного источника, регулирующего объединения юридических лиц, следует выделить Федеральный закон от 2 декабря.

1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 06.08.2018), в котором сформулированы понятия «банковская группа» и «банковский холдинг». Указанные субъекты не являются юридическими лицами и подразумевают объединения в случае группы кредитных организаций, а в случае холдинга юридических лиц и кредитной организации с целью влияния на решения организации.

Кроме того, важным документом в регулировании предпринимательских объединений в Российской Федерации так или иначе является «Временное положение о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества». В данном документе представлено понятие холдинга как компании, образование которой проводится на основании приватизации предприятий, находящихся в государственной собственности [4, 162].

Явные преимущества холдинговой модели организации бизнеса, вызванные решением вопроса диверсификации деятельности, способствуют активному проникновению данных объединений во многие сферы в оборонно-промышленном комплексе: корпорация «Русские машины», концерн «Алмаз-Антей», корпорация «Тактическое ракетное вооружение», в сфере высоких технологий: корпорации «Роснано» и «Росатом», в аграрно-промышленном комплексе: «Ситно», «Русское поле», агропромышленная группа «БВК», в банковской сфере: Национальный банк «Траст», Республиканская финансовая корпорация, банк «Русский стандарт», в торговле: торговая сеть «Техносила», компании «М.Видео», «Эльдорадо», «X5Retail Group», в прочих сферах: страховая группа «Альянс», информационное агентство

«Росбизнесконсалтинг», нефтяная компания «Лукойл» и т. д. [5, 57].

Развитие интеграционных процессов в мировой экономике свидетельствует о необходимости формирования и развития законодательства касательно сложных коллективных субъектов. Современное законодательство Российской Федерации не закрепляет данную форму предпринимательского объединения. Кроме того, немаловажно то, что четкого определения холдинга нет не только в российском законодательстве, но и в большей части других государств.

Рассматривая современное российское законодательство в сфере регулирования, создания и функционирования холдингов, необходимо отметить ряд особенностей.

Во-первых, наличие нескольких блоков нормативно-правового обеспечения. Первый блок при регулировании организации и деятельности холдингов в своих нормах раскрывает или упоминает о нем. Второй — отражает отношения взаимозависимых субъектов в разных сферах, не раскрывая и не упоминая понятия «холдинг». Вторая группа законодательных актов представляет собой большой блок, там отношения регулируются гражданским, налоговым, антимонопольным, конкурентным законодательством и прочими нормативными правовыми актами.

Во-вторых, нельзя не отметить, что холдинг и корпорация как виды объединений юридических лиц не всегда может выступать как субъект правового регулирования. Как отмечалось автором в предыдущем пункте, предпринимательские объединения обладают только частичной правосубъектностью, в связи с чем внутренние отношения участников холдинга и частично отношения с третьими лицами остаются неурегулированными или регулирование осуществляется посредством регулирования деятельности каждого участника.

В-третьих, в качестве регулирующих норм выступают внутренние документы основного общества, по образцам которых разрабатываются документы участников, что позволяет создать в объединении единое правовое пространство [6, 26].

Как известно, современное российское законодательство в качестве норм права, регулирующих отношения между взаимозависимыми предприятиями, зачастую используются нормы статей 105—106 ГК РФ, статей 20, 40, 251 НК РФ и т. д., Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 18.07.2019) и др. в отношении группы лиц и Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (от 15.04.2019) относительно регулирования отношений дочерних и зависимых компаний, что не отвечает требованиям современной экономики, в которой холдинговые компании представлены гораздо более широкими формами взаимодействия, чем отношения головной компании и зависимой (дочерней). По мнению автора, действующее законодательство определяет понятие дочернего и основного общества посредством критерия преобладающего участия в уставном капитале и в силу заключенного договора. В то же время Гражданским кодексом Российской Федерации не раскрывается понятие преобладающего участия, но предполагается, что данное участие позволяет контролировать и определять решения зависимой организации.

Российская экономическая практика включает в себя дочерние компании, которые выступают головными для других предприятий. Причем контроль головной компании может быть как за счет доминирующего участия в уставном капитале, так и путем определения хозяйственной деятельности. Автор отмечает, что в настоящее время законодательство в сфере коллективных субъектов не подчинено принципу системности, отсутствуют нормативно закрепленные права и обязанности, формы взаимодействия холдингов с государством, акционерами, кредиторами и прочими заинтересованными сторонами.

По мнению автора, необходима разработка норм, затрагивающих основные проблемы холдингов и корпораций: формирование понятий юридических лиц (контролирующее и подконтрольное, совместно контролирующие), определение правовой ответственности контролирующих лиц за финансово-хозяйственную деятельность подконтрольных субъектов.

Актуальность внесения данного положения в Гражданский кодекс Российской Федерации неоспорима. Как известно, в соответствии со статьей 105 ГК РФ ответственность за деятельность лица, за которое другое лицо может определять решения, наступает только в отношении основного общества и дочернего. Но с экономической точки зрения отношения между предприятиями могут строиться не только на зависимости, что не позволяет применять данную норму и приводит к тому, что ответственность для других организационно-правовых

форм не предусмотрена.

Кроме того, привлечение головной организации возможно только при наличии указаний дочернему обществу. А ответственность при доведении дочернего общества до банкротства возможно только при наличии умысла. Учитывая, что холдинги являются наиболее часто встречающейся формой предпринимательских объединений, где головная компания определяет решения дочерних, то введение данной нормы способствует защите кредиторов и миноритарных акционеров.

Кроме того, введение понятий «контролирующего» и «подконтрольного» лица способствует ограничению самоконтроля и несменяемости менеджмента контролирующего лица. Так, по мнению автора, необходимо введение ответственности контролирующих субъектов по обязательствам подконтрольных управляемых организаций. В правовой практике Европы достаточно давно такую ответственность называют «снятие корпоративных покровов» либо «прокалыванием корпоративной вуали».

Стоит отметить новые аспекты регулирования холдингов в налоговом законодательстве. Рассматривая правовое регулирование холдингов в налоговом законодательстве, целесообразно выделить ряд положений, приводящих к определенным проблемам в деятельности.

Интерес к контролю за взаимозависимыми лицами со стороны налогового законодательства обусловлен тем, что современные компании зачастую имеют в своем составе несколько других, что в процессе их имущественного взаимодействия позволяет им снижать налоговое бремя, уменьшать налог на прибыль, НДС, а также вести разнообразные и несовместимые виды деятельности и т. п. Но при проверке и признании компаний взаимозависимыми можно пересмотреть уровень цен и доначислить налоги. С вступлением в силу последних изменений возможности для признания лиц взаимозависимыми расширены, определены общие положения о ценах и налогообложении при сопоставлении сделок между взаимозависимыми лицами и лицами, не являющимися взаимозависимыми, сформирован порядок заключения соглашения о ценообразовании, введено понятие контролируемых денег и т.п.

Еще одним важным аспектом является вопрос признания сделок, совершаемых холдингами, сделками с заинтересованностью. Так, на основании статей 81 и 83 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 15.04.2019) сделки, совершенные с заинтересованностью члена совета директоров, лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, управляющей организации, управляющего, члена коллегиального органа или акционера, имеющего вместе со своими аффилированными лицами 20 и более процентов акций и прочее, должны быть одобрены до их совершения советом директоров или общим собранием акционеров. Рассматривая вопрос заинтересованности в практике зарубежных стран, необходимо отметить, что существует контроль над менеджерами компаний. Они должны действовать в интересах компании добросовестно и разумно и требуется раскрытие информации об их возможной заинтересованности.

Сущность холдингов в общем виде можно описать как возможность одного хозяйствующего субъекта осуществлять экономический контроль над другими, что потенциально может привести к ограничению конкуренции на рынке и к регулированию деятельности холдингов Федеральной антимонопольной службой России. Кроме того, Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 18.07.2018), аналогично предыдущим нормативным правовым актам не содержит понятия холдинга, что не позволяет ему в должной мере регулировать деятельность данных структур. В качестве сходного понятия в законе используются «аффилированные лица» и «группа лиц».

До недавнего времени холдинги достаточно проблематично было отнести к группе лиц по антимонопольному законодательству. В течение длительного времени группа лиц в рамках антимонопольного законодательства рассматривалась как единое лицо. Впоследствии круг сфер, регулируемых антимонопольным законодательством, существенно расширился ввиду того, что участники одной группы лиц при приобретении товара внутри группы конкурируют с третьими лицами, что позволило вывести внутренние сделки не только к контролю со стороны налоговых служб, но и к антимонопольным нормам.

Для решения вышеуказанной проблемы действующая редакция закона предусматривает введение норм, направленных на запрет ограничения конкуренции. Запрет

не оказывает влияния на соглашения между субъектами предпринимательской деятельности, которые включены в одну группу лиц и один субъект может оказывать влияние в отношении другого либо хозяйствующие субъекты контролируются одним лицом.

В качестве последствия признания холдинга группой лиц следует отметить, во-первых, возможность применения к ним всех положений, контролирующих группу лиц (например, признание цены монопольно высокой при признании доминирующего положения на рынке и т. п.), но данные запреты не действуют на соглашения между компаниями, которые находятся под контролем, либо в рамках отчуждения результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации, охраняемых законом. Во- вторых, увеличены норматив суммарной стоимостной цены активов, а также выручка от основного вида деятельности сложных корпоративных структур, признаваемых группой лиц, достижение которых свидетельствует о необходимости контроля со стороны Федеральной антимонопольной службы России.

Характеризуя российское законодательство о холдингах, автор отмечает его оторванность от фактической экономической и предпринимательской ситуации в стране, отсутствие закрепленного понятийного аппарата, наличие юридических пробелов и коллизий. Таким образом, сфера нормативно-правового регулирования холдингов и корпораций отличается широким разнообразием различных подходов к созданию и функционированию данных структур, что приводит к определенным проблемам, которые тормозят экономическое развитие страны.

Список литературы:

1. Пронина М.А. Правовое обеспечение деятельности образовательной организации как холдинга // Юридическое образование и наука. 2017. № 9. С. 16-18.
2. Евневич М.А., Ябурова Д.В. Консолидированная группа налогоплательщиков - шаг к формализации холдингов // Экономика, управление и учет на предприятии. 2013. № 3 (47). С. 197-202.
3. Салохидинова С.М. Право на объединение как средство создания коллективных форм предпринимательства // Правовая жизнь. 2016. № 1 (13). С. 50-56.
4. Лаптев В.А. Правосубъектность предпринимательских объединений: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА, 2005.
5. Куликов А.В., Городилов А.А. Некоторые проблемы правового обеспечения деятельности холдингов в России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (43). С. 53-57.
6. Кутин Е.О. Возложение ответственности в российских холдингах. Проникновение за корпоративный занавес в юрисдикции РФ // Гражданское право. 2015. № 4. С. 23-26.

ВИДЫ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Сюй ЛинЛин
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

TYPES OF CREDIT ORGANIZATIONS UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Xu LingLing
2st year full-time master's student
of the training program «Corporate Lawyer» of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуются виды кредитных организаций по законодательству Республики Таджикистан. Рассматриваются правовые основы их создания и деятельности, а также особенности правового статуса отдельных видов кредитных организаций. Особое внимание уделяется разграничению банковских и небанковских кредитных организаций, их функциональным различиям и объёму осуществляемых банковских операций. Анализируется значение правовой дифференциации кредитных организаций для обеспечения стабильности банковской системы, защиты интересов клиентов и эффективного функционирования финансового рынка. Выявляются отдельные проблемы правового регулирования в данной сфере и обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства Республики Таджикистан о кредитных организациях.*

Annotation. *This article examines the types of credit institutions under the legislation of the Republic of Tajikistan. It examines the legal basis for their establishment and operation, as well as the specific legal status of individual types of credit institutions. Particular attention is paid to the distinction between banking and non-banking credit institutions, their functional differences, and the scope of their banking operations. The importance of legal differentiation among credit institutions for ensuring the stability of the banking system, protecting clients' interests, and the effective functioning of the financial market is analyzed. Specific issues of legal regulation in this area are identified, and the need for further improvement of the legislation of the Republic of Tajikistan on credit institutions is substantiated.*

Ключевые слова: *кредитные организации, банки, небанковские кредитные организации, банковская система, финансовый рынок, банковские операции, Республика Таджикистан, правовое регулирование.*

Keywords: *credit institutions, banks, non-bank credit institutions, banking system, financial market, banking operations, Republic of Tajikistan, legal regulation.*

В условиях развития банковской системы и финансового рынка Республики Таджикистан особое значение приобретает чёткое правовое регулирование статуса и деятельности кредитных организаций, выступающих ключевыми участниками денежно-кредитных отношений. Законодательство Республики Таджикистан предусматривает различные виды кредитных организаций, отличающиеся объёмом правоспособности, характером осуществляемых операций и особенностями правового режима. Разграничение указанных видов имеет важное значение как для обеспечения устойчивости финансовой системы, так и для защиты интересов клиентов и государства. В этой связи анализ видов кредитных организаций, закреплённых в национальном законодательстве, позволяет выявить особенности их правового положения и определить направления дальнейшего совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Анализируя виды кредитных организаций, в первую очередь, следует отметить, что согласно легальному определению кредитной организации, они делятся на банки и небанковские кредитные организации и микрофинансовые организации. Рассмотрим каждый из этих видов кредитных организаций.

Коммерческие банки. Понятие банка раскрывается в ст. 1 Закона РТ «О банковской деятельности». Согласно данной норме, *банк* – это кредитная организация, основной целью которой является получение прибыли, которая имеет установленный Национальным банком Таджикистана уставной капитал и право выполнения хотя бы трёх следующих операций: привлечение депозитов и сбережений, выдача кредитов, открытие и ведение банковских счетов [1].

Исходя из этого определения, можно выделить следующие три основных признака банка. В первую очередь, банк является кредитной организацией. Во вторую очередь, только банк имеет право привлекать во вклады денежные средства физических и юридических лиц, размещать их от своего имени и за свой счёт, в том числе открывать и вести банковские счета физических и юридических лиц. В третью очередь, перечисленные банковские операции банк осуществляет в совокупности. В случае отсутствия хотя бы одного из указанных признаков, кредитная организация не может рассматриваться в качестве банка.

Говоря о сфере деятельности банка, следует иметь в виду его потенциальные возможности. Так, по общему правилу вновь созданный банк не может совершать операции

со средствами физических лиц. Для того он должен осуществлять деятельность в качестве банка не менее двух лет. Однако впоследствии для получения права совершать операции со средствами физических лиц такому банку не требуется перерегистрироваться. Ему нужно только получить соответствующую лицензию.

Что касается небанковской кредитной организации, то она не может осуществлять такие операции ни при каких условиях. Чтобы иметь право осуществлять все банковские операции, небанковская кредитная организация должна перерегистрироваться в банк.

В Республики Таджикистан отсутствует юридически значимое деление коммерческих банков на отдельные виды, например, на инвестиционные и расчетные, как это существует в некоторых зарубежных государствах. Все коммерческие банки в Таджикистане обладают универсальной специализацией. Универсальная специализация означает возможность одновременного осуществления банками всех видов деятельности из числа разрешенных и составляющих их исключительную правосубъектность. Иными словами, это означает, что они потенциально могут осуществлять все банковские операции. Такой подход обусловлен тем, что при универсальной специализации легче перераспределять финансовые риски. В рамках универсальной специализации конкретный коммерческий банк может определить свою фактическую специализацию и даже заявить о ней в фирменном наименовании (например, сберегательных, ипотечный, инвестиционный и т.д.). Однако для правосубъектности такого банка указание на фактическую специализацию не будет юридическое значение.

Анализ банковской практики позволил выявить следующие виды банков.

1. По кругу банковских операций выделяют универсальные и специализированные банки. Универсальные банки осуществляют широкий круг банковских операций. Специализированные банки оказывают преимущественно какой-то один вид банковских услуг.

Как уже указывалось, в Республики Таджикистан банковская практика идёт по пути создания универсальных банков. Поэтому такую классификации можно назвать условной. Можно, однако, выделить отдельные банки, история создания и развития которых позволяет сделать вывод о некоторой специализации на какой-либо одной группе банковских операций.

Так, Амонатбанк преимущественно обслуживает физических лиц, так как его специализацией является сберегательное дело. Однако этот банк имеет генеральную лицензию, а поэтому оказывает весь спектр банковских услуг, как и любой другой коммерческий банк. Агроинвестбанк преимущественно обслуживал сельскохозяйственную сферу, однако фактически осуществлял все остальные внутренние банковские операции.

2. В зависимости от наличия филиалов банки делятся на имеющие филиалы и бефилиальные банки.

3. Акционерные и паевые банки. Паевыми называются банки, созданные в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью. Такое название не носит правового характера, а является исторически сложившимся.

4. По характеру инвестиций в уставные капиталы банков, можно выделить государственные и частные банки, а также банки с иностранными инвестициями.

Например, в соответствии с Законом РТ «О Национальном банке Таджикистана» уставный капитал и иное имущество Национального банка Таджикистана является государственной собственностью. Таким образом, Национальный банк Таджикистана является банком со стопроцентным государственным капиталом [4].

Частные банки создаются юридическими и физическими лицами на общих основаниях.

Законодательству известны следующие формы участия иностранного капитала в банковской системе Республики Таджикистан. В соответствии со ст. 12 Закона РТ «О банковской деятельности» Национальный банк Таджикистана может дать разрешение иностранному банку на открытие филиала в Республике Таджикистан с целью осуществления банковской деятельности.

Филиал иностранного банка – это обособленное структурное подразделение, учреждённое иностранным банком для осуществления банковской деятельности в Республике Таджикистан.

Заявка на получение разрешения представляется в Национальный банк Таджикистана в письменной форме иностранным банком на государственном языке с приложением следующих документов:

- решение иностранного банка о создании филиала в Республике Таджикистан,

регистрационные документы с указанием места расположения иностранного банка и его создаваемого филиала;

- справка с указанием фамилии, имени, отчества, национальности, гражданства, постоянного места жительства, деятельности или профессии, степени образования, подробной информации о стаже работы на каждого руководящего работника;

- копия документа о наличии высшего экономического образования руководящего работника;

- копии последних трёх годовых финансовых отчётов иностранного банка с аудиторским заключением;

- перечень акционеров и конечных бенефициарных владельцев акций иностранного банка с указанием места нахождения, количества акций и копии документа о регистрации акционеров;

- письменная декларация руководящего работника об отсутствии судимости, банкротства, ограничения в профессиональной деятельности;

- бизнес-план, предусматривающий деловые цели и виды деятельности, описание организационной структуры и внутренней системы контроля, включая соответствующие меры по борьбе против легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, а также прогноз балансовых счетов, счетов доходов и расходов и денежных оборотов в течение последующих лет деятельности;

- сведения о местонахождении филиала;

- документ об оплате сбора за рассмотрение заявки;

- письменное согласие иностранного органа банковского надзора той страны, в которой создан иностранный банк, о создании филиала в Республике Таджикистан и осуществлении консолидированного банковского надзора за деятельностью иностранного банка;

- гарантии высшего органа управления иностранного банка по выделению необходимых средств для выполнения обязательств филиала, вытекающих из банковских операций, предусмотренных в лицензии. Вид валюты и место хранения суммы такой гарантии определяется Национальным банком Таджикистана.

Небанковские кредитные организации представляют собой кредитные организации, имеющие право осуществлять отдельные банковские операции. Перечень банковских операций для небанковских кредитных организаций устанавливает законодательство Республики Таджикистан и Национальный банк Таджикистана.

Небанковские кредитные организации создаются для осуществления отдельных банковских операций, допустимые сочетания которых устанавливаются Национальным банком Таджикистана.

Согласно Положению № 118 «О небанковских финансовых организациях», утверждённому Постановлением Правления Национального банка Таджикистана от 28 января 2002 года, № 19 небанковская финансовая организация имеет право на основании лицензии Национального банка Таджикистана осуществлять следующие банковские операции:

а) кассовые операции: прием, пересчет, размен, обмен, упаковка и хранение банкнот и монет;

б) ссудные операции: предоставление кредитов в денежной форме;

в) переводные операции: выполнение поручений юридических и физических лиц по переводу денежных средств;

г) доверительные (трастовые) операции: управление денежными средствами, ценными бумагами в интересах и по поручению доверителя;

д) сейфовые операции: услуги по хранению бумаг, документов и ценностей клиентов, в том числе сдача в аренду сейфовых ящиков и помещений;

е) клиринговые операции: сбор, сверка, сортировка и подтверждение платежей, а также проведение их взаимозачета и определение чистых позиций участников клиринга;

ж) финансирование капитальных вложений по поручению владельцев или распорядителей инвестируемых средств [5].

Небанковская финансовая организация при наличии лицензии Национального банка Таджикистана также может проводить следующие операции:

а) форфейтинговые операции: оплату долгового обязательства покупателя товаров (работ, услуг) путем покупки векселя без обязательства продавца;

б) лизинговые операции: сдачу в аренду имущества с сохранением права собственности арендодателя на сдаваемое в аренду имущество на весь срок действия договора (лизинга);

в) факторинговые операции: приобретение прав требования платежа с покупателя товаров (работ, услуг) с принятием риска неплатежа [5].

Небанковская финансовая организация создается на основании учредительного договора, который заключили её учредители. В данном договоре устанавливается порядок совместной деятельности по созданию организации, размер уставного капитала и другие условия, предусмотренные законодательством. Учредительный договор небанковских финансовых организаций заключается в письменной форме.

Небанковская финансовая организация может учреждаться одним или нескольким лицом.

Национальный банк Таджикистана при выдаче лицензии на проведение банковских операций, небанковским финансовым организациям устанавливает отдельные виды банковских операций.

Все операции, предусмотренные в этом Положении, небанковские финансовые организации осуществляют в национальной валюте Республики Таджикистан.

Они имеют право открывать корреспондентские счета в Национальном банке Таджикистана и в банках второго уровня.

Небанковские финансовые организации являются хозяйственными организациями и создаются в формах акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью.

Участниками небанковских финансовых организаций могут быть юридические и физические лица (резиденты и нерезиденты) Республики Таджикистан, за исключением законотворческих, исполнительных органов, судов, а также организаций 50% акций уставного фонда которых принадлежит государству.

Количество участников небанковских финансовых организаций, созданных в форме общества с ограниченной ответственностью, не должно превышать тридцати.

В противном случае, если число участников превышает определенное минимальное число, то оно в течение одного года обязано преобразоваться в акционерное общество, и если число участников не уменьшится до минимального определенного числа, то после истечения этого срока такое общество должно ликвидироваться в судебном порядке.

Минимальный размер уставного и общего капитала для каждого вида небанковских финансовых организаций, устанавливается Постановлением Правления Национального банка Таджикистана.

Участники небанковских финансовых организаций обязаны вносить взносы в уставный капитал исключительно за счет собственных средств участников в национальной валюте Республики Таджикистан.

Уставной капитал запрещается формировать основными средствами и ценными бумагами. Запрещается использовать для оплаты уставного капитала небанковской финансовой организации деньги, полученные в кредит, под залог, и иные привлеченные средства, а также средства государственных фондов.

Уставный капитал вновь созданной небанковской финансовой организации, должен быть оплачен со стороны их участников на пятьдесят процентов к моменту его государственной регистрации.

Оставшаяся неоплаченная часть уставного капитала общества подлежит оплате его участниками в течении первого года деятельности общества и зачисляется на корреспондентский счет, открытый в Национальном банке Таджикистана. При нарушении этой обязанности, общество должно либо объявить об уменьшении своего уставного капитала и зарегистрировать его уменьшение в установленном порядке, либо прекратить свою деятельность путем ликвидации.

Проведение банковских операций осуществляется только на основании лицензии Национального банка Таджикистана, выданной в порядке, предусмотренном банковским законодательством.

Микрофинансовые организации. Понятие микрофинансовой организации раскрывается в ст. 1 Закона РТ «О микрофинансовых организациях» от 16 апреля 2012 года, № 816. Согласно данной норме, *микрофинансовые организации* (микрокредитная депозитная организация, микрокредитная организация и микрокредитный фонд) - кредитные организации, занимающиеся микрофинансовой деятельностью на основании лицензии

Национального банка Таджикистана [3].

Что касается заемщиков, то к ним законодательство не предусматривает специальных требований - ими могут быть как физические, так и юридические лица, а также публично-правовые образования.

Возможность заключения кредитного договора юридическими лицами и публично-правовыми образованиями помимо применения к ним общих правил о право - и дееспособности определяется также и особенностями их правового статуса. В частности, публично-правовые образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений - гражданами и юридическими лицами, к данным субъектам применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в гражданско-правовых отношениях, если иное не вытекает из закона или особенностей этих субъектов. От имени публично-правовых образований гражданские права и обязанности приобретаются органами государственной власти и органами местного самоуправления. Кредитные договоры, заключаемые данными субъектами, признаются долговыми обязательствами соответствующих субъектов.

Возможны ситуации, когда в кредитном договоре в качестве каждой из его сторон - кредитора или заемщика - могут участвовать одно или одновременно несколько лиц. В таких случаях возникает обязательство с множественностью лиц.

Состав участников кредитного договора может меняться. В частности, это возможно в результате уступки права требования - цессии. Договор о цессии предусматривает передачу кредитором (цедентом) принадлежащего ему права требования другому лицу (цессионарию), который становится новым кредитором. Уступка кредитором права требования по сделке другому лицу осуществляется в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом РТ.

Список литературы:

1. Закон Республики Таджикистан «О банковской деятельности» от 19 мая 2009 г. № 524 // Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2009г, №5, ст.331.
2. Закон Республики Таджикистан «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 19 мая 2009 г. № 508 // Ахбори Маджлиси Оли Респ. Таджикистан. – 2009. – № 5. – Ст. 316; 2010. – № 12, ч. 1. – Ст. 828; 2012. – № 12, ч. 1. – Ст. 1006; 2015. – № 11. – Ст. 972; Закон Респ. Таджикистан от 14.05.2016 № 1319.
3. Закон РТ «О микрофинансовых организациях» от 16 апреля 2012 года, № 816 // Ахбори Маджлси Оли РТ 2012г. №4 ст.266.
4. Закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 года №722 «О Национальном банке Таджикистана» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2011 г., №6, ст.435; 2014 г., №7 ч.2, ст.409, ст.410; 2018 г., №7-8, ст.531; 2019 г., №7, ст.474.
5. Положение № 118 «О небанковских финансовых организациях», утверждённое Постановлением Правления Национального банка Таджикистана от 28 января 2002 года, № 19.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Сюй ЛинЛин
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF CREDIT ORGANIZATIONS

Xu LingLing
2st year full-time master's student
of the training program «Corporate Lawyer» of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуются понятие и признаки кредитной организации в соответствии с законодательством Республики Таджикистан. Анализируются нормы Гражданского кодекса Республики Таджикистан и Закона РТ «О банковской деятельности», определяющие правовой статус кредитных организаций как специальных субъектов кредитных правоотношений. Особое внимание уделяется раскрытию квалифицирующих признаков кредитной организации, включая её статус юридического лица, коммерческий характер деятельности, ограниченную предпринимательскую правоспособность, а также разрешительный (лицензионный) порядок осуществления банковской деятельности. Рассматривается специфика банковской деятельности как системы банковских операций и финансовых сделок, направленных на извлечение прибыли и посредничество в кредитных и расчётных отношениях. Отдельно анализируются ограничения деятельности кредитных организаций, обусловленные повышенными финансовыми рисками и необходимостью обеспечения устойчивости банковской системы. Делается вывод о том, что кредитные организации являются особым видом предпринимательских субъектов, осуществляющих лицензируемую деятельность в финансовой сфере с повышенными требованиями к стабильности и управлению рисками.*

Annotation. *The article examines the concept and characteristics of a credit institution under the legislation of the Republic of Tajikistan. It analyzes the provisions of the Civil Code of the Republic of Tajikistan and the Law of the Republic of Tajikistan "On Banking Activity" that define the legal status of credit institutions as special entities in credit relations. Particular attention is paid to the disclosure of the qualifying characteristics of a credit institution, including its status as a legal entity, the commercial nature of its activities, limited entrepreneurial capacity, and the permit (licensing) procedure for carrying out banking activities. The specifics of banking activity are considered as a system of banking operations and financial transactions aimed at generating profit and intermediation in credit and settlement relations. Restrictions on the activities of credit institutions due to increased financial risks and the need to ensure the stability of the banking system are separately analyzed. It is concluded that credit institutions are a special type of entrepreneurial entities carrying out licensed activities in the financial sector with increased requirements for stability and risk management.*

Ключевые слова: *кредитная организация, банки, банковская деятельность, банковские операции, предпринимательская деятельность, юридическое лицо, лицензирование, финансовый рынок, Республика Таджикистан, банковское право, коммерческая организация, финансовые риски.*

Keywords: *credit institution, banks, banking activities, banking operations, entrepreneurial activity, legal entity, licensing, financial market, Republic of Tajikistan, banking law, commercial organization, financial risks.*

Согласно п. 1 ст. 839 Гражданского кодекса РТ в кредитном договоре на стороне кредитора предусмотрен специальный субъектный состав - банковский кредит предоставляют коммерческие банки или иные кредитные организации. Таким образом, из законодательного определения кредитного договора видно, что кредиторами в данном случае могут быть только специальные субъекты - банки и иные кредитные организации, заемщиками же могут выступать как физические, так и юридические лица.

Понятие кредитной организации находит закрепление в ст. 1 Закона РТ «О банковской деятельности», где к кредитным организациям законодатель относит банки, небанковские кредитные организации, а также микрофинансовые организации, осуществляющие все или отдельные банковские операции на основании выданной Национальным банком Таджикистана лицензии.

Исходя из приведённого определения кредитной организации, можно выделить её квалифицирующие признаки, позволяющие отграничить их от иных субъектов финансового рынка.

Рассматривая такие квалифицирующие признаки, в первую очередь, следует отметить, что кредитная организация имеет статус юридического лица. Это означает, что кредитная организация, как всякое иное юридическое лицо является организацией, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени

приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (п. 1 ст. 48 Гражданского кодекса РТ).

Говоря о статусе юридического лица кредитной организации, следует отметить, что законодатель устанавливает ограничения в выборе ею организационно-правовых форм осуществления финансовой деятельности. Так, из нормативных положений ст. 6 Закона РТ «О банковской деятельности» вытекает, что кредитная организация может создаваться только в организационно-правовой форме акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Ещё большие ограничения установлены в отношении коммерческих банков – они могут осуществлять свою деятельность исключительно в форме акционерных обществ.

Из этого вытекает следующий признак кредитной организации как субъекта финансового рынка: кредитная организация – это всегда коммерческая организация, значит, основная цель её деятельности состоит в получении прибыли.

Особенности коммерческих организаций и их отличительные признаки определяются в ст. 50 Гражданского кодекса РТ. Коммерческая организация – это правовая конструкция, посредством которой осуществляется ведение предпринимательской деятельности [5].

В научной литературе современная коммерческая организация определяется как «правовая система предпринимательских интересов, основанная на людских, интеллектуальных, трудовых и материальных ресурсах, жизнедеятельность и сделки которой обеспечиваются рациональными хозяйственными денежными потоками. Причем, когда входящий и исходящий потоки сбалансированы, денежные правоотношения компании со всеми контрагентами осуществляются в строго договорном режиме. В противном случае, если эта схема взаимодействия по определённым причинам не действует, могут возникнуть конфликтные ситуации коммерческой организации с кредиторами и государством и даже наступить банкротство [3, 9].

На предпринимательскую направленность деятельности коммерческой организации как основного мотива её создания обращал внимание ещё А.И. Каминка, отмечая, что «элемент спекулятивного стремления к прибыли является чрезвычайно существенным для понимания отношений, которые создаются деятельностью предпринимателя» [4, 28]. «...Получение прибыли, являясь основной целью предпринимателя, придает его деятельности коммерческий характер, который не утрачивается даже и в том случае, если в результате ее осуществления получена не прибыль, а убыток. Вместе с тем, если получение прибыли как цель не ставится изначально, деятельность нельзя назвать предпринимательской, она не носит коммерческого характера» [1, 27].

То есть извлечение прибыли является целью деятельности кредитной организации, а не ее обязательным результатом, поэтому само по себе отсутствие прибыли от этой деятельности не служит основанием для вывода о том, что такая деятельность не является предпринимательской, поскольку не меняет самого характера предпринимательской деятельности [7, 14].Наличие неблагоприятных для предпринимателя обстоятельств, не позволивших ему получить предполагаемую прибыль, не только не меняет самого характера предпринимательской деятельности, но и является одним из составляющих элементов этой деятельности, связанной с различного рода рисками.

Таким образом, кредитные организации, будучи субъектами финансового рынка, имеют статус предпринимателей. Но здесь следует иметь в виду, предпринимательская деятельность кредитных организаций ограничена осуществлением банковских операций и банковских сделок. Это обусловлено тем, что кредитные организации в отличие от других коммерческих организаций используют в своей деятельности привлечённые денежные средства и этим создают определенные финансовые риски, как для себя, так и для своих клиентов. Именно поэтому в соответствии со ст. 3 Закона РТ «О банковской деятельности» кредитным организациям запрещается осуществлять какую-либо производственную, торговую и страховую деятельность. В противном случае, отсутствие такого запрета спровоцировало бы активность кредитных организаций на товарных рынках и, как следствие, привело бы к различным злоупотреблениям своим финансовым положением с их стороны и преумножило бы совершение финансовых махинаций.

Говоря о признаках кредитной организации, как субъекта финансового рынка, следует указать на специфическую сферу их деятельности – совершение банковских операций. Основные виды банковских операций перечислены в ст. 3 закона РТ «О банковской

деятельности». Однако кроме банковских операций кредитные организации могут участвовать в ряде других финансовых сделок, а именно выступать в роли поручителей в рамках денежных обязательств; участвовать в лизинговых отношениях; совершать операции с драгоценными металлами и драгоценными камнями; выступать в роли финансового агента; оказывать услуги финансового консультанта. Все перечисленные финансовые сделки составляют содержание банковской деятельности наряду с банковскими операциями.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что ядро банковской деятельности составляют банковские операции и финансовые сделки, совершаемые кредитными организациями. То есть банковская деятельность представляет собой систему банковских операций и финансовых сделок, осуществляемых кредитными организациями. При этом к банковские операции сводятся не только к выдаче кредитов, но и к размещению привлечённых денежных средств, что обуславливает собой проявление системности банковской деятельности. В частности, не будет относиться к банковской деятельности деятельность ломбардов или кредитных потребительских кооперативов.

Банковская деятельность – это «система постоянно осуществляемых сделок и операций, направленных на извлечение прибыли» [6, 21]. Банковская деятельность представляет собой предпринимательскую деятельность кредитных организаций, направленную на систематическое осуществление банковских операций [8, 227]. Банковская деятельность являет собой «банковские операции и сделки, а также другие действия кредитной организации, которые непосредственно направлены на развитие эффективности и повышение безопасности банковских услуг» [2, 25].

В качестве квалифицирующего признака кредитной организации законодатель указывает также разрешительный характер банковской деятельности. Так, в соответствии со ст. 7 Закона РТ «О банковской деятельности» банковская деятельность в Республике Таджикистан осуществляется на основе лицензии, выданной Национальным банком Таджикистана. Данная лицензия является бессрочной и не предполагает право передачи её другому лицу. Только получение лицензии является основанием легитимности кредитной организации.

Таким образом, квалифицирующими признаками кредитной организации как субъекта права являются следующие: 1) статус юридического лица; 2) получение прибыли как основная цель деятельности; 3) специфическая сфера деятельности – совершение банковских операций; 4) разрешительный характер деятельности кредитной организации.

Исходя из этого, деятельность кредитных организаций можно определить как лицензированную предпринимательскую деятельность на рынке финансовых услуг по выполнению функций посредничества в кредите, платежах и обращении капитала.

В узком смысле деятельность кредитных организаций – это разновидность предпринимательской деятельности, которая заключается в совершении ряда банковских операций и банковских сделок кредитными организациями. В широком смысле к деятельности кредитных организаций относится не только основная, но и вспомогательная банковская деятельность. В частности, по мнению А.Г. Братко «основная банковская деятельность – это такая деятельность кредитной организации, которая включает банковские операции и банковские сделки. Вспомогательная банковская деятельность направлена на обеспечение благоприятных и безопасных условий осуществления основной банковской деятельности. Эта деятельность косвенно связана с результатами основной банковской деятельности» [2, 26]. В частности, характер вспомогательной деятельности будет носить такая деятельность кредитных организаций, как информатизация, охранная деятельность и другие.

Из смысла законодательных положений вытекает, что деятельность кредитных организаций должна соответствовать принципам устойчивости и разумности. Данное требование закреплено в ст. 28 Закона РТ «О банковской деятельности». В частности, согласно данной норме? кредитные организации обязаны, в первую очередь, поддерживать достаточность своего капитала и его ликвидность, а в случае снижения стоимости своих активов создавать специальный фонд возможных финансовых потерь. Целью формирования данного фонда является наличие достаточного резерва для своевременного выполнения обязательств и возмещения убытков. Также кредитная организация обязана контролировать все финансовые риски, возникающие в процессе её деятельности, и создавать собственную систему управления рисками. Чтобы соответствовать принципам устойчивости и разумности, кредитная организация обязана группировать свои активы в зависимости от риска убытков.

Соблюдение этих требований обеспечивается осуществлением бухгалтерского учёта и другими финансовыми учётами.

Список литературы:

1. Андреев В.К., Степанюк Л.И., Остроухова В.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности: Учебное пособие. М.: Изд-во БЕК, 2012. С. 27.
2. Братко А.Г. Банковское право (теория и практика). - М., 2010. - С. 25.
3. Гончаров А.И., Барулин С.В., Терентьева М.В. Финансовое оздоровление предприятий: Теория и практика. - М., 2004. - С. 9.
4. Каминка А.И. Основы предпринимательского права. – Петроград: Изд-во «Труд». 1917. – С. 28.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // СПС КонсультантПлюс. 2012.
6. Олейник О.М. Основы банковского права: Курс лекций. - М., 2016. - С. 21.
7. Пиляев В.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть первая. М.: ТК Велби, 2012. С. 14.
8. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина. - М., 2014. - С. 227.

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Тагаев Мехроджиддин Сирожидинович
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

SOURCES OF LEGAL REGULATION OF THE CONTRACT FORWARDING

Tagaev Mihrojiddin Sirojidinovich
Master of 2-year full-time course
corporate lawyer training program of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *Актуальность темы правового регулирования договора транспортной экспедиции обусловлена значительной ролью транспортно-экспедиционной деятельности в современной экономике. Перевозка грузов и сопутствующие экспедиторские услуги являются неотъемлемой частью торговых и хозяйственных связей как внутри государства, так и на международном уровне.*

Развитие рыночных отношений, увеличение объемов внешнеэкономической деятельности и глобализация требуют четкого и эффективного правового регулирования отношений, возникающих при организации перевозок грузов. В условиях активного развития логистики возрастает значение договоров транспортной экспедиции как самостоятельного гражданско-правового инструмента.

Annotation. *The relevance of the topic of legal regulation of the transport forwarding contract is обусловлена (is обусловлена → corrected below properly):*

The relevance of the topic of legal regulation of the transport forwarding contract is determined by the significant role of transport and forwarding activities in the modern economy. The transportation of goods and related forwarding services constitute an integral part of trade and economic relations both within a country and at the international level.

The development of market relations, the growth of foreign economic activity, and globalization require clear and effective legal regulation of relations arising in the organization of cargo transportation. In the context of the active development of logistics, the importance of transport forwarding contracts as an independent civil law instrument is increasing

Ключевые слова: *договор транспортной экспедиции, транспортно-экспедиционная деятельность, правовое регулирование, гражданское право, перевозка грузов, экспедитор клиент (грузоотправитель, грузополучатель).*

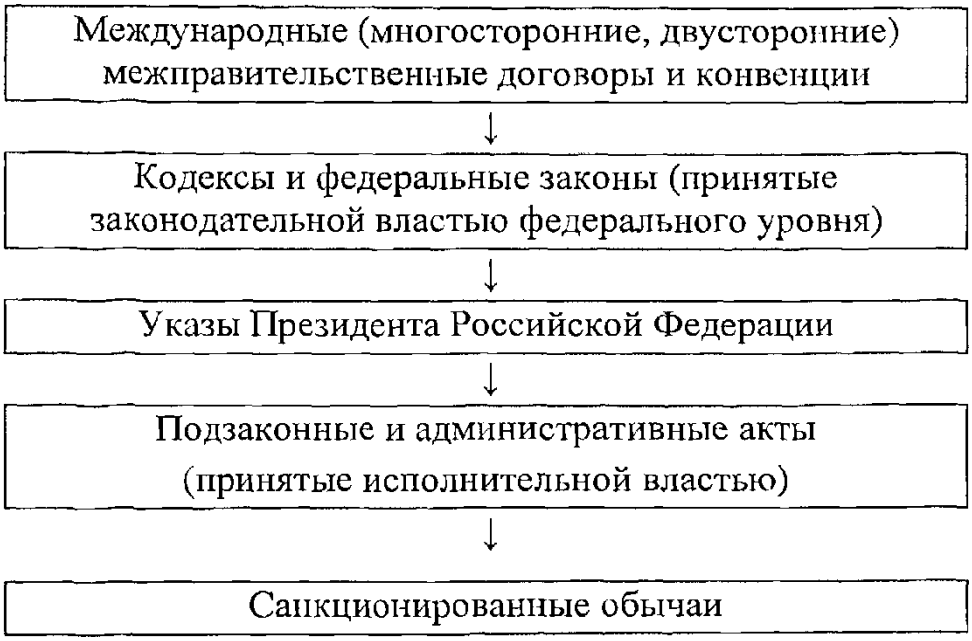
Keywords: *transport forwarding contract, freight forwarding activities, legal regulation, civil law, cargo transportation, freight forwarder, client (consignor, consignee).*

В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее - ГК) договору транспортной экспедиции посвящена глава 41 «Транспортная экспедиция» (ст. 801-806). Договор транспортной экспедиции по месту расположения регулирующих его норм, избранной законодателем схеме регулирования вытекающих из этого договора правоотношений, а также по его специфическим признакам, нашедшим отражение в ГК, наконец-то, представляет собой самостоятельный гражданско-правовой договор. Хотелось бы отметить, что в статье 801 ГК законодатель предусмотрел принятие специального Закона. Возможно, понимание разработчиков ГК в необходимости такого Закона объясняется рядом факторов, связанных с интеграцией мирового транспортного рынка в целом и необходимостью установления правил работы российских экспедиторов при организации перевозок грузов как по территории Российской Федерации, так и в международном соообщении, ведь международного транспортно- экспедиторского законодательства до сих пор не было. Хотя надо отметить, что активно формировалось правовое поле такого законодательства на национальном уровне. В этом процессе принимала активное участие Международная Федерация экспедиторских ассоциаций - ФИАТА. В 1997 г. она обратилась ко всем своим членам - национальным ассоциациям с рекомендацией о необходимости совершенствования, где оно существует, и создания национального экспедиторского законодательства, а в 1998 г. направила им макет проекта такого закона - «Modelle FIATA».

В силу перечисленных выше проблем была начата разработка проекта Закона о транспортно-экспедиционной деятельности, и 6 июня 2002 г. Правительство Российской Федерации на своем заседании одобрило проект Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» для внесения его в Государственную думу. А летом 2003 года был принят Федеральный закон №87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» от 30.06.2003. Закон уточняет существенные условия договора и определяет правовые нормы транспортно-экспедиционной деятельности, за исключением деятельности, осуществляемой в области почтовой связи. Им определяется порядок оказания услуг по организации перевозок грузов любыми видами транспорта и оформления перевозочных документов. При этом утверждение правил транспортно-экспедиционной деятельности возложено на Правительство РФ (статья 2 Закона). Правилами должны быть определены перечень документов, подтверждающих заключение договора транспортной экспедиции, и требования к качеству экспедиционных услуг. [2, 258].

Во исполнение статьи 2 этого закона Минтранс России, совместно с заинтересованными организациями и ведомствами, а также Ассоциация экспедиторов РФ приступили к разработке вышеназванных правил. Образец правил был принят 2 октября 1996 г. на Всемирном конгрессе ФИАТА в Каракосе (об этом уже упомянуто выше). Решением этого же конгресса они рекомендованы в качестве образца при разработке национальных нормативных актов по экспедированию. Эти правила могут быть использованы не только при предоставлении международных экспедиторских услуг, но и экспедиторских услуг, предоставляемых в пределах одной страны.

Транспортно-экспедиционная деятельность охватывает широкий круг взаимоотношений как между организациями различного типа и разных форм собственности, так и физическими лицами. Правовая сторона этих взаимоотношений регулируется законодательными актами различного уровня. Таким образом, иерархия системы законодательных актов, регламентирующих транспортно-экспедиционную деятельность, выглядит следующим образом:



Определяющее положение по отношению ко всем федеральным законам занимает Конституция РФ как основной закон Российской Федерации. Конституция является источником транспортного права и содержит нормы, имеющие непосредственное отношение к транспорту, а именно относит управление федеральным транспортом и путями сообщения к ведению Российской Федерации, что является основополагающим при правовом регулировании деятельности транспорта. [1, 31].

Нормами национального права, относящимися к конкретным видам транспорта, являются транспортные уставы и кодексы, детально регулирующие отношения, возникающие на транспорте. В настоящее время в России действуют следующие уставы и кодексы:

- Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации;
- Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации;
- Воздушный кодекс Российской Федерации;
- Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации;
- Устав автомобильного транспорта РСФСР.

Особенностью этих законодательных актов является то, что их основные положения регулируются нормами, установленными ГК РФ (гл. 40 «Перевозка»).

Санкционированные обычаи регулируют области взаимоотношений, не охваченные законодательными актами. В качестве источника права обычай рассматривается при условии, если он в той или иной форме санкционирован государством (ссылка в законе или применение в судебной практике). Например, «При отсутствии указаний закона или договора обязательства должны исполняться в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями» или «Соглашения сторон о сроках погрузки определяются согласно обычаям, сложившимся в данном порту».

Во главе отдельных системных образований транспортного законодательства стоят транспортные уставы и кодексы, содержащие гражданско-правовые нормы и нормы других отраслей права. [2, 257]. Остальные акты, входящие в эту систему, регулируют более частные вопросы и находятся в иерархической зависимости от актов, стоящих во главе, хотя принимаются и утверждаются одним и тем же органом. Иерархия системы транспортного законодательства национального и внутреннего права Российской Федерации такова:

Гражданский кодекс РФ

Основные законодательные акты: кодексы и уставы (по видам транспорта)

_____/_____

Нормативные акты (подзаконные акты): постановления Правительства РФ и указы Президента РФ

Правила перевозки и другие нормативные акты, а также изменения и дополнения, вносимые в них в установленном порядке, публикуются в
Сборниках правил перевозок и тарифов, которые издаются транспортными ведомствами.

Железнодорожный транспорт.

Продолжающийся в России процесс перехода к рыночным отношениям поставил перед железнодорожным транспортом новые задачи, связанные с более эффективным использованием этого вида транспорта при перевозке грузов, пассажиров, багажа, грузобагажа. Учитывая это обстоятельство, в 2003 г. был введен в действие Устав железнодорожного транспорта. Это восьмой по счету устав, принятый за всю историю существования железнодорожного транспорта в нашей стране (начиная с 1882 г.).

Устав железнодорожного транспорта 2003 г. (далее - УЖДТ РФ), впервые за всю историю подготовки подобных нормативных актов, отразил в своем содержании положение, что инфраструктура железнодорожного транспорта, которая включает в себя железнодорожные пути необщего пользования и другие сооружения, железнодорожные станции, устройства электроснабжения, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные службы и систему управления движением и иные обеспечивающие функционирование этого комплекса здания, строения, сооружения, устройства и оборудование, может находиться в собственности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Более конкретно это положение закреплено в ст. 1 Федерального закона «О железнодорожном транспорте», в соответствии с которым имущество железнодорожного транспорта может находиться в государственной, муниципальной, частной и иных формах собственности, т.е. на железнодорожном транспорте допускается частная собственность в регулировании отношений, связанных с перевозкой грузов, пассажиров, багажа, грузобагажа.

В Уставе (состоящем из 130 статей) весьма подробно регулируются отношения перевозчиков и клиентуры железнодорожного транспорта при осуществлении перевозочного процесса. Особо подчеркивается, что доступ перевозчиков к услугам инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования осуществляется в соответствии с Правилами о недискриминационном доступе. Более подробно (в отличие от ранее утвержденного Устава) регулируются отношения, связанные с подачей заявки, четко определены основания, по которым заявка грузоотправителя на отправку транспортных средств не может быть удовлетворена.

В статье 120 названного Закона лишь упоминаются организации, осуществляющие транспортно-экспедиционное обслуживание:

грузополучатель или грузоотправитель, обслуживающий грузоотправителей, грузополучателей своими локомотивами владелец железнодорожного пути необщего пользования в случае возврата платы за пользование принадлежащими иным юридическим или физическим лицам контейнерами, при вывозе контейнеров с мест общего пользования средствами грузоотправителя, грузополучателя, а также организациями, осуществляющими транспортно-экспедиционное обслуживание, имеют право на предъявление к перевозчику претензии, связанной с осуществлением перевозок груза, грузобагажа или иска.

Конкретные отношения железнодорожного перевозчика и клиентуры по перевозке грузов и отношения по перевозке пассажиров в железнодорожном законодательстве определяют ведомственные акты, к основным из которых относятся Правила перевозки грузов на железнодорожном транспорте, регулирующие вопросы перевозки всех видов грузов (от скоропортящихся до легкогорючих), порядок их выдачи клиентуре и составления актов в случае неисправной перевозки грузов, и Правила оказания услуг по перевозке пассажиров, грузов, багажа и грузобагажа для личных (бытовых) нужд, регулирующие порядок перевозок пассажиров и багажа, ручной клади, порядок контроля при перевозках, доплат и т.д.

Впервые действие Устава распространяется на владельцев железнодорожных путей необщего пользования. В то же время основные положения, связанные с подачей транспортных средств, заключением договора перевозки, ответственностью сторон за ненадлежащее исполнение своих обязательств, остались такими же, как и в предыдущем Транспортном уставе железных дорог.

В тексте Устава довольно часто употребляются термины: «федеральный орган исполнительной власти в области железнодорожного транспорта», «федеральный орган

исполнительной власти в области транспорта», «Министерство путей сообщения». При пользовании этими терминами следует иметь в виду, что Указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [5], упразднены: Министерство путей сообщения Российской Федерации, Министерство транспорта Российской Федерации, Министерство Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства.

Создано единое Министерство транспорта Российской Федерации, в состав которого в качестве Федерального агентства железнодорожного транспорта вошло Министерство путей сообщения Российской Федерации. Впоследствии эти поправки будут внесены в Федеральный закон «О железнодорожном транспорте» и Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации». [4, 29].

Принятый новый Устав железнодорожного транспорта 2003 г. - весьма эффективный нормативный правовой акт, имеющий важное значение в развитии железнодорожных перевозок, улучшении их качества, создании здоровой конкуренции между перевозчиками, что, несомненно, окажет влияние на подъем российской экономики.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, Устав предусматривает:

- удовлетворение потребности экономики страны в перевозках;
- соблюдение государственных интересов;
- обеспечение безопасности движения поездов;

рациональное использование транспортных средств и снижение транспортных расходов;

- координацию различных видов транспорта;
- своевременную доставку грузов в пункты назначения и полную их сохранность;

-материальную ответственность железных дорог, грузоотправителей, грузополучателей и пассажиров за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей по перевозкам.

Норм же, регулирующих отношения в сфере транспортно- экспедиционной деятельности, в УЖДТ РФ практически нет, как и в Кодексе внутреннего водного транспорта РФ. Упоминается лишь письмо Министерства путей сообщения РФ от 14 мая 1993 г. N С-405у/АК-7/ЦМ- 180, на основании которого с 1 августа 1993 г. введены в действие Правила централизованного вывоза (завоза) грузов с железнодорожных станций, расположенных на территории Российской Федерации, выполняемого транспортно-экспедиционными предприятиями, утвержденные Минтрансом России и МПС России 14 мая 1993 г. N АК-7/ЦМ-180*(16).

В соответствии с указанием Министерства путей сообщения РФ от 6 декабря 1995 г. N С-932у с 1 января 1996 г. введены в действие Правила о системе и общих требованиях обслуживания грузоотправителей и грузополучателей железными дорогами, утвержденные МПС России от 16 ноября 1995 N ЦЭУ-348*(17). В названных Правилах, как указано в их п. 1.2, установлены общие требования к системе обслуживания грузоотправителей и грузополучателей на железнодорожном транспорте, в том числе к выполнению транспортно-экспедиционных операций.

В итоге следует отметить, что УЖДТ РФ содержит лишь основные положения и правовые нормы и не может предусмотреть всего многообразия динамически изменяющихся конкретных условий и особенностей перевозок отдельных грузов, поэтому его дополняют нормативные акты, к которым относятся постановления Правительства и указы Президента Российской Федерации.

Список литературы:

1. Гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х. Т. 2. Полутом 2. М., 2000. С. 31.
2. Витрянский В.В. Договор перевозки. – М., 2001. С. 256–257.
3. Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров. –М., 2011. С. 258.
4. Романович А.Н. Транспортные правоотношения. – Минск, 1984. С. 29.
5. Указ Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. №314.

ОБЫКНОВЕННЫЕ И ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ АКЦИИ

Усманов Шароф Сулаймонович
магистрант 2-го курса дневного отделения
программы подготовки «Корпоративный юрист» юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

COMMON AND PREFERRED SHARES

Usmanov Sharof Sulaimonovich
2st year full-time master's student
of the training program «Corporate Lawyer» of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2230460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются обыкновенные и привилегированные акции как ключевые виды корпоративных ценных бумаг и инструменты участия в акционерных обществах. Раскрываются их правовая природа, особенности правового режима и различия в объёме прав, предоставляемых акционерам. Особое внимание уделяется анализу имущественных и неимущественных прав владельцев обыкновенных и привилегированных акций, включая право на участие в управлении обществом, получение дивидендов и доли в имуществе при ликвидации. Исследуются особенности правового регулирования привилегированных акций, в том числе ограничения и преимущества по сравнению с обыкновенными акциями. Рассматриваются проблемы обеспечения баланса интересов акционеров различных категорий, а также риски злоупотреблений при выпуске и использовании привилегированных акций. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования в целях повышения прозрачности корпоративных отношений и защиты прав инвесторов.*

Annotation. *This article examines ordinary and preferred shares as key types of corporate securities and instruments of participation in joint-stock companies. It discusses their legal nature, the specifics of their legal regime, and the differences in the scope of rights granted to shareholders. Particular attention is paid to the analysis of the property and non-property rights of ordinary and preferred shareholders, including the right to participate in the company's management, receive dividends, and share in the assets upon liquidation. The legal regulation of preferred shares is explored, including their limitations and advantages over ordinary shares. The article examines the challenges of balancing the interests of various categories of shareholders, as well as the risks of abuse in the issuance and use of preferred shares. It concludes that legal regulation needs to be improved to increase the transparency of corporate relations and protect investor rights.*

Ключевые слова: *акции, обыкновенные акции, привилегированные акции, акционерное общество, корпоративные права, дивиденды, управление обществом, ценные бумаги, защита инвесторов.*

Keywords: *shares, common shares, preferred shares, joint-stock company, corporate rights, dividends, company management, securities, investor protection.*

В условиях становления и развития рыночной экономики в Республике Таджикистан особое значение приобретает совершенствование правового регулирования корпоративных отношений, в рамках которых ключевую роль играют акционерные общества как одна из наиболее распространённых организационно-правовых форм предпринимательской деятельности. Акции, являясь основным инструментом формирования уставного капитала акционерных обществ, одновременно выступают юридическим средством закрепления имущественных и корпоративных прав участников, а также механизмом привлечения инвестиций в экономику.

В этой связи особый научный и практический интерес представляет разграничение обыкновенных и привилегированных акций, различия между которыми имеют

принципиальное значение для определения объёма прав акционеров и их участия в управлении обществом. Указанные виды акций отражают различные модели участия в корпоративных отношениях: с одной стороны — участие в управлении и распределении прибыли, с другой – приоритет в получении дохода при ограничении управленческих прав.

Несмотря на нормативное закрепление правового статуса обыкновенных и привилегированных акций в законодательстве Республики Таджикистан, в правоприменительной практике сохраняется ряд проблем, связанных с определением объёма прав акционеров, обеспечением их равенства, а также недопущением злоупотреблений при выпуске и использовании привилегированных акций. Это обусловливает необходимость комплексного научного осмысления их правовой природы и особенностей правового режима.

Целью настоящей статьи является анализ правовой природы обыкновенных и привилегированных акций, выявление их сходств и различий, а также исследование проблем обеспечения баланса интересов акционеров в условиях развития корпоративных отношений в Республике Таджикистан.

Итак, исходя из объема прав, содержащихся в акциях, они делятся на обыкновенные и привилегированные (ст. 23, 24 Закона РТ "Об акционерных обществах").

Акционеры - владельцы обыкновенных акций общества имеют традиционную триаду правомочий: право участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции, право на получение дивидендов, право на получение ликвидационной квоты.

Предоставляемый обыкновенной акцией набор прав полностью соответствует правам, принадлежащим участникам хозяйственных обществ и товариществ, предусмотренным ст. 67 ГК РТ.

Каждая обыкновенная акция общества предоставляет ее владельцу одинаковый набор прав, который является тем минимумом, которым может обладать каждый акционер.

Накопление определенного количества акций, означающее получение известной доли в уставном капитале, ведет к наделению акционера иными правами, причем чем выше доля в уставном капитале, тем больше прав у акционера. Аккумулирование определенного количества акций и соответственно прав, предоставляемых ими, приводит к качественным изменениям правового статуса владельца. Кроме традиционной триады правомочий, такие акции предоставляют своим владельцам права, позволяющие определять деятельность акционерного общества, а в ряде случаев и осуществлять контроль за такой деятельностью. Принадлежащий таким акционерам корпоративный контроль, находящий свое проявление в двух тесно связанных между собой правомочиях - возможности избирать менеджеров юридического лица и влиять на распоряжение имуществом юридического лица, в цивилистической литературе рассматривается как самостоятельная имущественная ценность, принадлежащая отдельным акционерам, наравне с акциями, рассматриваемыми как разновидность имущества [3, 125].

Существует большая разница между рядовыми акционерами и владельцами контрольного пакета акций. Прочный контроль подразумевает обладание большинством акций. Контрольный пакет в собственном смысле слова – это 50 процентов акций плюс одна акция. Но так определялся контрольный пакет в начальный период становления акционерного дела. Опыт показал, что при рассредоточении, распределении акций среди большого числа мелких акционеров эффективно контролировать деятельность акционерного общества можно и при меньшем количестве акций.

Привилегированная акция не дает права голоса на общем собрании акционеров, если иное не предусмотрено законодательством или уставом общества, и, не лишая акционера других корпоративных прав, позволяющих участвовать в управлении делами общества, приносит фиксированный дивиденд, выплата которого производится акционерным обществом, как правило, независимо от результатов работы. Она обычно имеет и преимущество по сравнению с обыкновенными акциями при получении ликвидационной нормы. Следует отметить, что если обыкновенные акции предоставляют их владельцам одинаковый объем прав, то привилегированные акции могут быть различных типов и, следовательно, иметь различный объем прав.

Правовой статус владельцев привилегированных акций, выпускаемых различными обществами, неодинаков. Об этом свидетельствует анализ уставов ряда российских

акционерных обществ. Так, одни общества предоставляют владельцам привилегированных акций право голоса на общем собрании акционеров и другие корпоративные права, объем которых значительно больше, чем у владельцев обыкновенных акций; право на получение фиксированного дивиденда, размер которого в случае превышения размера дивидендов по обыкновенным акциям увеличивается и в любом случае оказывается выше размера дивидендов по обыкновенным акциям. Предусматриваются и определенные привилегии при ликвидации общества. Они выражаются, например, в погашении стоимости акций по рыночной цене в первую очередь. В других акционерных обществах владельцы привилегированных акций по общему правилу лишены права голоса на общем собрании, имея его в строго определенных случаях, указанных в ст.24 Закона РТ "Об акционерных обществах", а их привилегии выражаются в возможности получения фиксированного дивиденда и ликвидационной доли, размер которых определяется в уставе общества в твердой денежной сумме или в процентах к номинальной стоимости привилегированных акций.

В юридической литературе отмечалось, что действующее законодательство снижает уровень предоставляемых владельцам привилегированных акций гарантий на получение фиксированных доходов [4, 69]. В настоящее время преимущества по привилегированным акциям заключаются лишь в очередности получения дивидендов и в определении фиксированного их размера в уставе. Каких-либо иных преимуществ привилегированные акции не предоставляют, так как закон разрешает невыплату дивидендов по ним и при наличии у общества достаточной прибыли. С нашей точки зрения, такое развитие законодательства вряд ли можно признать обоснованным, поскольку смысл привилегированных акций как раз и заключается в том, чтобы гарантировать выплату фиксированных дивидендов их владельцам, иначе встает закономерный вопрос о целесообразности существования таких акций.

Действующее акционерное законодательство особо выделяет кумулятивные привилегированные акции, под которыми понимаются такие акции, дивидендный доход по которым связан с определенным периодом его начисления. Подобные акции называют также накапливающими. Знает законодательство и такой экономический и правовой инструмент, как конвертируемые привилегированные акции, т.е. те, которые могут быть при определенных условиях, предусмотренных в уставе акционерного общества, превращены в обыкновенные. К примеру, привилегированные акции типа Б, выпускаемые в процессе преобразования государственных предприятий в акционерные общества, первичными держателями которых являются фонды имущества, при их продаже последними автоматически конвертируются в обыкновенные акции.

Практика акционерного дела знает и отзывные привилегированные акции. Ими признаются акции, которые эмитированы как таковые и которые могут быть предъявлены владельцем акционерному обществу для погашения. Привилегия владельца подобной акции выражается в возможности самому установить срок погашения акции, условия которого определяются в уставе общества. Отзывные привилегированные акции необходимо отличать от облигаций, эмитированных акционерным обществом. При погашении такой акции происходит уменьшение уставного капитала общества, тогда как облигация (ее стоимость) не входит в уставный капитал общества.

Согласно мнению В.В. Кудряшова привилегированные акции можно классифицировать также на: приоритетные, гарантированные, старшие и младшие, комбинированные [2, 9]. Появление подобной классификации - следствие неурегулированности или недостаточной регламентации типов привилегированных акций.

Список литературы:

1. Закон РТ «Об акционерных обществах» от 5 марта 2007 года, №237 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2007 г., №3, ст. 170; 2008 г., №10, ст. 812; 2009 г., №5, ст. 318, №7-8, ст. 496; 2010 г., №1, ст. 9; №12, ч. 1, ст. 816; 2011 г., №12, ст. 844; Закон РТ от 14.11.2016 г., №1374.
2. Кудряшов В.В. Эмиссия акций, практический аспект. М., 1999. С. 9.
3. Степанов Д. Корпоративные споры и реформа процессуального законодательства // Вестник ВАС. 2004. N 2. С. 125.
4. Шапкина Г.С. Новое в российском акционерном законодательстве. Изменения и дополнения ФЗ "Об акционерных обществах". М., 2002. С. 69 - 70.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЖИВОТНОГО МИРА КАК ОБЪЕКТА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Холмуродов Кувватали Абдусатторович
студент 4-го курса юридического факультета
профиль «Предпринимательско-правовой»
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2270460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

THE CONCEPT AND SIGNIFICANCE OF THE ANIMAL WORLD AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION

Kuvvatali Abdusattorovich Kholmurodov
4th-year law student
Specialization: Entrepreneurial Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 2270460, e-mail: kafedra.predprinimatelskaya@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена исследованию понятия и значения животного мира как объекта правовой охраны в Республике Таджикистан. Рассматриваются теоретические и нормативные подходы к определению животного мира, закреплённые в Законе Республики Таджикистан «О животном мире», а также анализируются изменения законодательства, направленные на совершенствование правового регулирования в данной сфере. Особое внимание уделяется выявлению ключевых признаков животного мира: его пониманию как совокупности диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы, а также их постоянному или временному пребыванию на территории государства.*

В работе раскрываются дискуссионные аспекты соотношения научного и юридического подходов к понятию животного мира, в том числе вопрос о включении домашних животных в его состав. Обосновывается необходимость разграничения правового режима диких и домашних животных с учётом различий в характере их использования и степени зависимости от человека. Анализируется значение состояния естественной свободы как ключевого юридического критерия, определяющего сферу действия природоохранного законодательства.

Отдельное внимание уделено характеристике животного мира как объекта правовой охраны, включая его классификацию по целевому назначению и особенности правового режима отдельных категорий животных, в том числе редких и находящихся под угрозой исчезновения видов.

Annotation. *The article is devoted to the study of the concept and significance of the animal world as an object of legal protection in the Republic of Tajikistan. It examines theoretical and normative approaches to defining the animal world as закрепеd in the Law of the Republic of Tajikistan "On the Animal World," and also analyzes legislative amendments aimed at improving legal regulation in this field. Particular attention is paid to identifying the key features of the animal world, namely its understanding as a set of wild animals existing in a state of natural freedom, as well as their permanent or temporary presence within the territory of the state.*

The paper explores controversial aspects concerning the correlation between scientific and legal approaches to the concept of the animal world, including the issue of whether domestic animals should be included in its scope. It substantiates the need to differentiate the legal regimes of wild and domestic animals, taking into account differences in their use and degree of dependence on humans. The significance of the state of natural freedom as a key legal criterion determining the scope of environmental legislation is also analyzed.

Special attention is given to the characteristics of the animal world as an object of legal protection, including its classification according to functional purpose and the specific legal regimes applicable to certain categories of animals, particularly rare and endangered species.

Ключевые слова: *животный мир, правовая охрана, дикие животные, состояние естественной свободы, Республика Таджикистан, экологическое право, Красная книга, биоразнообразие, правовой режим животных, охрана окружающей среды.*

Keywords: *Animal world, legal protection, wild animals, state of natural freedom, Republic of Tajikistan, environmental law, Red Data Book, biodiversity, legal regime of animals, environmental protection.*

Животный мир представляет собой один из важнейших компонентов окружающей природной среды, неотъемлемый элемент биосферы, подлежащий всемерной охране и рациональному использованию в интересах нынешнего и будущих поколений. Как справедливо отмечается в юридической литературе, животный мир является жизненно важной органической частью окружающей нас природной среды, неотъемлемым элементом биосферы, подлежащим всемерной охране и рациональному использованию в интересах нынешнего и грядущих поколений людей [2, 40]. Нормы права призваны сыграть в решении этих глобальных проблем первостепенную роль.

Легальное определение животного мира содержится в Законе РТ «О животном мире» от 5 января 2008 года №354, который выступает базовым нормативным правовым актом в исследуемой сфере. Следует отметить, что данный Закон неоднократно подвергался изменениям и дополнениям, что свидетельствует о динамичном развитии законодательства и стремлении законодателя совершенствовать правовое регулирование с учетом современных экологических вызовов. Так, Законом РТ от 24 декабря 2022 года № 1937 был уточнен понятийный аппарат, в частности, в ст. 1 изменено определение редких видов («имеющий малочисленную» вместо «имеющий малую»), а также изложены в новой редакции понятия «зоологическая коллекция» и «Красная книга Республики Таджикистан» [7].

Анализ законодательства позволяет выделить сущностные признаки животного мира как объекта правовой охраны. Рассмотрим их подробнее.

1. Первый признак сводится к тому, что животный мир представляет собой совокупность живых организмов всех видов диких животных. В данном контексте важно отметить, что законодательство Республики Таджикистан, следуя общему подходу, сложившемуся в странах СНГ, относит к животному миру только диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы. Однако такой подход разделяют не все учёные. Так, например, Н.Н. Веденин последовательно критикует сложившийся подход, настаивая на включении домашних животных в понятие «животный мир» в широком, научном смысле. Они считает, что «в строго научном плане понятие «животный мир» должно охватывать все разновидности животного мира, включая домашних животных, которые в юридической литературе нередко выводятся за его пределы и рассматриваются только как товарно-материальные ценности, объекты права собственности и иных прав» [2, 41]. С его точки зрения, животный мир – это совокупность всех видов животных, населяющих планету, независимо от того, находятся ли они в состоянии естественной свободы или одомашнены человеком. Как он пишет, законодательное определение «находится в явном противоречии с научным и даже чисто житейским представлением о животном мире» [2, 41].

Однако законодатель сознательно ограничивает сферу действия Закона о животном мире отношениями, связанными с дикой фауной, что обусловлено рядом объективных причин. Во-первых, это обусловлено спецификой предмета правового регулирования. Как отмечает П.И. Дойников, «фаунистическое право регулирует отношения, возникающие при использовании, охране, управлении объектов животными» [6, 412]. При этом дикие животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, и домашние (сельскохозяйственные) животные представляют собой принципиально разные объекты правового регулирования. Дикие животные являются компонентом природной среды, находятся в публичной собственности государства и существуют вне непосредственного контроля человека. Домашние же животные выступают объектами имущественных прав, находятся в частной собственности и их правовой режим регулируется гражданским законодательством. Как справедливо указывает В.К. Быковский, «правовой режим диких животных отличается от правового режима домашних животных. Соответственно и правовые режимы устанавливаются не только разными нормативными актами, но и различными отраслями законодательства» [1, 39].

Во-вторых, необходимость обеспечения особой охраны именно диких животных обусловлен таем, что дикая фауна является наиболее уязвимой с точки зрения антропогенного воздействия. Как отмечается в научной литературе, «именно дикие животные являются наиболее уязвимыми с точки зрения воздействия на них результатов жизни и деятельности человека, поэтому их защита является приоритетной» [8, 68]. Дикие животные не находятся под непосредственным контролем человека, их существование зависит от состояния естественных экосистем, они подвержены риску истребления, сокращения численности и утраты мест обитания. Домашние животные, напротив, находятся под охраной и контролем человека, их воспроизводство обеспечивается целенаправленной деятельностью людей.

В-третьих, законодательный подход отражает разграничение публично-правовых и частноправовых начал в регулировании. В соответствии со ст. 4 Закона РТ «О животном мире», животный мир в пределах территории республики является государственной собственностью. Это обусловлено публичным значением животного мира как компонента природной среды, объекта экологических отношений и национального достояния. Домашние животные, напротив, могут находиться в частной, государственной и иных формах собственности, и отношения по владению, пользованию и распоряжению ими регулируются гражданским законодательством. Как отмечает И.Б. Калинин, «фаунистическое право призвано регулировать отношения, связанные прежде всего с теми животными, которые находятся в состоянии естественной свободы в среде их обитания, и в этом позиция законодателя представляется вполне оправданной. Правовой режим животных, не находящихся в состоянии естественной свободы, должен быть совсем иным. Невозможно равным образом регулировать отношения, связанные, например, с охотой на волков, и отношения, возникающие в связи с содержанием домашних животных» [8, 72].

Отношения в области охраны и использования сельскохозяйственных и других одомашненных животных, а также диких животных, содержащихся в неволе, регулируются иными отраслями законодательства – гражданским, ветеринарным, административным. Это позволяет дифференцировать правовое регулирование с учетом специфики каждой категории животных.

Таким образом, несмотря на то что с научной точки зрения понятие «животный мир» является более широким и должно охватывать все многообразие видов фауны, законодательное ограничение сферы действия специального закона только дикими животными, находящимися в состоянии естественной свободы, представляется вполне оправданным. Специфика правового регулирования требует дифференцированного подхода к различным категориям животных.

2. Второй признак понятия животного мира сводится к тому, что животный мир характеризуется нахождением в состоянии естественной свободы. Данный признак является ключевым для отграничения объектов животного мира от домашних и сельскохозяйственных животных, а также диких животных, содержащихся в неволе. Животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, ведут самостоятельный образ жизни в природной среде без вмешательства человека, их поведение и жизнедеятельность определяются естественными биологическими законами.

В юридической литературе состояние естественной свободы рассматривается как основополагающий критерий для определения сферы действия фаунистического (природоохранного) законодательства. Как отмечает И.К. Волков, в российском праве сложилась система норм, выделяющая три ключевые сферы регулирования: «гражданско-правовой режим животных как особого вида имущества; административно-правовой режим домашних, безнадзорных, служебных и лабораторных животных; и экологический режим дикой фауны как компонента окружающей среды и объекта государственной собственности» [3, 48].

Состояние естественной свободы имеет глубокие историко-правовые корни. Еще в римском праве была сформулирована концепция «ferae naturae» (дикая природа), согласно которой дикие животные, находящиеся на свободе, считались ничьими (res nullius) и поступали в собственность первого, захватившего их. Классическое определение закрепляло, что животное считается диким, пока оно «наслаждается своей естественной свободой» («naturalem libertatem receperit») [5, 412]. Эта традиция нашла отражение и в современном правопонимании: как указывается в разъяснениях природоохранных органов, «условия

неволи – это искусственно созданные условия жизни животных, которые исключают возможность их свободного передвижения вне специально оборудованных мест и при которых полное жизнеобеспечение животных зависит от человека» [12].

Важно подчеркнуть, что правовой режим животного меняется при изменении его фактического состояния. Дикое животное, изъятое из естественной среды обитания и помещенное в неволю, утрачивает статус объекта животного мира в смысле природоохранного законодательства и переходит в сферу действия иных правовых режимов. Таким образом, признак нахождения в состоянии естественной свободы выступает не просто описательной характеристикой, а юридически значимым критерием, определяющим применимость природоохранного законодательства и объем правовой охраны.

3. Третий признак понятия животного мира характеризуется постоянным или временным пребыванием на территории Республики Таджикистан. Это означает, что объектами правовой охраны признаются как животные, постоянно обитающие на территории страны (аборигенные виды), так и мигрирующие виды, временно находящиеся на территории Таджикистана в процессе сезонных миграций.

Данный признак имеет принципиальное значение, поскольку он раздвигает рамки действия национального законодательства за пределы государственных границ в том смысле, что государство принимает на себя обязательства по охране животных, которые лишь временно пребывают на его территории. Как справедливо отмечается в международно-правовой доктрине, мигрирующие виды диких животных требуют особой правовой охраны, поскольку они попадают под действие юридических режимов различных государств, и краеугольным камнем в системе их правовой охраны становятся международные договоры [9, 124].

Мигрирующие виды занимают особое место среди объектов животного мира. В соответствии с Конвенцией по сохранению мигрирующих видов диких животных (Бонн, 1979 г.), к ним относятся виды, популяции которых «периодически пересекают одну или несколько границ национальной юрисдикции» [10]. Для таких видов характерно, что в разные периоды своего жизненного цикла они могут находиться на территории различных государств, и эффективная охрана невозможна без международного сотрудничества. Как подчеркивается в юридической литературе, «мигрирующие виды диких животных как самостоятельный объект международно-правовой охраны приобретают все большее значение в системе сохранения биоразнообразия» [11, 312].

Для Республики Таджикистан, территория которой расположена на важных путях миграции многих видов птиц и некоторых млекопитающих, этот признак имеет особое практическое значение. Сезонные миграции охватывают такие виды, как перелетные птицы (гуси, утки, журавли, аисты), некоторые виды летучих мышей, а также копытные, совершающие вертикальные миграции в горных районах. Государство обязано обеспечивать охрану этих видов в период их пребывания на своей территории, включая сохранение мест остановок, зимовок и кормежки.

В рамках настоящего параграфа нашей выпускной квалификационной работы рассмотри также вопрос, касающийся объекта животного мира. Объектом животного мира, согласно законодательству Республики Таджикистан, признается организм животного происхождения (дикое животное). В доктрине экологического права под объектом животного мира понимается как отдельная особь, так и их совокупность (популяция), что имеет значение для определения режима охраны и использования.

Важное теоретическое значение имеет классификация животного мира по целевому назначению. Закон РТ «О животном мире» в ст. 4 подразделяет животный мир на следующие категории:

- редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных;
- виды животных, являющиеся объектом охоты;
- виды животных, являющиеся объектом рыболовства;
- виды животных, используемые в хозяйственных целях (кроме охоты и рыболовства);
- виды животных, не используемые в хозяйственных целях, но имеющие экологическую, культурную и научную ценность;
- виды животных, численность которых подлежит регулированию в целях охраны здоровья населения, профилактики заболеваний домашних и сельскохозяйственных животных, предотвращения нанесения ущерба окружающей среде, предупреждения

опасности нанесения существенного ущерба сельскохозяйственной деятельности.

Данная классификация имеет важное практическое значение, поскольку для каждой категории животных законодательством могут устанавливаться особые режимы охраны и использования. Особый правовой режим устанавливается для редких и находящихся под угрозой исчезновения видов, которые заносятся в Красную книгу Республики Таджикистан. Согласно определению, данному в Законе, Красная книга представляет собой совокупность сведений о редких, исчезающих или находящихся под угрозой исчезновения видах растительного и животного мира, разрабатываемых с целью введения режима их особой охраны и последующего воспроизводства (ст. 1 Закона).

Следует отметить, что важным элементом правовой охраны животного мира выступает охрана среды его обитания. Как отмечается в законодательстве, под средой обитания животного мира понимается природная среда, в которой объекты животного мира обитают в состоянии естественной свободы. Охрана среды обитания направлена на сохранение или восстановление условий устойчивого существования и воспроизводства объектов животного мира.

В юридической литературе справедливо обращается внимание на необходимость разграничения правового режима животных, находящихся в состоянии естественной свободы, и животных, изъятых из среды обитания либо содержащихся в неволе. Как указывается в научных исследованиях, «дикие животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, не могут выступать полноценными объектами гражданского оборота и практически исключены из сферы гражданско-правового регулирования» [4]. Напротив, объекты животного мира, изъятые из среды обитания в установленном порядке, могут находиться в частной, государственной, муниципальной или иных формах собственности, и отношения по владению, пользованию и распоряжению такими животными регулируются гражданским законодательством.

Значение животного мира как объекта правовой охраны многогранно и проявляется в различных аспектах:

В первую очередь, экологическое значение животного мира заключается в том, что он является неотъемлемым элементом биологического разнообразия Земли, важным регулирующим и стабилизирующим компонентом биосферы. Животные участвуют в поддержании экологического равновесия, в круговороте веществ и энергии, опылении растений, распространении семян, формировании почв.

Кроме этого, экономическое значение животного мира связано с его использованием в качестве источника получения материальных благ – продукции охоты, рыболовства, промысла. Животный мир является возобновляемым природным ресурсом, что при условии рационального использования позволяет получать экономическую выгоду без ущерба для его устойчивого существования.

Научное значение животного мира обусловлено его ролью в проведении фундаментальных и прикладных научных исследований. Изучение животных позволяет познавать законы эволюции, разрабатывать новые методы селекции, создавать генетические банки, сохранять генофонд.

Культурное, эстетическое и рекреационное значение животного мира проявляется в том, что животные являются объектами культурного наследия, вдохновляют художников и поэтов, служат объектами любительской охоты, рыболовства, фотографирования, наблюдения.

Генетическое значение животного мира заключается в сохранении генетических ресурсов – части биологических ресурсов, включающей генетический материал животного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности. Сохранение генофонда является важнейшей задачей, поскольку каждый вид животных обладает уникальным набором генов, представляющим ценность для настоящих и будущих поколений.

Подводя итог, можно сделать вывод, что животный мир как объект правовой охраны представляет собой совокупность диких животных, постоянно или временно обитающих на территории Республики Таджикистан в состоянии естественной свободы, характеризующуюся экологическим, экономическим, научным, культурным и генетическим значением и подлежащую особой правовой охране со стороны государства. Правовое регулирование охраны животного мира осуществляется с учетом классификации животных по категориям, что позволяет дифференцировать правовые режимы и обеспечивать

наиболее эффективную защиту различных видов животного мира.

Список литературы:

1. Быковский В.К. Правовые проблемы совершенствования законодательства об использовании и охране животного мира / В.К. Быковский // Современное право. – 2016. – № 8. – С. 38-41.
2. Веденин Н.Н. Животный мир: проблемы охраны и использования / Н.Н. Веденин // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – С. 40-47.
3. Волков И.К. Правовые режимы охраны животного мира и среды их обитания: вопросы дифференциации и единства / И.К. Волков // Экологическое право. – 2023. – № 4. – С. 45-49.
4. Дегтярева В.С. Классификация животных как объектов гражданских прав / В.С. Дегтярева // Материалы конференции Сибирского юридического университета. – Омск, 2023. – URL: https://conf.siblu.ru/klassifikaciya-zhivotnyh-kak-obektov-grazhdanskih-prav (дата обращения: 17.03.2026).
5. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2002. – Кн. 41, тит. 1, фр. 5. – 532 с.
6. Дойников П.И. Об изыскании правовой природы фаунистических правоотношений / П.И. Дойников // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 3. – С. 101-109.
7. Закон Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года № 1937 «О внесении изменений в Закон Республики Таджикистан «О животном мире» // Информационная система «Параграф». – URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=39558839 (дата обращения: 17.03.2026).
8. Калинин И.Б. Природоресурсное право: учебное пособие / И.Б. Калинин. – Томск: Изд-во Томского университета, 2009. – 310 с.
9. Колобов Р.Ю. Боннская конвенция как ключевой элемент международно-правовой охраны мигрирующих видов диких животных // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 3. – С. 120-128.
10. Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных (Бонн, 23 июня 1979 г.) // СПС «Гарант». – Ст. I.
11. Международное экологическое право: учебник / под ред. О.Л. Дубовик. – М.: Норма, 2021. – 512 с.
12. Методические рекомендации по определению условий неволи диких животных, содержащихся в искусственно созданной среде обитания: утв. Приказом Минприроды России от 12.05.2020 № 347 // СПС «КонсультантПлюс».

COOPERATIVE PROFITS AND THEIR DISTRIBUTION UNDER THE LEGISLATION OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Zeynallı Nihat Yusasif oghlu
2nd-year full-time postgraduate student of the Civil Law
Department of the Faculty of Law Baku State University,
AZ 1148, Azerbaijan Republic, Baku, Academician Zahid Khalilov str., 23
tel.: 994125390298, e-mail: nihatzeynall@yandex.com

ПРИБЫЛЬ КООПЕРАТИВОВ И ЕЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Зейналлы Нихат Юсасиф оглу
аспирант 2-го курса очного отделения кафедры
Гражданского права юридического факультета
Бакинский государственный университет,
AZ 1148, Азербайджанская Республика, г. Баку,
ул. Академика Захида Халилова, 23
тел.: 994125390298, e-mail: nihatzeynall@yandex.com

Аннотация. *Научная новизна данного исследования заключается в его всестороннем и интегрированном анализе распределения кооперативной прибыли, объединяющей в единых концептуальных рамках кооперативные принципы, правовую доктрину и налоговое законодательство Соединенных Штатов Америки. Разъясняется правовая природа кооперативной прибыли как прибыли, создаваемой его членами, и систематически объясняются необходимые условия для ее эффективного распределения как с правовой, так и с налоговой точки зрения*.

Annotation. *The scientific novelty of this study is its comprehensive and integrated analysis of cooperative profit sharing, which combines United States tax law, legal doctrine, and cooperative principles within a single conceptual framework. It clarifies the legal nature of cooperative profits as profits generated by members and systematically explains the necessary conditions for their efficient distribution from both a legal and tax perspective.*

Key words: *Cooperative law, profit sharing, membership shares, U.S. tax law, share-based distribution, cooperative taxation.*

Ключевые слова: *Кооперативное право, распределение прибыли, членские доли, налоговое право США, распределение на основе долей, налогообложение кооперативов.*

Introduction

The institution of cooperative ownership in the United States is a complex legal phenomenon, located at the intersection of corporate and property law. Unlike traditional forms of ownership, the cooperative model is characterized by a unique distribution of powers between the legal entity and its members. A cooperative in American law is defined as an association of persons united on the basis of membership to jointly conduct business activities, meet their needs, or provide services.

A key feature of the American cooperative ownership model is that ownership of the property (land, buildings, equipment) rests with the corporation itself, not its members. As noted in legal literature, a cooperative is typically established as a corporation that holds the fee title to the entire property.

The legal regulation of cooperative profits and distribution in the United States is based on a different conceptual framework that reflects the unique nature of cooperatives as member-oriented businesses rather than capital-oriented corporations. Unlike traditional businesses, where profits are distributed to shareholders based on their investments, U.S. cooperative law, governed primarily by Subchapter T of the Income Tax Code, defines profits as the net profit margin generated by members' participation and requires that these amounts be distributed in proportion to each member's use of the cooperative. This approach not only ensures fair distribution, but also adheres to fundamental cooperative principles such as mutual benefit, democratic control, and the subordination of capital to user interests, thus creating a legal and economic system that prioritizes participation over ownership.

The legal framework governing the distribution of cooperative net profits and patronage in the United States of America

US cooperative law recognizes profits not as a return on capital, but as a net profit margin earned by members' participation, and this profit margin must be distributed in accordance with cooperative principles of equality, reciprocity, and democratic control. This framework is primarily codified in Title T of the Income Tax Code (26 U.S.C. §§ 1381–1388) and is supported by federal regulations, Internal Revenue Service (IRS) guidance, and state cooperative laws [5, 36].

At the heart of this legal regime is the cost-transaction doctrine, which requires a cooperative to ultimately return to its members any income that exceeds the costs incurred in transactions with its members. In this context, the term "profit" is replaced by "net profit margin", emphasizing that these profits do not belong to the cooperative as an independent profit-maximizing entity, but rather are held on behalf of the members who produce them. This principle is deeply rooted in U.S. cooperative law and has been upheld in numerous federal court decisions, including Puget Sound Plywood, Inc. v. Commissioner (44 T.C. 305, 1965), in which the Tax Court identified the essential characteristics of a cooperative, including a low level of capital and activities for the mutual benefit of its members [1].

The main legal mechanism for distributing these net profit margins is the member share dividend (also called a member share discount). Under 26 U.S. Code § 1388(a), member share dividends are defined as the amount that a cooperative will distribute to a member, based on a pre-

existing obligation to distribute such amounts based on the amount or value of work done with or on behalf of that member, and based on the net profits the cooperative earns from its activities from member sources. This definition sets out three general legal requirements: (1) the existence of a binding obligation to distribute profit margins, usually set out in the cooperative's bylaws or membership agreements; (2) a proportional distribution based on the number of members rather than on capital contributions; and (3) a direct link between the amount distributed and the net profit generated by the related operations [2].

The main distinction in US law is between member income and non-member income. Member income arises from transactions directly related to the cooperative's primary function of serving its members, while non-member income includes profits from investments, non-member ventures, or incidental activities. Under subsection T, only member income can be distributed as member dividends and benefit from the associated tax deductions. In contrast, non-member income is generally subject to standard corporate tax and can be distributed at the discretion of the co-operative, often in a manner similar to traditional dividends. This distinction is reinforced by precedent decisions in IRS decisions, such as Farm Service Cooperative v. Commissioner (619 F.2d 718, U.S. 8th Circuit Court of Appeals 1980) [7].

In terms of taxation, Subdivision T establishes a single-tier taxation model, often described as a "pass-through" system, but structurally distinct from partnerships or S corporations. Under section 1382(b) of the 26 U.S. Code, cooperatives are permitted to deduct qualified member dividends from their gross income, thereby avoiding taxation at the corporate level on those amounts. Instead, the tax burden is passed on to members, who must include the amounts distributed in their taxable income. However, this favorable practice applies only if the distribution meets the definition of a qualified member stock dividend. If the cooperative does not meet these conditions—for example, if it has no prior liability or distributes amounts that are not related to member stock—the payments may be reclassified as non-deductible dividends, subject to double taxation [8].

US law also distinguishes between qualified and unqualified written distribution notices, which are mechanisms that allow cooperatives to distribute a portion of their profits to members while simultaneously retaining them. A qualified distribution notice allows a cooperative to deduct the amount distributed in the current tax year, provided that at least 20% of the distribution is paid in cash or its equivalent and the member agrees to include the entire amount in their taxable income. In contrast, nonqualified distributions defer member-level taxes until the amount is actually collected, but do not provide an immediate tax deduction for the cooperative. These mechanisms allow cooperatives to balance their liquidity needs with their obligation to distribute their earnings fairly.

Another important legal consideration is the form and timing of the distribution. Membership dividends can be paid in cash, in kind, or by written distribution notices and are generally distributed within a specified period (usually 8.5 months) after the end of the cooperative's tax year to take advantage of tax benefits. The cooperative is also required to comply with reporting obligations, including maintaining detailed records showing the calculation and distribution of net profit margins and providing IRS Form 1099-PATR to members who receive distributions in excess of legal limits [4].

In addition to federal tax laws, state cooperative laws play an important role in regulating profit sharing. While these laws vary by jurisdiction, they generally enforce the principles of proportional distribution, limited returns on capital, and member control. Many states impose restrictions on dividend payments on stock shares and often limit income to ensure that the cooperative remains primarily focused on users, not investors. State laws also regulate the creation of reserve funds that can be funded from retained earnings and used for expansion, risk management, or long-term sustainability [9].

The governance structure of cooperatives also affects how profits are managed and distributed. The board of directors, elected by the members, has the authority to determine the distribution and retention of net profits, subject to legal and statutory restrictions. Although cooperatives are required to distribute profits based on the number of members, they have the authority to retain a portion of net profits as retained earnings or reserves, particularly when necessary for capital investment or financial stability. This flexibility reflects the dual nature of cooperatives as both service-oriented and economically sustainable businesses [6].

In addition, U.S. cooperative law recognizes the importance of equal treatment among members and requires that distributions be made without discrimination and in proportion to each member's participation. Any deviation from this principle—for example, preferential treatment of

certain members—could jeopardize a cooperative's tax status and expose it to legal challenges. The U.S. Internal Revenue Service (IRS) and the courts have consistently emphasized that compliance with the proportionality requirement is essential to maintaining cooperative status under Subpart T. [3].

Conclusion

As a result, the US legal framework governing cooperative profits and distribution is characterized by a complex integration of tax law, corporate governance principles, and cooperative doctrine. By defining profits as the net income earned by members and requiring them to be distributed based on membership, the system ensures that economic benefits are fairly distributed among those who contribute to the cooperative's operations. At the same time, the law provides mechanisms for financial sustainability and allows cooperatives to protect their profits and manage capital effectively. This balance between equity and efficiency supports the unique role of cooperatives in the broader U.S. economic and legal landscape.

List of References.

1. 26 CFR § 1.1388-1 - Definitions and special rules (Latest version) [Electronic resource] // – Access Mode: https://www.law.cornell.edu/cfr/text/26/1.1388-1 (access date: 14.03.2026).
2. 26 U.S. Code § 1382 - Taxable income of cooperatives. (Latest version) [Electronic resource] // – Access Mode: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/1382 (access date: 14.03.2026).
3. Hodnette J. G. (2024). Taxation of Cooperatives Under Subchapter T. [Electronic resource] // – Access Mode: https://www.ncbarblog.com/tax-taxation-of-cooperatives-under-subchapter-t/ (access date: 15.03.2026).
4. IRS. (2025). Instructions for Form 1099-PATR (04/2025) [Electronic resource] // – Access Mode: https://www.irs.gov/instructions/i1099ptr (access date: 16.03.2026).
5. IRS. (2025). Tax-Exempt status for your organization. Publication 557 (Rev. 1-2025) Catalog Number 46573C, - 76 p.
6. Mayer B. (2008). Patronage Dividends: A Primer [Electronic resource] // – Access Mode: https://archives.grocer.coop/articles/patronage-dividends-primer (access date: 16.03.2026).
7. Roland F. H. (2024). Maintaining Cooperative Status Under Subchapter T: Requirements and Best Practices [Electronic resource] // – Access Mode: https://ahclaw.com/benefit-post/maintaining-cooperative-status-under-subchapter-t-requirements-and-best-practices/ (access date: 17.03.2026).
8. USLegal. (2024). Legal definition of patronage dividend [Electronic resource] // – Access Mode: https://legal-resources.uslegalforms.com/p/patronage-dividend (access date: 18.03.2026).
9. Wikipedia. (2024). Taxation of cooperative corporations in the United States [Electronic resource] // – Access Mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Taxation_of_cooperative_corporations_in_the_United_States (access date: 19.03.2026).

СЕКЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ: ОТ «СМЕШАННОГО» КРИТЕРИЯ К СВЯЗИ С ОБЪЕКТОМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Абдуллаев Джумахон Абдуджалилович

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: +992 881888815 e-mail: jumahon8888@mail.ru

CLASSIFICATION OF COERCIVE MEASURES: FROM THE "MIXED" CRITERION TO THE CONNECTION WITH THE OBJECT OF PROTECTION

Abdullaev Dzhumakhon Abdujalilovich

master's student of the 2-rd year of study of the faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: +992 881888815 e-mail: jumahon8888@mail.ru

***Аннотация**. Статья посвящена анализу проблем классификации мер принуждения в правовой системе и поиску более обоснованных критериев их разграничения. Рассматривается традиционный «смешанный» критерий классификации, сочетающий различные основания и выявляются его недостатки, связанные с неопределённостью и дублированием правовых категорий. Автор обосновывает необходимость перехода к более чёткому и системному подходу, основанному на связи мер принуждения с объектом обеспечения, то есть теми общественными отношениями и правовыми благами, на защиту которых они направлены. Предлагаемая модель классификации позволяет повысить логическую согласованность системы мер принуждения, упростить их применение и обеспечить более точное толкование норм права.*

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of the problems of classifying coercive measures within the legal system and to the search for more substantiated criteria for their differentiation. It examines the traditional "mixed" classification criterion, which combines various grounds, and identifies its shortcomings related to uncertainty and the duplication of legal categories. The author substantiates the need to move toward a clearer and more systematic approach based on the connection between coercive measures and the object of protection, that is, the social relations and legal values they are intended to safeguard. The proposed classification model makes it possible to enhance the logical coherence of the system of coercive measures, simplify their application, and ensure a more precise interpretation of legal norms.*

***Ключевые слова:** меры уголовно-процессуального принуждения, смешанный критерий, объект обеспечения, классификация.*

***Key words:** measures of criminal procedural coercion, mixed criterion, object of protection, classification.*

Уголовное судопроизводство призвано защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Реализация назначения уголовного процесса с неизбежностью связана с применением властно-распорядительных действий органами, осуществляющими производство по уголовным делам. Уголовно-процессуальное законодательство содержит комплекс средств, применяемых при наличии определенных оснований и условий к участникам уголовного процесса, нару шивших закон или добровольное подчинение закону которых вызывает сомнение. Такими средствами выступают меры принуждения, цель которых -предотвратить возможность лица скрыться от расследования или суда или другим образом воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Классификация мер принуждения является важным научным и практическим инструментом, позволяющим систематизировать различные формы государственного и правового воздействия. Она помогает выявить общие и отличительные признаки мер

принуждения, определить их место в правовой системе и облегчить их применение на практике.

Классификация представляет собой логическое деление множества мер принуждения на отдельные группы (виды и разновидности) по определённым основаниям или критериям. Основная цель классификации — упорядочить разнообразные меры принуждения, выделив между ними сходство и различия.

Особенность классификации мер принуждения состоит в том, что она:

- основана на объективных юридических признаках;
- позволяет выделить виды (крупные группы мер) и разновидности (более узкие подгруппы внутри вида);
- служит средством теоретического анализа и практического применения норм права.

В современной юридической науке проблема классификации мер принуждения остаётся дискуссионной и методологически значимой. Сложность данного вопроса обусловлена многообразием форм государственного принуждения, различиями в их целях, функциях и правовой природе. Традиционно в теории права применяется так называемый «смешанный» критерий классификации, который сочетает в себе несколько оснований — целевое назначение, функциональную направленность, субъектный состав и характер правовых последствий.

Однако использование «смешанного» критерия вызывает ряд обоснованных критических замечаний. Во-первых, он не обеспечивает чёткого разграничения между различными видами мер принуждения, что приводит к пересечению категорий и дублированию правовых конструкций. Во-вторых, множественность оснований классификации снижает её практическую ценность, затрудняя правоприменение и интерпретацию норм. В-третьих, подобный подход не всегда отражает сущностные характеристики мер принуждения и их место в системе правового регулирования. Меры уголовно-процессуального принуждения – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом процессуальные средства принудительного характера, применяемые в уголовном судопроизводстве органами дознания или следствия, а также судом в пределах предоставленных им полномочий и при наличии законных оснований в отношении подозреваемых, обвиняемых, и других лиц для предупреждения и пресечения неправомерных действий, в целях обеспечения установленного законом порядка уголовного судопроизводства. УПК РФ и УПК РТ предусматривает следующие виды мер уголовно-процессуального принуждения:

– задержание (гл. 12 УПК РФ, гл. 11 УПК РТ) – применяется в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, органом дознания, дознавателем, следователем;

– меры пресечения (гл. 13 УПК РФ., гл. 12 УПК РТ) – применяются дознавателем, следователем, а также судом в пределах предоставленных им полномочий к обвиняемому и в исключительных случаях – к подозреваемому;

– иные меры процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ., гл. 13 УПК РФ) – применяются дознавателем, следователем или судом к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю и другим участникам процесса.

Следует отметить, что система мер процессуального принуждения выделялась и рассматривалась в уголовно-процессуальной науке задолго до принятия УПКРФ в условиях действия УПК РСФСР 1960 г., в котором лишь меры пресечения выделялись в отдельную гл. 6, а остальные меры процессуального принуждения были рассредоточены по различным главам УПК.

Так, еще в 1978 г. З.Д. Еникеев «под мерами процессуального принуждения понимал реализуемые исключительно в рамках процессуальных отношений, в сочетании с убеждением, превентивные средства государственного принуждения, которые применяются органами расследования, прокуратуры и суда лишь при наличии достаточных к тому оснований, в строгом соответствии с законом и с точным соблюдением установленных процессуальных форм и гарантий к гражданам, вовлекаемым в уголовно-процессуальную деятельность, в целях предупреждения и пресечения неисполнения ими процессуальных и иных юридических обязанностей и создания нормальных условий для успешного осуществления задач уголовного судопроизводства» [4,15].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с

изменениями и дополнениями по состоянию на 24.12.2022 г.) включает в себя Раздел IV. Меры процессуального принуждения. Главу 11. Задержание лица, а также Главу 13. Иные меры процессуального принуждения [1].

Так, Всеобщая декларация прав человека еще в 1948 году, закрепляя право человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, поставила под запрет такие уничижающие институты как рабство, пытки, произвольные ареста и задержания [2].

Среди исследователей отсутствует единство мнений относительно мер уголовно - процессуального принуждения. К примеру, В.Ю. Мельников под ними предлагает понимать предусмотренные законом средства, которым присущ принудительный характер, которые применяются при наличии определённых оснований в отношении обвиняемых (подозреваемых) и иных лиц с целью предупреждать и пресекать незаконность их действий [7,119].

По справедливому замечанию большинства ученых в данной области, меры процессуального принуждения направлены на то, чтобы результативно обеспечивать уголовно - процессуальную деятельность. Несмотря на то, что учёные многократно обращались к изучению процессуального принуждения, до настоящего времени отсутствует единство в понимании данных мер и системе их организации. Наиболее популярной является позиция, согласно которой принуждение представлено мерами юридическо - правовой ответственности, защиты и превентивными мерами.

Ф.М. Кудин уголовно-процессуальные меры принуждения разделил на три группы: средства предупреждения (меры пресечения; задержание; обязательство о явке к следователю, прокурору, в суд и сообщение о перемене места жительства; принудительный привод обвиняемого без предварительного вызова; отстранение от должности); средства пресечения (привод обвиняемого, свидетеля, эксперта в случае их неявки по вызову следователя, прокурора или суда; удаление из зала суда участников судебного разбирательства и иных граждан за нарушение порядка в зале судебного заседания); средства обеспечения (обыск, выемка; освидетельствование; помещение в медицинское учреждение для стационарного наблюдения; получение образцов для сравнительного исследования; наложение ареста на имущество в целях обеспечения возмещения материального ущерба или возможной конфискации имущества) [5,68-74].

В настоящее время многие исследователи в уголовно - процессуальной науке предлагают множество критериев квалификации мер уголовно - процессуального принуждения. Одни авторы, в предложенных группах квалификации, по своей сути, дублируют основные квалификационные признаки, другие - полагают, что признак принудительной изоляции обвиняемого (подозреваемого) должен быть критерием для классификации мер уголовно - процессуального принуждения. На наш взгляд, не следует сводить лишь к обвиняемому (подозреваемому) круг субъектов, подвергающихся применению мер принудительного воздействия. В тоже время, следует признать, что к подозреваемому или обвиняемому, в сравнении с остальными участниками уголовного судопроизводства, применяются наиболее жесткие меры принуждения, влекущие за собой ограничение свободы и неприкосновенности личности в виде задержания или избрания в качестве меры пресечения содержание под стражей (ареста) или ограничение передвижения (подписка о невыезде, домашний арест).

На основании вышеизложенного можно говорить о том, что классификация мер уголовно - процессуального принуждения подразделяется по различным критериям.

Вместе с тем, автор статьи считает, что верной квалификацией мер уголовно - процессуального принуждения следует считать ту, которая предложена законодателем и закреплена в разделе IV уголовно - процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), IV уголовно - процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее - УПК РТ).

Так, Мизулина Е. Б. отмечает, что «…на смену уголовному судопроизводству как средству борьбы с преступностью приходит уголовное судопроизводство как система гарантий прав граждан: во-первых, тех, кто преследуется, во-вторых, чьи права и законные интересы нарушены, в-третьих, тех, кто в силу закона занимается уголовным преследованием, чьи права, обязанность и ответственность должны быть четко и без двойных трактовок определены в законе [6 ,5]».

Применение мер процессуального принуждения способствуют комплексному расследованию дела, однако их применение, а равно ограничение конституционных прав

человека, возможно только при наличии определенных условий. Во-первых, меры процессуального принуждения применяются только в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и только по возбужденному уголовному делу. Применение мер процессуального принуждения на доследственной стадии уголовно-процессуальным законодательством ограничено. Во-вторых, меры процессуального принуждения применяются только уполномоченными на то лицами. К данному кругу лиц относятся дознаватель, следователь и судья. В-третьих, должны наличествовать определенные условия, без которых применение мер процессуального принуждения не может являться законным. В-четвертых, меры процессуального принуждения применяются только в отношении лиц, чей круг четко определен в УПК РФ.

Однако, отметим, что принятие решения о применении меры пресечения на практике также зависит от тяжести совершенного преступления. Так, мера пресечения в виде заключения под стражу не назначается, если санкция статьи особенной части Уголовного кодекс РФ (далее по тексту — УК РФ) не предусматривает наказания в виде лишения свободы. При этом ранее уголовно-процессуальное законодательство содержало норму, которая прямо указывала на то, что заключение под стражей применяется в зависимости от тяжести преступления. Факты, лежащие в обоснование наличия основания для избрания меры пресечения отвечать признакам достаточности, относимости и допустимости, поскольку мера пресечения, хоть и не является непосредственным уголовным наказанием, однако по характеру воздействия на прав свободы и личной неприкосновенности соизмерима с ними, следовательно, и факты, лежащие в обоснование применения мер пресечения должны отвечать основным признакам доказательств.

При этом одни авторы утверждают, что для применения меры пресечения помимо вероятности ненадлежащего поведения, обвиняемого или подозреваемого лица, также должны быть обстоятельства, бесспорно уличающие обвиняемого в совершении преступления. Однако, по нашему мнению, решение о том, что лицо бесспорно «уличено» в совершении преступления, принимается судом при вынесении обвинительного приговора, в свою очередь, орган предварительного следствия, как стороны обвинения в состязательном процессе лишь выносит перед судом утверждение о том, что лицо виновно в совершении преступление. Данное утверждение предоставляется в виде обвинительного заключения, но не в виде постановления о возбуждении перед судом ходатайства о применение той или иной меры пресечения.

Так, статья 97 УПК РФ содержит перечень оснований для избрания меры пресечения, которые были отмечены нами выше, также статья 99 УПК РФ содержит открытый перечень обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, к ним законодатель относит тяжесть предъявленного обвинения, данные о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. В ходе расследования уголовного дела одна мера пресечения может быть заменена иной, исходя из необходимости обеспечения нормальной уголовно-процессуальной деятельности. При этом, авторы отмечают, что мера пресечения может также являться и мерой ответственности, например, в случае если подозреваемый или обвиняемый совершают нарушение. Так, например, если подозреваемое лицо нарушает условия подписки о невыезде, то мера пресечения может быть заменена на более строгую.

Основания избрания меры пресечения напрямую связаны с понятием назначения мер пресечения, так Коврига З. Ф. в качестве прямого назначения мер пресечения отмечает: «…предупреждение, при наличии необходимости, поведения лиц, обвиняемых, подозреваемых, в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального законодательства с целью создания оптимальных условий для полного, всестороннего и объективного процесса по уголовному делу; принятия справедливого решения; обеспечения реализации прав и обязанностей виновных в совершении противоправного деяния; реализация прав и законных интересов иных субъектов уголовного судопроизводства, пресечения дальнейшего неправильного поведения виновных, восстановления прав потерпевших от преступления»

В связи с этим в научной литературе всё более обоснованным представляется переход к иному методологическому основанию классификации — связи мер принуждения с объектом обеспечения. Под объектом обеспечения понимаются общественные отношения, правовые блага и интересы, на защиту и охрану которых направлены соответствующие меры. Такой

подход позволяет выявить внутреннюю логику применения принудительных средств и соотнести их с конкретными сферами правового регулирования.

Классификация на основе объектного критерия способствует более чёткому разграничению мер принуждения, поскольку каждая группа определяется через конкретный защищаемый объект (например, общественный порядок, безопасность, имущественные отношения, права и свободы личности). Это, в свою очередь, обеспечивает системность и непротиворечивость правовой конструкции, устраняет дублирование и повышает эффективность правоприменительной деятельности.

Кроме того, объектный подход позволяет учитывать функциональную направленность мер принуждения без необходимости искусственного объединения различных критериев. Он способствует более точному определению правовой природы конкретной меры, а также её места в механизме правового регулирования.

Таким образом, переход от «смешанного» критерия к классификации, основанной на связи с объектом обеспечения, представляется обоснованным и перспективным направлением развития теории государственного принуждения. Данный подход способствует повышению теоретической ясности, практической применимости и внутренней согласованности системы мер принуждения.

При этом иные авторы, определяя цели мер пресечения и их назначение, сводят опять же к одним и тем же определениям, которые включают в себя такие цели, как «…предупреждение и пресечение преступной деятельности подозреваемого и обвиняемого, воспрепятствование его сокрытию от органов расследования и суда, устранение его неправомерного противодействия установлению объективной истины по делу, обеспечение личной и имущественной безопасности участников процесса, исполнение приговора (обеспечение применения к обвиняемому мер уголовного наказания, взыскание с него материального ущерба за причиненный преступлением вред) [5,71]».

Отметим, что иное определение целей и назначения мер пресечения нецелесообразно, поскольку уголовно-процессуальный закон содержит исчерпывающий перечень оснований для применения мер пресечения, исходя из которого можно сделать вывод о целях избрания мер пресечения. Любое иное расширительное толкование назначения мер пресечения невозможно, поскольку сам уголовно-процессуальный закон построен таким образом, что нормы, ограничивающие права и свободы человека четко определены и расширительному толкованию не поддаются, в отличие от норм, которые направлены на расширение прав лица, которые, как правило, трактуют «все сомнения в пользу обвиняемого лица». В случае отсутствия основания для избрания меры пресечения у подозреваемого или обвиняемого избирается обязательство о явке, согласно которому лицо обязуется своевременно являться в орган предварительного следствия по вызову должностного лица, а также сообщать своевременно о смене постоянного места жительства. В случае если лицо нарушает условия обязательства о явке, то в отношении него избирается мера пресечения.

Таким образом, понятие мер пресечения можно определить следующим образом: «меры пресечения — это закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве меры процессуального принуждения, характеризующиеся ограничением прав и свобод обвиняемого или подозреваемого, применяемые при наличии достаточных оснований, с учетом таких обстоятельств как тяжесть предъявленного обвинения, данные о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства…». Исходя из понятия мер пресечения можно определить два их основных признака.

Так, во-первых, меры пресечения являются одним из видов мер процессуального принуждения наряду с задержанием подозреваемого лица и иными мерами процессуального принуждения. Во-вторых, меры процессуального принуждения, в том числе и меры пресечения, могут применяться только в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством в ходе расследования уголовного дела уполномоченными на то лицами. В-третьих, основания и порядок применения меры пресечения четко определены в уголовно-процессуальном законодательстве и расширительному законодательству не поддаются.

Как известно, уголовно-процессуальная функция – это установленный уголовно-процессуальным законом вид деятельности того или иного участника уголовного судопроизводства, обусловленный его ролью, задачами и целью участия в деле.

Сущность мер принуждения заключается в том, что государство использует властные полномочия для обеспечения правопорядка, защиты прав и свобод граждан, предотвращения правонарушений и наказания виновных.

То есть главная идея — обеспечить выполнение закона, когда добровольное соблюдение не происходит.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.)
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Библиотечка Российской газеты, 1999 г. — № 22–23.
3. Андреева О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // «Журнал российского права», N 2, 2005 — С. 34.
4. Еникеев З. Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. — Уфа, 1978. — С.15.
5. Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. - Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. - С. 68—74.
6. Мизулина Е.Б. Новое уголовное производство – надёжная система гарантий прав граждан // Библиотека «Российской газеты». Вып. № 58. М., 2002. - С. 5.
7. Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: дис. …канд. юрид. наук /В.Ю. Мельников. - М., 2014. – 119.

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Абдуллобекзода Темурмалик Абдуллобек
Старший научный инспектор по международным связям
научно-исследовательского отдела
Академии МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., капитан милиции
734012, г. Душанбе, ул. Мастонгулов, 3
тел.: + (992)988614713 E-mail: temurmalik.abdullobekzoda@bk.ru

Каримзода Абдурахмон Умар
курсант 1-го курса, факультета №2, 111 группы
Академии МВД Республики Таджикистан,
734012, г. Душанбе, ул. Мастонгулов, 3
тел.: + (992)911373717, e-mail: karimzoda07@mail.ru

PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND PUBLIC SAFETY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Авdullовekzoda Temurmalik Авdullовek
Senior Scientific Inspector for International Relations
Research Department of the Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan,
candidate of law Sciences police Captain
734012, Dushanbe, st. Mastongulov, 3
tel.: + (992)988614713, e-mail: temurmalik.abdullobekzoda@bk.ru

Karimzoda Авduraxmon Umar
1st year student, Faculty No. 2, Group 111
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan,
734012, Dushanbe, Mastongulov Street, 3
tel.: + (992)911373717, e-mail: karimzoda07@mail.ru

Аннотация. *Настоящая статья посвящена комплексному рассмотрению правовых основ, институциональной структуры, методов и актуальных проблем охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Республике Таджикистан. Авторский подход предполагает сочетание нормативно-правового и институционального анализа с оценкой практических аспектов деятельности органов внутренних дел, прокуратуры, судебной системы и иных субъектов правоохранительной деятельности.*

Annotation. *This article provides a comprehensive review of the legal framework, institutional structure, methods, and current issues related to the protection of public order and public safety in the Republic of Tajikistan. The author's approach combines legal and institutional analysis with an assessment of the practical aspects of the activities of internal affairs agencies, the prosecutor's office, the judicial system, and other law enforcement entities.*

Ключевые слова: *охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, закон Республики Таджикистан, конституция.*

Keywords: *protection of public order, ensuring public safety, the law of the Republic of Tajikistan, and the Constitution.*

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности представляют собой одну из приоритетных функций государства, без надлежащего исполнения которой невозможно гарантировать нормальную жизнедеятельность общества, защиту прав и свобод граждан, а также устойчивое социально-экономическое развитие страны. Для Республики Таджикистан данная проблематика обладает особой актуальностью, обусловленной как внутренними факторами — социально-экономическими трансформациями, демографическими процессами, региональной спецификой, — так и внешними вызовами, включая угрозы международного терроризма, наркотрафика и трансграничной организованной преступности [1].

С момента провозглашения государственной независимости в 1991 году Таджикистан прошёл сложный путь государственного строительства, в том числе в сфере формирования институтов правопорядка. Гражданская война 1992–1997 годов нанесла серьёзный урон государственным структурам и правоохранительной системе. В последующие годы страна последовательно восстанавливала и реформировала органы охраны общественного порядка, ориентируясь как на собственные правовые традиции, так и на международные стандарты в области безопасности и прав человека.

Правовую базу охраны общественного порядка в Республике Таджикистан образует многоуровневая система нормативных правовых актов, возглавляемая Конституцией Республики Таджикистан 1994 года (с последующими изменениями и дополнениями). Конституция закрепляет обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина, а также устанавливает конституционные основы организации и деятельности правоохранительных органов.

Ключевыми законодательными актами в данной сфере выступают: Закон Республики Таджикистан «О полиции», определяющий правовые основы деятельности органов внутренних дел, их полномочия, права и обязанности сотрудников; Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», регулирующий методы негласного выявления и раскрытия преступлений; Закон «О прокуратуре Республики Таджикистан», устанавливающий надзорные функции прокуратуры за соблюдением законности; а также Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях, кодифицирующий составы административных деликтов в сфере общественного порядка и меры ответственности за них [2].

Важное место в системе источников правового регулирования занимают указы Президента Республики Таджикистан, постановления Правительства, приказы Министерства внутренних дел, а также межведомственные нормативные акты. Таджикистан является участником ряда международных конвенций и договоров в области безопасности, борьбы с терроризмом и организованной преступностью, что обусловливает необходимость имплементации международно-правовых норм во внутреннее законодательство.

В последние годы значимым направлением правового развития стала цифровизация регулирования: приняты нормативные акты, регламентирующие применение технических средств наблюдения, видеофиксации нарушений, электронного

документооборота в деятельности правоохранительных органов. Это свидетельствует о поступательном движении Таджикистана к современным стандартам правоохранительного регулирования [3].

Система органов, осуществляющих охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в Республике Таджикистан, отличается разветвлённостью и много субъектностью. Центральное место в ней занимает Министерство внутренних дел (МВД), которое осуществляет руководство органами внутренних дел на всей территории страны, координирует деятельность территориальных подразделений полиции, патрульно-постовой службы, дорожной полиции, службы участковых уполномоченных и иных структурных звеньев.

Наряду с МВД существенную роль в сфере обеспечения безопасности играет Государственный комитет национальной безопасности (ГКНБ) Республики Таджикистан, в компетенцию которого входят контрразведывательная деятельность, борьба с терроризмом и экстремизмом, защита конституционного строя. Взаимодействие МВД и ГКНБ осуществляется на основе разграничения полномочий и принципа скоординированности действий при обеспечении государственной и общественной безопасности.

Прокуратура Республики Таджикистан осуществляет надзор за законностью в деятельности органов внутренних дел, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности. Прокурорский надзор выступает важной гарантией соблюдения прав граждан при применении мер государственного принуждения в сфере охраны общественного порядка. Суды, в свою очередь, обеспечивают судебный контроль за законностью задержания, ареста, обысков и иных ограничительных мер, применяемых в ходе правоохранительной деятельности [4].

На местном уровне значительную роль играют органы исполнительной власти — местные хукуматы (администрации), которые в рамках своих полномочий содействуют охране общественного порядка на подведомственных территориях, организуют взаимодействие с органами самоуправления граждан, обеспечивают координацию профилактической работы. В ряде населённых пунктов действуют добровольные народные дружины, оказывающие содействие органам полиции [5].

Деятельность по охране общественного порядка в Республике Таджикистан осуществляется посредством комплекса методов, включающих административные, оперативно-розыскные, уголовно-процессуальные, профилактические и воспитательные меры. Административные методы охватывают патрулирование территорий, контроль за соблюдением паспортного режима, разрешительную деятельность в отношении объектов, деятельность которых связана с оборотом товаров, потенциально опасных для общественного порядка (оружие, взрывчатые вещества, алкогольная продукция и др.).

Особое место занимает профилактика правонарушений — важнейшее направление, позволяющее снизить уровень противоправных проявлений до возникновения реального ущерба. Профилактическая работа включает индивидуальную работу с лицами, склонными к совершению правонарушений, взаимодействие с семьёй, образовательными учреждениями, общественными организациями, проведение разъяснительных мероприятий среди населения. В условиях Таджикистана, где традиционные общественные институты — семья, махалля (квартальная община) — сохраняют высокий авторитет, данное направление обладает значительным потенциалом.

В рамках борьбы с организованной преступностью и наркотрафиком активно применяются оперативно-розыскные методы. Таджикистан граничит с Афганистаном — крупнейшим мировым производителем опиатов, что обусловливает высокую актуальность противодействия лиц, занимающихся наркотическими средствами. Органы внутренних дел совместно с ГКНБ, пограничными войсками и Агентством по контролю за наркотиками осуществляют комплексные мероприятия по пресечению каналов наркотрафика, задержанию перевозчиков и организаторов преступных сетей [6, 123].

Обеспечение общественного порядка при проведении массовых мероприятий — спортивных, культурных, религиозных праздников — является отдельным направлением деятельности органов внутренних дел. Для этого задействуются специализированные подразделения с применением средств оцепления, контроля толпы, а при необходимости — специальных технических средств. В условиях растущей урбанизации обеспечение порядка в

городской среде приобретает всё большее значение [7, 96].

Несмотря на достигнутые успехи в построении правоохранительной системы, Республика Таджикистан продолжает сталкиваться с рядом серьёзных проблем в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности. Первостепенной по-прежнему остаётся угроза религиозного экстремизма и терроризма. Часть граждан Таджикистана в разные годы примкнула к международным террористическим организациям, в том числе действовавшим на территории Сирии, Ирака и Афганистана. Противодействие радикализации молодёжи требует скоординированных усилий государства, гражданского общества и религиозных структур [8, 12-19].

Проблема наркотрафика, как уже отмечалось, носит структурный и трансграничный характер. Несмотря на значительные усилия таджикских правоохранителей и их международных партнёров, потоки афганских наркотиков через территорию страны сохраняются, оказывая деструктивное воздействие на общественный порядок, здоровье населения и государственные институты. Коррупционная составляющая данной проблемы снижает эффективность противодействия наркотрафику [9].

Коррупция в правоохранительных органах остаётся одним из наиболее острых вызовов. Низкий уровень денежного довольствия сотрудников полиции, недостаточная прозрачность внутриведомственных процедур, слабость механизмов гражданского контроля создают условия для злоупотреблений служебным положением. Борьба с коррупцией требует комплексного подхода, включающего повышение оплаты труда, ужесточение дисциплинарной и уголовной ответственности, развитие антикоррупционных институтов и укрепление независимости судебной системы.

Среди иных актуальных проблем следует выделить: недостаточный уровень технической оснащённости ряда подразделений органов внутренних дел; нехватку квалифицированных кадров в отдалённых районах страны; сложности с правовым регулированием киберпространства в условиях быстрого роста числа интернет-пользователей; а также необходимость постоянной адаптации правоохранительной практики к меняющимся формам преступности [10].

Дальнейшее развитие системы охраны общественного порядка в Республике Таджикистан предполагает реализацию комплекса мер по нескольким ключевым направлениям. Важнейшим из них является цифровизация правоохранительной деятельности: внедрение систем видеонаблюдения в общественных местах, автоматизированных баз данных, электронных сервисов для граждан, а также платформ межведомственного информационного обмена. Цифровые технологии способны существенно повысить оперативность и эффективность реагирования на правонарушения, а также обеспечить более высокий уровень прозрачности деятельности органов правопорядка.

Не менее актуальна задача совершенствования кадровой политики: повышения профессионального уровня сотрудников органов внутренних дел путём модернизации системы профессиональной подготовки и переподготовки, внедрения современных образовательных программ, в том числе с зарубежным компонентом. Развитие института участковых уполномоченных полиции как ключевого звена взаимодействия полиции с местным сообществом также является стратегически значимым.

Международное сотрудничество в сфере безопасности остаётся важным ресурсом для Таджикистана. Страна активно участвует в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в части обмена информацией об угрозах, совместных учений и координации усилий по борьбе с терроризмом и организованной преступностью. Развитие двустороннего сотрудничества с государствами Центральной Азии, Россией, а также с западными партнёрами в рамках программ технической помощи расширяет возможности для модернизации правоохранительной системы.

Правозащитное измерение реформ предполагает укрепление механизмов общественного контроля над деятельностью правоохранительных органов, развитие институтов Уполномоченного по правам человека, совершенствование процедур рассмотрения жалоб граждан на действия сотрудников полиции. Приведение практики органов охраны порядка в полное соответствие с международными стандартами в области прав человека является неотъемлемым условием легитимности и эффективности правоохранительной деятельности.

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности являются фундаментальными функциями государства, от качественного исполнения которых непосредственно зависит благополучие граждан и стабильность общества. Республика Таджикистан за прошедшие десятилетия создала базовую институциональную и правовую инфраструктуру в данной сфере, однако процесс её совершенствования продолжается и требует постоянного внимания как государства, так и гражданского общества.

Ключевыми направлениями дальнейшего развития остаются: углубление правовой реформы, цифровая трансформация правоохранительной деятельности, системная работа по противодействию коррупции, укрепление превентивных механизмов профилактики правонарушений, расширение международного сотрудничества в сфере безопасности. Реализация данных задач требует политической воли, достаточного ресурсного обеспечения и выстраивания конструктивного диалога между государством и обществом.

Устойчивый общественный порядок и надёжная общественная безопасность — необходимые условия для привлечения инвестиций, развития туризма, повышения качества жизни населения и в конечном счёте — достижения целей устойчивого развития, к которым стремится Республика Таджикистан. Правоохранительная система страны, опираясь на богатые традиции таджикской государственности и лучшие мировые практики, способна обеспечить достойный уровень безопасности для своих граждан.

Список литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан 1994 года (с изменениями и дополнениями). — Душанбе: Шарки озод, 2016.
2. Закон Республики Таджикистан «О полиции» от 17 мая 2004 года № 35. — Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004.
3. Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 25 марта 2011 года № 687.
4. Закон Республики Таджикистан «О прокуратуре Республики Таджикистан» от 25 июля 2005 года № 107.
5. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 года № 455.
6. Раджабов С.А. Правоохранительные органы Республики Таджикистан: история и современность. — Душанбе: Ирфон, 2019. — 284 с.
7. Нурматов А.Х. Административно-правовые основы охраны общественного порядка в Таджикистане. — Душанбе: КТГУ, 2021. — 196 с.
8. Ботиров М.М. Противодействие наркотрафику в Центральной Азии: таджикский опыт // Вестник Академии МВД РТ. — 2022. — № 3. — С. 12–19.
9. ОБСЕ. Отчёт по оценке сектора безопасности Республики Таджикистан. — Вена: ОБСЕ, 2020.
10. ООН. Доклад Управления ООН по наркотикам и преступности: Таджикистан. — Нью-Йорк: ЮНОДК, 2023.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Азизи Хабибулло Парвиззода
магистрант 2-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

THEORETICAL AND LEGAL BASIS OF THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Azizi Khabibullo Parvizzoda
master of the 2nd year full-time Department of Criminal Procedure and Forensics
of the Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan.
tel: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

***Аннотация**. В статье исследуются теоретические и правовые основы принципа презумпции невиновности как фундаментального начала уголовного судопроизводства Республики Таджикистан. На основе анализа Конституции Республики Таджикистан, Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, а также доктринальных источников рассматривается генезис данного принципа, его нормативное закрепление и структурные элементы. Особое внимание уделяется содержательной характеристике каждого из пяти элементов презумпции невиновности, их взаимосвязи и практическому значению для обеспечения прав личности в уголовном процессе. Автором обосновывается вывод о том, что презумпция невиновности выступает не только процессуальной гарантией прав обвиняемого, но и объективным правовым положением, определяющим характер деятельности всех участников уголовного судопроизводства. Формулируются предложения, направленные на дальнейшее совершенствование механизма реализации данного принципа в правоприменительной практике Республики Таджикистан.*

***Annotation.** This article examines the theoretical and legal foundations of the presumption of innocence as a fundamental principle of criminal proceedings in the Republic of Tajikistan. Based on an analysis of the Constitution of the Republic of Tajikistan, the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, and doctrinal sources, the author examines the genesis of this principle, its normative codification, and structural elements. Particular attention is paid to the substantive characteristics of each of the five elements of the presumption of innocence, their interrelationships, and their practical significance for ensuring individual rights in criminal proceedings. The author substantiates the conclusion that the presumption of innocence serves not only as a procedural guarantee of the rights of the accused but also as an objective legal provision determining the nature of the activities of all participants in criminal proceedings. Proposals are formulated aimed at further improving the mechanism for implementing this principle in law enforcement practice in the Republic of Tajikistan.*

***Ключевые слова:** презумпция невиновности, уголовный процесс, принципы уголовного судопроизводства, обвиняемый, доказывание, толкование сомнений, обязанность доказывания, приговор суда.*

***Keywords:** presumption of innocence, criminal procedure, principles of criminal procedure, accused, proof, interpretation of doubt, burden of proof, court verdict.*

В системе принципов уголовного судопроизводства особое место занимает презумпция невиновности. Являясь межотраслевым правовым институтом, она пронизывает все стадии уголовного процесса, определяя правовое положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и характер деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Как справедливо отмечает российский процессуалист Кирьянов А.Ю., «презумпция невиновности – это не просто декларация, а работающий правовой механизм, который обязывает всех участников уголовного процесса исходить из того, что обвиняемый невиновен до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и признана вступившим в законную силу приговором суда» [8,151].

Для правовой системы Республики Таджикистан, вставшей на путь построения демократического правового государства, значение презумпции невиновности трудно переоценить. Данный принцип выступает одной из ключевых гарантий прав личности в ее отношениях с государством в лице правоохранительных органов. В связи с этим теоретическое осмысление содержания презумпции невиновности, анализ ее нормативного закрепления и проблем реализации приобретают особую актуальность.

Если раскрыть правовое значение данного принципа, то принцип презумпции невиновности получил свое закрепление на высшем законодательном уровне в части 1 статьи 20 Конституции Республики Таджикистан, которая гласит: «Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу».

Данная конституционная норма имеет учредительный характер и выступает отправной точкой для развития отраслевого законодательства в данной сфере [2].

Дальнейшую конкретизацию принцип презумпции невиновности получает в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее УПК РТ). Часть 2 статьи 7 УПК РТ относит презумпцию невиновности к числу основных принципов уголовного судопроизводства, а статья 15 УПК РТ раскрывает ее содержание применительно к деятельности правоохранительных органов, расследующих и разрешающих уголовные дела.

Принцип презумпции невиновности имеет не только большое значение на локальном уровне, формирование презумпции невиновности как общепризнанного правового принципа имеет длительную историю развития. В европейской правовой традиции одним из первых документов, закрепивших данное положение, стала французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года. В статье 9 указанного акта провозглашалось, что каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, считается невиновным, пока его вина не будет установлена в судебном. Данная формулировка впоследствии оказала существенное влияние на развитие уголовно-процессуального законодательства многих государств.

Подлинное международно-правовое признание рассматриваемый принцип получил в середине XX века. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, закрепила в статье 11 положение, согласно которому каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты. Анализ данной нормы позволяет выделить два важных аспекта: во-первых, она устанавливает объективное правовое положение лица в уголовном судопроизводстве, а во-вторых, закрепляет субъективное право обвиняемого самостоятельно определять свою процессуальную позицию [6,97].

Переходя к анализу статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан позволяет выделить в структуре принципа презумпции невиновности пять основных элементов, каждый из которых имеет самостоятельное значение и вместе с тем находится в неразрывной связи с другими элементами.

Первый элемент – положение о том, что никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу. Данный элемент выступает системообразующим, поскольку именно он дает название всему принципу. Как отмечает И.В. Волкова, «это правило определяет момент, с которого лицо может считаться виновным, и исключает возможность признания лица виновным до судебного решения» [5,251].

Важно подчеркнуть, что законодатель связывает момент признания лица виновным не с провозглашением приговора, а с моментом вступления его в законную силу. Данное уточнение имеет принципиальное значение, поскольку приговор суда первой инстанции может быть обжалован сторонами, и до рассмотрения жалобы вышестоящим судом он не вступает в законную силу. На протяжении всего этого периода лицо продолжает считаться невиновным со всеми вытекающими правовыми последствиями.

Второй элемент – обязанность доказывания обвинения возлагается на обвинителя. Данное положение конкретизирует распределение бремени доказывания в уголовном процессе. Из презумпции невиновности логически вытекает, что не обвиняемый должен доказывать свою невиновность, а обвинитель – доказать виновность лица. Как справедливо указывает М.С. Строгович, «презумпция невиновности означает, что обвиняемый не виновен, пока не доказано обратное, а доказывание обратного – виновности обвиняемого – лежит на том, кто утверждает, что обвиняемый виновен, т.е. на обвинителе» [9, 143].

В правоприменительной практике данный элемент означает, что органы предварительного расследования, прокурор обязаны собрать достаточную совокупность доказательств, подтверждающих виновность лица. Невыполнение этой обязанности влечет невозможность постановления обвинительного приговора.

Третий элемент – подозреваемый, обвиняемый и подсудимый не обязаны доказывать свою невиновность. Данное положение является логическим продолжением предыдущего и

выступает важнейшей гарантией права на защиту. Лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, вправе давать показания, представлять доказательства, заявлять ходатайства, однако оно не может быть принуждено к этому, и отказ от реализации указанных прав не может расцениваться как доказательство виновности.

Процессуалист А.Ю. Кирьянов обращает внимание на то, что «данный элемент презумпции невиновности тесно связан с конституционным правом не свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников» [8,151]. Действительно, если бы на обвиняемого возлагалась обязанность доказывать свою невиновность, право хранить молчание утратило бы всякий смысл.

Четвертый элемент – все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РТ, толкуются в пользу обвиняемого. Данное правило, известное еще римскому праву как in dubio pro reo, имеет важнейшее практическое значение. Оно означает, что, если в ходе судебного разбирательства не удалось с достоверностью установить виновность лица, при этом все законные способы собирания и проверки доказательств исчерпаны, суд обязан вынести оправдательный приговор.

А.В. Гриненко справедливо отмечает, что «толкование сомнений в пользу обвиняемого – это не проявление снисхождения к лицу, привлекаемому к ответственности, а реализация объективного требования, вытекающего из презумпции невиновности: поскольку вина не доказана, лицо должно считаться невиновным» [6, 97].

Пятый элемент – обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Данное положение устанавливает минимально допустимый стандарт доказанности обвинения. Выводы суда о виновности лица должны основываться на достоверных, проверенных и оцененных в совокупности доказательствах. Любые предположения, догадки, вероятностные умозаключения не могут служить основанием для признания лица виновным.

Значение презумпции невиновности для уголовного процесса трудно переоценить. Данный принцип выполняет несколько важнейших функций.

Во-первых, он выступает гарантией прав личности в уголовном процессе. Как отмечает А.С. Барабаш, «презумпция невиновности создает такой правовой режим, при котором лицо, подвергаемое уголовному преследованию, находится под защитой закона, а государство обязано доказать его виновность, прежде чем подвергнуть мерам уголовной ответственности» [3, 208].

Во-вторых, презумпция невиновности определяет характер деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Должностные лица, осуществляющие производство по делу, обязаны исходить из того, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый является невиновным, и их процессуальная деятельность должна быть направлена на объективное исследование обстоятельств дела, а не на подтверждение заранее сделанного вывода о виновности.

В-третьих, презумпция невиновности имеет важное воспитательное и предупредительное значение, формируя в общественном сознании уважительное отношение к правам человека и принципу справедливости правосудия.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Принцип презумпции невиновности занимает центральное место в системе принципов уголовного судопроизводства Республики Таджикистан. Закрепленный на конституционном уровне (ч. 1 ст. 20 Конституции РТ) и детализированный в отраслевом законодательстве (ч. 2 ст. 7 и ст. 15 УПК РТ), данный принцип определяет правовое положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, на всех стадиях процесса – от возбуждения уголовного дела до вступления приговора в законную силу.

Анализ содержания презумпции невиновности позволяет выделить в ее структуре пять взаимосвязанных элементов: 1) правило о моменте признания лица виновным; 2) возложение обязанности доказывания на обвинителя; 3) освобождение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого от обязанности доказывать свою невиновность; 4) толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого; 5) недопустимость обоснования обвинительного приговора предположениями.

Каждый из указанных элементов имеет самостоятельное значение и вместе с тем находится в неразрывной связи с другими, образуя целостную систему гарантий прав личности в уголовном процессе. Нарушение любого из этих элементов влечет нарушение

презумпции невиновности в целом и может служить основанием для отмены судебных решений.

Список литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: принята 06.11.1994 г.: (в ред. от 22.05.2016 г.). — Режим доступа: http://base.mmk.tj/law/ak/289/. (дата обращения 15.03.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://www.mmk.tj. (дата обращения: 19.03.2026).
3. Барабаш А.С. Принцип презумпции невиновности обвиняемого - миф теории российского уголовного процесса [Текст]: монография / А.С. Барабаш. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
4. Вилкова Т.Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы [Текст]: монография / Т.Ю. Вилкова. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 173 с.
5. Волкова И. В. Презумпция невиновности в административно-деликатном законодательстве: дис. на соиск. уч. ст. канд. юр. наук. Хабаровск, 251 с.
6. Гриненко А.В., Кожевников, Г.К., Шумилин, С.Ф. Принцип презумпции невиновности и его реализация в досудебном уголовном процессе [Текст]: монография / А.В. Гриненко Г.К. Кожевников С.Ф. Шумилин. – Харьков, 1997. – 97 с.
7. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе [Текст] / отв. ред.: Полянский Н.Н. / В.И. Каминская В.И. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 132 с.
8. Кирьянов А.Ю. Презумпция невиновности в современном уголовном процессе России и актуальные проблемы ее реализации [Текст]: монография / А.Ю. Кирьянов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. – 151 с.
9. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности [Текст] / М.С. Строгович; под ред. Савицкий В.М. – М.: Наука, 1984. – 143 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Азизи Хабибулло Парвиззода
магистрант 2-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

PROCEDURAL GUARANTEES FOR ENSURING THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Azizi Khabibullo Parvizzoda
master of the 2nd year full-time Department of Criminal Procedure and Forensics
of the Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan.
tel: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

***Аннотация**. В настоящей статье исследуется система процессуальных гарантий реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан. На основе анализа Конституции Республики Таджикистан, Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан и правоприменительной практики рассматриваются материально-правовые и процессуальные механизмы, обеспечивающие действие данного принципа на всех стадиях уголовного процесса. Особое внимание уделяется содержанию статьи 15 УПК РТ, закрепляющей обязанность доказывания на обвинителе, правило толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого и*

недопустимость вынесения приговора на основе предположений. Анализируются конституционные гарантии права на защиту и пользование родным языком, их конкретизация в нормах УПК РТ, включая особенности правового регулирования отказа от защитника и участия переводчика. Автором обосновывается вывод о неразрывном единстве материальных и процессуальных гарантий как необходимом условии обеспечения справедливости, законности и состязательности уголовного судопроизводства, а также выявляются отдельные проблемные аспекты реализации рассмотренных гарантий в правоприменительной практике.

Annotation. *This article examines the system of procedural guarantees for the implementation of the principle of the presumption of innocence in criminal proceedings in the Republic of Tajikistan. Based on an analysis of the Constitution of the Republic of Tajikistan, the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, and law enforcement practice, the substantive and procedural mechanisms that ensure the operation of this principle at all stages of criminal proceedings are considered. Attention is paid to the content of Article 15 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, which enshrines the burden of proof on the prosecutor, the rule of interpreting irremovable doubts in favor of the accused, and the inadmissibility of passing a sentence based on assumptions. The article analyzes the constitutional guarantees of the right to defense and the use of one's native language, their specification in the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, including the specifics of legal regulation of the refusal of a defense attorney and the participation of an interpreter. The author substantiates the conclusion about the inseparable unity of substantive and procedural guarantees as a necessary condition for ensuring fairness, legality, and adversarial nature of criminal proceedings, and identifies certain problematic aspects of the guarantees considered in law enforcement practice.*

Keywords: *presumption of innocence, procedural guarantees, criminal procedure, right to defense, adversarial proceedings, burden of proof.*

Ключевые слова: *презумпция невиновности, процессуальные гарантии, уголовный процесс, право на защиту, состязательность сторон, бремя доказывания.*

Принцип презумпции невиновности выступает фундаментальной основой справедливого правосудия и обязательным элементом правового статуса личности в любом демократическом государстве. Его сущность, закрепленная в статье 20 Конституции Республики Таджикистан, заключается в том, что каждое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Однако само по себе провозглашение этого принципа не гарантирует его неукоснительного соблюдения. Для действительной, а не декларативной реализации презумпции невиновности требуется разветвленная система юридических гарантий, призванных обеспечить защиту прав личности от необоснованного обвинения и осуждения, а также создать условия для подлинной состязательности процесса.

В уголовно-процессуальной науке указанные гарантии традиционно подразделяются на две взаимосвязанные категории: материально-правовые, закрепленные в конституционных и уголовно-правовых нормах, и процессуальные, регламентирующие порядок производства по делу. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, материальное право определяет права и обязанности граждан, устанавливая правовые принципы, обеспечивающие защиту интересов личности, тогда как процессуальное право представляет собой набор правил и процедур, необходимых для применения материальных норм на практике. Применительно к теме настоящего исследования к материальным гарантиям принципа презумпции невиновности следует относить такие фундаментальные конституционные права, как право на квалифицированную юридическую помощь и право на пользование родным языком в судопроизводстве, обеспечивающее ясное понимание обвинения и всего хода процесса. Данные гарантии прямо установлены Конституцией Республики Таджикистан: статья 19 закрепляет право каждого с момента задержания пользоваться услугами адвоката, а статья 88 гарантирует предоставление переводчика лицам, не владеющим языком судопроизводства.

Дальнейшую конкретизацию и развитие эти конституционные положения получают в нормах Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. Так, право на защиту детально регламентируется статьями 49-52 УПК РТ. Согласно статье 49, в качестве

защитников допускаются адвокаты или лица, имеющие лицензию на право ведения адвокатской деятельности, а по определению суда или постановлению судьи, прокурора, следователя и дознавателя в качестве защитника могут быть допущены близкие родственники и законные представители задержанного, подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Особого внимания заслуживает положение части 1 статьи 52 УПК РТ, согласно которому отказ от защитника, заявленный в письменной форме, допускается только по инициативе самого подозреваемого, обвиняемого и подсудимого и обязательно в присутствии адвоката. Данная норма представляет собой более высокий уровень защиты по сравнению с аналогичными положениями законодательства некоторых постсоветских стран, поскольку присутствие адвоката при отказе от защиты позволяет удостовериться в добровольности и осознанности такого решения, исключая случаи отказа под давлением или в состоянии заблуждения.

Не менее значимой материальной гарантией выступает право на пользование родным языком, закрепленное в статье 18 УПК РТ. Как обоснованно указывается в юридической литературе, использование родного языка или языка, которым владеет обвиняемый, обеспечивает его адекватное понимание сущности предъявленного обвинения и всех процессуальных действий, что выступает необходимым условием реализации права на защиту. Статья 59 УПК РТ определяет переводчика как лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, когда участники процесса не владеют языком, на котором ведется производство. При этом переводчик относится к иным участникам процесса и призван выполнять функцию обеспечения коммуникации и понимания [1].

Процессуальные гарантии презумпции невиновности, вытекающие из конституционного положения о невиновности лица до вступления приговора в законную силу, наиболее полно изложены в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, которая озаглавлена непосредственно «Презумпция невиновности». Данная статья не только воспроизводит конституционную формулу, но и дополняет её важнейшими процессуальными элементами: во-первых, она возлагает обязанность доказывания виновности на обвинителя; во-вторых, устанавливает правило о том, что все сомнения в виновности, которые не могут быть устранены в установленном законом порядке, толкуются в пользу обвиняемого; в-третьих, закрепляет недопустимость вынесения приговора на основе предположений. Указанные положения имеют универсальный характер и распространяются на все стадии уголовного процесса, обязывая дознавателя, следователя, прокурора и суд подходить к оценке доказательств объективно, без какого-либо обвинительного уклона. Следует особо подчеркнуть, что презумпция невиновности действует с момента возникновения уголовно-процессуальных отношений и вплоть до момента вступления приговора в законную силу. До этого момента лицо сохраняет правовой статус невиновного, даже если в отношении него избрана мера пресечения, предъявлено обвинение или оно содержится под стражей.

Принципиальное значение для обеспечения презумпции невиновности имеет также институт недопустимых доказательств. Согласно статье 88(1) УПК РТ, доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения [1]. Особую актуальность данное положение приобретает в контексте противодействия пыткам и другим жестоким видам обращения. Как отмечается в научных публикациях и правозащитных материалах, применение пыток связано прежде всего с незаконными и необоснованными задержаниями, длительными сроками заключения под стражу, а также с несвоевременным доступом к адвокату [5, 37-42]. В связи с этим чрезвычайно важное значение имеют разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан № 1 от 25 июня 2012 года «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по противодействию пыткам». В частности, в части 18 данного постановления указывается, что в случае задержания подозреваемого или применения к нему меры пресечения, согласно части 2 статьи 46 УПК, немедленно с момента задержания, но не позднее двадцати четырех часов с момента фактического задержания или применения меры пресечения, он должен быть допрошен и обеспечен правом на свидание с защитником наедине без ограничения их количества и продолжительности . Данное разъяснение высшей судебной инстанции создает дополнительные процессуальные гарантии реализации права на защиту и, соответственно, презумпции невиновности [3].

Важным элементом системы гарантий выступает и принцип состязательности и равноправия сторон, закрепленный в статье 20 УПК РТ. Как отмечается в научной литературе, принятый УПК Таджикистана содержит целый ряд прогрессивных положений, свидетельствующих о переходе от инквизиционной модели к более состязательной модели уголовного судопроизводства. Состязательность предполагает разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела, что создает максимально благоприятные условия для отыскания истины и вынесения справедливого судебного решения. При этом следует подчеркнуть, что без наличия реальной возможности воспользоваться помощью защитника, заявить ходатайства и представлять доказательства, принцип состязательности оставался бы декларативным [4, 852-859].

Взаимосвязь материальных и процессуальных гарантий наиболее отчетливо проявляется именно в обеспечении состязательности процесса. Как обоснованно указывается в исследованиях, посвященных системе гарантий презумпции невиновности, имея различное содержание, данные гарантии неразделимы и составляют единое целое, обеспечивая справедливость и законность судебного разбирательства. Они призваны не только защитить невиновное лицо от незаконного осуждения, но и наполнены более глубоким смыслом — обеспечить такой порядок производства, при котором все виновные лица понесут наказание, а невиновные не будут привлечены к уголовной ответственности.

Таким образом, принцип презумпции невиновности представляет собой не абстрактное теоретическое положение, а действующий правовой механизм, эффективность которого напрямую зависит от полноты и качества системы процессуальных гарантий. Конституция Республики Таджикистан и Уголовно-процессуальный кодекс РТ содержат необходимый набор инструментов, обеспечивающих реализацию этого принципа: от права на защиту и переводчика до правил распределения бремени доказывания, толкования сомнений в пользу обвиняемого и судебного контроля за применением мер процессуального принуждения. Материальные и процессуальные гарантии, находясь в неразрывном единстве, призваны обеспечить законность и обоснованность привлечения к уголовной ответственности, недопущение осуждения невиновных и справедливое наказание виновных. Вместе с тем выявленные проблемы правоприменительной практики, включая крайне низкий процент оправдательных приговоров и формальный подход к судебному санкционированию ареста, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования как законодательного регулирования, так и практики его применения в направлении расширения гарантий состязательности и процессуального равенства сторон. Только при условии реального, а не декларативного действия всех указанных гарантий принцип презумпции невиновности сможет в полной мере выполнить свое предназначение — служить надежной защитой личности от необоснованного уголовного преследования и обеспечивать подлинную справедливость правосудия.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://www.mmk.tj. (дата обращения: 16.03.2026).
2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией А. А. Усачева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 468 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-08759-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/559905 (дата обращения: 16.03.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан № 1 от 25 июня 2012 года, город Душанбе «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по противодействию пыткам» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Республики Таджикистан. – URL: https://sud.tj (дата обращения: 16.03.2026).
4. Кропотова В.А. О некоторых аспектах реализации презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / В.А. Кропотова, Е.А. Смирнова // Аллея науки. - 2021. - Т. 1, № 11 (62). - С. 852-859.
5. Тарасов А.А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С.37 - 42.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Азизи Хабибулло Парвиззода
магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Azizi Khabibullo Parvizzoda
master of the 2nd year full-time Department of Criminal Procedure and Forensics
of the Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan.
tel: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

***Аннотация**. В статье исследуются актуальные проблемы реализации конституционного принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан. На основе анализа норм Конституции РТ, Уголовно-процессуального кодекса РТ, а также правоприменительной практики выявляются ключевые противоречия между законодательным закреплением принципа и его фактическим воплощением. Особое внимание уделяется двум наиболее острым аспектам: необоснованно широкому применению меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях небольшой и средней тяжести, а также правовой неопределенности, возникающей при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. В статье анализируется влияние данных проблем на права участников уголовного процесса, роль средств массовой информации в нарушении презумпции невиновности и дается оценка обвинительному уклону в работе правоохранительных органов.*

***Annotation.** This article examines current issues related to the implementation of the constitutional principle of the presumption of innocence in criminal proceedings in the Republic of Tajikistan. Based on an analysis of the provisions of the Constitution of the Republic of Tajikistan, the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, and law enforcement practice, key contradictions between the legislative enshrinement of this principle and its actual implementation are identified. Attention is paid to two particularly pressing issues: the unreasonably broad use of pretrial detention as a preventive measure, including for individuals accused of minor and moderate crimes, and the legal uncertainty that arises when criminal cases are terminated on non-rehabilitating grounds. The article analyzes the impact of these issues on the rights of participants in criminal proceedings, the role of the media in violating the presumption of innocence and assesses the accusatory bias in the work of law enforcement agencies.*

***Ключевые слова:** презумпция невиновности, уголовное судопроизводство, заключение под стражу, меры пресечения, нереабилитирующие основания, прекращение уголовного дела.*

***Keywords:** presumption of innocence, criminal proceedings, detention, preventive measures, non-rehabilitating grounds, termination of criminal proceedings.*

Сущность презумпции невиновности сводится к Конституционной норме, согласно которой лицо является невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Это означает, что на протяжении всего периода от момента возбуждения уголовного дела до вступления приговора в силу, гражданин, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, должен обладать статусом невиновного, и все действия государственных органов обязаны исходить из этого предположения. Однако на практике этот постулат часто вступает в противоречие с карательным уклоном правоохранительной системы.

Одной из ключевых проблем реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве является практика применения мер процессуального принуждения, и в частности, заключения под стражу.

Заключение под стражу — самая строгая мера пресечения, максимально ограничивающая права и свободы человека. В соответствии со статьей п. 2 статьи 101 УПК РТ, к подозреваемому или обвиняемому не могут применяться иные меры принуждения, кроме предусмотренных законом, причем применение их должно быть обусловлено необходимостью обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства. Однако на деле содержание под стражей нередко превращается из исключительной меры в обыденную практику. В соответствии со статьей 111 УПК РТ, которая гласит, что заключение под стражу применяется по судебному решению в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше двух лет. Тем не менее, статистические данные и экспертные оценки свидетельствуют о том, что суды Таджикистана по-прежнему часто удовлетворяют ходатайства следствия об аресте, даже когда речь идет о преступлениях средней тяжести [1].

Условия содержания в следственных изоляторах Таджикистана (СИЗО), регламентируемые Законом РТ «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых», фактически приравнивают лиц, еще не признанных виновными, к осужденным.

Проблема усугубляется тем, что на практике не всегда соблюдаются требования закона о необходимости мотивировки решений об аресте. Следователи и судьи зачастую формально подходят к обоснованию невозможности применения более мягких мер. Косвенным подтверждением этому служит хроническая проблема переполненности следственных изоляторов, о которой неоднократно сообщалось в докладах Уполномоченного по правам человека в РТ.

Еще одной серьезной проблемой, ставящей под сомнение незыблемость принципа презумпции невиновности в Таджикистане, является широкое распространение и специфика правоприменения при прекращении уголовных дел по так называемым нереабилитирующим основаниям.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, как и законодательства многих других стран, делит основания прекращения уголовного дела преследования на две большие группы: реабилитирующие и нереабилитирующие. К реабилитирующим относятся, например, отсутствие события или состава преступления, непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. Если дело прекращено по этим основаниям, это означает, что государство официально признает человека невиновным. Такой гражданин имеет право на реабилитацию, то есть на возмещение вреда, причиненного ему в результате уголовного преследования (статья 234 УПК РТ) [1].

Совершенно иная правовая природа у оснований нереабилитирующих. К ним относятся: истечение сроков давности уголовного преследования или смерть подозреваемого или обвиняемого.

Во всех этих случаях уголовное дело прекращается, но само прекращение не влечет за собой реабилитации лица. Формально считается, что органы следствия или суд, прекращая дело, констатируют наличие события преступления и причастность к нему лица, но в силу закона освобождают его от ответственности [5,41].

Здесь и возникает коллизия с принципом презумпции невиновности, закрепленным в статье 20 Конституции РТ. С одной стороны, приговор суда отсутствует, а значит, согласно Конституции, лицо не может считаться виновным. С другой стороны, решение о прекращении дела (особенно вынесенное следователем с согласия прокурора на досудебной стадии) фактически содержит вывод о том, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления. Как справедливо отмечают Петрухин И.Л., «прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, хотя и не является приговором, в общественном сознании и даже в правоприменительной практике воспринимается как констатация вины» [4,140].

Возникает правовой парадокс, гражданин, дело в отношении которого прекращено, например, за примирением сторон, формально считается несудимым, но при этом он лишен права настаивать на своей полной невиновности и требовать реабилитации. Он как бы находится в подвешенном состоянии, где «почти виновен», но не осужден. Это противоречит

самому принципу презумпции невиновности, которая не допускает половинчатых состояний, либо вина доказана в суде, либо человек невиновен полностью.

Проблема усугубляется тем, что в Таджикистане, как и в других постсоветских странах, сохраняется обвинительный уклон. Следователи и прокуроры нередко предпочитают прекратить дело по нереабилитирующему основанию, чем полностью его разваливать, признавая невиновность человека. Для них это способ «сохранить лицо», показать, что преступление было раскрыто, но в силу обстоятельств (например, срок давности) виновный ушел от наказания. Для гражданина же это означает, что на него навсегда ложится тень подозрения, хотя приговор так и не был вынесен.

Таким образом, существующая практика прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям создает прецедент, когда принцип презумпции невиновности фактически «приостанавливается». Лицо не признано виновным судом, но и не считается полностью невиновным, что не соответствует ни букве, ни духу Конституции Республики Таджикистан. Для решения этой проблемы требуется не только разъяснительная работа, но и, возможно, законодательное уточнение правовых последствий прекращения дел по таким основаниям, чтобы исключить любое ущемление прав граждан, не осужденных приговором суда.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://www.mmk.tj. (дата обращения: 19.03.2026).
2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 581 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16817-4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/587762 (дата обращения: 10.03.2026).
3. Абдрашитов В.М. Актуальные проблемы и вопросы понимания и толкования принципа презумпции невиновности в современном праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. - №2. С. 49.
4. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. Монография. – М.: Проспект, 2016. - С. 140.
5. Максимихина Ю.О. Реабилитирующие и нереабилитирующие основания отказа в возбуждении и прекращения уголовного дела // ФЭН - Наука. 2012. № 10 (13). С. 41.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Алиматов Асадбек Махмуджонович
курсант 1-го курса, факультета №2, 111 группы
Академии МВД Республики Таджикистан,
734012, г. Душанбе, ул. Мастонгулов, 3
тел.: + (992)889520330, e-mail: asadbekalimatov07@gmail.com

Абдуллобекзода Темурмалик Абдуллобек
Старший научный инспектор по международным связям
научно-исследовательского отдела
МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., капитан милиции
734012, г. Душанбе, ул. Мастонгулов, 3
тел.: + (992)988614713, E-mail: temurmalik.abdullobekzoda@bk.ru

SOME ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN.

Alimatov Asadbek Mahmudjonovich
1st year student, Faculty No. 2, Group 111
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan,
734012, Dushanbe, Mastongulov Street, 3
tel.: + (992)889520330, e-mail: asadbekalimatov07@gmail.com

Авdulloвekzoda Temurmalik Авdulloвek
Senior Scientific Inspector for International Relations
Research Department of the Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan,
candidate of law Sciencespolice Captain
734012, Dushanbe, st. Mastongulov, 3
tel.: + (992)988614713, E-mail: temurmalik.abdullobekzoda@bk.ru

Аннотация. *В данной статье рассматриваются проблемы оперативно-розыскной деятельности, которые остаются либо вовсе не исследованными, либо нуждаются в дальнейшей проработке в органах внутренних дел Республики Таджикистан. Необходимость их изучения предопределяется изменениями, происходящими в социально-экономической жизни общества, структуре и динамике преступности, таджикского законодательства, а также современным состоянием теории этой деятельности и многими другими факторами. Особое внимание уделяется недостаточной материально-технической оснащённости оперативных подразделений, включая устаревшее оборудование, ограниченные финансовые ресурсы, проблемы транспортного обеспечения и слабое развитие информационно-технической базы. Также анализируются вопросы профессиональной подготовки и кадрового обеспечения, такие как недостаток практических навыков у молодых специалистов, ограниченные возможности повышения квалификации, недостаточная психологическая подготовка и кадровый дефицит.*

Annotation. *The article discusses current issues in the activities of operational and investigative officers of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan. Special attention is paid to the insufficient material and technical equipment of operational units, including outdated equipment, limited financial resources, transportation problems, and a weak development of the information and technical base. The article also analyzes issues related to professional training and personnel support, such as the lack of practical skills among young specialists, limited opportunities for professional development, insufficient psychological training, and a shortage of personnel.*

Ключевые слова: *МВД Республики Таджикистан, (ОРД) Оперативно розыскная деятельность, проблема, деятельность сотрудников оперативно-розыскной деятельности.*

Keywords: *Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Operational and Search Activities, problem, activities of operational and search activities officers.*

Несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных различным вопросам теории и практики оперативно-розыскной деятельности (далее- ОРД)- на данный момент по проблемам ОРД защищено более 85 докторских диссертаций, подготовлено около 550 монографий и свыше 200 других научных и учебно-методических работ многие ее проблемы остаются либо вовсе не исследованными, либо нуждаются в дальнейшей разработке [8]. Необходимость их изучения предопределяется изменениями, произошедшими за последние годы в социально-экономической жизни общества, структуре преступности, действующем законодательстве, регламентирующем ОРД, и др. [1].

По мыслям ученых, одно из первых мест среди данных теоретических проблем занимают вопросы методологии ОРД, к которым относятся положения, связанные с объектом, предметом, языком, принципами и методами познания этой теории. Как и прежде, доминирующее место среди них занимает вопрос о языке теории ОРД, о терминологии, используемой в нормативных правовых актах, в юридической (в т. ч. специальной) литературе и диссертационных исследованиях. Можно констатировать, что в последние годы идет

«засорение» научного языка в рассматриваемой сфере, неоправданно используется много новых, ничем не обоснованных терминов, без раскрытия их содержания, без какой-либо увязки с общепринятой терминологией и т. д. примеров тому немало.

Одной из проблем в работе сотрудников ОРД является низкий уровень материально-технического обеспечения. Эта проблема проявляется в нескольких направлениях и серьезно затрудняет выполнение оперативно-розыскных мероприятий. Во-первых, многие оперативные подразделения испытывают нехватку современных технических средств для проведения оперативных мероприятий [3, 213]. Устаревшее оборудование для наблюдения, аудио- и видеозаписи не позволяет получать качественные материалы, которые могли бы использоваться в качестве доказательств. Например, при проведении оперативно розыскного мероприятия или контролируемой поставки может потребоваться скрытая видеосъемка, но имеющаяся техника часто дает изображение низкого качества. Во-вторых, недостаточное финансирование приводит к тому, что у оперативных сотрудников нет возможности оперативно приобретать необходимые средства для легендирования и конспирации. Работа с агентурой, внедрение в преступную среду требуют значительных расходов, которые не всегда можно запланировать заранее. Отсутствие гибкости в финансировании оперативной работы снижает ее результативность. В-третьих, существует проблема с транспортным обеспечением оперативных служб. Для проведения наружного наблюдения, выездов на место происшествия, задержания подозреваемых нужен надежный и неприметный транспорт. Однако во многих отделах МВД количество служебных автомобилей ограничено, а их техническое состояние оставляет желать лучшего. Это особенно критично в условиях горной местности Таджикистана. В-четвертых, недостаточно развита информационно техническая база оперативных подразделений. Современная оперативно-розыскная деятельность немыслима без использования компьютерных технологий, баз данных, средств связи. Однако многие сотрудники работают на устаревших компьютерах, не имеют доступа к специализированным программам учета и анализа информации. Это замедляет обработку оперативных данных и снижает оперативность реагирования. Наконец, в условиях противодействия наркотрафику и организованной преступности оперативным сотрудникам часто приходится работать в опасных ситуациях. При этом средства индивидуальной защиты и специальное снаряжение не всегда соответствуют современным требованиям [2, 7-31].

В недостаточной мере исследованы проблемы материально-технического обеспечения отсутствие бронежилетов нового поколения, средств связи повышенной надежности создает дополнительные риски для жизни и здоровья сотрудников. Решение проблемы материально-технического обеспечения требует комплексного подхода. Необходимо увеличение финансирования оперативных служб, создание специального фонда для оперативных расходов, модернизация парка служебного транспорта и технических средств. Только при наличии современной материальной базы сотрудники ОРД смогут эффективно противостоять преступности.

Не менее важной проблемой является вопрос профессиональной подготовки сотрудников оперативно-розыскных подразделений и обеспечения этих служб квалифицированными кадрами. От уровня подготовки оперативного работника напрямую зависит результативность всей его деятельности. Первая проблема связана с недостаточной практической направленностью обучения молодых специалистов [7, 393-446]. Выпускники Академии МВД получают хорошую теоретическую базу, изучают законодательство об ОРД [8], тактику проведения оперативных мероприятий. Однако практических навыков работы с агентурой, конспирации, психологического воздействия на правонарушителей не всегда хватает. В результате молодой сотрудник, придя на службу, вынужден долгое время осваивать практические приемы работы. Вторая проблема — это недостаточное внимание к повышению квалификации действующих сотрудников. Оперативно-розыскная деятельность постоянно развивается, появляются новые виды преступлений, особенно в сфере информационных технологий [5, 78-85]. Преступники используют современные средства связи, шифрования, электронные платежи. Сотрудники ОРД должны постоянно учиться противодействовать новым угрозам, но возможности для регулярного обучения ограничены. Третья проблема касается психологической подготовки оперативных работников. Работа в условиях конспирации, общение с криминальной средой, необходимость принимать быстрые решения в опасных ситуациях требуют высокой психологической устойчивости [3, 230]. К сожалению, психологической подготовке уделяется недостаточно внимания, что приводит к

профессиональному выгоранию сотрудников и ошибкам в работе. Четвертая проблема связана с кадровым дефицитом в оперативных службах. Работа сотрудника ОРД является сложной и опасной, требует ненормированного рабочего дня, высокой ответственности. При этом уровень материального стимулирования не всегда соответствует степени сложности и опасности работы. Это приводит к оттоку опытных кадров и трудностям с привлечением молодых специалистов. Кроме того, существует проблема языковой подготовки сотрудников ОРД. В условиях Таджикистана важно знание не только государственного таджикского и официального русского языков, но и региональных диалектов, а также языков соседних стран. Это особенно важно при работе по линии борьбы с наркотрафиком и трансграничной преступностью. Для решения этих проблем необходимо усилить практическую составляющую обучения в Академии МВД, создать систему регулярного повышения квалификации сотрудников ОРД, включая обучение работе с современными информационными технологиями [5, 78-85]. Важно также улучшить материальное стимулирование оперативных работников, особенно тех, кто показывает высокие результаты в работе. Необходимо создать эффективную систему наставничества и передачи опыта молодым сотрудникам.

Список литературы

1. Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 18 февраля 1994 года № 600 (с изменениями и дополнениями).
2. Атмажитов В. М., Бобров В. Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. 2001. С. 7–31.
3. Климов, И.А. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / И.А. Климов, С.Д. Назаров. – М.: Юнити-Дана, 2020. – 487 с.
4. Махмадов, Р.С. Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан / Р.С. Махмадов // Вестник Академии МВД РТ. – 2023. – № 2. – С. 45–52.
5. Хайруллоев, Ф.Т. Профессиональная подготовка сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел: проблемы и перспективы / Ф.Т. Хайруллоев // Правоохранительная деятельность в современном мире. – 2024. – № 1. – С. 78–85.
6. Шумилов, А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы теории и практики / А.Ю. Шумилов. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2021. – 368 с.
7. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография / В 3т. Т. I: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2013. С. 393–446.
8. https://mail.avkd.tj/ru/o-akademii/fakultety/251-fakulteti-6-umi= akademiyai vkd-jumhurii-tojikiston-2.html.

ПОНЯТИЕ ЦЕЛЕЙ И ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Гариева Рината Равильевна
Магистрант 2-го года обучения очного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан г. Душанбе, ул. М.Турсун-заде, 30
тел.: (+992) 917656002, email: garievarinata@gmail.com

THE CONCEPT OF THE GOALS AND GROUNDS FOR THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES

Garieva Rinata Ravilievna
2st year full-time master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30
tel.: (+992) 917656002, email: garievarinata@gmail.com

Аннотация. *В данной статье рассматривается содержание и правовая природа целей и оснований применения мер пресечения в уголовном процессе. Особое внимание уделяется анализу их функционального назначения и значению для обеспечения эффективного расследования и судебного разбирательства. Раскрывается взаимосвязь между целями применения мер пресечения и фактическими обстоятельствами, служащими основаниями для их избрания. Отмечается, что меры пресечения выступают важным процессуальным инструментом, направленным на предотвращение уклонения подозреваемого или обвиняемого от правосудия, воспрепятствования установлению истины по делу, а также на обеспечение исполнения приговора. В работе подчеркивается необходимость строгого соблюдения принципов законности, обоснованности и соразмерности при выборе и применении мер пресечения.*

Annotation. *This article examines the content and legal nature of the purposes and grounds for applying preventive measures in criminal proceedings. Particular attention is paid to analyzing their functional purpose and importance for ensuring effective investigations and trials. The relationship between the purposes of applying preventive measures and the factual circumstances that serve as the basis for their application is explored. It is noted that preventive measures are an important procedural tool aimed at preventing a suspect or accused from evading justice, obstructing the establishment of the truth in a case, and ensuring the enforcement of a sentence. The work emphasizes the need for strict adherence to the principles of legality, reasonableness, and proportionality when selecting and applying preventive measures.*

Ключевые слова: *меры пресечения, уголовно-процессуальное право, процессуальное принуждение, основания применения мер пресечения, цели мер пресечения, принцип законности.*

Key words: *preventive measures, criminal procedure law, procedural coercion, grounds for applying preventive measures, purposes of preventive measures, principle of legality.*

В процессуальном законе не содержится определения мер пресечения, однако достаточно подробно представлена их регламентация. Определяя роль и значение мер пресечения, стоит отметить, что данный институт является одним из наиболее важных уголовно-процессуальных институтов. Это подтверждается эффективным обеспечением целей уголовного процесса, но, несмотря на все преимущества и большое значение, существуют и недостатки в виде существенных ограничений конституционных прав, свобод и законных интересов граждан. Для поддержания баланса между вышеуказанными аспектами необходимо своевременно, законно и обоснованно применять соответствующие меры пресечения [7, 684].

Подтверждением вышеизложенного факта служит также то обстоятельство, что система мер пресечения существовала и действовала еще задолго до принятия УПК РФ, в рамках действия УПК РСФСР 1960 г., где им выделялась отдельная глава, с отражением основных положений, касающихся правового регулирования применения мер пресечения [1].

Применение мер пресечения направлено на достижение конкретных целей, способствующих эффективному и успешному производству по делу. К данным целям можно отнести:

- недопущение осуществления дальнейшей противоправной деятельности;
- создание помех для воспрепятствования осуществлению правосудия;
- исключение фактов уклонения обвиняемого (подозреваемого) от органов предварительного следствия и суда;
- надлежащее исполнение приговора.

Однако, по нашему мнению, применение данных мер не является обязательным по каждому уголовному делу, так как, зачастую, надлежащее поведение удается достигнуть благодаря профессиональным действиям лиц, указанных в ст. 97 УПК РФ, управомоченных на применение мер пресечения, по использованию таких форм влияния на обвиняемого (подозреваемого) как убеждение, предупреждение и другие. Стоит также отметить, что цели применения мер пресечения взаимосвязаны с основаниями, необходимыми для этого.

Основания для избрания меры пресечения по уголовно - процессуальному законодательству РФ, изложены в ст. 97 УПК РФ, согласно которой, дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому,

подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Кроме того, в ст. 99 УПК РФ, предусмотрено, что «при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».

Среди оснований применения мер пресечения принято выделять процессуально - правовые и материально-правовые предпосылки (юридические (формально - правовые) и фактические), которые должны находиться в тесной связи, обусловленной взаимосвязью уголовно-правовых и уголовно - процессуальных отношений.

Под процессуально - правовыми основаниями мер пресечения следует понимать наличие принятого должностным лицом (органом) решения о правоограничении прав и интересов подозреваемого (обвиняемого). Согласно ч. I ст. 101 УПК РФ об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносят постановление, а суд - определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания этой меры пресечения [3, 53].

Копия постановления или определения об избрании меры пресечения вручается лицу, в отношении которого оно вынесено, а также его защитнику или законному представителю по их просьбе. При этом лицу, в отношении которого избрана мера пресечения, разъясняется порядок обжалования решения об избрании меры пресечения (ч. 2 и 3 ст. 101 УПК РФ).

При определении материально - правовых оснований следует исходить из того, что меры пресечения и основания их избрания должны быть сгруппированы в зависимости от того, на что направлено принуждение.

Максимально воздействуя на свободу передвижения человека путем заключения под стражу, необходимо наличие доказательств невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Применение менее строгих по характеру и степени принуждения мер пресечения не требует столь определенных обосновывающих сведений. В отличие от оснований задержания подозреваемого (ст. 91 УПК РФ), где идет речь именно о фактах (фактических данных - свершившихся обстоятельствах), в основаниях для избрания меры пресечения (ст. 97 УПК РФ) не названы факты (фактические данные). Они заменяются предположениями о возможном противоправном поведении подозреваемого и обвиняемого. Такое предположение должно быть основано на оценке совокупности данных, которые не стали фактическими и, возможно, никогда ими не станут. Именно убежденность дознавателя, следователя, суда, принимающих решение о мере пресечения, обусловливается наличием в деле информации о неправомерном поведении. Поэтому согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ основаниями для избрания меры пресечения являются «достаточные основания полагать», что обвиняемый, подозреваемый воспрепятствует производству по уголовному делу.

Подводя итог рассмотрению понятия целей и оснований применения мер пресечения, следует отметить, что данный институт уголовного процесса играет ключевую роль в обеспечении эффективного и законного осуществления уголовного судопроизводства. В соответствии с положениями ст. 97 УПК РФ, цели применения мер пресечения заключаются в предотвращении уклонения подозреваемого или обвиняемого от дознания, предварительного следствия и суда, воспрепятствования производству по уголовному делу, продолжения преступной деятельности, а также в обеспечении исполнения приговора [3, 452].

Важное значение для правильного понимания целей и оснований применения мер пресечения имеет анализ принципов уголовного судопроизводства, которые определяют пределы допустимого вмешательства государства в сферу прав и свобод личности. Применение мер пресечения представляет собой форму процессуального принуждения, которая неизбежно связана с ограничением конституционных прав подозреваемого или

обвиняемого. В связи с этим особую роль приобретает соблюдение фундаментальных принципов уголовного процесса, прежде всего принципа законности, презумпции невиновности, уважения чести и достоинства личности, а также принципа соразмерности процессуального принуждения.

Принцип законности предполагает, что меры пресечения могут применяться исключительно в случаях и порядке, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Любое отступление от установленной законом процедуры недопустимо и может повлечь признание соответствующего решения незаконным. Следователь, дознаватель и суд обязаны строго соблюдать требования уголовно-процессуального закона при избрании меры пресечения, а также обеспечивать процессуальные гарантии защиты прав лица, в отношении которого такая мера применяется.

Не менее важное значение имеет принцип презумпции невиновности. Согласно данному принципу, лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда. Применение мер пресечения не должно восприниматься как форма наказания или как подтверждение виновности лица. Их назначение заключается исключительно в обеспечении надлежащего хода уголовного судопроизводства. Именно поэтому законодатель предусматривает необходимость тщательной оценки всех обстоятельств дела перед избранием конкретной меры пресечения.

Особое место среди принципов, влияющих на применение мер пресечения, занимает принцип соразмерности. Он означает, что степень ограничения прав и свобод лица должна соответствовать тяжести предъявленного обвинения, характеру предполагаемого преступления и фактическим обстоятельствам дела. При выборе меры пресечения правоприменитель обязан отдавать предпочтение более мягким мерам, если они способны обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства. Только при невозможности применения менее строгих мер допускается использование более жестких форм процессуального принуждения.

В научной литературе также подчеркивается, что эффективность института мер пресечения во многом зависит от правильной оценки личности подозреваемого или обвиняемого. Законодатель прямо указывает на необходимость учета таких факторов, как возраст, состояние здоровья, семейное положение, наличие постоянного места жительства, род занятий и другие характеристики личности. Указанные обстоятельства позволяют суду или следователю сделать более обоснованный вывод о вероятности уклонения лица от следствия или суда, а также о возможности продолжения им преступной деятельности [6, 633].

Судебный контроль выступает одним из ключевых механизмов обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений, связанных с ограничением прав человека. Особенно значимым он является при применении наиболее строгих мер пресечения, связанных с лишением свободы. В таких случаях решение принимается исключительно судом после всестороннего рассмотрения представленных материалов и аргументов сторон.

Судебная практика показывает, что при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения суды уделяют особое внимание обоснованности доводов стороны обвинения. Недостаточно лишь формального указания на возможность уклонения подозреваемого или обвиняемого от следствия или суда. Необходимо представить конкретные сведения, подтверждающие наличие таких рисков. В противном случае применение меры пресечения может быть признано необоснованным.

Следует отметить, что в последние годы в правоприменительной практике наблюдается тенденция к более широкому использованию альтернативных мер пресечения, не связанных с изоляцией лица от общества. К таким мерам относятся подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, запрет определенных действий, а также залог. Расширение практики применения данных мер обусловлено стремлением минимизировать необоснованные ограничения личной свободы и обеспечить соблюдение международных стандартов защиты прав человека.

Особое значение в данном контексте имеет запрет определенных действий, который сравнительно недавно был введен в систему мер пресечения. Данная мера позволяет установить для подозреваемого или обвиняемого конкретные ограничения, например запрет на общение с определенными лицами, посещение определенных мест или использование

средств связи. Такой подход позволяет достигать целей уголовного судопроизводства без применения более строгих мер, связанных с изоляцией лица от общества.

Международные правовые документы подчеркивают необходимость соблюдения принципа минимального вмешательства в права личности. Это означает, что государство должно использовать наиболее мягкие средства процессуального воздействия, позволяющие достичь поставленных целей. В этой связи большое значение приобретает развитие практики применения альтернативных мер пресечения [6, 301].

Несмотря на достаточно детальную законодательную регламентацию, в практике применения мер пресечения сохраняется ряд проблем. Одной из наиболее распространенных является формальный подход к обоснованию необходимости применения той или иной меры пресечения. В некоторых случаях решения принимаются без достаточного анализа конкретных обстоятельств дела и без учета индивидуальных особенностей личности подозреваемого или обвиняемого.

Еще одной проблемой является недостаточная аргументация судебных решений, связанных с избранием наиболее строгих мер пресечения. Иногда в судебных актах приводятся лишь общие формулировки, не содержащие конкретных фактов, подтверждающих наличие оснований для ограничения свободы лица. Подобная практика может привести к нарушению прав участников уголовного процесса.

Для повышения эффективности института мер пресечения представляется целесообразным дальнейшее совершенствование правоприменительной практики. В частности, необходимо уделять больше внимания индивидуализации процессуальных решений, а также обеспечению надлежащего судебного контроля за их законностью и обоснованностью. Кроме того, важным направлением развития уголовно-процессуального законодательства является расширение применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы.

Таким образом, анализ целей и оснований применения мер пресечения свидетельствует о том, что данный институт занимает важное место в системе уголовного судопроизводства. Его эффективное функционирование возможно лишь при строгом соблюдении требований закона, учете международных стандартов защиты прав человека и обеспечении баланса между интересами государства и правами личности.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении мер пресечения с иными мерами уголовно-процессуального принуждения. В системе уголовного процесса меры пресечения занимают особое место, поскольку они направлены не на установление фактических обстоятельств преступления, а на обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства. В отличие от таких мер процессуального принуждения, как задержание подозреваемого, привод, временное отстранение от должности или наложение ареста на имущество, меры пресечения имеют более длительный характер и непосредственно связаны с ограничением свободы или иных прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Специфика мер пресечения заключается в том, что они применяются на основании вероятностной оценки возможного поведения подозреваемого или обвиняемого в будущем. Иными словами, решение о применении меры пресечения основывается не только на уже установленных фактах, но и на прогнозе возможных действий лица. Такая особенность делает необходимым особенно осторожный и взвешенный подход со стороны правоприменителя, поскольку ошибочная оценка может привести к необоснованному ограничению прав человека.

В этой связи важную роль играет всесторонний анализ обстоятельств уголовного дела. При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения следователь и суд должны учитывать не только характер и степень общественной опасности совершенного деяния, но и данные, характеризующие личность подозреваемого или обвиняемого. К таким данным могут относиться наличие постоянного места жительства, устойчивые социальные связи, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, состояние здоровья и другие обстоятельства, позволяющие сделать вывод о вероятности надлежащего поведения лица в ходе уголовного судопроизводства.

В юридической науке также обращается внимание на то, что меры пресечения выполняют не только обеспечительную, но и профилактическую функцию. Ограничивая определённые возможности подозреваемого или обвиняемого, они способствуют предупреждению совершения новых преступлений и предотвращению возможного давления

на участников уголовного процесса. Тем самым меры пресечения обеспечивают защиту интересов правосудия и безопасность участников судопроизводства.

Одновременно следует подчеркнуть, что применение мер пресечения должно сопровождаться эффективными процессуальными гарантиями защиты прав личности. К таким гарантиям относятся право на защиту, возможность обжалования решений об избрании меры пресечения, участие защитника при рассмотрении соответствующего вопроса судом, а также судебный контроль за законностью и обоснованностью принимаемых решений. Наличие указанных гарантий является важнейшим условием соблюдения принципов справедливого судебного разбирательства.

Особую актуальность данные вопросы приобретают в условиях развития современного уголовного процесса, ориентированного на усиление гарантий прав человека и обеспечение справедливого баланса между интересами государства и личности. В связи с этим правоприменительная практика постепенно движется в направлении более широкого использования мер пресечения, не связанных с изоляцией лица от общества, что соответствует международным стандартам защиты прав человека и основополагающим принципам уголовного судопроизводства [2, 496].

Основания применения мер пресечения, закреплённые в уголовно-процессуальном законодательстве, представляют собой предусмотренные законом фактические данные, указывающие на наличие реальной необходимости процессуального принуждения. Как следует из смысла ст. 97 и ст. 99 УПК РФ, для избрания меры пресечения требуется установление совокупности обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого или обвиняемого, тяжесть предъявленного обвинения, его возраст, состояние здоровья, семейное и имущественное положение, а также иные данные, имеющие значение для правильного разрешения вопроса о допустимости ограничения личной свободы.

Особое значение имеет положение ст. 98 УПК РФ, определяющее систему мер пресечения, применение которых допускается лишь при невозможности достижения целей уголовного судопроизводства иными, менее строгими процессуальными средствами. При этом наиболее строгие меры, связанные с изоляцией лица от общества, подлежат применению исключительно при наличии достаточных и обоснованных оснований, что прямо вытекает из требований ст. 108 УПК РФ и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Законодатель, устанавливая цели и основания применения мер пресечения, исходит из необходимости соблюдения баланса между интересами государства в сфере уголовного преследования и конституционными правами личности, прежде всего правом на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ, ст. 10 УПК РФ). В этой связи правоприменитель обязан руководствоваться принципами законности, обоснованности, соразмерности и индивидуализации при принятии решения об избрании конкретной меры пресечения.

Таким образом, анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что меры пресечения должны рассматриваться как исключительный процессуальный инструмент, применение которого допустимо лишь при наличии предусмотренных законом целей и достаточных оснований, подтверждённых материалами уголовного дела. Данный подход соответствует современным тенденциям развития уголовного процесса, ориентированным на усиление гарантий прав личности и приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами защиты прав человека.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что институт мер пресечения занимает важное место в системе уголовно-процессуального права и направлен на обеспечение эффективного осуществления уголовного судопроизводства. Цели применения мер пресечения заключаются в предотвращении уклонения подозреваемого или обвиняемого от органов предварительного расследования и суда, предупреждении продолжения преступной деятельности, а также в недопущении воспрепятствования установлению истины по уголовному делу.

Основания применения мер пресечения представляют собой совокупность предусмотренных законом обстоятельств, свидетельствующих о необходимости ограничения определенных прав лица в целях обеспечения надлежащего хода уголовного процесса. При этом принятие решения об избрании меры пресечения должно основываться на тщательном

анализе фактических данных, характеризующих как совершенное деяние, так и личность подозреваемого или обвиняемого.

В современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства особое значение приобретает соблюдение баланса между интересами государства в сфере уголовного преследования и необходимостью защиты прав и свобод личности. В этой связи применение мер пресечения должно осуществляться с учетом принципов законности, обоснованности, соразмерности и индивидуализации процессуального принуждения.

Также, представляется целесообразным дальнейшее совершенствование практики применения мер пресечения с акцентом на индивидуализацию принимаемых решений.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960; утратил силу). — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru
2. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. — перераб. и доп. изд. — М.: КНОРУС, 2006. — 496 с.
3. Гаврилова Б. Я. Уголовный процесс: учебник для вузов — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — С.452 — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20760-6. - Текст: электронный//Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/558715 (дата обращения: 12.01.2026);
4. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. — 8-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 53 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15772-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. — URL: https://urait.ru/bcode/559625 (дата обращения: 12.01.2026).
5. Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. Н. Григорьева. — М.: Книжный мир, 2004. — 633 с.
6. Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. — М.: Дело и Сервис, 2011. — 301 с.
7. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 684 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОСМОТРА ТРУПА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Давлатов Азамджон Олимджонович
магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

LEGAL BASIS AND PROCEDURAL PROCEDURE FOR EXAMINING A CORPSE UNDER THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Davlatov Azamjon Olimdzhonovich
master of the 2nd year full-time Department of Criminal Procedure and Forensics
of the Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan.
tel.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

***Аннотация**. В статье проводится комплексный анализ правового регулирования осмотра трупа как следственного действия в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан. Исследуются понятие, процессуальную природу и место данного действия в системе средств доказывания, детально рассматривает процедурные нормы, закрепленные в УПК РТ. Особое внимание уделяется соотношению осмотра трупа и судебно-медицинской экспертизы, а также практическим аспектам фиксации результатов.*

***Annotation.** This article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of corpse examination as an investigative action in criminal proceedings in the Republic of Tajikistan. It*

examines the concept, procedural nature, and place of this action in the evidentiary system, and examines in detail the procedural rules enshrined in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan. Particular attention is paid to the relationship between corpse examination and forensic medical examination, as well as the practical aspects of recording the results.

Ключевые слова: *осмотр трупа, следственное действие, уголовный процесс, Республика Таджикистан, УПК РТ, судебно-медицинская экспертиза, доказательства.*

Keywords: *examination of a corpse, investigative action, criminal procedure, Republic of Tajikistan, Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, forensic medical examination, evidence.*

Осмотр трупа, будучи одним из первоначальных и неотложных следственных действий, занимает центральное место в расследовании преступлений, сопряженных с наступлением смерти. Его качество и процедурная безупречность во многом предопределяют успех всего дальнейшего уголовного преследования, поскольку именно на этом этапе добываются и фиксируются ключевые, часто невосполнимые материальные следы и информация о механизме произошедшего.

В контексте Республики Таджикистан, где правовая система, унаследовав основы советского процесса, продолжает развиваться и адаптироваться к современным реалиям, анализ регламентации данного института представляет значительный научный и практический интерес. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее УПК РТ), являясь основным нормативным актом, устанавливает общие рамки для производства осмотра, однако их интерпретация и применение на практике порождают ряд дискуссионных вопросов, требующих глубокого осмысления.

Несмотря на то, что термин «осмотр трупа» активно используется в следственной и экспертной практике, легальное определение в УПК РТ отсутствует.

В юридической доктрине под ним традиционно понимается следственное действие, заключающееся в непосредственном визуальном и инструментальном исследовании тела погибшего человека на месте его обнаружения или в ином месте с целью обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, установления признаков, характеризующих личность умершего, и выяснения обстоятельств происшествия.

Как отмечает Парфенов А.А. в своих трудах, такое определение должно включать в себя не только исследовательскую, но и ярко выраженную фиксационную функцию, поскольку протокол осмотра становится первоисточником доказательственной информации для последующих экспертиз и оценки в суде [5].

С этой позицией можно согласиться, дополнив, что осмотр трупа в условиях Таджикистана — это всегда комплексное действие, синтезирующее элементы криминалистической тактики, процессуальных норм и, зачастую, необходимости учета местных социокультурных особенностей.

Рассматривая место осмотра трупа в системе следственных действий, важно подчеркнуть его уникальный характер. С одной стороны, он является разновидностью осмотра места происшествия (ч. 1 ст. 182 УПК РТ), что предопределяет общие правила его проведения. С другой, объект исследования – человеческое тело – придает ему особую доказательственную ценность и специфику. Некоторые авторы, например, Пироженко С.А., указывают на его двойственную природу: это и проверочное действие по отношению к заявлению о смерти, и первоначальное познавательное действие, направленное на построение модели события [4,104-109].

В системе УПК РТ осмотр трупа выступает как самостоятельный источник доказательств (протокол следственного действия), но при этом он процессуально и гносеологически предшествует судебно-медицинской экспертизе, создавая для нее эмпирическую базу. Именно эта связка «осмотр-экспертиза» является стержневой для установления причины и времени смерти, что отмечено в работе Парфенова А.А. [5].

Таким образом, стоит определить процессуальную сущность осмотра трупа в рамках таджикского уголовного судопроизводства. Формально-юридическое определение, закрепленное в части 1 статьи 184 УПК РТ, указывает на то, что это наружный осмотр, производимый следователем на месте обнаружения тела с обязательным участием понятых и врача-специалиста в области судебной медицины.

Вместе с тем возникает закономерный вопрос о процессуальной автономности данного действия: представляет ли оно собой самостоятельное следственное действие или является специализированной частью осмотра места происшествия? Проведенный нами системный анализ норм позволяет утверждать, что осмотр трупа обладает признаками самостоятельных действий. Он инициируется и проводится в контексте исследования обстановки места происшествия, подчиняясь общей цели обнаружения следов преступления, сформулированной в статье 182 УПК РТ.

Однако законодатель устанавливает для него специальный субъектный состав и особые правила, такие как обязательное фотографирование и дактилоскопирование неопознанных трупов (ч. 2 ст. 184 УПК РТ) [1].

Подобный подход, который отмечает в своих трудах Замараева Н.А., представляется рациональным, поскольку он позволяет сохранить целостность исследования обстановки, одновременно уделяя необходимое внимание специфическому объекту, обладающему исключительной доказательственной ценностью. На практике, однако, это зачастую приводит к ситуации, когда в едином протоколе осмотра места происшествия фактически консолидируются результаты двух взаимосвязанных, но процессуально неоднородных действий, что впоследствии может осложнить оценку доказательств судом.

Основания и условия для производства осмотра трупа логически выводятся из общих оснований, предусмотренных для осмотра места происшествия.

Согласно статье 182 УПК РТ, такое действие производится в целях обнаружения следов преступления и выяснения иных значимых обстоятельств. Применительно к осмотру трупа безусловным основанием выступает сам факт обнаружения тела с признаками насильственной смерти или при обстоятельствах, вызывающих сомнения в ее естественном характере. Важной гарантией оперативности расследования служит норма части 2 статьи 182 УПК РТ, допускающая проведение осмотра в безотлагательных случаях до официального возбуждения уголовного дела, что в полной мере распространяется и на осмотр трупа [1].

Ключевым же специальным условием, превращающим это мероприятие в полноценное следственное действие, является строго регламентированный субъектный состав. Законодатель в статье 184 УПК РТ делает однозначный акцент на обязательном участии врача-специалиста в области судебной медицины, и лишь в виде исключения, при невозможности его прибытия, допускает привлечение иного врача. Мы считаем данную норму принципиально важной и верной, поскольку она направлена на обеспечение профессионального подхода уже на самом первоначальном этапе. Участие именно судебно-медицинского эксперта позволяет не только констатировать факт смерти, но и дать предварительную оценку характеру и давности повреждений, позе трупа и иным признакам, имеющим непосредственное криминалистическое значение, что закладывает прочную основу для дальнейшего расследования.

Что касается непосредственного процессуального порядка, то он формируется совокупностью законодательных предписаний и развивается в доктринальных рекомендациях. Начинается процедура с приглашения и процессуального оформления обязательных участников: следователя (дознавателя), судебно-медицинского эксперта и понятых. Закон также предусматривает возможность привлечения иных лиц (подозреваемого, потерпевшего, специалиста), что может способствовать уточнению обстоятельств, но требует особого внимания к обеспечению сохранности следов. Содержательная сторона осмотра, подробно описанная в научной литературе, включает в себя скрупулезную фиксацию широкого круга данных: от точного расположения тела и его позы до детального описания одежды, состояния кожных покровов, характеристик трупных пятен, степени окоченения и всех обнаруженных повреждений или посторонних предметов. Именно эта тщательная работа по наблюдению, измерению и описанию, результаты которой заносятся в протокол, составляет суть осмотра. Фиксация, согласно УПК РТ, не исчерпывается протоколированием; для неопознанных трупов закон прямо предписывает обязательное фотографирование и дактилоскопирование (ч. 2 ст. 184 УПК РТ). Мы полагаем, что в современных условиях видеозапись всего хода осмотра также должна рассматриваться как необходимый, а не факультативный элемент фиксации, поскольку только она позволяет достоверно запечатлеть первоначальную позу трупа и динамику действий следователя и специалиста. Завершающим этапом является упаковка, опечатывание и изъятие обнаруженных объектов с их детальным

отражением в протоколе, что обеспечивает сохранность вещественных доказательств для последующих экспертных исследований [1].

Не менее важным аспектом является четкое разграничение осмотра трупа и судебно-медицинской экспертизы (вскрытия). Осмотр по статье 184 УПК РТ — это, по своей сути, наружное исследование и фиксация. Его основная задача — создать надежную первоначальную доказательственную базу путем описания всех видимых обстоятельств. Судебно-медицинская экспертиза, назначаемая отдельным постановлением, представляет собой глубокое специальное исследование, часто с применением инвазивных методов, направленное на решение конкретных вопросов, требующих специальных познаний. Таким образом, осмотр является процессуальной предпосылкой и основанием для грамотного назначения и проведения экспертизы. На практике, тем не менее, встречаются ситуации, когда в рамках осмотра, особенно при активной роли судебно-медицинского эксперта, производятся отдельные манипуляции, выходящие за рамки внешнего исследования. Хотя такие действия могут диктоваться соображениями оперативности, мы считаем, что они несут в себе процессуальные риски. Любые исследования, требующие для своей интерпретации специальных медицинских знаний, должны осуществляться исключительно в рамках назначенной судебно-медицинской экспертизы, что является гарантией соблюдения прав участников процесса, надлежащего оформления и достоверности полученных выводов.

В заключение необходимо отметить, что правовые основы осмотра трупа, заложенные в УПК РТ, в целом сформированы правильно и ориентированы на обеспечение качества расследования через обязательное участие специалиста и детальную фиксацию. Однако действующее регулирование характеризуется фрагментарностью и наличием правовых лакун. К основным пробелам и проблемным аспектам, по нашему мнению, относятся: во-первых, недостаточная четкость в определении процессуального статуса осмотра трупа относительно осмотра места происшествия, что отражается на практике составления протоколов; во-вторых, крайне скудное регулирование процедуры эксгумации и осмотра эксгумированного трупа; в-третьих, отсутствие в законе прямого указания на обязательность применения видеозаписи как средства фиксации, что снижает доказательственную ценность протокола.

В целях устранения указанных недостатков представляется целесообразным не ограничиваться лаконичными нормами, а развить содержание статьи 184 УПК РТ, дополнив ее положениями, детально регламентирующими этапы проведения осмотра, специфику процедуры эксгумации, перечень обязательных современных методов фиксации, а также порядок взаимодействия с родственниками погибшего при безусловном приоритете задач уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://www.mmk.tj. (дата обращения: 08.01.2026).
2. Замараева Н.А., Гаврилова Н.Ю. Проблемы оценки качества судебно-экспертных исследований // Эксперт-криминалист. 2012. № 3. С. 30-34.
3. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. — 6-е изд., перераб, и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 778 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18276-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/568843 (дата обращения: 03.01.2026).
4. Пироженков С. А. Особенности производства осмотра трупа на месте его обнаружения / С. А. Пироженков Д. О. Серебров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 18. – С. 104–109.
5. Парфенов А. А. The issues of the process of evidence collection during preliminary investigation in the Republic of Tajikistan / А. А. Парфенов // SHS Web of Conferences [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2018/10/shsconf_isc2018_01240/shsconf_isc2018_01240.html/ — 2018. С. 50. (дата обращения: 03.01.2026).

ТАКТИКА И МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА ТРУПА НА МЕСТЕ ЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ: ПРАКТИКА ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Давлатов Азамджон Олимджонович
магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

TACTICS AND METHODS FOR EXAMINING A CORPSE AT THE SCENE OF ITS DISCOVERY: THE PRACTICE OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES IN TAJIKISTAN

Davlatov Azamjon Olimdzhonovich
master of the 2nd year full-time Department of Criminal Procedure and Forensics
of the Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan.
tel.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

***Аннотация**. Статья посвящена комплексному анализу тактико-методических основ осмотра трупа на месте его обнаружения в уголовном процессе Республики Таджикистан. Исследовано данное следственное действие как ключевой элемент формирования первоначальной доказательственной базы, от качества которого напрямую зависит успех всего последующего расследования. В статье детально рассматриваются цель и задачи осмотра, включающие реконструкцию события преступления, идентификацию личности погибшего, установление причин и механизма смерти, обнаружение и фиксацию материальных следов. Особое внимание уделяется процессуальным стадиям осмотра – статической и динамической, с подробным описанием правил и методов работы на каждой из них.*

***Annotation.** The article is devoted to a comprehensive analysis of the tactical and methodological foundations of examining a corpse at the place of its discovery in the criminal process of the Republic of Tajikistan. This investigative action is studied as a key element in forming the initial evidentiary basis, on the quality of which the success of the entire subsequent investigation directly depends. The article examines in detail the purpose and objectives of the examination, including the reconstruction of the crime scene, identification of the deceased, determination of the cause and mechanism of death, and detection and documentation of physical traces. Special attention is paid to the procedural stages of the examination – static and dynamic – with a detailed description of the rules and methods of work at each of them.*

***Ключевые слова:** осмотр трупа, место происшествия, следственное действие, тактика осмотра, статическая стадия, динамическая стадия, судебно-медицинский эксперт, криминалист, фиксация доказательств, вещественные доказательства, протокол осмотра.*

***Key words:** examination of the corpse, scene of the incident, investigative action, tactics of inspection, static stage, dynamic stage, forensic expert, criminologist, fixation of evidence, physical evidence, inspection protocol*

В системе первоначальных следственных действий, регламентированных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан, осмотр трупа на месте его обнаружения занимает центральное место, выступая ключевым источником получения первоначальной и зачастую невосполнимой информации. Общая тактика данного действия, выработанная криминалистической наукой, универсальна и предполагает последовательное прохождение ряда стадий. Однако эффективность ее применения напрямую зависит от адаптации к конкретным условиям, среди которых географические, инфраструктурные и кадровые факторы играют определяющую роль. Производство осмотра трупа в рамках процессуального действия, проводимого на месте происшествия, преследует стратегическую цель формирования доказательственной базы, обладающей существенным юридическим значением для последующего расследования.

Данное следственное действие направлено на извлечение и документальную фиксацию совокупности сведений, позволяющих реконструировать событие преступления.

В общепринятой криминалистической доктрине к числу основных задач, реализуемых в ходе осмотра места происшествия с телом, относятся следующие.

Первостепенной задачей выступает определение обстоятельств происшествия. Посредством детального изучения обстановки следователь стремится восстановить логику и динамику произошедшего, определить ключевые причины инцидента, круг причастных лиц и характер их действий. Эта задача является системообразующей для всего дальнейшего расследования [1].

Не менее значима задача обнаружения и фиксации материальных следов. Место происшествия представляет собой концентратор разнообразных вещественных доказательств. В ходе осмотра должны быть выявлены, профессионально зафиксированы и изъяты такие следы, как отпечатки обуви и пальцев рук, биологические выделения (кровь, слюна), микрочастицы волокон тканей, волосы, орудия преступления и иные объекты, несущие информационный отпечаток события.

Важным аспектом является точное определение места происшествия. Осмотр позволяет документально закрепить эпицентр события и зону его распространения, что имеет принципиальное значение для корректного проведения повторных и дополнительных осмотров, а также для оценки показаний свидетелей и подозреваемых.

Осмотр служит также эффективным инструментом первичного сбора ориентирующей информации. В процессе работы фиксируются данные о возможных причастных лицах, особенностях использованных транспортных средств, временных параметрах события и иных деталях, позволяющих сформировать первоначальные версии и определить направления оперативного розыска [2, с. 120].

Наконец, осмотр создает материальную основу для последующего производства судебных экспертиз. Качественно собранные и оформленные вещественные доказательства, точное описание позы трупа и окружающей обстановки являются необходимыми исходными данными для эксперта-криминалиста, судебного медика или биолога, чье заключение позволит ответить на специальные вопросы о причине смерти, механизме образования повреждений и других обстоятельствах.

В контексте непосредственно осмотра трупа задачи дифференцируются на общие и частные. К последним можно отнести, например, оперативное выявление свидетелей и очевидцев путем анализа обстановки и опроса лиц, обнаруживших тело; целенаправленный поиск следов на одежде участников, орудиях или транспортных средствах, которые могли контактировать с телом; а также изъятие сравнительных образцов (почвы, растительности, частиц лакокрасочного покрытия) для последующего установления связи между местом происшествия, жертвой и предполагаемым преступником.

Реализация указанных задач напрямую обеспечивает выполнение базовых требований уголовно-процессуального закона, сформулированных в УПК Республики Таджикистан. К ним относятся: установление самого факта наличия состава преступления; всестороннее и полное выяснение всех элементов события (время, место, способ, последствия); идентификация виновных лиц с определением их мотивов и условий, способствовавших преступлению; и, в конечном счете, анализ причин и условий, породивших криминальный акт.

Для более детального рассмотрения стоит также перечислить этапы следственного осмотра.

Первичным этапом следственного осмотра выступает статическая фаза, представляющая собой обзорно-фиксационное исследование локации предполагаемого преступления. Под местом происшествия в криминалистическом понимании подразумевается ограниченный участок пространства, на котором сконцентрированы материальные следы, имеющие отношение к расследуемому противоправному деянию. При обнаружении трупа данная фаза включает в себя скрупулезную фиксацию пространственного расположения тела, его позы, характеристик отдельных следов и вещественных доказательств, а также возможных направлений движения лица, причастного к событию. Фундаментальным требованием является точное определение периметра осмотра, его центральной зоны и ключевых узлов, что подразумевает обязательную документацию координат нахождения тела и иных объектов с отражением их взаимного расположения.

В рамках статического исследования осуществляется детальное описание всей совокупности объектов, включая труп, с обязательным применением методов фотографической и схемотехнической фиксации. Основополагающим правилом является запрет на любое физическое взаимодействие с обнаруженными предметами и следами, их перемещение или изменение положения. В исключительных ситуациях, когда существует прямая угроза утраты следовой информации или затруднено определение центра события, криминалист может инициировать исследование с периферийных участков или ключевых узлов. Особую сложность представляет работа в местах с интенсивным движением людей или транспорта, где высока вероятность повреждения или уничтожения следов [3, 56].

Для систематизации процесса поиска территорию места происшествия рекомендуется условно разделить на секторы. Исследование должно проводиться методично, без спешки, чтобы исключить снижение качества осмотра. Во избежание модификации исходной обстановки, уничтожения следов или их контаминации отпечатками участников осмотра, необходимо неукоснительно соблюдать ряд процедурных правил:

- Под размещение технического оборудования и личного состава оперативно-следственной группы отводится участок, предварительно проверенный на отсутствие следов, имеющих отношение к делу.
- Перемещение всех участников в границах осматриваемой территории осуществляется исключительно по специально обозначенным и согласованным маршрутам.
- Первоочередной фиксации подлежат объекты и следы, состояние которых наиболее уязвимо и может измениться в кратчайшие сроки под воздействием внешних факторов.
- Все выявленные материальные следы и значимые объекты подлежат маркировке с помощью специальных указателей (бирки, колышки, меловые отметки), а для защиты от повреждений могут быть накрыты подручными средствами.
- Каждый обнаруженный объект немедленно предъявляется для ознакомления всем привлеченным специалистам.
- Локализация важных следов определяется и фиксируется относительно минимум двух стационарных и легко идентифицируемых ориентиров.
- Все необходимые измерения производятся с максимально возможной точностью с применением стандартного измерительного инструментария.
- На месте происшествия категорически запрещено оставлять посторонние предметы, способные изменить обстановку или стать источником загрязнения [4, 147].

Эксперты в области судебной медицины и криминалистики выполняют на данной стадии критически важную функцию. Специалист-медик способен идентифицировать признаки, указывающие на насильственный характер смерти, что имеет определяющее значение для квалификации события. Криминалист, применяя специальные технические средства и методы, обеспечивает выявление и фиксацию идентификационных признаков, необходимых для установления личности, характеристик орудия преступления и розыскных мероприятий.

Эффективность осмотра напрямую зависит от уровня кооперации между следователем, криминалистом и судебно-медицинским экспертом. Информация, предоставленная медиком на месте, может существенно сузить зону поиска следов, указать на возможный механизм и причину смерти, что в целом минимизирует риски упущения значимых деталей [5, 124-128].

Участие врача (предпочтительно судебно-медицинского эксперта, а при его отсутствии — иного медицинского специалиста) заключается в даче предварительной оценки состояния тела и версии о возможных причинах смерти. Важно подчеркнуть, что данное суждение носит консультативный, а не окончательный экспертный характер, который может быть сформирован лишь по результатам полного лабораторно-инструментального исследования. Тем не менее, это заключение является важным ориентиром для определения первоочередных следственных действий.

В задачи криминалиста, среди прочего, входит проведение дактилоскопирования трупа. В процессе осмотра крайне важно вести полевые записи, фиксируя все обнаруженное, чтобы впоследствии обеспечить полноту и точность протокола. В делах об убийствах статическая фаза в обязательном порядке сопровождается фото- и видеосъемкой, которые служат объективными средствами наглядной фиксации. Съемка должна быть произведена до внесения каких-либо изменений в обстановку, с охватом общего вида, узлов и деталей. Все материалы, приобщаемые к протоколу, должны достоверно отражать реальную картину места происшествия.

Динамическая фаза: детальное исследование и изъятие доказательств

Фото- и видеосъемка на динамической стадии позволяет детально зафиксировать взаимосвязь всех элементов обстановки и их положение относительно прилегающей территории.

Особое внимание уделяется фиксации позы трупа. При горизонтальном положении тело фотографируется как минимум с трех ракурсов (с боков и сверху), также применяется крестообразный метод. Если труп обнаружен в ограниченном пространстве (лифт, шкаф), первоначально фиксируется его вид на месте, а после извлечения — отдельно тело и освободившаяся ниша. При съемке трупа, замаскированного подручными средствами (ветки, листва), обязательно делается серия снимков: первоначальный вид, а затем последовательно после удаления каждого слоя маскировки. Для контрастного выделения обгоревшего или сильно разложившегося тела используются цветовые маркеры или дополнительное освещение. При фиксации висящего тела съемка ведется с фронтальной, тыльной и боковой сторон с обязательным измерением расстояний до ближайших объектов и от ступней до опорной поверхности. Для сидячего тела выбираются ракурсы спереди, сбоку и, при необходимости, сверху. Весь процесс съемки должен быть задокументирован с указанием времени и условий, а целостность доказательств — неукоснительно соблюдаться [6, 18].

Части расчлененного тела фиксируются сначала в общем плане вместе с окружающей обстановкой, а затем каждая часть — отдельно, с акцентом на индивидуальные особенности. Фиксация позы часто совмещается с описанием состояния одежды: повреждений, загрязнений, следов биологических жидкостей. Если описание одежды на месте невозможно, производится ее детальная съемка после изъятия.

Для создания максимально информативного фотоматериала необходимо обеспечить взаимосвязь между всеми снимками через систему общих ориентиров. В съемке применяются специальные криминалистические приемы: макросъемка для мелких деталей, изменение глубины резкости и использование светофильтров для повышения контрастности.

Динамическая стадия является аналитико-поисковой. На этом этапе следователь, опираясь на зафиксированную обстановку, проводит детальный анализ следов, уточняет и выдвигает версии. Активно применяются научно-технические методы для обнаружения и фиксации микрообъектов, следов рук, обуви, орудий взлома и транспортных средств. Осмотр трупа как часть общего осмотра требует повышенного внимания к микроследам. В исключительных случаях осмотр тела может быть произведен отдельно, если его исследование на месте невозможно. Все изымаемые объекты должны быть правильно упакованы для последующей экспертизы.

При необходимости эксгумации следователь выносит мотивированное постановление, обязательное для администрации места захоронения. Возражение близких родственников против эксгумации преодолевается через получение судебного разрешения.

Осмотр тела производится при обязательном участии судебно-медицинского эксперта, а в исключительных случаях — иного врача. Специалист-медик первично выявляет все видимые следы на теле и одежде. При благоприятных условиях тело может быть частично или полностью обнажено для тщательного исследования по стандартной схеме — от головы к конечностям. Криминалист параллельно фиксирует все выявленные следы методами детальной и узловой фото- и видеосъемки.

Специалист-медик на месте формулирует предварительные суждения о возможном механизме и причине смерти, характере повреждений, что оказывает неоценимую помощь в поиске следов на месте. При осмотре тела женщины особое внимание уделяется сбору микрочастиц из-под ногтей и с волосяного покрова.

Одежда трупа представляет собой самостоятельный источник информации. Ее осмотр проводится при хорошем освещении, без полного снятия, путем осторожного отодвигания или приподнимания. Изучается соответствие размеров, комплектность, содержимое карманов, характер и локализация повреждений и загрязнений. Детальный осмотр одежды часто переносится в условия морга или кабинета следователя. Следы крови на одежде, соотнесенные с ранами на теле, позволяют реконструировать взаимное положение жертвы и нападавшего, количество, силу и направление ударов.

Изъятие одежды производится с крайней осторожностью, чтобы не утратить микрообъекты; при необходимости ткань разрезается по швам. Все детали (наименование,

материал, цвет, размеры, описание повреждений и следов) подробно заносятся в протокол. Описание следов ведется системно, по областям расположения. При множественности однотипных следов указывается их общая характеристика, минимальный и максимальный размер, занимаемая площадь. Следы рекомендуется группировать по видам (кровь, повреждения, волокна, частицы обстановки). Для наглядности производится фотосъемка одежды в разложенном виде или на манекене, с применением масштабной линейки.

Место осмотра должно быть огорожено для исключения доступа посторонних лиц и сохранения следов. Особое значение имеет осмотр ложа трупа, где могут быть обнаружены следы обуви, частицы одежды, вещества, указывающие на причину смерти. Тщательность осмотра на динамической стадии обеспечивает сбор доказательств, необходимых для построения версий и идентификации лиц, причастных к преступлению.

Таким образом, можно констатировать, что труп человека выступает в качестве комплексного источника криминалистически значимой информации, а качество его осмотра предопределяет успех всего последующего расследования. Разработка тактики осмотра места убийства должна исходить из специфики сложившейся обстановки, которая, в свою очередь, детерминирована способом совершения преступления и порожденной им следовой картиной. Статическая фаза выполняет функцию первоначальной, неизменяющей фиксации, создавая объективную основу для последующего детального анализа и реконструкции события в ходе динамической стадии.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://www.mmk.tj. (дата обращения: 08.01.2026).
2. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 778 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18276-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/568843 (дата обращения: 03.01.2026).
3. Parfenov, A. The issues of the process of evidence collection during preliminary investigation in the Republic of Tajikistan [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.shsconferences.org/articles/shsconf/abs/2018/10/shsconf_isc2018_01240/shsconf_isc2018_01240.html/ — 2018. — Vol. 50. (дата обращения: 10.01.2026).
4. Пироженков, С. А. Особенности производства осмотра трупа на месте его обнаружения / С. А. Пироженков, Д. О. Серебров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2020. — № 1(49). — С. 124-128.
5. Шамонова Т. Н. Осмотр места обнаружения признаков убийства / Т. Н. Шамонова. — Москва: Цифра, 2008. — 74 с.
6. Эксархопуло А. А. Криминалистика: учебник для вузов / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнуллин. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 477 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16976-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/568574 (дата обращения: 03.01.2026).

ТАКТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМОТРА ТРУПА НА МЕСТЕ ЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ

Давлатов Азамджон Олимджонович
магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

TACTICAL AND ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF EXAMINING A CORPSE AT THE PLACE OF ITS DISCOVERY

Davlatov Azamjon Olimdzhonovich
master of the 2nd year full-time Department of Criminal Procedure and Forensics
of the Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan.
tel.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

***Аннотация**. В статье исследуются тактические и организационные аспекты осмотра трупа на месте его обнаружения как неотложного следственного действия. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан, ведомственных нормативных актов и специальной литературы рассматриваются правовые основы участия судебно-медицинского эксперта в осмотре трупа. Особое внимание уделяется тактическим приемам фиксации трупных явлений (трупных пятен, трупного окоченения), позволяющим диагностировать давность наступления смерти и возможное перемещение тела после смерти. Анализируется доказательственное значение осмотра одежды и обуви погибшего, предметов, обнаруженных на трупе и в непосредственной близости от него, а также индивидуальных признаков, имеющих идентификационное значение (татуировок, шрамов, особенностей зубного аппарата).*

***Annotation.** This article examines the tactical and organizational aspects of examining a corpse at the scene of its discovery as an urgent investigative action. Based on an analysis of the criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan, departmental regulations, and specialized literature, the legal basis for the participation of a forensic expert in a corpse examination is examined. Particular attention is paid to tactical methods for recording cadaveric phenomena (mortem stains, rigor mortis), which allow for diagnosing the time of death and possible movement of the body after death. The evidentiary value of examining the clothing and footwear of the deceased, objects found on the corpse and in its immediate vicinity, as well as individual characteristics of identification (tattoos, scars, dental features) is analyzed.*

***Ключевые слова:** осмотр трупа, место происшествия, судебно-медицинский эксперт, тактика осмотра, трупные явления, идентификация личности, неопознанный труп, уголовный процесс, следственные действия.*

***Keywords:** examination of a corpse, crime scene, forensic expert, examination tactics, cadaveric phenomena, identification of a person, unidentified corpse, criminal proceedings, investigative actions.*

В соответствии с частью 1 статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее УПК РТ), осмотр трупа на месте его обнаружения является неотложным следственным действием, обязательным к проведению следователем. Закон предписывает участие в данном действии понятых и специалиста в области судебной медицины. Лишь при объективной невозможности привлечения профильного эксперта (например, в отдаленных горных районах республики) допускается участие иного врача, например патологоанатома или хирурга, которые имеют определенный опыт и знания в области медицинской экспертизы.

Для обеспечения оперативности и качества осмотров в Республике Таджикистан функционирует централизованная система судебно-медицинской службы, представленная Республиканским центром судебно-медицинской экспертизы и его региональными подразделениями в областях и крупных городах. Привлечение штатных экспертов, закрепленных за определенной территорией, является приоритетным, так как гарантирует не только квалифицированную констатацию смерти, но и возможность проведения неотложных исследований непосредственно на месте происшествия. В целях оперативного реагирования на сообщения об обнаружении трупов в городах и районах республики практикуется организация круглосуточных дежурств судебно-медицинских экспертов. Данный подход призван обеспечить непрерывность и доступность судебно-медицинских услуг, что является критически важным для эффективного расследования уголовных дел.

Однако, несмотря на формальную централизацию, правоприменительная практика сталкивается с рядом организационных проблем, особенно актуальных для географических и социально-экономических условий Таджикистана. В их числе, труднодоступность горных

районов, где прибытие эксперта может занять длительное время, недостаточная укомплектованность штатов в отдаленных местностях, нехватка транспорта и средств связи. В таких ситуациях, когда привлечение штатного судебно-медицинского эксперта невозможно, следователь вынужден обращаться к врачам иных специальностей. Приоритет, как правило, отдается патологоанатомам, хирургам или травматологам, имеющим опыт работы с телами умерших.

Первым делом, при осмотре трупа на мете обнаружена стоит рассмотреть все тактические приемы. Стоит обратиться к статье 184 УПК РТ, которая гласит, что осмотр трупа на месте его обнаружения производит следователь с участием понятых и врача-специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия иного врача [1].

А если углубиться в теоретико-практическую часть, то, как пишет Б. Б. Булатова, по прибытии на место происшествия решение вопроса о констатации смерти следователь делегирует специалисту [3,581].

В его задачи входит тщательный осмотр тела для выявления объективных признаков, свидетельствующих о наступлении смерти. К числу таких признаков, описываемых в криминалистической литературе, относятся:

1. Трупные пятна. Участки кожного покрова, меняющие окраску вследствие прекращения циркуляции крови и ее перераспределения в нижележащие отделы. Характер и стадия развития трупных пятен позволяют судить о примерной давности наступления смерти и возможных изменениях положения тела.
2. Трупное окоченение. Процесс посмертного уплотнения мышечной ткани, начинающийся с лицевой мускулатуры и постепенно распространяющийся на все тело. Степень выраженности окоченения также используется для ориентировочного определения времени смерти.
3. Телесные повреждения. Выявление, описание и предварительная фиксация наличия травм, ран или иных повреждений, которые могли послужить причиной смерти. Данная информация имеет ключевое значение для выдвижения версий о механизме происшествия и планирования последующего судебно-медицинского исследовании.

Сам процесс наружного осмотра трупа традиционно подразделяется на два этапа: общий и детальный [5,37].

Общий осмотр направлен на решение следующих задач:

- Фиксация местоположения трупа, его позы и взаиморасположения с окружающими объектами.
- Установление связи трупа с предметами, которые могут иметь отношение к расследуемому событию (например, орудие преступления, следы биологического происхождения, личные вещи).
- Общая оценка состояния тела, его одежды, а также выявление очевидных, бросающихся в глаза следов и повреждений.

Полученная на этом этапе информация нередко становится определяющей для построения версий о механизме происшествия и последовательности событий. В связи с этим любые манипуляции с трупом, связанные с изменением его положения, должны производиться максимально осторожно, после детальной фиксации первоначальной обстановки.

Детальный осмотр проводится после изменения положения тела и предполагает тщательное изучение:

- Ложа трупа (поверхности, на которой оно лежало).
- Одежды и содержимого карманов.
- Открытых частей тела, естественных отверстий.

Всех выявленных повреждений с описанием их характера, локализации, размеров и других особенностей [5].

Существенную роль в фиксации как общей обстановки, так и деталей осмотра играет судебная фотосъемка. Труп фотографируется на месте обнаружения (обзорная и ориентирующая съемка), а затем его отдельные части и повреждения (узловая и детальная съемка). Следователь и специалист применяют различные ракурсы и методы (сверху, сбоку, панорамная съемка), чтобы зафиксировать все необходимые детали.

В практике осмотра места происшествия нередко встречаются ситуации, когда труп оказывается скрытым под различными предметами, материалами либо конструкциями. В

таких случаях первоначальный снимок должен быть сделан до того, как будут убраны или перемещены предметы, скрывающие тело. Данное требование обусловлено тем, что взаиморасположение трупа и окружающих его объектов может нести важную доказательственную информацию, а любое изменение обстановки способно привести к ее утрате [15,356].

При обнаружении трупа с признаками повешения либо удавления особое внимание уделяется фотосъемке области головы и шеи. Снимки должны выполняться с различных ракурсов, чтобы зафиксировать странгуляционную борозду во всех деталях: ее локализацию, направление, характер краев, наличие или отсутствие дополнительных элементов. Качественная фиксация странгуляционной борозды имеет значение не только для предварительной оценки механизма смерти, но и для последующего судебно-медицинского исследования, поскольку позволяет эксперту получить дополнительную информацию о свойствах орудия травмы и особенностях сдавления шеи

В случаях огнестрельных повреждений объектами первоочередной фотосъемки становятся участки тела с входными и выходными отверстиями. Фиксации подлежат их локализация, форма, размеры, состояние краев и других признаков, позволяющих судить о дистанции выстрела, направлении раневого канала и характере примененного оружия.

Также, в ходе первичного осмотра места происшествия и исследования тела следователь и специалист должны обращать пристальное внимание на любые особенности, указывающие на возможное изменение первоначального положения трупа. Основным индикатором таких изменений служат трупные пятна – участки кожного покрова, изменяющие окраску вследствие посмертного перераспределения крови под действием силы тяжести. Данный признак несет важную информацию как о времени наступления смерти, так и об обстоятельствах, сопутствовавших событию.

Процесс формирования трупных пятен начинается в первые часы после смерти. В течение первых 6-8 часов пятна обладают способностью перемещаться при изменении положения тела – кровь, находящаяся в жидком состоянии, перетекает в нижележащие отделы. Если в указанный промежуток времени труп был перевернут, прежние пятна бледнеют, а на новых участках формируются вторичные пятна, обычно менее интенсивной окраски. Обнаружение такой картины позволяет сделать вывод о том, что после смерти положение тела изменялось [16, 31-41].

По истечении 6-8 часов наступает стадия диффузии: кровь начинает пропитывать окружающие ткани, и пятна при надавливании бледнеют лишь частично, восстанавливая окраску в течение нескольких минут. К 10-12 часам после смерти, пятна становятся фиксированными, не изменяются при надавливании и не перемещаются при изменении положения тела [6,468].

При оценке трупных пятен важно учитывать не только динамику их развития, но и локализацию. Так, наличие участков неизмененной кожи в областях, где труп соприкасался с предметами (ложе трупа, складки одежды), позволяет судить о том, находилось ли тело в данной позе с момента смерти либо подвергалось перемещению. Указанные признаки имеют существенное доказательственное значение и подлежат обязательной фиксации в протоколе осмотра и на фотоснимках.

В ходе осмотра места происшествия перед следователем и судебно-медицинским экспертом нередко встает задача определить, подвергалось ли тело перемещению после наступления смерти. Решение данного вопроса имеет ключевое значение для установления истинной картины происшествия. Анализ специальной литературы и практики позволяет выделить ряд объективных критериев, указывающих на возможное изменение первоначального положения трупа.

Трупное окоченение представляет собой процесс посмертного уплотнения мышечной ткани, который начинается в среднем через 2-6 часов после наступления смерти. Максимальной выраженности данное явление достигает к исходу первых — началу вторых суток (примерно через 12-24 часа), после чего в течение последующих 48-72 часов происходит постепенное разрешение окоченения в том же порядке, в каком оно наступало. Если тело было перемещено после того, как окоченение уже сформировалось, это может привести к нарушению естественной жесткости мышц в несвойственных для данной позы областях. Обнаружение подобных несоответствий позволяет эксперту сделать вывод о том, что труп подвергался перемещению [6,468].

Обнаружение на теле ссадин, кровоподтеков или иных травм, происхождение которых не объясняется обстоятельствами, предшествовавшими смерти, с большой долей вероятности свидетельствует о посмертном перемещении тела. Такие повреждения могут возникать при волочении трупа, его неосторожном переворачивании либо при контакте с предметами, находившимися на пути перемещения. Важно дифференцировать прижизненные и посмертные повреждения, что требует участия квалифицированного судебно-медицинского эксперта.

Характер расположения и направленность потеков крови на теле и окружающих предметах позволяют судить о положении тела в момент кровотечения и после него. Если обнаруженные следы не соответствуют позе, в которой находится труп, это служит серьезным основанием полагать, что после смерти положение тела изменялось. Например, наличие потеков крови, направленных в сторону, противоположную естественному стеканию под воздействием силы тяжести, указывает на то, что тело переворачивали.

Следующим этапом следует, осмотр предметов, которые могли послужить орудием совершения преступления. Обнаруженные на трупе либо в непосредственной близости от него ножи, огнестрельное оружие, тупые твердые предметы и иные объекты подлежат тщательному исследованию и фиксации.

В первую очередь необходимо определить характер предмета, его основные характеристики, после чего детально описать в протоколе осмотра его размеры, форму, материал изготовления и индивидуальные особенности. Важно зафиксировать точное расположение предмета относительно частей тела погибшего – конечностей, туловища, головы, поскольку взаиморасположение орудия и тела может указывать на механизм причинения повреждений и динамику события. Особое внимание уделяется сохранности следов биологического происхождения, микрочастиц, волос, которые впоследствии могут стать ключевыми доказательствами, связывающими орудие с преступлением. Фотографирование обнаруженных предметов производится как в контексте общей обстановки места происшествия, так и крупным планом, с фиксацией их расположения относительно трупа [7, 31-41].

Особого внимания заслуживает вопрос о наличии либо отсутствии следов крови под трупом. В случаях, когда на теле имеются повреждения, сопровождавшиеся наружным кровотечением, а под трупом кровь отсутствует либо ее количество не соответствует характеру травм, это является серьезным основанием полагать, что тело было доставлено на место обнаружения уже после наступления смерти. Данный признак неоднократно отмечался в экспертной практике как один из наиболее информативных [12,23].

Непосредственное исследование тела погибшего проводится следователем совместно с судебно-медицинским экспертом и включает в себя ряд последовательных действий, направленных на выявление и фиксацию всех значимых признаков.

При составлении протокола осмотра трупа на месте его обнаружения необходимо строго соблюдать определенные процедурные правила, касающиеся описания трупных явлений. От полноты и точности их фиксации во многом зависит достоверность последующих экспертных выводов, в том числе о давности наступления смерти.

В протоколе в обязательном порядке указывается время, в течение которого проводились наблюдения и измерения трупных явлений. Данное требование обусловлено динамичным характером посмертных изменений: их выраженность может существенно меняться даже в пределах нескольких часов. В связи с этим в практических рекомендациях нередко указывается на целесообразность повторного исследования ранних трупных явлений спустя 2-3 часа с соответствующей отметкой в протоколе о времени повторного осмотра [15,356].

При описании трупных явлений принято разделять их на ранние и поздние. К ранним относятся трупные пятна, трупное окоченение, охлаждение тела, высыхание роговицы и слизистых. В протоколе фиксируется локализация трупных пятен, их цвет, интенсивность, способность изменяться при надавливании с указанием времени восстановления первоначальной окраски. При описании трупного окоченения отмечается степень его выраженности в различных группах мышц (например, в жевательной мускулатуре, мышцах шеи, верхних и нижних конечностей). Поздние трупные явления (гниение, жировоск, мумификация, торфяное дубление) описываются в случае их наличия с указанием степени выраженности и распространенности [10,76].

Крайне важным является подробное описание локализации, характера, размеров и иных особенностей всех обнаруженных на теле повреждений. При этом необходимо сопоставлять повреждения на теле с повреждениями на одежде, фиксируя их соответствие либо несоответствие друг другу. Такое сопоставление нередко позволяет получить ключевую информацию для реконструкции механизма причинения травмы и обстоятельств события.

В протоколе также подлежат фиксации такие признаки, как запах изо рта трупа, который в отдельных случаях может указывать на возможное отравление определенными веществами. Обращается внимание на признаки, позволяющие судить о возможности самостоятельного передвижения, погибшего после получения травм (следы крови на значительном удалении от трупа, изменения в расположении следов и др.).

При наличии на трупе или его одежде насекомых производится их описание и изъятие для последующего энтомологического исследования. Видовой состав и стадия развития насекомых могут быть использованы для определения давности наступления смерти, особенно в случаях значительного посмертного периода.

Состояние живота (впалость, вздутие) также подлежит описанию, поскольку связано с процессами газообразования в кишечнике и может косвенно свидетельствовать о давности смерти и условиях хранения тела.

Таким образом, проведенное в рамках настоящей статьи исследование тактических и организационных проблем осмотра трупа на месте его обнаружения позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Осмотр трупа на месте обнаружения представляет собой неотложное следственное действие, от качества проведения которого во многом зависит успех всего последующего расследования.

Анализ нормативной правовой базы показывает, что в Республике Таджикистан создана необходимая правовая основа для проведения осмотра трупа на месте его обнаружения. Статья 178 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан устанавливает процессуальный порядок данного следственного действия, а Закон Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе» определяет правовой статус судебно-медицинских экспертов и требования, предъявляемые к их деятельности. Функционирование Республиканского центра судебно-медицинской экспертизы и его региональных подразделений призвано обеспечить оперативное и качественное проведение осмотров трупов на всей территории страны.

В тактическом аспекте осмотр трупа требует от следователя и привлекаемых специалистов не только знания процессуальных норм, но и понимания закономерностей формирования следовой картины на месте происшествия. Особое значение приобретает правильная фиксация трупных явлений, позволяющая в дальнейшем решить вопрос о давности наступления смерти и возможном перемещении тела. Как показывает анализ специальной литературы и экспертной практики, именно трупные пятна и трупное окоченение выступают основными индикаторами, позволяющими диагностировать посмертные изменения положения тела.

Существенное доказательственное значение имеет тщательный осмотр одежды и обуви погибшего, а также предметов, обнаруженных на трупе и в непосредственной близости от него. Выявление следов биологического происхождения, микрочастиц, повреждений, индивидуальных особенностей (татуировок, шрамов, мозолей, следов инъекций) не только способствует установлению личности погибшего, но и позволяет восстановить картину произошедшего события, механизм причинения повреждений, возможные контакты потерпевшего. Особую ценность представляют данные стоматологического статуса, которые нередко становятся решающими при идентификации неопознанных трупов, особенно в случаях выраженных гнилостных изменений либо скелетирования.

Подводя общий итог, отметим, что осмотр трупа на месте его обнаружения представляет собой сложное, многоаспектное следственное действие, требующее от участвующих в нем лиц высокой профессиональной подготовки, знания современных криминалистических и судебно-медицинских методик, а также умения взаимодействовать в составе следственно-оперативной группы.

Список литературы:

1. 1.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://www.mmk.tj. (дата обращения: 02.02.2026).
2. 2.Закон Республики Таджикистан о государственной судебной экспертизе (в редакции Закона РТ от 5.03.2007г.№228, от 16.04.2012г.№804, от 27.11.2014г.№1144)
3. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 581 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16817-4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/587762 (дата обращения: 10.03.2026).
4. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией А. А. Усачева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 468 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-08759-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/559905 (дата обращения: 9.03.2026).
5. Абрамова С. Р. Особенности осмотра места происшествия по делам об убийствах при обнаружении трупа / С. Р. Абрамова, Т. А. Проничкина. — Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2019 г.). Казань: Молодой ученый, 2019. - С. 37. (Электронный ресурс) URL: https://moluch.ru/conf/stud/ archive/350/15398/ (дата обращения 10.03.2026 г.).
6. Алимурадов Г. Б. Особенности осмотра места происшествия при расследовании убийств: учебное пособие. / Г.Ю. Алимурадов. - М.: Проспект, 2019. – 356 с.
7. Богданов В. В. К вопросу об особенностях тактики наружного осмотра трупа на месте его обнаружения / В. В. Богданов // Форум молодёжной науки. 2020. Т. 1, № 4. С. 31-41.
8. Бородкина Т.Н. Специалист-врач как самостоятельный участник уголовного судопроизводства. - М. 2016. - С. 89-99.
9. Буромский И.В., Ермакова Ю.В., Сидоренко Е.С. Участие врача в качестве специалиста в осмотре трупа на месте его обнаружения (месте происшествия) // Лечебное дело. 2020. №3. (Электронный ресурс) URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/uchastie-vracha-v-kachestve-spetsialista-v-osmotre-trupa-na-meste-ego-obnaruzheniya-meste-proisshestviya (дата обращения 10.03.2026 г.).
10. Сиделев В. В. Осмотр места происшествия при обнаружении трупа: альбом схем / Московская акад. Следственного комитета Российской Федерации; под общ. ред. А.М. Багмета; авт.-сост. С.Ю. Скобелин [и др.). — Москва: ЮНИ-ТИ-ДАНА, 2019. С. 76-86.
11. Ушаков, С. И. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения / С. И. Ушаков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 434. (Электронный ресурс) URL: https://moluch.ru/archive/294/66790/ (дата обращения 11.03.2026 г.).
12. Шумилин С.Ф., Завидов Б.Д. Правовые проблемы следственного осмотра / С.Ф. Шумилин, Б.Д. Завидов // Российский следователь. -2016. - №6. - С. 23.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Давлатов Мехром Бахромович
магистрант 1-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 905 01 64 68, e-mail: mehrom55@icloud.com

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL CASE CLOSURE IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Davlatov Mehrom Bahromovich
1st year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M.Tursunzade 30
tel.: (+992) 905 01 64 68, e-mail: mehrom55@icloud.com

Аннотация. *В статье рассматриваются отдельные вопросы становления, развития и тенденции развития института прекращения уголовного преследования. Проведен анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в исторической ретроспективе, рассмотрены особенности прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Делается попытка разобраться в необходимости и тенденциях развития данного института, рассматриваются мнения различных авторов, предлагаются пути решения проблемных вопросов.*

Annotation. *The article deals with certain issues of formation, development and trends in the development of the institution of termination of criminal prosecution. The analysis of the norms of criminal and criminal procedure legislation in historical retrospect is carried out; the features of the termination of a criminal case and criminal prosecution are considered. An attempt is made to understand the necessity and trends in the development of this institution, the opinions of various authors are considered, and ways to solve problematic issues are proposed.*

Ключевые слова: *прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, уголовное судопроизводство, судебный штраф, мера уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности.*

Keywords: *termination of a criminal case, termination of criminal prosecution, criminal proceedings, judicial fine, a measure of a criminal nature, exemption from criminal liability.*

Становление и развитие института прекращения уголовного дела неразрывно связано со становлением и развитием самого уголовного судопроизводства.

В современной юридической литературе прекращение уголовного дела традиционно рассматривается как институт уголовно- процессуального права. Однако свои истоки он берет в уголовно- правовых нормах об освобождении от уголовной ответственности. Ретроспективный анализ норм об освобождении от уголовной ответственности позволит сформировать представление о формировании института прекращения уголовного дела и определить тенденции развития уголовного закона. Анализ ранее действующего законодательства позволяет эффективно формировать современные уголовно-правовые и уголовно - процессуальные нормы, предусматривающие возможность освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела [1, 21-45].

Предпосылки формирования института прекращения уголовного дела возникают в период действия Судебников 1497, 1550 гг., Соборного уложения 1649 г. Указанные документы указывают на возможность отказа от уголовного преследования в случае смерти преступника и по прошествии длительного времени с момента совершения преступления. Более четко эти и другие основания обозначены в Соборном Уложении 1649г.

Формирование института прекращения уголовного дела тесно связано с формированием оснований освобождения от уголовной ответственности. Воинский артикул 1715г. предусматривал ряд таких оснований и относил к ним необходимую оборону, крайнюю необходимость, казус и др. Однако системного характера они не носили.

Первым кодифицированным актом в области уголовного права в России закрепившим основания освобождения от уголовной ответственности считается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. [4].

В уголовном праве девятнадцатого века не проводилось разграничения оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания. Поэтому в Уложении были предусмотрены обстоятельства позволяющие освобождать не от уголовной ответственности, а от наказания. К числу таких обстоятельств относилась смерть преступника, примирение с потерпевшим, истечение сроков давности, деятельное раскаяние и другие основания. В месте с тем в Уложении было предусмотрено разграничение норм, смягчающих наказание и вовсе освобождающих от него. Так, например, деятельное раскаяние рассматривалось не только

как основание освобождения от уголовной ответственности и наказания, но и как основание смягчения наказания. Основной идеей освобождения от наказания являлась возможность возмещения вреда потерпевшему, поэтому все основания освобождения от наказания были связаны именно с возможностью компенсации причиненного вреда и устранения последствий преступного деяния. Перечень оснований освобождения от наказания неоднократно менялся в период действия Уложения. Уложение продолжало свое действие до 1917г.

В дополнение к Уложению 1845г. был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. В 1885г. в него были внесены изменения и в таком виде он продолжал действовать до 1917г. Уставом был предусмотрен весьма обширный перечень оснований освобождения от наказания. К числу этих оснований также относилось примирение сторон (ст. 20 Устава). Кроме того, предусматривалась возможность освобождения от наказания за незначительные проступки, в частности преступления против собственности (глава 13 Устава) [6, 58]. В этом Уставе есть достаточно интересное положение, касающееся освобождения от наказания по делам в хозяйственной сфере. Так, за совершения хищений или иных проступков сфере лесного хозяйства, предусматривалась возможность освобождения от ответственности в случае возмещения причиненного вреда (ст. 20 Устава).

Во всех вышеперечисленных актах права наказание рассматривалось как кара за совершенное преступление, потому и возможность освобождения от него определялось в первую очередь фактом раскаяния и возмещения вреда потерпевшему [7, 40].

Вместе с Уложением в 1864г. был принят Устав уголовного судопроизводства, в котором впервые получили закрепление основания прекращения уголовного преследования. Перечень этих оснований просуществовал практически в неизменном виде до 1923г.

Послереволюционное законодательство во многом было построено на вышеуказанных Уложении 1865г. и Уставе 1864г. Однако в отличии от них в правовых актах советского периода было проведено разграничение оснований освобождения от наказания и от уголовной ответственности. Впервые термин «освобождение от уголовной ответственности» появился в Декрете СНК от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ». В статье 10 Декрета предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности при условии добровольной сдачи предметов, запрещенных к хранению.

Вместе с тем УК РСФСР 1922г. не содержал специальных норм позволяющих освобождать от уголовной ответственности, речь в нем шла лишь об освобождении от наказания. Однако из смысла правовых норм следовало, что обстоятельства, свидетельствующие о снижении общественной опасности самого преступника и о возмещении им вреда потерпевшему должны учитываться при назначении наказания [3]. При этом в УК РСФСР 1922г. содержались специальные нормы освобождения от уголовной ответственности (наказания) за совершение имущественных и хозяйственных преступлений.

Другой УК РСФСР в редакции 1926 года и утвержденный постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 года, уже содержит в отличие от своего предшественника специальные нормы об освобождении от уголовной ответственности (наказания). Так в соответствии со ст. 52 «полное освобождение судом осужденного от применения к нему назначенной по приговору меры социальной защиты судебно-исправительного характера может иметь место лишь в случаях, если суд, по обстоятельствам дела и по социалистическому правосознанию, признает применение этой меры социальной защиты явно нецелесообразным. В данных случаях суд выступает с ходатайством о ее неприменении к осужденному в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» [2, 149].

Аналогичные основания содержались и в уголовно-процессуальном законодательстве того времени. Так, в УПК РСФСР содержалось указание на прекращение уголовного дела при необнаружении виновного, и при недостаточности собранных по делу доказательств для предания суду лица, привлеченного ранее к делу в качестве обвиняемого. Однако такой перечень оснований прекращения уголовного дела не отражал всех реально существующих ситуаций и существенно затруднял уголовное судопроизводство.

Перечень оснований прекращения уголовного дела получил существенные изменения в Основах уголовного судопроизводства 1958г., а затем и в УПК РСФСР 1960г. К числу оснований прекращения уголовного дела были также отнесены: недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления, отсутствие опасности для общества лица или совершенного им деяния при производстве по применению принудительных мер

медицинского характера, изменение обстановки, передача дела в товарищеский суд, комиссию по делам несовершеннолетних, передача лица на поруки.

В период действия УПК РСФСР 1960г. перечень оснований претерпел серьезные изменения. Наиболее важные изменения были внесены в него в 1996г. и тесно связаны с принятием УК РФ 1996г. Вместе с тем внесение изменений было обусловлено и грядущей реформой уголовно процессуального законодательства.

В УПК РФ 2002 г. институт прекращения уголовного дела в первую очередь выражен в форме перечня оснований прекращения уголовного дела в главе 4 УПК РФ (ст. 24-28.1 УПК РФ).

Таким образом, формирование института прекращения уголовного дела обусловлено историческим развитием самого уголовного судопроизводства. Важное влияние на становление рассматриваемого института оказали политические и социально-правовые события советского периода. Вместе с тем во второй половине двадцатого века становление института прекращения уголовного дела обусловлено процессами демократизации и становления правового государства на территории Российской Федерации. Принятие Конституции РФ 1993г. обусловило изменение целей и принципов уголовного судопроизводство, что в свою очередь отразилось на развитии института прекращения уголовного дела.

Список литературы:

1. Иващенко В. В. Определение понятия прекращения уголовного дела как формы окончания предварительного расследования по уголовным делам // Общество и право. - 2009. - № 2. - С. 21 - 45.
2. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: компромисс идеологии и науки. - Ульяновск, 2009. - С. 149
3. Собрание узаконений РСФСР № 15. - Ст. 153 // Сайт Исторические материалы [Электронный ресурс]. (дата обращения 23.01.2026)
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - Спб. - 1845// Сайт все для студента [Электронный ресурс]. (дата обращения 20.01.2026)
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - Спб. - 1845// Сайт все для студента [Электронный ресурс]. (дата обращения 20.01.2026)
6. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года// Свод законов Российской Империи / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. - СПб. - 1912. - С. 58.
7. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. // Изд. Н. С. Таганцева. - СПб, 1904. - С. 40.

УЧАСТИЕ В РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ В СУДЕ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Желтова Виктория Алексеевна
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан г.Душанбе, ул.М.Турсун-заде, 30
тел.: (+992) 501151681, e-mail: mimimi2297@mail.ru

Муродова Дилноза Бахтиёровна
Студентка 3-го курса юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, ул. М. Турсунзаде 30
тел.: (+992) 918-22-22-33, e-mail: aziza@mail.ru

PARTICIPATION IN JUVENILE COURT PROCEEDING

Zheltova Victoria Alekseevna
Lecturer Department of Criminal Process and Criminalistics
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30
tel.: (+992) 501151681, e-mail: mimimi2297@mail.ru

Murodova Dilnoza Bakhtiyorovna
3nd year full-time student of the law faculty
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 918-22-22-33, e-mail: aziza@mail.ru

Аннотация*. В данной статье рассматривается участие несовершеннолетних в судебных разбирательствах, что является важной и актуальной темой в контексте защиты прав детей и обеспечения справедливости в судебной системе. Анализируются процессуальные гарантии, предоставляемые несовершеннолетним обвиняемым, потерпевшим и свидетелям, включая обязательное участие защитника, законных представителей, педагога или психолога. Особое внимание уделяется роли суда в создании условий, исключающих негативное воздействие на психику несовершеннолетнего, а также специфике проведения судебного заседания.*

Annotation*. This article examines the participation of minors in legal proceedings, which is an important and relevant topic in the context of protecting children's rights and ensuring justice in the judicial system. The procedural guarantees afforded to juvenile defendants, victims, and witnesses are analyzed, including the mandatory participation of defense counsel, legal representatives, and a teacher or psychologist. Particular attention is paid to the role of the court in creating conditions that prevent negative impacts on the minor's mental state, as well as to the specific features of conducting court proceedings.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, институт уголовного производства, уголовно-процессуальное законодательство, уголовный процесс, несовершеннолетние лица, производство по делам несовершеннолетних, законный представитель, защитник.*

Keywords: *legal regulation, institution of criminal proceedings, criminal procedure legislation, criminal process, minors, proceedings in cases of minors, legal representative, defense attorney.*

Несовершеннолетние нуждаются в особой защите со стороны общества и государства. Особую актуальность данное требование приобретает в сфере уголовного судопроизводства. Государство должно гарантировать неотвратимость наказания за преступления, но, с другой стороны, оно должно принимать меры для того, чтобы несовершеннолетние лица не испытывали чрезмерной травмы от процесса уголовного преследования.

Закрепленные в законе правила распространяются на всех лиц, которые к моменту совершения преступления не достигли 18-лет.

В судебном заседании участвуют несовершеннолетний осужденный, его родители или законные представители, адвокат, прокурор, представители специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту нахождения указанного учреждения.

При производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, устанавливаются следующие обстоятельства:

1. **Возраст, число, месяц и год рождения несовершеннолетнего.** Устанавливается на основании документов (паспорт, свидетельство о рождении).

Если они отсутствуют, то производится судебно-медицинская экспертиза. Лицо признается совершеннолетним на следующий день после дня его рождения, т.е. с О часов следующей за днем рождения даты. Максимально точный возраст несовершеннолетнего устанавливается для того, чтобы: определить, является ли он субъектом преступления.

2. Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности. Оцениваются условия, в которых рос несовершеннолетний, его психическое развитие и особенности личности. Для этого могут проводиться допросы и осмотры, а также назначаться психолого-психиатрические экспертизы.

3. Влияние старших лиц. Учитывается, как взрослые могли повлиять на негативные черты характера или пагубным привычкам несовершеннолетнего [2, 542].

Проведение судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних осуществляется в закрытой форме, если подсудимый не достиг возраста 16 лет.

Особенности досудебного производства:

1. Участие защитника обязательно для несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых.

2. Если несовершеннолетний совершил преступление вместе со взрослым, дело выделяется в отдельное производство, чтобы избежать давления со стороны взрослого.

3. Допрос несовершеннолетнего не может продолжаться без перерыва более 2 часов и более 4 часов в день. В допросе участвует защитник, который вправе задавать ему вопросы, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей [5, 21-25].

В допросе несовершеннолетнего, страдающего психическим расстройством либо отстающего психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

4. В судебном заседании обязательно участие законного представителя несовершеннолетнего подсудимого. Участие законного представителя несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве связано с двумя обстоятельствами: 1) с неполнотой процессуальной дееспособности несовершеннолетнего; 2) с тем, что законный представитель (родители, усыновители, опекуны, попечители) несет ответственность за воспитание и поведение несовершеннолетнего.

Законными представителями могут быть родители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, органы опеки и попечительства [6, 115].

Законный представитель имеет право:

1) знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний;

2) присутствовать при предъявлении обвинения;

3) участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), а также с разрешения следователя, — в иных следственных действиях, производимых с его участием и участием защитника;

4) знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей;

5) заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия и решения дознавателя, следователя, прокурора;

6) представлять доказательства;

7) по окончании расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме [2, 542].

При этом в судебном разбирательстве законный представитель вправе:

- заявлять ходатайства и отводы;
- давать показания; представлять доказательства;
- участвовать в прениях сторон;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда;
- участвовать в заседании судов вышестоящих инстанций.

Законный представитель по постановлению следователя, дознавателя может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Суд имеет право удалить несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, которые могут отрицательно на него повлиять.

Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, при условии их соблюдения, предотвращают случаи незаконного привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности и необоснованного лишения их свободы.

Несовершеннолетние по-прежнему остаются одной из самых крупных и уязвимых групп среди потерпевших в уголовных делах. Так, потерпевшим может быть признано любое лицо, которому преступлением был причинен имущественный, физический или моральный вред, вне зависимости от степени дееспособности лица, определяемой возрастом, физическим или психическим состоянием [6, 115].

В соответствии с ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе:

- знать о предъявленном обвиняемому обвинении;
- давать показания;
- отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и

других близких родственников;

- представлять доказательства;
- давать показания на родном языке или языке, которым он владеет;
- обязан иметь законного представителя или представителя;
- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания;
- знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта;
- получать копии документов
- выступать в судебных прениях [4, 968].

Несовершеннолетний свидетель является неотъемлемым участником производства по любому уголовному делу, поскольку следственные действия, проведенные с его участием, составляют основу доказывания.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Из определения свидетеля, приведенного в ч. 1 ст. 56 УПК РФ, следует, что под ним понимается физическое лицо при наличии следующих условий: 1) имеется предположение о том, что ему известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; 2) оно в установленном законом порядке вызвано для дачи показаний.

Свидетель обладает следующими правами:

- отказаться свидетельствовать против себя, супруга (супруги) и других близких родственников;
- давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно; заявлять отвод переводчику;
- заявлять ходатайства и приносить жалобы;
- ходатайствовать о применении мер безопасности.

В соответствии с ч, 6 ст. 56 УПК РФ свидетель не вправе:

- уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, иначе он может быть подвергнут приводу.
- давать заведомо ложные показания либо отказываться от дачи показаний; разглашать данные предварительного расследования, если он заранее был об этом предупрежден.

К несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в совершении преступления средней тяжести.

По окончании предварительного расследования следователь, дознаватель вправе вынести постановление о непредъявлении несовершеннолетнему обвиняемому для ознакомления тех материалов уголовного дела, которые могут оказать на него отрицательное воздействие. Но ознакомление с этими материалами законного представителя в любом случае является обязательным.

Если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия.

Несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

По результатам рассмотрения ходатайства несовершеннолетнего осужденного, его родителей или иных законных представителей, представления (заключения) судья выносит постановление, которое подлежит оглашению в судебном заседании.

При постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего суд наряду с общими вопросами обязан решить вопрос о возможности освобождения

несовершеннолетнего от наказания условного осуждения либо назначения ему наказания, не связанного с лишением свободы.

Копия постановления в течение пяти суток направляется несовершеннолетнему осужденному и его законному представителю, а также в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, прокурору и в суд, постановивший приговор.

Несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые в уголовных делах обладают особыми правами и обязанностями, которые регулируются Уголовно-процессуальным кодексом РФ и УПК РТ. Важным аспектом является обязательное участие защитника и законного представителя. Для несовершеннолетних, не достигших 16 лет или имеющих психические расстройства, предусмотрено «тройное представительство», включающее защитника, законного представителя и педагога или психолога.

Государство также обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию ущерба, что подчеркивает важность защиты жертв преступлений [7, 20-33].

Существует необходимость в разработке четких алгоритмов для следственных и судебных действий, чтобы повысить безопасность несовершеннолетних в уголовном процессе. Свидетели играют ключевую роль, так как их показания могут быть решающими для расследования. Однако для того, чтобы свидетель был готов предоставить информацию, необходимо обеспечить соблюдение его прав на предварительном следствии [8, 189-195].

Высокий уровень преступности среди несовершеннолетних вызывает беспокойство у населения и правоохранительных органов. На это влияют негативные действия со стороны взрослых, такие как вовлечение детей в преступную деятельность, пьянство, занятие попрошайничеством и проституцией, а также склонение к потреблению наркотических средств.

Уголовное наказание — это важное средство борьбы с преступностью, в том числе с преступностью несовершеннолетних, о чем свидетельствуют его цели: социальная справедливость; исправление осужденных; предупреждение совершения новых преступлений.

Основной задачей судебной деятельности по делам в отношении несовершеннолетних является не только установление и наказание виновного, но и выяснить причины, которые привели к правонарушению. Судопроизводство по делам в отношении несовершеннолетних должно обеспечивать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, а также содействовать выполнению судом воспитательно предупредительной задачи.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г.№174-ФЗ (в ред. от 04.03.2013) // Российская газета, 22.12.2001, N249.
3. Федеральный закон от 05.06.2007 N 87-ФЗ “ О внесении изменений в Уголовн - процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации” // “Российская газета”, № 122, 08.06.2007.
4. Исакова, Т. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних Т.В. Исакова; науч.ред. И. В. Смолькова. — М.: Юрлитинформ, 2011.-120 с.
5. Ожиганова, М. В. Досудебное производство по уголовным делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности / М.В. Ожиганова; науч.ред Л.Г. Татьянина. — М.: Юрлитинформ, 2008.- С.124-128.
6. Колударова, О. П. Производство по уголовным делам в отношении безнадзорных несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых (отдельные вопросы теории и практики): монография / О.П. Колударова, Л.Г. Татьянина. — М.: Юрлитинформ, 2013.- 463 с.
7. Гриненко А.В., Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий-2-е Изд. перераб. и доп.-Москва: Проспект, 2019.- 308 с.
8. Дударев В.А. Порядок производства допроса несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) по уголовно-процессуальному законодательству России и Республики Беларусь // Международное уголовное право. 2015. № 1.С. 21-25.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ

Желтова Виктория Алексеевна
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан г.Душанбе, ул.М.Турсун-заде, 30
тел.: (+992) 501151681, e-mail: mimimi2297@mail.ru

Раджабова Фаришта
студентка 3-го курса юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, ул. М. Турсунзаде 30
тел.: (+992)077996556, e-mail: r.f.farishta@gmail.com

DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS A FACTOR IN INCREASING THE EFFICIENCY OF ACCESS TO JUSTICE

Zheltova Victoria Alekseevna
Lecturer Department of Criminal Process and Criminalistics
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30
tel.: (+992)501151681, e-mail: mimimi2297@mail.ru

Farishta Rajabova
3rd-year Student, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, 30 M. Tursunzade St.
tel.: (+992) 077996556 e-mail: r.f.farishta@gmail.com

Аннотация. *В данной статье исследуется влияние процессов цифровизации на фундаментальный правовой институт доступа к правосудию в рамках уголовного процесса. Автор анализирует переход от традиционной «бумажной» модели судопроизводства к использованию высокотехнологичных инструментов, таких как электронное уголовное дело и системы дистанционного участия в следственных действиях. В работе подчеркивается, что цифровая трансформация выступает катализатором оперативности и прозрачности правосудия, однако требует создания надежных процессуальных гарантий для защиты прав участников процесса от новых технологических рисков. Проведен сравнительный анализ законодательных подходов Республики Таджикистан и Российской Федерации в вопросах внедрения информационных технологий в сферу юстиции.*

Annotation: *This article examines the impact of digitalization processes on the fundamental legal institution of access to justice within the framework of criminal proceedings. The author analyzes the transition from the traditional "paper" model of justice to the use of high-tech tools such as electronic criminal cases and systems for remote participation in investigative actions. The paper emphasizes that digital transformation acts as a catalyst for the efficiency and transparency of justice, but requires the creation of reliable procedural guarantees to protect the rights of participants from new technological risks. A comparative analysis of the legislative approaches of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the implementation of information technologies in the sphere of justice is carried out.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, доступ к правосудию, цифровизация, электронное уголовное дело, видеоконференцсвязь, процессуальные гарантии, цифровая трансформация, электронные доказательства.*

Keywords: *criminal proceedings, access to justice, digitalization, electronic criminal case, video conferencing, procedural guarantees, digital transformation, electronic evidence.*

Сегодня, когда активно развивается информационное общество, цифровые технологии становятся важной частью государственного управления, в том числе и в сфере правосудия. Уголовный процесс считается одной из самых строгих сфер права, но сегодня он вынужден адаптироваться к новым условиям, где информация передается очень быстро и расстояние уже не играет большой роли. Цифровизация здесь рассматривается не просто как новое техническое решение, а как способ сделать правосудие более доступным, открытым и быстрым. По моему мнению, использование цифровых технологий действительно облегчает доступ к правосудию, особенно для людей, которые не могут лично прийти в суд.

Цифровизация уголовного судопроизводства — это не просто внедрение технологий ради удобства, а глубокая трансформация всей системы правосудия, которая напрямую влияет на доступ граждан к защите своих прав и свобод.

Цифровизация уголовного судопроизводства представляет собой системное внедрение информационно-коммуникационных технологий во все стадии процесса — от регистрации заявления о преступлении до исполнения судебного решения. Исследователи (например, Л.А. Воскобитова) справедливо отмечают, что цифровая среда создает новую процессуальную реальность [1, 320.]

Важно различать просто наличие техники в судах и реальную цифровизацию всего процесса. Цифровизация процесса означает переход к электронному оформлению всех юридических действий, которое имеет несколько особенностей:

1. Верифицируемость: использование усиленной квалифицированной электронной подписи (ЭЦП) гарантирует подлинность и неизменность процессуальных актов [2].

2. Транспарентность: автоматизированные системы позволяют участникам процесса отслеживать движение дела в режиме реального времени, что снижает коррупционные риски.

3. Доступность: возможность реализации прав (подача жалоб, ходатайств) через «Личные кабинеты» на государственных порталах без личного посещения органов следствия или суда.

Одним из главных элементов повышения доступности правосудия является электронное уголовное дело. Внедрение единой защищенной платформы позволяет аккумулировать материалы дела в цифровом виде, обеспечивая: Оперативный обмен данными между правоохранительными органами, прокуратурой и судом, что существенно сокращает сроки предварительного расследования.

Дистанционное ознакомление сторон с материалами дела, что особенно актуально для обеспечения права на защиту в условиях территориальной удаленности.

Другим значимым инструментом является видеоконференцсвязь (ВКС). Право на личное участие в судебном заседании или допросе сегодня реализуется через дистанционные формы, что минимизирует издержки участников процесса и исключает затягивание сроков из-за невозможности явки лиц. В Республике Таджикистан и Российской Федерации развитие систем ВКС признано приоритетным направлением, позволяющим обеспечить участие в заседаниях лиц, находящихся в следственных изоляторах или в медицинских учреждениях, при этом сохраняются основные принципы рассмотрения доказательств. На практике это особенно важно для людей, которые находятся далеко или не могут присутствовать лично» [3,112-118].

Цифровизация также поднимает вопрос о том, как использовать электронные доказательства. Информация из компьютеров, мессенджеров и социальных сетей требует особого порядка получения и оформления. Для повышения эффективности правосудия необходимо упростить порядок признания цифровых данных допустимыми доказательствами, исключив избыточные требования о «дублировании их на бумаге» при условии подтверждения их аутентичности техническими средствами. Несмотря на позитивные аспекты, цифровизация порождает специфические риски:

- **Проблема идентификации:** риск несанкционированного доступа к системе требует внедрения протоколов кибербезопасности высшего уровня.
- **Цифровое неравенство:** отсутствие у части населения навыков работы с ИТ-технологиями не должно становиться препятствием для защиты их прав. Поэтому бумажная форма взаимодействия должна сохраняться как альтернативная (гибридный формат).
- **Обеспечение конфиденциальности:** реализация права на защитника в условиях видеосвязи требует создания защищенных каналов связи, исключающих возможность прослушивания консультаций адвоката и подзащитного [4, 256.]

Для полноценной реализации потенциала цифровизации автором предлагаются следующие меры:

1. Закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе статус электронного протокола как основного способа фиксации хода процесса, при котором бумажный вариант является вспомогательным;

2. Разработать единый регламент верификации доказательств, полученных из цифровых источников.

Внедрить систему «цифровых извещений», признавая уведомление надлежащим с момента его доставки в верифицированный профиль участника процесса на государственном портале [5, 45-52.]

Цифровизация уголовного судопроизводства является важным фактором повышения эффективности доступа к правосудию. Она делает процесс более быстрым, прозрачным и удобным для граждан. Однако для достижения максимального эффекта необходимо учитывать риски и обеспечивать баланс между технологичностью и соблюдением фундаментальных прав человека.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо констатировать, что цифровизация уголовного судопроизводства является объективным и необратимым этапом эволюции правовой системы в условиях глобальной технологической трансформации. Переход от традиционной «бумажной» модели к цифровым формам взаимодействия выступает не просто техническим усовершенствованием, а фундаментальным фактором, коренным образом, повышающим эффективность доступа к правосудию. Она становится действенным инструментом преодоления бюрократических, временных и географических препятствий, которые десятилетиями ограничивали оперативность судебной защиты, делая механизм охраны прав и свобод граждан более гибким и адаптированным к вызовам времени.

В ходе анализа пришла к выводу, что успех данной масштабной реформы напрямую зависит от способности законодателя сформировать комплексную и гибкую правовую базу. Такая база должна не только легализовать использование современных технологических преимуществ — от электронного документооборота до систем искусственного интеллекта в аналитике — но и выступать гарантом сохранения незыблемых принципов законности, состязательности и справедливости. Цифровизация не должна становиться самоцелью; ее главная задача — служить человеку, обеспечивая прозрачность процедур и равенство сторон перед законом.

Список литературы:

1. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и информационные технологии: проблемы и перспективы. — М.: Норма, 2022. — 320 с.
2. Закон РТ «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 10.05.2002 № 67.
3. Александров А.С., Кучин А.Ф. Электронное уголовное дело: концепция и правовая форма // Юридическая наука и практика. — 2023. — № 4. — С. 112-118.
4. Зуев С.В. Цифровые технологии в уголовном процессе: мировые тренды и национальная практика. — Челябинск, 2024. — 256 с.
5. Пастухов П.С. Электронный документооборот как фактор доступности правосудия // Вестник ПГУ. — 2023. — № 1. — С. 45-52.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан / Российской Федерации.
7. Материалы судебной статистики за 2024–2025 гг.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРЕВОДЧИКА КАК ИНОГО УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Зокирова Равина Комилходжаевна
Магистрант 2-го года обучения очного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел: (+992) 110 07 30 09 e-mail: ravina.zakirova.rz@gmail.com

LEGAL STATUS OF AN INTERPRETER AS ANOTHER PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Zokirova Ravina Komilkhodzhaevna
2st year full-time master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30
tel.: (+992) 110 07 30 09 e-mail: ravina.zakirova.rz@gmail.com

Аннотация*. В статье исследуется правовое положение переводчика в уголовном процессе Республики Таджикистан через призму конституционных гарантий и уголовно-процессуального законодательства. Рассматривается эволюция понимания роли переводчика от технического посредника до самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений, обеспечивающего реализацию принципа языка судопроизводства. На основе анализа норм Конституции РТ, Уголовно-процессуального кодекса РТ, а также доктринальных источников, автором выявляются пробелы в правовом регулировании статуса переводчика, в частности отсутствие критериев профессиональной компетентности и механизмов проверки качества перевода.*

Annotation. *This article examines the legal status of interpreters in criminal proceedings in the Republic of Tajikistan through the prism of constitutional guarantees and criminal procedural legislation. It examines the evolution of the understanding of the interpreter's role from a technical intermediary to an independent subject of criminal procedural relations, ensuring the implementation of the principle of the language of legal proceedings. Based on an analysis of the provisions of the Constitution of the Republic of Tajikistan, the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, and doctrinal sources, the author identifies gaps in the legal regulation of interpreters' status, in particular the lack of criteria for professional competence and mechanisms for verifying the quality of translation.*

Ключевые слова: *переводчик, уголовный процесс, иные участники, язык судопроизводства, процессуальный статус, права и обязанности, ответственность переводчика.*

Keywords: *translator, criminal proceedings, other participants, language of legal proceedings, procedural status, rights and obligations, responsibility of the translator.*

Институт переводчика в уголовном процессе выступает тем правовым механизмом, который позволяет нивелировать языковой барьер и гарантировать доступ личности к правосудию независимо от национальной принадлежности и языковой компетенции.

Несмотря на кажущуюся второстепенность фигуры переводчика, отнесенного законодателем к категории «иных участников» уголовного судопроизводства, его роль в обеспечении фундаментальных принципов процесса трудно переоценить. Как справедливо отмечает профессор Медведев С. В, «переводчик в уголовном процессе является не просто техническим исполнителем, а полноценным участником процессуальной коммуникации, от точности действий которого зависит реализация прав и законных интересов других субъектов» [7, 33-39].

Отправной точкой для понимания статуса переводчика служит статья 88 Конституции Республики Таджикистан устанавливает важнейшее правило: «Лица, не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечиваются услугами переводчика» [1].

Развивая конституционное положение, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее УПК РТ) в статье 18 детализирует эту гарантию. Законодатель подчеркивает, что участникам процесса, не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается не просто присутствие переводчика, а целый комплекс прав: делать заявления, давать показания, заявлять ходатайства и даже знакомиться со всеми материалами дела на понятном для них языке [2].

Таким образом, стоит отметить, что основанием для участия переводчика в уголовном процессе служит то обстоятельство, что участник судопроизводства не понимает язык, на котором ведется дело, либо не может на нем объясняться, читать или писать. Причем закон исходит из того, что помощь переводчика требуется не только при полном незнании языка, но и в случаях, когда человек владеет им недостаточно полно. Например, гражданин может

понимать обращенную к нему речь, однако сам говорит с трудом, с ошибками, не может быстро и точно сформулировать мысль, прочитать процессуальный документ или тем более написать его. В такой ситуации без переводчика не обойтись, иначе лицо окажется ограниченным в реализации своих прав.

Чтобы полноценно раскрыть правовую основу переводчика, стоит для начала разобраться с понятием переводчика. В соответствии с частью 1 статьи 59 УПК РТ, переводчиком является лицо, владеющее необходимыми для перевода языками и привлеченное для участия в следственных и судебных действиях в случаях, когда участники процесса не владеют языком, на котором ведется производство по делу, а равно для перевода письменных материалов. Дознаватель, следователь или судья выносят постановление, для назначения лица переводчиком, а суд выносит определение [2].

В юридической науке вопросы участия переводчика в уголовном судопроизводстве традиционно привлекали внимание исследователей, что обусловлено значимостью данного института для обеспечения прав участников процесса. Анализ научных источников позволяет выделить несколько концептуальных подходов к определению сущности и требований, предъявляемых к переводчику.

В своих исследованиях М.А. Джафаркулиев предложил развернутую характеристику переводчика как участника уголовного процесса. С позиции ученого, под переводчиком следует понимать лицо, достигшее совершеннолетия и обладающее необходимым уровнем владения как языком судопроизводства, так и специальной терминологией, что выступает обязательным условием для качественного осуществления перевода в рамках процессуальных действий. Принципиальным положением в концепции М.А. Джафаркулиева выступает тезис о недопустимости совмещения переводчиком функций иных участников процесса, а также отсутствия у него какой-либо личной заинтересованности в исходе рассматриваемого дела [7, 36].

Вопрос о требованиях, предъявляемых к переводчику, получил неоднозначную оценку в научной литературе. Представители различных научных школ предлагали собственные критерии оценки возможности лица выступать в качестве переводчика.

Достаточно лаконичную позицию занимал М.Ю. Рагинский, который сводил требования к двум основополагающим характеристикам. По мнению исследователя, переводчик должен в совершенстве владеть необходимыми языками и при этом сохранять процессуальную беспристрастность, то есть не иметь личного интереса в результатах разбирательства [9, 184].

Более развернутую систему критериев предложил И.Л. Петрухин, выделивший три обязательных условия надлежащего переводчика. В их число вошли: профессиональная компетентность, подразумевающая не просто знание языка, но и способность осуществлять в свою очередь, В.П. Божьев акцентировал внимание на билингвальном характере деятельности переводчика, подчеркивая необходимость понимания как языка судопроизводства, так и языка, используемого участником уголовного процесса. Ученый обоснованно указывал, что одностороннее понимание лишь одного языка недостаточно для полноценного выполнения переводческих функций [6, 256].

Адекватный перевод юридически значимой информации; свободное владение языком судопроизводства и языком участника процесса; отсутствие заинтересованности в исходе дела, а также запрет на совмещение переводческих функций с выполнением иных процессуальных обязанностей [8, 396].

Анализ рассмотренных теоретических источников дает основание утверждать, что фигура переводчика в уголовном процессе характеризуется рядом устойчивых признаков, которые в совокупности обеспечивают надлежащее выполнение им своих функций.

Первое и наиболее очевидное требование — это наличие у лица необходимых языковых компетенций. Речь идет о свободном владении языком судопроизводства и языком участника, что является инструментальной основой всей деятельности переводчика.

Второй признак носит обеспечительный характер: переводчик должен быть совершеннолетним и вменяемым. Данное условие гарантирует, что лицо способно понимать значение совершаемых действий и нести за них ответственность.

Третье условие — компетентность и наличие специальных познаний. Здесь важно подчеркнуть, что переводчик должен быть именно специалистом в своей области, поскольку перевод юридических текстов и устной речи в ходе процесса требует не просто знания лексики, но и понимания контекста, а также умения корректно оперировать терминологией.

Наконец, обязательным требованием выступает отсутствие какой-либо заинтересованности в исходе дела. Незаинтересованность переводчика является той процессуальной гарантией, которая позволяет обеспечить объективность и беспристрастность передачи информации, исключая возможность умышленного или неосторожного искажения смысла сказанного.

Неоднократно в литературе поднимается вопрос о возрасте и возрастных ограничениях переводчика, так как УПК РТ не содержат прямого указания на минимальный возраст лица, привлекаемого к участию в деле в качестве переводчика.

Для понимания существа проблемы показателен сравнительный анализ с иными участниками уголовного судопроизводства, обладающими схожим процессуальным статусом. Так, пункт 1 части 2 статьи 60 УПК РТ устанавливает прямой запрет на привлечение несовершеннолетних в качестве понятых. Аналогичный подход прослеживается в отношении специалиста: часть 1 статьи 57 УПК РТ требует наличия специальных знаний и профессиональной компетенции, что объективно предполагает получение соответствующего образования, невозможного до достижения совершеннолетия [1]. Схожие квалификационные требования предъявляются и к эксперту. Таким образом, в смежных процессуальных институтах законодатель исходит из невозможности участия несовершеннолетних лиц в силу либо отсутствия необходимой профессиональной подготовки, либо недостаточного уровня психофизиологической зрелости.

Показательный пример из правоприменительной практики приводит в своем исследовании А.В. Гуськова. В ситуации, когда подозреваемый иностранец владел исключительно монгольским языком, а найти переводчика в регионе не представлялось возможным, обнаружилась его родственница — одиннадцатилетняя девочка, свободно владевшая обоими языками. Орган дознания, испытывая обоснованные сомнения относительно допустимости участия ребенка в столь ответственной процессуальной роли, обратился за разъяснениями в прокуратуру. Надзорное ведомство заняло однозначную позицию: привлечение малолетнего лица к выполнению функций переводчика недопустимо, что повлекло необходимость приглашения специалиста из другого города. Примечательно, что сама А.В. Гуськова, описывая данный случай, высказывает иную точку зрения, допуская возможность участия в процессе в качестве переводчика даже малолетнего лица при условии его совершенного владения необходимыми языками [10, 26].

Представляется, однако, что позиция органов прокуратуры и основанное на ней процессуальное решение являются методологически верными и юридически обоснованными. Такой вывод базируется на нескольких взаимосвязанных аргументах.

Во-первых, часть 6 статьи 59 УПК Республики Таджикистан устанавливает уголовную ответственность переводчика за заведомо неправильный перевод либо уклонение от выполнения своих обязанностей. Субъектом указанных преступлений, как следует из положений статей 351 и 352 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, может выступать лишь лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение: лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, находится вне поля действия важнейшего правового механизма, обеспечивающего достоверность перевода и надлежащее выполнение процессуальных функций. Участие такого лица создает ситуацию, при которой ключевая гарантия качества перевода — угроза негативных правовых последствий, попросту отсутствует.

Во-вторых, привлечение несовершеннолетнего переводчика сопряжено с проблемой документального подтверждения его компетентности. В отличие от совершеннолетнего специалиста, который может представить диплом, сертификат или иные документы, свидетельствующие о квалификации, ребенок в силу возраста таковыми не располагает. Оценка же степени владения языком производится в данном случае субъективно лицом, ведущим производство по делу, что создает дополнительные процессуальные риски.

В-третьих, нельзя игнорировать психологический аспект несовершеннолетний в силу возрастных особенностей может не в полной мере осознавать значимость точности перевода, ответственность за искажение информации, важность соблюдения процессуальной формы. Легкомысленное отношение к возложенной функции, свойственное подростковому возрасту, способно нивелировать саму цель участия переводчика в уголовном процессе — обеспечение адекватной коммуникации между его участниками.

Правовое положение переводчика в уголовном процессе раскрывается через совокупность предоставленных ему законодателем правомочий и возложенных на него обязанностей. Анализ статьи 59 УПК РТ показывает, что переводчик наделен достаточно широким кругом прав, позволяющих ему качественно выполнять свою функцию. В их числе – право задавать уточняющие вопросы участникам процесса для достижения максимальной точности перевода, право знакомиться с протоколами следственных действий и вносить замечания относительно правильности фиксации перевода, а также право обжаловать действия и решения должностных лиц, ведущих производство по делу, в случае нарушения его прав. Что касается обязанностей, то законодатель сформулировал их через систему запретов. Переводчику запрещается осуществлять заведомо неправильный перевод, разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в деле, а также уклоняться от явки по вызовам следователя, дознавателя или в суд. Нарушение этих запретов влечет юридическую ответственность: за заведомо неправильный перевод и разглашение сведений предварительного расследования переводчик может быть привлечен к ответственности по статьям 351 и 352 УПК РТ.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство достаточно четко регламентирует статус переводчика, закрепляя его права, обязанности и меры ответственности. Это позволяет рассматривать переводчика не как вспомогательное, техническое лицо, а как полноценного субъекта уголовно-процессуальных отношений, значение которого в современном судопроизводстве неуклонно возрастает. Востребованность переводчика напрямую связана с уровнем его профессиональной компетенции – способностью обеспечить точный, грамотный и оперативный перевод, максимально полно передающий смысл сказанного без искажений и потерь.

Список литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: принята 06.11.1994 г.: (в ред. от 22.05.2016 г.). — Режим доступа: http://base.mmk.tj/law/ak/289/. (дата обращения 02.02.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://www.mmk.tj. (дата обращения 02.02.2026).
3. Гуськова А. В. Функция переводчика в уголовном судопроизводстве: постановка актуальных проблем // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2016. № 55. С. 26–30.
4. Джафаркулиев М.А. Проблемы национального языка в уголовном судопроизводстве. Баку, 1989. – 36 с.
5. Зуев С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 563 с.
6. Лебедев В.М., Божьев, В.П. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М.: 2007. – 256 с.
7. Медведев С. В. О несовершенстве правового регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 33-39.
8. Петрухин И.Л. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М.: Исток, 2010. – 396 с.
9. Рагинский М.Ю. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – М.: Проспект, 1985. – 184 с.
10. Рыжаков А.П. Переводчик в уголовном процессе: понятие, права, обязанности и ответственность. Комментарий к ст. 59 УПК РФ // СПС «Консультант».

ПОНЯТИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Назарзода Рамзагули Гани
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 988 88 45 44, e-mail: rami_1293@mail.ru

Давлатов Мехром Бахромович
магистрант 1-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 905 01 64 68, e-mail: mehrom55@icoloud.com

THE CONCEPT OF CRIMINAL CASE CLOSURE AS AN INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEDURE LAW

Nazarzoda Ramzaguli Gani
Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of
Criminal Procedure and Forensic Science
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M.Tursunzade 30
тел.: (+992) 988 88 45 44, e-mail: rami_1293@mail.ru

Davlatov Mehrom Bahromovich
1st year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M.Tursunzade 30
tel.: (+992) 905 01 64 68, e-mail: mehrom55@icoloud.com

Аннотация. *Право является своеобразным инструментом в руках государства, с помощью которого выражается общественно необходимое соотношение частных и публичных интересов, регулируются социальные противоречия. Преступление всегда порождает конфликт в обществе, единственно допустимым социально-правовым средством его разрешения выступает правосудие по уголовным делам. В свете проводимых правовых реформ, направленных на формирование и укрепление демократических институтов, российский уголовный процесс претерпел существенные изменения. Современная уголовно-процессуальная политика ориентирована на гуманизацию законодательства, демократизацию мер борьбы с преступностью, обеспечение социальной справедливости. В таких условиях карательный (репрессивный) подход к решению проблемы преступности нуждается в переосмыслении. Правоохранительной системе требуются законные, справедливые и в то же время эффективные средства и механизмы разрешения социальных конфликтов, связанных с совершением преступления.*

Annotation. *Law is a peculiar tool in the hands of the state, with the help of which the socially necessary correlation of private and public interests is expressed, and social contradictions are regulated. A crime always generates a conflict in society, and the only permissible socio-legal means of its resolution is criminal justice. In light of ongoing legal reforms aimed at the formation and strengthening of democratic institutions, the Russian criminal process has undergone significant changes. Modern criminal procedure policy is focused on the humanization of legislation, the democratization of measures to combat crime, and the provision of social justice. In such circumstances, the punitive (repressive) approach to solving the problem of crime requires rethinking. The law enforcement system requires legal, fair, and at the same time effective means and mechanisms for resolving social conflicts related to the commission of a crime.*

Ключевые слова: *прекращение, уголовное дело, предварительное расследования, право, процесс, закон, преследования, раскрытия, следователь, дознаватель, институт, суд.*

Keywords: *termination, criminal case, preliminary investigation, law, process, prosecution, disclosure, investigator, institute, court.*

В современной юридической литературе прекращение уголовного дела традиционно рассматривается как институт уголовно- процессуального права. Проблемы, связанные с прекращением уголовного дела, активно обсуждаются в юридической литературе с шестидесятых годов двадцатого века. В теории уголовно процессуального права

прекращение уголовного дела рассматривается как форма окончания предварительного расследования.

Уголовно-процессуальный закон разграничивает понятия "прекращение уголовного дела" и "прекращение уголовного преследования". Однако в УПК РФ определения термина "прекращение уголовного дела" отсутствует. В юридической литературе понятие "прекращение уголовного дела" как правило раскрывается через его основания или признаки [2, 53].

Так, одни ученые под прекращением уголовного дела понимают форму окончания уголовного дела без вынесения окончательного решения в форме приговора. Другие прекращение уголовного дела связывают с прекращением производства по уголовному делу в смысле прекращения уголовно- процессуальной деятельности [9, 487], [10, 114]. Третьи под прекращением уголовного дела понимают непосредственно уголовно процессуальный акт, которым завершается уголовное судопроизводство. Четвертые уточняют, что это не просто акт, а решение, принятое следователем, дознавателем или судом об окончании производства по уголовному делу и отказе от дальнейшего уголовного преследования.

Изложенные позиции позволяют судить, что прекращение уголовного дела понятие не однозначное и отсутствие законодательной дефиниции затрудняет его понимание. Вместе с тем, понимание прекращения уголовного дела как процессуального акта, юридического факта, процессуальной гарантии от незаконного уголовного преследования, и самостоятельного правового института является обоснованным и отражает его многоаспектность.

Так, Е.В. Давыдова называет прекращение уголовного дела формой окончания предварительного следствия, завершающей производство по уголовному делу и без направления его в суд [1, 34], [5, 23], [7, 70-80], однако такое определение представляется не совсем полным и применимым лишь для стадии предварительного расследования, тогда как прекращение уголовного дела возможно и в суде.

В.И. Басков давая определение прекращению уголовного дела указывает на обязательное наличие предусмотренных законом оснований его прекращения, что представляется важным. Т.А. Соловьева раскрывает определение В.И. Баскова и указывает, что наличие таких оснований создает "невозможность дальнейшего ведения уже начатого судопроизводства" [4, 30-31].

А.В. Гриненко прекращение уголовного дела рассматривает как деятельность управомоченных лиц от имени государства по отказу от дальнейшего уголовного преследования.

А. Шейфер называл прекращение уголовного дела правоустанавливающим фактом, который влечет возникновение права на обжалования постановления о прекращении уголовного дела и является гарантией от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин называли прекращение уголовного дела прежде всего процессуальным актом, в котором отражается решение должностного лица об отказе от уголовного преследования [6, 54].

Р.Х. Якупов при определении понятия прекращения уголовного дела акцент делает на его задачах, указывая, что при прекращении уголовного дела на следователе лежит обязанность совершить комплекс процессуальных действий.

Прекращение уголовного дела означает невозможность продолжения уголовно-процессуальной деятельности по нему, невозможность производства следственных действий и оперативно розыскных мероприятий [11, 105].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ регламентируя основания прекращения уголовного дела, в одних случаях устанавливает обязанность следователя прекратить уголовное дело, в других - право.

Таким образом, прекращение уголовного дела - это одна из форм окончания предварительного расследования, представляющая собой заключительный этап производства по уголовному делу, когда лицом, в производстве которого находится дело, после осуществления процессуальных действий на основе оценки собранных и проверенных доказательств принимается решение о прекращении процессуальной деятельности, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, без направления дела в суд.

Прекращение уголовного дела необходимо отграничивать от прекращения уголовного преследования. Е.Г. Васильева указывает, что прекращение уголовного преследования — это самостоятельный институт уголовно-процессуального права [3, 264].

Уголовно-процессуальный закон различает основания прекращения уголовного дела и основания прекращения уголовного преследования. Если прекращение уголовного дела означает в целом прекращение уголовно- процессуальной деятельности по факту совершения преступления, то прекращение уголовного преследования далеко не всегда влечет прекращение уголовного дела и выражается в прекращении уголовно-процессуальной деятельности в отношении конкретного лица. Это означает, что если преступление совершено в соучастии или по уголовному делу есть несколько подозреваемых, то прекращение уголовного преследования одного из них не означает прекращения уголовного дела в целом.

Таким образом, прекращение уголовного преследования — это самостоятельный уголовно-процессуальный институт, представляющий собой совокупность норм, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных субъектов по окончанию предварительного расследования.

Назначение института прекращения уголовного дела заключается в защите подозреваемого, обвиняемого от незаконного необоснованного подозрения или обвинения и отвечает назначению уголовного судопроизводства в целом (ст. 6 УПК РФ). При этом сам факт прекращения уголовного дела не означает незаконности и необоснованности его возбуждения. Поскольку на момент возбуждения уголовного дела, оснований для его прекращения может не быть или они могут быть неизвестны следователю (дознавателю).

Правовыми последствиями прекращения уголовного дела являются отказ государства от дальнейшего уголовного преследования и возникновение у участников уголовного судопроизводства прав и обязанностей, обусловленных прекращением уголовного дела.

Процессуальным выражением решения о прекращении уголовного дела является постановление, в котором констатируется отсутствие оснований для продолжения уголовно-процессуальной деятельности.

В заключение рассмотрения настоящего вопроса, следует заметить, что прекращение уголовного дела возможно не только на стадии предварительного расследования, но и на судебных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе на стадии предварительного слушания (ст. 236 УПК РФ), по результатам судебного следствия (ст. 254 УПК РФ).

Список литературы:

1. Барбаш А. С., Володина Л. М. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования. - Томск, 1986. - 34 с.
2. Васильева Е. Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. - М., 2006. - 53с .
3. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. - М., 2006. – 264 с.
4. Гриненко А.В. Судебный штраф и реалии его применения в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 30- 31.
5. Давыдова Е. В., Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Примирение с потерпевшим в уголовном праве. - Ставрополь, 2002. - 23 с.
6. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в уголовном процессе. - М., 1965. - 54 с.
7. Соловьева Т.А. Частичное прекращение дела - средство аннулирования уголовной ответственности // Применение норм процессуального права (процессуальные средства реализации уголовной ответственности). Межвузовский сборник научных трудов: Научные труды Свердловского юридического института. - Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1977, Вып. 57. - С. 70-80.
8. Шейфер С. Оценка прекращения уголовного дела в стадии следствия // Социалистическая законность. - М.: Известия, 1958, № 4. - С. 61-64.
9. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. - М., 2001. - 487 с.
10. Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учеб. - М., 1998. - 114 с.
11. Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учеб. - М., 1998. - 105 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СВЯЗИ С ОТКАЗОМ ОТ ОБВИНЕНИЯ

Назарзода Рамзагули Гани
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 988 88 45 44, e-mail: rami_1293@mail.ru

Давлатов Мехром Бахромович
магистрант 1-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 905 01 64 68, e-mail: mehrom55@icoloud.com

PROBLEMS OF CRIMINAL CASE DISMISSAL AT THE COURT STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CONNECTION WITH THE REJECTION OF THE INVESTIGATION

Nazarzoda Ramzaguli Gani
Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of
Criminal Procedure and Forensic Science
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M. Tursunzade 30
tel.: (+992) 988 88 45 44, e-mail: rami_1293@mail.ru

Davlatov Mehrom Bahromovich
1st year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M. Tursunzade 30
tel.: (+992) 905 01 64 68, e-mail: mehrom55@icoloud.com

Аннотация. *Анализируется институт прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования. Проводится оценка его влияния на систему уголовно - исполнительных отношений. В статье аргументируется тезис о комплексном характере данного правового института, что является фактором, обуславливающим системный характер содержания его норм, которые прямо связаны с уголовно -правовым институтом освобождения от уголовной ответственности и уголовно-исполнительной деятельностью по реализации запретов, налагаемых судом при применении мер пресечения. Определяется природа актов прекращения уголовного дела и уголовного преследования, дается их соотношение. Проводится системный анализ правоприменительных проблем, связанных с реализацией порядка прекращения уголовного преследования.*

Annotation. *The article analyzes the institution of termination of a criminal case and (or) criminal prosecution. It assesses its impact on the system of criminal-executive relations. The article argues for the complex nature of this legal institution, which is a factor that determines the systemic nature of its norms, which are directly related to the criminal-legal institution of release from criminal liability and the criminal-executive activity of implementing the prohibitions imposed by the court when applying preventive measures. The article defines the nature of the acts of termination of a criminal case and criminal prosecution and their relationship. A systematic analysis of law enforcement issues related to the implementation of the procedure for termination of criminal prosecution is being conducted.*

Ключевые слова: *прекращение уголовного дела, уголовное преследование, прекращение уголовного преследования.*

Keywords: *termination of a criminal case, criminal prosecution, termination of criminal prosecution.*

Как уже было сказано выше, прекращение уголовного дела возможно не только на стадии предварительного расследования, но и на судебных стадиях уголовного судопроизводства. При этом особым основанием прекращения уголовного дела является отказ государственного обвинителя от обвинения. Вопрос о возможности прекращения уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения на различных стадиях уголовного судопроизводства является дискуссионным.

Стадия назначения судебного заседания традиционно считается таким этапом производства по уголовному делу, на котором судья, изучив материалы поступившего в суд уголовного дела и выявив по собственной инициативе или по ходатайству сторон какие-либо препятствия для назначения по нему судебного разбирательства, принимает меры по устранению таких препятствий и в зависимости от того, установлены ли достаточные основания для назначения судебного разбирательства, принимает согласно ч. 1 ст. 227 УПК РФ соответствующее решение: или о направлении дела по подсудности, или о назначении предварительного слушания, или о назначении судебного заседания.

Для тех случаев, когда суду совместно со сторонами необходимо обсудить какие-либо вопросы, связанные с дальнейшим движением уголовного дела, законом предусмотрено проведение предварительного слушания, по итогам которого судья принимает одно из решений: о возвращении уголовного дела прокурору; о приостановлении или прекращении уголовного дела, о выделении или соединении уголовных дел и пр. (ч. 1 ст. 236 УПК).

Институт прекращения уголовного дела в предварительном слушании - важная гарантия против необоснованного назначения судебного заседания и помещения обвиняемого на скамью подсудимых, поскольку позволяет исключить существенные затраты на проведение судебного разбирательства и минимизировать процессуальные издержки [2, 53-62].Более того, еще в ходе проведения судебной реформы в XIX в. подчеркивалось, что предание суду - это важная гарантия охраны прав личности в уголовном судопроизводстве.

Возможность прекращения уголовного дела в первой судебной стадии является также средством соблюдения разумного срока рассмотрения и разрешения уголовного дела судом, основанным на общепризнанных принципах и нормах международного права, предусматривающих в том числе и право на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство без неоправданной задержки [6].

Поэтому так важно суду принять верное и справедливое решение: назначить судебное разбирательство или в необходимых случаях остановить "судебную машину", не дожидаясь разбирательства дела по существу, облегчив тем самым участь обвиняемого и фактически разрешив уголовное дело.

На предварительном слушании судья вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование полностью либо частично, в отношении всех обвиняемых, одного либо нескольких при наличии оснований, указанных в ч. ч. 1 и 2 ст. 239 УПК. Одно из таких оснований - отказ прокурора от обвинения в порядке, установленном ч. 7 ст. 246 УПК, по основаниям, предусмотренным п. п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК и в уголовно-процессуальной науке считающимся реабилитирующими. Причем следствием такого отказа является обязанность судьи прекратить уголовное дело. По основаниям, предусмотренным и. и. 3 - 6 ч. 1, ч. 2 ст. 24 УПК, и. и. 3 - 6 ч. 1 ст. 27 УПК, т.е. нереабилитирующим, судья прекращает уголовное дело как по собственной инициативе, так и согласно ч. 1 ст. 229 УПК по ходатайству стороны, в том числе и прокурора. При принятии судьей решения о прекращении уголовного дела по любому из перечисленных оснований усмотрение судьи фактически отсутствует [7, 466], поскольку и отказ прокурора от обвинения, и установление оснований, предусмотренных п. п. 3 - 6 ч. 1, ч. 2 ст. 24 УПК, п. п. 3 - 6 ч. 1 ст. 27 УПК, влекут прекращение уголовного дела судом в обязательном порядке.

Какие вопросы возникают в связи с таким правовым регулированием института прекращения уголовного дела в стадии назначения судебного заседания?

Первый вопрос о том, почему законодатель, реализуя цели, поставленные в Концепции судебной реформы в РФ, по укреплению независимости судебной власти, лишению суда обвинительных начал, утверждению подлинной состязательности, введению судебного контроля [1, 35,83-86], расширил полномочия суда в уголовном судопроизводстве, в первую очередь в досудебном производстве, сократив при этом его полномочия в первой судебной стадии, запретив суду по собственной инициативе прекращать уголовное дело или уголовное преследование по реабилитирующим основаниям?

С одной стороны, такой подход к решению столь важного вопроса вполне оправдан и разумен, поскольку в стадии назначения судебного заседания без непосредственного исследования доказательств дать окончательную оценку фактическим обстоятельствам по уголовному делу, в том числе свидетельствующим о наличии реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела, сложно. Вместе с тем принятие решения о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям на этом этапе отвечает задачам правосудия, поскольку предотвращает порой необоснованное принятие решения о назначении судебного заседания и предании обвиняемого суду (например, в случаях установления судьей факта недостижения обвиняемым возраста привлечения к уголовной ответственности при отсутствии отказа прокурора от обвинения; исключения недопустимых доказательств). Какое решение в этом случае справедливее: назначение судебного заседания или прекращение уголовного преследования? Здесь надо помнить о предназначении уголовного судопроизводства, что важнее: разрешение уголовно-правового конфликта в кратчайшие сроки при согласии на то сторон и соблюдении необходимых условий или продолжение судебной процедуры, длительной и дорогостоящей с точки зрения ресурсного обеспечения, с привлечением большого числа лиц, продолжением применения мер принуждения в отношении обвиняемого и пр.? Совершенно очевидно, что полномочия суда как органа правосудия по прекращению уголовного дела по реабилитирующим основаниям соответствуют сути правосудия.

С другой стороны, вынесение оправдательного приговора в условиях гласного и непосредственного судебного разбирательства, а не прекращение уголовного дела в несколько иных, ограниченных, процедурных условиях более соответствует смыслу реабилитации невиновного и имеет больший моральный и воспитательный эффект, хотя во времени этот вопрос и отодвигается на более поздний момент, да и процессуальных издержек в ходе судебного разбирательства возникает, конечно, больше, чем в стадии назначения судебного заседания.

Второй вопрос о том, чем с точки зрения реализации состязательных начал в уголовном процессе чем руководствовался законодатель, доверяя стороне обвинения в лице следователя, дознавателя (на предварительном расследовании) и прокурора (на предварительном слушании) осуществлять функцию разрешения уголовного дела по существу путем прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям или отказа от обвинения (что фактически, по правовым последствиям, можно приравнять к оправданию обвиняемого)? Получается, что следователь, дознаватель, прокурор, осуществляя обвинительную функцию, в действительности в этих случаях подменяют суд.

Третий вопрос связан с самой возможностью прокурора отказаться от обвинения на предварительном слушании, и вопрос этот дискуссионный. Так, одна точка зрения заключается в том, что прокурор вправе отказаться от обвинения на предварительном слушании, если не требуется исследования всех доказательств в суде, т.е. основания прекращения уголовного дела усматриваются из материалов дела. Другая позиция более категорична: прокурор вправе заявить такой отказ только в судебном следствии или прениях сторон. Именно таким образом регулируется отказ государственного обвинителя от обвинения в некоторых зарубежных странах, т.е. закон устанавливает право государственного обвинителя отказаться от обвинения только в стадии судебного разбирательства (ч. 4 ст. 409 УПК Республики Узбекистан, ч. 3 ст. 210 УПК Эстонии, ч. 8 ст. 293 УПК Республики Беларусь).

Некоторые авторы убеждены в том, что более точно определять в уголовно-процессуальном законе возможный момент заявления государственным обвинителем отказа от обвинения "нецелесообразно, поскольку теоретически необходимость в этом может возникнуть на любом этапе судебного разбирательства", т.е. и в стадии назначения судебного заседания.

Действительно, прекращение уголовного дела на этом этапе свидетельствует о том, что указанная стадия процесса выполняет свою контрольную задачу, предотвращая назначение судебного заседания по рассмотрению уголовного дела, но только в тех случаях, когда основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования очевидны, имеющихся доказательств для принятия такого решения достаточно, т.е. нет необходимости исследовать доказательства в полном объеме в ходе судебного следствия [3, 154], [4, 17].

Сложность толкования правовых норм, регулирующих принятие указанного решения

на предварительном слушании в случае отказа прокурора от обвинения, заключается в том, что и порядок, и основания принятия такого решения в ч. 1 ст. 239 УПК фактически не установлены, поскольку эта норма, являясь отсылочной, буквально гласит, что в случае отказа прокурора от обвинения в порядке, установленном ч. 7 ст. 246 УПК, судья выносит постановление о прекращении уголовного дела. Обращаемся к ч. 7 ст. 246 УПК - в ней предусмотрено, что прокурор отказывается от обвинения, если в ходе судебного разбирательства он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, при этом излагая суду мотивы отказа. Суд, невзирая на то, убедительны и достаточны ли для него эти мотивы, и без выслушивания мнения других участников процесса, обязан принять решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным п. п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК.

Подобная правовая конструкция порождает следующие сложности в правоприменении.

1. Неоднозначно положение закона о том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение.

Разве это не означает наличие оснований для вынесения оправдательного приговора? Тогда почему прокурор согласно ч. 5 ст. 246 УПК, излагая свое мнение по существу обвинения, не может это сделать в своей речи в прениях сторон, а суд вместо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям не должен вынести оправдательный приговор?

2. К убеждению о том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, прокурор вправе прийти только в ходе судебного разбирательства. Из смысла этого правового положения следует, что такое убеждение у прокурора может сложиться фактически или в процессе судебного следствия, или по его окончании. В любом случае это означает, что доказательства по делу судом были исследованы, только в каком объеме - полном или частично - не ясно. Ясно только, что прокурор на определенном этапе судебного разбирательства приходит к выводу, что он не вправе продолжать свою деятельность по поддержанию государственного обвинения, и закон предоставляет ему возможность отказаться от обвинения, но в какой момент он вправе это сделать, закон не определяет.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемая норма регулирует порядок отказа прокурора от обвинения только в стадии судебного разбирательства. В подтверждение такого вывода можно сослаться на правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой отказ прокурора от обвинения должен быть мотивирован ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты [8].

Не случайно поэтому появилось мнение о том, что отказ прокурора от обвинения не может выступать в качестве самостоятельного основания прекращения уголовного дела, если за таким отказом стоят обнаруженные им реабилитирующие обстоятельства, что является основанием для вынесения судом оправдательного приговора в стадии судебного разбирательства [5,22]. С таким суждением можно согласиться, но возникает сомнение в надобности института отказа прокурора от обвинения в стадии судебного разбирательства, поскольку, как уже отмечалось, такой отказ, по сути, сводится к высказыванию прокурором мнения по существу обвинения. Поэтому отказ прокурора от обвинения может иметь место именно на предварительном слушании, где могут решаться любые вопросы, связанные с дальнейшим движением уголовного дела. При этом, на наш взгляд, в закон следует ввести следующие правила:

- отказ прокурора от обвинения не должен приводить к прекращению уголовного дела только по реабилитирующим основаниям, поскольку возможны ситуации, когда другие участники процесса, а также судья могут не выявить нереабилитирующие основания прекращения дела, и дело будет назначено к рассмотрению без оснований для этого;
- суд должен быть наделен правом инициировать вопрос о прекращении уголовного дела не только по нереабилитирующим, но и реабилитирующим основаниям ввиду того, что может возникнуть обратная ситуация - прокурор не заявит отказ от обвинения при наличии оснований для этого;

- и отказ прокурора от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела судом по реабилитирующим основаниям, и прекращение судом по собственной инициативе дела по этим основаниям должны осуществляться только в тех случаях, когда для принятия такого решения не требуется исследования доказательств с точки зрения подтверждения виновности или невиновности обвиняемого. В случае возникновения у какой-либо из сторон, в том числе и у прокурора, сомнения в обоснованности такого заключения экспертов должно быть назначено судебное разбирательство уголовного дела с исследованием доказательств, проведением повторной экспертизы и пр., и по его результатам вынесено соответствующее решение.

В юридической литературе порядок прекращения уголовного дела ввиду отказа прокурора от обвинения регулярно подвергается критике в силу трех основных причин: во-первых, суд в такой ситуации лишается самостоятельности и независимости, превращаясь в исполнителя воли прокурора; во-вторых, такое решение принимается без учета мнения других участников процесса; в-третьих, суд лишен возможности проверить доводы прокурора.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ, а затем и Пленум Верховного Суда РФ попытались этот пробел устранить. Вслед за разъяснениями Конституционного Суда РФ о том, что отказ прокурора от обвинения должен быть мотивирован ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты[1], Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что исходя из положений ст. 239 УПК, устанавливающей основания и порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования в предварительном слушании, судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе вправе исследовать материалы дела, имеющие отношение к основаниям его прекращения (п. 20)[1 2] Фактически высшие российские судебные органы ввели новые правовые нормы. И все же осталось неясным, относится ли правовая позиция Конституционного Суда РФ к предварительному слушанию, а разъяснение Пленума Верховного Суда РФ – к процедуре прекращения уголовного дела ввиду отказа прокурора от обвинения.

В завершение рассмотрения вопросов, связанных с правовым регулированием института прекращения уголовного дела или уголовного преследования в предварительном слушании, необходимо констатировать, что он нуждается в реформировании в сторону дополнения объема полномочий прокурора по отказу от обвинения, а судебных полномочий – по самостоятельному принятию решения о прекращении уголовного дела как по нереабилитирующим, так и по реабилитирующим основаниям в целях создания надежного механизма предотвращения необоснованного назначения судебного разбирательства уголовного дела.

Список литературы:

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 35, 83 - 86.
2. Кулик Н.В. Осуществление прокурором доказывания на предварительном слушании: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т Ген. прок-ры РФ, 2006. С. 148; Рябинина Т.К. Предварительное слушание как средство соблюдения разумности срока уголовного судопроизводства //Государство и право. 2013. N 2. С. 53 - 62.
3. Казанцев А.А. Прекращение уголовного преследования в суде ввиду отказа прокурора от поддержания государственного обвинения // Вестник Оренбург, гос. ун-та. 2006. N 9 (приложение). С. 41; Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 154.
4. Колоколов Н.А. Решения судьи в стадии предварительного слушания, пресекающие движение уголовного дела // Мировой судья. 2011. N 9. С. 8 - 11: Кириллова Н.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 17.
5. Лавнов М. А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 22.

6. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // [Электронный ресурс]: Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. //
7. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Спарк, 2002. С. 466.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. N 18-П "По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254. 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан".

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Назаров Аслам Давлятбекович
магистрант 1-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 93 030 40 17, e-mail: upk.rstu@mail.ru

PRELIMINARY INVESTIGATION AS AN INDEPENDENT FORM OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Nazarov Aslam Davlyatbekovich
1st year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M.Tursunzade 30
tel.: (+992) 93 030 40 17, e-mail: upk.rstu@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается предварительное следствие как основная форма предварительного расследования. Авторы анализируют понятие предварительного следствия, его цели и задачи, а также основные этапы и методы его осуществления. В статье также рассматриваются возможные проблемы, возникающие в ходе предварительного расследования, и предлагаются рекомендации по их решению.*

Annotation. *The article examines the preliminary investigation as the main form of preliminary investigation. The authors analyze the concept of preliminary investigation, its goals and objectives, as well as the main stages and methods of its implementation. The article also discusses possible problems that arise during the preliminary investigation and offers recommendations for solving them.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, следователь, коррупционные преступления.*

Keywords: *operational investigative activities, investigator, corruption crimes.*

Значение предварительного следствия очень велико и обусловлено это тем, что предварительное следствие – это деятельность, охватывающая стадию предварительного расследования от начала и до конца, оно устанавливает все обстоятельства преступления, которые подлежат доказыванию. Именно предварительное следствие подразумевает под собой максимальную охрану предусмотренных законом гарантий, соблюдения прав и законных интересов личности на досудебных стадиях уголовного процесса.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит определения предварительного следствия, поэтому в данном разделе работы мы исследуем определение данного правового явления исходя мнения отдельных отечественных процессуалистов и постараемся сформулировать свое определение рассматриваемого института уголовного судопроизводства.

Предварительное следствие как самостоятельный этап уголовного процесса, который зависит от решения прокурора, рассматривает, Смирнов А.В., он полагает, что предварительное следствие начинается с возбуждения уголовного дела и заканчивается утверждение прокурора решения следователя о передачи дела в суд или прекращении уголовного дела или уголовного преследования [5, 26-27].

Как стержневую и традиционную формы предварительного расследования, рассматривает следствие - Шаталов А.С., который указывает, что данная уголовно-процессуальная форма проводится по большинству преступлений, данные дела небольшой и средней тяжести, уголовные дела об этих преступлениях по письменному указанию прокурора могут быть переданы для производства предварительного следствия (ч. 4 ст. 150 УПК РФ) [1].

В свою очередь Вандышев В.В. под предварительным следствием понимает «форму предварительного расследования, заключающаяся в правоотношениях и деятельности всех его участников при определяющей роли следователя и руководителя следственного органа и существовании ограниченного контроля прокурора и суда по установлению наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для привлечения конкретного лица в качестве обвиняемого и направления в суд уголовного дела, как правило, о совершении тяжких или особо тяжких преступлений (ст. 15 УК, ст. 151 УПК РФ)» [1].

Батычко В.Л. толкует предварительное следствие, по–своему, «как расследование преступления следователем (ст. ст. 5, 38, 39, 150, 151 и др. УПК РФ), оно является превалирующей формой предварительного расследования, поскольку производится по подавляющему большинству преступлений» [2, 264].

Лазарева В.А. придерживается мнения, что «предварительное следствие – это деятельность следственных органов, направленная на расследование преступления путем сбора и фиксации сведений об обстоятельствах совершения преступления, установления виновных лиц, формулирования и предъявления обвинения».

Калиновский К.Б. дает самое развернутое и понятное определение предварительного следствия, это «регулируемая уголовно–процессуальным законом деятельность следователей по раскрытию преступлений» [6, 368].

Рассмотрев все вышеперечисленные точки зрения, мы делаем вывод, что предварительное следствие – самостоятельная уголовно-процессуальная форма, стадия уголовного судопроизводства, характеризующаяся системой процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, которая определяет комплекс правил производства предварительного следствия и правовой статус следователя.

Предварительное следствие производится следователем, который обладает процессуальной самостоятельностью. Уголовно-процессуальное законодательство относит к делам, по которым производится предварительное следствие, наиболее сложные, кроме того дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также дела преступлениях, совершенных невменяемыми.

Производить предварительное следствие могут участники уголовного судопроизводства, которые прикреплены к обвинению, а также у которых есть процессуальный статус следователя. Помимо этого, заниматься производством предварительного следствия в целом имеют право и руководители следственных органов, имея ряд полномочий следователя либо руководителя следственной группы.

Исходя из норм уголовно-процессуального закона, можно выделить последовательность этапов производства предварительного следствия, рассмотрим их.

На первом этапе, следователь принимает уголовное дело в производство. Как только данное действие осуществлено, для следователя открывается весь перечень процессуальных полномочий, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством. Эти полномочия необходимы для исследования обстоятельств уголовного дела, сбора, проверки, оценки доказательств.

Следователь может принять уголовное дело двумя методами, в зависимости от обстоятельств. В ситуациях, когда уголовное дело возбуждается непосредственно следователем, а также является подследственным ему, то следователю следует вынести единое постановление о возбуждении уголовного дела, а также о его принятии в свое производство (ч. 1 ст. 156 УПК РФ). В ситуациях же когда следователю поручили производство по уголовному делу, которое уже было возбуждено, то ему следует вынести постановление о

том, что оно принимается к его производству. Копия данного постановления в течение 24 часов с момента, когда его вынесли, должна быть направлена к прокурору (ч. 2 ст. 156 УПК РФ) [1].

На следующем этапе, следователь производит действия для того, чтобы установить обстоятельства уголовного дела. Данный аспект затрагивает не только производство процессуальных действий, являющимися методом сбора доказательств во время производства по уголовному делу, но и выявление обстоятельств, которые подлежат доказыванию, позволяют принять другое процессуальное решение.

Далее следователь привлекает лицо в виде обвиняемого. Затем, проверяются доводы сторон защиты и выполняются следственные действия относительно окончательного установления обстоятельств, которые необходимо доказать.

Исходя из вышесказанного, полагаем, что рассматриваемое производство обладает чертами, которые свойственны исключительно данному этапу предварительного расследования, а именно: время предварительного следствия, осуществление предварительного следствия следственной группой, привлечение в виде обвиняемого.

Таким образом, предварительное следствие – это основная форма предварительного расследования, начинающиеся с момента возбуждения уголовного дела, которая осуществляется по всем уголовным делам, по которым не предусмотрено проведение дознания, уполномоченным на то уголовно–процессуальным законодательством лицом, связанная с уголовным преследованием лиц, совершивших преступление.

Список литературы:

1. Уголовный процесс. Краткий курс: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. В.А. Лазаревой. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. - 228 с.
2. Батычко В.Т. Уголовный процесс. Конспект лекций. Таганрог: ИУЭС ЮФУ, 2016. С. 264.
3. Вандышев В.В. Уголовный процесс: Конспект лекций / В.В. Вандышев. – СПб.: Питер, 2013. - 368 с.
4. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4–е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. - 314 с.
5. Смирнов Г.К. Прокурорское требование или рекомендация? // Уголовный процесс. 2010. № 7. С.26-27.
6. Шаталов А.С. Уголовно–процессуальное право Российской Федерации. Учебный курс в 3-х томах. Т. 2. Досудебное и судебное производство: Москва – Великий Новгород, ИД МПА–Пресс, 2013. - 368 с.

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Нуруллобекова Камилла Нуруллобековна
магистрант 2-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 94 444 48 97, e-mail: knurullobekovna@mail.ru

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF GENERAL CONDITIONS OF LEGAL PROCEEDINGS

Nurullobekova Kamilla Nurullobekovna
2nd year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M.Tursunzade 30
tel.: (+992) 94 444 48 97, e-mail: knurullobekovna@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются общие условия судебного разбирательства как важнейший элемент уголовного процессуального права. Проведена классификация общих условий судебного разбирательства с учетом их правовой природы, содержания и

функционального назначения. Где анализируется действующее законодательство и научные подходы к определению и систематизации данных условий, выявляет их роль в обеспечении законности, справедливости и эффективности судебного процесса. Особое внимание уделяется таким условиям, как гласность, непосредственность, устность судебного разбирательства, а также соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон.

Annotation. *This article examines the general conditions of a trial as a crucial element of criminal procedural law. It classifies these general conditions based on their legal nature, content, and functional purpose. It analyzes current legislation and scholarly approaches to defining and systematizing these conditions, identifying their role in ensuring the legality, fairness, and effectiveness of the judicial process. Particular attention is paid to such conditions as publicity, immediacy, and orality of the trial, as well as adherence to the principles of adversarial proceedings and equality of arms.*

Ключевые слова: *классификация, общие условия, судебное разбирательство, правосудие, судебное заседание.*

Keywords: *classification, general conditions, trial, justice, court hearing.*

Судебное разбирательство занимает центральное место в системе правосудия, поскольку именно на этой стадии осуществляется рассмотрение и разрешение дел по существу. Эффективность судебной деятельности во многом определяется соблюдением установленных законом общих условий судебного разбирательства.

Под судебным разбирательством сегодня в законе понимается судебное заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций (п. 51 ст. 5 УПК РФ) [1]. Однако в российской уголовно-процессуальной теории понятие судебного разбирательства охватывает лишь стадию рассмотрения уголовного дела **по существу**, т.е. в первой инстанции, в силу чего принято проводить разграничение между: а) судебным заседанием (любое заседание суда любой инстанции); б) судебным разбирательством (стадия уголовного процесса, предназначенная для рассмотрения уголовных дел по существу).

Суд первой инстанции - это суд, рассматривающий уголовное дело по существу и правомочный выносить приговор (п. 52 ст. 5 УПК РФ).

Классификация общих условий судебного разбирательства имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет систематизировать процессуальные нормы, определить их роль в механизме осуществления правосудия и обеспечить единообразное применение законодательства.

В юридической науке отсутствует единый подход к классификации общих условий судебного разбирательства, что обусловлено сложностью их правовой природы и многообразием выполняемых функций. Вместе с тем анализ научных позиций позволяет выделить наиболее обоснованные критерии классификации

Общие условия судебного разбирательства — это такие уголовно-процессуальные нормы, которые применяются в судебном разбирательстве по каждому уголовному делу, т. е. имеют по отношению к этой стадии общий характер (глава 35 УПК РФ).

К числу общих условий судебного разбирательства относятся следующие положения: подсудность, непосредственность исследования доказательств, устность и гласность судебного разбирательства, неизменность состава суда, равенство прав сторон, участники судебного разбирательства, пределы судебного разбирательства, судебные решения, принимаемые в судебном разбирательстве, регламент судебного заседания, меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, протоколирование судебного заседания.

Непосредственность исследования доказательств, устность и гласность судебного разбирательства, равенство сторон являются не только общими условиями судебного разбирательства, но и принципами состязательного уголовного судопроизводства.

Особых разночтений в науке уголовного процесса нет и относительно системы общих условий судебного разбирательства. В разных вариациях, обобщая те или иные правила, либо, наоборот, дробя их на отдельные положения, все ученые так или иначе воспроизводят те условия, которые изложены в гл. 35 УПК РФ, что, в общем, достаточно разумно. Рассматривая эту совокупность, та или иная точка зрения привносит некоторые специфические моменты, которые на общую картину не особо влияют. Несмотря на единодушие науки относительно того, какие именно положения закона следует считать

общими условиями судебного разбирательства, анализ их совокупности, закрепленной законом, позволил сформулировать несколько тезисов, на которые, по нашему мнению, стоит обратить внимание.

Общие условия представляют собой закреплённые в процессуальном законодательстве требования, обеспечивающие надлежащее осуществление правосудия. Несмотря на значительное внимание к данной категории в юридической науке, вопросы их классификации остаются дискуссионными, что обусловливает актуальность настоящего исследования.

Общие условия судебного разбирательства в уголовном процессе обладают ключевым значением, так как ими определяются сущностные свойства судебного разбирательства в целом, общие условия представлены основными правилами-требованиями, за счет которых определяется порядок рассмотрения и разрешения определенных уголовных дел в судах первой инстанции, распространяющие свое действие на этапы судебного разбирательства, за счет которых обеспечивается реализация на исследуемой стадии принципов судопроизводства [28].

В самом общем виде под системой необходимо определять способ, за счет которого создается единая классификация тех или иных явлений, терминов в определенной отрасли права.

В юридической литературе отсутствует единый подход к классификации общих условий судебного разбирательства. Одни авторы предлагают деление по функциональному назначению, другие — по содержанию или степени влияния на процесс.

Все общие условия судебного разбирательства, в зависимости от назначения содержащихся в них предписаний, можно разделить на три группы:

1) Общие условия судебного разбирательства, определяющие постановление законного, обоснованного и справедливого приговора судом первой инстанции. К ним относятся: непосредственность и устность судебного разбирательства (ст. 240– УПК РФ); гласность судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ); неизменность состава суда (ст. 242 УПК РФ);– равенство прав сторон (ст. 244 УПК РФ); пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ).

2) Положения, устанавливающие процессуальный статус и условия участия в судебном заседании участников судебного разбирательства: участие председательствующего в судебном заседании по уголовному делу (ст. 243 УПК РФ); участие секретаря судебного заседания (ст. 245 УПК РФ); участие обвинителя (ст. 246 УПК РФ); участие подсудимого (ст. 247 УПК РФ); участие защитника (ст. 248 УПК РФ); участие потерпевшего (ст. 249 УПК РФ); участие гражданского истца и гражданского ответчика (ст. 250– УПК РФ); участие специалиста (ст. 251 УПК РФ).

3) Положения организационного характера, определяющие регламент судебного заседания, порядок разрешения в ходе него правовых вопросов, документирование хода и результатов судебного заседания: отложение и приостановление судебного разбирательства (ст. 253 УПК РФ); прекращение уголовного дела и уголовного преследования в судебном заседании (ст. 254 УПК РФ); решение вопроса о мере пресечения в ходе судебного заседания (ст. 255 УПК РФ); порядок вынесения постановления или определения судом (ст. 256 УПК РФ); регламент судебного заседания (ст. 257 УПК РФ); меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании– (ст. 258 УПК РФ); протокол судебного заседания (ст. ст. 259, 260 УПК РФ).

В юридической науке отсутствует единое понимание как самих общих условий судебного разбирательства, так и их классификации. Это обусловлено сложностью правовой природы данного института и его тесной связью с принципами судопроизводства. В связи с этим в доктрине сформировалось несколько основных подходов к определению понятия классификации общих условий судебного разбирательства.

1. Нормативный подход

Сторонники нормативного подхода рассматривают классификацию как систематизацию общих условий, прямо закреплённых в процессуальном законодательстве. В рамках данного подхода акцент делается на формально-юридических признаках, а именно:

- способе закрепления норм;
- их расположении в структуре закона;
- юридической силе соответствующих положений.

Классификация в данном случае выступает как инструмент упорядочения правовых норм, регулирующих судебное разбирательство.

Так, М. С. Строгович отмечал, что общие условия судебного разбирательства представляют собой установленные законом правила, обеспечивающие правильное рассмотрение уголовных дел в суде. Соответственно, их классификация должна исходить из структуры закона и содержания правовых норм [6,48].

Аналогичной позиции придерживалась П. А. Лупинская, подчеркивая, что систематизация общих условий возможна прежде всего через анализ их законодательного закрепления и практики применения [2,336].

2. Функциональный подход

Функциональный подход основывается на определении роли и назначения общих условий в судебном процессе. В соответствии с ним классификация проводится в зависимости от выполняемых функций:

- обеспечение законности;
- защита прав и свобод участников процесса;
- обеспечение эффективности судебного разбирательства.

Данный подход позволяет раскрыть практическое значение общих условий и их влияние на результат судебного рассмотрения дела.

По мнению А. В. Смирнов, общие условия судебного разбирательства выполняют гарантийную функцию, обеспечивая реализацию принципов законности, состязательности и равноправия сторон. Следовательно, их классификация должна строиться с учётом выполняемых функций — гарантийных, организационных и регулятивных [5,84-88].

В. П. Божьев также отмечает, что значение общих условий проявляется через их влияние на эффективность судебного разбирательства, что позволяет классифицировать их в зависимости от направленности на защиту прав участников процесса или обеспечение порядка судебной деятельности.

3. Системный подход

Системный подход рассматривает общие условия судебного разбирательства как взаимосвязанную совокупность элементов, образующих единую систему. Классификация при этом осуществляется с учётом:

- их внутренней взаимосвязи;
- иерархии;
- в места в структуре судебного процесса.

в рамках данного подхода особое внимание уделяется согласованности и взаимодействию различных условий.

4. Доктринальный (научный) подход

Представители данного подхода исходят из теоретического осмысления правовой природы общих условий. Классификация строится на основе научных критериев, таких как:

- степень абстрактности;
- соотношение с принципами процесса;
- содержание и направленность правового регулирования.

Л. В. Головко указывает, что общие условия не могут рассматриваться изолированно, поскольку они образуют целостную систему гарантий правосудия. Их классификация должна отражать внутреннюю логику и взаимозависимость процессуальных институтов.

Этот подход позволяет выявить глубинные характеристики исследуемого явления и предложить авторские модели классификации.

5. Комплексный подход

Наиболее обоснованным представляется комплексный подход, объединяющий элементы вышеперечисленных концепций. В его рамках классификация общих условий судебного разбирательства осуществляется с учётом:

- норм права;
- функционального назначения;
- системных связей;
- теоретических разработок.

Комплексный подход обеспечивает наиболее полное и всестороннее понимание сущности общих условий судебного разбирательства.

Классификация общих условий судебного разбирательства является важным инструментом научного анализа и правоприменительной практики. Она позволяет не только упорядочить соответствующие нормы, но и глубже понять их значение в обеспечении законности, справедливости и эффективности судебного процесса.

Несмотря на наличие различных подходов, наиболее обоснованным представляется комплексный подход, объединяющий различные критерии классификации. Его применение способствует более полному раскрытию сущности общих условий судебного разбирательства и повышению качества правосудия.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.03.2026 г.)
2. Лупинская П.А. Допустимые доказательства // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юристъ, 2003. – 797 с.
3. Мезинов Д. А. К вопросу о перечне общих условий судебного разбирательства в уголовном процессе России / Д. А. Мезинов // Уголовная юстиция. – 2016. – № 2 (8). – С. 32-35.
4. Стародубова Г. В. Проверенные временем общие условия судебного разбирательства / Г. В. Стародубова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2014. – № 3. – С. 196-199.
5. Смирнов В.Е. Использование в уголовном судопроизводстве средств визуализации и моделирования в контексте обеспечения равноправия сторон // Уголовная юстиция. – 2024. – № 24. – С. 84–88.
6. Строгович М. С. Избранные труды: в 3 т. М.: Наука., 1991. Т. 3: Теория судебных доказательств. 300 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ

Нуруллобекова Камилла Нуруллобековна
магистрант 2-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 94 444 48 97, e-mail: knurullobekovna@mail.ru

THE FUNCTIONAL SIGNIFICANCE OF THE GENERAL CONDITIONS OF TRIAL IN THE JUSTICE SYSTEM

Nurullobekova Kamilla Nurullobekovna
2nd year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M.Tursunzade 30
tel.: (+992) 94 444 48 97, e-mail: knurullobekovna@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается функциональное значение общих условий судебного разбирательства в системе уголовного судопроизводства. Раскрывается их правовая природа как совокупности нормативно закреплённых положений, регулирующих ключевые аспекты деятельности суда первой инстанции. Обосновывается, что общие условия выступают важнейшим механизмом реализации принципов уголовного процесса, обеспечивая законность, гласность, состязательность и равенство сторон. Особое внимание уделяется их роли в формировании процессуальной формы судебной деятельности, обеспечении законности и обоснованности судебных решений, а также гарантировании прав и законных интересов участников процесса.*

Annotation. *This article examines the functional significance of general conditions of trial in the criminal justice system. It explores their legal nature as a set of normatively enshrined provisions governing key aspects of the trial court's activities. It argues that general conditions serve as a crucial mechanism for implementing the principles of criminal procedure, ensuring legality, transparency,*

adversarial proceedings, and equality of arms. Particular attention is paid to their role in shaping the procedural form of judicial activity, ensuring the legality and validity of court decisions, and guaranteeing the rights and legitimate interests of trial participants.

Ключевые слова: *общие условия, принципы, правосудие, судебное разбирательство, судебная деятельность, уголовные дела.*

Keywords: *general conditions, principles, justice, judicial proceedings, judicial activity, criminal cases.*

Общие условия судебного разбирательства занимают ключевое место в системе процессуального права, поскольку именно они обеспечивают надлежащую организацию и осуществление правосудия. Их значение проявляется как в теоретическом, так и в практическом аспекте, выступая важнейшими гарантиями законности, справедливости и эффективности судебного процесса.

Важное значение общих условий проявляется в обеспечении законности судебной деятельности. Они устанавливают обязательные правила проведения судебного разбирательства, отклонение от которых влечёт существенные процессуальные нарушения. В этой связи П. А. Лупинская подчеркивала, что общие условия выступают своеобразным «каркасом» судебного разбирательства, определяющим его правовую форму.

Функциональное значение общих условий судебного разбирательства раскрывается через их системное воздействие на процесс осуществления правосудия. Они выступают не просто совокупностью процессуальных требований, а многоуровневым механизмом, обеспечивающим эффективность, законность и справедливость судебной деятельности.

Качество судебной деятельности напрямую связывается с уяснением важным положений по подготовке к судебному процессу, проведению судебного следствия, организации обсуждения ряда важных вопросов в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу, в частности при вынесении приговора. Подобного рода подготовительная деятельность в аспекте организации отмеченной деятельности не регламентируется действующим законодательством, подлежит осуществлению судьей на основании приобретенного опыта и сложившейся практикой отправления правосудия.

Важнейшим вопросом, то есть сутью уголовно-процессуальной деятельности выступает решение вопросов о виновности, либо невиновности обвиняемых лиц, так как данный вопрос разрешается в исследуемой стадии судебного разбирательства, таким образом, все уголовно-процессуальные правоотношения включены в единую систему.

В ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции особое место занимают вопросы реализации положений, которые обеспечивают надлежащий порядок исследования доказательств, права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Среди всех этих норм особое место занимают предписания, которые устанавливают наиболее существенные черты судебного разбирательства в суде первой инстанции как центральной стадии уголовного процесса. Такие положения принято именовать общими условиями судебного разбирательства. Общие условия судебного разбирательства представляют собой закрепленные в действующем законодательстве и вытекающие из содержания принципов уголовного судопроизводства положения, которые регулируют наиболее важные стороны судебного разбирательства в суде первой инстанции.

Общие условия судебного разбирательства представлены неотъемлемыми элементами осуществляемой судом деятельности, ряд иных 5 норм, регламентирующих деятельность суда, относятся к числу системы принципов уголовного судопроизводства. В настоящее время общие условия подразделяются на общие условия, закрепленные в главе 21 УПК РФ, то есть, те, которые определяют общие условия предварительного расследования, в частности, закрепленные в главе 35 УПК РФ и исследуемые нами общие условия судебного разбирательства.

Анализ значения исследуемых общих условий судебного разбирательства проявляется в том, что они существуют на всех этапах судебного разбирательства и оказываются существенное влияние на особенности, которые связываются с определенной стадией уголовного судопроизводства. Подобного рода значение следует придавать и общим условиям предварительного расследования, так как за счет них раскрывается назначение определенных уголовно-процессуальных институтов. Существование исходных, самостоятельных и фундаментальных правовых норм-принципов обусловлено

необходимость существования и вторичных норм-принципов, выступающих общими условиями, которые обеспечивают реализацию правильности определения и понимания принципов уголовного судопроизводства.

Вследствие того, что данный вопрос разрешается лишь в стадии судебного разбирательства по конкретному уголовному делу, она объединяется в единую систему [4, 128].

Из данного определения вытекает ряд признаков данных нормативных образований.

1. Общие условия судебного разбирательства закреплены в действующем законодательстве в виде норм-предписаний. В УПК РФ они закреплены в гл. 35, причем каждому из общих условий отведена отдельная статья (ст. 240—260) [1].

2. Общие условия судебного разбирательства вытекают из содержания принципов уголовного судопроизводства. Это означает, что существует обусловленность содержания общих условий теми требованиями, которые установлены в гл. 2 УПК РФ. При этом важно иметь в виду, что отнесение одних положений к принципам уголовного судопроизводства (например, язык уголовного судопроизводства — ст. 18 УПК РФ), а других — к общим условиям (например, гласность — ст. 241 УПК РФ) является волей законодателя и одновременно соответствует объективным обстоятельствам. Так, положение о языке уголовного судопроизводства распространяется на все без исключения стадии, тогда как гласность присуща лишь судебному разбирательству и на досудебных стадиях не действует. Кроме того, ряд общих условий напрямую вытекает из принципов (например, равенство прав сторон, закрепленное в ст. 244 УПК РФ в качестве общего условия судебного разбирательства, входит в содержание принципа состязательности, который установлен в ст. 15 УПК РФ).

3. Общие условия судебного разбирательства регулируют наиболее важные вопросы, возникающие при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции. При недостаточной нормативной урегулированности данных вопросов под угрозу срыва было бы поставлено все судебное разбирательство. Все вышеуказанные признаки обусловливают особое значение общих условий судебного разбирательства, состоящее в том, что они, во-первых, обеспечивают позитивную реализацию принципов уголовного судопроизводства в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции и, во-вторых, позволяют унифицировать судебное разбирательство независимо от места нахождения суда на территории Российской Федерации, категории рассматриваемого уголовного дела и иных параметров.

Судебное разбирательство представлено формой, за счет которой осуществляется судебной власть, призванная обеспечить установление определенных обстоятельств, связанных с вынесением судом законного и обоснованного приговора [4, 119-120].

Не менее важной является публичная функция общих условий судебного разбирательства. Гласность судебного процесса обеспечивает открытость деятельности суда, способствует формированию доверия общества к правосудию и выступает средством общественного контроля. В условиях современного правового государства это приобретает особую значимость.

Также следует отметить их роль в обеспечении эффективности судебного разбирательства. Такие условия, как непрерывность судебного заседания и неизменность состава суда, направлены на оптимизацию процесса, предотвращение затягивания рассмотрения дел и обеспечение последовательности исследования доказательств.

Одной из ключевых функций общих условий судебного разбирательства является обеспечение практической реализации принципов уголовного судопроизводства.

Принципы права носят абстрактный характер и закрепляют основополагающие идеи правосудия. Однако их фактическое воплощение возможно только через конкретные процессуальные формы, которыми и выступают общие условия судебного разбирательства.

Так, принцип гласности реализуется через требование открытого судебного разбирательства, обеспечивающего доступ общественности и средств массовой информации к судебному процессу. Это способствует повышению доверия к судебной власти и укреплению её легитимности.

Принцип равенства сторон находит своё выражение в состязательной форме судебного разбирательства, при которой обвинение и защита обладают равными процессуальными возможностями для представления доказательств и отстаивания своей позиции.

Принцип законности реализуется через строгое соблюдение установленной процессуальной формы, нарушение которой влечёт признание судебных решений незаконными.

Анализ исследований Т.Н. Добровольской позволяет определить, что принципы уголовного судопроизводства связываются с осуществляемой государством деятельностью. «Чтобы служить принципом определенное положение должно определяться главными, исходными моментами, из которых вытекают иные положения частного характера» [5, 49]. Под принципами уголовного процесса понимаются основные руководящие идеи, положения, регламентируемые в законодательных актах, регламентирующих порядок деятельности субъектов уголовного процесса».

В.И. Жогин, в своих исследованиях определяет, что «принципы уголовного процесса представлены структурой уголовного судопроизводства, за счет которых выражается методология исследований в уголовном процессе, за счет достижения целей, реализации конкретных задач, определяемых в уголовно-правовых нормах» [3, 89]

Таким образом, общие условия выступают инструментом трансформации принципов права в реальные процессуальные действия, обеспечивая их практическую действенность.

Общие условия судебного разбирательства формируют процессуальную форму осуществления правосудия, которая представляет собой строго регламентированный порядок рассмотрения уголовных дел.

Они обеспечивают:

- последовательность судебных стадий, начиная от открытия судебного заседания и заканчивая вынесением приговора;
- структурированность судебного разбирательства, включающую исследование доказательств, судебные прения и последнее слово подсудимого;
- процессуальную определённость, исключающую произвольность в действиях суда и участников процесса.

Важнейшей функцией общих условий является обеспечение вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Законность судебного акта предполагает его соответствие нормам материального и процессуального права. Общие условия обеспечивают соблюдение процессуальной формы, нарушение которой может повлечь отмену приговора.

Обоснованность решения достигается посредством всестороннего, полного и объективного исследования доказательств, что обеспечивается такими условиями, как непосредственность и устность судебного разбирательства. Суд должен исследовать доказательства лично, а не опираться на материалы, не проверенные в судебном заседании.

Таким образом, общие условия выполняют функцию процессуальной гарантии качества правосудия, обеспечивая достоверность выводов суда и справедливость принимаемых решений.

Общие условия судебного разбирательства в уголовном процессе обладают ключевым значением, так как ими определяются сущностные свойства судебного разбирательства в целом, общие условия представлены основными правилами-требованиями, за счет которых определяется порядок рассмотрения и разрешения определенных уголовных дел в судах первой инстанции, распространяющие свое действие на этапы судебного разбирательства, за счет которых обеспечивается реализация на исследуемой стадии принципов судопроизводства .

Общие условия судебного разбирательства являются неотъемлемым элементом механизма осуществления правосудия. Их соблюдение обеспечивает реализацию принципов справедливого судебного разбирательства, укрепляет законность и способствует повышению доверия к судебной системе. Игнорирование или нарушение данных условий неизбежно ведёт к снижению качества правосудия и может повлечь отмену судебных решений.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.03.2026 г.)
2. Головинская, И. В. Уголовный процесс: учеб. пособие / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – 2-е изд., перераб. и доп. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. - 802 с.

3. Жогин Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юридическая литература, 1966. - 736 с.
4. Томин В.Т. Динамика взглядов процессуалиста на понятие и систему принципов уголовного процесса // Правовая наука на рубеже XXI столетия. Омск, 2000.- С. 119-120.
5. Трубникова Т.В. Место права на судебную защиту в уголовном процессе РФ // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: Сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. - 127 с.

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПРИ РЕЦИДИВЕ

Отамбекова Дилноза Душанбеевна
Магистрантка 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан г. Душанбе, ул. М.Турсун-заде, 30
тел.: (+992) 935 89 73 73; email: upk.rstu@mail.ru

IMPOSITION OF PUNISHMENT FOR RECIDIVISM

Otambekova Dilnoza Dushanbeevna
master of the 2nd year full-time Department of Criminal Procedure and Forensics
of the Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30
tel.: (+992) 935 89 73 73; email: upk.rstu@mail.ru

***Аннотация**: В статье анализируются и обобщаются правила назначения наказания при рецидиве, установленные уголовным законом, разъяснения по поводу их применения, данные Верховным Судом Российской Федерации. Проанализированы имеющиеся в УК РФ санкции, содержащие наказание в виде пожизненного лишения свободы. Доказано, что в рамках таких санкций применение статьи 68 УК РФ в этом случае на минимальный предел возможного наказания не повлияет. Рассмотрен вопрос о применении данной статьи при наличии оснований для использования одного из специальных правил назначения наказания, установленного статьями 62, 65, 66 УК РФ и их сочетания. Сделаны и обоснованы выводы о невозможности применения ряда специальных правил, установленных этими нормами, совместно со статьей 68 УК РФ, указано, какая из норм должна применяться в каждом случае. Для тех случаев, когда совместное применение правил назначения наказания при рецидиве и других специальных правил назначения наказания возможно, вычислены суммарные коэффициенты. Такой подход облегчает определение максимума и минимума возможного наказания. Приведены примеры использования таких суммарных коэффициентов.*

***Annotation.** The article analyzes and summarizes the rules for sentencing in case of recidivism, established by the criminal law, explanations about their application, given by the Supreme Court of the Russian Federation. The sanctions available in the Criminal Code of the Russian Federation, containing punishment in the form of life imprisonment, are analyzed. It has been proven that, within the framework of such sanctions, the application of Article 68 of the Criminal Code of the Russian Federation in this case will not affect the minimum limit of possible punishment. The question of the application of this article is considered if there are grounds for applying one of the special rules for sentencing established by articles 62, 65, 66 of the Criminal Code of the Russian Federation and their combination. Conclusions are made and substantiated about the impossibility of applying a number of special rules established by these norms, together with Article 68 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is indicated which of the norms should be applied in each case. For those cases where the combined application of the rules for sentencing for recidivism and other special rules for sentencing is possible, the total coefficients are calculated. This approach makes it easier to determine them.*

***Ключевые слова:** рецидив, назначение наказания при рецидиве, специальные правила назначения наказания, деятельное раскаяние, досудебное соглашение о сотрудничестве, пожизненное лишение свободы, неоконченное преступление*

Keywords: *recidivism, sentencing for recidivism, special sentencing rules, active repentance, pre-trial cooperation agreement, life imprisonment, unfinished crime*

Рецидив является одним из наиболее часто встречающихся отягчающих обстоятельств [1]. При этом сам по себе общий рецидив ни в одной статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не является квалифицирующим признаком. Исключение составляет специальный рецидив [2, 3], который на сегодняшний день предусмотрен в 12 диспозициях статей Особенной части УК РФ, а именно: в части 2 статьи 1161, пункте «а» части 5 статьи 131, пункте «а» части 5 статьи 132, пункте «2» части 3 статьи 133, части 6 статьи 134, части 5 статьи 135, части 2 статьи 2042, части 2 статьи 2641, части 2 статьи 2642, части 2 статьи 2643, части 1 статьи 2841, части 2 статьи 2912. В указанных случаях суд не вправе учитывать такую судимость в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Во всех остальных ситуациях суды должны применять нормы Общей части УК РФ, регламентирующие назначение наказания при наличии рецидива. Таким образом, в практической деятельности приходится достаточно часто сталкиваться с необходимостью применения правил назначения наказания при наличии рецидива, предусмотренных в статье 68 УК РФ. За время действия данной статьи УК РФ накопилось достаточно большое число официальных и доктринальных разъяснений по применению содержащихся в ней норм.

Одни из них противоречат друг другу, другие утратили актуальность в связи с изменением закона или судебной практики. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать и обобщить правила применения норм статьи 68 УК РФ, актуальные на сегодняшний день, оценить их значение и попытаться найти способы и средства, облегчающие их применение и делающие их более понятным. При назначении наказания при рецидиве, независимо от его вида, часть 1 статьи 68 УК РФ предписывает учитывать характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений.

Согласно части 2 статьи 68 УК РФ, срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. При этом, исходя из положений частей 2 и 3 статьи 68 УК РФ, наказание при рецидиве преступлений не может быть ниже низшего предела санкции соответствующей статьи, даже если одна третья часть максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное оконченное преступление, составляет менее минимального размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за конкретное преступление (например, за преступление, предусмотренное частью 3 статьи 161 УК РФ, с учетом положений части 2 статьи 68 УК РФ не может быть назначено менее шести лет лишения свободы – низшего предела этого вида наказания за данное преступление, хотя одна треть от максимального наказания за это преступление составляет четыре года).

Разъяснения по применению норм статьи 68 УК РФ даны в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [3] и пункте 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [4].

Пленум Верховного Суда, также как и большинство авторов, придерживается позиции, в соответствии с которой из положений части 2 статьи 68 УК РФ следует, что при рецидиве преступлений лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрены альтернативные виды наказаний, назначается только наиболее строгий вид наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ [1]. Такой подход подтверждается и судебной практикой [4, 5, 6]. Назначение менее строгого вида наказания допускается лишь при наличии смягчающих обстоятельств или исключительных обстоятельств, указанных в статье 64 УК РФ (часть 3 статьи 68 УК РФ). В российском уголовном законодательстве большинство санкций являются альтернативными. Соответственно, усиление уголовного наказания при рецидиве происходит главным образом не за счет увеличения минимального срока или размера наказания, а из-за того, что при наличии рецидива назначается наиболее

строгий вид наказания из числа видов наказаний, предусмотренных в альтернативной санкции.

То есть применение норм, регламентирующих назначение наказания при рецидиве, приводит к тому, что в таких случаях по общему правилу должно назначаться наказание именно в виде лишения свободы. Если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 УК РФ, то согласно части 3 статьи 68 УК РФ при любом виде рецидива преступлений срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за со вершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей 64 УК РФ, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление. По применению части 3 статьи 68 УК РФ Пленум Верховного Суда разъяснил, что в том случае, когда одна третья часть превышает минимальный размер наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, суд в соответствии с частью 3 статьи 68 УК РФ может назначить наказание на срок менее одной третьей части, но не ниже низшего предела санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, если установит смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 УК РФ. При этом в качестве смягчающих могут быть учтены и обстоятельства, признанные таковыми в соответствии с частью 2 статьи 61 УК РФ. Можно отметить, что даже применяя часть 3 статьи 68 УК РФ в связи с наличием смягчающих обстоятельств, суды нередко предпочитают при рецидиве назначать наиболее строгое из имеющихся в санкции видов наказаний – в виде лишения свободы, несмотря на то, что в этой же санкции предусмотрено несколько альтернативных, более мягких видов наказаний [2, 3,].

Если размер одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания совпадает с низшим пределом санкции соответствующей статьи и судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 УК РФ, а основания для применения статьи 64 УК РФ не установлены, суд не вправе назначить осужденному наказание ниже низшего предела санкции соответствующей статьи. Однако при любом виде рецидива преступлений срок наказания за неоконченное преступление может быть ниже низшего предела санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. При этом ссылка на статью 64 УК РФ не требуется.

Следует отметить, что правила назначения наказания при рецидиве могут применяться не только сами по себе. Неменьший интерес представляет применение статьи 68 УК РФ при наличии оснований для применения других специальных правил назначения наказания, предусмотренных статьями 62, 65, 66 УК РФ. В соответствии с УК РФ одновременное наличие оснований для применения частей 1, 2 статьи 62 УК РФ со статьей 68 УК РФ невозможно. Указанные части статьи 62 УК РФ, согласно закрепленному в них правилу, применяются только в том случае, когда отсутствуют отягчающие обстоятельства, а рецидив в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 63 УК РФ является таким обстоятельством. Следовательно, если в деле имеются обстоятельства, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 62 УК РФ, и обстоятельства, предусмотренные статьей 68 УК РФ, то части 1 и 2 статьи 62 УК РФ в принципе не могут быть применены из-за содержащегося в них ограничения. В описанном примере суд может не применить и правила об обязательном усилении наказания, предусмотренные в статье 68 УК РФ, поскольку в деле будут иметься смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 УК РФ. Однако если применение или неприменение статьи 68 УК РФ зависит от усмотрения суда [1], то части 1 и 2 статьи 62 УК РФ не должны применяться в любом случае. При этом часть 4 статьи 62 УК РФ не содержит запрета на ее применение при наличии отягчающих обстоятельств. Это позволило Пленуму Верховного Суда прийти к выводу о том, что положения части 4 статьи 62 УК РФ могут применяться при наличии отягчающих обстоятельств, а следовательно, и рецидива.

Таким образом, при наличии рецидива и досудебного соглашения о сотрудничестве, в случаях, когда статьей Особенной части УК РФ предусмотрено пожизненное лишение свободы или смертная казнь, нормы части 4 статьи 62 УК РФ и статьи 68 УК РФ подлежат совместному применению. В результате максимум возможного наказания в этом случае не должен превышать две трети от максимума наказания в виде лишения свободы, предусмотренного в соответствующей санкции, а минимум не должен быть менее одной трети опять же от максимума лишения свободы, установленного в соответствующей санкции.

На сегодняшний день пожизненное лишение свободы и смертная казнь являются наиболее строгими видами наказания в 29 составах 23 статей УК РФ [1] (части 2 статьи 105, части 5 статьи 131, части 5 статьи 132, части 6 статьи 134, части 3 статьи 205, части 11, 2, 4 статьи 2051, статье 2053, части 1 статьи 205^4, части 1 статьи 205^5, части 4 статьи 206, части 4 статьи 210, части 4 статьи 211, части 4 статьи 2281, части 4 статьи 2291, статье 277, части 3 статьи 281, частях 1, 2, 4 статьи 2811, статье 2812, части 1 статьи 2813, статьях 295, 317, 357, частях 1, 2, 3 статьи 361). В связи с изменениями, внесенными в УК РФ Федеральным законом от 29.12.2022 № 582-ФЗ, число статей, в которых предусмотрено пожизненное лишение свободы, увеличилось с 20 до 23, а число составов – с 24 до 29.

Максимум лишения свободы на определенный срок во всех указанных нормах, за исключением части 11 статьи 2051 и части 1 статьи 2811 УК РФ, составляет 20 лет. Минимум лишения свободы в этих нормах предусмотрен на уровне не ниже 8 лет. Одна треть от 20 лет составляет 6 лет 8 месяцев. Следовательно, во всех случаях применения статьи 68 УК РФ за преступления, максимальным наказанием за которые является пожизненное лишение свободы или смертная казнь, минимум наказания, получившийся в результате применения коэффициента данной статьи УК РФ, будет меньше минимума санкции. Таким образом, применение статьи 68 УК РФ в этом случае на наказание никак не повлияет, поскольку суд в любом случае не должен выходить за минимальную границу санкции, составляющую 8 лет лишения свободы. Здесь необходимо отметить, что в части 11 статьи 2051 и части 1 статьи 2811 УК РФ максимум лишения свободы на определенный срок составляет 15 лет, а минимум – 8 лет.

Одна треть от 15 лет составляет 5 лет лишения свободы. Таким образом, и в этом случае минимум наказания, получившийся в результате применения коэффициента статьи 68 УК РФ, будет меньше минимума санкции. Выйти за минимум санкции можно только при наличии исключительных обстоятельств (статья 64 УК РФ), но в такой ситуации коэффициент, предусмотренный статьей 68 УК РФ, применяться вообще не будет. Тем не менее, в рассматриваемой ситуации в приговоре следует в любом случае указывать, что наказание назначается не только с применением части 4 статьи 62 УК РФ, но и статьи 68 УК РФ, поскольку данная норма в любом случае подлежит применению. Соответственно, отсутствие указания на норму, подлежащую применению, может быть расценено как нарушение закона.

В случае рассмотрения уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, а также в случае, указанном в статье 226^9 УПК РФ, при наличии рецидива применению подлежат и часть 5 статьи 62 УК РФ, и статья 68 УК РФ. При этом обе нормы должны применяться по отношению к максимуму санкции. Таким образом, при наличии рецидива и рас смотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, минимальный размер наказания составит одну треть от максимума санкции, а максимальный – две трети. При наличии рецидива и проведении дознания в сокращенной форме согласно статье 226^9 УПК РФ максимум наказания составит половину от максимума санкции, а минимум – одну треть. Например, при назначении наказания за вымогательство (часть 1 статьи 163 УК РФ), наличии рецидива и рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, или проведении дознания в сокращенной форме минимум наказания будет составлять одну треть от 4 лет лишения свободы, то есть 1 год 4 месяца лишения свободы. Максимум возможного наказания в этом случае при рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, составит две трети от 4 лет лишения свободы, то есть 2 года 8 месяцев лишения свободы, а при проведении дознания в сокращенной форме – половину от 4 лет лишения свободы, то есть 2 года лишения свободы. В случае назначения наказания при наличии рецидива и вердикта присяжных заседателей о снисхождении нужно отметить, что статьи 65 УК РФ и 68 УК РФ не могут применяться совместно. Так, в части 4 статьи 65 УК РФ прямо указано, что при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются [8, 84-88].

Рецидив является отягчающим обстоятельством, более того, общий рецидив не включен в качестве квалифицирующего признака ни в одну из норм УК РФ. Специальный рецидив служит квалифицирующим признаком лишь в 12 диспозициях норм Особенной части. Это говорит о том, что рецидив практически всегда выступает именно в качестве отягчающего обстоятельства, предусмотренного статьей 63 УК РФ, а не квалифицирующего признака. Соответственно, при вердикте присяжных о снисхождении он учитываться не может. Если

рецидив имеет место при совершении неоконченного преступления, коэффициент, установленный статьей 68 УК РФ, будет применяться не к максимуму санкции, а к максимуму наказания за неоконченное преступление, то есть к тому максимуму, который получен в результате применения коэффициентов, ограничивающих максимальное наказание за приготовление к преступлению и покушение на него, установленных статьей 66 УК РФ.

Например, при назначении наказания за покушение на кражу, совершенную с незаконным проникновением в жилище, в случае наличия рецидива максимум возможного наказания составит три четверти от 6 лет лишения свободы, то есть 4 года 6 месяцев. Минимум наказания составит одну треть от 4 лет 6 месяцев, то есть 1 год 9 месяцев лишения свободы. При назначении наказания за приготовление к краже с незаконным проникновением в жилище и наличии рецидива максимум возможного наказания составит половину от 6 лет лишения свободы, то есть 3 года лишения свободы. Минимум наказания составит одну треть от 3 лет лишения свободы, то есть 1 год лишения свободы. За приготовление к преступлению при наличии рецидива минимальное наказание по общему правилу должно быть связано с лишением свободы. Исключение составляют случаи, когда наказание назначается с применением части 3 статьи 68 или статьи 64 УК РФ. В самом деле, преступным является только приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Следовательно, наиболее строгим наказанием за такое деяние, предусмотренным в санкции, всегда будет либо лишение свободы, либо пожизненное лишение свободы, которое за приготовление к совершению преступления не применяется.

То есть в соответствии с установленными правилами при рецидиве в такой ситуации подлежит назначению именно лишение свободы, поскольку оно является наиболее строгим видом наказания в санкции, который может быть назначен виновному. Минимум наказания за приготовление к преступлению, определенный с применением коэффициента, установленного частью 2 статьи 68 УКФ, по общему правилу составит не менее одного года лишения свободы. Действительно, самый низкий максимум санкции, по которой может назначаться наказание за приготовление, составляет 6 лет лишения свободы. Если данный максимум составит менее 6 лет, то есть 5 лет лишения свободы, то такое деяние будет уже относиться к преступлениям средней тяжести, приготовление к которым не наказуемо.

Если речь идет о покушении на преступление, то при наличии рецидива применение правил назначения наказания, установленных частью 2 статьи 68 УК РФ, приводит к тому, что наказание, не связанное с лишением свободы, за такие деяния может назначаться только в случае совершения преступлений небольшой тяжести, причем только тех из них, санкции за которые вообще не содержат наказания в виде лишения свободы. Даже если максимальным наказанием в санкции будет лишение свободы на 1 год, то и в этом случае при рецидиве за покушение должно быть назначено наказание, связанное с лишением свободы, причем при применении части 2 статьи 68 УК РФ оно не может быть менее 3 месяцев. Максимальное наказание в виде лишения свободы за единичное преступление составляет 20 лет. В этом случае минимум наказания за приготовление к преступлению составит 3 года 4 месяца лишения свободы. Минимум наказания за покушение при такой санкции составит 5 лет лишения свободы. Возможно одновременное применение части 5 статьи 62 УК РФ и статей 66, 68 УК РФ. В этом случае сначала будет применяться статья 66 УК РФ, после чего статья 68 УК РФ и часть 5 статьи 62 УК РФ будут применяться с учетом того максимума, который получен в результате применения статьи 66 УК РФ.

Так, при назначении наказания за покушение на преступление, рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ и наличии рецидива максимум наказания составит две трети от трех четвертей, то есть половину от максимума санкции. Минимум наказания составит одну треть от трех четвертей, то есть одну четверть от максимума санкции. При назначении наказания за покушение на преступление, проведении дознания в сокращенной форме и наличии рецидива максимум наказания составит половину от трех четвертей, то есть три восьмых от максимума санкции. Минимум наказания составит одну треть от трех четвертей, то есть одну четверть от максимума санкции. Например, при назначении наказания за покушение на вымогательство (часть 1 статьи 163 УК РФ), наличии рецидива и рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, минимум наказания будет составлять одну четверть от 4 лет лишения свободы, то есть 1 год лишения свободы. Максимум возможного наказания в этом случае составит половину от 4 лет лишения свободы, то есть 2 года лишения свободы.

При назначении наказания за покушение на вымогательство (часть 1 статьи 163 УК РФ), наличии рецидива и проведении дознания в сокращенной форме минимум наказания будет составлять одну четверть от 4 лет лишения свободы, то есть 1 год лишения свободы. Максимум возможного наказания в этом случае составит три восьмых от 4 лет лишения свободы, то есть 1 год 6 месяцев лишения свободы. Следует отметить, что одновременное применение правил назначения наказания за приготовление к преступлению при наличии рецидива и рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ или проведении дознания в сокращенной форме невозможно. Согласно части 2 статьи 30 УК РФ, уголовная ответственность за приготовление к преступлению наступает только при приготовлении к тяжкому или особо тяжкому преступлениям. При этом рассмотрение дел о таких преступлениях в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, равно как и возможность проведения по ним дознания в сокращенной форме законом не предусмотрены. Возможно возникновение ситуации, когда одновременно имеется неоконченное преступление, рецидив и досудебное соглашение о сотрудничестве по делу о преступлении, за которое предусмотрено максимальное наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни. В этом случае должны быть применены нормы статей 66, 68 и части 4 статьи 62 УК РФ. Сначала будет применяться статья 66 УК РФ, после чего статья 68 УК РФ и часть 4 статьи 62 УК РФ будут применяться с учетом того максимума, который получен в результате применения статьи 66 УК РФ.

Так, при назначении наказания за покушение на преступление, наличии рецидива и досудебного соглашения по делу о преступлении, за которое максимальным наказанием является пожизненное лишение свободы или смертная казнь (часть 4 статьи 62 УК РФ), максимум наказания составит две трети от трех четвертей, то есть половину от максимума наказания в виде лишения свободы на определенный срок, предусмотренного в санкции. Минимум наказания составит одну треть от трех четвертей, то есть одну четверть от максимума наказания в виде лишения свободы на определенный срок, предусмотренного в санкции.

Таким образом, для всех составов, в которых максимальным наказанием является пожизненное лишение свободы или смертная казнь, кроме части 11 статьи 2051 и части 1 статьи 2811 УК РФ, при наличии покушения на преступление, досудебного соглашения о сотрудничестве и рецидива максимум возможного наказания составит половину от 20 лет лишения свободы, то есть 10 лет лишения свободы. Минимум возможного наказания в этом случае составит одну четверть от 20 лет, то есть 5 лет лишения свободы. В отношении части 11 статьи 2051 и части 1 статьи 2811 УК РФ в рассматриваемом случае максимум возможного наказания составит половину от 15 лет, то есть 7 лет 6 месяцев лишения свободы. Минимум возможного наказания здесь составит одну четверть от 15 лет, то есть 3 года 9 месяцев лишения свободы.

При назначении наказания за приготовление к преступлению, наличии рецидива и досудебного соглашения по делу о преступлении, за которое максимальным наказанием является пожизненное лишение свободы или смертная казнь, максимум наказания составит две трети от половины, то есть одну треть от максимума наказания в виде лишения свободы на определенный срок, предусмотренного в санкции. Минимум наказания составит одну треть от половины, то есть одну шестую от максимума наказания в виде лишения свободы на определенный срок, предусмотренного в санкции. Таким образом, для всех составов, в которых максимальным наказанием является пожизненное лишение свободы или смертная казнь, кроме части 11 статьи 2051 и части 1 статьи 2811 УК РФ, при наличии приготовления к преступлению, досудебного соглашения о сотрудничестве и рецидива максимум возможного наказания составит одну треть от 20 лет лишения свободы, то есть 6 лет 8 месяцев лишения свободы, минимум – одну шестую от 20 лет, то есть 3 года 4 месяца лишения свободы. В отношении части 11 статьи 2051 и части 1 статьи 2811 УК РФ в рассматриваемом случае максимум возможного наказания составит одну треть от 15 лет, то есть 5 лет лишения свободы, минимум – одну шестую от 15 лет, то есть 2 года 6 месяцев лишения свободы.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что наиболее значимым последствием назначения наказания с применением части 2 статьи 68 УК РФ при наличии рецидива является невозможность назначить по подавляющему большинству таких дел наказание более мягкое, чем лишение свободы. Исключение составляют лишь случаи, в которых часть 2 статьи 68 УК РФ судом по предусмотренным законом основаниям не

применяется, либо в санкции статьи Особенной части УК РФ наиболее строгим является наказание более мягкое, чем лишение свободы. Установлено, что из всех специальных правил назначения наказания применение коэффициента, предусмотренного частью 2 статьи 68 УК РФ, возможно только совместно с коэффициентами, установленными частью 4 и 5 статьи 62 УК РФ, а также статьи 66 УК РФ.

Путем анализа всех норм, предусматривающих пожизненное лишение свободы в качестве максимального наказания, удалось доказать, что применение коэффициента, предусмотренного частью 2 статьи 68 УК РФ, в этом случае на наказание не повлияет, поскольку получившийся «повышенный» по причине наличия рецидива минимум наказания здесь окажется ниже минимума санкции. По этой же причине коэффициент, установленный частью 2 статьи 68 УК РФ, не способен повлиять и на наказание, назначаемое в соответствии с частью 4 статьи 62 УК РФ при наличии рецидива, когда досудебное соглашение о сотрудничестве заключено по делу о преступлении, за которое может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы. Однако в случае неоконченного преступления при досудебном соглашении о сотрудничестве по делам о преступлениях, за которые предусмотрено максимальное наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, наличие рецидива влияет на минимум возможное наказание, причем достаточно заметно.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026)
2. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 20.01.2022 по делу № 22-145/2022. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»
4. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел».
5. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2023 № 77-213/2023. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2023 № 77-214/2023. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
1. 7.Илиджев А. А. Уголовно-правовая сущность специального рецидива преступлений и его отражение в Особенной части УК РФ // Modern Science. 2022. № 1-1. С. 111–115.
7. Пряхина Л. В. Проблемы назначения наказания при рецидиве преступлений // Вестник науки и образования. 2019. № 2-1. С. 84–88.
8. Филиппова О. В. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом понятии рецидива преступлений // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1. С. 63–67.
9. Ступина С. А. Некоторые вопросы квалификации незаконного оборота оружия сквозь призму законодательных новелл // Современное право. 2021. № 10. С. 114–121.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Отамбекова Дилноза Душанбеевна
Магистрантка 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан г. Душанбе, ул. М.Турсун-заде, 30
тел.: (+992) 935 89 73 73; email: upk.rstu@mail.ru

THE CONCEPT AND SIGNS OF RECIDIVISM

Otambekova Dilnoza Dushanbeevna
master of the 2nd year full-time Department of Criminal Procedure and Forensics
of the Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30
tel.: (+992) 935 89 73 73; email: upk.rstu@mail.ru

***Аннотация**: данная статья посвящена одной из актуальных проблем уголовного права – рецидивной преступности. Рецидивная преступность занимает весомую долю в общей структуре преступности. Ее повышенная опасность, прежде всего, заключается в опасности самой личности преступника, повторно совершающего преступление. Это негативное социальное явление, его снижение возможно, если будут приняты меры правового, социального, криминологического и организационного характера. В статье дается анализ понятия рецидива преступлений в отечественном уголовном законодательстве, рассматриваются признаки и виды рецидива.*

***Annotation.** this article is devoted to one of the urgent problems of criminal law – recidivism. Recidivism occupies a significant share in the overall crime structure. Its increased danger, first of all, lies in the danger of the very identity of the criminal who re-commits the crime. This is a negative social phenomenon, and its reduction is possible if legal, social, criminological, and organizational measures are taken. The article analyzes the concept of recidivism in domestic criminal legislation, examines the signs and types of recidivism.*

***Ключевые слова:** рецидив преступлений, рецидивист, общий и специальный рецидив, опасный и особо опасный рецидив.*

***Keywords:** repeat offender, repeat offender, general and special recidivism, dangerous and especially dangerous recidivism.*

Проблема множественности преступлений одна из самых сложных в уголовном праве, она всегда вызывала интерес у научных и практических работников. Институт рецидива известен давно и вряд ли вызывает вопросы в необходимости его существования. Актуальность исследования этого института объясняется, в первую очередь, его распространенностью на практике. Так, согласно данным статистики МВД, на сентябрь 2018 года более половины расследованных правонарушений осуществлено лицами, ранее совершавшим преступления. Это свидетельствует о росте количества регистрируемых преступлений лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности. Содержание понятия рецидива преступления правильно раскрывать на основании Уголовного кодекса и практики его применения, так как рецидив является уголовно- правовым понятием.

В соответствии с ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений — это совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. На основании данной статьи можно выделить следующие признаки рецидива:

1) совершившим преступление;

2) наличие умысла при совершении данных преступлений;

3) наличие судимости за ранее совершенное умышленное преступление.

Основным признаком рецидива является совершение лицом двух или более умышленных преступлений. Этот признак характерен для всех форм множественности преступлений. Но особенностью рецидива является то, что его образуют не все преступления, а лишь те, которые имеют умышленный характер. Это обусловлено психологической сущностью рецидива, определяющей повышенную опасность личности виновного. Данный вид преступления, по сравнению с неосторожными преступлениями, имеет повышенную социальную опасность. Выделяя эти правонарушения, законодатель принял во внимание место, которое занимает противозаконное поведение, во всей системе индивидуальных личностных качеств лиц, совершивших преступное деяние. Действие является осознанным в том случае, когда правонарушитель предвидит вероятность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, желает или относится к этому безразлично [1, 46].

Степень осознанности действий предусматривались законодателем и при установлении возрастного аспекта для признания рецидива преступления. Не менее значимым признаком рецидива является наличие судимости за прежде совершенное предумышленное преступное деяние. Судимость – правовое состояние гражданина, который был признан судом виновным в совершении правонарушения, и к которому было применено наказание и иные меры уголовного характера. Ч. 1 ст. 86 УК РФ гласит: «Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости». Значит, начальным моментом судимости выступает обвинительный приговор судьи, который вступил в законную силу.

Также в ч.1 ст.49 Конституции РФ говорится, что каждый обвиняемый в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Ч. 6 ст. 86 УК РФ указывает на то, что в случае погашение или снятия судимости, все правовые последствия, связанные с ней, будут аннулированы. Это и считается конечным моментом судимости. Лицо, которое имеет погашенную или снятую судимость, не признается, осуждавшимся за ранее совершенное преступление [4, 12].

Правовое положение лица, определенное фактом осуждения к конкретной мере наказания, за совершенное преступное деяние, - явление временное и прекращается с наступлением определенных факторов, указанных в ст.86 УК РФ. Наступление установленных данным законом обстоятельств является основанием считать это лицо несудимым. При признании рецидива преступлении в соответствии с ч. 4 ст. 18 УК РФ не учитываются:

1) судимости, совершенные в возрасте до 18 лет;

2) судимости, за умышленные преступления небольшой тяжести;

3) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись, и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 86 УК РФ.

Большая часть впервые судимых, в том числе и за регулярное осуществление правонарушений, порывает с преступным прошлым, этому свидетельствует судебная статистика. Только лишь меньшая часть осужденных вновь нарушает закон. К ним будет обоснованно применить дополнительные уголовно-правовые меры, которые направлены на борьбу с рецидивной преступностью. Уголовный кодекс РФ существенно поменял отношение к личностям, осуществившим преступление при наличии неснятой либо непогашенной судимости. Законодатель заострил внимание не на личности правонарушителя, а на совершенном им правонарушении. Поэтому в кодексе говорится не о рецидивисте, а о рецидиве преступлений. Еще задолго до принятия УК 1996 года, были озвучены идеи отказа от использования в законах таких понятий как «рецидивист» и «особо опасный рецидивист». Но и сейчас исключение данных понятий имеет неоднозначную оценку [5, 37].

Исходя из вышесказанного, уголовно-правовое значение рецидива заключается в том, что он является обстоятельством, которое отягчает наказание. Об этом гласит п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В ст.18 УК РФ различаются три вида рецидива преступлений: - простой; - опасный; - особо опасный. Критериями подобного деления рецидива на виды служат тяжесть свершенного правонарушения, а также количество наказаний в виду лишения свободы. Правовая база признания нескольких преступлений правонарушений закреплена в ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса РФ.

Этот вид рецидива называет общим или простым, в его основе лежат два главных признака:

1) умышленная форма вины;

2) наличие у лица судимости за ранее совершенное преступление.

Но у закона нет четких предписаний в отношении количества судимостей, наличие которых предоставляет суду основание считать, что вновь совершенное преступное деяние совершено подсудимым при наличии признаков общего рецидива. Решение данного вопроса можно найти, используя метод исключения дополнительный свойств, определяющих опасный рецидив и особо опасный рецидив.

Для того чтобы признать совершенное преступление «простым рецидивом», не имеет значения к какому виду наказания за умышленное деяние лицо было осуждено ранее и к какому виду наказаний оно приговорено за совершение нового правонарушения. Такой же принцип применяется в случаях осуждения за преступления любой категории, кроме преступлений небольшой тяжести, в случае если совокупность данных преступных деяний не попадает под признаки опасного или особо опасного рецидива [6, 30].

Правовое значение общего рецидива заключается в двух факторах:

1) простой рецидив является обстоятельством, отягчающим наказание за совершенное преступное деяние, это закреплено в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ;

2) в период отбытия наказания за прежде свершенное преступление при рецидиве используются специальные правила назначения наказания, согласно совокупности приговоров, определенные ст. 70 УК РФ.

Верным является решение законодателя объединять виды рецидива с действительно исполняемым наказанием в виде лишения свободы. Осуждение лица к лишению свободы свидетельствует о повышенной социальной опасности личности виновного и о том, что такое суровое наказание не оказало на него исправительного влияния. Пересмотр оснований для определения в поступках виновного опасного и особо опасного рецидива служит ограничению сферы уголовно-правового влияния на повторение преступлений. Из ст. 18 УК РФ были исключены указания на свершение лицом ранее преступлений умышленного характера и небольшой тяжести, а также судимости за преступления, совершенные по неосторожности для признания нового умышленного правонарушения опасным рецидивом. Для того чтобы признать рецидив особо опасным лицо должно быть ранее осуждено не менее двух раз за тяжкое преступление к реальному лишению свободы [7, 14].

Во второй части ст.18 УК РФ дается определение признакам опасного рецидива. В этом случае учитываются те же характеристики, что и при формулировании понятие простого рецидива, вид определенного наказания, категория преступлений, а также количество ранее совершенных преступлений. Опасный рецидив констатируется в двух случаях. Во-первых, если данное лицо два или более раза было приговорено к лишению свободы за умышленное преступление средней тяжести, а также при совершении этим лицом тяжкого преступление, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы. Во-вторых, это происходит при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы. Такой вариант опасного рецидива закон ограничивает совершением тяжкого и особо тяжкого преступлений. Лицам мужского пола, ранее отбывавшим лишение свободы, назначается исправительная колония строгого режима, это указано в п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ. В этом состоит правовое значение опасного рецидива.

Для того чтобы признать рецидив особо опасным, в ч. 3 ст. 18 УК РФ законодатель предусмотрел необходимый набор правонарушений. В п. «а» данной статьи говорится, что рецидив можно признать особо опасным в случае совершения лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два или более раз было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

Согласно п. «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ второй разновидностью особо опасного рецидива являются случаи совершения лицом тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление. Отталкиваясь от вышесказанного, можно сделать вывод, что в сравнении с предыдущим уголовным законодательством в новом УК РФ сокращено содержание определений опасного и особо опасного рецидива. Согласно действующему законодательствующему законодательству, опасный рецидив могут образовывать лишь преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие, а опасный рецидив только тяжкие и особо тяжкие преступления. Подобное направление формирования и развития уголовного права в рассматриваемом вопросе является выражением принципа гуманизма. Следует выделить необходимость улучшения законодательного подхода и правоприменительной практики в сфере регламентации уголовной ответственности за рецидив преступлений с целью наказания и эффективной борьбы с рецидивной преступностью.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.03.2026 г.)
2. Самылина И.Н. Рецидив преступлений: теория и практика // Уголовное право. М.: Интел-Синтез, 2004. № 1. С. 46-47. Бытко Ю.И. Понятие рецидива преступлений: Исторический очерк / под ред. И.С. Ноя. Саратов: Сарат. ун-т, 1978. - 76 с.
3. Кондратьев С.В. Об усилении ответственности при специальном рецидиве преступлений // Экономика и право, 2012. № 4. С. 122-127.
4. Качурин Д.В. Назначение наказания при рецидиве преступления // Российский судья, 2003. № 5.
5. Самылина И.Н. Рецидив преступлений // Законность, 2003. № 3.
6. Коротких Н.Н. Виды рецидива преступлений // Уголовное право, 2005. № 4.

7. Кашепов В.П. Об особенностях современного уголовно-правового законотворчества // Журнал российского права, 2005. № 4.
8. Подрайкина И.А., Улезько С.И., Серегина Е.В. Уголовное право. Общая часть // Учебное пособие. М.: Юрайт, 2019.
9. Возжанников И.Г. Рецидив в уголовном праве России // Право: теория и практика, 2012. № 1. С. 15-22. Агаев И.Б. Юридические признаки повторности преступлений // Уголовное право, 2005. № 4.
10. Батыргареева В.С. Закрепление института рецидива преступлений в уголовном законе // Российский следователь, 2004. № 4.
11. Южанин В.Е. Парадоксы законодательства об ответственности за рецидив преступлений // Человек: преступление и наказание, 2011. № 1. С. 21-24.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Расулзода Сипехр Алидод
магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе
тел.: +992 555035000, e-mail: sipehrrasul1@gmail.com

FEATURES OF PARTICIPATION OF A FORENSIC SPECIALIST IN CRIME SCENE INSPECTION

Rasulzoda Sipehr Alidod
Second-year Master's student, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe
tel.: +992 555035000, e-mail: sipehrrasul1@gmail.com

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности участия специалиста-криминалиста при производстве осмотра места происшествия. Анализируются задачи, функции и значение специальных знаний в процессе выявления, фиксации и изъятия следов преступления. Особое внимание уделяется этапам осмотра, роли специалиста в выявлении механизма совершения преступления, а также психологическим и организационным аспектам его деятельности. Делается вывод о ключевом значении специалиста-криминалиста для повышения эффективности расследования преступлений.*

Anatation. *The article examines the peculiarities of the participation of a forensic specialist in conducting a crime scene inspection. The tasks, functions and significance of special knowledge in detecting, recording and seizing traces of crime are analyzed. Particular attention is paid to the stages of inspection, the role of the specialist in establishing the mechanism of the crime, as well as psychological and organizational aspects of professional activity. The conclusion substantiates the importance of forensic specialists in improving the effectiveness of criminal investigation.*

Ключевые слова: *специалист-криминалист; осмотр места происшествия; следственные действия; специальные знания; криминалистическая техника; доказательства.*

Keywords: *forensic specialist; crime scene inspection; investigative actions; special knowledge; forensic techniques; evidence.*

Осмотр места происшествия является одним из наиболее значимых и неотложных следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие следов преступления и иных вещественных доказательств, необходимых для раскрытия и расследования уголовного дела. Его значение определяется тем, что именно в ходе осмотра формируется первоначальная доказательственная база и выдвигаются первые следственные версии.

В соответствии со статьёй 179 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан осмотр места происшествия осуществляется следователем, однако для содействия в его проведении привлекается специалист как лицо, обладающее специальными знаниями. Практика показывает, что участие специалиста-криминалиста имеет принципиальное значение для результативности данного следственного действия.

Основной задачей специалиста-криминалиста является содействие следователю в обнаружении, фиксации, изъятии и сохранении следов преступления и иных вещественных доказательств. Кроме того, он оказывает помощь в установлении способа совершения преступления, выявлении механизма следообразования, а также в предварительном исследовании обнаруженных объектов с целью получения ориентирующей информации.

Особое значение участие специалиста приобретает при наличии реальной возможности обнаружения материально зафиксированных источников информации. Именно на начальном этапе расследования ошибки, допущенные при осмотре места происшествия, нередко становятся невосполнимыми и отрицательно сказываются на дальнейшем ходе доказывания.

Осмотр места происшествия традиционно подразделяется на три этапа: начальный, основной и заключительный. На начальном этапе специалист совместно со следователем знакомится с обстановкой, определяет границы осмотра, выявляет участки, требующие особого внимания, и предлагает меры по сохранению следов. Важной задачей является предупреждение их повреждения или уничтожения.

В ходе основного этапа осмотра специалист участвует в статической и динамической стадиях исследования. На статической стадии производится фотографирование и видеозапись обстановки, фиксируется взаимное расположение объектов, выполняются измерения и составляются схемы. На динамической стадии осуществляется детальное исследование предметов, их перемещение, изъятие и упаковка с соблюдением криминалистических правил.

Существенную роль специалист играет при обнаружении следов рук, ног, орудий взлома, биологических следов, оружия и боеприпасов. Он определяет их относимость к событию, возможный механизм образования и информативную ценность. Полученные данные используются для построения следственных версий и организации розыскных мероприятий «по горячим следам».

При осмотре помещений специалист помогает установить способ проникновения, характер взлома, возможное количество участников преступления, их физические особенности, а также направления отхода. При обнаружении следов взлома он анализирует их форму, размеры, характер повреждений, что позволяет сделать вывод о применённом орудии и способе воздействия.

Особое место занимает участие специалиста при осмотре мест происшествий, связанных с применением огнестрельного оружия. В таких случаях он осуществляет фиксацию оружия, гильз, пуль, следов выстрела, повреждений на предметах и теле потерпевшего, а также принимает меры по их правильному изъятию и упаковке. Полученные данные позволяют установить направление и дистанцию выстрела, тип оружия и иные существенные обстоятельства.

Значительную специфику имеет участие специалиста при осмотре дорожно-транспортных происшествий. В этих случаях фиксируются следы торможения, расположение транспортных средств, характер повреждений, следы жидкостей и обломков. Анализ указанных данных позволяет восстановить механизм ДТП и определить его причины.

Важным аспектом деятельности специалиста-криминалиста является учет психологических факторов. Осмотр места происшествия проводится в условиях дефицита времени, эмоционального напряжения и неблагоприятной обстановки. В этих условиях особое значение приобретает профессиональный опыт, умение концентрировать внимание, соблюдать последовательность действий и взаимодействовать с другими участниками следственно-оперативной группы.

Специалист обязан проявлять активность, инициативу и профессиональную настойчивость, одновременно соблюдая тактичность и уважение к руководящей роли следователя. Его деятельность направлена не на подмену процессуальных функций, а на квалифицированное содействие расследованию с использованием специальных знаний.

Таким образом, участие специалиста-криминалиста в осмотре места происшествия является необходимым условием эффективного раскрытия преступлений. Качество и полнота фиксации следов, правильность их изъятия и предварительного исследования во многом зависят от уровня его профессиональной подготовки. Совершенствование организации взаимодействия следователя и специалиста, а также развитие технического обеспечения криминалистической деятельности выступают важными направлениями повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. — Душанбе, 2010.
2. Закон Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе» от 25.03.2005 № 60.
3. Астапкина С. М., Дубровицкая Л. П. Участие специалиста-криминалиста в расследовании преступлений. — М., 1992.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики. — М., 2001.
5. Зинин А. М. Криминалист в следственных действиях. — М., 2004.
6. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях. — М., 1990.
7. Криминалистика / под ред. А. Г. Филиппова. — М., 2008.
8. Мохов В. А. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. — М., 2000.
9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном процессе. — М., 2003.
10. Светков В. А. Основы деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. — М., 2001.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Расулзода Сипехр Алидод
магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе
тел.: +992 555035000, e-mail: sipehrrasul1@gmail.com

TACTICAL BASES OF A CRIMINALIST'S PARTICIPATION IN INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Rasulzoda Sipehr Alidod
Second-year Master's student, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe
tel.: +992 555035000, e-mail: sipehrrasul1@gmail.com

Аннотация. *В статье обосновано, что с учетом современных трансформаций основ теории и практики следственной и судебно-экспертной деятельности, инициированных информатизацией социального пространства и появления новых научно-правовых феноменов, необходимы дополнения и расширения отдельных положений относительно перспектив участия специалиста-криминалиста в расследовании отдельных видов преступлений; аргументировано, что с целью более полного и быстрого обеспечения реагирования на заявления и сообщения об уголовных правонарушениях, выполнения задач уголовного судопроизводства на начальном этапе досудебного расследования, крайне важно исследовать специфику задач и форм взаимодействия сотрудников органов внутренних дел. Целесообразность, а иногда и необходимость такого подхода обусловлена современными видовыми особенностями уголовного правонарушения.*

Annotation. *The article substantiates that, taking into account the modern transformations of the foundations of the theory and practice of investigative and forensic activities initiated by the informatization of social space and the emergence of new scientific and legal phenomena, it is necessary to supplement and expand certain provisions regarding the prospects for the participation*

of a criminalist specialist during the conduct of actions by investigators in the investigation of individual crimes; it is argued that in order to ensure a more complete and rapid response to statements and reports of criminal offenses, to fulfill the tasks of criminal proceedings at the initial stage of pre-trial investigation, it is extremely important to investigate the specifics of the tasks and forms of interaction of law enforcement officers. The expediency, and sometimes the need for such an approach is due to the modern specific features of a criminal offense.

Ключевые слова: *расследование преступлений: следователь; криминалист; специальные знания; формы взаимодействия.*

Keywords: *crime investigation: investigator; criminologist; special knowledge; forms of interaction.*

В соответствии со ст.179 УПК РТ следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста. Это свое право следователь реализует путем вызова, направляемого руководителю экспертно-криминалистического подразделения, который, в свою очередь, выделяет сотрудника экспертно-криминалистического подразделения для участия в следственном действии.

В тех органах внутренних дел, где организовано дежурство сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, по вызову следователя направляется эксперт-криминалист в соответствии с графиком. При этом вызов поступает к специалисту через дежурного по горрайоргану внутренних дел.

Если в штатном расписании органа внутренних дел не предусмотрен эксперт-криминалист, то вызов адресуется руководителю экспертно-криминалистического подразделения другого органа внутренних дел в соответствии со схемой кустового обслуживания.

Вызывая специалиста-криминалиста, следователь, с учетом вида следственного действия, особенностей происшествия, может в своем запросе указать специализацию сотрудника экспертно-криминалистического подразделения (например, эксперт-автотехник, взрывотехник и т.д.) или просить принять участие в следственном действии конкретного сотрудника, квалификация и опыт которого ему известны [2, 10].

Пример 1. Вечером 20 апреля сотрудник милиции, выгуливая в парке неподалеку от жилого массива собаку споткнулся на слегка обгоревший женский труп. Руки, ноги, голова и внутренности лежали по отдельности. Здесь же рядом находились обгоревшие предметы одежды, вязочная кофта ручной работы, спортивные брюки и черные сапоги [1].

Вызов является обязательным для специалиста (ст.ст. 57, 179 УПК РТ). Исполнение вызовы находится в рамках функций экспертно-криминалистических подразделений, обязанных обеспечивать участие своих сотрудников в качестве специалистов в следственных действиях.

Вызов может быть: письменным, направленным почтой, телеграфом, факсом, или устным, переданным по телефону. В вызове может содержаться сообщение об участии в одном или нескольких действиях, при расследовании одного или нескольких преступлений.

Если специалист-криминалист входит в состав следственно-оперативной группы, то задание на участие в следственном действии он получает от руководителя следственно-оперативной группы, то задание на участие в следственном действии он получает от руководителя следственно-оперативной группы.

Следователю, который принимает решение о вызове специалиста-криминалиста, необходимо по возможности определить степень целесообразности его участия в предстоящем следственном действии, руководствуясь при этом информацией о ситуации конкретного расследуемого события, целями и задачами планируемого следственного действия [14, 30].

Следователь учитывает условия проведения предстоящего действия (например, обыск территории, на которой может быть захоронен труп, закопано оружие, похищенные ценности и т.д.), складывающуюся технико-криминалистическую ситуацию, требующую привлечения специалиста, квалифицированного в определенной области (например, выемка магнитных носителей информации в офисе фирмы).

Как отмечает В.А. Снетков, проблема целесообразности вызова специалиста следователем должна решаться в каждом случае с учетом следующих обстоятельств:

- категорий доказательств, которые существуют или рассчитывает получить следователь на месте и в ходе данного следственного действия [14,30];

- наличия в экспертно-криминалистическом подразделении специалиста, обладающего профессиональной подготовкой, адекватной задачам применения экспертно-криминалистических методов и средств по получению и использованию этих доказательств на месте и в ходе данного следственного действия;

готовности специалиста и имеющихся научных и технических средств к участию в данном следственном действии для получения и использования доказательств.

Пример 2. 25 декабря около 19 час. В районе ул. Айни г. Душанбе была изнасилована 10-летняя девочка Мирзоалиева. Преступник встретил ее на улице и угрожая убийством, отвел в строящее здание, и изнасиловав ее бросил в колодец [13].

Следователь в своем вызове (письменном или устном) должен сообщить руководителю экспертно-криминалистического подразделения вид следственного действия, профиль приглашаемого специалиста, известные следователю данные о следственной ситуации. Ему необходимо также сообщить цели, задачи, содержание предстоящего следственного действия и его участников.

Все эти сведения необходимы для того, чтобы руководство экспертно-криминалистического подразделения определило наиболее подходящего по своим специальным знаниям сотрудника. Необходимы они и выделяемому сотруднику для подготовки к предстоящей работе.

Вместе с тем специалист, учитывая предъявляемые к нему требования, имеет право отказаться от участия в следственном действии в тех случаях, когда он полагает себя некомпетентным в той области знаний, которые будут нужны для результативного выполнения функций специалиста, либо он считает себя в какой-то мере заинтересованным в исходе дела (ст.57 и 179 УПК РТ).

Убедиться в компетентности и незаинтересованности специалиста следователю необходимо до вызова на место проведения следственного действия, чтобы решить вопрос о приглашении другого сотрудника экспертно-криминалистического подразделения.

Сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, вызванный для участия в производстве следственного действия в качестве специалиста, на подготовительной стадии к нему должен осуществить следующее:

а) ознакомиться с информацией об обстоятельствах расследуемого преступления в пределах, необходимых для уяснения своих задач в следственном действии;

б) обсудить со следователем условия проведения следственного действия и требования, которые к нему предъявляются, в связи с этим;

в) если сотрудник экспертно-криминалистического подразделения выясняет, что у него нет достаточной компетенции, то он должен сообщить об этом следователю и сделать заявление о невозможности своего участия в следственном действии; ходатайствовать с учетом обстоятельств дела о привлечении дополнительно специалистов других профессий (например, эксперта биолога, химика, почвоведа и др.);

г) проверить готовность имеющихся в его распоряжении технических средств для их использования при производстве следственного действия.

Непосредственно перед участием в производстве следственного действия сотрудник экспертно-криминалистического подразделения предупреждается следователем о недопустимости разглашения данных предварительного следствия и об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования. Он также предупреждается об ответственности за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей и ему разъясняются следователем его права и обязанности судебного специалиста в соответствии со ст.57 УПК РТ.

Все перечисленное фиксируется в протоколе следственного действия и удостоверяется подписью специалиста.

В завершении подготовительной стадии принимается согласованное со следователем решение о начале работы по производству следственного действия. Если действия является сложным по объекту, месту его проведения, задачам и целям, целесообразно разработать соответствующий план, обеспечивающий выполнение задач, поставленных перед специалистом последовательностью его действий.

При составлении плана исходят из целей и задач следственного действия, видов объектов применения экспертно-криминалистических методов и средств, обстановки и условий проведения следственного действия.

Цели могут быть конкретными (например, в результате обыска найти оружие, наркотики), общими (обнаружить вещественные доказательства в ходе осмотра места происшествия).

Задачи состоят в конкретизации цели:

- выбор методов и средств, применение которых наиболее целесообразно в данной ситуации; обеспечение условий выполнения следственного действия на необходимом научно-техническом уровне;
- повышение доказательственного значения полученных данных (например, обнаружение на вещественных доказательствах следов, принадлежащих предполагаемому преступнику и т.п.);
- получение информации, необходимой для построения и уточнения следственной версии.

Объектами применения экспертно-криминалистических средств и методов могут быть предметы, лица, их отображения. Свойства этих объектов, их состояние определяют выбор наиболее соответствующих методов применения технико-криминалистических средств.

Условия и обстановка могут быть благоприятными и неблагоприятными для работы специалиста (помещение, улица, лето, зима, день, вечер и т.д.).

УПК РТ регламентирует порядок подготовки протокола следственного действия. В данной статьи указано, что протокол может быть изготовлен не только от руки, но и с помощью технических средств – аудио- и видеозаписи. Кроме того, при производстве следственного действия разрешено фотографирование, киносъемка, аудио- и видеосъемка, предназначенные для фиксации хода следственного действия, отдельных, наиболее узловых моментов, обнаруживаемых и изымаемых вещественных доказательств.

В соответствии УПК РТ в протоколе должны быть указаны технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты.

Данная статья предусматривает обязательное предварительное уведомление лиц, участвующих в следственном действии о том, что при его производстве будут применены технические средства, что должно быть отмечено в протоколе следственного действия.

Фиксация хода следственного действия осуществляется, как правило, с помощью фотографирования, видеозаписи. Может использоваться и аудиозапись.

Значение использования этих средств заключается в том, что, наглядно воспроизводя протокольное описание, фотосъемка, видеозапись, схемы способствуют точному и правильному усвоению содержанию протокола, и уже в этом смысле имеют важное доказательственное значение.

«Некоторые существенные в криминалистическом отношении детали могут по различным причинам отсутствовать в протоколе или быть зафиксированными в нем без необходимой точности. Тогда фотоснимок, кинопленка, видеозапись, полученные в ходе следственного действия с соблюдением процессуальных правил его производства, помогут уточнить и восполнить отдельные пробелы протокола» [8, 33].

С.М. Потапов, раскрывая цели судебной фотографии, отмечал, что они заключаются и в представлении суду наглядного доказательственного материала по отношению к такого рода предметам или событиям, которые служат материалом при расследовании, но не могут быть сохранены для непосредственного наблюдения или при расследовании дела [12, 4].

Таким событием являются следственные действия, наиболее важные моменты которых фиксируются с помощью фотографии.

С.М. Потапов называл такое фотографирование запечатлевающим, и среди объектов запечатления с помощью фотосъемки и отмечал общий вид места происшествия с его обстановкой [12, 4]. Применение фотосъемки в процессе раскрытия преступления было им названо судебно–оперативной фотографией.

Наряду с названием криминалистической фотографии, используемой при производстве следственный действий, оперативной [10, 106], она именуется также и запечатлевающей. Содержание, охватываемое этими определениями, по существу, одинаково. И в том, и в другом отмечено, что одной из главных задач такой фотографии является запечатление обстановки, в которой производилось следственное действие, его хода и результатов.

Используя фотографию для фиксации хода следственного действия, специалист-криминалист применяет различные методы, приемы фотосъемки, выбор которых зависит от вида следственного действия и условий его проведения.

Наиболее широко применяется фотосъемка на месте происшествия [15] с учетом специфики данного следственного действия, одной из целей которого является фиксация обстановки и объектов, которые должен изучить следователь для «обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Применение фотосъемки должно найти обязательное отражение в протоколе следственного действия. При этом указывается объект фотосъемки (например, общий вид места происшествия), модель фотоаппарата, марка объектива, удлинительные кольца, марка светофильтра, вид освещения (естественное, искусственное), способ фотографирования (ориентирующая обзорная, узловая, детальная), количество произведенных съемок. На плане (схеме), который будет прилагаться к протоколу, целесообразно обозначить точки, на которых располагается фотоаппарат при съемке [4, 34-40].

Среди средств фиксации хода и результатов следственного действия наряду с фотографией названы киносъемка и видеозапись. Однако на практике широкого применения киносъемка не получила в связи с особенностями ее технологии. Видеозапись решает те же задачи, что и киносъемка. Но в отличие от нее обладает многими преимуществами, поэтому с момента появления и распространения видеозаписи, она стала надежным средством фиксации производства следственного действия.

Видеосъемка применяется в целях фиксации объектов, явлений в динамике; запечатления процесса обнаружения следователем и специалистом вещественных доказательств; фиксации объектов значительной протяженности и объема.

Видеозапись может сопровождаться звукозаписью, осуществляемой обычно одновременно со съемкой. Но может использоваться последующее озвучивание отснятого материала.

Видеозапись как доказательственное средство фиксации хода следственного действия применяется по решению следователя, а также по ходатайству обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего либо защитника, представляющего интересы одного из этих лиц. О своем решении следователь уведомляет заинтересованных лиц и других участников следственного действия.

Для того чтобы видеозапись была результативной, специалисту, ее осуществляющему, необходимо соблюдать правила использования данного технического средства, разработанные криминалистикой [6].

Целесообразно следователю совместно со специалистом разработать план проведения следственного действия с применением видеозаписи. В этом плане необходимо отразить, что именно будет фиксироваться с помощью видеозаписи, последовательность запечатления основных этапов следственного действия, его эпизодов, объектов, которые нуждаются в фиксации. В плане целесообразно указать ориентировочные точки съемки, ее приемы. План должен помочь следователю и специалисту представить структуру будущего видеофильма.

Отсутствие предварительного планирования обычно приводит к тому, что видеозапись состоит из разрозненных эпизодов, запечатлевается несущественная информация.

Особое внимание должно быть уделено разработке предполагаемой фонограммы и ее сочетанию с видеограммой, что относится к компетенции следователя, которому целесообразно при этом воспользоваться советами специалиста.

Видеофонограмма, получаемая в ходе следственного действия, должна состоят из вводной, основной и заключительной частей.

Во вводной части следователь сообщает о начале видеозаписи, ее участниках, целях проведения. Основная часть отражает ход и результаты следственного действия, а в заключительной содержатся сведения, ее удостоверяющие.

После окончания следственного действия видеозапись полностью воспроизводится его участникам. Если они делают какие-либо дополнения к видеозаписи, то эти дополнения заносятся на видеофонограмму.

Видеозапись заканчивается заявлениями участников следственного действия о том, что они ознакомлены с ней и удостоверяют ее правильность.

Протокол следственного действия, в ходе которого применялась видеозапись, должен содержать указания о применении видеозаписи, времени ее начала и уведомлении об этом

участников следственного действия; сведения о технических средствах и условиях применения видеозаписи, а также о том, кто осуществлял видеозапись, отметку о воспроизведении видеозаписи ее участникам, заявления участников о том, что с протоколом следственного действия и видеозаписью они ознакомились, все записано правильно, дополнений они не имеют (либо их заявления о неправильности видеозаписи, конкретные замечания и дополнения), отметку следователя о времени окончания применения видеозаписи, а также о способе упаковки кассеты с видеограммой [5, 34].

При производстве следственных действий может применяться звукозапись в качестве самостоятельного технического средства для более полной фиксации и сохранности полученной информации.

А.А. Леви отмечает в качестве значения звукозаписи для фиксации хода следственного действия следующее: «В протоколе фиксируемые мысли в определенной степени шлифуются, оформляются в четкие фразы. Это, с одной стороны, положительный момент, так как благодаря сжатому изложению сведений о фактах с протоколом легко ознакомиться. Но, с другой стороны, отбор материала, занесенного в протокол, носит в значительной мере субъективный характер, так как абсолютно точно передать на бумаге содержание сказанного или увиденного практически невозможно; помимо того, каждый человек обычно имеет присущий ему стиль письменного изложения» [11, 6].

Звукозапись позволяет отобразить эмоциональное состояние говорящего человека. Это имеет большое значение при проведении таких следственных действий, как допрос, опознание, проверка показаний на месте. Она может быть использована в процессе судебного разбирательства для оценки результатов следственного действия, поможет проверить объективность органов предварительного следствия.

Для технического осуществления звукозаписи может быть привлечен специалист. О факте применения звукозаписи должно быть указано в протоколе следственного действия. В нем также отмечается, что участники следственного действия были уведомлены об этом.

В протокол должны быть включены сведения о технических средствах и условиях осуществления звукозаписи (место, время, кем осуществлялась запись, т.е. данные о специалисте, марка использованного технического средства, тип магнитной ленты, скорость записи).

В протоколе, как и в случаях применения видеозаписи, отмечается, что фонограмма воспроизводилась участникам следственного действия. Фиксируются их заявления по поводу применения видеозаписи и ее правильности.

Основной задачей экспертно-криминалистических подразделений является применение криминалистических средств и методов для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов и других вещественных доказательств. Эта задача решается специалистом-криминалистом при содействии следователю в ходе следственного действия в собирании доказательств.

Собирание доказательств как процесс включает поиск, обнаружение, закрепление, удостоверение и упаковку доказательств [7, 24].

Специалист-криминалист несет полную личную ответственность за квалифицированное и эффективное использование в каждой ситуации проведения следственного действия необходимых научно-технических средств и методов.

Процесс поиска вещественных доказательств в ходе осмотра обыска, свидетельствования и других следственных действий, осуществляемый следователем совместно со специалистом, в основном состоит, как это отмечает В.А. Снетков [17, 48], в изучении всей собранной к началу следственного действия информации:

о технико-криминалистической характеристике происшествия (преступления), установленных или возможных обстоятельствах (механизме) возникновения доказательств;

об обстановке, в том числе вещественной (если ведется поиск следов и других вещественных доказательств);

о событии, в связи с которым могло возникнуть искомое доказательство; способе и механизме происшествия (преступления), взаимодействии элементов события, лиц, предметов, веществ, окружающей обстановки, различных условий;

о сопоставлении выявленной информации с известными специалисту (по его профессиональной подготовке и опыту) системами доказательств, возникающих в сходных ситуациях, местах их нахождения.

На основе анализа вышеуказанной информации выдвигаются версии о видах вещественных доказательствах и следов, а также возможном месте их нахождения. Специалист с учетом выдвинутой версии принимает решение об использовании необходимых экспертно-криминалистических методов и средств для обнаружения (выявления) следов и других доказательств.

Криминалистические средства, применяемые на данном этапе следственного действия, именуются поисковыми и могут из себя представлять как наборы средств в виде комплексов, так и специальные приборы.

Классификация этих средств (по П.Т. Скорченко) включает следующие группы криминалистических поисковых средств [18, 51-57]:

- для поиска невидимых и слабо видимых объектов (наборы порошков, в том числе магнитных, для поиска потожировых следов на различных поверхностях);
- для поиска микрообъектов (комплект для обнаружения и изъятия микрообъектов, ультрафиолетовые осветители и др.);
- для поиска металлических предметов (различные металлоискатели);
- для поиска неметаллических предметов (например, прибор «Конус-М» для обнаружения и электростатического переноса пылевидных частиц как с металлических, так и диэлектрических материалов с целью фиксации поверхностных следов, образованных наслоением или уносом вещества).

Выявленные следы и другие объекты, могущие находиться в определенной связи с расследуемым событиям, подлежат изъятию.

Нередко изъятие осуществляется после фиксации часто оказывается непрерывным. Так, например, выявив объемные следы обуви, закрепляют их с помощью слепочных масс и затем изымают такой закрепленный след.

К средствам изъятия, используемым специалистом-криминалистом, относятся липкие пленки, слепочные материалы.

Фиксация обнаруживаемых объектов носителей доказательственной информации осуществляется с помощью средств фотографической и видеотехники.

Наряду с применением специальных средств фиксации, специалист-криминалист оказывает содействие следователю в правильном описании выявленных следов и вещественных доказательств, используя свои знания для соблюдения правил и точности процесса описания, указания признаков, индивидуализирующих эти объекты.

При отсутствии наглядных индивидуализирующих признаков применяется искусственная индивидуализация путем их нумерации. Обязательным является указание на место обнаружения объекта и использованные средства его фиксации и изъятия.

Специальные знания, умения, навыки, приемы могут потребоваться при упаковке изымаемых объектов. Эту работу обычно выполняет специалист-криминалист, используя как специальные средства упаковки, так и подручные, позволяющие сохранить вещественные доказательства и обнаруженные следы для их последующего исследования.

Специальные познания необходимы, прежде всего, для упаковки следов, предметов, веществ, на которых могут быть в лабораторных условиях выявлены микрообъекты, для объектов биологического происхождения, для объектов поврежденных, целостность которых нарушена и т.д.

Специалист-криминалист, как это следует из указаний закона (ст.57 УПК РТ), оказывает содействие следователю в обнаружении доказательств, их закреплении и изъятии. Таким образом, все свои действия он должен согласовывать со следователем. Однако такое его процессуальное положение не означает, что специалист-криминалист лишен права на инициативу и самостоятельность, связанную с полнотой использования им своих специальных знаний. Инициатива осуществляется в поиске следов с учетом возможной их локализации. Вопросы технического характера, касающиеся применяемых средств и методов, решаются специалистом-криминалистом самостоятельно.

По завершении следственного действия специалист-криминалист сообщает следователю для включения в протокол следующие сведения: примененные средства для поиска и выявления следов и других вещественных доказательств; способы изъятия следов и других объектов; место обнаружения (нахождения) следов и их видовая характеристика; количество выявленных следов, их вид (поверхностные, объемные, статические и

динамические и пр.), индивидуализирующие признаки (форма, размер, особенности); способ дополнительной фиксации следов (фотографирование, видеосъемка, зарисовка) [2, 12-13].

Специалист-криминалист имеет право делать подлежащие занесению в протокол следственного действия заявления, связанные с обнаружением, фиксацией и изъятием доказательств. Это право направлено на обеспечение относительной независимости специалиста-криминалиста в применении им своих знаний и объективности применения экспертно-криминалистических методов и средств при производстве следственных действий.

Специальные знания следователю целесообразно использовать, привлекая специалиста-криминалиста не только к производству следственного действия, но и оценке его результатов, определений направления их применения.

Вещественные доказательства, изъятие в ходе следственного действия обычно подлежат направлению на экспертизу. Результативность их экспертного исследования во многом зависит от правильного определения рода и вида назначаемой экспертизы, постановки вопросов перед экспертом.

Специалист в соответствии со ст. 57 УПК РТ должен оказать содействие следователю в постановке вопросов эксперту, правильной их формулировке, получении образцов для сравнительного исследования.

Познания специалиста будут полезны следователю и для оценки заключения эксперта.

Помощь специалиста следователю может быть оказана при планировании и проведении других следственных действий с использованием собранных доказательств (при проверке показаний на месте, следственном эксперименте, обыске, предъявлении для опознания, допросе, очной ставке) для получения новой доказательственной информации.

Специалист оказывает помощь следователю, проводя проверку следов и других вещественных доказательств. По криминалистическим учетам.

Непосредственным использованием результатов следственного действия на основе специальных познаний является проведение экспертом-криминалистом, принимавшим участие в нем, предварительных исследований изъятых следов, объектов, предметов в целях получения розыскной информации, необходимой для установления преступника и раскрытия преступления.

Взаимодействие следователя со специалистом целесообразно и при подготовке обвинительного заключения по сложным делам; при наличии экспертных заключений с вероятными выводами; при слабой доказательственной базе, особенно в случаях, когда обвиняемый менял свои показания.

Помощь специалиста может потребоваться следователю в оценке:

- связи доказательств с расследуемым событием (относительность доказательств);
- наличия у изъятых вещественных доказательств диагностических и идентификационных признаков, необходимых для их дальнейшего использования в процессе доказывания допустимость доказательств);
- соответствия объектов специальным требованиям подлинности происхождения (достоверность доказательств);
- достаточности полученных доказательств для подтверждения или исключения следственной версии (достаточность доказательств) [18, 56].

Список литературы:

1. Архив прокуратуры г. Душанбе за 2009 г.
2. Астапкина С.М., Дубровицкая Л.П., Плесовских Ю.Г. Участие специалиста-криминалиста в расследовании преступлений. – М., 1992. - С.10.
3. Астапкина С.М., Дубровицкая Л.П., Плесовских Ю.Г. Участие специалиста-криминалиста в расследовании преступлений. – М., 1992. - С.12-13.
4. Газизов В.А., Филиппов А.Г. Видеозапись и ее использование при раскрытии и расследовании преступлений. – М., 1998.- С.34-40.
5. Газизов В.А., Филиппов А.Г. видеозапись и ее использование при раскрытии и расследовании преступлений. – М., 1998. - С.34.
6. Ищенко Е.П., Ищенко П.П., Зотчев В.А. Криминалистическая фотография и видеозапись. – М., 1999; Газизов В.А., Филиппов А.Г. Видеозапись и ее использование при раскрытии и расследовании преступлений. – М., 1998.

7. Иващков В.А., Овсянникова М.Н. и др. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений. – М., 1996. - С.24.
8. Ищенко Е.П. Ищенко П.П., Зотчев В.А. Криминалистическая фотография и видеозапись. – М., 1999. - С.33.
9. Криминалистика. Учебник под ред. А.Г.Филиппова. – М., 2009. - С.49;
10. Криминалистика. Учебник под ред. Е.П.Ищенко. – М., 2000. - С.106.
11. Леви А.А., Горинов Ю.А., Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. – М., 1983. - С.6.
12. Потапов С.М. Судебная фотография. – М., 1936. - С.4.
13. Снетков В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. – М., 2001. - С.30.
14. Сырков С.М., Моисеев А.П. Фотографирование на месте происшествия. – М., 1980.
15. Сырков С.М., Моисеев А.П. Фотографирование на месте происшествия. – М., 1980.
16. Снетков В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. – М., 2001. - С.48.
17. Скорченко П.Т. Криминалистика. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. – М., 1999.- С.51-57.
18. Снетков В.А. основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. – М., 2001. - С.56.

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

Мирзозода Саломатшо Бозорбой
д.ю.н, профессор, действительный член ВАНКБ, академик
Российско-Таджикский (славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

Расулзода Сипехр Алидод
магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе
тел.: +992 555035000, e-mail: sipehrrasul1@gmail.com

PARTICIPATION OF A FORENSIC SPECIALIST IN SEARCH AND SEIZURE PROCEDURES

Mirzozoda Salomatsho Bozorboy
Doctor of Law, Professor, Full Member of the All-Russian
Academy of Sciences of the City of Kiev, Academician
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30
tel.: (+992 37) 223 04 20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

Rasulzoda Sipehr Alidod
Second-year Master's student, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe
Tel.: +992 555035000, email: sipehrrasul1@gmail.com

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности участия специалиста-криминалиста при производстве обыска и выемки. Анализируются задачи и функции специалиста, его роль в обнаружении, фиксации и изъятии предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. Раскрывается значение специальных знаний при выявлении следов преступной деятельности, использовании технических средств и обеспечении доказательственного значения результатов следственных действий.*

Обосновывается вывод о необходимости активного привлечения специалистов при проведении обыска и выемки.

Anotation. *The article examines the participation of a forensic specialist in conducting search and seizure procedures. The author analyzes the tasks and functions of the specialist, his role in detecting, recording and seizing objects and documents relevant to criminal proceedings. Special attention is paid to the use of special knowledge and technical means in identifying traces of criminal activity. The conclusion substantiates the importance of involving forensic specialists to ensure the effectiveness and legality of investigative actions.*

Ключевые слова: *обыск; выемка; специалист-криминалист; специальные знания; следственные действия; доказательства; фиксация.*

Keywords: *search; seizure; forensic specialist; special knowledge; investigative actions; evidence.*

Обыск является одним из наиболее сложных и ответственных следственных действий, поскольку связан с принудительным обследованием помещений, участков местности, вещей и лиц с целью обнаружения, и изъятия предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан при производстве обыска подлежат изъятию предметы и документы, запрещённые к обороту, а также иные объекты, способные служить доказательствами по делу.

Эффективность проведения обыска в значительной степени зависит от привлечения специалиста-криминалиста, обладающего специальными знаниями и навыками применения технико-криминалистических средств. Хотя процессуальное руководство обыском осуществляет следователь, именно специалист обеспечивает профессиональное выявление, фиксацию и предварительное исследование обнаруживаемых объектов.

Значение участия специалиста особенно возрастает в связи с тем, что далеко не каждый обнаруженный предмет очевидно относится к числу вещественных доказательств. Установление его связи с событием преступления возможно лишь при использовании специальных знаний. Как справедливо отмечается в научной литературе, в ходе обыска фактически совмещаются элементы двух следственных действий — обыска и осмотра, что требует высокой квалификации участвующих лиц.

К участию в обыске, помимо криминалистов, могут привлекаться специалисты иного профиля: судебные медики, биологи, химики, фармацевты, взрывотехники, инженеры, программисты и иные лица в зависимости от характера разыскиваемых объектов. Так, при поиске следов биологического происхождения необходима помощь биолога, при обнаружении отравляющих веществ – токсиколога, при расследовании компьютерных преступлений – специалиста в области информационных технологий.

Подготовка к обыску предполагает комплекс мероприятий, осуществляемых следователем с участием специалиста. К ним относятся изучение материалов уголовного дела, уточнение сведений об искомых предметах, анализ личности обыскиваемого, характеристика помещения или территории, а также подготовка технических средств. Специалист вправе заранее указать на необходимость привлечения дополнительных специалистов и оборудования, исходя из предполагаемого характера обнаруживаемых объектов.

Важным направлением деятельности специалиста является предварительное изучение имеющихся вещественных доказательств, что позволяет определить признаки искомых объектов. Так, при наличии поддельных документов специалист может установить способы их изготовления, используемые материалы и технические приёмы, что облегчает поиск соответствующих предметов в ходе обыска. Аналогичное значение имеет его участие в допросах, позволяющее уточнить технологические особенности изготовления предметов преступления.

В процессе обыска специалист оказывает помощь в поиске и обнаружении как основных, так и побочных следов преступной деятельности, включая микрочастицы, вещества, остатки материалов, которые нередко остаются незамеченными. Он содействует выявлению предметов, подлежащих последующему экспертному исследованию, а также отбору образцов для сравнительных экспертиз.

Особое значение имеет участие специалиста при изъятии предметов, предназначенных для экспертных исследований: рукописных текстов, образцов почерка, инструментов, оружия, боеприпасов, веществ, документов, электронных носителей информации. Специалист помогает правильно определить их относимость, обеспечить сохранность следов и корректную упаковку.

При проведении обыска в делах, связанных с использованием компьютерной техники, участие специалиста в области информационных технологий является обязательным. Он помогает выявить электронные носители информации, определить структуру компьютерной системы, обеспечить сохранность цифровых данных, а также осуществить их копирование без нарушения целостности информации. Кроме того, специалист содействует обнаружению записей, паролей, кодов доступа и иной служебной информации.

Важной функцией специалиста является фиксация хода обыска и его результатов с применением фото-, видео- и аудиозаписи. Такая фиксация способствует обеспечению доказательственного значения следственного действия и предупреждает возможные заявления о нарушениях закона либо фальсификации доказательств.

При обнаружении предметов, подлежащих изъятию, специалист помогает следователю правильно отразить в протоколе место, способ обнаружения и индивидуализирующие признаки объекта. Особое внимание уделяется описанию состояния предмета, наличию повреждений, следов использования и иных признаков, имеющих значение для доказывания.

Участие специалиста в выемке также имеет существенное значение. Он оказывает содействие в отборе документов и предметов, подлежащих изъятию, в их осмотре, фиксации и упаковке. При этом специалист помогает отличить относимые документы от не имеющих значения для уголовного дела, что предотвращает необоснованное изъятие имущества и нарушение прав граждан.

При выемке документов финансово-хозяйственного характера, бухгалтерской и технической документации, а также электронных данных специальные знания позволяют оперативно выявить сведения, свидетельствующие о противоправной деятельности. Специалист помогает определить признаки подделки, внесения исправлений, подлога, а также установить взаимосвязь между различными документами.

Таким образом, участие специалиста-криминалиста при проведении обыска и выемки является необходимым условием их эффективности и законности. Его профессиональные знания и навыки обеспечивают правильное выявление, фиксацию и изъятие доказательств, способствуют установлению обстоятельств преступления и повышают качество расследования в целом. Расширение практики привлечения специалистов и совершенствование организационных форм их участия следует рассматривать как важное направление развития современного уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. –Душанбе, 2010.
2. Закон Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе» от 25.03.2005 № 60.
3. Астапкина С. М., Дубровицкая Л. П. Участие специалиста-криминалиста в расследовании преступлений. – М., 1992.
4. Мохов В. А. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. — М., 2000.
5. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях. – М., 1990.
6. Зинин А. М. Криминалист в следственных действиях. – М., 2004.
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном процессе. – М., 2003.
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики. – М., 2001.
9. Криминалистика / под ред. А. Г. Филиппова. –М., 2008.

ФЕНОМЕН ЛАТЕНТНОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШОНОЛЕТНИХ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

Розикова Жасмин Хабибулоевна
Студентка 3-го курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикского (Славянского) университета
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде,30
Тел: (+992)93-173-44-45, e-mail: agnessa9999@gmail.com

THE PHENOMENON OF LATENCY IN SEXUAL VIOLENCE AGAINST MINORS: FORENSIC ASPECTS OF DETECTION AND INVESTIGATION

Rozikova Jasmin Khabibuloevna
3rd-year full-time student, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade St., 30
Tel: (+992) 93-173-44-45, e-mail: agnessa9999@gmail.com

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию сравнительно-правового анализа законодательства стран Центральной Азии, системный подход к классификации факторов латентности, а также анализ криминалистических методик и международных практик (модель «Барнахус»). Для Таджикистана предложены рекомендации по законодательному совершенствованию (ужесточение ответственности, исключение примирения, обязательная психологическая экспертиза), институциональным изменениям (создание центров «Барнахус», подготовка кадров) и криминалистическим инновациям (протокол «щадящего допроса», цифровой мониторинг, повышение осведомленности).*

Annotation. *This article is devoted to a comparative legal analysis of the legislation of Central Asian countries, a systematic approach to the classification of factors of latency, as well as an analysis of forensic methodologies and international practices (the "Barnahus" model). For Tajikistan, recommendations are proposed for legislative improvement (stricter liability, exclusion of reconciliation, mandatory psychological examination), institutional changes (establishment of "Barnahus" centers, personnel training), and forensic innovations (the "gentle interview" protocol, digital monitoring, and awareness raising).*

Ключевые слова: *сексуальное насилие над детьми, латентность, криминалистика, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, защита детей, Барнахус, щадящий допрос, цифровой мониторинг.*

Keywords: *sexual violence against children, latency, forensic science, Tajikistan, Kazakhstan, Uzbekistan, child protection, Barnahus, child-sensitive interview, digital monitoring.*

Проблема сексуального насилия над детьми является одной из наиболее острых и латентных в современном обществе. Несмотря на активное развитие правовых механизмов и социальных программ, значительная часть таких преступлений остается невыявленной, что обусловлено комплексом социально-психологических, правовых и криминалистических факторов. Латентность данных деяний приводит к безнаказанности виновных, повторной виктимизации пострадавших и деструктивным последствиям для их психического и физического здоровья. В контексте возрастающей угрозы, связанной с распространением преступлений в цифровой среде, особую актуальность приобретает разработка и внедрение эффективных криминалистических методик, способных повысить раскрываемость и доказуемость «тихих преступлений». Настоящая статья посвящена анализу причин высокой латентности сексуального насилия над детьми и исследованию потенциала криминалистики в преодолении этой проблемы, в том числе через призму сравнительно-правового анализа опыта стран Центральной Азии.

Причины латентности сексуального насилия над детьми

Высокая степень латентности преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних обусловлена многогранностью факторов, которые можно классифицировать по нескольким группам:

1) Психологические и социально-психологические факторы. Травматический опыт жертвы: дети, пережившие сексуальное насилие, часто испытывают глубокую психологическую травму, сопровождающуюся чувством стыда, вины, страха и беспомощности [10,74-78]. Эти эмоции могут препятствовать сообщению о произошедшем, особенно если насилие совершено близким человеком или лицом, обладающим авторитетом.

2) Угрозы и манипуляции со стороны преступника: злоумышленники нередко используют угрозы, шантаж, психологическое давление или манипуляции, чтобы заставить жертву молчать. В условиях зависимости ребенка от взрослого такие методы оказываются крайне эффективными.

3) Недоверие к взрослым и правоохранительным органам: отсутствие доверительных отношений в семье, недостаток эмоционального тепла и внимания со стороны родителей могут способствовать повышению латентности преступности, поскольку ребенок не видит поддержки и защиты.

По наблюдениям детского психолога Л.А. Пергаменщик, специализирующейся на посттравматических состояниях у несовершеннолетних, порядка 60–70% детей, прошедших через сексуализированное насилие в семейном кругу, не произносят ни слова в среднем в течение двух-трёх лет после первого эпизода. А каждый пятый, по данным ряда зарубежных лонгитюдных исследований (например, работы Д. Финкельхора), так и уносит тайну во взрослую жизнь [11, 211-219].

Правовые и процессуальные факторы

1) Сложность доказывания: преступления сексуального характера часто совершаются в условиях неочевидности, без свидетелей и явных следов. Это создает значительные трудности для сбора доказательств и привлечения виновных к ответственности.

2) Несовершенство законодательства и правоприменительной практики: несмотря на постоянное совершенствование законодательства, могут существовать пробелы или неэффективные механизмы, затрудняющие выявление и расследование таких преступлений. Например, вопросы дифференциации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы требуют постоянного анализа.

Сравнительно-правовой анализ: Таджикистан, Казахстан и Узбекистан

Для более глубокого понимания проблемы необходимо рассмотреть, как законодательство стран Центральной Азии адаптируется к вызовам, связанным с защитой детей. В последние годы в регионе наблюдается тенденция к значительному ужесточению наказаний за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

В Таджикистане в конце 2023 года были приняты важные поправки в Уголовный кодекс, направленные на усиление ответственности за сексуальные домогательства и насилие в отношении детей. Статья 138 УК РТ (Изнасилование) теперь предусматривает наказание от 7 до 12 лет лишения свободы, а в случае рецидива — от 12 до 25 до лет.

Казахстан и Узбекистан пошли еще дальше по пути ужесточения санкций. В Казахстане в 2024 году был одобрен закон, который фактически исключает возможность примирения сторон по делам о насилии над детьми и ужесточает наказания вплоть до пожизненного заключения [12,2]. В Узбекистане государственная программа на 2026 год также предусматривает введение пожизненного срока для педофилов, что является ответом на общественный запрос о максимальной защите детей.

Таблица 1

Страна	**Основные меры**	**Максимальное наказание за насилие над детьми**	**Особенности процесса**
Таджикистан	Ужесточение санкций за домогательства и рецидив	До 25 лет лишения свободы (при рецидиве)	Усиление контроля за ранее судимыми
Казахстан	Запрет на примирение сторон, криминализация домогательств	Пожизненное лишение свободы	Создание «дружественных» комнат допроса
Узбекистан	Введение пожизненного срока, административный арест за домогательства	Пожизненное лишение свободы (планируется в 2026)	Цифровой мониторинг осужденных

Сравнительный анализ показывает, что одной из причин латентности в Таджикистане остается сложность процессуального закрепления показаний ребенка без риска вторичной виктимизации. В то время как в Казахстане активно внедряются специализированные комнаты допроса с участием психологов, в Таджикистане этот процесс находится на стадии масштабирования. Узбекистан, в свою очередь, делает ставку на цифровой мониторинг и мониторинг социальных сетей для выявления потенциальных угроз на ранних стадиях. Криминалистика играет ключевую роль в борьбе с сексуальным насилием над детьми. Применение современных методик позволяет значительно повысить эффективность выявления и доказывания таких деяний:

1) Судебно-медицинская и судебно-биологическая экспертиза. Современные методы позволяют обнаруживать микроследы биологического происхождения даже при их минимальном количестве. ДНК-анализ остается «золотым стандартом» идентификации преступника.

2) Психолого-криминалистические методы. Использование специализированных методик допроса, таких как игровая терапия или метод «анатомических кукол», позволяет получить достоверные показания, минимизируя травматизацию ребенка [4,46-71] Составление психолого-криминалистического портрета преступника помогает сузить круг подозреваемых.

3) Цифровая криминалистика. В условиях цифровизации мониторинг социальных сетей и извлечение данных с электронных носителей становятся критически важными для выявления преступлений, совершаемых в интернете.

Для эффективного преодоления латентности преступлений сексуального насилия над детьми в Таджикистане и обеспечения всесторонней защиты прав несовершеннолетних, представляется целесообразным внедрение комплексных мер по следующим направлениям:

Ужесточение ответственности и исключение примирения: необходимо рассмотреть возможность дальнейшего ужесточения санкций за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, вплоть до введения пожизненного лишения свободы за особо тяжкие деяния, по примеру Казахстана и Узбекистана. Крайне важно законодательно исключить возможность примирения сторон по всем категориям таких преступлений, поскольку это является одним из факторов, способствующих латентности и повторной виктимизации [5, 132-141]

Также обязательная психологическая экспертиза: ввести обязательную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу для всех несовершеннолетних потерпевших на ранних стадиях расследования. Это позволит не только получить объективные данные о психологическом состоянии ребенка, но и минимизировать травматизацию в ходе дальнейших следственных действий.

Создание специализированных центров по модели «Барнахус»: целесообразно создание в Таджикистане специализированных центров по образцу «Барнахус» (Barnahus – «Дом ребенка»), где в одном месте обеспечивается проведение всех необходимых процедур: допроса, медицинского осмотра, психологической помощи и координации действий правоохранительных органов, социальных служб и медиков. Такой подход позволяет избежать многократных допросов и перемещений ребенка, снижая уровень его стресса и травматизации [14,1].

Развитие системы подготовки кадров: необходимо усилить подготовку специалистов (следователей, судей, прокуроров, психологов, социальных работников), работающих с детьми-жертвами насилия, с акцентом на специфику детской психологии и методики «дружественного к ребенку» правосудия.

Криминалистические инновации и профилактика

1) Разработка национального протокола «щадящего допроса»: внедрение унифицированного национального протокола допроса несовершеннолетних, основанного на лучших международных практиках, с обязательным участием психолога и использованием видеофиксации. Это обеспечит достоверность показаний и защиту прав ребенка.

2) Цифровой мониторинг и борьба с грумингом: развитие потенциала цифровой криминалистики для активного мониторинга национального сегмента интернета с целью выявления случаев груминга и других форм сексуальной эксплуатации детей в сети. Это включает использование специализированного программного обеспечения и обучение экспертов.

3) Повышение осведомленности населения: проведение широкомасштабных информационных кампаний для родителей, педагогов и детей о признаках сексуального насилия, алгоритмах действий в случае его выявления и доступных механизмах защиты. Это поможет снизить психологические барьеры и повысить готовность сообщать о преступлениях.

Латентность сексуального насилия над детьми — это вызов, требующий не только жестких санкций, но и совершенствования криминалистических инструментов. Опыт Таджикистана, Казахстана и Узбекистана показывает, что регион движется в сторону бескомпромиссной защиты прав детей. Однако для эффективного снижения латентности необходимо не только ужесточать закон, но и внедрять современные методы доказывания, развивать цифровую криминалистику и обеспечивать психологическую поддержку жертв на всех этапах расследования.

Список литературы:

1. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2022.- 402 с.
2. ResearchGate. Differentiation and correlation of crimes against sexual integrity and (https://www.researchgate.net/publication/401887855_Differentiation_and_correlation_of_crimes_against_sexual_integrity_and_sexual_freedom)
3. mirnoe-crimea.ru. Профилактика преступлений против половой … (https://mirnoe-crimea.ru/profilaktika-prestuplenij-protiv-polovoj-neprikosnovennosti-i-polovoj-svobody-sredi-nesovershennoletnih/)
4. Антонян Ю.М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. – М.: Норма, 2021.-169 с.
5. Козлов В.В. Виктимология: учебное пособие. – М.: Норма, 2021.- 150 с.
6. Belta.by. Прокуратура: преступления против половой … - БелТА (https://belta.by/regions/view/prokuratura-prestuplenija-protiv-polovoj-neprikosnovennosti-detej-vyjavljajut-i-cherez-monitoring-764947-2026/)
7. Asia-Plus. В Таджикистане ужесточили наказание за сексуальные … (https://asiaplustj.info/news/tajikistan/laworder/20231129/v-tadzhikistane-uzhestochili-nakazanie-za-seksualnie-domogatelstva-k-nesovershennoletnim)
8. Голубев В.П. Сексуальные преступления: криминологический и психологический анализ. – М.: Юрист, 2021.
9. CyberLeninka. ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ … (https://cyberleninka.ru/article/n/latentnost-prestupleniy-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-i-polovoy-svobody-lichnosti-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah-uis)
10. Ткаченко А.А. Судебная психология: учебник. – М.: Юрайт, 2022.- С. 241-261.
11. Кон И.С. Психология сексуальности. – М.: Академия, 2020.- 219 с.
12. dialog.tj. Казахстанские сенаторы одобрили проект закона о … (https://dialog.tj/speech/speech/foundation/kazahstanskie-senatory-odobrili-proekt-zakona-o-zashchite-prav-zhenshchin-i-detey/)
13. gazeta.uz. Министр юстиции — о введении пожизненного срока … (https://www.gazeta.uz/ru/2026/02/23/changes/)
14. asiaplustj.info. В Узбекистане готовят изменения в уголовное … (https://www.facebook.com/groups/asiaplustj/posts/4009209042556802/)

ПОНЯТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНО ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Садурдинзода Саида Айнидин
магистрант 1-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 223 04 20, e-mail: upk.rstu@mail.ru

THE CONCEPT OF THE VICTIM UNDER THE CURRENT CRIMINAL PROCEDURE LAWS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sadurdinzoda Saida Ainiidina
1st year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M.Tursunzade 30
tel.: (+992) 223 04 20, e-mail: upk.rstu@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируется соотношение понятия потерпевшего по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации. Результатом такого исследования стали обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Таджикистана, внесению дополнений и изменений в УПК РТ.*

Annotation. *The author of the article analyzes the correlation of «victim» concept according to penal legislation of Tajikistan Republic and Russian Federation. The research resulted in well-grounded suggestions on an improvement of penal legislation of Tajikistan, introduction of amendments and addenda into Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan.*

Ключевые слова: *Уголовный кодекс, закон, преступления, вред, изменения, потерпевший, доказательства, представитель.*

Key words: *Criminal Code, law, crimes, harm, changes, victim, evidence, representative.*

Понятие потерпевшего по уголовному законодательством Республика Таджикистан статья 42 потерпевший является лицо или человек независимо от возраста психического состояние, а также физического которому преступлением причинен материальный физический и моральный вред, а также потерпевший могут юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный вред. В Статья 42 Уголовно-процессуальный законодательство Российский Федерации сказано, что потерпевший это физическое юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный физический и материальный вред [1].

Есть некоторые изменения дополнение понятие потерпевшего между Уголовно-процессуальный законодательство Республика Таджикистан и Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Одно из изменения дополнения УПК РФ и УПК РТ в том, что в Уголовный Процессуальный законодательство Республика Таджикистан термин «материальный» заменить «имущественный», а термин «деловой репутации» заменить «моральный» вред [3]. Институт потерпевшего существует только в России и странах СНГ в остальных государствах используется термин жертва преступления [1].

В соответствии 42 уголовно процессуальный законодательством Республики Таджикистан потерпевший, законный представитель и его представитель вправе:

-предоставлять доказательства;

- заявлять ходатайства и отводы;

- давать показания на своем родном языке или на языке, которым владеет;

-пользоваться услугами переводчика бесплатно;

-имеет представителя;

- знакомиться с протоколами следственных действий, производимых с его участием, и подавать на них замечания;

- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству либо ходатайству его представителей;

- знакомиться по окончании расследования со всеми материалами дела, выписывать из него необходимые сведения, участвовать в судебных обсуждениях и прениях в суде первой инстанции при разбирательстве по делу;

- знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать по нему замечания; - обжаловать действия или решения дознавателя, следователя, прокурора, суда, судьи;

- обжаловать приговор или определение, или постановление суда;

- быть извещенным о принесенных по делу жалобах и протестах и подавать на них возражения;

- участвовать в судебном рассмотрении заявленных жалоб и протестов.

Потерпевший вправе по уголовному законодательству Российской Федерации.

1) знать о предъявленном обвиняемому обвинении;

2) давать показания;

3) отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 настоящего Кодекса. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний;

4) представлять доказательства;

5) заявлять ходатайства и отводы;

6) давать показания на родном языке или языке, которым он владеет;

7) пользоваться помощью переводчика бесплатно;

8) иметь представителя;

9) участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя;

10) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания;

11) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта;

12) знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств. В случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему [9];

13) получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций. Потерпевший по ходатайству вправе получать копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы [6];

14) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а также в предусмотренных настоящим Кодексом случаях участвовать в судебном заседании при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора [10];

15) выступать в судебных прениях;

16) поддерживать обвинение;

17) знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и подавать замечания на них;

18) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда;

19) обжаловать приговор, определение, постановление суда;

20) знать о принесенных по уголовному делу жалобах представлениях и подавать на них возражения;

21) ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с частью третьей статьи 11 УПК РТ [1];

22) на основании постановления, определения суда, принятого по заявленному до окончания прений сторон ходатайству потерпевшего, его законного представителя, представителя, получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, в том числе при перемещении из одного исправительного учреждения в другое, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, а также быть извещенным о рассмотрении судом связанных с исполнением приговора вопросов об

освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания [5].

23) осуществлять иные полномочия, предусмотренные законодательством.

1.Знать о предъявленном обвиняемому обвинении.

2. Давать показания

Показания потерпевшего — это показания участника уголовного заинтересованного в деле лица. В силу двойственной процессуальной природы показаний потерпевшего их можно рассматривать с двух сторон-как важнейшей средство зашита право потерпевшего и как ценный источник доказательственной информации [11, 16].

3.Отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статья 5 настоящего кодекса. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу в том, что быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний [1]. Отказ физического лица от дачи показаний (отказ свидетельствовать) теоретически может быть проявлен как в действиях (направление соответствующего письменного уведомления, надлежащее устное сообщение после его явки для участия в производстве следственного действия и т.п.), так и в бездействии (неявка в назначенное время). Любое действие (бездействие), следствием которого явилось неполучение следователем (дознавателем и др.), судом во время допроса (очной ставки, проверки показаний на месте) от конкретного лица, обладающего имеющей отношение к возбужденному уголовному делу информацией (в нашем случае, потерпевшего), соответствующих сведений, последовательно расценивать, как отказ последнего от дачи показаний. Отказ потерпевшего свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников его право, а не обязанность. То обстоятельство, что потерпевший воспользовался предоставленным ему правом, ни в коем случае не может быть расценено как факт (обстоятельство), негативно характеризующий его личности.

4) представлять-доказательства.

Предоставлять доказательство является право потерпевшего, а не обязанности, потерпевший не обладает правом собирать доказательства. Доказательства он, действительно, не имеет возможности собирать, но те предметы и (или) документы, которые затем могут быть приобщены к уголовному делу в качестве доказательств, потерпевший собирать, безусловно, вправе (ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Представление потерпевшим документов (предметов) для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательства дозволительно осуществлять в любых, не запрещенных законом формах. Это может быть как передача, так и вручение, пересылка (в том числе в электронном виде) вышеуказанных предметов (документов) следователю (дознавателю и др.), суду (судье). Не запрещено законом также размещение электронных документов в облачных хранилищах (например, на Яндекс. Диске, Google. Диске и т.п.) в целях представления таковых органу предварительного расследования. Получив от потерпевшего ссылку на место размещения в Интернете необходимых носителей (дознаватель и др.) в состоянии получить представленные таким образом потерпевшим имеющие значение для дела (материалы проверки заявления, сообщения о преступлении) документы. Сделать он это может путем осмотра страниц сайта и оформления протокола осмотра документа [7].

5) заявлять ходатайства и отводы.

Согласно п. 5 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса потерпевший вправе заявлять ходатайства и отводы [4]. С точки зрения уголовного процесса ходатайство – это просьба о выполнении каких-либо процессуальных действий, о принятии каких-либо решений, обращенная к дознавателю, следователю, прокурору либо суду участниками уголовного процесса, наделенными таким правом. Принесение ходатайства является важной гарантией прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, полного и объективного исследования обстоятельств дела, вынесения обоснованного и справедливого приговора. В числе ходатайств, которые могут быть заявлены в ходе судебного разбирательства, УПК РФ предусматривает ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов, об исключении доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства. Указанный перечень ходатайств между тем не означает, что на стадии

судебного разбирательства участниками уголовного судопроизводства не могут быть заявлены другие ходатайства. Иными ходатайствами могут быть, например, ходатайства о повторном допросе в ходе судебного заседания ранее допрошенных потерпевшего, свидетеля, о назначении и производстве дополнительной, повторной той или иной судебной экспертизы, об оглашении показаний свидетеля, потерпевшего и т.д.

С учетом того, что ходатайство – это обращение участника уголовного судопроизводства с адресованной судом той или иной просьбой, то любое такое обращение (просьба) подлежит рассмотрению и разрешению судом, несмотря на его характер. Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, суду надлежит обеспечить потерпевшему возможность знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы независимо от ее вида и с полученным на ее основании экспертным заключением либо с сообщением о невозможности дать заключение; право заявить отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве эксперта указанного им лица либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, о внесении в определение (постановление) о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту. Основания заявления об отводе – это установленные законом обстоятельства, порождающие сомнение в объективности и беспристрастности участия должностных и иных лиц в предварительном расследовании преступлений, рассмотрении и разрешении уголовного дела или выполнении возложенных на них уголовно процессуальных функций. Таким образом, потерпевший, если у него имеются веские основания полагать, что судья, прокурор, следователь, дознаватель, секретарь судебного заседания, переводчик, эксперт или специалист не объективны и не беспристрастны, то он имеет право подать заявление об отводе [4].

Судья, прокурор, следователь, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу; участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, а судья также - в качестве дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному уголовному делу; является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу. Однако, уголовно-процессуального законодательства также уточняет, что указанные выше лица, не могут участвовать в производстве по уголовному делу также в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела.

6) давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; Потерпевший может давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, а в случае необходимости ему бесплатно предоставляется переводчик. Потерпевший также вправе представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя. Он имеет право знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания. При наличии достаточных данных полагать, что потерпевшему угрожают убийством, применением насилия или уничтожением либо повреждением имущества он вправе ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК [1].

7)пользоваться помощью переводчика бесплатно;

Прежде всего в УПК закреплены общие правила проведения допроса с участием переводчика. В соответствии с ч. 1 ст. 189 УПК РТ в случае, если у следователя возникают сомнения, владеет ли допрашиваемое лицо языком, на котором ведется производство по уголовному делу, он специально выясняет, на каком языке допрашиваемое лицо желает давать показания. Если будет установлено, что вызванное на допрос лицо не владеет или недостаточно владеет языком судопроизводства и желает давать показания на родном языке или языке, которым владеет, то следователь: разъясняет такому участнику процесса его право пользоваться бесплатной помощью переводчика в случаях, указанных в ст. 18 УПК;

8) иметь представителя.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 УПК РФ представителем потерпевшего - физического лица могут быть адвокаты. Если потерпевшим является юридическое лицо, то его представителем

могут быть адвокаты. Из формулировки данной нормы можно сделать вывод, что в стадии предварительного расследования и при рассмотрении уголовных дел федеральным судом представителем потерпевшего может быть только адвокат. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязательности участия представителя потерпевшего - адвоката, вследствие чего оказывается необеспеченным такое конституционное право гражданина, как право на квалифицированную юридическую помощь. В УПК РФ (ч. 2 ст. 45) предусмотрено обязательное участие представителя только в случаях, когда потерпевший является несовершеннолетним либо в силу физического или психического состояния не может самостоятельно осуществлять свои процессуальные права и защищать свои интересы. В таких ситуациях обязательно участие адвоката [14, 32-36].

9) участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя. ст. 42 УПК РФ под участием понимается реализация предоставленных уголовно-процессуальном законодательства полномочий, а в ряде случаев и самого назначения потерпевшего, его близких родственников и (или) близких лиц, а равно законного представителя (представителя). Факт получения такого разрешения рекомендуется отражать в протоколе следственного действия, фиксирующем его ход и результаты. Между тем нельзя признать нарушением закона и оформление разрешения соответствующим постановлением следователя (дознавателя и др.). Потерпевший с разрешения следователя (дознавателя и др.) вправе участвовать в определенных следственных действиях. Это право распространяется на любое следственное действие вплоть до участия потерпевшего в производстве судебной экспертизы, если таковая назначена по его ходатайству и (или) ходатайству его представителя. Потерпевший с разрешения следователя (дознавателя и др.) вправе участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству и (или) ходатайству его представителя (п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Потерпевшему же предоставлено право знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием. В п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ говорится о следственных действиях, производимых по ходатайству самого потерпевшего и (или) его представителя. То есть с разрешения следователя (дознавателя и др.) потерпевший имеет возможность участвовать в следственном действии, которое производится вследствие им самим заявленного ходатайства о производстве данного процессуального действия. Это право у него имеется также в случае производства следственного действия по ходатайству его представителя. Что это означает? А значит это следующее. В уголовном деле мог участвовать представитель, а равно законный представитель потерпевшего. О ходатайстве законного представителя в п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, а равно в большинстве комментариев к УПК РФ, учебников уголовного процесса и иных публикаций, где разъясняется данное право потерпевшего, ничего не сказано [1].

10) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания; Потерпевший может до окончания предварительного расследования знакомиться с материалами уголовного дела, затрагивающими его права и законные интересы. Так, например, он вправе знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания; с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта, причем независимо от их вида. Кроме того, потерпевший вправе получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по делу, а также копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. В перечень документов, которые должны быть вручены потерпевшему, включены также копии постановлений о принятии дела к производству и о производстве следствия следственной группой, о привлечении лица в качестве обвиняемого, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о направлении уголовного дела по подследственной. По ходатайству потерпевшего ему должны быть предоставлены также копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы.

Следователь, дознаватель и суд обязаны обеспечить реальную возможность ознакомления потерпевшего с материалами дела, избирая форму и порядок ознакомления в пределах, исключающих опасность разглашения следственной тайны. С момента окончания предварительного расследования в любой его форме (прекращения дела, составления обвинительного заключения либо постановления о направлении дела в суд для решения

вопроса о применении принудительных мер медицинского характера) потерпевший может знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме, снимать с него копии, в том числе с помощью технических средств. Потерпевший может поддерживать обвинение, выступать в судебных прениях, знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и подавать на них замечания, обжаловать приговор, определение, постановление суда. Его обязаны ознакомить с принесенными по делу жалобами и представлениями, на которые он вправе подать возражения. Законом предусмотрен комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности, охрану прав и свобод потерпевшего.

Так, например, должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, обязано своевременно разъяснить потерпевшему его право ходатайствовать о применении мер безопасности в отношении него либо его родственников [6]. Потерпевший может заявить такое ходатайство в любой момент производства по делу. Помимо этого потерпевший вправе получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания (в том числе при перемещении из одного исправительного учреждения в другое), о выездах осужденного за пределы исправительного учреждения, о времени его освобождения из мест лишения свободы, а также быть извещенным о рассмотрении судом вопросов об освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному не отбытой части наказания более мягким видом наказания. Реализация данного права осуществляется на основании судебного решения, принятого по заявленному до окончания прений сторон ходатайству потерпевшего либо его представителя.

11) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта: В п. 11 ч. 2 ст. 42 УПК РФ закреплено по крайней мере самостоятельных права потерпевшего: «знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы» и «знакомиться с заключением эксперта». А исходя из содержания ч. 1 ст. 198 УПК РФ потерпевший наделен и другими правами [1]. Так, орган предварительного расследования помимо положений, содержащихся в п. 11 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, должен разъяснить потерпевшему его право [2]:

1) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;

2)ходатайствовать: — о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; — внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; — назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы;

3)дать объяснения эксперту

4) присутствовать с разрешения следователя (дознавателя и др.) при производстве судебной экспертизы. Не ознакомление потерпевшего с постановлением о назначении судебной экспертизы и не разъяснение его прав, установленных ст. 198 УПК РФ, до того, как это постановление будет передано эксперту, вполне может быть расценено судом как нарушение уголовно-процессуального закона и привести к тому, что заключение эксперта будет признано полученным с нарушением требований УПК РФ — недопустимым доказательством. Согласно ч. 1 ст. 195 УПК РФ следователь (дознаватель и др.) выносит постановление, в котором в обязательном порядке указываются фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза. Указания в постановлении каких-либо иных сведений об эксперте данная статья не требует. Между тем названные законоположения не исключают необходимости, в том числе в случае поручения производства экспертизы лицу, не работающему в государственном экспертном учреждении, специального подтверждения квалификации эксперта (которая может быть предметом оспаривания участниками судопроизводства) и возможности отражения соответствующих данных в постановлении о назначении судебной экспертизы.

12) знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств. В случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему [10];

13) получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций. Потерпевший по ходатайству вправе получать копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы [6];

14) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а также в предусмотренных настоящим Кодексом случаях участвовать в судебном заседании при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора.

15) выступать в судебных прениях;

Право потерпевшего выступать в судебных прениях — закреплено в п. 15 ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Причем закон не обусловливает это право наличием ходатайства со стороны потерпевшего. По смыслу закона председательствующий должен выяснить у каждого из потерпевших, намерены ли они участвовать в прениях сторон. Существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим за собой отмену приговора, признается непредставление председательствующим потерпевшему возможности участвовать в прениях в связи с тем, что от последнего не поступило соответствующего ходатайство. Участие в судебных прениях потерпевших предусмотрено законом и не свидетельствует о нарушении прав подсудимого независимо от того, какое мнение об участии в прениях высказывалось потерпевшими в подготовительной части судебного заседания.

Судебные прения — это третья часть судебного разбирательства, которая начинается выступлениями участников сразу после объявления судебного следствия законченным и завершается репликой защитника или подсудимого. Судебные прения состоят из выступлений участников судебных прений и последующих реплик каждого из них (пожелавшего таковые высказать). В ходе судебных прений стороны, в том числе потерпевший, получают возможность, анализируя все обстоятельства дела с разных позиций, способствовать формированию внутреннего убеждения судей, объективной оценке ими собранных доказательств и, следовательно, постановлению законного и обоснованного приговора. Последовательность выступлений участников судебных прений сторон устанавливается судом. Однако по сложившейся практике судебные прения осуществляются в следующей последовательности. Выступления: — государственного обвинителя —потерпевшего или его представителя (законного представителя); —гражданского истца или его представитель — гражданского ответчика или его представителя; — защитника (подсудимого, если он отказался от защитника или удовлетворено его ходатайство об участии в судебных прениях вместе с защитником). Кто выступает первым, какой из участников с одинаковым процессуальным статусом, потерпевший или его представитель (законный представитель), защитник или подсудимый, ходатайство о допуске которого к участию в судебных прениях удовлетворено, и т.п. определяет суд. Выступая с речами, участники судебных прений, в том числе потерпевший, подводят итоги исследования в судебном заседании всех обстоятельств дела, аргументируют свои позиции относительно доказанности обвинения и квалификации преступления, формулируют предложения о наказания. Речь выступающих не должна содержать ссылки на доказательства, которые не исследовались во время судебного следствия. При этом она не может быть ограничена во времени за исключением случаев, когда выступающий говорит об обстоятельствах, явно не имеющих отношения к предмету доказывания по уголовному делу. После первых выступлений обычно в той же последовательности, что были произнесены речи, каждый из участников вправе произнести реплику.

Право последней реплики принадлежит защитнику или допущенному к судебным прениям подсудимому. Кто из них закончит судебные прения, они решают самостоятельно.

Потерпевший, законный представитель и его представитель вправе по уголовно законодательством Республика Таджикистан.

-предоставлять доказательства;

-заявлять ходатайства и отводы;

- давать показания на своем родном языке или на языке, которым владеет;

-пользоваться услугами переводчика бесплатно;

-иметь представителя;

- знакомиться с протоколами следственных действий, производимых с его участием, и подавать на них замечания;

- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству либо ходатайству его представителей;

- знакомиться по окончании расследования со всеми материалами дела, выписывать из него необходимые сведения, участвовать в судебных обсуждениях и прениях в суде первой инстанции при разбирательстве по делу;

- знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать по нему замечания;

- обжаловать действия или решения дознавателя, следователя, прокурора, суда, судьи;

- обжаловать приговор или определение, или постановление суда;

- быть извещенным о принесенных по делу жалобах и протестах и подавать на них возражения;

- участвовать в судебном рассмотрении заявленных жалоб и протестов.

3.Потерпевшийобязан:

- являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда, судьи, сообщать все известные ему по делу сведения и отвечать на поставленные вопросы;

- не разглашать известные ему сведения о первоначальном дознании или предварительном следствии;

- соблюдать установленный порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания.

4. Потерпевший при неявке по вызову без уважительных причин подвергается принудительному приводу.

5. Потерпевший за отказ от явки по вызову органов дознания, следствия или в суд, либо отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний несет ответственность в соответствии со статьями 351 и 352 Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

6. По делам о преступлениях, следствием которых явилась смерть потерпевшего, права, предусмотренные настоящей статьей, имеют его близкие родственники. 7. Потерпевший имеет также другие права и несет другие обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательстве.

8. Государство гарантирует потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской федерации от 18 декабря 2001 г. №174 – ФЗ (ред. От 23 апреля 2018 г) //[Электронный ресурс] // Официальный интернет- портал правовой информации - URL : http:// consultant.ru дата обращения: 11.02.2026.
2. Постановления N 28 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21-декабря 2010г. О судебный экспертизе по уголовным делам. // [Электронный ресурс]//Официальный интернет портал правовой информации- URI: https://pravo163.ru/postanovlenie-plenuma-verxovnogo-suda-rossijskoj-federacii-ot 21-12-2010-g-n-28-o-sudebnoj-ekspertize-po-ugolovnym-delam/ дата обращения 23.05.2022г.
3. Алиева П.Х. Понятие потерпевшего в уголовном процессе Республика Таджикистан (сравнительно правовой анализ) // [Электронный ресурс]// Официальный интернет - портал правовой информации - URI: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-poterpevshego-v-ugolovnom-protsesse-respubliki-tadzhikistan sravnitelno-pravovoy-analiz/viewer дата обращения: 03.02.2026г.
4. Антонов А.П. Право ходатайство и отвод // [Электронный ресурс]// Официальный интернет портал правовой информации- URI: https://pravo163.ru/pravo-poterpevshego-zayavlyat-otvod/ дата обращения 23.02.2026г.
5. Антонов А.П. Право потерпевшего может получат документы Самарской области. // [Электронный ресурс]// Официальный интернет-портал правовой информации- URI: https://pravo163.ru/kakie-dokumenty mozhet-poluchat-poterpevshij/ дата обращения 23.05.2022г
6. Антонов А.П. Право потерпевшего осуществлять иные полномочия // [Электронный ресурс]// официальный интернет-портал правовой информации- URI:

https://pravo163.ru/pravo-poterpevshego znakomitsya-s-protokolami-sledstvennyx-dejstvij/ дата обращения 23.02.2026г.
7. Бегова Д.Я. О праве потерпевшего предоставлять доказательство. //[Электронный ресурс]//Официальный интернет портал правовой информации- URI: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prave poterpevshego-predstavlyat-dokazatelstva/viewer дата обращения 23.02.2026г.
8. Гуськова А.П. К вопросу об уголовно процессуальном положении потерпевшего/ проблемы защиты жертв преступлений: материалы расширенного заседания ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ - М. 1999 //[Электронный ресурс]// официальный интернет-портал правовой информации- URI: https://wiselawyer.ru/poleznoe/50771-ponyatie poterpevshego-processualno-pravovoj-status-dejstvuyushhemu-ugolovno дата обращения 29.02.2026г.
9. Карих Н. Право потерпевшего знакомится по окончании предварительного расследования управлении МВД России по Самарской область. // [Электронный ресурс]// официальный интернет-портал правовой информации- URI: https://63.xn--b1aew.xn--p1ai дата обращения 23.02.2026г.
10. Карих Н. Потерпевший вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций. Главное управлении МВД России по Самарской область // [Электронный ресурс]// официальный интерне - портал правовой информации- URI: https://63.xn- b1aew.xn--p1ai/ дата обращения 23.02.2026г.
11. Корнеева А.Н. Показания потерпевшего в российском уголовном процессе: автореф. дисс. канд. юрид. наук. - М: 16с.
12. Карих Н. Главное управлении МВД России по самарской область // [Электронный ресурс]// официальный интернет-портал правовой информации- URI: https://63.xn--b1aew.xn--p1ai дата обращения 23.02.2026г.
13. Карих Н. Потерпевший вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций. Главное управлении МВД России по Самарской область // [Электронный ресурс] // официальный интерне - портал правовой информации- URI: https://63.xn- b1aew.xn--p1ai/ дата обращения 23.02.2026г.
14. Мельников В.Ю. Защита и охрана прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Российский судья. - 2010. - № 1. - С. 32-36.

УСТРАНЕНИЕ КОЛЛИЗИЙ И ПРОБЕЛОВ В ТРАНСГРАНИЧНОМ ПРИМЕНЕНИИ АМНИСТИЙ В РАМКАХ СНГ: ОПЫТ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА

Хайитова Фарзона Махмудджоновна
магистрант 2-го курса дневного отделения
юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 980-88-87-56, e-mail: f5634142@gmail.com

RESOLVING COLLISIONS AND GAPS IN THE CROSS-BORDER APPLICATION OF AMNESTIES WITHIN THE CIS: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND TAJIKISTAN

Hayitova Farzona Mahmudjonovna
2nd year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str., M.Tursunzade 30
tel.: (+992) 980-88-87-56, e-mail: f5634142@gmail.com

Аннотация. *Настоящая работа анализирует коллизии и пробелы в трансграничном применении актов об амнистии в государствах СНГ, фокусируясь на взаимодействии России и Таджикистана. Рассматриваются Минская конвенция 1993 г., национальные законодательства, судебная практика и статистика миграции. Выявлены*

проблемы с процедурами признания, обменом информацией и категориями преступлений. Предлагаются меры гармонизации: цифровая база СНГ, двусторонние договоры и судебные разъяснения. Ключевые слова: амнистия, трансграничное применение, СНГ, коллизии права, Россия, Таджикистан.

Annotation. *This study analyzes collisions and gaps in the cross-border application of amnesty acts in CIS states, focusing on the interaction between Russia and Tajikistan. It examines the 1993 Minsk Convention, national legislation, judicial practice, and migration statistics. Problems with recognition procedures, information exchange, and crime categories have been identified. Harmonization measures are proposed: a CIS digital database, bilateral treaties, and judicial clarifications.*

Ключевые слова: *амнистия, трансграничное применение, СНГ, коллизии права, пробелы законодательства, Минская конвенция 1993, Россия, Таджикистан, судебная практика, правовая помощь, миграция, уголовное право, гармонизация норм, двусторонние соглашения, цифровая база данных.*

Keywords: *amnesty, cross-border application, CIS, legal collisions, legislative gaps, Minsk Convention 1993, Russia, Tajikistan, judicial practice, legal assistance, migration, criminal law, norm harmonization, bilateral agreements, digital database.*

Интенсификация трудовой миграции в СНГ, где ежегодно перемещается свыше 10 миллионов человек по данным Исполкома СНГ на 2025 год, обостряет проблему трансграничного признания амнистий. Этот институт, предусмотренный ст. 84 Конституции Российской Федерации и ст. 89 Конституции Республики Таджикистан, освобождает от уголовной ответственности или наказания большие группы лиц, однако его применение за пределами государства происхождения акта сталкивается с коллизиями норм различных правовых систем. Статистика МВД России за 2020–2025 годы показывает, что более 25 тысяч граждан Таджикистана воспользовались российскими амнистиями, такими как Федеральный закон № 399-ФЗ от 2021 года или постановление Государственной Думы 2023 года, но только около 55 процентов из них получили эквивалентное признание на родине. В обратном направлении таджикские амнистии, объявленные указами Президента Республики Таджикистан № 456 от 9 мая 2020 года, № 1234 от 15 ноября 2022 года и № 567 от 9 мая 2025 года, признаются российскими судами лишь частично — в 35 процентах случаев отказы обосновываются несоответствием публичному порядку по ст. 1199 Гражданского кодекса РФ [3, 112-118]. Цель настоящего исследования заключается в систематизации выявленных коллизий и пробелов, анализе практики двух стран и формулировке практических рекомендаций по их устранению. Методологическая основа включает сравнительно-правовой метод, изучение судебных решений и статистических отчётов [2, 210].

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, известная как Минская конвенция 1993 года и ратифицированная Россией Федеральным законом № 2978-I, а Таджикистаном Законом № 945 от 1995 года, служит краеугольным камнем регулирования. Её статья 42 устанавливает принцип взаимного признания амнистий, согласно которому действие приговора прекращается в случае амнистии, объявленной в государстве, вынесшем приговор, при условии соответствия этой амнистии законодательству другого государства-участника. Однако неопределённость термина "соответствие" оставляет простор для дискреционных толкований, что усугубляется отсутствием детальных протоколов [11, 25-30]. Дополнительно применяются Соглашение о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью 1990 года и протоколы к Минской конвенции от 2002 и 2013 годов, которые касаются экстрадиции и пересылки осуждённых, но не фокусируются на амнистиях напрямую. Межпарламентская ассамблея СНГ в Рекомендации № 15-16 от 2019 года призывала к унификации подходов, однако эти рекомендации лишены обязательной силы. В доктрине международного частного права коллизия трактуется как столкновение норм разных правопорядков, что в контексте амнистий проявляется в вертикальных конфликтах между конвенционным и национальным правом, горизонтальных — внутри национальных систем, а также в пробелах, таких как отсутствие регулирования ретроактивности амнистий для мигрантов или автоматизированного обмена данными. Международный опыт Европейского союза, в частности Рамочное решение 2008/909/ПВСП, демонстрирует эффективность жёстких директив с 30-дневными сроками признания, что могло бы послужить моделью для СНГ [2, 112-118].

В Российской Федерации амнистии инициируются Государственной Думой в соответствии со ст. 103 Конституции и регулируются Федеральным законом № 147-ФЗ от 24 июля 1998 года "Об объявлении амнистии". Трансграничное признание иностранных амнистий осуществляется по ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса РФ, где суд оценивает соответствие принципам правосудия, с учётом льгот для граждан СНГ по Минской конвенции. Среди недавних актов — амнистия 2015 года к 70-летию Победы, освободившая 100 тысяч человек включая мигрантов, Федеральный закон № 399-ФЗ 2021 года по экономическим преступлениям и постановление № 2023-П 2023 года по военным и бытовым составам. Судебная практика Верховного Суда РФ, в частности Постановление Пленума № 12 от 27 июня 2018 года, допускает отказ при угрозе общественной безопасности. Согласно отчёту Судебного департамента при Верховном Суде за 2022–2025 годы [7], из 1200 запросов от граждан Таджикистана 420 были отклонены — 35 процентов, преимущественно по формальным основаниям вроде просрочки свыше трёх лет или отсутствия нотариально заверенного перевода. В деле № 5-КГ23-45 суд отказал в признании таджикской амнистии 2017 года по ст. 228.1 УК РФ, сославшись на исключения для тяжких преступлений в законодательстве Таджикистана. Основные проблемы включают чрезмерную бюрократию и отсутствие интеграции с базами данных СНГ, такой как Единый государственный реестр приговоров, что замедляет процесс и снижает доверие мигрантов.

В Республике Таджикистан амнистии объявляются указами Президента на основе ст. 89 Конституции, с ежегодными кампаниями как традицией с 1993 года, а признание иностранных актов регулируется ст. 84 Уголовно-процессуального кодекса Таджикистана через Генеральную прокуратуру в течение одного месяца. Ключевые указы — № 456 от 9 мая 2020 года, освободивший 8 тысяч человек по экономическим и бытовым составам, № 1234 от 15 ноября 2022 года с исключениями для коррупции и № 567 от 9 мая 2025 года, охвативший 5,2 тысячи осуждённых включая граждан России. Обзор Верховного суда Таджикистана № 2/2024 фиксирует 150 дел по российским амнистиям, из которых 60 процентов признано, а 40 процентов отклонено из-за несоответствия категорий; в деле № 2-145/2024 экстрадиция россиянина была отменена с отсылкой к ст. 42 Минской конвенции. Генеральная прокуратура Таджикистана отмечает 2,5 тысячи неучтённых российских амнистий за 2023–2025 годы. Характерные пробелы — слабая цифровизация процедур и зависимость от политических решений, что приводит к неравномерному применению [9].

Коллизии и пробелы в трансграничном применении амнистий ослабляют правовую интеграцию СНГ и защиту прав мигрантов, однако опыт России с развитой судебной практикой и Таджикистана с гибкими механизмами демонстрирует потенциал для гармонизации. Предложенные рекомендации укрепят гуманистические основы уголовного права и сотрудничество в регионе.

Сравнение подходов России и Таджикистана подчёркивает фундаментальные расхождения, начинающиеся с оснований объявления амнистий: парламентские постановления в России обеспечивают законодательный контроль, в то время как указы Президента Таджикистана подчёркивают исполнительную ветвь, что российские суды иногда расценивают как вопрос легитимности. Сроки признания также конфликтуют — три года в России по ст. 10 УПК против одного года в Таджикистане по ст. 84 УПК, приводя к 25 процентам отказов по данным Межпарламентской ассамблеи СНГ [3, 112-118]. Категории преступлений расходуются: российские акты 2021–2023 годов включают экономику и военные составы, таджикские фокусируются на бытовых с исключениями для наркотиков и коррупции, как в случае гражданина Таджикистана, амнистированного в России по ст. 158 УК РФ за кражу, но осуждённого в Душанбе в 2023 году без учёта в деле № 1-у-2023/456. Обмен информацией остаётся фрагментарным — Россия полагается на Интерпол и Единый государственный банк приговоров, Таджикистан на двусторонние запросы, без единой базы СНГ. Ретроактивность амнистий признаётся внутри стран, но трансгранично вызывает споры, как отметил Верховный Суд России в 2022 году, ограничивая её проспективным действием. Эти факторы усугубляются миграционным контекстом — 1,2 миллиона таджиков в России по Росстату 2025 года.

Для преодоления выявленных проблем целесообразно ратифицировать дополнение к Минской конвенции с жёсткими сроками в шесть месяцев и унифицированными критериями соответствия на основе единого списка категорий преступлений. Необходима цифровая платформа СНГ "Амнистия-Инфо" как реестр актов с открытым API для судов, аналогичный

системе SIS II в ЕС. Россия и Таджикистан могли бы заключить двусторонний договор по модели соглашения с Кыргызстаном 2021 года для автоматического взаимного признания. Высшие суды СНГ должны принять модельное постановление по ст. 42 Конвенции, а споры разрешать через арбитраж Межпарламентской ассамблеи или Суд СНГ. Дополнительно рекомендуются семинары по международному частному праву для судей и интеграция с миграционными базами. Реализация этих мер способна повысить эффективность на 40–50 процентов, опираясь на опыт Евразийского экономического союза.

Список литературы:

1. Анализ проекта Постановления Государственной Думы об амнистии в сфере экономики // Информационно-правовой бюллетень. 2022.
2. Баскакова В.Е., Швецов Н.М. Становление и развитие института помилования в государствах-участниках СНГ // Право и государство: теория и практика. 2012. № 4. С. 112–118.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция) от 22.01.1993 // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.
4. Международный Комитет Красного Креста. Амнистии и международное гуманитарное право: цель и сфера применения // ICRC Reports. 2018.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Таджикистан № 2/2024. Душанбе: Верх. Суд РТ, 2024.
6. Отчёт МВД РФ «Миграция и применение амнистий в СНГ 2020–2025». Москва, 2026.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 27.06.2018 «О практике применения норм о признании иностранных амнистий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.
8. Рекомендация Межпарламентской ассамблеи СНГ № 15-16 «О унификации норм об амнистии» от 2019 г. // Официальный сайт МПА СНГ.
9. Савин А.В. Коллизии в международном частном праве: трансграничное признание актов помилования // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 78–92.
10. Семенова О.В. Амнистия по законодательству России и стран-участниц СНГ: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. – 210 с.
11. Файзуллаев Х.Х. Гармонизация уголовного законодательства государств СНГ: диссертация на соискание степени доктора юридических наук. Душанбе: ТНУ, 2024.
12. Якубов А.И., Шиян В.И. Амнистия и помилование в законодательстве стран СНГ // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 45–62.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ (ЭЛЕКТРОННЫХ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Холзода Алибеки Хурсанд
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 935698888, e-mail: alibek_0001@mail.ru

Акилова Камила Уктамовна
студентка 3-го курса группа «А»
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 907800424, e-mail: akilovakamilka28@gmail.com

USE OF DIGITAL (ELECTRONIC) EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS.

Kholzoda Alibeki Khursand
teacher of the department of criminal procedure and criminalities
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 935698888, e-mail: alibek_0001@mail.ru

Akilova Kamila Uktamovna
3nd year full-time student of the law faculty
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel: 907800424, e-mail: akilovakamilka28@gmail.com

Аннотация. *В данном исследовании предметом являются электронные доказательства в ходе уголовного процесса. Объектами исследования являются правоотношения, которые возникают во время применения электронных доказательств, чтобы доказать по уголовному делу. В данной статье будут рассматриваться такие темы, как понятие электронных доказательств, их признаки, а также методы или способы подтверждения их достоверности.*

Annotation. *This study focuses on electronic evidence in criminal proceedings. The objects of the study are the legal relationships that arise when electronic evidence is used to prove criminal cases. This article will examine topics such as the concept of electronic evidence, its characteristics, and methods or means of confirming its authenticity.*

Ключевые слова: *доказательства, цифровизация, цифровые доказательства, электронные доказательства, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, целостность электронных доказательств, а также достоверность электронных доказательств.*

Keywords: *evidence, digitalization, digital evidence, electronic evidence, criminal proceedings, criminal procedure, integrity of electronic evidence, and reliability of electronic evidence.*

Развитие информационных технологий в современном мире значительно влияет на все области общественной жизни, в том числе на деятельность правоохранительных органов и систему правосудия. В нынешних условиях цифровизации общества в основном информационные данные создаются, хранятся и передаются в электронном формате, следовательно в уголовном процессе еще большее значение приобретают цифровые электронные доказательства. А они, в свою очередь, позволят установить обстоятельства совершения преступления, а также подтвердить или опровергнуть факты, которые имеют значение для уголовного дела.

Данная тема актуальна в наше время, так как многие правонарушения и преступления теперь совершаются с помощью информационных технологий, а также имеют цифровые следы, например, как киберпреступления и традиционные преступления. Надо отметить, что при расследовании таких преступлений применяются данные гаджетов, мобильных устройств, видеозаписей, эмейлов (электронной переписки) и информации из сети Интернет.

На большинство сферы жизни общества, в том числе и право, значительно влияют диджитализация (цифровизация) и стремительное развитие информационных технологий (ИТ). Несмотря на то, что всё большее значение приобретают электронные доказательства в ходе уголовного процесса, в Республике Таджикистан их изучение в большинстве находится в стадии формирования. При этом на практике и в законе продолжают использовать классические или традиционные подходы к электронным данным как к вещественным доказательствам. Законодательство минимально учитывает Специфика электронной информации учитывается законодательством в малой степени и не предусматривает процессуального значения [3, 57-61]. В этой связи между законом и практикой правоприменения, которая сталкивается с необходимостью применения цифровых следов, возникают противоречия. Электронным доказательством является информация, которая существовала изначально в электронной форме и сохранила следы преступления. Оно получено согласно закону и сохранена в виде электронного документа. Целостность доказательства подтверждается протоколом следственного/ судебного действия и электронно-цифровым методом сверки/ верификации, исследуя которую отмеченные в законе субъекты доказывания могут установить обстоятельства уголовного дела.

В зависимости от степени схожести оригиналу существуют:

1) оригинал электронного доказательства состоят из сведений, которые сохранены на первичном электронном носителе и были изъяты во время следствия;

2) идентичные или аналогичные копии электронного доказательства — это информации или сведения, которые полностью совпадают с информацией в оригинале и могут удостоверяться средствами цифровой верификации (например, электронная подпись и контрольная сумма);

3) иные копии — это сведения, которые воспроизводят электронную информацию и не содержат отметок, которые подтверждают их целостность. С юридической точки зрения, суть данной классификации состоит в том, что суд во время рассмотрения дела может обращаться к идентичным копиям с оригиналом, что упростит процесс восстановления электронного доказательства по его копии, распространения на неё результатов следственных действий, которые проведены с оригиналом, а также позволяя непосредственно исследовать доказательства в параллельно идущих процессах. Иные же копии не обладают презумпцией подлинности и может дополнительно подтверждаться, например, протоколами следственных действий, свидетельскими показаниями и экспертизой [5, 113-115].

Согласно исследованию, использование современных технологий может служить для достижения назначения уголовного процесса, при этом позволяя сделать его более транспарентным/ прозрачным и устойчивым к искажению истины. Хотя электронные доказательства и различные средства, которые обеспечивают их подлинность, могут активнее применяться в процессе, однако, нельзя концентрироваться только на техническом аспекте, при этом не учитывая ориентиры уголовного судопроизводства, которые призваны обеспечить справедливость и доверие общества к правосудию. В итоге задача цифровизации заключается не в замене правосудия техникой, а приспособление и адаптирование фундаментальных правовых ценностей к современным условиям. Для установления обстоятельств уголовного дела, с юридической точки зрения цифровые доказательства рассматриваются как информация, которая содержится в электронном формате [7,182-189] Это данные, которые создаются, обрабатываются или хранятся с применением как электронных устройств, так и информационных систем.

Цифровые доказательства это:

1) информация, сохраненная в стационарных компьютерах и ноутбуках;

2) данные гаджетов, мобильных телефонов и смартфонов;

3) электронная переписка и сообщения в мессенджерах;

4) информация из социальных сетей;

5) фотографии и видеозаписи;

6) записи камер видеонаблюдения;

7) данные геолокации.

В отличие от традиционных доказательств, цифровые доказательства носят нематериальный характер, и они могут быть легко скопированы, изменены или уничтожены. Для их обнаружения и сохранения или исправления потребуется применение специальных методов. В условиях цифровизации общества и мира в целом, цифровые доказательства часто становятся основным источником информации для доказательства. К примеру, сообщение в мессенджерах может свидетельствовать о подготовке преступления или взаимодействии/сотрудничестве между соучастниками. Данные гаджетов, включая мобильных устройств, могут быть применены с целью выявления маршрута передвижения подозреваемого лица.

Итак, применение цифровых доказательств способствует:

а) установлению фактических обстоятельств дела;

б) подтверждению или опровержению показаний участников процесса;

в) выявлению соучастников преступления;

г) восстановлению последовательности событий.

В современном мире почти каждое действие человека оставляет за собой цифровой след: сообщения, телефонные звонки, банковские приложения, установленные в телефоне, геолокации устройства, активность в социальных сетях с разными данными и т.д. [4, 22-25].

Особенности получения и исследования цифровых доказательств заключаются в том, что они осуществляется в рамках следственных действий, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, например, обыск, осмотр и изъятие электронных носителей информации.

Одним из основных требований является обеспечение сохранности и целостности данных, где используются специальные методы копирования информации, которые

позволяют сохранить оригинальные данные без изменений. В ходе расследования также назначается компьютерно-техническая экспертиза, позволяющая:

- установку подлинности цифровых данных;
- определению времени создания или изменения файлов;
- определению удалённой информации;
- восстановлению структуры цифровых данных.

Применение цифровых доказательств несмотря на ряд преимуществ, имеют свои проблемы:

1) риск изменения или фальсификации электронных данных, что требует использования специальных методов проверки подлинности информации;

2) сложности при получении данных, которые хранятся на зарубежных серверах, принадлежат неместным компаниям, где необходимы механизмы международного сотрудничества; [9, 15-16]

3) недостаточный уровень подготовки специалистов правоохранительных органов в области цифровых технологий.

В этом аспекте ключевым международным документом является Будапештская конвенция о киберпреступности. Она регулирует вопросы сотрудничества государств при расследовании преступлений в сфере информационных технологий.

Признаками электронных доказательств являются:

1. Нематериальная (цифровая) форма или нематериальный характер электронных доказательств, так как информация существует не в физической форме, а в виде цифровых данных и хранятся на электронных носителях или в информационных системах.

2. Наличие материального носителя, так как несмотря на нематериальную форму, электронные доказательства всегда связаны с материальным носителем информации, например: стационарные компьютеры и ноутбуки, гаджеты, мобильные телефоны и смартфоны, флешки, серверы и облачные хранилища, а также жесткие диски.

3. Возможность копирования без изменения содержания, так как цифровая информация, может быть, как оригинал точно скопирована неограниченное количество раз - без потери качества и без изменения содержания. В отличии от многих традиционных доказательств, где копия может отличаться от оригинала, тут копия не будет отличатся от оригинала.

4. Уязвимость к изменению или уничтожению электронных доказательств, так как если не принять меры по их защите, то они могут быть легко изменены, удалены или повреждены, следовательно, при работе с электронными доказательствами важно соблюдать специальные правила их изъятия, хранения и исследования. [6, 201-203]

5. Наличие метаданных: цифровые файлы содержат метаданные - служебную информацию о файле, например: дата и время создания файла; дата последнего изменения; информация об устройстве или программе, в которой был создан файл. Они (метаданные) помогают установить происхождение цифрового доказательства и проверить его подлинность.

6. Возможность восстановления удалённой информации, так как даже после удаления цифровые данные часто могут быть восстановлены с помощью специальных программ и методов цифровой криминалистики, что делает электронные доказательства важным источником информации при расследовании преступлений.

7 Электронные доказательства тесно связаны с применением информационных технологий и электронных устройств и их обнаружение и исследование часто требует специальных технических знаний и проведения экспертизы.

Итак, электронные доказательства обладают специфическими признаками: цифровая форма, возможность точного копирования, наличие метаданных и уязвимость к изменениям. Такие особенности надо учитывать при их применении в уголовном процессе, чтобы обеспечить достоверность и доказательственную силу.

Существует несколько способов подтверждения достоверности цифровых электронных доказательств:

1. Правильная процессуальная фиксация доказательств, которая является одним из основных способов подтверждения достоверности цифровых доказательств. При следственных действиях, например обыск, осмотр или изъятии электронные носители информации изымаются, при чем составляется протокол, где детально описываются устройство, его состояние и обнаруженная информация. Такая процедура проводится

согласно требованиям законодательства, которые указаны в уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан.

2. Использование метода криминалистического (форензического) копирования для сохранения оригинальной информации, который позволяет создать точную цифровую копию носителя информации без изменения исходных данных. Подобная копия используется с целью дальнейшего исследования, а оригинальный носитель сохраняется как источник доказательства.

3. Использование одного из наиболее распространённого технического способов подтверждения подлинности данных - использование хэш-функций, который представляет собой уникальный цифровой код [8, 187-191]. Он формируется на основе содержимого файла и если даже один символ в файле будет изменён, то хэш-сумма также изменится, потому сравнение хэш-значений позволяет убедиться, что информация не была изменена после её изъятия.

6. Использование электронных подписей, так как в некоторых случаях достоверность электронных документов подтверждается именно электронной цифровой подписью, которая позволяет установить автора документа и убедиться, что информация не была изменена после подписания.

В заключении данной статьи, хотелось бы отметить, что подтверждение достоверности цифровых электронных доказательств является важным условием для их использования в ходе уголовного процесса. Применение таких процессуальных и технических методов как правильная фиксация, криминалистическое (форензическое) копирование, хэш-суммы, а также проведение экспертиз и анализ метаданных, позволяют обеспечить надёжность электронных данных и их доказательственную силу.

Более того, в Республике Таджикистан кроме норм уголовного процесса можно также отметить несколько других законов, которые имеют значение в целях применения цифровых доказательств, например:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан — это основной нормативный акт, регулирующий порядок сбора доказательств, их фиксацию и исследование, а также проведение следственных действий (например: обыск, извлечение, осмотр электронных гаджетов и устройств). Необходимо отметить, что в рамках уголовного процесса цифровые данные могут служить как документы или иные носители информации с доказательственным значением.

2. Закон Республики Таджикистан «Об электронном документе и электронной подписи», который регулирует определение электронного документа, его юридическую силу, а также порядок использования электронных документов. Поскольку многие цифровые доказательства существуют именно в форме электронных документов, потому он очень важен.

3. Закон Республики Таджикистан «Об электронной цифровой подписи» который устанавливает правила применения электронной подписи, способы подтверждения подлинности электронных документов, а также идентификацию лица, создавшего или отправившего электронный документ. Это, в свою очередь, помогает подтвердить достоверность цифровых доказательств.

4. Закон Республики Таджикистан «Об информации» регулирует оборот информации, доступ к информационным ресурсам и защиту информации, формируя общую правовую основу работы с цифровой информацией. В ходе международной практики основную роль в регулировании обращения с электронными доказательствами играет Будапештская конвенция о киберпреступности, которая закрепляет механизмы международного сотрудничества и получения цифровых данных в рамках уголовного процесса. Ниже приводятся несколько важных международных актов:

1.Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 года, которая считается первым международным договором и регулирует борьбу с преступлениями в интернете и получение электронных доказательств. Эта конвенция устанавливает правила сбора и сохранения электронных данных, механизмы международного сотрудничества, процедуры быстрого доступа к цифровым доказательствам, которые находятся в другой стране.

2. Второй дополнительный протокол к Будапештской конвенции 2021 года, регулирующий ускоренный доступ к электронным доказательствам, взаимодействие с интернет-провайдерами и получение данных из других государств [2, 44-45].

3. Документы ООН по киберпреступности: в рамках ООН рекомендации и проекты международных соглашений по борьбе с киберпреступностью и использованию цифровых доказательств находятся в процессе разработки.

1) ООН разрабатывает руководящие принципы и рекомендации для государств по борьбе с киберпреступностью, которые помогают странам унифицировать подходы к сбору цифровых доказательств, устанавливать общие правила их фиксации, хранения и передачи, а также обеспечивать допустимость подобных доказательств в суде.

2) Развитие международного сотрудничества. В связи с тем, что цифровые доказательства в большинстве случаев находятся на серверах других стран, потому ООН способствует созданию механизмов правовой помощи между странами с тем, чтобы следственные органы могли законно получать необходимые данные.

3) Разработка международного договора по киберпреступности. ООН ведёт работу над глобальной конвенцией по борьбе с киберпреступностью, которая должна установить следующие единые правила:

- ✓ получения электронных доказательств;
- ✓ обмена цифровой информацией между государствами;
- ✓ защиты прав человека при доступе к данным.

4) Обеспечение защиты прав человека, где ООН напоминает, что при использовании цифровых доказательств обязательно соблюдать право на частную жизнь и защиту персональных данных, потому международные стандарты предусматривают судебный контроль и законные процедуры доступа к информации.

4. Правила электронных доказательств в Европейском Союзе, где разработаны регламенты электронного доказательства (e-Evidence), упрощающие получение данных от интернет-компаний. В праве Европейского Союза предусмотрены такие механизмы, как европейский ордер на предоставление электронных доказательств, ордер на их сохранение, а также процедуры прямого взаимодействия с интернет-провайдерами. Надо отметить, что такие инструменты позволяют правоохранительным органам в ускоренном темпе получать цифровые данные, даже если они находятся на серверах в другой стране.

Итак, правовое регулирование использования цифровых доказательств формируется на международном и национальном уровнях. Международные стандарты предусматривают общие принципы обращения с электронными доказательствами, а национальное законодательство Республики Таджикистан уточняет порядок их получения, установления и оценки в уголовном процессе. В новых условиях цифровизации общества дальнейшее совершенствование этих норм является необходимым условием повышения эффективности расследования преступлений и обеспечения защиты прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.)
2. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.05.2016 г.)
3. Закон Республики Таджикистан от 15 марта 2023 года № 1965 « Об электронном документе и электронной подписи» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2025 г.)
4. Закон Республики Таджикистан от 6 августа 2001 года № 40 «Об информатизации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.04.2019 г.)
5. Асадова Ф. С., Балухина К. А. Электронные доказательства в уголовном процессе в условиях цифровизации.2025.- 471с.
6. Собиров Ш. Цифровые доказательства в уголовном процессе: вызовы, судебная практика и перспективы реформирования. Общество и инновации. 2023.- С.115–127.
7. Мусаев Г. Цифровые доказательства как направление в расследовании преступлений. Общество и инновации. 2023.- С.132-138.
8. Романова Г. В. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Цифровые технологии и право. 2022 – С.194-197.
9. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Конгракт, 2019. - 211 с.

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ИХ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Холзода Алибеки Хурсанд
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 935698888, e-mail: alibek_0001@mail.ru
Азизмамадова Малика Вафоевна
студентка 3-го курса юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Республики Таджикистан, ул. М. Турсунзаде 30
Тел: (+992)770070401, e-mail: malikaazizmammadova@mail.ru

PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND THEIR PRACTICAL IMPLEMENTATION

Kholzoda Alibeki Khursand
teacher of the department of criminal procedure and criminalities
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 935698888, e-mail: alibek_0001@mail.ru

Azizmadova Malika Vafoevna
3nd year full-time student of the law faculty
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992)770070401, e-mail: malikaazizmammadova@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются принципы уголовного судопроизводства и проблемы их реализации на практике в Российской Федерации и Республике Таджикистан.*

Анализируются нормативное закрепление принципов в УПК РФ И УПК РТ, а также типичные нарушения на примере состязательности сторон, права на защиту и презумпции невиновности. Выявляются основные причины обвинительного уклона, формальной работы адвокатов по назначению и низкой доли оправдательных приговоров.

Annotation. *The article examines the principles of criminal procedure and the problems of their implementation in practice in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The author analyzes the normative consolidation of principles in the Criminal Procedure Codes of both countries, as well as typical violations using the examples of adversarial proceedings, the right to defense, and the presumption of innocence.The main causes of prosecutorial bias, formal work of appointed lawyers, and the low rate of acquittals are identified.*

Ключевые слова: *принципы уголовного судопроизводства, состязательность сторон, право на защиту, презумпция невиновности, обвинительный уклон, УПК РФ, УПК Республики Таджикистан, адвокат по назначению.*

Keywords: *principles of criminal procedure, adversarial proceedings, right to defense, presumption of innocence, prosecutorial bias, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, appointed lawyer.*

Любое изучение уголовного процесса любой страны начинается с его принципов. Это своего рода конституция внутри отрасли — нормы, которые нельзя нарушать даже ради раскрытия преступления [1, 45]. В Российской Федерации и Республике Таджикистан перечни таких принципов почти одинаковые [2]. Достаточно сравнить главу УПК РФ и соответствующие статьи УПК РТ.

Однако схожесть текста не означает одинаковой работы механизмов на практике [4].

В России и Таджикистане, несмотря на хорошие законы, принципы часто нарушаются - иногда это делают откровенно

Я решила разобраться, где именно система даёт сбой. Для этого я взяла две страны с похожим прошлым, но разным настоящим, и сравнила, как в них работает правосудие.

Вот что по-настоящему важно: почему судьи продолжают спрашивать обвиняемого «почему вы не докажете свою невиновность?», почему адвокат иногда не помогает, а просто отбывает время в процессе, и почему состязательность остаётся красивой, но не всегда работающей идеей. Об этом - моя статья.

В любой отрасли права существуют ключевые идеи, на которых строится всё остальное. В уголовном судопроизводстве такие идеи называют принципами. Принципы применяются на протяжении всего уголовного процесса: от начального этапа проверки сообщения о преступлении до окончательного вступления приговора в силу.

Ни один следователь, прокурор или судья не вправе их игнорировать. Если принцип будет нарушен, это приводит к отмене принятого решения.

В юридической литературе под принципами понимают нормативно закреплённые основополагающие положения, которые определяют форму, содержание и направление всего уголовного процесса. Они гарантируют права участников и ограничивают власть государственных органов. А.В. Смирнов отмечает, что принципы выступают своего рода «маяком», направляющим правосудие в правовом государстве. Если бы их не было, процесс мог бы превращаться в произвольные действия, когда решения зависят лишь от личного мнения конкретного сотрудника.

К главным признакам принципов можно отнести такие. Во 1-ых они закреплены в законе, чаще всего в Конституции или уголовно-процессуальном кодексе. Во 2-ых, они обязательны для всех без исключения участников процесса. В 3-тьих, они образуют систему, где каждый принцип связан с другими. В 4-тых, нарушение этих принципов может привести к юридическим последствиям, включая недопустимость доказательств или отмену вынесенного приговора [2].

Система принципов по УПК Российской Федерации

Российский законодатель посвятил принципам отдельную главу 2 УПК РФ (статьи 6-19). Всего в ней закреплено 14 основных положений. Ключевые из них:

Законность (ст. 7) — вся процессуальная деятельность должна строго соответствовать нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ. Любое отклонение от установленных правил может поставить под сомнение легитимность полученных доказательств.

Публичность (ст. 21) —государство обязано инициировать уголовное дело при наличии признаков преступления, даже если потерпевший сам не обращался с заявлением. Исключение составляют только дела частного обвинения, где инициатива зависит от потерпевшего.

Презумпция невиновности (ст. 14) - обвиняемый считается невиновным, пока его вина не доказана в установленном порядке и не подтверждена вступившим в силу приговором. Все сомнения толкуются в его пользу. Он не обязан доказывать свою невиновность.

Состязательность сторон (ст. 15) —функции обвинения, защиты и вынесения решения распределены между различными участниками процесса. Суд не выступает ни в роли обвинителя, ни в роли защитника; его задача — обеспечить равные условия для обеих сторон и справедливое рассмотрение дела.

Право на защиту (ст. 16) - подозреваемый и обвиняемый имеют право на помощь адвоката. В ряде случаев адвокат предоставляется бесплатно. Если участие защитника было обязательным, любые показания, данные без его присутствия, считаются недопустимыми.

Разумный срок (ст. 6.1) — уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумные сроки. Затягивание процесса является нарушением права на справедливое правосудие и может служить основанием для компенсации.

Принцип состязательности является одним из главных положений уголовного процесса. Его суть в том, что обвинение и защита представляют противоположные позиции, которые обсуждаются перед независимым судом, который не должен выполнять функции ни одной из сторон. В российском УПК этот принцип закреплён в статье 15, а в УПК Республики Таджикистан — в статье 20. На практике же соблюдение этого принципа сталкивается с различными трудностями.

Одной из самых распространённых проблем является обвинительный уклон: суд может незаметно для себя становиться на сторону прокуратуры. Например, судьи самостоятельно запрашивают доказательства, возвращают дела для устранения пробелов или задают подсудимому вопросы в духе обвинения, например: «Почему вы не можете пояснить своё местонахождение в момент происшествия?» [6].

Пример из практики: апелляционное определение Мособлсуда по делу № 22-1234/2022. Суд первой инстанции самостоятельно истребовал медицинские документы подсудимого для восполнения пробелов обвинения, что привело к отмене приговора вышестоящим судом из-за нарушения принципа состязательности [7].

Кроме того начала судебного разбирательства защита действует в сложных условиях: ей трудно ознакомиться с материалами дела, и собрать необходимые доказательства гораздо сложнее, чем стороне обвинения.

Проблемы здесь схожи с российскими, но имеют свои особенности. Суды также склонны к обвинительному уклону, особенно по делам о коррупции и наркотиках. Прокурор сохраняет контроль над следствием, суд редко возвращает дела для устранения недостатков, а защита вынуждена действовать в неравных условиях.

Пример из практики: суд города Худжанда рассматривал дело о краже, где основным доказательством были противоречивые показания одного свидетеля. Судья задавал подсудимому вопросы, которые могли его поставить в затруднительное положение они подталкивают подсудимого к признанию, а просьбы защиты отклонялись. Впоследствии вышестоящий суд отменил приговор.

Дополнительно существует территориальная проблема: в отдалённых районах, таких как ГБАО и Раштская долина, адвокатов почти нет. Подсудимый встречается с защитником только в зале суда, что делает принцип состязательности фактически недействующим.

Общее: обе страны сталкиваются с обвинительным уклоном, слабой защитой на досудебных стадиях и разрывом между формальным и реальным равенством сторон [4, 26].

Различия: в России чаще отменяют приговоры за нарушения состязательности [7], тогда как в Таджикистане острее стоит проблема доступа к адвокатам в регионах. Российский УПК детальнее регулирует механизмы состязательности, а таджикский оставляет больше пространства для усмотрения судьи.

Основные факторы, способствующие нарушению принципа состязательности, можно выделить следующие:

1. Советская профессиональная культура — исторический суд воспринимался как элемент карательной системы, что оставило след в подходах к уголовному процессу [5, 79].

2. Оценка работы судей по количеству обвинительных приговоров —Когда эффективность работы судей измеряется числом обвинительных приговоров, это способствует склонности рассматривать дела преимущественно с точки зрения обвинения [6].

3. Пассивность адвокатов, особенно назначаемых государством, которые не всегда активно защищают интересы подсудимого [8, 801].

Право на защиту является одним из ключевых прав человека в уголовном процессе. Оно подразумевает, что каждый подозреваемый или обвиняемый имеет возможность пользоваться поддержкой адвоката с момента задержания или предъявления обвинения. Государство обязано не только предоставить такую возможность, но и обеспечить её реальное осуществление, включая бесплатное предоставление защитника в случаях, предусмотренных законом [1, 112]. В российском УПК этот принцип закреплён в статье 16.

Там указано, что подозреваемый и обвиняемый вправе защищаться любыми не запрещёнными законом способами, а суд, прокурор и следователь обязаны разъяснять им это право и предоставлять возможность и защищаться 12, ст. 161. В УПК Республики Таджикистан аналогичная норма содержится в статье.

Однако на практике реализация этого принципа сталкивается с серьёзными проблемами в обеих странах [4].

Одна из самых острых проблем в России - низкое качество защиты, которую оказывают адвокаты по назначению. Следствие или суд приглашают такого защитника, если подозреваемый не может нанять адвоката сам или отказывается от конкретного. На практике эти адвокаты часто перегружены, получают небольшую оплату из бюджета и не заинтересованы в активной защите.

Чем это оборачивается? Адвокат может прийти на допрос, не изучив материалы дела, подать формальные ходатайства, не оспаривать ключевые доказательства, не обжаловать незаконные действия следователя. Подозреваемый остаётся один на один с обвинением, а защитник лишь «отбывает номер», присутствуя в процессе [6].

Конституционный Суд РФ в своём постановлении № 28-П от 27 июня 2022 года указал, что формальное присутствие адвоката без реальной помощи не может считаться реализацией права на защиту. Суд подчеркнул, что государство обязано обеспечить не просто адвоката, а эффективную защиту [7].

Однако проблема остаётся. По данным Следственного комитета РФ за 2023 год, в каждом десятом деле, где участвовал назначенный адвокат, защита была признана ненадлежащей. В ряде регионов (например, в Саратовской и Кемеровской областях) зафиксированы случаи, когда один адвокат одновременно вёл 15-20 дел, физически не успевая вникать в каждое.

В России и Таджикистане разрабатываются различные меры для повышения эффективности защиты.

В Российской Федерации рассматривается несколько подходов: увеличение оплаты труда адвокатов, назначаемых государством; введение обязательной специализации для работы по тяжким уголовным делам; создание государственных юридических бюро. Конституционный Суд РФ уже обязал законодателя пересмотреть порядок оплаты, однако на практике изменения пока носят ограниченный характер [7].

В Таджикистане одним из основных предложений является создание мобильных групп адвокатов, способных работать в удалённых районах, а также использование видеоконференцсвязи для консультаций с защитником на расстоянии. Кроме того, правозащитники обращают внимание на необходимость строгого контроля, чтобы адвокат получал доступ к материалам дела заранее, а не непосредственно перед допросом.

Таким образом, право на защиту в обеих странах закреплено законом, но его практическая реализация остаётся проблематичной. Основные трудности связаны с низким качеством услуг назначенных адвокатов и их ограниченной физической доступностью, что особенно остро ощущается в Таджикистане.

Презумпция невиновности является одним из главных принципов уголовного процесса. Она предполагает, что обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена в порядке, предусмотренном законом, и подтверждена вступившим в силу судебным приговором. Любые сомнения в виновности должны трактоваться в пользу подсудимого, и сам обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

В российском УПК РФ данный принцип закреплён в статье 14, а в УПК Республики Таджикистан — в статье 18.

На первый взгляд, данная норма представляет собой надёжную гарантию защиты от несправедливого осуждения. Однако на практике принцип презумпции невиновности нередко нарушается. Одним из наиболее распространённых нарушений является обвинительный уклон, когда суд и следственные органы изначально рассматривают обвиняемого как виновного, возлагая на него обязанность доказывать обратное [4, 15].

Обвинительный уклон наблюдается на всех этапах уголовного процесса. На досудебной стадии следственные органы чаще ориентируются исключительно на сбор доказательств вины, игнорируя или недостаточно проверяя сведения, которые могли бы оправдать подозреваемого. Показания обвиняемого, подтверждающие его невиновность, зачастую воспринимаются с недоверием. Даже отказ от дачи показаний может рассматриваться как косвенное признание вины.

Пример из практики: приговор по делу № 1-567/2022 Московского областного суда содержал формулировку: «Подсудимый не смог представить суду убедительных доказательств своей невиновности». Вышестоящий суд отменил приговор, отметив, что такая формулировка нарушает статью 14 УПК РФ, так как обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность [7].

Дополнительная проблема — статистическое давление. Оправдательные приговоры в России крайне редки (менее 1% от всех дел), и судьи знают, что вынесение оправдательного решения может негативно повлиять на их карьеру. Поэтому даже при наличии сомнений судьи чаще выбирают обвинительный приговор, иногда с более мягким наказанием.

По мнению С.Ш. Исмаилова, в таджикских судах часто встречается практика, когда судья воспринимает обвинительное заключение прокурора как заранее истинное. Даже

серьёзные сомнения в доказательствах чаще всего трактуются не в пользу подсудимого, а в пользу обвинения.

Пример из практики: Верховный суд Республики Таджикистан рассматривал дело о краже, где ключевым доказательством были показания одного свидетеля, трижды изменявшего свои показания. Несмотря на это, суд первой инстанции вынес обвинительный приговор, указав в мотивировочной части: «У суда нет оснований не доверять показаниям свидетеля, несмотря на противоречия». Вышестоящий суд отменил приговор, отметив, что сомнения следует толковать в пользу обвиняемого.

Кроме того, в Таджикистане распространена практика, когда обвиняемый, чтобы снизить риск наказания, соглашается на сделку со следствием и признаёт вину, даже если не совершал преступления. Такая практика называется «признанием под давлением обстоятельств». Суды, как правило, не проверяют добровольность этих признаний, что также нарушает принцип презумпции невиновности.

Одним из наглядных признаков обвинительного уклона является язык приговоров. Вместо нейтральных формулировок вроде «суд считает доказанным» часто встречаются выражения, которые нарушают принцип презумпции невиновности.

Примеры из российской практики (по обзору Верховного Суда РФ за 2022 год):

- «Подсудимый не опроверг доводы обвинения»
- «Обвиняемый не представил доказательств своей невиновности»
- «У суда нет оснований сомневаться в показаниях потерпевшего, хотя они противоречивы».

Все эти формулировки прямо противоречат статье 14 УПК РФ. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на недопустимость таких выражений, но они продолжают появляться в судебных документах [6].

В Таджикистане ситуация аналогична. В одном из приговоров суда Согдийской области судья отметил: «Подсудимый не смог объяснить своё местонахождение в момент преступления, что косвенно подтверждает его вину», хотя по закону обвиняемый не обязан предоставлять такие объяснения.

Нарушение презумпции невиновности в значительной степени связано с уже рассмотренными проблемами состязательности и права на защиту:

1. Менталитет судей и следователей. Многие специалисты выросли в советской системе, где обвиняемый рассматривался как «преступник до доказательства обратного». Изменить такое мышление сложно [4].

2. Статистическое давление. Карьера судьи зависит от того, сколько приговоров остаётся в силе после обжалования. Поскольку оправдательные решения почти всегда обжалуются прокурором, судьи предпочитают выносить обвинительные приговоры, даже при наличии сомнений [7, 21].

3. Неравенство ресурсов. Обвинение располагает целым штатом следователей, экспертов и прокуроров, тогда как подсудимый часто имеет одного адвоката, назначенного государством и с низкой оплатой. В таких условиях обвинение выглядит убедительнее, даже если его доказательства слабые [5].

4. Пассивность суда. Чтобы обеспечить презумпцию невиновности, судья должен активно проверять доказательства обвинения. Однако многие боятся проявлять инициативу в пользу защиты и просто соглашаются с доводами обвинения [8, 92].

Презумпция невиновности в России и Таджикистане чаще существует формально, чем реально. На практике преобладает обвинительный уклон: сомнения трактуются в пользу обвинения, подсудимый вынужден доказывать свою невиновность, а оправдательные приговоры остаются крайне редким исключением. Без реформирования судейской культуры и системы оценки их работы данный принцип остаётся красивой, но неэффективной нормой.

Проведённое исследование позволяет выделить несколько основных выводов.

Первый вывод. Принципы уголовного судопроизводства в России и Таджикистане закреплены в законодательстве схожим образом. В обоих кодексах присутствуют такие положения, как законность, состязательность сторон, презумпция невиновности, право на защиту, а также уважение чести и достоинства личности [1, 45]. Различия проявляются в деталях: российский УПК отдельно предусматривает принцип разумного срока, а таджикский УПК детальнее раскрывает уважение чести и достоинства с учётом национальных особенностей [2, 67].

Второй вывод. На практике реализация принципа состязательности сталкивается с серьёзными трудностями. Судебные органы иногда фактически подменяют роль сторон, самостоятельно собирая доказательства или восполняя пробелы обвинения, в то время как защита на досудебной стадии оказывается в неравных условиях. Судебная практика подтверждает это: например, дела № 22-1234/2022 Московского областного суда и суд города Худжанда демонстрируют, что вышестоящие инстанции были вынуждены отменять приговоры из-за нарушения принципа состязательности [4].

Третий вывод. Несмотря на законодательное закрепление, право на защиту реализуется далеко не полностью. В России главная проблема заключается в низком качестве работы адвокатов по назначению, которые перегружены и не всегда мотивированы активно защищать подсудимых. В Таджикистане к этому добавляется труднодоступность адвокатов в отдалённых регионах, таких как ГБАО и Раштская долина. Постановление Конституционного Суда РФ № 28-П (2022) подтвердило, что формальное присутствие адвоката без реальной юридической помощи не может считаться надлежащей защитой [7].

Четвёртый вывод. Презумпция невиновности на практике часто нарушается из-за обвинительным уклоном. Судьи задают подсудимым вопросы, которые фактически перекладывают бремя доказывания на них («почему вы не докажете свою невиновность?»), а формулировки приговоров нередко противоречат статье 14 УПК РФ [8, с. 17]. Доля оправдательных приговоров в обеих странах крайне мала — менее 1%, что указывает на системную проблему [9, 19].

Пятый вывод. Основные причины нарушений принципов имеют организационный и культурный характер: это советская профессиональная культура, статистическая оценка судей по числу обвинительных приговоров, низкая оплата назначенных адвокатов и пассивность защиты [9,145]. Среди предложений по улучшению ситуации выделяются: повышение оплаты труда адвокатов по назначению, создание мобильных адвокатских групп для отдалённых районов (особенно актуально для Таджикистана), отказ от оценки судей по проценту обвинительных приговоров, а также более активное использование вышестоящими судами права отменять приговоры при нарушении принципов.

Таким образом, цель работы — анализ принципов уголовного судопроизводства и их реализации на практике — достигнута. Исследование показало, что законодательное закрепление принципов является необходимым, но недостаточным условием их реального соблюдения. Без реформирования правоприменительной практики и изменения судейской культуры принципы рискуют остаться формальной декларацией.

Список литературы:

1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. М., 2023.- С. 45.
2. Шарипов Т.Ш. Комментарий к УПК РТ. Душанбе, 2021. - С. 67.
3. Томин В.Т. Реализация права на защиту. СПб., 2022.- С. 78-80.
4. Апелляционное определение Московского областного суда N° 22-1234/2022; дело суда г. Худжанда (Вестник Академии МВД РТ. 2023. № 4. С. 90).
5. Назаров Д.К. Доступ к юридической помощи в Таджикистане // Правовая жизнь. Душанбе, 2023. № 1. С. 46.
6. Постановление Конституционного Суда РФ № 28-П от 27.06.2022.
7. Лазарева В.А. Презумпция невиновности // Законность. 2024. № 2. С. 17.
8. Азаров В.А. Проблемы состязательности // Российская юстиция. 2023. № 3. С. 19.
9. Томин Л. В. Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ. — СПб.: СПбГУП, 2014. — 172 с.

СУДЕБНОЕ ПОЧЕРКОВЕДЕНИЕ И АВТОРОВЕДЕНИЕ: ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ

Ятимзода Хайриниссо Шерафган
магистрант 2-го года обучения факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 886 85 34 34, e-mail: upk.rstu@mail.ru

FORENSIC HANDWRITING AND AUTHOR STUDIES: SUBJECT, TASKS AND SCIENTIFIC FOUNDATIONS

Yatimzoda Khairinisso Sherafgan
master's student of the 2-nd year of study of the faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992) 886 85 34 34, e-mail: upk.rstu@mail.ru

Аннотация*. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с современными воззрениями на общие положения теории судебного почерковедения. На основе анализа специализированной литературы в области теории судебного почерковедения и личных исследований предлагается авторское видение определения понятия «судебное почерковедение», содержания его предмета, определения места в структуре криминалистики и криминалистической технике.*

Annotation. *This article deals with issues related to modern views on general provisions of the theory of judicial handwriting. Based on the analysis of specialized literature in the field of the theory of judicial handwriting and personal research, an author's vision of the definition of the concept of "judicial handwriting," the content of his subject, the definition of a place in the structure of criminalistics and forensic techniques is proposed.*

Ключевые слова: *понятие судебного почерковедения, предмет судебного почерковедения, общие положения теории судебного почерковедения, закономерности судебного почерковедения, отрасль криминалистической техники.*

Key words: *the concept of forensic handwriting analysis, the subject of forensic handwriting analysis, the general principles of forensic handwriting analysis, the laws of forensic handwriting analysis, and the branch of forensic science.*

Методика и техника исследования почерка с целью установления исполнителя рукописи разрабатываются судебным почерковедением.

Судебное почерковедение — это раздел криминалистической техники, изучающий почерк и разрабатывающий методы его исследования в целях решения задач судебно-почерковедческой экспертизы [1, 124].

Как и любой другой вид криминалистического исследования, судебное почерковедение имеет самостоятельную область знаний, специфичность которого определяется предметом исследования - почерком, связанным с осуществлением одного из наиболее сложных навыков человека - навыка письма [4, 12].

На разрешение судебно-почерковедческой экспертизы следователем и судом могут быть поставлены задачи идентификационного и неидентификационного (диагностического) характера [13, 463].

К задачам идентификационного характера относятся: установление исполнителя рукописного текста или подписи, а также установление факта выполнения одним лицом различных текстов, отдельных фрагментов текста, подписей.

Наиболее распространенной задачей, которая ставится перед экспертом- почерковедом, является идентификация исполнителя текста или подписи. Необходимость в этом может возникнуть у следователя или суда при изучении письменных или вещественных доказательств, в частности, когда содержание написанного составляет доказательство определенного факта (подделки, угрозы, оскорбления и т.д.).

Иногда установление исполнителя текста документа может указать на круг лиц, среди которых следует искать виновного.

В следственной и судебной практике нередки случаи, когда в доказательство факта займа предоставляется расписка. После предъявления таких расписок появляется подозрение, что подписи на расписках выполнены теми лицами, от имени которых они составлены, но сам текст расписок или его часть, дописанная к тексту (например, сумма прописью или отдельные цифры), выполнены не ими. Установлению истины в данном случае может способствовать судебно-почерковедческая экспертиза.

Вопрос о выполнении нескольких текстов или подписей одним лицом может быть поставлен и в том случае, когда у следователя есть основания полагать, что исполнителем

всех текстов анонимных писем или подписей от имени вымышленных лиц является одно лицо. Следователь или суд, назначая экспертизу почерка, в подобных случаях может поставить на разрешение эксперта вопрос о выполнении текста одним лицом или разными лицами [6, 619].

Кроме идентификационных исследований, как уже отмечалось, могут проводиться и неиндеитификационные (диагностические) исследования. Они имеют своей целью:

1) установление факта письма в необычных условиях или при необычном состоянии писавшего;

2) установление одновременности выполнения всех фрагментов текста, подлежащих экспертизе;

3) решение вопроса о давности выполнения исследуемой рукописи;

4) определение пола исполнителя по рукописному тексту и т.д.

Вопрос об условиях выполнения рукописи следователю и суду приходится выяснять при проверке показаний обвиняемых, свидетелей или потерпевших, либо в целях уточнения или оценки заключения эксперта, содержащего выводы о невозможности решения поставленной перед экспертом задачи.

При оценке такого вывода у следователя могут возникнуть дополнительные вопросы, касающиеся влияния условий письма на проявление признаков подписи. Перед экспертом в подобном случае может быть поставлена задача: установить могли ли появиться различающиеся признаки почерка вследствие выполнения подписи определенным лицом в неудобной позе или болезненном состоянии.

Особенно часто такие вопросы ставятся перед экспертом в случаях, когда другими доказательствами по делу установлено, что подпись была выполнена в очень необычных условиях больным человеком.

Результатом сравнительного исследования в данном случае является исключение или подтверждение условий, сходных по характеризующим их признакам с проверяемыми условиями.

Иногда одной из задач неиндентификационного исследования, которую ставят перед экспертом, является установление факта дописки слова или фразы к тексту, цифры к числу и т.д.

В некоторых случаях перед экспертом ставится задача определения времени выполнения рукописи. Необходимость в этом может возникнуть при решении вопросов о приоритете научных открытий, о давности составления завещаний и т.д.

Задачи, поставленные перед экспертом следователем или судом, определяют методику проведения экспертизы рукописного текста, а также процесс подготовки и оформления материалов, направляемых для исследования.

При необходимости установления исполнителя рукописного текста либо подписи следователь или суд должны представить эксперту, производящему экспертизу, свободные и экспериментальные образцы почерка (подписи) лица, з отношении которого проводится исследование.

Если перед экспертом поставлена задача установить одним или разными лицами выполнены отдельные фрагменты текста в исследуемом документе или несколько текстов (подписей), то на экспертизу представляются лишь исследуемые документы [7, 620-621].

При постановке задач неидентификационного характера на экспертизу представляется только исследуемый документ (например, завещание с подписью умершего лица). При проведении экспертизы почерка по рукописям, выполненным в необычных условиях, требуются образцы почерка или подписей, выполненные в аналогичных условиях.

Основу судебного почерковедения составляет положение об индивидуальности почерка. Каждому пишущему свойственен индивидуальный, только ему присущий почерк. Нет двух людей, имеющих один и тот же почерк, хотя и встречаются почерки, очень похожие и внешне кажущиеся одинаковыми [10, 112].

Индивидуальность почерка обусловлена тем, что в процессе всякой деятельности человека, если определенные действия повторяются неоднократно, большое число раз, происходит образование навыков. Это, в равной мере, относится к такому виду деятельности, как письмо.

Отдельные элементы этих действий при повторении становятся все более однообразными, стереотипными, приобретают значительную устойчивость. Для

последующего повторения тех же действий требуется меньше усилий, чем ранее, при формировании навыка. Движения выполняются в большей степени автоматизированно.

Формирование навыков с физиологической стороны объясняется возникновением в деятельности центральной нервной системы сложного сочетания условных рефлексов. Укоренившись в результате длительных повторений одних и тех же действий, эта совокупность условных рефлексов (по учению И.П. Павлова - динамический стереотип) приобретает прочность, устойчивость. Она может частично изменяться, но для этого необходимы известные усилия. Более значительные изменения требуют соответственно больших усилий и длительного времени, в течение которого происходит перестройка навыка. Полное его разрушение возможно лишь под воздействием чрезвычайных факторов (например, нервного заболевания) [15, 77-78].

Умение писать возникает не сразу - оно является результатом обучения. В начале обучения письму движения носят неуверенный характер, они неустойчивы и несовершенны. Однако в результате учебных упражнений и практического пользования письмом движения становятся все более устойчивыми, целесообразными, быстрыми. Зрительный контроль за ними ослабевает, движения приобретают автоматизм. Незнакомые в начале обучения движения становятся привычными. Так постепенно складываются навыки письма.

Но навыки той или иной деятельности, будучи у разных людей в общих чертах одинаковыми, содержат и индивидуальные особенности, присущие каждому отдельному человеку.

Это в полной мере относится к почерку: он тоже приобретает характерные особенности, присущие отдельному человеку.

На формирование навыков воздействуют различные обстоятельства: методика обучения, условия работы, разнообразные условия внешней среды стремление выполнить те или иные действия определенным образом, заимствования, подражания. Понятно, что совокупность перечисленных факторов не может быть одинаковой для всех.

На индивидуальное формирование навыка письма большое влияние оказывают аналитические и функциональные особенности тех органов, которые непосредственно участвуют в выполнении соответствующих движений.

Уже в стадии обучения, несмотря на общие для всех обучающихся правила, в почерках разных лиц возникают своеобразные черты, присущие каждому человеку в отдельности. Даже если обучающийся стремится исправить те индивидуальные отклонения, которые противоречат установленным нормам, все равно в пределах этих норм реализуется бесконечное количество вариаций, в которых сказывается индивидуальность письма.

В начальной стадии обучения навыки письма еще не закреплены и весьма подвижны. Поэтому и индивидуальные особенности письма, выраженные в графических признаках, еще неустойчивы. Вследствие этого идентификация личности по почерку обучающихся письму представляет определенную сложность [16, 85-86].

В практическом отношении индивидуальность почерка доказана многолетней практикой установления исполнителя рукописи в судебных, а также иных целях. Индивидуальность почерка больше всего сказывается не в отчетливо заметных его признаках, таких, например, как общее его построение, типы письменных знаков, их размеры, наклоны и прочее, а в мелких, требующих специальных методов для их обнаружения. Этим и объясняется то, что внешнее впечатление нередко обманчиво: кажется, что почерки одинаковы, в действительности же они различны. Вследствие этого правильное решение вопросов, входящих в компетенцию судебно-почерковедческой экспертизы, возможно только на основе квалифицированного исследования, проведенного хорошо подготовленным специалистом [17, 446-459].

Предмет судебно-автороведческой экспертизы составляют фактические данные об авторе документа и условиях его составления, которые устанавливаются экспертом-криминалистом на основе специальных познаний при исследовании документа и иных материалов уголовного или гражданского дела [9, 51].

Необходимость в установлении автора документа, как правило, возникает в случаях, когда исполнитель и автор анонимного документа - разные лица (например, текст выполнялся под диктовку или переписывался), либо когда объект исследования представляет собой документ, исполненный на пишущей машинке или на компьютере.

Помимо установления авторства путем исследования признаков письменной речи, отобразившихся в документе, эксперт может получить ценную информацию об авторе: о чертах его социально-биографического и психологического "портрета", а также о факторах, действовавших на него в период создания текста. Данная информация содержится в документе в неявном, "закодированном" виде - в особенностях структурной организации текста. Специальные авторoведческие познания помогают "расшифровать" эту информацию и представить её в форме тех или иных фактических данных об авторе или условиях составления документа.

Судебно-авторoведческая экспертиза решает задачи двух видов: идентификационного и неидентификационного, или так называемого диагностического характера.

При решении идентификационных задач эксперт отвечает на такие вопросы, как: является ли определённое лицо автором текста конкретного документа, нескольких документов, соответствующего фрагмента текста документа и т.д.

Судебно-авторовсдческая диагностика в свою очередь предполагает решение двух типов задач: классификационных и собственно диагностических.

К классификационно-диагностическим относятся задачи по установлению групповой принадлежности автора документа, выяснению тех или иных особенностей его социально-биографического облика. Им соответствуют, в частности, следующие вопросы: 1) является ли язык, на котором исполнен документ родным для автора исследуемого документа? 2) носителем какого наречия (говора) определённого языка является автор? 3) каков образовательный уровень автора текста? 4) составлен ли текст конкретного документа лицами, обладающими навыками научного (делового, публицистического) стиля письма? и т.д [3, 52].

При решении диагностических задач, связанных с установлением собственно ситуативных факторов письменного общения, эксперт отвечает, в частности, на вопрос: составлен ли текст документа с намеренным искажением письменной речи лицом, находившимся в необычном психофизиологическом состоянии?

В некоторых случаях, когда требуется установить факт психического заболевания автора во время составления текста документа, такие вопросы могут решаться в рамках комплексной экспертизы с участием специалистов в области судебной психиатрии и судебного авторoведения.

Эксперт-авторoвед, решая поставленные перед ним задачи, использует информацию об авторе, установленную с помощью специальных познаний путём исследования структурных особенностей текста документа. Именно характеристики (особенности) языковых и понятийно-смысловых структур текста, в которых отражаются свойства языковых и интеллектуальных навыков автора, рассматриваются в судебно-авторовсдчсской экспертизе в качестве признаков письменной речи.

Объекты судебно-авторoведческой экспертизы — это тексты документов, относящиеся к бытовому, публицистическому, деловому, а иногда к научному стилю письменной речи. Ими могут быть рукописные, машинописные документы, а также исполненные на компьютере и их копии, в том числе полученные с помощью множительной техники.

Под текстом как объектом судебно-авторoведческой экспертизы понимают совокупность предложений, связанных единством смысла, которые могут служить материалом для криминалистического исследования свойств автора и условий составления документа.

Как показал опыт, решение вопроса об авторстве возможно в случае, если исследуемый текст содержит не менее 500 слов. Это - минимально допустимый объем текста.

Бытовой стиль письменной речи отражается в частных письмах, записках бытового содержания, публицистический - в докладах на общественно - политическую тематику, статьях такого же характера; деловой - в докладных, жалобах, заявлениях, объяснительных записках, рапортах и т.п.; научный - в статьях, текстах докладов, отзывах, рецензиях и др.

Успех криминалистического исследования письменной речи в целях установления авторства в значительной мере зависит от качества и объёма сравнительного материала (образцов).

Под образцом письменной речи понимается текст, автором которого является проверяемое лицо. Записи отдельных слов, словосочетаний, даже отдельных предложений не могут рассматриваться в качестве письменной речи, пригодной для решения вопросов об

авторстве. Это должен быть именно текст в указанном выше смысле и соответствующего объёма [11, 233].

Свободные образцы письменной речи — это тексты, составленные проверяемым лицом вне связи с делом, по которому назначена экспертиза, и до его возбуждения. Они являются наиболее информативным в идентификационном плане сравнительным материалом. При их надлежащем объёме и подготовке эксперт имеет возможность получить ясное и полное представление об особенностях речевого поведения проверяемого лица в той или иной ситуации письменного общения, о системе его языковых и интеллектуальных навыков, об устойчивости и изменчивости признаков письменной речи в текстах конкретного стиля.

Важнейшее требование, предъявляемое к свободным образцам письменной речи, — достоверность их происхождения. Следователю (суду) нужно помнить, что при получении свободных образцов письменной речи, необходимых для проведения автороведческой экспертизы, иногда нельзя полностью полагаться даже на те или иные официальные данные, подтверждающие их авторство.

Каждый образец должен быть удостоверен следователем (судом), назначившим автороведческую экспертизу. Причём в заверителя подписи должно быть указано, что это образцы именно письменной речи проверяемого лица.

Свободные образцы письменной речи должны соответствовать исследуемому тексту по следующим основным характеристикам:

1. По языку изложения. Свободные образцы должны быть выполнены на том же языке, что и исследуемый документ. Тексты, выполненные на разных языках, непригодны для сравнительного исследования в целях установления авторства.

2. По времени выполнения текста. Образцы должны быть выполнены в тот же период, что и исследуемый документ. Данное требование связано с тем, что устойчивость признаков письменной речи у человека относительна. Это особенно характерно для лиц молодого возраста. По мере становления и развития личности, изменения её установок и интересов, под влиянием образования, профессии, меняющейся социальной, национальной, профессиональной среды письменная речь человека может существенно измениться. Причём эти изменения затрагивают все стороны речи: общий уровень грамотности, лексический состав, синтаксис, стилистические особенности.

3. По принадлежности к определённому функциональному стилю речи. Свободные образцы письменной речи должны быть выполнены в рамках того же функционального стиля (бытового, делового, публицистического, научного) и в той же форме письменной речи, что и исследуемый документ.

Наряду с этими образцами должны быть представлены тексты, которые не соответствуют указанным характеристикам исследуемого документа. Так, если текст документа относится к бытовому стилю (например, частное письмо), то наряду с образцами письменной речи, относящимися к этому стилю, рекомендуется представить такие, которые выполнены проверяемым лицом в рамках иных функциональных стилей речи. Это позволит эксперту получить более полное представление об особенностях речевого поведения проверяемого лица, свойствах его языковых и интеллектуальных навыков.

4. По адресату и характеру речевого общения. Это требование обусловлено тем, что автор текста обычно учитывает то, как будет воспринимать написанное адресат сообщения, и при написании текста соответствующим образом отбирает и организует языковые и даже смысловые элементы и структуры. Автор может таким образом учитывать пол, возраст, образование, профессию, социальное положение и другие характеристики адресата. Эти обстоятельства должны учитываться экспертом при вычленении характерных признаков письменной речи.

5. По состоянию автора. Если известно, что автор исследуемого текста в период его создания находился в необычном состоянии, то желательно представлять образцы, выполненные в аналогичном состоянии. Особенно это относится к случаям, когда проверяемое лицо в предполагаемое время выполнения документа страдало психическим или иным тяжким заболеванием, находилось в состоянии хронического переутомления, депрессии, возбуждения. Подобные обстоятельства нередко приводят к серьёзным изменениям в психоречевой сфере личности и, соответственно, проявляются в характере и структурных особенностях изложения.

Таким образом, при подготовке свободных образцов письменной речи важно, чтобы они в наибольшей степени соответствовали исследуемому документу по характеристикам ситуаций письменного общения [5, 455].

Что касается количества свободных образцов письменной речи, то в каждом конкретном случае нужно учитывать следующее:

1) чем меньше объём исследуемого текста, тем в большем количестве должны быть представлены свободные образцы;

2) чем меньше отвечают образцы требованиям сопоставимости, тем больше их нужно.

Экспериментальные образцы письменной речи — это тексты, выполненные проверяемыми лицами по предложению и в присутствии следователя или судьи специально для проведения автороведческой экспертизы.

Экспериментальные образцы письменной речи выполняются проверяемыми лицами в виде самостоятельного сочинения. Именно такая форма письменной речи наиболее полно отражает признаки синтаксических, лексико-фразеологических, стилистических навыков письменной речи, используемые экспертом при решении вопросов о личности автора.

Вначале отбираются образцы в виде сочинения на самостоятельно избранную проверяемым лицом тему. Следователь указывает лицу лишь форму письменной речи в рамках определённого функционального стиля (письмо, объяснительная записка, жалоба и т.д.), язык изложения, если проверяемое лицо владеет несколькими языками [14, 79-80].

Затем образцы выполняются в виде сочинения на тему, предложенную следователем. Тема, целевое назначение, форма письменной речи, характер речевого общения, личность адресата (в том случае, если предполагаемый автор знает адресата, знаком с ним) указываются с учётом особенностей исследуемого документа. Так, если на экспертизу представлено письмо бытового содержания, адресованное в тот или иной официальный орган с требованиями осуществить определённые действия, то проверяемому лицу предлагается аналогичная тема, которая должна быть раскрыта в форме письма с аналогичным целевым назначением, адресованного в соответствующий официальный орган.

Наряду с этими образцами должны быть получены экспериментальные образцы, которые не соответствуют характеристикам изучаемого документа. Если исследуется документ, относящийся к деловому стилю речи, то наряду с экспериментальными образцами, выполненными в рамках этого стиля, представляются и такие, которые выполнены в рамках бытового стиля.

При определении количества экспериментальных образцов важно учитывать, насколько полно (в качественном и количественном отношениях) представлены свободные образцы. Чем меньше удовлетворяют свободные образцы этому условию, тем больше должно быть представлено экспериментальных образцов - в любом случае не менее чем на 25-30 листах.

Условно - свободные образцы письменной речи — это тексты, выполненные в связи с расследуемым делом или после его возбуждения, но не специально для экспертизы. Сюда относятся документы по делу: различные жалобы, объяснительные записки, заявления и другие тексты, выполненные уже в период расследования. В ряде случаев такие образцы могут служить дополнительным сравнительным материалом для проведения автороведческой экспертизы [12, 34].

Основанием для производства судебно-автороведческой экспертизы является постановление (определение) следователя или суда. В нём должны быть указаны: 1) обстоятельства дела, вызвавшие необходимость назначения судебно-автороведческой экспертизы; 2) обстоятельства, при которых появилея документ - вещественное доказательство (кратко излагается фабула дела; если расследуется уголовное дело, указывается, какое преступление совершено; по гражданскому делу - указывают основание его возбуждения); 3) какие документы или их копии подлежат исследованию (если на исследование представляется часть (фрагмент) текста, отмечается, что исследованию подлежит именно часть (фрагмент), а не целый текст; 4) какие образцы письменной речи представляются на экспертизу [8, 629].

Кроме того, в постановлении должны быть приведены:

1. данные о местности (республика, область, город и т.д.), откуда отправлена рукопись адресату и где она обнаружена, о предполагаемом времени её исполнения; в каких условиях она могла выполняться (если условия необычные);

2. данные о личности предполагаемого автора документа: пол, возраст, национальность, социальное положение, образование, профессия, место работы, должность, родной язык, место жительства, страдает ли психическими или иными тяжкими заболеваниями, в том числе хроническим алкоголизмом; был ли болен в период, когда, судя по обстоятельствам дела, создавался исследуемый документ; показания этого лица относительно факта создания (или выполнения) им исследуемого текста; показания свидетелей относительно указанного выше факта;

3. данные о личности адресата (если исследуемый документ является частным письмом, адресованным конкретному лицу): социально-биографические данные, знаком ли с предполагаемым автором документа, в какого рода отношениях (служебных или иных) с ним состоит, в течение какого времени.

Серьёзное внимание должно быть уделено правильной формулировке вопросов, подлежащих экспертному решению. При этом следует учитывать задачи исследования, обстоятельства дела, количество проверяемых лиц и подлежащих исследованию документов.

Так, если задачей исследования является установление тождества личности автора, то вопросы могут формулироваться, в частности, следующим образом: кто именно И. или П. является автором анонимного письма?

Если перед экспертизой ставится классификационно-диагностическая задача, то вопросы могут формулироваться в такой форме: 1) является ли русский язык родным для автора анонимного письма; 2) каков родной язык и образовательный уровень автора документа; 3) носителем какого диалекта (говора) является автор анонимного письма?

Научную основу судебно-авторoведческой экспертизы составляет система знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека, обусловливающих индивидуальность, динамическую устойчивость его письменной речи, и о методах её криминалистического исследования [2, 51-59].

Список литературы:

1. Атаходжаев С.А., Березин В.Ф., Верник И.П. и др. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: теоретические и методологические основы 2-е изд., перераб. и доп. / под науч. ред. В. Ф. Орловой. - М.: Наука, 2006. - 544 с.
2. Бастрыкин А.И. Криминалистическое исследование письма. Учебное пособие. – СПб.: Европейский дом, 2002. – С. 51-59.
3. Бастрыкин А.И. Криминалистическое исследование письма. Учебное пособие. – СПб.: Европейский дом, 2002. - С. 52.
4. Добровольская Е.Д., Манцветова А Н., Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая экспертиза. - М., 1971. - С. 12.
5. Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Спарк, 2005. С. 455.
6. Мозяков В.В. Руководство для следователей. - М.: Экзамен, 2005. - С. 619.
7. Мозяков В.В. Руководство для следователей. - М.: Экзамен, 2005. - С. 620-621.
8. Мозяков В.В. Руководство для следователей. - М.: Экзамен, 2005. – С. 629.
9. Назначение и производство судебных экспертиз. Пособие для следователей, судей и экспертов. - М., 1988.- С. 51.
10. Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации. - М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. - С. 112.
11. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть. - М.: Наука, 2006. - С. 233.
12. Оттоленги С. Экспертиза почерка и графическая идентификация. / Под ред. О.В. Васильченко. - М.: НКВД РСФСР, 1926. – С. 34.
13. Парфёнов А.А. Криминалистика: общие положения криминалистики и криминалистическая техника. Учебное пособие для студента. – Душанбе, 2015. С. 463.
14. Серегин В.В., Бобовкин М.В. и др. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: Курс лекций – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2002. – С. 79-80.
15. Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках. Учебное пособие / Под ред.: Р.С. Белкин - М.: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1968. - С. 77-78.

16. Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках. Учебное пособие / Под ред.: Р.С. Белкин - М.: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1968. - С. 85-86.
17. Тихенко С. Экспертиза рукописных текстов // Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук (27 января - 3 февраля 1939 г.). - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. - С. 446-459.

IMPLEMENTATION OF THE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS BY THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Rzayeva Parvana Arif
4th year postgraduate student of the correspondence department of the
Constitutional Law Chair of the Faculty of Law
Baku State University,
AZ 1148, Azerbaijan Republic, Baku, Academician Zahid Khalilov str., 23
tel.: 994125390517, e-mail: parvanarzayeva99@gmail.com

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Рзаева Парвана Ариф кызы
аспирант 4-го курса заочного отделения кафедры
Конституционного права юридического факультета
Бакинский государственный университет,
AZ 1148, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Академика Захида Халилова, 23
тел.: 994125390517, e-mail: parvanarzayeva99@gmail.com

Annotation. *The Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan plays a special role in ensuring human and civil rights and freedoms, fulfilling one of its important functions - human rights protection - aimed at restoring, ensuring, and realizing human and civil rights and freedoms. Over its more than twenty-year history, appeals to the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan have become one of the most effective means of protecting human and civil rights and freedoms.*

Аннотация. *Особую роль в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина играет Конституционный Суд Азербайджанской Республики, выполняя одну из своих важных функций - правозащитную, направленную на восстановление, обеспечение и реализацию прав и свобод человека и гражданина. За свою более чем двадцатилетнюю историю функционирования обращение в Конституционный Суд Азербайджанской Республики стало одним из действенных способов защиты прав и свобод человека и гражданина.*

Key words: *Azerbaijan, Constitutional Court, human rights, status, article.*

Ключевые слова*: Азербайджан, Конституционный суд, права человека, статус, статья.*

INTRODUCTION

The Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan's special status in the judicial system stems from its purpose as the highest body of judicial constitutional review, as well as the powers arising from its functions, which include reviewing the constitutionality of normative acts, including for the protection of human and civil rights and freedoms. The exercise of this and other powers requires the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan to cooperate with other courts to protect human and civil rights and freedoms. The Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan is one of the most important state bodies implementing human rights functions.

Constitutional proceedings are one of the most specific and interesting aspects of the functioning of the judiciary in the Republic of Azerbaijan. As one of the methods of constitutional review of the judiciary, the development of constitutional proceedings is considered a fundamental process of state-building in the Republic of Azerbaijan. In Azerbaijan, constitutional proceedings are at a significant stage of development, with established jurisprudence and progressive legal norms.

This state of affairs can be explained by the extensive application of the rich constitutional and legal experience of foreign countries, particularly European law.

Article 125 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan states that the Constitutional Court is part of the judicial branch of the Azerbaijan Republic [1]. The second part of this article, listing the bodies exercising judicial power in the state, specifies the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, the Supreme Court of the Republic of Azerbaijan, the appellate courts of the Republic of Azerbaijan, and general and specialized courts of the Republic of Azerbaijan. Interestingly, the Constitutional Court is listed first, although the Supreme Court is the final court of cassation in Azerbaijan. Thus, the legislator most likely emphasized the importance of the Constitutional Court as a special body of judicial power. At the same time, the third part of this article of the Constitution of the Republic of Azerbaijan identifies constitutional proceedings as a separate type, along with civil, criminal, and other types of proceedings provided for by law in Azerbaijan.

It is interesting to note that although the judicial system of the Republic of Azerbaijan is regulated by the Law "On Courts and Judges", in accordance with Article 1 of this law, a special law, "On the Constitutional Court", exists to regulate the constitutional court [2].

The question arises: does this court thus fall outside the judicial system and judicial authority? Here, the legislative logic most likely stemmed from the fact that, due to the specific nature and breadth of the Constitutional Court's powers granted to it by the Constitution, the legislature specifically singled out the regulation of this body's activities in a separate law for the sake of regulatory convenience. At the same time, it should be remembered that, in accordance with Article 5 of the Law "On the Constitutional Court" [3], the Constitutional Court is an independent state body and is independent organizationally, financially, or in any other way from legislative, executive, and judicial authorities, local governments, or legal entities and individuals.

DEVELOPMENT

The Constitutional Court interacts bilaterally with courts of general jurisdiction. Any normative legal acts applied by the courts may be subject to review by the Constitutional Court. At the same time, in accordance with Article 33 of the Law "On the Constitutional Court", courts of general jurisdiction may appeal to the Constitutional Court on issues of interpretation of the Constitution and laws of the Republic of Azerbaijan regarding the exercise of human rights and freedoms. As can be seen from the above, the Constitutional Court of Azerbaijan meets established definitions of constitutional courts as political bodies exercising constitutional review, being an integral part of the judiciary, a position confirmed by some scholars. Given the specific powers and role of the Constitutional Court within the system of state bodies of Azerbaijan, it should be considered the highest authority in the country. This fact is also confirmed by the fact that in the Constitution of Azerbaijan, the powers and legal status of this court are similarly described in the corresponding provisions on the President, Parliament (Milli Majlis), and the Government (Cabinet of Ministers) of Azerbaijan. Moreover, the Constitutional Court exerts significant influence over the activities of most state bodies, as evidenced by Article 130 of the Constitution, which allows the Constitutional Court to review laws of the Republic of Azerbaijan, decrees and orders of the President, decisions of the Milli Majlis, decisions and orders of the Cabinet of Ministers, and regulatory legal acts of the central executive bodies of Azerbaijan for compliance with the Constitution, as well as with higher-level regulatory acts. At the same time, the Constitutional Court has the authority to interpret the Constitution and laws of Azerbaijan. Despite the breadth of its powers, this state body, by definition, does not stand above any other relevant bodies. Article 1.2 of the Law "On the Constitutional Court" clearly states that ensuring the supremacy of the Constitution of the Republic of Azerbaijan and protecting the fundamental rights and freedoms of everyone constitute the main goals of the Constitutional Court. Article 1.1 of the same law characterizes the Constitutional Court as the highest body of constitutional justice on matters within its competence under the Constitution of the Republic of Azerbaijan. At the same time, it is worth agreeing with the opinion that when implementing constitutional proceedings and constitutional review, the constitutional court must carry out its activities in compliance with all procedural rules and norms only in the form of judicial proceedings [5, 129]. It is in this form that the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan carries out its activities, even in cases where it must exercise special functions. For example, such functions include the powers granted to the Court by Part 4 of Article 130 of the Constitution.

The Constitutional Court interprets the Constitution and laws of the Republic of Azerbaijan upon requests from the President of the Republic of Azerbaijan, the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan, the Cabinet of Ministers of the Republic of Azerbaijan, the Supreme Court of the Republic

of Azerbaijan, the Prosecutor's Office of the Republic of Azerbaijan, and the Ali Majlis of the Nakhchivan Autonomous Republic. This authority falls solely within the Constitutional Court's jurisdiction. This, of course, does not mean that other state bodies do not provide their interpretation of these supreme state normative legal acts; however, only the Constitutional Court provides official interpretation, and it is considered legally binding.

The interpretation of laws and the Constitution is within the exclusive purview of the Constitutional Court. This, of course, does not mean that other state bodies do not provide their interpretation of these supreme state normative legal acts. However, only the Constitutional Court provides official interpretation, and it is considered legally binding. The importance of interpreting the Constitution and laws for building a normal, rule-of-law state is obvious. After all, the norms contained within them often need to be clarified, their content expanded and developed, and gaps and conflicts eliminated.

Although there is reason to believe that the breadth of powers and some of the activities of the Constitutional Court lie in the political sphere, this body still remains institutionally a judicial body and, to prevent its excessive politicization, there are a number of mechanisms in the legislation, such as, for example, the aforementioned provisions of Article 1 of the Law "On the Constitutional Court". In addition to these norms, the said law also determines in Article 4 that the activities of the Constitutional Court are based on the principles of supremacy of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, independence, collegiality and transparency, and Article 5 clearly determines that liability in accordance with the legislation of the Republic of Azerbaijan for the introduction by any person for any reason, directly or indirectly, of restrictions on constitutional proceedings, influencing them, creating a threat and interfering in them, as well as showing disrespect to the court, recognizing such actions as inadmissible. The administration of constitutional justice (i.e. constitutional proceedings) and the corresponding procedures are associated with the presence of special constitutional norms [4, 66]. The same is true for the Constitution of the Republic of Azerbaijan, which establishes similar provisions in Article 130, dedicated to the Constitutional Court. Specifically, the article states that the Constitutional Court consists of nine judges appointed by the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan upon the recommendation of the President of the Republic of Azerbaijan. Thus, the highest bodies of both the executive and legislative branches participate in the appointment of judges, which provides a balancing act. Moreover, decisions of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan are binding throughout the territory of Azerbaijan and are subject to mandatory publication. The importance of interpreting the Constitution and laws for building a normal, rule-of-law state is perfectly clear. After all, the norms they contain often need to be clarified, their content revealed and developed, and gaps and conflicts eliminated.

Although there is reason to believe that the breadth of powers and some activities of the Constitutional Court lie in the political sphere, this body still institutionally remains a judicial body and to prevent its excessive politicization, there are a number of mechanisms in the legislation.

CONCLUSIONS

The primary outcome of the Constitutional Court's activities in constitutional proceedings are the acts it adopts. These acts constitute the basis for the Constitutional Court's normative influence and political contribution to state-building in the Republic of Azerbaijan. Chapter Eight of the Law "On the Constitutional Court" of the Republic of Azerbaijan is devoted to the acts of the Constitutional Court. A decision of the Plenum of the Constitutional Court reflects the conclusion reached by the Constitutional Court after examining the merits of a constitutional case and is a written document adopted at meetings of the Plenum of the Constitutional Court. Such decisions are generally adopted by a majority of five judges, unless otherwise provided by the Constitution of the Republic of Azerbaijan or law. Decisions adopted by the Plenum of the Constitutional Court are rendered in the name of the Republic of Azerbaijan and are final, and therefore cannot be overturned, amended, or officially interpreted by anybody or person.

References

1. Constitution of the Republic of Azerbaijan dated November 12, 1995: [Electronic resource] / https://e-qanun.az/framework/897
2. The Law of the Republic of Azerbaijan on Courts and Judges dated June 10, 1997: [Electronic resource] / https://constcourt.gov.az/az/legislation/11
3. The Law of the Republic of Azerbaijan on Constitutional Court dated December 23, 2003: [Electronic resource] / https://e-qanun.az/framework/5404

4. Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. - Москва: «Р. Валент», 2004. – 262 с.
5. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. - Москва: «Закон и право», 1996. - 349 с.

SOCIAL SECURITY OF JUDGES

Samadzadeh Ruhana Samad gızı
2nd-year full-time postgraduate student of the Constitutional Law
Department of the Faculty of Law Baku State University,
AZ 1148, Azerbaijan Republic, Baku, Academician Zahid Khalilov str., 23
tel.: 994125390312, e-mail: ruhanasamadzadeh@rambler.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕЙ

Самедзаде Рухана Самад гызы
аспирант 2-го курса очного отделения кафедры
Конституционного права юридического факультета
Бакинский государственный университет,
AZ 1148, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Академика Захида Халилова, 23
тел.: 994125390312, e-mail: ruhanasamadzadeh@rambler.ru

Annotation. *Social security for judges in the Republic of Azerbaijan, Europe, and the United States, despite differences in detail, is based on a common fundamental principle: a judge's financial security after retirement must be sufficient to maintain their independence during their service. The American model emphasizes high compensation (full salary).*

Аннотация. *Социальное обеспечение судей в Азербайджанской Республике, Европе и США, несмотря на различия в деталях, основано на общем фундаментальном принципе: финансовое обеспечение судьи после выхода на пенсию должно быть достаточным для сохранения его независимости в течение срока службы. Американская модель делает акцент на высоком вознаграждении (полная заработная плата).*

Key words: *Constitution, social security, article, law, pension.*

Ключевые слова*: Конституция, социальное обеспечение, статья, закон, пенсия.*

Social security is understood as one of the methods of distributing the gross domestic product with the aim of equalizing personal incomes in order to maintain the social status of citizens in cases of social insurance events, based on clearly defined conditions and amounts by the state at the expense of targeted financial sources [1, 18]. Social security serves as compensation and support in cases of loss of working capacity or interruption of income.

The state, recognizing the special importance of social relations arising in the field of social security, exerts a normative influence on them through legal regulation. Therefore, the structure of social relations existing in society, in fact, repeats the structure of social security as a legal system.

The pension provision institution is one of the central and complex institutions of social security law. The institution of pension provision is payments to individuals that replace earnings after the termination of employment upon reaching retirement age or according to social indicators.

Social security of judges is an important element of the independence of judges. Based on Articles 7, 38, 127 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan dated November 12, 1995 [3].

Chapter XIX of the Law of the Republic of Azerbaijan “On Courts and Judges” dated June 10, 1997 (this Law has been supplemented and amended 64 times to date) provides for the material and social security of judges. The fifth part of Article 109 of that Law, entitled “Social Protection of Judges”, states that the pension provision of judges, former judges and their family members is implemented in accordance with the Law of the Republic of Azerbaijan “On Labor Pensions” [11].

Article 20.7 of the Law of the Republic of Azerbaijan on Labor Pensions dated February 7, 2006 (this Law has been supplemented and amended 63 times so far), which consists of 47 (forty-seven) articles states: “Supplements to the labor pension of the persons specified in Article 20.1.4

of this Law shall be determined from the average monthly salary during the last 24 months of activity in the judicial position or any subsequent 60 months, taking into account subsequent salary increases until the date of pension assignment, in the following manner:

Former judges who have worked as judges for 15 years - 50 percent of their average monthly salary as judges;

Former judges who have worked as judges for over 15 years - are granted an additional amount equal to the difference between the amount determined and the amount of the labor pension determined by this Law, in the amount of 50 percent of the average monthly salary they received as judges and 3 percent of that average monthly salary for each year of judicial experience over 15 years (if the year is not complete, it is calculated in proportion to the number of months of work experience in an incomplete year), but not exceeding 80 percent of that average monthly salary".

According to Article 20.1.4 of the aforementioned Law, former judges who have reached the age of labor pension or who have been determined to be disabled due to 81-100 percent impairment of body functions before reaching this age are granted supplements to their labor pensions based on their length of service [12].

Article 73.7 of the Law of the Republic of Azerbaijan on the Constitutional Court dated December 23, 2003 states that the pension provision of the judge, former judge of the Constitutional Court and his/her family members is implemented in accordance with the Law of the Republic of Azerbaijan "On Labor Pensions" [13].

Pension provision aimed at the social protection of judges is a necessary component of the guarantees provided for in international legal acts to protect their independence and impartiality. Thus, according to Article 7 of the "Basic Principles on the Independence of the Judiciary", adopted by the United Nations General Assembly on November 29, 1985, each state is obliged to allocate sufficient resources to the judiciary to enable it to fully perform its functions [2].

Article 6.1 of the "European Charter on the Status of Judges", adopted in Strasbourg on 8-10 July 1998,state: "Judges are entitled to financial compensation in an amount that would enable them to avoid interference that might impair their independence and impartiality in the exercise of their functions and that would be intended to influence decisions or actions taken by them within the scope of their powers".

According to Article 6.4 of the Charter, judges who have completed their judicial duties within the prescribed period and have reached retirement age should be guaranteed a pension in an amount as close as possible to the salary they received as judges in their last place of employment [10].

According to the Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe dated 17 November 2010 "On the Independence, Efficiency and Role of Judges", judges should be provided with a status commensurate with their professional prestige and level of responsibility, and appropriate conditions should be created for their activities [16].

The legal position on the social security of judges was stated in the Decisions of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan dated January 23, 2001, June 27, 2001, April 29, 2003, July 18, 2008, February 25, 2014 and May 15, 2020. According to the legal position formulated by the aforementioned Court in its Decision of January 23, 2001, the state and society, while approaching judges with extremely serious requirements, especially their fairness and professionalism, should direct their efforts to resolving the issues of social and material security of judges at a high level [4].

The aforementioned Court's Decision of 27 June 2001 states that the resistance of a court to any influence depends not only on the ethics, reputation, qualifications, dignity and responsibility of judges, but also on their real material and social security [5].

In its Decision dated April 29, 2003, the Court concluded that the rules for material and social security for judges should be determined, taking into account the material and social security provisions regulated in the Law of the Republic of Azerbaijan "On Service in the Prosecutor's Office" [6].

The Decision of the Plenum of the Constitutional Court dated July 18, 2008, states that the decent social protection guarantees of judges arise from their high constitutional and legal status and require a different approach of pension legislation towards judges in comparison with persons with many special statuses, in order to more effectively implement a special type of government activity - the administration of justice [9].

The above-mentioned Court, in its Decision of 25 February 2014, established such a position that since the independence of judges is both a constitutional principle of the administration of justice and a constitutional guarantee provided to judges by the state, the social protection of judges acts as an integral and important element of their independence [8].

The Decisions of the Plenum of the Constitutional Court dated May 15, 2020 state that the benefits determined for special services to the state, both in terms of retirement age and pension amount, also apply to court judges [7].

We consider it necessary to state that in European countries, the pension provision of judges is determined depending on the general level of average salaries received by them in their own countries. In this case, the amount of the pension, as a rule, is not less than 50 percent of the judges' salaries, but in some cases it reaches a higher percentage, and in some cases 100 percent. For example, these indicators range from 57 percent to 75 percent in Denmark, Spain, Finland, Iceland, Malta, the Netherlands, Sweden, Germany, Belgium, Estonia, and France, and from 80 percent to 100 percent in Austria, Belarus, Luxembourg, Poland, Russia, Ukraine, Slovenia, Portugal, Romania, Georgia, and other countries [9].

The Court of Justice of the European Union (CJEU) has repeatedly emphasized that the pension provision of judges is part of the guarantee of their independence. In the case of European Commission v. Republic of Poland (C 192/18) of 5 November 2019, the Court held that lowering the retirement age for judges of ordinary courts and granting the Minister of Justice discretionary powers to extend this period violated the principle of the independence of judges and their irremovability. The uncertainty and lack of appeal against the minister's decision create “reasonable doubts” among judges regarding their immunity from external influences. In this same case, it was established that setting different retirement ages for men (65) and women (60) constitutes direct gender discrimination in pay, contrary to Article 157 of the Treaty on the Functioning of the European Union [14].

An important principle was confirmed in the decision in case C-257/25 (“B.V.”) of 8 December 2025. The Court of Justice of the European Union ruled that the principle of judicial independence does not prevent the exclusion of certain temporary allowances (such as travel allowances) from being included in pension calculations if this exclusion is part of an objective mechanism and is aimed at reducing the budget deficit. This decision emphasizes that states can reform pension systems, but must act cautiously to avoid undermining fundamental guarantees of independence by arbitrarily and permanently reducing judges’ incomes [15].

The federal judges’ pension system in the United States is highly protected and designed to attract highly qualified personnel. Key provisions are contained in Title 28 of the U.S. Code. (U.S. Code) [17]. The basic retirement principle for federal judges appointed for life (while on “good behavior”) is known as the “Rule 80” or “Rule 70”. A judge has the right to retire with a lifetime annuity equal to the full salary they were receiving at the time of retirement if their age and years of service combined total 80 years. The law establishes a flexible scale: a judge can retire at age 65 with 15 years of service, at age 66 with 14 years of service, and so on, up to age 70 with 10 years of service. Thus, the minimum length of service for receiving a full pension is 10 years, but only after reaching age 70.

In addition to the guaranteed annuity, judges can participate in a Thrift Savings Plan, similar to a 401(k) for civil servants. They can contribute a portion of their salary, but their employer (the federal government) does not make a matching contribution. It is important to note that retired judges' pensions are indexed, protecting their purchasing power from inflation. Certain categories of judicial employees, such as the director of the Federal Judicial Center, may be eligible for a pension of 80% of their salary after 15 years of service.

References

1. Aliyev M.N. Social Security Law: Textbook. – Bakı: “Adiloghlu”, 2007. – 464 p. (in Azerbaijani)
2. Basic Principles on the Independence of the Judiciary (Resolution of the General Assembly of the United Nations of 29 November 1985. No. 40/32) [Electronic resource] // Official Internet portal of UN – Access mode: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-independence-judiciary (access date: 17.03.2026).
3. Constitution of the Republic of Azerbaijan dated November 12, 1995. No. 00 (revised on September 26, 2016) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information – Access mode: https://e-qanun.az/framework/897 (access date: 17.03.2026). (in Azerbaijani)

4. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan “On the interpretation of the second part of Article 106 of the Law of the Republic of Azerbaijan “On Courts and Judges” dated January 23, 2001. [Electronic resource] // Official Internet portal of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. – Access mode: https://constcourt.gov.az/az/decision/47 (access date: 19.03.2026). (in Azerbaijani)
5. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan “On the fifth part of Article 109 of the Law of the Republic of Azerbaijan “On Courts and Judges” dated June 27, 2001. [Electronic resource] // Official Internet portal of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. –Access mode: https://constcourt.gov.az/az/decision/52 (access date: 19.03.2026). (in Azerbaijani)
6. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan dated April 29, 2003 on the fifth part of Article 109 of the Law of the Republic of Azerbaijan “On Courts and Judges” and paragraph 7 of the “Transitional Provisions” of that Law. [Electronic resource] // Official Internet portal of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. – Access mode: https://constcourt.gov.az/az/decision/77 (access date: 17.03.2026). (in Azerbaijani)
7. Decision of the Plenum of the Constitutional Court “On the interpretation of Articles 1.0.1, 1.0.2, 1.0.5 and 20.14 of the Law of the Republic of Azerbaijan “On Labor Pensions” dated May 15, 2020. [Electronic resource] // Official Internet portal of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. – Access mode: https://constcourt.gov.az/az/decision/1126 (access date: 19.03.2026). (in Azerbaijani)
8. Decision of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan “On verification of the compliance of the decision of the Administrative-Economic Collegium of the Supreme Court of the Republic of Azerbaijan dated March 13, 2013 with the Constitution and laws of the Republic of Azerbaijan on the complaint of O. Garekmezli” dated February 25, 2014. [Electronic resource] // Official Internet portal of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. – Access mode: https://constcourt.gov.az/az/decision/278 (access date: 19.03.2026). (in Azerbaijani)
9. Decision of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan “On the interpretation of Articles 109 of the Law of the Republic of Azerbaijan “On Courts and Judges”, Article 73 of the Law of the Republic of Azerbaijan “On the Constitutional Court” and Articles 20.1.4 and 20.7 of the Law of the Republic of Azerbaijan “On Labor Pensions” dated July 18, 2008. [Electronic resource] // Official Internet portal of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. – Access mode: https://constcourt.gov.az/ru/decision/159#! (access date: 19.03.2026). (in Azerbaijani)
10. European Charter on the statute for judges (adopted by the European Council on July 8-10) [Electronic resource] // Official internet portal of the Council of Europe. – Access mode: https://rm.coe.int/16807473ef (access date: 17.03.2026).
11. Law of the Republic of Azerbaijan on Courts and Judges dated June 10, 1997. No. 310-IQ (as amended 23.12.2025 № 323-VIIQD) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: https://e-qanun.az/framework/3933 (access date: 09.03.2026). (in Azerbaijani)
12. Law of the Republic of Azerbaijan on Labor Pensions dated February 7, 2006. No. № 54-IIIQ (as amended 27.02.2026 № 367-VIIQD) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: https://e-qanun.az/framework/11566#_ednref80 (in Azerbaijani)
13. Law of the Republic of Azerbaijan on the Constitutional Court dated December 23, 2003. No. 561-IIQ (as amended 01.04.2025 165-VIIQD) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: https://e-qanun.az/framework/5404 (access date: 17.03.2026). (in Azerbaijani)
14. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 5 November 2019. European Commission v Republic of Poland. [Electronic resource] // Official internet portal of the European Union. – Access mode: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62018CJ0192 (access date: 20.03.2026).
15. Order of the Court (Seventh Chamber) of 8 December 2025 (request for a preliminary ruling from the Tribunalul Neamț – Romania) – B.V. v I.J. (C-257/25, B.V. (Exclusion of the posting allowance from the calculation of judges’ retirement pensions)). [Electronic resource] // Official internet portal of the European Union. – Access mode: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=oj:C_202600617 (access date: 20.03.2026).

16. Recommendation CM/Rec(2010)12 of the Committee of Ministers to member states on judges: independence, efficiency and responsibilities (Adopted by the Committee of Ministers on 17 November 2010 at the 1098th meeting of the Ministers' Deputies) [Electronic resource] // Official internet portal of the Council of Europe. – Access mode: https://search.coe.int/cm#{%22CoEIdentifier%22:[%2209000016805afb78%22],%22sort%22:[%22CoEValidationDate%20Descending%22]} (access date: 18.03.2026).
17. U.S. Code: Title 28 — Judiciary and Judicial Procedure. [Electronic resource] // Legal Information Institute – Access mode: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28 (access date: 20.03.2026).

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF AZERBAIJANI LEGISLATION ON THE TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION

Hajiyev Mahammad Vilyam
4th year postgraduate student of the correspondence department of the Criminal Procedure Chair of the Faculty of Law Baku State University,
AZ 1148, Azerbaijan Republic, Baku, Academician Zahid Khalilov str., 23
tel.: 994125380134, e-mail: celebibaku@yahoo.com

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Гаджиев Магомед Вильям оглы
аспирант 4-го курса заочного отделения кафедры Уголовного процесса юридического факультета Бакинский государственный университет,
AZ 1148, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Академика Захида Халилова, 23
тел.: 994125380134, e-mail: celebibaku@yahoo.com

Annotation. *This article examines the history of the development of Azerbaijani criminal procedural legislation regarding criminal prosecution, including the termination of a criminal case. It is noted that the Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan dated July 14, 2000, both provides a normative definition of the institution of criminal prosecution and provides for two independent chapters on this institution.*

Аннотация. *В данной статье рассматривается история развития азербайджанского уголовно-процессуального законодательства в сфере уголовного преследования, включая прекращение уголовного дела. Отмечается, что Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года содержит как нормативное определение института уголовного преследования, так и две независимые главы, посвященные этому институту.*

Key words: *Criminal Procedure Code, Criminal Code, prosecutor, article, judicial and legal reforms.*

Ключевые слова*: Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс, прокурор, статья, судебно-правовые реформы.*

The first Criminal Procedure Code of the Azerbaijan SSR was adopted on June 16, 1923 at the III Session of the Central Executive Committee of the Azerbaijan SSR and entered into force on September 25, 1923. The adoption of the first Criminal Procedure Code of the Azerbaijan SSR marked a new stage in the development of criminal procedure legislation in the republic. The 1923 Criminal Procedure Code created a perfect system of procedural norms that strictly regulated the activities of investigative and judicial bodies in the investigation and resolution of criminal cases. It has been of great importance in further strengthening the law in the field of criminal procedural law, in strictly regulating the rights and legitimate interests of citizens, and in the activities of the judicial, prosecutorial, investigative and investigative bodies of the republic [5, 66].

The 1923 Code of Criminal Procedure included provisions on both criminal prosecution and termination of criminal cases. For example, Articles 4, 4-a, 10, 11 of Chapter I, entitled “Basic Laws”, which belongs to the First Section of the Code under review, Articles 202 and 203 of Chapter XVII,

entitled “Suspension and Completion of the Preliminary Investigation”, which belongs to the Second Section, and Articles 218 and 219 of Chapter XIX, entitled “Actions of the Prosecutor on Termination of the Case and Submission to Court”, which also belongs to the Second Section, specifically regulated the issues of criminal prosecution and termination of the criminal case during the preliminary investigation. However, the Code under review did not provide legal definitions for the categories of “criminal prosecution” and “criminal case”.

The system of cases excluding criminal prosecution was established in Article 4 of the 1923 Code of Criminal Procedure. In those cases, criminal prosecution could not be initiated, and prosecutions that had been initiated could not be continued and had to be terminated at any stage of the proceedings. Those cases included the following:

- Except for the cases provided for in Article 365 of the Code of Criminal Procedure (according to this article, the prosecutor’s office, the convicted person, his/her defense attorney, his/her relatives, and the trade union and public organizations to which the convicted person belonged either in the past or at present could petition for the review of the conviction; the death of the convicted person did not prevent the renewal of the case in which the conviction was issued against him/her), when the convicted person dies;
- Except for the cases specified in Part 2 of Article 10 and Article 11 of the Code of Criminal Procedure, only in cases initiated by the victim, when the guilty party reconciles with the victim;
- only if there is no complaint from the victim regarding criminal cases filed based on the victim’s complaints;
- when the statute of limitations (i.e. the time limits for bringing a person to criminal liability) has passed;
- when the acts attributed to the perpetrator do not constitute a crime;
- as a result of a general pardon (in the modern sense, amnesty), either the general pardon eliminates the punishment of the guilty person for the crime committed, or as a result of the pardon of individual persons, or when the cases concerning them are terminated by the decision of the Central Executive Committee of the Azerbaijan SSR in accordance with the rights granted to it by law.

Article 4a of the 1923 Code of Criminal Procedure stated that criminal prosecution may not be initiated in cases where the acts committed by the perpetrator, even if partially, contain signs of generally dangerous acts, but are of minor importance and do not have harmful consequences, or are not of a generally dangerous nature due to certain socio-political conditions, and the initiated criminal prosecution may be terminated at any stage of the proceedings.

According to Article 10 of the Code under review, cases on crimes stipulated by Part 1 of Article 181, Articles 184, 202, 204, 205 of the Criminal Code could be initiated only upon the complaint of the victim, in such cases the right to accuse belonged to the victim, and in cases where he reconciled with the perpetrator, the case had to be terminated. However, if the prosecutor's office considered it necessary to intervene in the case in order to protect the public interest, then the right to prosecute belonged solely to the prosecutor, and the case could not be dismissed even if the victim reconciled with the perpetrator.

As can be seen, Article 10 of the Criminal Procedure Code of 1923 provided a reference norm to the Criminal Code, therefore, in order to fully understand the essence of that article, it is necessary to also look at the relevant articles of the Criminal Code of 1927. Thus, “Part 1 of Article 181 of the Criminal Code of 1927 established criminal liability for intentional infliction of slight bodily injury not causing damage to health, Article 184 for intentional hitting, beating or other acts of violence resulting in bodily pain, Article 202 for insulting a person by word, writing or action, Article 204 for insulting a person in printed works or drawings distributed among the public or placed before the public for display, and Article 205 for slander” [1, 202-203].

Article 11 of the 1923 Code of Criminal Procedure also defined the system of cases initiated only upon the complaint of the victim: Cases on crimes stipulated in Articles 195, 221 and 222 of the Criminal Code. However, the peculiarity of the cases listed in Article 11 of the Criminal Procedure Code was that these cases could not be terminated by reconciliation of the parties.

It should be noted that Article 195 of the Criminal Code of 1927 established liability for rape, Article 221 for knowingly not correctly indicating the author of the invention in the notification, for improper use of an invention whose right to be implemented belongs to the state, as well as for announcing the invention without the consent of the inventor before the notification was issued; Article 222 established liability for the arbitrary use of another person’s goods, factory, or artistic

mark, pattern, drawing, and model, as well as another person's firm and name, with the aim of unfair competition [1, 204].

According to the requirements of the law, if there are grounds specified in Articles 4 and 4a of the Criminal Procedure Code, if the evidence is insufficient to bring the guilty person to court, and if the perpetrator of the crime is not identified, the investigative body should adopt a reasoned decision to close the case and send the criminal case materials to the prosecutor along with this decision. If the prosecutor agreed with the investigative body, he had to confirm the decision to close the case, and if he did not agree, he had to return the case for investigation. As an alternative decision, the prosecutor could also draw up an indictment, which was also announced to the defendant.

The decision to dismiss the case had to be notified to the person or department that had filed the application that had led to the initiation of the case and the person who had filed the application. The decision to dismiss the case could be appealed to the superior prosecutor within 5 days. The position of the superior prosecutor on the decision to dismiss the case, i.e. whether to uphold it or annul it, was final and the decision of the superior prosecutor on this matter could not be appealed.

Proceedings in a case that were terminated or suspended due to the failure to identify the perpetrator of the crime could be resumed by decision of the body that terminated or suspended the proceedings.

According to the provisions of Articles 218 and 219 of the 1923 Code of Criminal Procedure, the prosecutor, after receiving the case from the investigating department, could either suspend or terminate the proceedings if there were grounds. In cases where the defendant's actions contained signs of acts that entail disciplinary liability (part "Note" of Article 147 of the Criminal Code), the prosecutor who terminated the criminal case was required to note this in the decision on termination and send a copy of this decision to the defendant's place of service.

K.A. Talalayev notes that during the Soviet period of development of criminal procedure, the term "criminal prosecution" was studied in detail in scientific literature [6, 143].

However, the term "criminal prosecution" was not reflected in the "Fundamentals of Criminal Procedure of the USSR and Allied Republics" adopted in 1958 [4, 147].

Article 219 of the Criminal Procedure Code of the Azerbaijan SSR of 1961 regulated the circle of subjects entitled to appeal against the decision to terminate a criminal case, the procedures for filing an appeal, and the procedural form of annulment of the decision to terminate a criminal case on the basis of an appeal. According to the provisions of that article, the decision of the investigator to terminate the criminal case could be appealed to the prosecutor by the victim, the guilty party, as well as other interested persons, departments, enterprises and organizations within seven days from the moment of receiving the notification of the termination of the case. The decision of the investigator to terminate the case, if there are grounds for this, could be canceled by the prosecutor both on his own initiative and on the basis of a complaint from interested persons, departments, enterprises or organizations. The right of the accused to object to the termination of the case as a result of a general amnesty or the expiration of the period was recognized. In the event of such objections, the preliminary investigation had to be terminated on general grounds. In the event of the termination of the criminal case due to the death of the accused, the close relatives of the deceased accused or the public organizations of which he was a member could request the termination of the preliminary investigation in order to exonerate the deceased accused.

The modern legal policy of the Republic of Azerbaijan is based on the priority of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. The basis of this policy was determined by the adoption of the Constitution of the independent Republic of Azerbaijan in 1995, and later strengthened by a new normative legal framework created on the basis of this idea [2]. After independence, the policy of combating crime, being an integral part of legal policy, was formulated and developed based on the most modern and progressive principles.

With the adoption of the new Criminal and Criminal Procedure Codes of the Republic of Azerbaijan, new principles, norms and institutions have been established both in the theory of criminal law and criminal procedure law, as well as in the practical activities of the judiciary and law enforcement agencies.

In the currently valid Criminal Procedure Code, the legislator introduced the institution of "criminal prosecution", which did not exist in the previous Criminal Procedure Code, as a means of ensuring liability for a crime, and determined the nature of its procedural activity and the scope and content of the rights and obligations of the subjects of this activity.

Criminal prosecution is a procedural law institution that ensures the inevitability of criminal liability. Although this institution was abandoned in the Criminal Procedure Code of Azerbaijan of 1961, the Criminal Procedure Code of 2000 both gave this institution a normative definition and provided for two independent chapters on this institution [3]. However, some issues of implementing this institution in practice and interpreting its individual elements in theory remain problematic. With the adoption and entry into force of the new criminal procedural legislation, criminal proceedings in the Republic of Azerbaijan have acquired a new quality, the scope and scope of the rights and obligations of the subjects of criminal proceedings have changed, and new, more progressive priorities have been identified in the policy of combating crime. The successive judicial and legal reforms implemented in the country ensure the application of these priorities in practice, and new scientific and research works conducted in the field of criminal procedural law create the basis for the development and improvement of the theoretical foundations of this policy.

References

1. Collection of Criminal Laws / compilers B.C. Karimov, F.Y. Khalilov, S.O. Aliyev. – Baku: “Hugug Publishing House”, 2014. – 1184 p. (in Azerbaijani)
2. Constitution of the Republic of Azerbaijan dated November 12, 1995. No. 00 (revised on September 26, 2016) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information – Access Mode: https://e-qanun.az/framework/897 (access date: 16.03.2026). (in Azerbaijani)
3. Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan dated July 14, 2000. No. 907-IQ (revised on October 31, 2025 No. 281-VIIQD) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information – Access Mode: https://e-qanun.az/framework/46950 (access date: 17.03.2026). (in Azerbaijani)
4. Glebov V.G., Kholov K.B. Institute of criminal prosecution in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan // Obrazovanie i pravo (Education and Law), – 2017. - No.10, – pp. 146-150 (in Russian)
5. Jafarguliyev M.A. Criminal procedure of the Republic of Azerbaijan. – Baku: “Ganun”, – 2008. – 768 p. (in Azerbaijani)
6. Talalaev, K.A. Criminal prosecution: problems of definition // Legal Bulletin of Samara University. - 2020. - Volume 6,– No. 4. – pp. 142-145. (in Russian)

THE RIGHT TO PERSONAL IMMUNITY IN THE LEGISLATION OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES COUNTRIES

Babayeva Parvana Bayram gızı

3rd year postgraduate student of the correspondence department of the Constitutional Law Chair of the Faculty of Law Baku State University,

AZ 1148, Azerbaijan Republic, Baku, Academician Zahid Khalilov str., 23

tel.: 994124390858, e-mail: Babayevaparvana00@gmail.com

ПРАВО НА ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Бабаева Парвана Байрам гызы

аспирант 3-го курса заочного отделения кафедры Конституционного права юридического факультета Бакинский государственный университет,

AZ 1148, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Академика Захида Халилова, 23

тел.: 994124390858, e-mail: Babayevaparvana00@gmail.com

Annotation. *The right to personal immunity is a natural and inalienable human right, enshrined in international standards and the legislation of the member states of the Commonwealth of Independent States. The Constitutions of the member states of the Commonwealth of Independent States have established a broad system of guarantees for the protection of this right. Any unlawful interference with this right, both by state bodies and by other persons, is prohibited by law and entails appropriate liability.*

Аннотация. *Право на личную неприкосновенность является естественным и неотъемлемым правом человека, закрепленным в международных стандартах и*

законодательстве государств-участников Содружества Независимых Государств. Конституции государств-участников Содружества Независимых Государств установили широкую систему гарантий защиты этого права. Любое незаконное вмешательство в это право, как со стороны государственных органов, так и со стороны других лиц запрещено законом и влечет за собой соответствующую ответственность.

Key words: *Human Rights, constitution, convention, declaration, state.*

Ключевые слова*: Права человека, конституция, конвенция, декларация, государство.*

Each country has a legal system that takes into account national and spiritual values, historical traditions and the level of socio-cultural development. The process of globalization, which is widespread in the modern world, intensifies mutual relations between countries. Just as it is important to establish mutual relations between countries, it is also of particular importance to study the existing legislative acts of foreign countries and identify their similarities and differences.

Today, there are about two hundred national legal systems. The diversity of these legal systems makes it necessary to classify them before conducting their comparative study [13, 10].

Comparative law helps to overcome the narrow national perspective when studying law, allowing one to look at it from a broader perspective. The connection of the national legal system with the foreign legal system creates conditions for a more accurate detection of its uniqueness.

In comparative jurisprudence, a wide spectrum of legal families is proposed, depending on the choice of classification criteria. Thus, if the universal (ideological, political, religious, cultural) criteria of classification are taken as the basis, then, accordingly, Western law (continental, Anglo-American, Scandinavian) and non-Western law are distinguished. If the basis of the classification is legal factors (types of understanding of law, legal traditions, etc.), then differentiated law, formed on the basis of Western legal traditions, and undifferentiated law, in which law operates in close connection with religion, morality, customs, are distinguished (Chinese law, Japanese law, Socialist law, etc.) [11, 5].

In modern times, the significant convergence of national legal systems, their transformation into an open system for the absorption of positive experience of foreign countries, and the study of the structure and practice of the legislation of foreign states act as one of the necessary prerequisites for the future development of local norm-setting and law enforcement practice. Paying attention to this point and taking into account that the Azerbaijani legislator relies not only on the good achievements of local legal thought and legislative practice, but also on positive foreign experience as a guiding criterion, we consider it more useful to study the problems of legal regulation of the right to personal immunity in Azerbaijan in parallel with the study of the features of the regulation of analogous relations in foreign countries.

Of course, legal systems expressing separate legal rules can be the object of appropriation only if the initiating party studies in detail the place and significance of the foreign legal institution, takes into account the historical conditions and purpose of its formation in foreign legislation, analyzes, reveals and suggests solutions to the problems of law enforcement practice related to the use of that institution in the legal system of the adopting state.

The comparison of legal systems adjacent to each other on a geographical map is a question as old as the science of law itself. The study of Greek law forms the basis of Aristotle's Politics. Solon acted in the same way when he created the laws of Athens.

For this reason, the study of the legislation of the states participating in the Commonwealth of Independent States on the right to personal integrity is a topical issue. Because comparative research is of particular importance in the study of the right to personal integrity. These are the following:

1) The study of legal norms reflected in the legislation of the states participating in the Commonwealth of Independent States on the right to personal integrity helps to further deepen knowledge on the issue under study;

2) It creates the basis for making the most important decisions on improving the norms reflected in the legislation of the Republic of Azerbaijan on the right to personal integrity.

According to Article 3 of the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the United Nations General Assembly in its resolution 217 A (III) of 10 December 1948, everyone has the right to life, liberty and security of person. The right to personal integrity is also reflected in the first part of Article 5 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, signed

in Rome on November 4, 1950, and in the first part of Article 9 of the International Covenant on Civil and Political Rights, adopted by the General Assembly of the United Nations on December 16, 1966.

Thus, the world community recognizes the right to personal integrity as a right belonging to the category of fundamental human rights. International documents provide for a fairly diverse range of aspects of the right to personal integrity, which indicates its central place and role in the system of fundamental human rights. O.G.Selikhova states that, the right to liberty and security of person, as a set of legal abilities of an individual related to the exercise of their will and protection from unlawful physical and psychological attacks by others and the state, is a pressing issue in international law in terms of developing uniform legal standards. This process is ongoing and is associated with the development of uniform norms and approaches to resolving legal situations affecting the interests of all humanity [14, 161].

The highest values enshrined in international documents are reflected in the Constitution of the Republic of Azerbaijan and are guaranteed by the state. Thus, according to the first part of Article 32 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan dated November 12, 1995, everyone has the right to personal inviolability [1]. A similar norm is contained in Part 1 of Article 22 of the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 [8], in the first part of Article 25 of the Constitution of the Republic of Belarus of March 15, 1994 [4], in the first part of Article 25 of the Constitution of the Republic of Moldova of July 29, 1994 [5], in the third part of Article 18 of the Constitution of the Republic of Tajikistan dated November 6, 1994 [6], in Article 29 of the Constitution of Ukraine of June 28, 1996 [10], in the first part of Article 59 of the Constitution of the Kyrgyz Republic dated April 11, 2021 [3], in the first part of Article 35 of the Constitution of Turkmenistan, approved in a new edition on January 21, 2023 [9], in the first part of Article 27 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan dated April 30, 2023 [7], and in Part 1 of Article 18 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan dated March 15, 2026.

The right to personal inviolability is enshrined in Chapter III of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, which consists of 48 (forty-eight) articles (Articles 24-71), entitled “Fundamental Human and Civil Rights and Freedoms”, in Chapter II of the Constitution of the Russian Federation, consisting of 48 (forty-eight) articles (Articles 17-64), entitled “Rights and Freedoms of Man and Citizen”, in Section II of the Constitution of the Republic of Belarus, consisting of 43 (forty-three) articles (Articles 21-63), entitled “Personality, Society, State”, in the Constitution of the Republic of Moldova, consisting of 31 (thirty-one) articles (Articles 24-54), in Chapter II entitled “Fundamental Rights and Freedoms”, in Chapter II of the Constitution of the Republic of Tajikistan, which consists of 34 (thirty-four) articles (Articles 14-47), entitled “Rights, Freedoms and Fundamental Duties of Man and Citizens”, in the Constitution of Ukraine, consisting of 48 (forty-eight) articles (Articles 21-68), in Section II entitled “Rights, Freedoms and Duties of Man and Citizens”, in Chapter VI of the Constitution of the Kyrgyz Republic, which consists of 11 (eleven) articles (Articles 55-65), entitled “Guarantees of the rights and freedoms of man and citizen”, in the Constitution of Turkmenistan, consisting of 41 (forty-one) articles (Articles 25-65), in Section II entitled “Rights, Freedoms and Duties of Man and Citizen in Turkmenistan”, in Chapter VII of the Constitution of the Republi of Uzbekistan, consisting of 11 (eleven) articles (Articles 55-65), entitled “Personal Rights and Freedoms” (Articles 25-35), in Section II of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, which consists of 31 (thirty-one) articles (Articles 12-41), entitled “Fundamental Rights, Freedoms and Duties”.

As can be seen, the right to personal integrity is reflected in the legislation of all states participating in the Commonwealth of Independent States as one of the fundamental rights of man and citizen.

The right to personal integrity combines several important components: physical integrity, privacy of personal and family life, data protection, prohibition of secret surveillance, secrecy of communications, access to information and the right to demand correction or deletion of information.

Let us turn to the judicial practice regarding the right to personal integrity. The Constitutional Court of the Russian Federation has expressed its legal position regarding the right to personal integrity in the following decisions.

1) The constitutional right to liberty and security of person means that a person cannot be deprived of liberty or detained at the whim of the authorities. A decision to impose pretrial detention as a preventive measure always infringes on the right to liberty and security of person, regardless of whether the decision is executed. Not only actual restrictions but also the perceived danger of them,

especially the threat of loss of liberty, violate personal integrity, including mental integrity, and exert pressure on a person's consciousness and actions.

At the same time, both executed and actually unexecuted orders for detention may be unlawful and unfounded. The right to demand a judicial review of the grounds for decisions on detention serves as a guarantee against such arbitrary restrictions on freedom and personal integrity. Any risk of restriction of freedom and personal integrity, including in the presence of legal grounds, must be countered by the right to judicial appeal (Resolution of June 13, 1996 - No. 14-R/1996);

2) No one may be subjected to arbitrary arrest or detention, nor may they be deprived of their liberty except on the grounds and in accordance with the procedure established by law (Resolution of June 27, 2000 - N 11-R/2000);

3) Excessive or unlimited application of measures related to the restriction of rights guaranteed by Article 22 (Part 1) of the Constitution of the Russian Federation and paragraph 3 of Article 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights is inadmissible, and a decision to select a preventive measure, including detention and a written undertaking not to leave, may be made only if the grounds for its application are confirmed by sufficient data established in accordance with the criminal procedure law (Resolution of March 22, 2005 - N 4-R / 2005) and so on [12].

According to the legal position reflected in the Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan "On the interpretation of the concept of "apartment" reflected in Article 157 of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan in terms of the right to inviolability of housing provided for in Article 33 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan" dated November 25, 2024 [2], the right to personal inviolability is one of the most important elements of the rule of law state and democratic society, and primarily involves the protection of the freedom of the individual, privacy and security of personal and family life.

References

1. Constitution of the Republic of Azerbaijan dated November 12, 1995. No. 00 (revised on September 26, 2016) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information – Access mode: https://e-qanun.az/framework/897 (access date: 17.03.2026). (in Azerbaijani)
2. The Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan "On the interpretation of the concept of "apartment" reflected in Article 157 of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan in terms of the right to inviolability of housing provided for in Article 33 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan" dated 25 November 2024 [Electronic resource] // Official Internet portal of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. – Access mode: https://constcourt.gov.az/az/decision/1446 (access date: 09.03.2026). (in Azerbaijani)
3. Конституция Кыргызской Республики от 11 апреля 2021 г. [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. - Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru (дата обращения: 06.03.2026).
4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (ред. от 27.02.2022) [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. - Режим доступа: https://pravo.by (дата обращения: 05.03.2026).
5. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. (ред. от 20.10.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Правительство Республики Молдова. - Режим доступа: https://gov.md/ru/zakonodatelstvo-respubliki-moldova (дата обращения: 05.03.2026).
6. Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 г. (ред. от 22.05.2016) [Электронный ресурс] // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. - Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicria/ibtido.php (дата обращения: 05.03.2026).
7. Конституция Республики Узбекистан от 30 апреля 2023 г. [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. - Режим доступа: https://lex.uz/ru (дата обращения: 06.03.2026).
8. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.03.2026).
9. Конституция Туркменистана (ред. от 21.01.2023) [Электронный ресурс] //- Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31337929#pos=6;-143 (дата обращения: 06.03.2026).

10. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. (ред. от 03.09.2019) [Электронный ресурс] // - Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=30391155&pos=10;159 (дата обращения: 06.03.2026).
11. Лушникова М.В., Ратехина В.А. Сравнительное трудовое право и право социального обеспечения: учебно-методическое пособие. - Ярославль: «ЯрГУ», 2018. - 52 с.
12. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации по отдельным вопросам. Право на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // - Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-pravo-na-svobodu-i-lichnuiu-neprikosnovennost-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/ (дата обращения: 07.03.2026).
13. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. - Москва: «Юристъ», 2003. - 448 с.
14. Селихова О.Г. Международные стандарты обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. - 2016. – № 6. – С. 160-167.

СЕКЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЛЕДНИКОВ

Абдухамидзода Анушервон Абдухофиз
студент 2 курса юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: farida.aminova.2016@mail.ru

INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF GLACIERS

Abdukhamidzoda Anushervon Abdukhofiz
Second-year student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227-39-86, email: farida.aminova.2016@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы международно-правовой охраны ледников как важнейшего элемента глобальной экологической системы. Анализируются международные инициативы, роль государств и проблемы правового регулирования в условиях изменения климата. Особое внимание уделяется роли Республики Таджикистан в развитии международного сотрудничества в данной сфере.*

Annotation. *The article examines the issues of international legal protection of glaciers as an essential element of the global ecological system. International initiatives, the role of states and legal regulation problems in the context of climate change are analyzed. Special attention is paid to the role of the Republic of Tajikistan in developing international cooperation in this field.*

Ключевые слова: *ледники, международное право, охрана окружающей среды, изменение климата, водные ресурсы, международное сотрудничество.*

Keywords: *glaciers, international law, environmental protection, climate change, water resources, international cooperation.*

Ледники являются важнейшим компонентом глобальной экологической системы и играют ключевую роль в формировании водных ресурсов, поддержании климатического баланса и обеспечении устойчивого развития. В современных условиях изменение климата приводит к ускоренному таянию ледников, что представляет серьёзную угрозу как для отдельных государств, так и для международного сообщества в целом [1].

Международно-правовая охрана ледников формируется в рамках общего международного экологического права. Несмотря на отсутствие специализированного универсального международного договора, посвящённого исключительно защите ледников, данная сфера регулируется через ряд международных инициатив, соглашений и программ, направленных на борьбу с изменением климата и сохранение природных ресурсов.

Особое значение имеет деятельность Организации Объединённых Наций, в рамках которой вопросы сохранения ледников выносятся на глобальную повестку. Так, по инициативе Республики Таджикистан 2025 год был объявлен Международным годом сохранения ледников, а 21 марта — Международным днём ледников, что свидетельствует о признании данной проблемы на международном уровне [2].

Международное сотрудничество в сфере охраны ледников включает проведение конференций, разработку научных программ, обмен данными мониторинга и координацию усилий государств. В 2025 году в Душанбе была проведена Международная конференция высокого уровня по сохранению ледников, направленная на привлечение внимания мирового сообщества к проблеме их таяния и необходимости принятия срочных мер [3].

Согласно данным международных организаций, за последние десятилетия наблюдается значительное сокращение ледниковых масс. С 1975 года ледники потеряли более 9000 миллиардов тонн льда, что свидетельствует о масштабности проблемы и её глобальном характере [3].

Важным элементом международно-правовой охраны ледников является взаимодействие государств в сфере научных исследований и мониторинга. Создаются

международные сети наблюдения, осуществляется обмен информацией о состоянии ледников, что позволяет более эффективно прогнозировать последствия их деградации.

Республика Таджикистан занимает особое место в системе международного сотрудничества в данной сфере. На территории страны расположено более 13 тысяч ледников, формирующих значительную часть водных ресурсов Центральной Азии [4]. Это обуславливает активную позицию государства в продвижении инициатив по защите ледников на международной арене.

На национальном уровне в Таджикистане принят Закон «О защите ледников» (2024 г.), который закрепляет правовые, организационные и экономические основы их охраны. Закон рассматривает ледники как стратегические источники водных ресурсов и предусматривает необходимость международного сотрудничества в данной сфере [5].

Международно-правовая охрана ледников также связана с регулированием трансграничных водных ресурсов, поскольку многие ледники оказывают влияние на водные системы нескольких государств. Это требует согласования интересов государств и выработки единых подходов к их использованию и защите.

Несмотря на развитие международных инициатив, остаются нерешённые проблемы. К ним относятся отсутствие единого международного договора, недостаточная координация усилий государств и ограниченные финансовые ресурсы для реализации природоохранных программ.

Таким образом, международно-правовая охрана ледников представляет собой важное направление современного международного экологического права. Её эффективность зависит от активного сотрудничества государств, развития международных механизмов регулирования и внедрения научных достижений. Усиление роли международного права в данной сфере является необходимым условием сохранения ледников как важнейшего природного ресурса человечества.

Список литературы:

1. Доклад Всемирной метеорологической организации «Состояние глобального климата». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wmo.int/publication-series/state-of-global-climate/state-of-global-climate-2025 (дата обращения: 07.01.2026).
2. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о Международном годе сохранения ледников (2025).
3. Международная конференция по сохранению ледников (Душанбе, 2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ungeneva.org (дата обращения: 02.04.2026)
4. Роль Таджикистана в сохранении ледников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.amit.tj (дата обращения: 07.01.2026).
5. Закон Республики Таджикистан «О защите ледников» от 03.01.2024 № 2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ncz.tj (дата обращения: 07.01.2026).

INTERGENERATIONAL CLIMATE JUSTICE: PROTECTION OF THE INTERESTS OF FUTURE GENERATIONS IN INTERNATIONAL LAW

Adilkhanov Kanan Azar

2nd-year full-time postgraduate student of the International Relations Department
Azerbaijan Tourism and Management University,
AZ 1072, Azerbaijan Republic, Baku, K.Rahimov str., 822/23
tel.: 994125644233, e-mail: kadilxanov@yahoo.com

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ КЛИМАТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Адильханов Кенан Азер оглы

аспирант 2-го курса очного отделения кафедры Международных отношений
Азербайджанский университет туризма и менеджмента,
AZ 1072, Азербайджанская Республика, город Баку, улица К.Рагимова 822/23
тел: 994125644233, e-mail: kadilxanov@yahoo.com

Annotation. *This article examines the concept of intergenerational climate justice from the perspective of international law and argues that the protection of the interests of future generations is no longer solely an ethical concern, but is gradually emerging as a legal principle.*

Аннотация. *В данной статье рассматривается концепция межпоколенческой климатической справедливости с точки зрения международного права и обосновывается, что защита интересов будущих поколений уже не является исключительно этическим вопросом, а постепенно формируется как правовой принцип.*

Keywords: *intergenerational climate justice, rights of future generations, human rights, international climate law, sustainable development.*

Ключевые слова: *межпоколенческая климатическая справедливость, права будущих поколений, права человека, международное климатическое право, устойчивое развитие.*

Introduction

Climate change is not only an environmental crisis, but also a complex issue that endangers human rights and whose adverse consequences are becoming more visible in our lives year by year. International law is primarily built on existing states, existing populations, and present-day harms. Yet the climate crisis has proven that the excessive release of greenhouse gases into the atmosphere, the existing defiencies in the regulation of these emissions, and the indifference and political inaction displayed by states in addressing this global crisis may directly affect not only the current population of the world, but also the lives, health, living conditions, food and water security, and even in some cases the ability to determine their own destiny of persons who have not yet been born. It is precisely for this reason that the concept of “intergenerational climate justice,” which has recently taken shape within international law, is acquiring increasing importance through the lens of climate change. At the core of the above-mentioned approach lies the idea that states’ legal obligations relating to climate are owed not only to those living today, but also consist in the protection of the fundamental interests of future generations.

This thesis is not a newly developed thesis and has already become sufficiently entrenched in different sources of international law. The Preamble of the 1992 United Nations Framework Convention on Climate Change [7] and paragraph 11 of the Preamble to the 2015 Paris Agreement [4] confirm that, during the implementation of climate measures, alongside human rights, intergenerational justice and equity must also be taken into consideration.

The central argument of this article is that intergenerational climate justice has not yet been formed as a subjective right in international law. At the same time, states’ obligations in the field of responding climate change, the interpretation of this approach through the lens of human rights, and the gradual normative comsalidation of the idea of sustainable development and intergenerational equity in treaties and soft law sources transform the above-mentioned approach into a genuine legal principle. Accordingly, the protection of the interests of future generations in international law is not a political choice but an increasingly distinct legal direction.

Normative Foundations of Intergenerational Climate Justice in International Law

The initial legal foundation of intergenerational climate justice can be traced in the beginning of the legal war against climate change and, in parallel with this, in the steady development of environmental law. Under Principle 3 of the 1992 Rio Declaration on Environment and Sustainable Development, the right to development must be realized in a way that meets the environmental needs of both present and future generations [5]. In this context, future generations are portrayed merely as abstract legal subjects, but rather as holders of legal interests who will be affected by the decisions of present generations. Although the Rio Declaration, although not a binding legal instrument, has found reflection in later UN documents characterizes it not merely as a political statement, but as a normative standard employed in the interpretation of international law.

The line of the Rio Declaration is further developed by the UN Framework Convention on Climate Change. In its Preamble, the Convention makes reference to General Assembly resolutions 44/228, 44/207, 45/212 and 46/169 concerning the protection of the climate for present and future generations [7]. The legal significance of this reference lies in the fact that the main treaty of the climate regime does not limit its purpose solely to the interests of contemporary states. Rather, it

frames the protection of the climate system as an intergenerational responsibility. This is of particularly important from the standpoint of Article 31 of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties in the interpretation of treaties [8]. Thus, while interpreting the UNFCCC, a human-oriented approach will already be applied to it, and the existence in the treaty text of the objective of protecting the rights of future generations alongside present generations has placed it on a much stronger legal basis.

The Paris Agreement, adopted at the 21st Conference of the Parties to the UNFCCC, links intergenerational justice with the human rights dimension of climate law. Its eleventh preambular paragraph expressly states that, in taking action to address climate change, parties should respect, promote and consider, alongside human rights, the right to health, the rights of indigenous peoples, the rights of children and the rights of other vulnerable groups, as well as intergenerational equity [4]. This means that, in addressing climate change, states should not give priority to current economic interests in a fashion that places at risk the right to life, the right to health, the rights to food and water security, and other fundamental human rights of future generations. However, certain tension arises at this point. The industrial sector that contributes most to climate change is the oil, gas and coal industry. According to the most recent Report prepared by the Special Rapporteur of the United Nations Human Rights Council, Elisa Morgera, probably 85% of total anthropogenic greenhouse gas emissions come from the above-mentioned fossil fuels [3]. The same Report also states that, in order to achieve the target of limiting global warming to 1.5°C under the Paris Agreement, 60% of the world's oil reserves and 90% of its coal reserves must remain unextracted [3]. This would mean that countries whose economies depend on oil, gas and coal would have to deprive themselves of substantial revenues. As is well known, the income generated from hydrocarbon extraction is so large that many states gain the amounts exceeding their immediate needs in certain financial institutions and preserve them on behalf of the state and for the benefit of future generations. For instance, one of the main missions and objectives of the State Oil Fund of Azerbaijan is the efficient management of hydrocarbon revenues in favour of current and future generations **[**6]. Such funds and similar types of financial institutions exist in all countries rich in oil and gas.

The central purpose of the example given above is to demonstrate that, in substance, the principle of intergenerational justice has both an environmental and an economic dimension. On the one hand, states must take effective measures to prevent climate change in order to protect the fundamental rights of future generations, such as life, health, a favourable environment, food security and water security. On the other hand, the total denial of revenues coming from natural resources, or the unconsidered termination of the use of such revenues, may also adversely affect the economic welfare, social security and development opportunities of future generations. For this reason, a balance must be maintained between intergenerational climate justice and intergenerational economic interests. Thus, genuine intergenerational justice requires the reconciliation of two elements: first, the protection of the climate and environmental rights of future generations, and second, the preservation of their economic interests and development opportunities. From the point of view of international climate law, the aim is not to set economic development and climate protection against one another, but to create a fair and sustainable balance between these two values. Only in this way can both the principle of intergenerational equity and the effective protection of the diverse interests of future generations be ensured.

The Protection Of The Interests Future Generations Through Human Rights

The strongest legal avenue for the protection of the rights of future generations is precisely human rights law. The main issue that arises here is the fact that future generations do not yet exist, and for that reason the question remains whether a direct right of claim can be recognized in relation to them or not. This is one of the questions that remains unresponded in international law, but this does not mean that future generations are left without legal protection. On the contrary, the emerging tendency in international law openly recognizes that climate change threatens the rights of future generations. For this reason, human rights obligations must be interpreted in a preventive and long-term manner in temporal scope.

In this respect, General Comment No. 26 of 2023 of the Committee on the Rights of the Child represent an important development [2]. The Committee explicitly states that the climate crisis, biodiversity loss, and pollution create a systemic threat to children's rights, and that states must take preventive steps to protect those rights [2]. The central point emphasized in the General Comment is that children are disproportionately affected by the climate crisis, and that this impact determines the trajectory of their future lives [2]. Thus, the protection of children's rights automatically carries within it an intergenerational dimension of justice. The children living today are the carriers of both the present and the future. Committee uses the expression "intergenerational approach"; this demonstrates that the interests of future generations have already acquired a conceptual place within human rights law.

General Comment No. 27 of 2025 of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights develops in the same direction [1]. The Committee states that a clean, healthy, and sustainable environment is a basic condition for the enjoyment of economic, social, and cultural rights, and emphasizes that today's ecological crises pose a serious danger to the enjoyment of these rights by both present and future generations [1]. This approach is particularly important. The interests of future generations are understood not as a moral legacy that fathers pass on to their children, but as a necessary element of the continuity of economic and social rights over time. Accordingly, if a state demonstrates systematic negligence in climate and environmental policy, it deprives both current and future generations from the possibility of enjoying those rights.

Conclusion and Recommendations

Thus, intergenerational climate justice in contemporary international law appears not solely as an element of political debate, but as a principle that is steadily acquiring a clearer legal content. The Rio Declaration, the United Nations Framework Convention on Climate Change, the Paris Agreement, as well as the modern approaches of international human rights mechanisms, shows that states' commitment regarding to climate change are not limited only to the interests of the current generation. Rahter, these obligations also encompass the protection of the basic interests of future generations, including life, health, a favourable environment, food and water security, as well as socio-economic wellfare. From this regard, the prevention or mitigation the outcomes of climate change boosts international law's understanding of responsibility toward the future and highlights the long-term legal legal implications of state action.

At the same time, the achievement of intergenerational climate justice cannot be reduced solely to the protection of environmental safety. As noted in the article, the interests of future generations are multifaceted and encapsualte not only a safe climate system, but also economic and social development, and access to resources. For that reason, the main task of states in the are of adressing climate change is not to put economic interests and environmental requirements in against to one another, but to generate a just and sustainable balance between them. In particular, although the idea of preserving revenues derived from natural resources for the welfare of future generations is in itself very important, it is equally necessary that the economic model through which those revenues are obtained should not weaken the climate security and fundamental rights of future generations. It is precisely for this reason that the intergenerational climate justice should be understood as a complex legal principle requiring the combined realization of both environmental and economic justice.

In this connection, it would be more suitable for institutional and legal mechanisms that take into consideration the interests of future generations to be further developed at both the international and domestic levels, while the management of revenues derived from natural resources should be carried out in the accordance with the principles of climate justice, intergenerational equity, and sustainable development. It is necessary that hydrocarbon revenues be directed not merely toward short-term economic needs, but also toward strategic fields serving the transition to a low-carbon economy, renewable energy projects, the boosting of ecological safety, and the long-term socio-economic well-being of future generations. At the same time, it is essential to develop specific approaches in the process of designing and implementing climate policy that ensure the consideration of the interests of future generations, including long-term impact assessment, taking

into account the intergenerational outcomes of climate-related decisions, and strengthening sustainable development priorities.

In conclusion, intergenerational climate justice in international law is not a legal challenge of the future, but already a legal challenge of the present. States' climate-related policies should serve not only the interests of the current generation, but also the safe, dignified, and sustainable living conditions of future generations. It is precisely this approach that represents the main path for the human-oriented and justice-centred development of international climate law.

References

1. Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General comment No. 27 (2025) on economic, social and cultural rights and the environmental dimension of sustainable development, E/C.12/GC/27, 6 November 2025 [Electronic resource] // – Access mode:https://digitallibrary.un.org/record/4092192?ln=en (access date: 11.03.2026).
2. Committee on the Rights of the Child. General comment No. 26 (2023) on children's rights and the environment, with a special focus on climate change, CRC/C/GC/26, 22 August 2023 [Electronic resource] // – Access mode: https://digitallibrary.un.org/record/4019010?ln=en (access date: 11.03.2026).
3. Morgera, E. The imperative of defossilizing our economies: Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights in the context of climate change, A/HRC/59/42, 15 May 2025 [Electronic resource] // – Access mode: https://digitallibrary.un.org/record/4086999?ln=en&v=pdf (access date: 12.03.2026).
4. Paris Agreement, 12 December 2015 [Electronic resource] // – Access mode: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (access date: 13.03.2026).
5. Rio Declaration on Environment and Development, 13 June 1992 [Electronic resource] // – Access mode: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Respondent%27s%20documents/RL%20-%20Legal%20Authorities/RL-0150-ENG%201992-06-13.pdf (access date: 14.03.2026).
6. State Oil Fund of the Republic of Azerbaijan. Mission and Objectives of the Fund [Electronic resource] // – Access mode: https://www.oilfund.az/fund/about/mission (access date: 16.03.2026).
7. United Nations Framework Convention on Climate Change, 9 May 1992 [Electronic resource] // – Access mode: https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf (access date: 17.03.2026).
8. Vienna Convention on the Law of Treaties, 23 May 1969 [Electronic resource] // – Access mode: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf (access date: 17.03.2026).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Аминова Фарида Махмадаминовна
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права и сравнительного правоведения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: farida.aminova.2016@mail.ru

Мансурова Азиза Наимовна
магистрант 1 года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 90-264-43-43; e-mail: aziza.mansurova.2003@mail.ru

INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF PREVENTION AND COMBATING HUMAN TRAFFICKING

Aminova Farida Mahmadaminovna
Doctor of law, professor, head of the department of international law and comparative law faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227-39-86, email: farida.aminova.2016@mail.ru

Mansurova Aziza Naimovna
First-year Master's student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Tel.: (+992) 90-264-43-43; e-mail: aziza.mansurova.2003@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности международно-правового сотрудничества государств в сфере предупреждения и противодействия торговле людьми. Анализируются основные международные договоры, формы взаимодействия государств и существующие проблемы в данной области. Особое внимание уделяется механизмам защиты жертв торговли людьми и совершенствованию международного сотрудничества.*

Annotation. *The article examines the features of international legal cooperation of states in the field of prevention and combating human trafficking. The main international treaties, forms of cooperation and existing problems are analyzed. Particular attention is paid to mechanisms for protecting victims of trafficking and improving international cooperation.*

Ключевые слова: *торговля людьми, международное право, международное сотрудничество, права человека, транснациональная преступность, защита жертв.*

Keywords: *human trafficking, international law, international cooperation, human rights, transnational crime, victim protection.*

Торговля людьми представляет собой одну из наиболее опасных форм транснациональной организованной преступности, затрагивающую фундаментальные права и свободы человека. В условиях глобализации данное явление приобретает всё более сложный и трансграничный характер, что обуславливает необходимость активного международно-правового сотрудничества государств.

Современное международное право рассматривает торговлю людьми как серьёзное нарушение прав человека, включающее эксплуатацию личности в различных формах, таких как принудительный труд, сексуальная эксплуатация, рабство и изъятие органов. Основополагающим международным актом в данной сфере является Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года [2].

Указанный Протокол закрепляет универсальное определение торговли людьми и обязывает государства криминализировать соответствующие деяния, а также принимать меры по защите и помощи жертвам. Важным элементом является принцип «трёх П» — prevention (предупреждение), protection (защита) и prosecution (преследование) [2].

Международно-правовое сотрудничество государств в данной сфере реализуется в различных формах. К их числу относятся заключение международных договоров, обмен информацией между правоохранительными органами, оказание взаимной правовой помощи, экстрадиция преступников, а также проведение совместных расследований [3].

Особую роль играет деятельность международных организаций. Так, Организация Объединённых Наций координирует усилия государств по борьбе с торговлей людьми, разрабатывает международные стандарты и оказывает техническую помощь. Существенный вклад вносят также Международная организация по миграции и Интерпол, обеспечивающие практическое взаимодействие государств [4].

Важным направлением международного сотрудничества является защита жертв торговли людьми. Международные акты предусматривают необходимость предоставления жертвам медицинской, психологической и правовой помощи, а также обеспечения их безопасности и возможности возвращения на родину.

Несмотря на наличие развитой международно-правовой базы, практика противодействия торговле людьми сталкивается с рядом проблем. К ним относятся различия в национальных правовых системах, недостаточный уровень координации между государствами, а также сложности выявления и идентификации жертв.

Дополнительные трудности обусловлены латентным характером данного преступления и использованием преступными группами современных технологий, что требует постоянного совершенствования методов международного взаимодействия.

Республика Таджикистан принимает активное участие в международном сотрудничестве по противодействию торговле людьми. Национальное законодательство приведено в соответствие с международными стандартами, а также реализуются государственные программы по предупреждению данного явления и защите жертв.

Таким образом, международно-правовое сотрудничество государств является ключевым инструментом в борьбе с торговлей людьми. Эффективность противодействия данному преступлению напрямую зависит от согласованности действий государств, унификации правовых норм и развития международных механизмов взаимодействия.

Список литературы:

1. Богуславский М. М. Международное право: учебник. – М.: Норма, 2018. – 704 с.
2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (Палермо, 2000 г.).
3. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 2000 г.).
4. Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Глобальный доклад о торговле людьми. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org (дата обращения: 02.01.2026).

ПОНЯТИЕ «ХРОМАЮЩЕГО БРАКА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аминова Фарида Махмадаминовна
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права и сравнительного правоведения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: farida.aminova.2016@mail.ru

Хабибова Мунаввара Хуршедовна
магистрант 1-го года юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 90-540-82-28; e-mail: munavvarahabibova7@gmail.com

THE CONCEPT OF A “LIMPING MARRIAGE” IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Aminova Farida Mahmadaminovna
Doctor of law, professor,
head of the department of international law and comparative law faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227-39-86, email: farida.aminova.2016@mail.ru

Khabibova Munavvara Khurshedovna
Graduate student of the 1 Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+992) 90-540-82-28; e-mail: munavvarahabibova7@gmail.com

Аннотация. *В статье рассматривается понятие так называемого «хромающего брака» как одной из проблем международного частного права, возникающей в результате различий в национальных правовых системах. Анализируются причины возникновения данного правового явления, связанные с коллизиями законодательства различных государств в вопросах заключения и признания брака. Особое внимание уделяется последствиям существования «хромающих браков» для супругов и их детей, а также проблемам признания таких браков в международной практике. Отмечается необходимость совершенствования международно-правового регулирования и гармонизации национальных правовых норм в сфере семейных отношений.*

Annotation. *The article examines the concept of a so-called "limping marriage" as one of the problems of private international law arising from differences between national legal systems. The causes of this legal phenomenon related to conflicts of laws of different states regarding marriage and its recognition are analyzed. Particular attention is paid to the consequences of limping marriages for spouses and their children, as well as the problems of recognizing such marriages in international practice. The need to improve international legal regulation and harmonize national legal norms in the sphere of family relations is emphasized.*

Ключевые слова: *международное частное право, хромающий брак, коллизионные нормы, признание брака, семейное право, международные браки, правовой статус супругов.*

Keywords: *private international law, limping marriage, conflict of laws, recognition of marriage, family law, international marriages, legal status of spouses.*

Современные процессы глобализации, развитие международных контактов и рост миграции населения способствуют увеличению количества браков с иностранным элементом. Такие браки могут заключаться между гражданами разных государств, регистрироваться за пределами государства гражданства супругов или регулироваться нормами различных правовых систем. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы признания брака в различных государствах и применения коллизионных норм международного частного права [4, 45].

Одной из наиболее сложных проблем в данной сфере является возникновение так называемых «хромающих браков». Данное явление связано с ситуацией, когда брак признаётся действительным в одном государстве, но не признаётся в другом. В результате возникает правовая неопределённость относительно семейного статуса супругов и правовых последствий такого брака.

Проблема «хромающих браков» имеет важное значение для международного частного права, поскольку она затрагивает вопросы коллизионного регулирования семейных отношений, признания иностранных актов гражданского состояния и защиты прав супругов и детей.

Термин «хромающий брак» используется в международном частном праве для обозначения ситуации, при которой один и тот же брак имеет различный правовой статус в разных государствах. Иными словами, брак может считаться действительным в одном государстве и недействительным в другом [2, 28].

Такое положение возникает в результате различий в национальных правовых системах, регулирующих условия заключения брака, требования к его форме, а также основания признания брака недействительным.

Например, брак может быть заключён в соответствии с законодательством государства его регистрации и признаваться действительным на его территории. Однако в другом государстве данный брак может не признаваться по причине несоответствия требованиям национального законодательства, например в связи с различиями в брачном возрасте, требованиях к регистрации брака или иных юридических условиях.

Таким образом, «хромающий брак» представляет собой результат коллизии правовых норм различных государств, регулирующих семейные отношения.

Основной причиной возникновения «хромающих браков» являются различия в национальных правовых системах государств. Каждое государство самостоятельно определяет условия заключения брака, порядок его регистрации и основания признания брака недействительным.

К числу наиболее распространённых причин возникновения «хромающих браков» относятся:

- различия в брачном возрасте;
- различия в требованиях к форме заключения брака;
- различия в правилах признания иностранных браков;
- различия в регулировании браков между гражданами разных государств;
- различия в отношении к религиозным бракам.

Например, в некоторых государствах признаются религиозные браки, в то время как в других странах юридическую силу имеет только брак, зарегистрированный в органах государственной власти. В результате брак, заключённый в религиозной форме, может признаваться действительным в одном государстве и не иметь юридической силы в другом.

Существование «хромающих браков» может приводить к серьёзным правовым последствиям для супругов и членов их семьи. Прежде всего возникает неопределённость в отношении правового статуса супругов.

В одном государстве лица могут считаться состоящими в браке, в то время как в другом государстве они могут рассматриваться как не состоящие в брачных отношениях. Такая ситуация может создавать трудности при решении вопросов, связанных с: имущественными отношениями супругов; наследственными правами; определением правового статуса детей; расторжением брака; определением юрисдикции судов.

Кроме того, «хромающие браки» могут осложнять реализацию прав супругов при переезде в другое государство или при оформлении различных юридических документов.

В международной практике признание браков, заключённых в других государствах, осуществляется на основе принципа **lex loci celebrationis**, согласно которому форма брака определяется правом государства, на территории которого он был заключён.

Однако данный принцип применяется не во всех случаях. Государства могут отказаться признавать иностранный брак, если он противоречит основам национального правопорядка или публичному порядку государства.

В результате могут возникать ситуации, при которых брак, заключённый за рубежом, не признаётся в государстве гражданства одного из супругов. Это, в свою очередь, приводит к возникновению «хромающего брака».

В международном частном праве предпринимаются различные попытки минимизировать подобные ситуации, в том числе посредством унификации правовых норм и заключения международных соглашений.

Для уменьшения количества «хромающих браков» в международном частном праве используются различные механизмы правового регулирования.

Одним из таких механизмов является развитие международного сотрудничества между государствами в сфере семейного права и заключение международных договоров, направленных на унификацию правил признания браков.

Важную роль также играет совершенствование национального законодательства, предусматривающего более чёткие правила признания иностранных браков и применения коллизионных норм.

Кроме того, значительное значение имеет развитие судебной практики, которая способствует формированию единых подходов к решению подобных правовых ситуаций.

Таким образом, «хромающий брак» является одним из наиболее сложных явлений международного частного права, возникающим в результате различий в национальных правовых системах. Данное явление связано с ситуацией, когда один и тот же брак имеет различный правовой статус в разных государствах.

Наличие «хромающих браков» создаёт правовую неопределённость и может приводить к различным юридическим проблемам для супругов и их детей. В связи с этим особое значение приобретает развитие международного сотрудничества в сфере семейного права, а также совершенствование национального законодательства, направленного на гармонизацию норм, регулирующих брачно-семейные отношения.

Эффективное решение данной проблемы возможно только при условии согласования правовых подходов различных государств и формирования более единообразной системы международно-правового регулирования семейных отношений.

Список литературы:

1. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
2. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. – М.: Норма, 2019. – 704 с.
3. Лунц Л. А. Курс международного частного права. – М.: Спарк, 2002. – 1008 с.
4. Нечаева А. М. Семейное право: учебник. – М.: Юрайт, 2020. – 352 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Зокиров Меъродж Иномджонович
магистрант 1-го года обучения заочного отделения программы подготовки международное право факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: zokirovmehroj@mail.ru

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE EUROPEAN UNION INSTITUTIONS IN THE SPHERE OF LEGAL MIGRATION

Zokirov Mehrodzh Inomdzhonovich
First-year master's student, correspondence department, International Law Preparatory Program, Faculty of Distance Learning
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227-39-86, email: zokirovmehroj@mail.ru

Аннотация. *Правовое регулирование деятельности институтов Европейского союза в сфере легальной миграции представляет собой одно из ключевых направлений современной интеграционной политики ЕС. В условиях глобализации, усиления миграционных потоков и демографических вызовов вопросы управления миграцией приобретают особую значимость как для отдельных государств-членов, так и для Союза в целом. Легальная миграция рассматривается не только как инструмент экономического развития, но и как средство обеспечения социальной стабильности, восполнения дефицита рабочей силы и поддержания конкурентоспособности европейской экономики.*

Становление общей миграционной политики Европейского союза является результатом длительного исторического процесса, связанного с постепенным углублением интеграции и передачей части суверенных полномочий государств-членов на наднациональный уровень. Первоначально вопросы миграции находились исключительно в компетенции национальных правовых систем, однако по мере формирования пространства свободы, безопасности и правосудия возникла необходимость координации и унификации подходов к регулированию въезда, пребывания и трудовой деятельности иностранных граждан.

Annotation. *Legal regulation of the activities of European Union institutions in the area of legal migration is a key area of contemporary EU integration policy. In the context of globalization, increasing migration flows, and demographic challenges, migration management issues are becoming increasingly important for both individual Member States and the Union as a whole. Legal migration is viewed not only as a tool for economic development but also as a means of ensuring social stability, filling labor shortages, and maintaining the competitiveness of the European economy.*

The development of a common migration policy for the European Union is the result of a long historical process involving the gradual deepening of integration and the transfer of some sovereign

powers from member states to the supranational level. Initially, migration issues were the exclusive responsibility of national legal systems. However, as the area of freedom, security, and justice developed, the need arose to coordinate and standardize approaches to regulating the entry, stay, and employment of foreign citizens.

***Ключевые слова**: Европейский союз, миграционная политика, легальная миграция, миграционные потоки, Европейской Конвенцией об основных правах и свободах человека, комиссия.*

***Key words:** European Union, migration policy, legal migration, migration flows, European Convention on Fundamental Rights and Freedoms, Commission.*

На сегодняшний день основной поток миграции населения приходится на долю Европейского Союза. Данный вопрос рассматривает эффективным образом в рамках Европейского союза уже несколько десятилетия. Европейский Союз уделяет очень много времени и средств для регулирования миграционных вопросов и в рамках нее созданы эффективные механизмы регулирования легальной миграции. Особое внимание требуют институты Европейского Союза в сфере легальной миграции. Эффективное распределение компетенции европейский институтов в области регулирования легальной миграции обеспечило защиту прав и свобод многих миллионов мигрантов, а также членов их семьи. Приятие различные акты и директивы, а также конвенции в области регулирования легальной миграции в рамках Европейского Союза способствовало развитию положительной практики для всего мирового сообщество касательно регулирования легальной миграции.

В отличие от ранее действовавшей статьи 43(3) ДЕС, касающейся миграционной политики, ст. 79 ДФЕС гласит, что ЕС должен разрабатывать общую миграционную политику. Использование термина “общая политика” свидетельствует о стремлении к достижению как комплексного процесса интеграции, так и организации эффективного разделения компетенций между ЕС и государствами-членами. В аспекте разграничения полномочий в сфере правового регулирования миграции, институты ЕС осуществляют свою деятельность в соответствии с принципом субсидиарности. Поскольку наделение ЕС компетенцией по вопросам миграции не влечет за собой потери такой компетенции государств-членов, неизбежно возникают следующие вопросы: - Каково разделение компетенций в области регулирования миграции между ЕС и государствами-членами? Какие именно вопросы может регулировать Европейский союз? - Посредством каких инструментов ЕС может регулировать сферу миграции? В какой мере ЕС может выступать на международной арене? Для того чтобы ответить на поставленные ранее вопросы, необходимо, прежде всего, проанализировать положения актов первичного права ЕС. Так, цели ЕС в области миграции отражены в ст. 79(1) ДФЕС: “Союз должен разработать общую миграционную политику, направленную на обеспечение эффективного управления миграционными потоками, справедливое обращение с гражданами третьих государств, проживающими на законных основаниях в государствах членах, а также по предотвращению и усилению мер по борьбе с незаконной миграцией и торговле людьми”.

Правовой анализ Главы II ДФЕС позволил нам выделить компетенции институтов ЕС в области миграции. Так, ст. 77 регулирует пограничный контроль. Сюда входят: “условия и порядок въезда и прибытия на срок 90 дней в течение полугодия – 180 дней, включая выдачу Шенгенских виз, общие правила внешнего пограничного контроля”. Ст. 78 регулирует правовые отношения в области предоставления убежища: “порядок и процедуры получения статуса беженца, стандартов приема, процедуры определения государства, несущего ответственность за рассмотрение правового статуса лица-заявителя на убежище”. Компетенция ЕС в области легальной миграции отражена в ст.79 (a, b): “условия въезда и пребывания, а также нормы, касающиеся выдачи долгосрочных виз и видов на жительство, также в целях воссоединения семьи, определение прав граждан третьих государств, которые законно проживают в государствах-членах, регулирование права на свободу передвижения”. Часть 2 ст. 79 регулирует условия и порядок выдворения граждан третьих государств, незаконно пребывающих на территории ЕС.

Эта цель корреспондирует более широкой цели внутри пространства свободы, безопасности и правосудия без внутренних границ на пространстве ЕС. При этом необходимо выделять внутренние и внешние действия ЕС для достижения вышеназванных целей. Как было указано еще в Стокгольмской программе, международная иммиграция может послужить

упрочению и экономическому росту Европейского союза. Однако данная сфера требует эффективного правового регулирования. Это относится, в первую очередь, к регулированию рынка труда, образования и социального обеспечения. Приоритеты ЕС в области миграции не тождественны приоритетам государств членов. Приоритеты ЕС сосредоточены на интеграции граждан третьих стран, законно пребывающих на территории ЕС. Государства-члены, напротив, ставят в приоритет стабильность национальных систем социального обеспечения, рынков труда и безопасности. Однако инициативы ЕС в области интеграции легальных мигрантов не могут не затрагивать интересы государств-членов. В то же время, действия ЕС в данной области не будут успешными без содействия компетентных государственных органов государств-членов.

Вмешательство Союза в те или иные правоотношения в области регулирования легальной миграции зависит от необходимости применения принципа субсидиарности. Принцип субсидиарности, в частности, нашел свое отражение в ст. 5(3) ДЕС: “В сферах, которые не входят в исключительную компетенцию ЕС, Союз действует только в том случае, и в той или иной мере, если предпринимаемые меры не могут быть в достаточной мере быть реализованы государствами-членами ни на центральном, ни на региональном или местном уровнях, но могут быть лучше реализованы на уровне Союза”. Таким образом, акты, принимаемые ЕС в области регулирования легальной миграции, должны быть обоснованы принципом субсидиарности. Применение этого принципа контролируется национальными парламентами и Судом Европейского союза. Государства-члены могут оспорить акты ЕС, которые не соответствуют принципу субсидиарности. В целом, компетенции ЕС в сфере миграции имеют гармонизирующий характер, что выражается в следующем: институты ЕС разрабатывают минимальные правила, как правило, находящие свое отражение в актах вторичного права – директивах, вследствие чего у государств-членов возникают обязательства по имплементации положений директивы в национальные законодательства. Отметим, что законодательные инициативы Союза всегда ведут к возникновению обязательств в области соблюдения основных прав и свобод человека не только в соответствии с правом ЕС, но и Европейской Конвенцией об основных правах и свободах человека 1950 г. Например, Суд ЕС в деле Kadzoev постановил, что Директива 2008/115 о высылке незаконно пребывающих граждан третьих стран на территории ЕС ограничивает свободу таких лиц в случае принудительной высылки с учетом принципа соразмерности в интерпретации данной ЕСПЧ.

Представляется необходимым осветить аспекты деятельности институтов ЕС в сфере миграции. Одним из наиболее значимых институтов в организационной структуре ЕС стала Европейская Комиссия. Учитывая то, что Комиссия является основным институтом управления, без ее участия невозможно представить ни одно юридически значимое решение для организации. Сегодня Комиссии, прежде всего, принадлежит роль исполнительного института, и поэтому ее часто сравнивают с правительством государства. Комиссия ЕС участвует в распоряжении финансами, бюджетными операциями, принимает участие в законотворческом процессе с правом законодательной инициативы, управляет различными программами в рамках ЕС, а также обеспечивает формирование и реализацию различного рода организационно правовых процедур, включая и миграционную. Ключевой особенностью правового статуса Комиссии является то, что она может выступать в качестве участника как правотворческой, так и правоприменительной деятельности. В период острого миграционного кризиса Европейская Комиссия разработала стратегический документ «Европейская повестка дня о миграции» (здесь и далее – ЕАМ), декларирующий краткосрочные и среднесрочные приоритеты ЕС [1, 84].

Одним из органов ЕС, реализующих часть функций по разработке вектора развития общей миграционной политики, является Европейский совет, деятельность которого заключается в установлении стратегических приоритетов в области регулирования миграции [3, 84]. В соответствии с заявленными Европейским советом приоритетами Совет ЕС определяет направления действий и предоставляет мандат для переговоров с третьими странами, принимает соответствующее законодательство, определяет конкретные программы, относящиеся к миграционной политике.

После вступления в действие Лиссабонского договора, существенно изменившим структуру ЕС, компетенция Европейского Парламента была существенно расширена. Таким образом, данный институт получил законотворческую инициативу в области регулирования

миграционных процессов. Парламентом было принято множество резолюций в этой области, в частности, Резолюция от 12 апреля 2016 г. “О ситуации в Средиземном море” [2, 36].

Европейской Комиссией было внесено предложение о создании единого органа (на наднациональном уровне) по вопросам обеспечения трудовой деятельности мигрантов, наделенного функциями по исполнению существующих правовых актов в области легальной миграции, регуляции трансграничной мобильности граждан третьих стран, легальных резидентов Европейского союза, в частности, держателей документа «Голубая карта», субъектов внутрикорпоративных трансфертов, долгосрочных резидентов, членов их семей. На сегодняшний день актуальность создания такого органа с исключительной или специальной компетенцией предопределяется необходимостью решения ряда вопросов, связанных с новыми вызовами миграционной политики: отсутствия в ЕС единого подхода к установлению правовых ограничений на перемещение граждан из третьих стран, дисбаланса между национальными интересами принимающих государств-членов ЕС, общественными интересами и интересами мигрантов, экономического и политического кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции и острого дефицита рабочей силы ввиду установленных ограничений.

Список литературы:

1. Потемкина О.Ю. Европейская повестка дня по миграции: итоги выполнения // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2019. - № 6. - С.84.
2. Хохлов И.И. Наднациональность в политике Европейского союза. М.: Международные отношения, 2007. С. 36
3. Towards an Effective and Principled EU Migration Policy Recommendations for Reform // [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1706 (дата доступа 25.12.2025)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Зокиров Меъродж Иномджонович
магистрант 1-го года обучения заочного отделения программы подготовки международное право факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: zokirovmehroj@mail.ru

LEGAL REGULATION OF LEGAL MIGRATION IN THE EUROPEAN UNION

Zokirov Mehrodzh Inomdzhonovich
First-year master's student, correspondence department, International Law Preparatory Program, Faculty of Distance Learning
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227-39-86, email: zokirovmehroj@mail.ru

Аннотация. *Современная правовая база ЕС в сфере легальной миграции основывается на учредительных договорах, прежде всего на Договоре о функционировании Европейского союза, который закрепляет полномочия Союза по разработке общей политики в области иммиграции. В частности, в рамках данной политики предусматривается установление условий въезда и проживания граждан третьих стран, определение их правового статуса, а также разработка мер по интеграции мигрантов в принимающее общество. При этом особое внимание уделяется соблюдению прав человека, недискриминации и принципу равного обращения.*

Институты Европейского союза играют центральную роль в формировании и реализации миграционной политики. Европейская комиссия выступает инициатором законодательных предложений, разрабатывает стратегические документы и осуществляет контроль за исполнением норм права ЕС. Европейский парламент и Совет

Европейского союза принимают нормативные акты, регулирующие различные аспекты легальной миграции, включая условия въезда высококвалифицированных специалистов, сезонных работников, студентов и исследователей. Суд Европейского союза обеспечивает единообразное толкование и применение правовых норм, разрешая споры и формируя судебную практику в данной сфере.

Annotation. *The current EU legal framework for legal migration is based on the founding treaties, primarily the Treaty on the Functioning of the European Union, which enshrines the Union's authority to develop a common immigration policy. Specifically, this policy provides for the establishment of conditions for the entry and residence of third-country nationals, the determination of their legal status, and the development of measures to integrate migrants into host societies. Particular attention is paid to respecting human rights, non-discrimination, and the principle of equal treatment.*

European Union institutions play a central role in the development and implementation of migration policy. The European Commission initiates legislative proposals, develops strategic documents, and oversees the implementation of EU law. The European Parliament and the Council of the European Union adopt regulations governing various aspects of legal migration, including the conditions for entry of highly qualified specialists, seasonal workers, students, and researchers. The Court of Justice of the European Union ensures uniform interpretation and application of legal norms, resolving disputes and shaping case law in this area.

Ключевые слова*: Европейский союз, миграционные потоки, миграционные процессы, миграционная политика, сотрудничество.*

Key words: *European Union, migration flows, migration processes, migration policy, cooperation.*

Правое регулирование легальной миграции в Европейском союзе основывается на множество правовых актов, принятых в рамках Европейского союза, и показывает свою эффективную деятельность в области регулирование легальной миграции. Правовая база, сформировавшаяся в Европейском союзе, представляет собой множество нормативно-правовых актов, которые обеспечивают уникальные возможности для лиц, приезжающие на территории Европейского союза в качестве легального мигранта. С первых дней своего образования Европейский союз уделял особое внимание вопросам регулирование легальной миграции. Также в рамках Европейского союза сформированы эффективные институциональные основа для регулирование легальной миграции, что также показывает положительную деятельность Европейского союза в данном вопросе.

Уникальность миграционной политики Европейского союза выражена в том, что она, с одной стороны, предполагает выстраивание консолидированного механизма воздействия на миграционные процессы в условиях интеграции, а с другой стороны, должна учитывать множественность интересов и суверенность полномочий государств-членов, их территориальные, экономические и политические различия, и в этой связи соблюдать определенные пределы правового регулирования. Поддержание баланса интересов объединения и его членов, оптимальное распределение полномочий и ответственности в вопросах управления миграцией являются одними из приоритетных задач в правотворческой и правоприменительной деятельности ЕС.

В настоящее время миграционный кризис в Европейском союзе приобрел новую актуальность, связанную с общим спадом экономического развития и политической нестабильностью, что высвечивает важность изменения подходов к правовому регулированию пребывания иностранных граждан на территории Европейского союза. По утверждению исследователей, проводимая в рамках ЕС активная работа над очередной реформой Пространства свободы, безопасности и правосудия, включая Общеевропейскую систему предоставления убежища, способна существенно изменить конфигурацию миграционной политики ЕС с учетом ориентации на положения Европейской конвенции по правам человека [1, 6].

Как известно, традиционно миграционная политика ЕС подразделяется на два направления. Первое касается регулирования легальной миграции, т.е. обеспечение эффективного управления миграционными потоками и их интеграции в принимающее общество. Второе направление заключается в противодействии нелегальной миграции.

Поэтому актуальным является также вопрос о внешней согласованности директив ЕС по легальной миграции, которые взаимодействуют со многими другими актами ЕС (особенно касающимися убежища, незаконной миграции, пересечения границ, визового режима, правосудия и защиты основных прав, занятости и образования, внешних сношений и торговли). Вышесказанное свидетельствует об особой роли институтов ЕС, благодаря которым возможно развитие эффективного взаимодействия и взаимодополняемости с другими направлениями политики ЕС, особенно с общей политикой ЕС в отношении роста и занятости, в контексте которой иммиграция должна играть все более важную роль в решении проблемы нехватки рабочей силы и квалифицированных кадров.

Миграционный кризис 2015-2020 гг. показал неэффективность многих правовых механизмов и методов управления отношениями, связанными с миграционными процессами. Несмотря на это, стоит признать, что в результате реализации положений «Повестки дня по миграции – 2015» в Европейском союзе существенно трансформировалась нормативно-правовая база в области регулирования миграции, была создана новая система координации и сотрудничества, усовершенствованы механизмы финансирования проектов по предотвращению нелегальной миграции.

Одним из положительных аспектов реализации миграционной политики в Европейском союзе за последние годы также стоит назвать усиление договорно правового взаимодействия ЕС и третьих стран по взаимному решению миграционных потоков. Несомненно, стоит еще больше развивать договорные инструменты, определяющие правовой режим миграции между государствами принадлежности мигрантов и принимающими государствами.

Сотрудничество на европейском пространстве в области миграции начинает свой отсчет с подписания Шенгенской Конвенции в 1985 г. Отмена внутренних границ и создание общей внешней границы между подписавшими сторонами потребовали межъевропейского сотрудничества по вопросам краткосрочной визовой политики, а также по вопросам управления внешними границами. [2, 28]. Маастрихтский договор 1992 г. стал базовым правовым актом, который официально закрепил регулирование сотрудничества в области легальной миграции. Необходимо упомянуть о некоторых положениях Маастрихтского договора, так как именно этот акт первичного права Европейского союза положил начало основным принципам общей миграционной политики ЕС. Истоки его формирования лежат в так называемой третьей опоре Договора о Европейском союзе (вступившего в силу 1 ноября 1993 г.), который был частично дополнен Амстердамским договором (вступившим в силу 1 мая 1999 г.). В новом разделе IV ЕК содержатся положения о миграции, убежище, гражданах «третьих стран» и гражданском праве, в то время как вопросы уголовного права и сотрудничество полицейских органов по-прежнему относились к третьей опоре. Анализ правового регулирования интеграции легальных мигрантов в государствах-членах ЕС показал, что наблюдается тенденция к ужесточению и усилению административных барьеров в интеграции мигрантов. В частности, во многих государствах-членах получение статуса резидента было сопряжено с обязательными условиями, такими как знание национального языка, культурных особенностей принимающего государства и так далее. Важным элементом данного этапа правового регулирования легальной миграции стало принятие Директивы 2003/86/ЕС о воссоединении семьи54 и Директивы 2003/109/ЕС о статусе граждан третьих государств, являющихся долгосрочными резидентами. Директива 2003/86/ЕС вызвала некоторые споры, так как содержала положение (ст.4.1) в соответствии с которым дети старше 12 лет могут быть ограничены в праве на воссоединение семьи при наличии невыполнения условий интеграции в принимающем государстве. Представляется, что данное положение действительно противоречит ст. 8 Европейской конвенции о защите прав и свобод человека. [3, 35].

В 2008 г. Европейская Комиссия подготовила еще одно сообщение “Общая миграционная политика ЕС: принципы, направления, инструменты”, в котором были освещены основные принципы в сфере регулирования легальной миграции. Позже эти принципы нашли свое отражение в Стокгольмской программе.

Таким образом, в широком понимании политика Европейского союза в области миграции представляет собой совокупность правовых, организационных, экономических, политических инструментов воздействия на сферу отношений, связанных с управлением миграционными процессами на пространстве государств ЕС. Внутренний аспект реализации миграционной политики выражен в построении структуры институтов ЕС с определенной

функциональной направленностью и компетенцией, закреплением системы мер, обеспечивающих регулирование легальной миграции и предотвращение нелегальной миграции на пространстве ЕС. Внешний аспект реализации миграционной политики заключается в выстраивании взаимодействия между ЕС, государствами-членами ЕС и государствами принадлежности мигрантов с целью договорного урегулирования процедур приема, трудоустройства, высылки мигрантов, иных отношений, связанных с пребыванием мигрантов, а также экономического сотрудничества ЕС и государств-членов с государствами с высоким уровнем оттока населения.

Итак, становление и развитие правового регулирования отношений в сфере миграции неразрывно связаны с возникновением интеграционных процессов на пространстве ЕС и объективно вытекающей из этого необходимостью единого согласованного урегулирования вопросов, связанных с перемещением людей. Создание правовых, политических, экономических и организационных механизмов, направленных на решение вопросов в сфере миграции, является неотъемлемыми условиями сотрудничества в рамках ЕС, а также следует целям поддержания международной и национальной безопасности, развития национальных экономик государств-членов ЕС, содействия гражданам в обеспечении жизнедеятельности на территории принимающих государств. Тенденции развития правового регулирования в сфере миграции в ЕС выражены, с одной стороны, в дифференциации и детализации правовых норм на отдельных участках регламентации миграционных отношений (административные процедуры легитимации мигрантов, трудоустройство, социальное и медицинское обеспечение, перемещение в условиях ограничений на передвижение и т.д.); с другой стороны, в усилении императивных начал в правовом регулировании отношений, связанных с поддержанием международной и национальной безопасности.

Список литературы:

1. Торкунова, Е.А. Имплементация гарантий Европейской конвенции по правам человека в сфере высылки иностранных граждан в праве ЕС / Е.А.Торкунова, К.Г.Жаринов // Московский журнал международного права. — 2020 — №4. — С.6
2. Юмашев Ю. М. О правовой природе Европейского Сообщества / Ю. М. Юмашев // Европейская интеграция: правовые проблемы. – М., 1992. – Кн. 1. – С. 28
3. Peers S. An EU Immigration Code: Towards a Common Immigration Policy. European Journal of Migration and Law. 2012. Vol.14. Issue 1. P. 35

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Кудратуллозода Бахтовар Кудратулло
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско - Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 39 86, e-mail: Nazarov@mail.ru

Назаров Алишер Сикандарович
магистрант 2-го года обучения заочного отделения юридического факультета
Российско-Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 39 86, e-mail: Nazarov@mail.ru

SELECTED PROBLEMS OF UNIFICATION OF INTERNATIONAL LAW NORMS IN MODERN CONDITIONS

Kudratullozoda Bakhtovar Kudratullo
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tel.: 227 39 86, e-mail: Nazarov@mail.ru

Nazarov Alisher Sikandarovich
Second-year master's student, full-time program, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tell.: 227 39 86, e-mail: Nazarov@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируются ключевые проблемы унификации международного частного права на современном этапе с учетом недавних изменений в законодательстве. Раскрывается сущность понятия унификации права, рассматриваются различные ее методы, а также их преимущества и недостатки. Особенность унификации права заключается в том, что она осуществляется одновременно на двух уровнях: международном (через заключение международных договоров) и национальном (путем внедрения положений этих договоров во внутреннюю правовую систему государства).*

Annotation. *The article examines the key challenges of unifying private international law at the present stage, taking into account recent legislative developments. It clarifies the essence of the concept of legal unification, explores its various methods, and highlights their respective advantages and disadvantages. A distinctive feature of legal unification is that it operates simultaneously at two levels: the international level (through the conclusion of international treaties) and the national level (through the implementation of these treaties into the domestic legal system of a state).*

Ключевые слова: *унификация права, международное частное право, международный договор, международная конвенция, коллизионное право.*

Key words: *unification of law, international private law, international Treaty, international Convention, conflict of laws.*

Унификация в международном праве – это процесс создания государствами единообразных правовых норм для регулирования трансграничных отношений. Это ключевой инструмент устранения противоречий между национальными правовыми системами, осуществляемый через международные договоры, конвенции и модельные законы, особенно в сферах международной торговли, транспорта и защиты прав человека [1, 184]. В каждом международном договоре провозглашаются обязанности государств-участников, связанные с приведением своего национального права в соответствие с нормами подписанного договора. Основная отличительная черта унификации права состоит в том, что она совершается одновременно на двух различных уровнях - в международном праве (посредством заключения международного договора) и в национальном праве (посредством имплементации норм заключенного договора во внутригосударственную правовую систему). Таким образом, унификацию права можно рассматривать в качестве сотрудничества различных государств, направленного на выработку международного механизма правового регулирования отношений в сфере общих интересов государств [2, 96].

Осуществляя самостоятельно нормирование (коллизионное или материально-правовое) указанных отношений, как и нормирование иных отношений, безотносительно к их правовой природе, государство, безусловно, должно учитывать не только свои международные договорные обязательства, но и общеобязательные для всех государств нормы и принципы международного права (суверенитет, невмешательство во внутренние дела, недопущение дискриминации и т.д.). В сфере МЧП значение данного положения особенно явственно, поскольку речь идет здесь лишь об отношениях, возникающих в международном обороте; однако само по себе оно имеет общее значение. Вместе с тем очевидно, что интенсивное развитие экономических, научных, культурных и прочих международных связей, опосредуемых в различных гражданско-правовых формах, порождает необходимость сотрудничества государств в сфере регулирования таких форм [3, 68].

Международный договор в сфере международного частного права, как и любой иной международный договор, безусловно, относится к области международного права. Однако на этом основании нельзя однозначно утверждать, что международное частное право имеет международно-правовую природу. Предметом таких договоров выступают не сами частноправовые отношения между физическими и юридическими лицами, а взаимодействие государств, направленное на выработку единообразного регулирования этих отношений.

Нормы международного частного права, закрепленные в международных договорах, как правило, формируются путем обобщения и систематизации национальных частноправовых норм. Они предназначены для регулирования тех отношений, которые при отсутствии международных соглашений подпадали бы под действие права конкретного государства. Следовательно, вопрос о приоритете применения тех или иных норм возникает лишь тогда, когда они регулируют одни и те же частноправовые отношения.

В последние годы в ключевых сферах международного взаимодействия наблюдается усиление взаимосвязи межгосударственных и частноправовых отношений, особенно в области экономического сотрудничества. Оно реализуется через систему международных торговых соглашений и внешнеэкономических контрактов частноправового характера с участием юридических лиц разных стран. Тем не менее как теоретические, так и практические соображения требуют четкого разграничения межгосударственных и частноправовых отношений. Их смешение недопустимо, поскольку они различаются по своей правовой природе, функциям и принципам ответственности.

Особенности коллизионных норм, принимаемых государствами самостоятельно, еще более ярко проявляются в нормах международного частного права, выработанных в результате договорной унификации. Включаясь в национальные правовые системы, такие нормы сохраняют свою специфику, обусловленную тем, что их содержание определяется согласованной волей государств-участников.

Развитие международного сотрудничества способствовало расширению унификации не только коллизионных, но и материально-правовых норм. Особенно заметен этот процесс в сфере международной торговли. Введение единых материально-правовых норм на международном уровне позволяет решать ряд важных задач: формировать общее правовое регулирование для участников международного оборота, создавать нормы, специально ориентированные на отношения с иностранным элементом, а также исключать необходимость обращения к коллизионным нормам для определения применимого права, что снижает уровень правовой неопределенности.

Наряду с международными конвенциями используются и иные формы унификации права. Это во многом обусловлено сложностями, возникающими при разработке и применении конвенций. Существенные различия между национальными правовыми системами затрудняют согласование единых норм и требуют значительного времени для их подготовки.

Список литературы:

1. Абдуллин А.И. К вопросу об унификации в международном частном праве // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 184-185.
2. Батычко В.Т. Международное частное право. Конспект лекций / В.Т. Батыч-ко. –Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2011. – 96 с.
3. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. Учебник / И.В. Гетьман-Павлова. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с.
4. Международное частное право: учебник: в 2-х т. Том 1. Общая часть / А.И. Абдуллин, Н.М. Артемьева, Д.В. Афанасьев и др.; под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. – М.: Статут, 2011. – 400 с.
5. Парамошина Е.А. Актуальные вопросы унификации и гармонизации международного договорного права // Современное право. – 2010. – № 7. – С. 94-99

ПОНЯТИЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Кудратуллозода Бахтовар Кудратулло
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско - Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 39 86, e-mail: Nazarov@mail.ru

Назаров Алишер Сикандарович
магистрант 2-го года обучения
заочного отделения юридического факультета
Российско-Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 39 86, e-mail: Nazarov@mail.ru

HARMONIZATION IN THE LEGISLATION OF SUBJECTS OF INTERNATIONAL LAW

Kudratullozoda Bakhtovar Kudratullo
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tel.: 227 39 86, e-mail.: Nazarov@mail.ru

Nazarov Alisher Sikandarovich
Second-year master's student of the correspondence (part-time) program,
Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tell.: 227 39 86, e-mail: Nazarov@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению критериев гармонизации и методов унификации законодательств субъектов международного права в рамках международного экономического пространства.*

Annotation. *The article is devoted to examining the criteria for harmonization and the methods of unification of the legislation of subjects of international law within the framework of the international economic space.*

Ключевые слова: *субъекты международного права; международная унификация; гармонизация; международные договоры; принципы и нормы; международный частный оборот.*

Keywords: *subjects of international law; international unification; harmonization; international treaties; principles and norms; international private circulation.*

Гармонизация в международном праве — это процесс сближения национальных законодательств, направленный на устранение противоречий и создание единообразного регулирования (в основном в МЧП), осуществляемый через модельные акты, договоры и международные стандарты. В отличие от унификации, она не создает единую норму, а делает правовые системы совместимыми.

Причины и цели гармонизации законодательств заинтересованных субъектов международного права могут охватывать как частноправовые, так и публично-правовые отношения. В зависимости от характера регулируемых отношений определяется и применяемый инструментарий гармонизации.

Не углубляясь в анализ отдельных международных прецедентов гармонизации таможенного и налогового законодательства, включая случаи участия квазигосударственных образований, целесообразно рассмотреть категорию «гармонизация законодательства» через призму международного экономического права. В данном контексте международная унификация и гармонизация, например в сфере торгового регулирования, представляют собой процесс формирования для двух и более государств единых либо согласованных правил, направленных прежде всего на регулирование частноправовых торговых отношений. Практическая цель таких процессов заключается в обеспечении более эффективного правового регулирования международного торгового оборота, устранении коллизий национальных правовых систем и снижении правовой неопределенности при осуществлении трансграничных сделок.

Следует различать правовую унификацию и гармонизацию. Унификация предполагает согласование и обязательное внедрение в национальные правопорядки идентичных правовых норм, что возможно исключительно на межгосударственном уровне и носит императивный характер. В свою очередь, гармонизация представляет собой более гибкий

механизм: государства согласуют общие принципы и подходы, при этом сохраняют свободу их имплементации в национальное законодательство — полностью, частично либо с возможностью отказа от внедрения. Таким образом, гармонизация характеризуется большей степенью усмотрения и асимметричностью действий государств.

В практике Европейского союза гармонизация законодательства рассматривается как процесс устранения противоречий и несоответствий между национальными правовыми системами. В рамках внутреннего рынка ЕС выделяются несколько уровней гармонизации. Во-первых, неформальная гармонизация, основанная на принципе взаимного признания, когда государства добровольно принимают правовые и административные результаты друг друга. Во-вторых, законодательная гармонизация, осуществляемая посредством директив и регламентов, направленных на устранение правовых различий. В рамках последней можно выделить полную гармонизацию, при которой регулирование полностью переходит на наднациональный уровень; минимальную гармонизацию, предполагающую установление базовых стандартов с возможностью их ужесточения на национальном уровне; а также частичную гармонизацию, охватывающую лишь отдельные элементы правового регулирования.

С точки зрения методологии унификации и гармонизации правовые механизмы предполагают инкорпорацию либо принятие государствами сходных или идентичных норм в качестве национальных правовых предписаний.

В этой связи можно выделить следующие основные методы.

Первый — метод двусторонней и многосторонней обязательной унификации, реализуемый через международные соглашения, обязывающие государства либо напрямую имплементировать положения договора, придавая им силу национального закона, либо принять внутренние акты, воспроизводящие его нормы. Данный подход является наиболее эффективным с точки зрения достижения единообразия правового регулирования.

Второй — односторонняя факультативная унификация, выражающаяся в самостоятельном принятии государством нормативных актов, имплементирующих положения международных унификационных документов.

Третий — односторонняя факультативная гармонизация, включающая как добровольное восприятие государствами международных рекомендательных принципов, так и имплементацию модельных законов, разработанных на международном уровне.

Четвертый блок составляют неправовые методы гармонизации, не предполагающие обязательного принятия государствами нормативных актов. В этом случае согласование достигается за счет автономии воли участников гражданского оборота, использующих рекомендательные документы, типовые контракты и модельные условия как ориентиры в договорной практике.

Такие инструменты могут разрабатываться как на межгосударственном уровне, так и в рамках неправительственных организаций и профессиональных объединений. Несмотря на отсутствие их формально-юридического статуса источников права, они оказывают значительное влияние на формирование единообразной договорной практики в международном торговом обороте.

Таким образом, процессы интеграции и сближения правовых систем в современных условиях проявляются как на международном, так и на национальном уровнях. Наиболее отчетливо они прослеживаются в рамках таких объединений, как ЕС, СНГ и ЕАЭС. При этом гармонизация правовых систем территориальных образований, не обладающих международной правосубъектностью, с субъектами международного права остается недостаточно исследованной и требует дальнейшего научного анализа.

Список литературы:

1. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс: академический курс. М.: Wolters Kluver, 2008. – 269 с.
2. Дэйвис Г. Право внутреннего рынка Европейского союза: учеб. пособие. Киев: Знания-Пресс, 2004. – 280 с.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кавмидинов Джавохирхон Джамшедович
Магистрант 1-го года обучения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, Российская Федерация вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1
тел.: +992901997337, e-mail: djava_kav@mail.ru

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Kavmidinov Dzhavokhirkhon Dzhamshedovich
First-year Master's student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
119571, Moscow, Russian Federation, Troparevo-Nikulino Municipal District, Vernadsky Ave., 82, Building 1
tel.: +992901997337, e-mail: djava_kav@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуется процесс цифровой трансформации государственного управления в Республике Таджикистан. На основе анализа нормативно-правовых актов рассматриваются ключевые этапы формирования электронного правительства в стране, анализируется современное состояние цифровизации государственных услуг, оцениваются достижения и выявляются системные проблемы.*

Annotation. *This article examines the process of digital transformation of public administration in the Republic of Tajikistan. Based on the analysis of legal and regulatory acts, the key stages of the formation of e-government in the country are considered. The current state of digitalization of public services is analyzed, achievements are assessed, and systemic problems are identified.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, электронное правительство, государственные услуги, искусственный интеллект, Таджикистан, цифровая экономика.*

Keywords: *digital transformation, e-government, public services, artificial intelligence, Tajikistan, digital economy.*

Цифровая трансформация государственного управления стала одним из приоритетных направлений развития большинства стран мира в XXI веке. Для Республики Таджикистан, как для государства, стремящегося к интеграции в глобальное экономическое пространство, вопрос внедрения современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в систему государственного управления приобретает особую актуальность. Цифровизация в этом направлении приводит к изменению механизмов принятия управленческих решений, повышению эффективности государственного управления и улучшению качества государственных услуг. Вместе с тем особо хотелось бы подчеркнуть, что цифровая трансформация направлена на адаптацию к глобальным вызовам и создание условий для устойчивого развития. В Республике Таджикистан цифровизация государственного управления рассматривается как ключевой инструмент повышения эффективности государственного аппарата, снижения коррупционных рисков и улучшения качества предоставления государственных услуг населению. В 2024 г. в Послании Президента Республики Таджикистан Уважаемого Эмомали Рахмона было объявлено о начале нового этапа цифрового развития страны – периоде 2025–2030 годов, который должен стать «Годами развития цифровой экономики и инноваций» [3]. Более того в 2025 году был осуществлен запуск ряда ключевых цифровых платформ, что позволяет говорить о переходе от теоретического этапа к практической реализации цифровой повестки.

Формирование правовой базы цифровой трансформации в Таджикистане началось задолго до текущего этапа активной цифровизации.

Ключевые этапы формирования нормативно-правовой базы цифровой трансформации включают:

2003 год – Указом Президента Республики Таджикистан №1174 от 5 ноября 2003 года была утверждена Государственная стратегия «Информационно-коммуникационные технологии для развития Таджикистана». Этот документ стал отправной точкой для интеграции цифровых технологий в управление и экономику.

2011 год – Постановлением Правительства Республики Таджикистан №643 от 30 декабря 2011 года была утверждена «Концепция формирования электронного правительства». Она направлена на использование цифровых технологий для повышения эффективности работы государственных органов и оказания государственных услуг.

2019 год - Постановлением Правительства Республики Таджикистан №642 была утверждена «Концепция цифровой экономики». Документ обозначил приоритетные направления и задачи в области цифровизации экономики страны.

2021 год - Постановлением Правительства Республики Таджикистан №460 от 26 октября 2021 года была принята «Среднесрочная программа развития цифровой экономики на 2021–2025 годы».

Также был издан Указ Президента Республики Таджикистан №147 от 3 апреля 2021 года, согласно которому создано Агентство инноваций и цифровых технологий при Президенте Республики Таджикистан.

2022 году был утвержден ряд ключевых постановлений в сфере цифровизации:

- Постановление №127 от 28 марта 2022 года «О перечне государственных услуг, оказываемых в электронной форме».
- Постановление №123 от 28 марта 2022 года «О правилах ведения реестра государственных услуг».
- Постановление №124 от 28 марта 2022 года «О правилах оптимизации и автоматизации государственных услуг».
- Постановление №126 от 28 марта 2022 года «О правилах взаимодействия Единого контактцентра по вопросам оказания государственных услуг с центральными и местными органами власти».
- Постановление №439 от 31 августа 2022 года «О концепции перехода на цифровое образование в Республике Таджикистан на период до 2042 года».

Особое значение для цифровой трансформации государственного управления имеет Указ Президента Республики Таджикистан №586 от 22 июня 2023 года «О мерах по расширению безналичных расчетов», согласно которому все оплачиваемые государственные услуги должны предоставляться исключительно в безналичной форме. Следует подчеркнуть, что в рамках реализации упомянутого указа Национальный банк Таджикистана в сотрудничестве с министерствами, ведомствами и финансово-кредитными организациями предпринимает практические меры. В результате население страны имеет возможность оплачивать государственные услуги через банковские счета, платежные карты, мобильные приложения и другие безналичные инструменты [2].

Кульминацией текущего этапа нормативно-правового регулирования стал Указ Президента Республики Таджикистан №1046 от 10 июля 2025 года «О вопросах предоставления государственных услуг в электронном виде».

Современный этап цифровой трансформации государственного управления в Таджикистане характеризуется запуском нескольких ключевых цифровых платформ, которые формируют инфраструктуру электронного правительства страны. Центральным элементом цифровой экосистемы государственных услуг является портал eHukumat.tj – единая цифровая платформа для подачи заявлений, получения справок и взаимодействия с государственными структурами.

Важным технологическим решением, обеспечивающим эффективность работы электронного правительства, стала система Smart Bridge — межведомственная информационная интеграционная платформа, запущенная Агентством инноваций и цифровых технологий. Эта технологическая платформа предназначена для облегчения взаимодействия между государственными органами и автоматизации обмена информацией при предоставлении государственных услуг.

Важным компонентом цифровой трансформации является внедрение систем электронного документооборота (ЭДО). Как сообщается, 11 марта 2026 года в Центре стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан состоялся обучающий семинар «Практические вопросы электронного документооборота», в ходе

которого «были рассмотрены вопросы, связанные с важностью перехода к единой системе электронного документооборота (ЭДО), а также изучен передовой мировой, региональный и национальный опыт в области внедрения цифрового правительства» [4].

В сфере образования внедрена система eDonish, к которой подключены все государственные и частные школы столицы. Система предоставляет доступ к электронным журналам и расписаниям, облегчая взаимодействие родителей и школ

Цифровая трансформация Таджикистана осуществляется не изолированно, а в контексте регионального и глобального сотрудничества. Значимым событием стало принятие в июле 2025 года Генеральной Ассамблеей ООН резолюции «Роль искусственного интеллекта в создании новых возможностей для устойчивого развития в Центральной Азии», предложенной по инициативе Таджикистана. Эта резолюция подтверждает стратегическую позицию страны на пути интеграции новых технологий и устойчивого развития на региональном и глобальном уровнях.

Несмотря на значительные достижения, процесс цифровой трансформации государственного управления в Таджикистане сталкивается с рядом системных проблем и вызовов.

Для продвижения цифровой экономики необходимо обеспечение населения высокоскоростным интернетом и улучшение телекоммуникационной инфраструктуры, включая реконструкцию междугородных волоконно-оптических линий и расширение международных каналов связи. Однако горный рельеф страны создает дополнительные сложности для развития широкополосного доступа.

Цифровая трансформация требует большого количества квалифицированных специалистов в области ИКТ. В рамках решения этой проблемы Агентством инноваций и цифровых технологий был разработан проект «Upskill 1.0: Повышение потенциала по искусственному интеллекту среди преподавателей и студентов университетов Таджикистана.

В Послании (от 2024) Президента парламенту страны поручено принять меры для создания правовой базы перехода к цифровой экономике и использованию искусственного интеллекта. Это свидетельствует о том, что существующая нормативная база требует дальнейшего совершенствования.

Таким образом объявление 2025–2030 годов «Годами развития цифровой экономики и инноваций» создает долгосрочный стратегический горизонт для цифровой трансформации в Таджикистане. В Послании Президента (от 2024) были определены семь основных направлений, которые станут фундаментом для построения цифровой экономики в стране: принятие нормативно-правовых актов; развитие цифровой инфраструктуры (включая внедрение технологий 5G); цифровизация государственных услуг; подготовка кадров; использование искусственного интеллекта; обеспечение кибербезопасности; поддержка цифрового предпринимательства. Согласно Концепции цифровой экономики, к концу 2040 года планируется получение существенных цифровых дивидендов, включая дополнительный рост ВВП на 1,5–2 процента, создание до 0,5 миллиона новых рабочих мест и рост качества жизни населения за счет существенной трансформации сферы услуг. Республика Таджикистан вступила в активную фазу цифровой трансформации государственного управления, ключевыми элементами которой стали запуск единого портала государственных услуг eHukumat.tj, внедрение межведомственной интеграционной системы Smart Bridge. Сформирована необходимая нормативно-правовая база, включающая Указ Президента №1046 от 10 июля 2025 года, который устанавливает правовые основы перехода на электронное предоставление государственных услуг и признает юридическую силу электронных документов.

Список литературы:

1. Постановление Правительства Республики Таджикистан №643 от 30.12.2011 «О Концепции формирования электронного правительства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://portali-huquqi.tj (дата обращения: 23.01.2026)
2. Постановление Правительства Республики Таджикистан №642 «О Концепции цифровой экономики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://portali-huquqi.tj (дата обращения: 23.01.2026)
3. Послание Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 28 дек 2024 г.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.tj/event/news/49237. (дата обращения: 23.01.2026)
4. Центр стратегических исследований провёл обучающий семинар по электронному документообороту [Электронный ресурс] // Маркази тадқиқоти стратегӣ назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. — 2026. — 11 марта. — Режим доступа: https://mts.tj/?p=3862&lang=ru (дата обращения: 23.01.2026)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК ИСТОЧНИК ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Мамадамонов Умед Мулкамонович
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: mamadamonov.umed@gmail.com

Ходжаев Джамолиддин Исматуллоевич
магистрант 1-го года обучения очного отделения программы подготовки международное право юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: ismatullo@mail.ru

INTERNATIONAL TREATY AS A SOURCE OF DOMESTIC LAW

Mamadamonov Umed Mulkamonovich
Candidate of Law, Associate Professor, Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
30 M. Tursunzade Street, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
Tel.: 227-39-86, email: mamadamonov.umed@gmail.com

Khodjaev Jamoliddin Ismatulloevich
first-year full-time master's student in the International Law
Preparatory Program at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Street, M.Tursunzade 30
tel.: 227-39-86, email: ismatullo@mail.ru

Аннотация. *В условиях глобализации и усиления межгосударственного взаимодействия международные договоры становятся не только инструментом регулирования внешних отношений, но и важнейшим источником внутригосударственного права. Их роль существенно возрастает в правовых системах государств, признающих приоритет международных норм или включающих их в национальную правовую систему. Проблема соотношения международного и национального права является одной из ключевых в юридической науке. Особое место в этой проблематике занимает вопрос о том, в какой мере международный договор может выступать источником внутреннего права, какие механизмы обеспечивают его действие внутри государства и какие ограничения существуют при его применении.*

Annotation. *In the context of globalization and increasing interstate interaction, international treaties are becoming not only a tool for regulating foreign relations but also a vital source of domestic law. Their role is significantly increasing in the legal systems of states that recognize the primacy of international norms or incorporate them into their national legal systems. The relationship between international and national law is a key issue in legal scholarship. A special place in this issue is occupied by the question of the extent to which an international treaty can serve as a source of domestic law, what mechanisms ensure its operation within the state and what restrictions exist in its application.*

Ключевые слова: Международный договор, источник, внутригосударственное право, имплементация, трансформация.
Key words: International treaty, source, domestic law, implementation, transformation.

Как один из основных источников международного права международный договор способствует развитию как международного права, так и имеет огромное влияние на развитие национального законодательства. Государства как основные субъекты международного права способствовали заключение большого количество международных договоров за последние десятилетие что очень позитивно повлияло на развитие торгово-экономических отношений. Принятие в рамках международных организаций международные договора способствовало процессу унификации правовых систем в различных областях как непосредственное условия соответствия национального законодательство государств-членов при вступлении в данные международные организации.

В силу большого значение международных договоров для международной системы данная отрасль была кодифицирована и в 1969 году была принята Венская конвенция о праве международных договоров которая внесла огромный вклад в вопросе регулирование международных договоров и их дальнейшей имплементации во внутреннее законодательства.

Особое значение при изучение международных договоров имеет также вопрос соотношение международного и внутригосударственного права.

Согласно С.Ю. Марочкину, источники международного права действуют совместно с источниками внутреннего права, «но не вливаются в общий массив» [2, 43]. В литературе указанные выводы были подвергнуты критике. Так, по утверждению В.А. Бублика, «тенденции современного гражданского законодательства России показали несостоятельность концепции раздельного (параллельного) существования норм внутреннего законодательства и норм международных договоров: попытки включения (“перемещения”) международно-правовых норм как в национальное право, так и в национальную правовую систему... не только оправданы или допустимы, но и необходимы, если речь идет о международных договорах частноправового характера: унификация национального гражданского законодательства является... необходимым условием интеграции России в мировое... сообщество» [1, 54].

С точки зрения Р.А. Мюллерсона, «признание международных договоров источником внутригосударственного права не соответствует объективному положению вещей и приводит к стиранию границы между международным и национальным правом» [3, 173].

Представляется верным утверждение А.И. Минакова: «Норма международного договора сама по себе не является нормой внутригосударственного права, однако это не означает, что она не может регулировать внутригосударственные отношения. Точно также норма иностранного права, не являясь частью отечественного права и выражая волю иностранного суверена, в определенных случаях, предусмотренных отечественным государством, регулирует такие отношения» [4, 238].

В юридической науке выделяются две основные концепции, объясняющие соотношение международного и национального права: монистическая и дуалистическая. В рамках монистической концепции международное и внутреннее право рассматриваются как элементы единой правовой системы, что позволяет международным договорам непосредственно действовать внутри государства. Дуалистическая концепция, напротив, исходит из самостоятельности этих систем и необходимости трансформации международных норм во внутреннее право.

Вопрос о признании международного договора источником внутригосударственного права является дискуссионным и зависит от понимания самого термина «источник права».
В формально-юридическом смысле источник права — это форма выражения правовых норм, придающая им общеобязательный характер. В этом контексте международный договор выступает источником права, поскольку содержит юридически обязательные нормы.

В материальном смысле источник права понимается как факторы, обусловливающие содержание правовых норм. Международные договоры в данном случае отражают согласованную волю государств и международные потребности регулирования.

В российской правовой доктрине международные договоры традиционно признаются источниками права, что подтверждается конституционными положениями и практикой

правоприменения.

Однако в научной литературе высказываются различные позиции:

- одни авторы рассматривают международный договор как самостоятельный источник права;
- другие считают его лишь основанием для возникновения норм внутреннего права;
- третьи придерживаются компромиссной позиции, признавая двойственную природу договора.

Таким образом, международный договор можно рассматривать как особый источник права, отличающийся от традиционных нормативных актов.

Включение международных договоров во внутреннюю правовую систему осуществляется посредством различных механизмов, которые обеспечивают их юридическую силу внутри государства.

Одним из таких механизмов является ратификация. Она представляет собой форму выражения согласия государства на обязательность договора и осуществляется высшим органом государственной власти. Ратификация придаёт договору статус, позволяющий применять его нормы во внутреннем праве.

Другим механизмом является официальное опубликование договора. Только после публикации он может применяться судами и иными органами.

Существенное значение имеет также имплементация, то есть процесс реализации норм международного договора во внутреннем праве. Она может осуществляться в различных формах:

- инкорпорация, при которой нормы договора включаются в национальное законодательство без изменений;
- трансформация, предполагающая переработку норм с учётом особенностей национальной правовой системы;
- отсылка, когда национальный акт прямо указывает на применение международного договора.

Выбор конкретного механизма зависит от содержания договора и особенностей правовой системы государства.

Одной из ключевых характеристик международного договора как источника внутригосударственного права является возможность его прямого действия. Это означает, что нормы договора могут применяться непосредственно, без принятия дополнительных внутренних актов.

Прямое действие возможно при соблюдении определённых условий. Во-первых, норма должна быть достаточно определённой и не требовать дополнительной конкретизации. Во-вторых, она должна быть адресована не только государствам, но и субъектам внутреннего права. В-третьих, её применение должно быть признано судебной практикой.

Примером таких норм являются положения, касающиеся прав и свобод человека. Они часто формулируются таким образом, что могут быть непосредственно применены судами.

В то же время значительная часть международных договоров содержит нормы, требующие имплементации. В таких случаях их применение возможно только после принятия соответствующих внутренних актов.

Международные договоры оказывают значительное влияние на развитие внутреннего законодательства. Они способствуют:

- унификации правовых норм;
- внедрению международных стандартов;
- совершенствованию правовых институтов.

Особенно заметно влияние в сфере прав человека, экономического регулирования и судебной системы.

Таким образом, международные договоры выступают не только источником права, но и фактором его развития.

Международный договор является важнейшим источником внутригосударственного права, обеспечивающим взаимодействие национальной правовой системы с международным правопорядком. Его значение определяется не только юридической обязательностью, но и способностью влиять на развитие законодательства и правоприменительной практики.

В Российской Федерации международные договоры обладают особым статусом, что закреплено на конституционном уровне. Они имеют приоритет над федеральными законами и могут применяться непосредственно.

В то же время их действие ограничено верховенством Конституции и государственными интересами. Это создаёт сложную, но гибкую систему взаимодействия международного и национального права.

Дальнейшее развитие данной сферы связано с поиском баланса между международными обязательствами и национальным суверенитетом.

Список литературы:

1. Бублик В.А. Гражданско-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации: проблемы теории, законотворчества и правоприменения. Екатеринбург, 2006.
2. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2002.
3. Мюллерсон Р.А. Международное публичное и международное частное право: соотношение и взаимодействие. М., 1986.
4. Минаков А.И. Международный договор как источник международного частного права (вопросы теории). М., 1987.

УНИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВ БРИКС В ОБЛАСТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

Мамадамонов Умед Мулкамонович
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: mamadamonov.umed@gmail.com

Чжан Тао
магистрант 1-го года обучения очного отделения программы подготовки международное право юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: + 86 178 80 21 47 74; e-mail: zhangtao@mail.ru

UNIFICATION OF THE LEGISLATION OF THE BRICS CONTRIES IN THE FIELD OF ELECTRONIC COMMERCE

Mamadamonov Umed Mulkamonovich
Candidate of Law, Associate Professor, Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavonic) University 30 M. Tursunzade Street, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
Tel.: 227-39-86, email: mamadamonov.umed@gmail.com

Zhang Tao
first-year full-time master's student in the International Law
Preparatory Program at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Street, M.Tursunzade 30
tel.: +86 178 80 21 47 74; email: zhangtao@mail.ru

Аннотация. *Унификация законодательства государств БРИКС в области электронной торговли представляет собой стратегически важное направление развития международного экономического и правового сотрудничества в условиях цифровой*

трансформации мировой экономики. Проведённый анализ показывает, что электронная торговля стала неотъемлемой частью глобальных хозяйственных процессов, а её эффективное функционирование напрямую зависит от согласованности правового регулирования на международном уровне. Страны БРИКС, обладая значительным экономическим, демографическим и технологическим потенциалом, формируют один из ключевых центров роста мировой цифровой экономики. Однако различия в национальных правовых системах, уровнях цифрового развития и подходах к регулированию существенно затрудняют развитие трансграничной электронной торговли между ними. В частности, выявлены существенные расхождения в правовом статусе электронных сделок, регулировании электронных платежей, защите персональных данных, налогообложении и обеспечении кибербезопасности.

Annotation. *The harmonization of BRICS countries' e-commerce legislation represents a strategically important area for the development of international economic and legal cooperation amid the digital transformation of the global economy. The analysis demonstrates that e-commerce has become an integral part of global economic processes, and its effective functioning directly depends on the consistency of legal regulation at the international level. The BRICS countries, with their significant economic, demographic, and technological potential, form one of the key growth centers of the global digital economy. However, differences in national legal systems, levels of digital development, and regulatory approaches significantly hinder the development of cross-border e-commerce among them. In particular, significant discrepancies have been identified in the legal status of electronic transactions, regulation of electronic payments, personal data protection, taxation, and cybersecurity.*

Ключевые слова: БРИКС, электронная торговля, унификация гармонизация, законодательство, международные организации.

Key words: BRICS, e-commerce, unification, harmonization, legislation, international organizations.

При создании БРИКС и формирование новых отношений между государства-участниками одной из непосредственных целей между странами ставились перспектива унификации национально-правовых законодательств в том числе в сфере электронной торговле. В период глобализации особое внимание уделяется вопросам регулирование электронной торговли и непосредственно создание эффективных международно-правовых институциональных основ для регулированный данного рода отношений в будущем. Формирование устойчивого законодательство в области регулирование электронной торговли государств-участников БРИКС поспособствовало непосредственно создание единой информационной базой, которая непосредственно в дальнейшем будет способствовать гармонизации и унификации национально-правовых систем в различных областях и в том числе электронной торговле.

В современном мире торговля является основой для сотрудничества государств и развития экономик многих стран. В силу развития технологий электронная торговля занимает особое место в рамках развития международно-правовых основ сотрудничества государств. Тенденция цифровизация национальных экономик также способствует развитию электронной торговли. Особую роль в развитие электронной торговли играют международные организации, которые непосредственно способствуют развитию международно-правовых основ электронной торговли. Пристальное внимание к данной форме международной торговли наблюдается как со стороны международных организаций, таких как Всемирная таможенная организация (ВТамО), Всемирная торговая организация (ВТО), БРИКС так и со стороны региональных объединений. Электронная торговля является одной из ключевых дискуссионных тем в рамах БРИКС. В 2017 году в целях более эффективной работы над этим вопросом была подписана «Инициатива БРИКС по сотрудничеству в области электронной торговли» и создана Рабочая группа БРИКС по электронной торговле. Рабочая группа координирует межгосударственное сотрудничество в данной сфере на основе результатов совместных исследований. Рабочая группа проводит периодические встречи с Контактной группой БРИКС по торгово-экономическим вопросам (CGETI), которые направлены на обмен информацией, подготовку «дорожных карт» сотрудничества и выработку соответствующих рекомендаций. Страны БРИКС отмечают необходимость в развитии электронной торговли, в том числе обсуждают возможность создания сети модельных электронных портов –

логистических хабов, которые будут способствовать ускорению процедур торговли и введению электронного таможенного документооборота [1, 16].

Усиление внимания к вопросам регулирования электронной торговли и сотрудничества в данной сфере, в том числе в рамках БРИКС14, произошло на фоне резко го роста объемов данного вида торговли, обусловленного пандемией коронавируса (COVID-19). Так, по данным компании ACI Worldwide, только в мае 2020 года объем транзакций электронной коммерции увеличился на 23 процента по сравнению с маем 2019 года. В результате пандемии и режима самоизоляции потребители стали все чаще совершать покупки через Интернет, использовать социальные сети, интернет-телефонию и телеконференции. При этом обострились некоторые проблемы, связанные с кибербезопасностью, манипулированием цен, обманной деловой практикой и т.д. Более того, стал увеличиваться цифровой разрыв между государствами. В связи с этим возникает необходимость более пристального изучения особенностей развития электронной торговли в странах БРИКС, и вы явления проблемных сфер и перспективных направлений в данной области, что является целью настоящего исследования. [2, 104].

Для осуществления электронной торговли в форме единой системы необходимо формирование унифицированного правопорядка, действующего в этой группе государств. Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика, имеющие разную историю и, в сущности, относящиеся к разным цивилизациям, должны будут решить множество непростых задач. Это значит, что встает вопрос об унификации законодательства государств, входящих в БРИКС. Этот вопрос непосредственно связан с членством этих государств в ВТО, и как было показано в предыдущей главе, правила ВТО могут способствовать унификации общих режимов внешнеторговой деятельности этих государств [4, 36]. Все государства БРИКС участвуют во Всемирной торговой организации, поэтому на них распространяются принципиальные положения международной торговли, установленные этой организацией и закрепленные в их законодательстве. В России это Закон о внешнеторговой деятельности, в котором определены правовые основы осуществления внешнеторговой деятельности и установлены со ответствующие принципы государственного регулирования. Руководство внешне экономической деятельностью поручено Правительству, в нем участвуют также не государственные организации — торгово-промышленные палаты. В качестве принципов государственного регулирования внешнеторговой деятельности установлены: а) защита государством прав и законных интересов участников внешнеторговой деятельности, а также прав и законных интересов российских производителей и потребителей товаров, и услуг; б) равенство и недискриминация участников внешнеторговой деятельности, если иное не предусмотрено федеральным законом; в) единство таможенной территории РФ; г) взаимность в отношении другого государства (группы государств); д) обеспечение выполнения обязательств РФ по международным договорам РФ и осуществление возникающих из этих договоров прав РФ; е) единство системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности; ж) единство применения методов государственного регулирования внешне торговой деятельности на всей территории РФ (ст. 4 Закона). В Китае в 2004 году вступил в силу Закон КНР 1994 г. «О внешней торговле» в новой редакции, целью которого объявлено расширение внешней открытости с целью стимулирования развития внешней торговли, поддержания должного порядка внешней торговли, защиты законных прав и интересов предпринимателей. Принципиальная цель Закона — поддержание социалистической рыночной экономики, стимулирование и развитие торговых отношений с другими государствами и регионами на принципах равенства и взаимной выгоды. Там же говорится о том, что КНР, руководствуясь международными договорами, которые государство заключило или участником которых является, предоставляет другим сторонам, либо участникам статус государства наибольшего благоприятствования, гражданские права и иные права, предусмотренные договором. В Индии основным является Акт «О развитии и регулировании внешней торговли» 1992 г. Закон предусматривает развитие и регулирование внешней торговли путем содействия импорту и увеличения экспорта. Согласно Закону, Правительство должно контролировать и содействовать внешней торговле посредством создания эффективной системы поощрения и регулирования внешней торговли. со ответствующие полномочия поручены Министерству торговли и промышленности. В качестве мер поощрения и эффективного регулирования названы: а) создание атмосферы доверия и транспарентности; б) упрощение процедур и

снижение операционных издержек; в) снижение налогов на ресурсы, используемые в производстве экспортной продукции; г) развитие Индии как глобального центра производства, торговли и услуг; е) содействие технологическому и инфраструктурному совершенствованию индийской экономики, особенно за счет импорта средств производства; ж) модернизация сетевой инфраструктуры внешнеэкономической деятельности в соответствии с международными стандартами. Внешнеторговое законодательство Южно-Африканской Республики основано на «Законе об администрации внешнеэкономической деятельности» 2002 г. Законом вводится национальный режим для иностранных поставщиков, то есть одинаковые юридические условия для иностранных и местных предпринимателей. Ограничения установлены только для участия иностранных граждан в банковско-финансовой деятельности). Примечательно, что Закон не предусматривает минимальный размер капитала организаций, кроме банковского и страхового бизнеса, создавая, таким образом, возможности для малого и среднего бизнеса. Вывоз при были и капитала не ограничен. Не установлены и ограничения на размеры компаний, принадлежащих иностранцам, за исключением банковско-финансового сектора. В Бразилии пока нет систематизированного законодательства о государственном регулировании внешнеэкономической деятельности. В этой сфере действует целый ряд федеральных законов и подзаконных нормативных актов, принятых различными государственными органами. Центральное место среди них занимает Внешнеторговая палата — «CAMEX», в состав которой входит ряд должностных лиц в ранге министра. В ее функции входит формулирование задач в области внешней торговли товарами и услугами, включая туризм, а также принятие соответствующих решений и координация деятельности по их выполнению. Таким образом, основополагающие законодательные акты государств-участников БРИКС отличаются разнообразием, но дальнейшее их совершенствование может производиться только согласно принципам и правилам ВТО, а потому их сближение неизбежно, даже при отсутствии целенаправленных усилий в этом направлении. Одно из основных положений права ВТО — обязательство обеспечения нормальной деловой практики и размеренно действующего рынка. К сожалению, государства-участники БРИКС, которые в основном находятся в переходном периоде и только занимаются налаживанием нормальной работы рынка, пока не могут обеспечить стабильность и предсказуемость. Для рынков этих государств характерны частые изменения и некоторая неопределенность [3, 197].

Без унификации, или по крайней мере, гармонизации законодательства в области борьбы с монополизмом не может быть нормальной деловой практики. К сожалению, при рассмотрении подходов государств-участников БРИКС к борьбе с монополизмом специалисты отмечают значительные расхождения.

Государства объединения БРИКС играют значительную роль в мировой экономике и демонстрируют устойчивый рост цифровых рынков. Однако различия в национальных правовых системах создают существенные барьеры для развития электронной торговли между этими странами. В этой связи особое значение приобретает унификация законодательства, направленная на формирование единых или согласованных правовых норм.

Унификация законодательства представляет собой процесс создания единообразных правовых норм, действующих на территории нескольких государств. В отличие от гармонизации, предполагающей лишь сближение законодательства, унификация направлена на достижение полной идентичности правового регулирования.

В условиях цифровой экономики унификация приобретает особое значение, поскольку электронная торговля по своей природе является трансграничной. Отсутствие единых правил приводит к возникновению правовой неопределённости, увеличению транзакционных издержек и снижению эффективности международного сотрудничества.

Для государств БРИКС унификация законодательства в сфере электронной торговли выступает инструментом:

- углубления экономической интеграции;
- повышения конкурентоспособности национальных экономик;
- создания благоприятной среды для бизнеса;
- защиты прав участников цифровых отношений.

Унификация законодательства государств БРИКС в области электронной торговли является важным направлением развития международного права и экономики. Она

способствует устранению правовых барьеров, повышению эффективности трансграничной торговли и укреплению экономических связей между странами.

Несмотря на существующие проблемы, процесс унификации имеет значительный потенциал и будет играть ключевую роль в формировании глобальной цифровой экономики.

Список литературы:

1. Ульянова Е. Электронная торговля в странах БРИКС - один из ключевых драйве ров экономического роста // НКИ БРИКС, 2018, URL: http://www.nkibrics.ru/posts/show/5b 4cdcd062726905316c0000
2. Захаров А.Н., Чехранова Т.А. Тенденции развития электронной тор говли в международной практике // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. - №6. С. 104.
3. Bhala R. International Trade Law: Interdisciplinary Theory and Practice. – 3rd edn. — Lexis Nexis Newark, 2008. — P. 234–237.
4. Wilson D., Purushothaman R. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 // Goldman Sachs. Global Econ. Paper. — 2003. — N 99.

ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИЙ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЁНКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Маматкулова Парвина Раджабалиевна
магистрантка 2-го года обучения дневного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 911 17 09 19e-mail: bonu.sangova@mail.ru

PROBLEMS OF CONFLICT OF LAW IN DETERMINING THE ORIGIN OF A CHILD IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Mamatqulova Parvina Rajabalievna
2 st year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992911 17 09 19, e-mail: bonu.sangova@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается проблемы коллизий при установлении происхождения ребёнка в международном частном праве. Анализируется различия национальных правовых систем в вопросах определения материнства и отцовства, а также влияние международных конвенций на защиту прав ребёнка. Особое внимание уделяется механизмам разрешения коллизионных ситуаций и обеспечению интересов ребёнка в трансграничных семейных отношениях.*

Annotation. *The article examines the problems of conflict of laws in determining the origin of a child in private international law. Particular attention is paid to differences in national legislation and the role of international legal instruments in protecting the right of the child in cross-border family relations.*

Ключевые слова: *международное частное право, происхождение ребёнка, коллизионные нормы, установление отцовства, семейное право, иностранный элемент, Конвенция о правах ребёнка, Кишинёвская конвенция.*

Keywords: *private international law, conflict of laws, origin of a child, establishment of paternity, family law, child rights.*

Установление происхождения ребёнка является фундаментальной категорией семейного права, так как на основании родства формируются личные и имущественные права ребёнка, включая право на воспитание, получение содержания, защиту со стороны родителей и возможность наследования (Конвенция о правах ребёнка, ст. 7). [3, 12]. В современных условиях международной мобильности семейное отношения часто осложнены иностранным

элементом: родители могут быть гражданами разных государств, ребёнок рожден за границей, а семья проживает в третьей стране. Такие ситуации создают коллизионные проблемы, когда одно и тоже правоотношение подпадает под действие законодательства нескольких государств одновременно [1, 102].

Коллизионные нормы международного частного права позволяют определить, право какого государства должно применяться для регулирования конкретного семейного отношения. При этом учитываются гражданство родителей, место рождения ребёнка, место заключения брака и место проживания семьи [6, с. 140]. На практике различия в национальном законодательстве создают правовые коллизии, особенно в вопросах установления отцовства. В одних государствах отцовство признается автоматически при браке родителей, в других требуется добровольное признание или судебное решение [2, 97]. Эти различия могут привести к тому, что ребёнок юридически имеет отца в одной стране, но не имеет его в другой, что ограничивает реализацию его прав на содержание и защиту [7, 210].

В Республики Таджикистан происхождение ребёнка от матери определяется на основании факта рождения, а происхождение ребёнка от отца устанавливает через брак родителей или судебное установление отцовства (Семейный кодекс РТ, ст. 49) [2, 37]. Когда присутствует иностранный элемент, необходимо определить, право какой страны будет применяться, особенно если родители имеют разные гражданства или место рождения ребёнка отличается. Международные договоры, включая Конвенцию о правах ребёнка и Кишиневскую конвенцию 2002 года, регулируют признание актов гражданского состояния и судебных решений между государствами, облегчая установление родства и защиту прав ребёнка [3, 15; 5. 193].

Современные репродуктивные технологии, такие как экстракорпоральное оплодотворение и суррогатное материнство, создают дополнительные коллизии. Законодательство различных государств по этим вопросам различается: в одних странах эти методы признаются и закрепляют родственные права родителей, в других нет. В результате ребёнок может юридически не иметь родителей в стране проживания, что ставит под угрозу реализацию его права. В таких случаях коллизионные нормы и международные конвенции становятся ключевыми инструментами для защиты прав ребёнка [8, 107].

Юридическое признание происхождения ребёнка требует комплексного анализа национального законодательства, международных стандартов и судебной практики. При этом приоритетом остаются интересы ребёнка, его право на семью, заботу, содержание и личное развитие. Эффективное решение коллизионных проблем возможно при гармонизации национального законодательства с международными стандартами, развитии сотрудничества между государствами и внимательном применении коллизионных норм [1, 250 6, 210].

Судебная практика показывает, что установление происхождения ребёнка с иностранным элементом требует внимательного рассмотрения каждого конкретного случая. Например, если один из родителей является иностранным гражданином, а ребёнок родился на территории Республики Таджикистан, суды должны учитывать положения Семейного кодекса РТ, нормы международных конвенций и правовые стандарты государства гражданства второго родителя [7, 225]. Несоблюдение этих норм может привести к ущемлению прав ребёнка и созданию ситуации правовой неопределённости.

Особое внимание следует уделять коллизиям, возникающим при признании суррогатного материнства, поскольку законодательство Республики Таджикистан не содержит прямых норм о суррогатном материнстве, в то время как законодательство других стран признается такие отношения. Кишиневская конвенция 2002 года позволяет наладить взаимодействие между государствами и признание юридических актов, что облегчает разрешение подобных конфликтов [5, 193].

Следует отметить, что в международном частном праве особое значение имеет вопрос признания решений иностранных судов по делам об установлении происхождения ребёнка. В современных условиях миграции населения и увеличения количества международных браков подобные ситуации встречаются все чаще. Если решение суда об установлении отцовства вынесено в одном государстве, возникает необходимость его признания на территории другого государства. Без такого признания ребёнок может столкнуться с серьёзными правовыми трудностями, включая невозможность реализации права на содержание, наследование или получение гражданства [4, 215].

Законодательство многих государств предусматривает специальные процедуры признания и исполнения иностранных судебных решений. В государствах-участниках Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года такие решения признаются на основании принципа взаимного сотрудничества. Конвенция устанавливает, что судебные решения по семейным делам, включая вопросы установления происхождения ребёнка, признаются на территории других государств-участников без повторного рассмотрения дела по существу (Кишиневская конвенция ст. 52) [2, 198].

Важным аспектом является также защита прав ребёнка при рассмотрении дел об установлении происхождения. Международное право исходит из принципа приоритета интересов ребёнка. Этот принцип закреплен в Конвенции о правах ребёнка, согласно которой во всех действиях государственных органов главным должно быть обеспечение наилучших интересов ребёнка (Конвенция о правах ребёнка, ст. 3) [3, 18]. Поэтому при разрешении коллизионных ситуаций суды должны учитывать не только формальные нормы права, но и реальные интересы ребёнка.

Кроме того, коллизионные проблемы могут возникать в связи с различиями в правовом статусе детей, рожденных в браке и вне брака. В некоторых правовых системах такие различия сохраняются, тогда как в других государствах законодательство полностью уравнивает права всех детей независимо от обстоятельств их рождения. Международное права постепенно формирует еденный подход, основанный на принципе недопустимости дискриминации детей. Это положение также закреплено в международных актах о защите прав человека и направлено на обеспечение равных прав для всех детей [7, 184].

Международное право постепенно закрепило принцип равенства детей независимо от обстоятельств их рождения. Важным актом в данной сфере является Европейская конвенция о правовом статусе внебрачных детей 1975 года, которая устанавливает равные права детей, рожденных в браке и вне брака, включая право на установление отцовства и получение содержания от родителей.

Вопросы коллизионного регулирования при установлении происхождения ребёнка также связаны с проблемой признания документов органов записи актов гражданского состояния, выданных в другом государстве. В международной практике нередко возникают ситуации, когда свидетельство о рождении ребёнка, выданное в одном государстве, должно быть представлено в другом государстве для подтверждение юридических фактов. В таких случаях возникает необходимость признания юридической силы иностранного документа. Если государство не признает такой документ автоматически, требуется прохождение процедуры легализации или проставления апостиля, что может существенно усложнить реализацию прав ребёнка [9, 221].

Особую роль в данной сфере играют международные соглашения о правовой помощи. Они направлены на упрощение процедуры признания документов и судебных решений между государствами. Например, Кишиневская конвенция 2002 года предусматривает, что документы, выданные компетентными органами одного государства-участников, принимаются на территории другого государства без необходимости дополнительного подтверждения их подлинности. Это положение имеет важное значение для подтверждения происхождения ребёнка и признания родительских прав в трансграничных семейных отношениях (кишиневская конвенция, ст. 13) [10, 200].

Следует также отметить, что коллизионные проблемы могут возникать в связи с различиями в правовом регулировании установления отцовства. В некоторых государствах законодательство допускает установление отцовства исключительно в судебном порядке, тогда как в других станах допускается более упрощенная процедура добровольного признания отцовства через органы регистрации актов гражданского состояния. Эти различия могут приводить к тому, что юридические действие, совершенные в одном государстве, требует дополнительного подтверждения в другом государстве [5, 183].

Международное право стремиться минимизировать подобные противоречия путём развития единых принципов защиты прав ребёнка. Одним из таких принципов является обеспечение права ребёнка на установление своего происхождения и на получение родительской заботы. Данный принцип закреплен в Конвенции о правах ребёнка, которая подчеркивает необходимость создания эффективных правовых механизмов для

установления родственных отношений и защиты интересов ребёнка (Конвенция о правах ребёнка, ст. 7) [11, 19].

Эффективное регулирование коллизионных вопросов невозможно без активного применения международных норм и судебной практики, направленных на защиту интересов ребёнка. Признание родственных отношений должно обеспечивать ребёнка полноценную юридическую связь с обоими родителями и возможность реализации всех законных прав.

Таким образом, коллизионные нормы международного частного права выполняют важную координацию функцию. Они позволяют определить применимое право, обеспечивать признание документов и судебных решений, а также гарантировать защиту прав ребёнка, в условиях международных семейных отношений. Развитие международного сотрудничества в данной сфере способствует укреплению правовой определенности и повышению эффективности механизмов защиты интересов ребёнка.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. (ред. от 2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 17.01.2026г).
2. Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 2002г. . [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 25.01.2026г).
3. Богуславский В. П. Международное частное право: учебник.-М.: Норма, 2019. – 640 С.
4. Джураева М.И. Проблемы правового положения внебрачных детей в современном таджикской законодательстве // Молодой ученый. – 2024. - №8.- С. 33
5. Козлов А.П. Международное частное право: учебник. М.: Юрист, 2017.С.

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УСТАНОВЛЕНИЯ ОТЦОВСТВА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИТСАН

Маматкулова Парвина Раджабалиевна
магистрантка 2-го года обучения дневного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 911 17 09 19e-mail: bonu.sangova@mail.ru

EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF ESTABLISHING PATERNITY IN THE FAMILY LAW OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Mamatqulova Parvina Rajabalievna
2 st year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 55-601-08-80, e-mail: bonu.sangova@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается развитие института установления отцовства в семейном праве Республики Таджикистан. Анализируются основные этапы формирования правового регулирования происхождения детей начиная с традиционных норм и советского периода и заканчивая современным семейным законодательством. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав ребёнка и юридическим механизмам установления отцовства.*

Annotation. *This article examines the evolution of the institution of establishing paternity in the family law of the Republic of Tajikistan from 1924 to 2026. It analyzes the development of legal regulation and the influence of international legal standards on the protection of children rights.*

Ключевые слова: *установление отцовства, происхождение ребёнка, семейное право, права ребёнка, семейное законодательство, Республики Таджикистан.*

Keywords: *paternity establishment, family law, Republic of Tajikistan, origin of a child, children born in wedlock, child rights.*

Институт установления отцовства занимает важное место в системе семейного права. Его значение определяется тем, что именно на основании установления происхождения ребёнка возникают права и обязанности родителей по отношению к детям. Установление юридической связи между ребёнком и его родителями имеет большое значение для обеспечения прав ребёнка, включая право на воспитание, содержание и наследование [7,65].

Проблема происхождения ребёнка и определения родительских прав имеет не только юридическое, но и социальное значение. Семья является важнейшим институтом общества, а отношения между родителями и детьми составляют основу семейных отношений. Именно поэтому законодательства большинства государств уделяет особое внимание регулированию вопросов установления отцовства.

Историческое развитие института установления отцовства в Таджикистане связано с изменениями в правовой системе государства. В разные исторические периоды регулирование семейных отношений осуществлялось на основе различных правовых источников, включая нормы обычного права, религиозные нормы и государственное законодательство.

До установления советской власти семейные отношения на территории современного Таджикистана регулировались главным образом нормами мусульманского права и традиционными обычаями. В рамках исламского права происхождение ребёнка определялось на основании брака между мужчиной. Ребёнок, рожденный в законном браке, автоматически признавался ребёнком мужа матери. Такая правовая конституция обеспечивала стабильность семейных отношений и защищала интересы ребёнка [5,231].

Вместе с тем дети, рожденные вне брака, в традиционном обществе нередко сталкивались с ограничениями в правовом положении. Это было связано с тем, что основным основанием признания родства считался законным брак между родителями. В связи с этим установление отцовства вне брака было затруднено.

Существенные изменения в регулировании семейных отношений произошли после установления советской власти и образования Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики. Советское законодательство стремилось реформировать семейные отношения и установить равенство прав мужчин и женщин, а также обеспечить защиту прав детей независимо от обстоятельств их рождения.

Важную роль в развитии семейного законодательства сыграл Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 года, который был принят в РФСР и распространялся на союзные республики. Данный нормативный акт закрепил принцип равенства детей, рожденных в браке и вне брака. Это положение стало важным шагом в развитии института установления отцовства и защите прав ребёнка.

В соответствии с этим кодексом установление отцовства могло осуществляться как на основании признания отцовства самим мужчиной, так в судебном порядке. Суд мог установить отцовство на основании различных доказательств, включая свидетельские показания и фактические отношения между родителями ребёнка.

Следующим важным этапом развития семейного законодательства стал период принятия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 года. Этот нормативный акт закрепил более детальное регулирование вопросов происхождения детей и установления отцовства. Законодательство предусматривало возможность установления отцовства в судебном порядке, если родители ребёнка не состояли в зарегистрированном браке [6,148].

В советский период государство стремилось обеспечить равенство прав всех детей независимо от того, рождены они в браке или вне брака. Такой подход был направлен на устранение дискриминации и усиление социальной защиты детей.

После распада Советского союза и обретения независимости Республики Таджикистан начала формирование собственной национальной правовой системы. Одним из важнейшим направлений правовой реформы стало развитие семейного законодательства.

В Конституции Республики Таджикистан закреплено положение о том семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства (Конституции РТ, ст.

34) [1]. Данная конституционная норма определяет общий принцип государственной политики в сфере семейных отношений.

Основным нормативным актом, регулирующим семейные отношения в современной правовой системе Таджикистана, является Семейный кодекс Республики Таджикистан. В данном кодексе содержатся нормы, регулирующие вопросы происхождения детей и установления отцовства.

Согласно положениям семейного законодательства происхождение ребёнка от матери устанавливается на основании факта рождения ребёнка женщиной. В свою очередь происхождение ребёнка от отца определяется на основании в установленном законом порядке (Семейные кодекс РТ, ст.49) [2].

Современное законодательство предусматривает несколько способов установления отцовства. Первый способ связан с презумпцией отцовства. Если ребёнком рождается в зарегистрированном браке, то супруг матери автоматически признается отцом ребёнка. Такая правовая презумпция направлена на обеспечение стабильности семейных отношений.

Второй способ установления отцовства осуществляется на основании совместного заявления родителей ребёнка в органах записи актов гражданского состояния. В этом случае мужчина добровольно признает свое отцовство, что фиксируется в официальных документах (Семейный кодекс РТ, ст.50) [2].

Третий способ связан с установлением отцовства в судебном порядке. Данный механизм применяется в тех случаях, когда между родителями ребёнка отсутствует согласие относительно признания отцовства. Суд рассматривает представленные доказательства и принимает решение об установлении или отказе в установлении отцовства.

Современная судебная практика также использует достижения науки и техники. Одним из наиболее надежных способов установления биологического происхождения ребёнка является генетическая экспертиза. Использование ДНК-анализа значительно повышает точность установления отцовства.

Особое значение в развитии института установления отцовства имеют международные правовые акты. Республики Таджикистан является участником Конвенции о правах ребёнка, которая, закрепляет право ребёнка знать своих родителей и получать от них заботу (Конвенция о правах ребёнка, ст.7) [3]. Эти положения оказывают влияние на формирование национального законодательства и судебной практики.

Современное семейное право Республики Таджикистан направлено на обеспечение равенства прав всех детей. Законодательство стремится исключить любые формы дискриминации по признаку происхождения ребёнка и обеспечить защиту его законных интересов (Конвенция о правах ребёнка, ст.2).

Дальнейшее развитие института установления отцовства в семейном праве Республики Таджикистан происходило в условиях постепенной интеграции национального законодательства в систему международных правовых стандартов. В конце XX – начале XXI века особое значение приобрело признание прав ребёнка на международном уровне, что оказало заметное влияние на формирование современной модели семейного права.

Одним из важнейших международных актов, оказавших влияние на развитие законодательства, стала Конвенции о правах ребёнка 1989 года, закрепившая право каждого ребёнка знать своих родителей и получать их заботу (Конвенция о правах ребёнка, ст.7). Данный принцип стал фундаментальным ориентиром для государств при формировании норм, регулирующих установление происхождения ребёнка. В результате в национальном законодательстве все большее внимание стало уделяться защите интересов ребёнка и обеспечению его прав независимо от обстоятельств рождения [7, 34].

Кроме того, международное сообщество выработало специальные правовые механизмы, направленные на защиту прав детей, рожденных вне брака. Важным документом в данной сфере является Европейская конвенция о правовом статусе детей, рожденных вне брака 1975 года, которая закрепляет принцип равенства детей и предусматривает обязанность государств обеспечивать возможность установления происхождения ребёнка и получение им содержания от родителей(Европейская конвенция о правовом статусе детей, рожденных вне брака 1975 года). Несмотря на то что данная конвенция принята в рамках Совета Европы, её положения оказали значительное влияние на развитие семейного законодательства многих государств и способствовали формированию современного подхода к защите прав детей.

Для государств постсоветского пространства важную роль сыграла Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года. Эта конвенция направлена на развитие сотрудничества между государствами в сфере признания документов органов записи актов гражданского состояния и судебных решений. В частности, конвенция предусматривает взаимное признание документов, подтверждающих происхождение ребёнка, что имеет большое значение для защиты прав детей и родителей в случаях перемещения между государствами (Кишиневская конвенция, ст.26) [9, 193].

Под влиянием международных правовых актов семейное законодательства Республики Таджикистан постепенно совершенствовалось. Современные нормы современного права закрепляют равенства прав детей независимо от того, родились ли они в браке или вне брака. Такой подход соответствует общепризнанным международным принципам защиты прав ребёнка и отражает гуманистическую направленность современного законодательства.

Важным элементом современного этапа развития института установления отцовства является усиление роли судебной практики и органонов записи актов гражданского состояния. Законодательства Республики Таджикистан предусматривает, что установление происхождения ребёнка отцовства, так и через судебное решение в случаях, когда добровольное признание отсутствует или вызывает споры (Семейный кодекс РТ, ст.49) [11, 42]. Такая комплексная система позволяет эффективно защищать права ребёнка и одновременно учитывать интересы родителей.

Международное влияние в этой сфере также проявляется через гармонизацию национального законодательства с универсальными стандартами. В частности, принципа Конвенции о правах ребёнка и Европейского конвенции о правовом статусе детей, рожденных вне брака, закрепил, что дети имеют равные права независимо от обстоятельств рождения. Это привело к внесению изменений в национальные нормы, обеспечивающих юридическую защиту всех детей на равных основаниях. Таким образом, международное право стало ориентиром для совершенствования национального законодательства и создания единых стандартов защиты интересов ребёнка [12, 115].

Особое значение современного регулирования установления отцовства проявляется в вопросах наследственных и имущественных прав ребёнка. Законодательства Республики Таджикистан закрепляет, что ребёнок, происхождение которого установлено официально, имеет равные права на наследство независимо от того, родился он в браке или вне брака (Гражданский кодекс РТ, ст.1073) [13, 219]. Это положение отражает гуманистическую и справедливую направленность современного семейного права и способствует укреплению социальной защиты детей.

В научной литературе отмечается, что институт установления отцовства играет важную роль в обеспечении прав ребёнка и укреплении семейных отношений. Он способствует формированию юридической ответственности родителей и обеспечивает реализацию принципа защиты интересов ребёнка [8,109].

Таким образом, эволюция института установления отцовства в семейном праве Республики Таджикистан прошла длительный путь развития. От традиционных норм религиозного и обычного права до современного законодательства сформировалась система правовых механизмов, направленных на защиту интересов ребёнка и обеспечение стабильности семейных отношений.

Современное семейное законодательство Республики Таджикистан продолжает развиваться, учитывая международные стандарты защиты прав человека и права ребёнка. Дальнейшее совершенствование правового регулирования в данной сфере будет способствовать укреплению института семьи и обеспечению эффективной защиты прав детей.

Список литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (ред. с изм. и доп. По состояния на 2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 17.01.2026г).
2. Конвенция о правах ребёнка от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 21.01.2026г).

3. Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 2002г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 25.01.2026г).
4. Сафарова Б.Х. Историческое развитие семейного права в Таджикистане. – Душанбе: Ирфон, 2018. – 244 С.
5. Джураева М.И. Проблемы правового положения внебрачных детей в современном таджикской законодательстве // Молодой ученый. – 2024. - №8.- С. 33
6. Антакольская М. В. Семейное право: учебник. – М.: Норма, 2016. – С. 198.
7. Богуславский В. П. Международное частное право: учебник.-М.: Норма, 2019. – 640 С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВИЛ ЦИМ И СМГС

Махмадкулова Зарнигор Усмоновна
магистрантка 1-го года обучения дневного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 55-601-08-80, e-mail: zarnigormahmadkulova8@gmail.ru

LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL RAIL CARRIAGE OF FREIGHT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CIM AND SMGS RULES

Mahmadkulova Zarnigor Usmonovna
1st year master's student of the full-time department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: (+992) 55-601-08-80, e-mail: zarnigormahmadkulova8@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности международно-правового регулирования железнодорожных перевозок грузов на основе Правил ЦИМ (КОТИФ) и Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС). Анализируются условия применения указанных актов, правовая природа договора перевозки, ответственность перевозчика, а также коллизионные привязки. Особое внимание уделено сравнительному анализу данных правовых режимов.

Annotation. This article examines the specifics of international legal regulation of freight transportation by rail based on the CIM (COTIF) Rules and the Agreement on International Freight Traffic by Rail (SMGS). It analyzes the conditions for the application of these regulations, the legal nature of the contract of carriage, the carrier's liability, and conflicts of laws. Particular attention is paid to a comparative analysis of these legal regimes.

***Ключевые слова*:** международные перевозки, железнодорожное право, ЦИМ, СМГС, КОТИФ, договор перевозки, ответственность перевозчика, коллизионные нормы.

***Key words**:* international transport, railway law, CIM, SMGS, COTIF, contract of carriage, carrier liability, conflict of laws rules.

Международные железнодорожные перевозки грузов играют важную роль в обеспечении внешнеэкономической деятельности государств. Их правовое регулирование осуществляется на основе международных соглашений, среди которых ключевое значение имеют Правила ЦИМ, являющиеся частью КОТИФ, а также Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС). Несмотря на общую направленность на унификацию перевозочного процесса, указанные акты имеют ряд существенных различий.

Правила ЦИМ включили в себя большинство ранее действовавших норм МГК с определенными изменениями и уточнениями. Они применяются к договорам перевозки грузов за плату при условии, что пункты отправления и назначения находятся в разных государствах — участниках КОТИФ либо если хотя бы одно из них является участником, а стороны согласовали применение данных Правил [1].

Договор перевозки предполагает обязанность перевозчика доставить груз в пункт назначения и выдать его получателю. Он подтверждается накладной установленного образца, которая, однако, не обладает свойствами коносамента.

Перевозчик несет ответственность за утрату, повреждение груза и просрочку доставки с момента принятия груза до его выдачи. Освобождение от ответственности допускается при наличии обстоятельств, не зависящих от перевозчика, включая свойства груза или действия правомочного лица[3,41].

Особое значение имеет правило о солидарной ответственности перевозчиков при последовательной перевозке, а также возможность привлечения фактического перевозчика.

Размер возмещения ограничен и рассчитывается исходя из стоимости груза, но не превышает установленного лимита в расчетных единицах (СДР).

СМГС регулирует перевозки грузов в прямом международном железнодорожном сообщении между государствами-участниками и имеет обязательную силу для всех участников перевозочного процесса.

Договор перевозки оформляется накладной единого образца, которая выполняет функцию товарораспорядительного документа. Допускается использование электронной накладной [2, 306].

Ответственность перевозчика строится на принципе презюмируемой вины: перевозчик освобождается от ответственности только при доказанности наличия обстоятельств непреодолимого характера. В отличие от ЦИМ, размер ответственности определяется действительной стоимостью груза либо объявленной ценностью.

Существенной особенностью СМГС является обязательный претензионный порядок урегулирования споров, что подчеркивает его процедурную специфику [5, 7].

Оба акта содержат специальные коллизионные нормы. В частности, применяется право страны отправления, следования и назначения груза в зависимости от регулируемого вопроса.

Вместе с тем, как в ЦИМ, так и в СМГС закреплена общая коллизионная норма, предусматривающая применение внутреннего законодательства соответствующего государства при отсутствии необходимых положений в международном акте. В научной литературе такая норма часто рассматривается как отсылка к закону суда или закону следования груза [4, 13].

Сравнительный анализ Правил ЦИМ и СМГС показывает, что, несмотря на общую цель унификации правового регулирования международных железнодорожных перевозок, данные акты имеют существенные различия. Они проявляются в подходах к ответственности перевозчика, определению размера возмещения, а также в процессуальных аспектах, включая претензионный порядок.

В современных условиях важным направлением развития является сближение правовых режимов ЦИМ и СМГС, что позволит повысить эффективность международных перевозок и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Список литературы:

1. § 1-2 ст. 30 Приложения В к Конвенция о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) 1980 г. (заключена в г. Берне, 09.05.1980г.) // [Электронный доступ]: СПС Консультант Плюс.
2. Борисов В.Н., Власова Н.В., Доронина Н.Г. Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография. 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Н.Г. Доронина, И.О. Хлестова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М, 2014. – 359 с.
3. Канашевский В.А. Регулирование международных железнодорожных перевозок грузов: международные соглашения в российской судебной практике // Закон. 2008. N 7. С. 41-47.
4. Касаткина А.С. Современное правовое регулирование международных железнодорожных перевозок пассажиров и багажа // Туризм: право и экономика. 2013. N 4. С. 13-18.
5. Остроумов Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок: Монография. М.: Статут, 2015. -187 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Назаров Аваз Кувватович
доктор юридических наук, профессор кафедрой международного права и сравнительного правоведения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: avazjonn@mail.ru

Сангова Дарья
магистрант юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2273986, e-mail: www.darya.san.ru@mail.ru

LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS OF SPOUSES WITH A FOREIGN ELEMENT

Nazarov Avaz Kuvvatovich
Doctor of law, professor international law and comparative law faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227-39-86, email: avazjonn@mail.ru

Sangova Darya
Graduate student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 2273986, e-mail: www.darya.san.ru@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности правового регулирования имущественных отношений супругов с иностранным элементом в международном частном праве. Анализируются основные коллизионные принципы, применяемые при определении права, регулирующего имущественные отношения супругов, включая принцип личного закона супругов, закон места их совместного проживания и автономию воли сторон. Особое внимание уделяется проблемам выбора применимого права, заключения брачных договоров и признания имущественных прав супругов в различных государствах. Подчеркивается необходимость совершенствования международно-правового регулирования и гармонизации национального законодательства в сфере семейных имущественных отношений.*

Annotation. *The article examines the peculiarities of legal regulation of property relations of spouses with a foreign element in private international law. The main conflict-of-law principles used to determine the applicable law governing property relations of spouses are analyzed, including the personal law of spouses, the law of their common residence and the principle of party autonomy. Particular attention is paid to the problems of choosing the applicable law, concluding marital agreements and recognizing spouses' property rights in different states. The need to improve international legal regulation and harmonize national legislation in the sphere of family property relations is emphasized.*

Ключевые слова: *международное частное право, имущественные отношения супругов, иностранный элемент, брачный договор, коллизионные нормы, применимое право, семейное право.*

Keywords: *private international law, property relations of spouses, foreign element, marriage contract, conflict of laws, applicable law, family law*.

Развитие международных контактов, рост миграционных процессов и увеличение числа браков между гражданами различных государств приводят к возникновению семейных

отношений, осложнённых иностранным элементом. В таких случаях особую значимость приобретают вопросы правового регулирования имущественных отношений супругов, поскольку они могут затрагивать правовые системы нескольких государств.

Имущественные отношения супругов включают широкий круг вопросов, связанных с режимом собственности супругов, распределением имущества, заключением брачных договоров и ответственностью по обязательствам. При наличии иностранного элемента возникает необходимость определения применимого права, регулирующего данные отношения.

Международное частное право вырабатывает специальные коллизионные нормы, направленные на разрешение подобных ситуаций и обеспечение правовой определённости в имущественных отношениях супругов.

Иностранный элемент в семейных имущественных отношениях может проявляться в различных формах. Он возникает в тех случаях, когда отношения супругов связаны с правовыми системами разных государств.

К основным видам иностранного элемента относятся:

- различное гражданство супругов;
- проживание супругов на территории иностранного государства;
- заключение брака за пределами государства гражданства;
- наличие имущества супругов в различных государствах.

Наличие иностранного элемента приводит к возникновению коллизии правовых норм, поскольку различные государства могут по-разному регулировать имущественные отношения супругов.

Для разрешения коллизий законодательства в международном частном праве используются специальные коллизионные привязки, позволяющие определить право, подлежащее применению к имущественным отношениям супругов.

Одним из наиболее распространённых принципов является **личный закон супругов (lex personalis)**. Согласно данному принципу, имущественные отношения супругов регулируются правом государства их гражданства.

Другим важным принципом является **закон места совместного проживания супругов (lex domicilii)**. В соответствии с этим принципом имущественные отношения супругов могут регулироваться правом государства, в котором они постоянно проживают.

В некоторых случаях применяется также **принцип автономии воли сторон**, который позволяет супругам самостоятельно выбрать право, регулирующее их имущественные отношения. Данный принцип наиболее часто реализуется посредством заключения брачного договора.

В современных условиях всё более широкое распространение получает практика заключения брачных договоров. Брачный договор представляет собой соглашение супругов, определяющее режим их имущества, а также права и обязанности супругов в отношении собственности.

В международных браках брачный договор приобретает особое значение, поскольку он позволяет заранее определить применимое право и урегулировать имущественные отношения супругов.

Однако на практике могут возникать проблемы признания брачных договоров в различных государствах. Некоторые правовые системы предусматривают строгие требования к форме и содержанию таких договоров, что может приводить к возникновению коллизий.

Одной из основных проблем международного частного права в данной сфере является различие в национальных правовых режимах имущества супругов. В одних государствах действует режим совместной собственности супругов, в других — режим раздельной собственности.

Такие различия могут приводить к значительным трудностям при разделе имущества супругов, особенно если имущество находится в разных государствах.

Кроме того, проблемы могут возникать при определении юрисдикции судов, рассматривающих споры между супругами, а также при признании судебных решений иностранных государств.

Важное значение также имеют вопросы защиты прав третьих лиц, например кредиторов супругов, поскольку имущественные отношения супругов могут затрагивать интересы других участников гражданского оборота.

Для эффективного регулирования имущественных отношений супругов с иностранным элементом большое значение имеет развитие международного сотрудничества государств. Это может осуществляться посредством заключения международных договоров и унификации правовых норм.

Важную роль играет также развитие судебной практики и сотрудничество между национальными правовыми системами. Формирование единых подходов к решению коллизионных вопросов способствует повышению правовой определённости и защите прав участников семейных отношений.

Таким образом, имущественные отношения супругов с иностранным элементом представляют собой сложную категорию международного частного права, требующую применения специальных коллизионных норм. Наличие иностранного элемента приводит к необходимости определения применимого права и может вызывать различные правовые сложности.

В целях эффективного регулирования таких отношений особое значение имеют коллизионные принципы, позволяющие определить право, подлежащее применению к имущественным отношениям супругов. Важную роль играет также институт брачного договора, который позволяет супругам самостоятельно регулировать свои имущественные отношения.

Совершенствование международно-правового регулирования и гармонизация национальных правовых систем в данной сфере будут способствовать повышению эффективности защиты прав супругов и обеспечению стабильности семейных имущественных отношений.

Список литературы:

1. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. – М.: Норма, 2019. – 704 с.
2. Лунц Л. А. Курс международного частного права. – М.: Спарк, 2002. – 1008 с.
3. Нечаева А. М. Семейное право: учебник. – М.: Юрайт, 2020. – 352 с.
4. Кабатова Е. В. Международное частное право: учебник. – М.: Юрайт, 2018. – 464 с.

КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Назаров Аваз Кувватович
доктор юридических наук, профессор кафедрой международного права и сравнительного правоведения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: avazjonn@mail.ru

Сангова Дарья
магистрант юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: 2273986, e-mail: www.darya.san.ru@mail.ru

CONFLICT-OF-LAW REGULATION OF FAMILY RELATIONS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Nazarov Avaz Kuvvatovich
Doctor of law, professor international law and comparative law faculty of law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227-39-86, email: avazjonn@mail.ru

Sangova Darya
Graduate student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Tel.: 2273986; e-mail: www.darya.san.ru@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуются особенности коллизионно-правового регулирования семейных отношений в международном частном праве. Рассматриваются основные виды иностранного элемента, анализируются коллизионные привязки, применяемые для определения применимого права, а также выявляются проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделяется вопросам брака, развода и родительских правоотношений.*

Annotation. *The article examines the features of conflict-of-law regulation of family relations in private international law. The main types of foreign element and conflict-of-law connecting factors are analyzed, as well as problems of law enforcement practice. Particular attention is paid to marriage, divorce and parental relations.*

Ключевые слова: *международное частное право, семейные отношения, иностранный элемент, коллизионные нормы, применимое право, брак, развод, родительские права.*

Keywords: *private international law, family relations, foreign element, conflict of laws, applicable law, marriage, divorce, parental rights.*

Современное развитие международных отношений, активизация миграционных процессов и рост числа трансграничных браков обусловливают повышение значимости коллизионно-правового регулирования семейных отношений. В условиях взаимодействия различных правовых систем возникает необходимость определения применимого права, регулирующего конкретные семейные правоотношения [1].

Семейные отношения, осложнённые иностранным элементом, характеризуются наличием связи с правопорядками нескольких государств. Иностранный элемент может выражаться в гражданстве участников правоотношения, их месте жительства, месте заключения брака либо нахождении объекта правоотношения за пределами одного государства.

Основной функцией международного частного права является преодоление коллизий национальных правовых систем посредством установления соответствующих коллизионных норм. Эти нормы не регулируют непосредственно семейные отношения, а лишь указывают на право, подлежащее применению.

Одной из важнейших коллизионных привязок является личный закон физического лица (lex personalis), который в большинстве правовых систем определяется через гражданство. Данный принцип широко применяется при регулировании вопросов брачной правоспособности и дееспособности.

Наряду с этим значительное распространение получил принцип закона места жительства (lex domicilii), который отражает фактическую связь лица с определённой правовой системой. В ряде случаев он применяется как альтернатива или дополнение к личному закону.

При заключении брака важную роль играет принцип закона места его совершения (lex loci celebrationis), в соответствии с которым форма брака определяется правом государства, на территории которого он заключён. В то же время материальные условия вступления в брак могут подчиняться личному закону каждого из супругов [1, 47].

Особое место занимает коллизионное регулирование расторжения брака. Различия в основаниях и процедурах развода в национальных правовых системах могут приводить к возникновению ситуации «хромающего брака», при которой расторжение брака признаётся в одном государстве и не признаётся в другом.

В сфере личных неимущественных и имущественных отношений супругов применяются различные коллизионные привязки, включая закон общего места жительства супругов, их личный закон, а также принцип автономии воли. Последний позволяет супругам самостоятельно определить применимое право, что особенно актуально в условиях трансграничных браков [3, с.56].

Коллизионно-правовое регулирование родительских правоотношений основывается на приоритете защиты интересов ребёнка. В этой связи в большинстве случаев применяется право государства постоянного проживания ребёнка, что обеспечивает более эффективную защиту его прав.

Значительное влияние на развитие данной сферы оказывают международные договоры, направленные на унификацию правового регулирования. Такие акты способствуют снижению количества коллизий и обеспечению единообразного подхода к разрешению семейных споров с иностранным элементом [2, 22].

Несмотря на развитие международного сотрудничества, сохраняются проблемы, связанные с различиями в национальных правовых системах, сложностями определения применимого права, а также признания и исполнения иностранных судебных решений [4, 36]. Эти обстоятельства требуют дальнейшего совершенствования как национального законодательства, так и международных механизмов правового регулирования.

Таким образом, коллизионно-правовое регулирование семейных отношений представляет собой важный институт международного частного права, направленный на разрешение конфликтов правовых систем. Его развитие обусловлено необходимостью обеспечения правовой определённости и эффективной защиты прав участников семейных правоотношений в условиях глобализации.

Список литературы:

1. Лунц Л. А. Курс международного частного права. – М.: Спарк, 2002. – 1008 с.
2. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. – М.: Норма, 2019. – 704 с.
3. Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник. – М.: Юрайт, 2021. – 600 с.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ.

ПРАВА ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Назаров Аваз Кувватович
доктор юридических наук, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86

Хайдарова Нозанин Анваровна
Магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2273986; e-mail: noza.k.h@. mail.ru

WOMEN'S RIGHTS IN MODERN TAJIKISTAN: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Nazarov Avaz Kuvvatovich
Doctor of law, professor of the department of international law and comparative law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 227-39-86

Khaidarova Nozanin Anvarovna
2nd year Master's student, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade St., 30
tel.: 2273986; e-mail: noza.k.h@.mail.ru

***Аннотация**. В статье рассматривается положение женщин в современном Таджикистане, анализируются основные проблемы реализации гендерного равенства, а*

также государственные и международные механизмы защиты прав женщин. Особое внимание уделяется вопросам образования, участия женщин в общественно-политической жизни, гендерным стереотипам и проблеме насилия в семье. Отмечается, что несмотря на развитие законодательной базы и участие государства в международных договорах, реализация прав женщин сталкивается с рядом социальных и культурных барьеров. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования механизмов защиты прав женщин и повышения роли женщин в общественной и политической жизни страны.

***Annotation**. The article examines the situation of women in modern Tajikistan, analyzes the main problems of implementing gender equality, as well as the state and international mechanisms for protecting women's rights. Special attention is paid to issues of education, women's participation in public and political life, gender stereotypes, and the problem of domestic violence. It is noted that despite the development of the legislative framework and the state's participation in international treaties, the implementation of women's rights faces a number of social and cultural barriers. The article concludes that it is necessary to further improve the mechanisms for protecting women's rights and enhance the role of women in the country's public and political life.*

***Ключевые слова**: права женщин, гендерное равенство, Таджикистан, дискриминация, гендерные стереотипы, насилие в семье, социальная защита, образование, политическое участие.*

***Key words:** women's rights, gender equality, Tajikistan, discrimination, gender stereotypes, domestic violence, social protection, education, and political participation.*

Вопрос обеспечения прав и свобод женщин занимает важное место в современной правовой науке и международной политике. Гендерное равенство признаётся одним из ключевых условий устойчивого развития государства и эффективного функционирования демократических институтов [1, 18]. В последние десятилетия мировое сообщество уделяет всё больше внимания вопросам защиты прав женщин, устранения дискриминации по признаку пола и обеспечения равных возможностей для мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни. Несмотря на достигнутые успехи, проблема гендерного неравенства продолжает сохранять свою актуальность во многих странах мира [1, 22].

Для Республики Таджикистан данная тема имеет особое значение, поскольку процесс социально-экономических преобразований сопровождается изменением роли женщин в обществе. Расширение возможностей для получения образования, участие женщин в экономической деятельности и политической жизни постепенно меняют традиционные социальные установки [2, 41]. В то же время сохраняются определённые культурные и социальные барьеры, которые затрудняют полноценную реализацию прав женщин. Это обуславливает необходимость комплексного анализа существующих проблем и поиска эффективных механизмов их решения. Важную роль в формировании национальной системы защиты прав женщин играют международные правовые нормы. Республика Таджикистан является участником ряда международных договоров, направленных на обеспечение гендерного равенства. Одним из наиболее значимых документов является Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), принятая Организацией Объединённых Наций в 1979 году [3, 12].

Данный международный акт закрепляет обязательства государств по устранению дискриминации в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Присоединение к Конвенции предполагает принятие государством соответствующих мер по совершенствованию национального законодательства и созданию эффективных механизмов защиты прав женщин [3, 15]. На национальном уровне основополагающим нормативным актом является Конституция Республики Таджикистан, закрепляющая принцип равенства всех граждан перед законом независимо от пола. Конституционные нормы гарантируют женщинам равные права и свободы во всех сферах общественной жизни [4, 6]. Существенное значение для реализации принципа гендерного равенства имеет Закон Республики Таджикистан «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностей их реализации», принятый в 2005 году. Данный закон направлен на создание условий для равного участия мужчин и женщин в общественной, экономической и политической жизни страны [5, 3]. Кроме того, государственные органы реализуют различные программы, направленные на поддержку женского предпринимательства, развитие женского лидерства и повышение уровня занятости женщин.

В последние годы в Таджикистане наблюдается постепенное улучшение положения женщин в сфере образования. Благодаря государственной политике в области образования значительно увеличилось количество девочек, получающих среднее и высшее образование [8, 30]. Образование является одним из ключевых факторов, способствующих повышению социального статуса женщин и расширению их возможностей на рынке труда. Получение профессиональных навыков позволяет женщинам активнее участвовать в экономической жизни страны и повышать уровень своей финансовой независимости.Однако в отдельных регионах страны по-прежнему сохраняются проблемы, связанные с преждевременным прекращением обучения девочек. Причинами могут выступать социально-экономические трудности семей, а также существующие традиционные установки относительно роли женщины в обществе [8, 33]. На рынке труда женщины нередко сталкиваются с проблемой неравной оплаты труда и ограниченного доступа к руководящим должностям. Несмотря на наличие законодательных гарантий равенства, женщины чаще заняты в социальной сфере — образовании, здравоохранении и сфере услуг, где уровень заработной платы традиционно ниже [7, 44].Важным направлением государственной политики становится развитие женского предпринимательства. В последние годы увеличивается количество женщин, занимающихся малым и средним бизнесом, что способствует укреплению экономической самостоятельности женщин и расширению их социальной активности.

Вопрос участия женщин в политической жизни является важным показателем уровня гендерного равенства в обществе. В последние годы в Республике Таджикистан наблюдается постепенное увеличение числа женщин, занимающих должности в органах государственной власти и местного самоуправления [7, 47]. Государственная политика направлена на стимулирование участия женщин в управлении и общественной деятельности. Реализуются различные образовательные и обучающие программы, направленные на развитие лидерских качеств и повышение профессиональной компетенции женщин. Тем не менее доля женщин на руководящих должностях остаётся сравнительно невысокой. Одной из причин этого является влияние традиционных гендерных стереотипов, которые формируют представления о «традиционных» ролях мужчин и женщин в обществе [1, 28]. Подобные стереотипы могут ограничивать профессиональные возможности женщин и препятствовать их активному участию в политической и общественной жизни.

Одной из наиболее острых проблем в сфере защиты прав женщин остаётся проблема насилия в семье. Для противодействия данному явлению в 2013 году в Таджикистане был принят Закон «О предупреждении насилия в семье» [6, 2]. Закон предусматривает комплекс мер, направленных на профилактику насилия, защиту прав пострадавших и привлечение виновных лиц к ответственности. В рамках реализации закона создаются кризисные центры, оказывающие психологическую и правовую помощь женщинам, пострадавшим от насилия [6, 5].Тем не менее практика показывает, что многие случаи домашнего насилия остаются скрытыми. Женщины не всегда обращаются за помощью из-за страха общественного осуждения, экономической зависимости или недостаточной информированности о своих правах [7, 50]. В последние годы важную роль в решении данной проблемы играют международные организации и неправительственные структуры, которые проводят образовательные программы и оказывают поддержку пострадавшим женщинам.Таким образом, анализ положения женщин в современном Таджикистане показывает, что в стране сформирована нормативно-правовая база, направленная на обеспечение гендерного равенства и защиту прав женщин. Национальное законодательство в значительной степени соответствует международным стандартам в данной области [5, с. 6]. Вместе с тем сохраняются определённые социальные и культурные факторы, которые затрудняют практическую реализацию этих прав. К числу таких факторов относятся гендерные стереотипы, экономическая зависимость женщин и недостаточный уровень правовой информированности населения.Для дальнейшего улучшения положения женщин необходим комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, развитие образовательных программ, поддержку женского предпринимательства и активизацию участия женщин в общественно-политической жизни страны.Повышение уровня гендерного равенства является важным условием социального развития общества и укрепления демократических институтов государства.

Список литературы

1. Костикова И.В. Гендерное равенство: теория и практика. — М.: Юрайт, 2020. — 160 с.
2. Абдуллозода Ш. Положение женщин в современном Таджикистане // Вестник ТГУПБП. — 2021. — №3. — С. 39–45.
3. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW). — UN, 1979.
4. Конституция Республики Таджикистан. — Душанбе, 1994.
5. Закон Республики Таджикистан «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностей их реализации». — Душанбе, 2005.
6. Закон Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье». — Душанбе, 2013.
7. UN Women. Gender Equality in Tajikistan Report. — 2022.
8. UNICEF. Situation Analysis of Women and Children in Tajikistan. — 2021.

ВЕНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЯХ 1961 ГОДА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Назаров Мурод Турсунпулотович
магистрант 2-го года обучения заочного отделения
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2273986.

THE VIENNA CONVENTION ON DIPLOMATIC RELATIONS OF 1961 AS THE BASIS OF MODERN INTERNATIONAL LEGAL REGULATION

Nazarov Murod Tursunpulotovich
2-year graduate student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 2273986

Аннотация. *В статье анализируется значение Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года как основополагающего международно-правового акта, регулирующего установление и функционирование дипломатических отношений между государствами. Рассматриваются исторические предпосылки принятия Конвенции, её структура и основные положения, закрепляющие правовой статус дипломатических представительств и дипломатических агентов. Особое внимание уделяется системе дипломатических привилегий и иммунитетов, закрепленных в Конвенции, а также их функциональному характеру. Отмечается роль данного международного договора в обеспечении стабильности международных отношений и формировании современного дипломатического права.*

Annotation. *The article analyzes the importance of the Vienna Convention on Diplomatic Relations of 1961 as a fundamental international legal instrument regulating the establishment and functioning of diplomatic relations between states. The historical prerequisites for the adoption of the Convention, its structure and main provisions determining the legal status of diplomatic missions and diplomatic agents are examined. Particular attention is paid to the system of diplomatic privileges and immunities established by the Convention and their functional nature. The role of this international treaty in ensuring stability in international relations and shaping modern diplomatic law is also emphasized.*

Ключевые слова: *международное право, дипломатические отношения, дипломатическое право, Венская конвенция 1961 года, дипломатические представительства, дипломатические привилегии и иммунитеты, международные отношения.*

Keywords: *international law, diplomatic relations, diplomatic law, Vienna Convention 1961, diplomatic missions, diplomatic privileges and immunities, international relations.*

Развитие международных отношений невозможно без эффективных механизмов межгосударственного общения и сотрудничества. Одним из важнейших инструментов такого взаимодействия является дипломатия, которая реализуется через деятельность дипломатических представительств и дипломатических агентов. Для обеспечения нормального функционирования дипломатических миссий и защиты интересов государств в международных отношениях необходима чёткая правовая регламентация их деятельности.

Одним из ключевых международно-правовых документов, регулирующих дипломатические отношения между государствами, является Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года [1]. Данный международный договор стал результатом длительного процесса кодификации норм дипломатического права и закрепил основные правила дипломатического общения государств. В настоящее время Конвенция является универсальным международно-правовым актом, регулирующим правовое положение дипломатических представительств и их персонала.

Институт дипломатических отношений имеет многовековую историю [3, с.88]. Уже в древние времена существовала практика направления посланников для ведения переговоров между государствами и правителями. Посланники пользовались особой защитой и неприкосновенностью, что обеспечивало возможность мирного общения даже в условиях конфликтов.

Однако в течение длительного времени нормы дипломатического права существовали преимущественно в форме международных обычаев. Государства руководствовались сложившейся практикой, которая не всегда была единообразной и могла по-разному интерпретироваться различными странами.

Необходимость кодификации норм дипломатического права стала особенно очевидной в XX веке в связи с расширением международных отношений и увеличением числа независимых государств. В этой связи Комиссия международного права Организации Объединённых Наций подготовила проект международного договора, который впоследствии был принят на международной конференции в Вене в 1961 году.

Венская конвенция о дипломатических сношениях стала первым универсальным международным документом, систематизировавшим нормы дипломатического права и закрепившим единые правила дипломатического взаимодействия государств.

Конвенция состоит из преамбулы и 53 статей, в которых подробно регулируются различные аспекты дипломатических отношений между государствами.

Одним из важнейших принципов, закрепленных в Конвенции, является принцип взаимного согласия государств на установление дипломатических отношений. Согласно данному принципу, дипломатические отношения между государствами устанавливаются по взаимному согласию и осуществляются посредством дипломатических представительств.

Конвенция также определяет функции дипломатических представительств. К числу основных функций относятся:

- представительство аккредитующего государства в государстве пребывания;
- защита интересов аккредитующего государства и его граждан;
- ведение переговоров с правительством принимающего государства;
- получение законными средствами информации о событиях в государстве пребывания;
- развитие дружественных отношений между государствами.

Данные функции отражают сущность дипломатической деятельности и обеспечивают реализацию внешнеполитических задач государства.

Венская конвенция устанавливает правовой статус дипломатических представительств и закрепляет ряд гарантий, обеспечивающих их нормальное функционирование. Одной из важнейших таких гарантий является принцип неприкосновенности помещений дипломатического представительства.

Согласно статье 22 Конвенции, помещения дипломатического представительства являются неприкосновенными. Органы власти государства пребывания не вправе входить в них без согласия главы дипломатического представительства. Кроме того, принимающее государство обязано принимать все необходимые меры для защиты помещений представительства от любого вторжения или нанесения ущерба.

Конвенция также закрепляет неприкосновенность архивов и документов дипломатического представительства. Эти положения направлены на обеспечение

конфиденциальности дипломатической переписки и защиты информации, имеющей важное значение для международных отношений.

Особое место в Конвенции занимает регулирование дипломатических привилегий и иммунитетов. Они являются необходимым условием эффективного выполнения дипломатическими агентами своих функций.

Согласно статье 29 Конвенции, личность дипломатического агента является неприкосновенной. Он не подлежит аресту или задержанию. Принимающее государство обязано относиться к дипломатическому агенту с должным уважением и принимать все необходимые меры для предотвращения любых посягательств на его личность, свободу или достоинство.

Статья 31 Конвенции закрепляет иммунитет дипломатического агента от уголовной юрисдикции государства пребывания. Кроме того, дипломатические агенты пользуются иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства, за исключением отдельных случаев, предусмотренных Конвенцией.

Конвенция также предусматривает ряд других привилегий, включая освобождение от налогов и таможенных пошлин, неприкосновенность корреспонденции, а также свободу передвижения по территории государства пребывания.

Следует подчеркнуть, что дипломатические привилегии и иммунитеты носят функциональный характер. Они предоставляются не для личной выгоды дипломатических представителей, а исключительно для обеспечения эффективного выполнения ими своих служебных обязанностей.

Несмотря на широкие привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатическим агентам, Венская конвенция устанавливает определённые ограничения.

Прежде всего дипломатические агенты обязаны уважать законы и правила государства пребывания и не вмешиваться во внутренние дела этого государства. Данное положение закреплено в статье 41 Конвенции.

Кроме того, принимающее государство вправе объявить любого члена дипломатического персонала **persona non grata**. В этом случае аккредитующее государство обязано отозвать соответствующее лицо или прекратить его функции в дипломатическом представительстве.

Этот механизм позволяет государствам поддерживать баланс интересов и предотвращать злоупотребления дипломатическими привилегиями.

Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года имеет фундаментальное значение для современного международного права. Она закрепила единые правила дипломатического взаимодействия государств и создала правовую основу для стабильного функционирования дипломатических представительств.

Большинство государств мира являются участниками Конвенции, что подтверждает её универсальный характер. Положения Конвенции активно применяются как в международной дипломатической практике, так и в национальном законодательстве государств.

Кроме того, нормы Конвенции широко используются в практике международных судов и национальных судебных органов при рассмотрении дел, связанных с дипломатическими привилегиями и иммунитетами.

Конвенция также способствует развитию международного сотрудничества и укреплению доверия между государствами. Наличие чётких правовых норм позволяет минимизировать возможные конфликты и обеспечивает предсказуемость дипломатических отношений.

Таким образом, Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года является основополагающим источником современного дипломатического права. Она закрепляет основные принципы и нормы регулирования дипломатических отношений, определяет правовой статус дипломатических представительств и устанавливает систему дипломатических привилегий и иммунитетов.

Принятие Конвенции стало важным этапом кодификации международного дипломатического права и способствовало формированию стабильной системы международных отношений. Благодаря универсальному характеру и высокой степени признания государствами мира, положения Конвенции продолжают играть ключевую роль в регулировании дипломатической деятельности и обеспечении эффективного международного сотрудничества.

Список литературы:
1. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года // Международное публичное право. Сборник документов. – М.: Норма, 2016. – 560 с.
2. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
3. Ковалев А. А. Дипломатическое и консульское право: учебное пособие. – М.: Международные отношения, 2013. – 296 с.
4. Чистоходова И. А. Теоретические основы обоснования дипломатических привилегий и иммунитетов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2005. – №1. – С. 45–52.

РОЛЬ ПРОТОКОЛА ПРОТИВ НЕЗАКОННОГО ВВОЗА МИГРАНТОВ ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ К КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 2000 г. В БОРЬБЕ С НЕЗАКОНОЙ МИГРАЦИИ

Суюнова Манижа Сафаралиевна
магистрант 2-го года обучения заочного отделения программы подготовки международное право факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 900-00-22-66, e-mail: maniza@mail.ru

THE ROLE OF THE PROTOCOL AGAINST THE SMUGGLING OF MIGRANTS BY LAND, SEA AND AIR TO THE 2000 CONVENTION AGAINST CROSS-BORDER ORGANIZED CRIME IN THE FIGHT AGAINST ILLEGAL MIGRATION

Suyunova Manizha Safaralievna
Second-year Master's student in the correspondence department of the International Law Preparatory Program, Faculty of Distance Learning
Russian-Tajik (Slavonic) University
30 M. Tursunzade Street, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
tel.: 900-00-22-66, email: maniza@mail.ru

Аннотация. *В современных условиях развитие международных миграционных процессов сопровождается не только увеличением числа перемещающихся лиц, но и усложнением форм и способов их передвижения. Незаконный ввоз мигрантов всё чаще приобретает организованный характер, становясь частью устойчивых криминальных бизнес-моделей, ориентированных на извлечение прибыли. Это обусловливает необходимость углублённого анализа международно-правовых механизмов, направленных на противодействие подобным явлениям, среди которых Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 года занимает особое место.*

Следует подчеркнуть, что незаконная миграция не является изолированным феноменом, а представляет собой сложное социально-правовое явление, тесно связанное с экономическими, политическими и гуманитарными процессами. Конфликты, бедность, отсутствие возможностей для достойного труда, нарушение прав человека в странах происхождения — все эти факторы стимулируют людей искать пути перемещения, в том числе нелегальные. В свою очередь, спрос на услуги по незаконному перемещению способствует формированию устойчивых преступных сетей, деятельность которых требует адекватного международно-правового реагирования.

Annotation. *In today's world, the development of international migration processes is accompanied not only by an increase in the number of people on the move but also by a growing complexity of the forms and methods of their movement. The smuggling of migrants is increasingly becoming organized, becoming part of sustainable criminal business models focused on profit. This necessitates an in-depth analysis of international legal mechanisms aimed at combating such phenomena, among which the 2000 Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea, and Air occupies a special place.*

It should be emphasized that irregular migration is not an isolated phenomenon, but a complex socio-legal phenomenon closely linked to economic, political, and humanitarian processes. Conflicts, poverty, lack of decent work opportunities, and human rights violations in countries of origin—all these factors motivate people to seek migration options, including illegal ones. In turn, the demand for illegal migration services contributes to the formation of sustainable criminal networks, whose activities require an adequate international legal response.

***Ключевые слова**: Протокол, конвенции, незаконная миграция, борьба, транснациональная преступность, миграционные процессы.*

***Key words:** Protocol, conventions, illegal migration, fight, transnational crime, migration processes.*

Современные миграционные процессы характеризуются высокой динамичностью, масштабностью и сложной структурой, что обусловлено как объективными факторами глобализации, так и углублением социально-экономических и политических диспропорций между различными регионами мира. Одним из наиболее острых проявлений этих процессов является незаконная миграция, которая представляет собой серьезный вызов для национальной и международной безопасности, устойчивого развития государств и соблюдения прав человека. В этих условиях особую значимость приобретает формирование эффективных международно-правовых механизмов противодействия незаконному ввозу мигрантов, одним из ключевых элементов которых выступает Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 года, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

Принятие данного Протокола стало важным этапом в развитии международного сотрудничества в сфере борьбы с трансграничной организованной преступностью и незаконной миграцией. Он закрепил универсальные подходы к криминализации незаконного ввоза мигрантов, определил основные направления взаимодействия государств, а также установил стандарты защиты прав мигрантов, ставших объектами незаконного перемещения. Таким образом, Протокол выступает не только инструментом правоохранительной деятельности, но и важным правовым актом, обеспечивающим баланс между интересами государств и необходимостью соблюдения гуманитарных принципов [1, 777].

Актуальность исследования роли Протокола обусловлена рядом факторов. Во-первых, рост миграционных потоков в последние десятилетия сопровождается активизацией деятельности преступных групп, специализирующихся на незаконной переправке людей через государственные границы. Во-вторых, развитие транспортных технологий и расширение международных связей значительно упростили осуществление таких преступлений, одновременно усложнив их выявление и пресечение. В-третьих, незаконная миграция тесно связана с другими формами транснациональной преступности, включая торговлю людьми, коррупцию, отмывание доходов и подделку документов, что требует комплексного правового регулирования и координации усилий государств.

Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 года занимает центральное место в системе международно-правовых актов, направленных на борьбу с незаконной миграцией. Он дополняет положения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, конкретизируя их применительно к сфере незаконного перемещения лиц через границы. В документе закреплены определения ключевых понятий, включая «незаконный ввоз мигрантов», «организованная преступная группа», а также установлены обязательства государств по криминализации соответствующих деяний и принятию мер по их предупреждению [2, 19].

Особое значение Протокола заключается в том, что он устанавливает комплексный подход к борьбе с незаконной миграцией, охватывающий как уголовно-правовые, так и административные, организационные и международно-кооперационные меры. В частности, государства-участники обязуются принимать законодательные и иные меры, направленные на установление ответственности за незаконный ввоз мигрантов, подделку документов, а также содействие незаконному пребыванию иностранных граждан. Одновременно подчеркивается необходимость обеспечения безопасности и гуманного обращения с мигрантами, что отражает современную тенденцию к гуманизации международного права.

Одним из ключевых элементов Протокола является регулирование сотрудничества государств в сфере предупреждения и пресечения незаконного ввоза мигрантов. Это

включает обмен информацией, проведение совместных операций, оказание взаимной правовой помощи, а также взаимодействие компетентных органов в целях выявления и ликвидации преступных сетей. Особое внимание уделяется контролю за использованием транспортных средств, усилению пограничного контроля и внедрению современных технологий идентификации личности.

Важной составляющей Протокола является также регулирование вопросов морской юрисдикции, что обусловлено значительной долей незаконного ввоза мигрантов морским путем. Документ устанавливает процедуры взаимодействия государств при досмотре судов, подозреваемых в незаконной перевозке мигрантов, а также определяет права и обязанности государств флага и прибрежных государств. Эти положения имеют особое значение для обеспечения безопасности мореплавания и предотвращения использования морских маршрутов преступными группами [3, 15].

Не менее значимым является аспект защиты прав мигрантов, который занимает важное место в структуре Протокола. Несмотря на то что основной целью документа является борьба с преступной деятельностью, он подчеркивает необходимость уважения прав и достоинства лиц, ставших объектами незаконного ввоза. В частности, государства обязуются обеспечивать безопасность мигрантов, предоставлять им необходимую помощь и не подвергать их жестокому или унижающему достоинство обращению. Таким образом, Протокол отражает стремление международного сообщества к гармонизации мер безопасности и гуманитарных стандартов.

Следует отметить, что эффективность реализации положений Протокола во многом зависит от уровня имплементации его норм в национальные правовые системы. Государства-участники обязаны адаптировать свое законодательство, обеспечивая соответствие международным стандартам, а также создавать институциональные механизмы, способные эффективно противодействовать незаконной миграции. При этом важную роль играют правоохранительные органы, судебная система, а также специализированные службы, осуществляющие контроль за миграционными процессами.

Кроме того, значительное влияние на реализацию Протокола оказывает международное сотрудничество, осуществляемое в рамках различных организаций и региональных объединений. Координация усилий государств, обмен опытом и лучшими практиками, а также проведение совместных программ позволяют повысить эффективность борьбы с незаконной миграцией и минимизировать ее негативные последствия. В этом контексте Протокол выступает универсальной правовой платформой, объединяющей государства в борьбе с одной из наиболее актуальных глобальных проблем.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 года является одним из ключевых международно-правовых инструментов в системе противодействия незаконной миграции. Его принятие стало важным шагом на пути формирования комплексного подхода к борьбе с транснациональной организованной преступностью, связанной с нелегальным перемещением лиц через государственные границы. Протокол не только дополняет положения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, но и конкретизирует их применительно к специфике миграционных процессов, что значительно повышает эффективность международного правового регулирования в данной сфере.

Одним из важнейших достижений Протокола является закрепление универсального определения незаконного ввоза мигрантов, что позволило унифицировать подходы государств к квалификации соответствующих деяний. Это, в свою очередь, создало основу для гармонизации национального законодательства и облегчило взаимодействие государств в рамках уголовного преследования лиц, причастных к организации незаконной миграции. Введение обязательства по криминализации таких деяний, как содействие незаконному въезду, подделка документов и участие в деятельности организованных преступных групп, способствует формированию единого правового пространства борьбы с данным видом преступности.

В ходе исследования было установлено, что Протокол реализует комплексный подход, сочетающий уголовно-правовые, административные и организационные меры. Это проявляется в том, что наряду с установлением ответственности за незаконный ввоз мигрантов он предусматривает широкий спектр превентивных мер, направленных на предупреждение преступлений. К числу таких мер относятся усиление пограничного

контроля, совершенствование систем идентификации личности, повышение уровня безопасности транспортных перевозок, а также развитие механизмов международного сотрудничества.

Особое значение имеет закреплённый в Протоколе баланс между обеспечением безопасности государств и защитой прав мигрантов. Несмотря на то что основной целью документа является борьба с преступной деятельностью, он содержит положения, направленные на обеспечение гуманного обращения с мигрантами, защиту их жизни и здоровья, а также соблюдение их основных прав и свобод. Такой подход соответствует современным тенденциям развития международного права, ориентированным на приоритет прав человека и гуманизацию правоприменительной практики.

Кроме того, существенное значение имеет международное сотрудничество, предусмотренное Протоколом. Обмен информацией, проведение совместных операций, оказание взаимной правовой помощи и экстрадиция правонарушителей являются необходимыми условиями успешной борьбы с транснациональной организованной преступностью. В условиях глобализации, когда преступные сети действуют на территории нескольких государств, только координация усилий на международном уровне способна обеспечить эффективное противодействие незаконной миграции.

Вместе с тем в ходе анализа были выявлены и определённые проблемы, связанные с реализацией положений Протокола. Одной из них является неоднородность национальных правовых систем, что затрудняет унификацию подходов к борьбе с незаконной миграцией. Различия в уровнях экономического развития, правовой культуры и институциональных возможностей государств оказывают влияние на эффективность имплементации международных норм. В ряде случаев это приводит к формальному выполнению обязательств без достижения реальных результатов.

Другой проблемой является недостаточная координация действий между государствами, особенно в регионах с высоким уровнем миграционной активности. Ограниченный обмен информацией, отсутствие доверия между правоохранительными органами, а также политические разногласия могут снижать эффективность совместных усилий. В этой связи особую актуальность приобретает развитие механизмов доверия и укрепление международного сотрудничества на основе принципов равноправия и взаимной выгоды.

Следует также отметить, что современные тенденции развития незаконной миграции требуют постоянного совершенствования правовых механизмов. Использование новых технологий, изменение маршрутов миграции, а также рост роли цифровых средств коммуникации создают дополнительные вызовы для правоохранительных органов. Протокол, будучи принятым в 2000 году, нуждается в адаптации к новым условиям, что может быть достигнуто как посредством его толкования, так и через принятие дополнительных международных соглашений и рекомендаций.

Перспективы развития международно-правового регулирования в данной сфере связаны с углублением сотрудничества между государствами, расширением использования современных технологий и усилением внимания к правам человека. Важно обеспечить не только эффективную борьбу с преступными группами, но и создание легальных каналов миграции, что позволит снизить спрос на услуги нелегальных перевозчиков. Такой комплексный подход соответствует современному пониманию миграционной политики как инструмента устойчивого развития.

Подводя итог, можно констатировать, что Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 года играет значительную роль в формировании международной системы противодействия незаконной миграции. Он обеспечивает нормативную основу для криминализации соответствующих деяний, способствует развитию международного сотрудничества и устанавливает стандарты защиты прав мигрантов. Несмотря на существующие проблемы, его значение остаётся крайне высоким, а дальнейшее развитие и совершенствование его положений является важной задачей международного сообщества.

Таким образом, достижение эффективных результатов в борьбе с незаконной миграцией возможно только при условии комплексного и согласованного применения норм Протокола, активного взаимодействия государств и постоянного совершенствования правовых и институциональных механизмов. Это позволит не только снизить уровень

незаконной миграции, но и обеспечить соблюдение прав и свобод человека, что является одной из ключевых целей современного международного права.

Список литературы:

1. Бекяшев Д.К. Незаконный ввоз мигрантов по морю: международно правовые аспекты // Журнал «LexRussica». Научные труды МГЮА. – 2006 г. - № 4. С. 770-780.
2. Зубков В.А. Правовые Основы Регулирования Противодействия Незаконной Миграции // журнал международного права и международных отношений 2005 — № 1. С. 18-22.
3. Федорако А.И. Причины и тенденции незаконной миграции. Противодействие незаконной миграции// Журнал международного права и международных отношений 2009 — № 4. - С. 14-18.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕВОЗКОЙ МИГРАНТОВ

Суюнова Манижа Сафаралиевна
магистрант 2-го года обучения заочного отделения программы подготовки международное право факультета заочного (дистанционного) обучения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 900-00-22-66, e-mail: maniza@mail.ru

ACTIVITIES OF THE UN GENERAL ASSEMBLY TO COMBAT ILLEGAL TRANSPORTATION OF MIGRANTS

Suyunova Manizha Safaralievna
Second-year Master's student in the correspondence department of the International Law Preparatory Program, Faculty of Distance Learning
Russian-Tajik (Slavonic) University
30 M. Tursunzade Street, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
tel.: 900-00-22-66, Email: maniza@mail.ru

Аннотация. *В условиях глобализации, роста международной мобильности населения и усиления социально-экономических диспропорций между государствами проблема незаконной перевозки мигрантов приобретает всё более острый характер. Транснациональные преступные сети активно используют уязвимость людей, стремящихся улучшить условия своей жизни, что приводит к формированию устойчивых каналов нелегальной миграции. Незаконная перевозка мигрантов представляет собой сложное многогранное явление, находящееся на стыке международного права, криминологии, политики безопасности и прав человека. Она сопровождается серьёзными угрозами: гибель людей, эксплуатация, нарушение прав личности, рост организованной преступности. Ключевую роль в координации международных усилий по противодействию этому явлению играет Генеральная Ассамблея ООН, которая выступает универсальной площадкой для выработки глобальных подходов и стандартов.*

Annotation. *In the context of globalization, increasing international population mobility, and deepening socioeconomic disparities between states, the problem of migrant smuggling is becoming increasingly pressing. Transnational criminal networks actively exploit the vulnerability of people seeking to improve their living conditions, leading to the development of sustainable channels for illegal migration. Migrant smuggling is a complex, multifaceted phenomenon that intersects with international law, criminology, security policy, and human rights. It is accompanied by serious threats: loss of life, exploitation, violation of individual rights, and a rise in organized crime. The UN General Assembly, which serves as a universal forum for developing global approaches and standards, plays a key role in coordinating international efforts to combat this phenomenon.*

Ключевые слова*: Генеральная Ассамблея ООН, конвенции, незаконная миграция, резолюции, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.*

Key words: *UN General Assembly, conventions, illegal migration, resolutions, Office of the United Nations High Commissioner for Refugees.*

После образования ООН и на протяжении более полувека данная универсальная международная организация доказало свою эффективную деятельность во многих областях и в том числе мер по борьбе с незаконной перевозки мигрантов. За последние десятилетия борьба с незаконной перевозки мигрантов увеличилось. Особая заслуга ООН в работе по борьбе с незаконной перевозки мигрантов заключается в том числе в принятие различного рода резолюции и конвенции. В рамках работы Генеральной Ассамблеи ООН данная тема время от времени затрагивается и с каждым годом становится все актуальные для всего мирового сообщества. Именно ООН может выработать конструктивные методы регулирование различного рода проблем в области миграции и, в частности, в вопросе по борьбе с незаконной перевозки мигрантов.

Первые шаги в данной области были сделаны сразу же после создания ООН, в частности, 14 декабря 1950 году была образована Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Хотя и данное управление было рассчитано согласно мандату на три года и должна было быть расформирована, но эффективная работа данного управления способствовало дальнейшей ее работе.

Длительное время в следующие годы Агентство занималось разрешением проблемы перемещения в Латинской Америке и в Азии, но к концу века уже возникли новые проблемы с беженцами в Африке, а позже круги вовсе замкнулся (новые волны беженцев захлестнули Европу в результате серии кровопролитных войн на Балканах). 21 век ознаменовался для УВКБ ООН как задача по разрешению масштабного кризиса по вопросам беженцев из Африки (Демократическая Республика Конго, Сомали), Азии, а также вопрос касательно 30-летней проблемы по афганским беженцам.

Агентство все чаще стали привлекать к оказанию помощи и многочисленным лицам, что были перемещены в результате вооруженных конфликтов внутри своих стран. Не столь видимой была деятельность УВКБ ООН по оказанию помощи апатридам – миллионам людей, которые находятся вне сферы общественного внимания, и над которыми нависла угроза опасности ущемления основных прав из-за отсутствия у них гражданства. В таких регионах, как Латинская Америка и Африка, изначальный мандат УВКБ ООН от 1951 года был значительно усилен региональными правовыми инструментами. Далее Агентство в 1954 году было удостоено Нобелевской премии мира за огромную работу в деле помощи беженцам в Европе, стоит отметить, что к этому времени его мандат был продлен до конца десятилетия. В 1981 году УВКБ ООН получает эту награду вновь за помощь беженцам во всем мире, при этом особо были отмечены политические проблемы, с которыми оно сталкивается [1,93].Первоначально в УВКБ ООН работали 34 сотрудника, а в настоящее время в штате Агентства работают более 9700 национальных и международных сотрудников. Агентство работает в 126 странах, в 135 региональных представительствах и филиалах, а также 279 отдаленном полевом офисе.

Бюджет УВКБ ООН вырос с первоначальных 300 тыс. долларов США в первый год работы до 7 миллиардов долларов США в 2015 году. В настоящее время в ведении Агентства находятся 68,5 миллион человек: 40 млн. лиц, перемещенных внутри страны, 25,4 млн. беженцев, более 3,1 млн. лиц, ищущих убежище и др. категории мигрантов, нуждающихся в их помощи.

Учредив УВКБ ООН, государства приняли Конвенцию 1951 года о статусе беженцев, которая определяет, кто является беженцем и устанавливает стандарты обращения с лицами, отвечающими этому определению, и служит важной вехой в формировании стремления мирового сообщества решать проблемы вынужденного перемещения. Конвенция отражала политические заботы того времени: сфера ее действия была ограничена, в нее входили только лица, ставшие беженцами в результате событий, произошедших до 1951 года. Кроме того, государствам была дана возможность заявить о применении Конвенции лишь к европейским беженцам. Однако вскоре стало ясно, что кризисы, связанные с беженцами, продолжаются, причем не только на Европейском континенте. В 1956 году УВКБ ООН помогало координировать мероприятия, связанные с массовым исходом беженцев после восстания в Венгрии. Год спустя, Агентству поручили помогать китайским беженцам в Гонконге. Одновременно оно участвовало в помощи алжирцам, бежавшим в Марокко и Тунисе после войны Алжира за независимость. Меры УВКБ ООН по реагированию на эти кризисы стали началом его участия в крупных операциях по защите беженцев и по оказанию им помощи.

Как отмечает П.В. Анисимов: «Международное сообщество, реагируя на новые реальности, приняло Протокол 1967 года к Конвенции 1951 года. Протокол снял прежнее ограничение, согласно которому под определение беженца в Конвенции подпадали лишь беженцы, которые были перемещены в результате событий до 1951 года, а также снял географическое ограничение, что позволяло некоторым государствам считать беженцами лишь тех, кто стал таковыми в результате событий в Европе. Хотя Протокол 1967 года во многом решил проблемы новых независимых стран Африки, в 1969 году Организация африканского единства (ныне – Африканский Союз) после консультаций с УВКБ ООН приняла собственную конвенцию о беженцах» [2,55].

Как уже упоминалось ранее, организационно-правовое оформление модели противодействия незаконной миграции в рамках ООН началось еще с конца 1950- х годов. Как представляется, что этот процесс прошел в своем развитии несколько этапов. Первый из них ознаменовало принятие документов ООН, в которых вопросы незаконной миграции рассматривались косвенно в контексте других проблем.

Среди таких актов следует отметить, в первую очередь, Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года Проблеме незаконной перевозки мигрантов посвящена ст. 111 данного договора, которая регламентировала право на преследование иностранного судна, заподозренного в нелегальной перевозке мигрантов.

Таким образом, еще в начале 1980-х годов на уровне ООН было регламентировано отношение к незаконной перевозке мигрантов и оформлен достаточно простой механизм противодействия этому процессу. Дальнейшая актуализация данной проблемы способствовала принятию в рамках ООН специальных международно-правовых актов, посвященных исключительно вопросам противодействия незаконной перевозки мигрантов. Эти факты ознаменовали наступление второго этапа вышеуказанного процесса.

Следует отметить также, что впервые в рамках ООН проблема защиты прав трудящихся мигрантов была затронута в 1972 году, когда Экономический и социальный совет в своей резолюции 1706 (LII) высказал озабоченность нелегальной транспортировкой рабочей силы в европейские страны и эксплуатации рабочих из африканских государств «в условиях схожим с рабством и принудительным трудом» [3,280].

Отражением начала нового этапа процесса правовой регламентации противодействия незаконной перевозки мигрантов стало проведение 18 июля 2017 года Конференции участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. По ее результатам были приняты практические рекомендации, предусматривающие совершенствование международного сотрудничества между судебными и правоохранительными органами, а также механизмов финансового антикоррупционного контроля на основании применения административных методов.

Были приняты и практические меры, направленные на совершенствование противодействия незаконной перевозки мигрантов. В частности, на основе принятой Резолюции Совета Безопасности ООН № 2240 были расширены полномочия государств, ратифицирующих Протокол от 2000 года.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время на базе ООН сформирована организационно-правовая база противодействия незаконной перевозки мигрантов, которая продолжает последовательно совершенствоваться и развиваться. Необходимо отметить многоплановый характер международной миграции, важность надлежащего международного, регионального и двустороннего сотрудничества и диалога в этом вопросе и необходимость защищать права человека всех мигрантов, независимо от их статуса, особенно в период роста миграционных потоков.

Список литературы:

1. Андриченко Л.В., Белоусова Е.В. Комментарий законодательства о беженцах. - М.: Юрид. Лит., 2009. С. 93
2. Анисимов П.В. Организационно-правовые проблемы реализации прав беженцев и вынужденных переселенцев // Законность №2. - 2012. С. 55.
3. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты): учебник / Д. К. Бекяшев. - Учеб. изд. -М.: Проспект,2014. С. 280

ПОРЯДОК И СТАДИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Ходжаев Джамолиддин Исматуллоевич
магистрант 1-го года обучения очного отделения программы подготовки международное право юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: 227-39-86, e-mail: ismatullo@mail.ru

PROCEDURE AND STAGES FOR CONCLUDING INTERNATIONAL TREATIES

Khodjaev Jamoliddin Ismatulloevich
first-year full-time master's student in the International Law Preparatory Program at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Street, M.Tursunzade 30
tel.: 227-39-86, email: ismatullo@mail.ru

Аннотация. *Международные договоры являются основным источником международного права и важнейшим инструментом регулирования отношений между государствами и международными организациями. Через договоры государства закрепляют взаимные права и обязанности, формируют правовые режимы сотрудничества и обеспечивают стабильность международных отношений. Процесс заключения международных договоров является сложной и многоэтапной процедурой, направленной на обеспечение согласования интересов государств. Несмотря на развитие международного права, сохраняются проблемы, связанные с исполнением договоров и политическими факторами.*

Annotation. *International treaties are the primary source of international law and a crucial instrument for regulating relations between states and international organizations. Through treaties, states establish mutual rights and obligations, establish legal regimes for cooperation, and ensure the stability of international relations. The process of concluding international treaties is a complex and multi-stage procedure aimed at aligning the interests of states. Despite the development of international law, problems related to treaty enforcement and political factors persist.*

Ключевые слова*: Международный договор, порядок, стадии, заключения, подписание, ратификация.*

Key words: *International treaty, procedure, stages, conclusions, signing, ratification.*

В настоящее время международные договора играют большую роль в развитие международных отношений между основными субъектами международного права. На ряду с обычаями они на протяжение столетия способствовали развитию международного права и его отдельных отраслей. Тем самым изучение порядка и стадии заключение международных договоров является актуальной темой в современной теории международного права. Как один из основных источников международного права порядок и стадии заключение международных договоров очень подробно прописаны в Венской конвенции о праве международных договоров 1969. Именно данная конвенция стало основой для дальнейшего развития право международных договоров как под отрасли международного права.

В современных условиях развития международных отношений роль международного права неуклонно возрастает. Одним из ключевых инструментов регулирования взаимодействия государств, международных организаций и иных субъектов международного права выступают международные договоры. Именно посредством заключения договоров государства закрепляют взаимные обязательства, определяют рамки сотрудничества в различных сферах — политической, экономической, культурной, экологической и других.

Международный договор представляет собой универсальную правовую форму, обеспечивающую предсказуемость и стабильность международных отношений. В условиях глобализации, усиления взаимозависимости государств и роста транснациональных вызовов (таких как изменение климата, международная безопасность, миграция, экономические кризисы) значение договорных механизмов существенно возрастает. При этом возрастает и

сложность самих договорных процессов, что требует более детального правового регулирования и научного осмысления.

Особое значение приобретает исследование порядка и стадий заключения международных договоров, поскольку именно на этапе их формирования закладываются юридическая сила соглашения, его эффективность и возможность последующего исполнения. Процедура заключения международных договоров представляет собой сложный, многоэтапный процесс, включающий дипломатические, правовые и организационные элементы. От правильного соблюдения всех стадий зависит легитимность договора и признание его международным сообществом.

Возможность заключения международных договоров считается проявлением основных суверенных прав государства. Причем процедура заключения договора рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле заключение международного договора означает подготовку международного договора, его принятие и вступление в силу. В узком смысле – это только так называемый легализованный процесс, то есть принятие и вступление международного договора в силу в порядке, определенном в законодательстве государства [1, 57].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (далее по тексту – Закон РФ о международных договорах) заключение международного договора означает выражение согласия РФ на обязательность для нее международного договора.

Основными стадиями заключения любого международного договора являются такие: 1) договорная инициатива; 2) выдача полномочий; 3) согласование и принятие текста договора; 4) установление аутентичности текста договора; 5) подписание и ратификация международного договора.

Договорная инициатива буквально означает предложение о заключении договора. Оно может быть устным или письменным. Такое предложение может исходить от главы государства или его дипломатических представителей, выступать как просьба или как заявление. Это может быть инициация переговоров или конференции, контрпредложение и пр. С такой инициативой могут обращаться главы государств и правительств к главам другим государств и правительств, а также к их народам через средства массовой информации.

Практике международно-правового регулирования известны договорная инициатива в широком и узком смыслах. В широком смысле она означает формулирование общих принципов договорного регулирования в конкретной сфере и предложение о проведении переговоров, в узком – внесение текста конкретного договора для его обсуждения.

Чаще всего договорная инициатива в рамках ООН проявляется как внесение проекта международного договора через специализированные учреждения данной организации. С инициативой могут выступать одно государство или группа государств, третье государство, которое в будущем не будет участвовать в договоре в качестве стороны, международные организации. Право выступать с договорной инициативой является правом каждого суверенного государства. И хотя чаще всего с такой инициативой государства выступают к потенциальному субъекту договора, возможно и обращение к третьей стороне для оказания содействия при заключении договора.

Далее рассмотрим стадию выдачи полномочий. Сразу следует оговориться, что главы государств при заключении договора действуют ex officio. Их полномочия подтверждать не нужно. Однако, в практике современного международного права договоры все чаще заключаются специально уполномоченными лицами. При этом им выдаются особые документы, которые так и называются – полномочия. Они могут выдаваться как на ведение преддоговорных переговоров, так и на все стадии заключения договора [4, 132].

В соответствии со ст. 7 Конвенции 1969 г. при заключении международных договоров ex officio действуют это главы государств, главы правительств, министры иностранных дел. В этом статусе могут выступать и главы дипломатических представительств, когда речь идет о принятии текстов договоров между государствами, при которых они аккредитованы, и аккредитующими государствами. Для принятия текста договора на международной конференции или в международной организации государство может направить специальных представителей.

Далее о согласовании и принятии текста договора. Главный способ здесь – переговоры. Они проводятся на основе принципов равноправия, гласности,

недопустимости дискриминации, диктата и вмешательства во внутренние дела государств. Основными формами согласования текста проекта договора являются обычные дипломатические каналы, международные конференции и международные организации. Иногда эти формы используются и при заключении одного договора [5, 44].

Следующая стадия заключения договора – установление аутентичности его текста. На этой стадии осуществляется процедура объявления текста договора окончательным и не подлежащим изменению. Раньше она проходила параллельно с подписанием договора. Однако, поскольку в договорном регулировании участвуют и международные организации, возникли и специфические способы установления аутентичности договора.

Такими способами могут быть:

– парафирование (проставление в договоре инициалов уполномоченных договаривающих государств в подтверждение того, что текст договора является окончательным; может осуществляться в отношении отдельных статей; изменять текст в последующем не допускается);

– резолюция органа международной организации;

– подписание текста договора уполномоченным лицом организации;

– включение текста договора в заключительный акт международной конференции [2, 19-20].

Подписание и ратификация международного договора являются основными способами выражения согласия государств на обязательность для них соответствующего договора в соответствии со ст. 11 Конвенции 1969 г.

На каждой стадии заключения договора может быть сделана оговорка. Оговоркой считается одностороннее заявление государства об исключении или об изменении для него сферы юридического действия некоторых положений конкретного международного договора. Согласно ст. 23 Конвенции 1969 г. оговорки должны делаться в письменном виде и доводиться до всех участников. Ее нужно подтвердить официально при утверждении или ратификации договора [3, 53].

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что международные договоры являются фундаментальным инструментом регулирования международных отношений и важнейшим источником международного права. Они обеспечивают юридическую основу взаимодействия государств, способствуют развитию сотрудничества и укреплению международной стабильности.

Анализ показал, что процесс заключения международных договоров представляет собой сложную и многоступенчатую процедуру, включающую ряд последовательно реализуемых стадий. Каждая из этих стадий имеет самостоятельное юридическое значение и играет важную роль в формировании окончательного содержания договора.

Ключевыми этапами являются инициирование переговоров, выработка и согласование текста, его принятие и установление аутентичности, подписание, ратификация, а также вступление договора в силу. Особое значение имеет стадия ратификации, поскольку именно на этом этапе государство окончательно выражает согласие на обязательность договора.

Установлено, что порядок заключения международных договоров регулируется нормами международного права, прежде всего положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, а также национальным законодательством государств. Важную роль играют принципы международного права, такие как добросовестность и обязательность выполнения договоров.

Список литературы:

1. Бальхаева С.Б. Виды вступления в силу международных договоров Российской Федерации / С.Б. Бальхаева // Журнал российского права. – 2011. – № 8. – С. 56-64.
2. Богатырев В.В. Международный договорный процесс как способ упорядочения межгосударственных отношений на основе верховенства права / В.В. Богатырев, Р.А. Каламкарян // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 8. – С. 19-24.
3. Вылегжанин А. Н., Колосов Ю. М., Малеев Ю. Н., Геворкян К. Г. Международное право: учебник для академического бакалавриата в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 290 с.
4. Калина В.Ф. Международный договор: виды и техника подготовки / В.Ф. Калина // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2013. – № 19. – С. 131-139.

5. Кириленко В.П. Международные договоры и юрисдикция государств в современных геополитических условиях / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев, М.В. Яндукова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3-2. – С. 43-52.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ОБЪЕДИНЕНИЯ БРИКС

Чжан Тао
магистрант 1-го года обучения очного отделения программы подготовки международное право юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: + 86 178 80 21 47 74, e-mail: zhangtao@mail.ru

FEATURES OF EDUCATION AND LEGAL STATUS OF THE BRICS ASSOCIATIO

Zhang Tao
first-year full-time master's student in the International Law
Preparatory Program at the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Street, M.Tursunzade 30
Tel.: +86 178 80 21 47 74; email: zhangtao@mail.ru

Аннотация. *В начале XXI века система международных отношений претерпевает существенные изменения, связанные с переходом к многополярному миру и усилением роли развивающихся государств. Одним из наиболее ярких проявлений этих процессов стало формирование объединения БРИКС, которое из первоначально аналитической концепции превратилось в важный механизм межгосударственного взаимодействия. БРИКС представляет собой объединение государств с быстроразвивающимися экономиками, ориентированное на укрепление экономического сотрудничества, реформирование глобального управления и создание альтернативных центров силы в мировой политике. Актуальность исследования обусловлена тем, что БРИКС занимает особое место в системе международных отношений, обладая при этом уникальным правовым статусом, отличающимся от классических международных организаций.*

Annotation. At the beginning of the 21st century, the system of international relations is undergoing significant changes associated with the transition to a multipolar world and the growing role of developing states. One of the most striking manifestations of these processes was the formation of the BRICS group, which, from an initially analytical concept, has evolved into an important mechanism for interstate cooperation. BRICS is an association of states with rapidly developing economies focused on strengthening economic cooperation, reforming global governance, and creating alternative centers of power in world politics. The relevance of the study is determined by the fact that BRICS occupies a special place in the system of international relations, while possessing a unique legal status that differs from classical international organizations.

Ключевые слова*: БРИКС, правовой статус, унификация гармонизация, торговля, международные организации, пароорганизация.*

Key words: *BRICS, legal status, unification, harmonization, trade, international organizations, pair organization.*

БРИКС – это межгосударственное объединение более десяти крупных государств мира с огромным экономическим потенциалом. Электронная торговля для государств - участников имеет огромное значение, в особенности после COVID-19 электронная торговля между странами начало расти более активно. Ежегодные саммиты, проходящие в рамках БРИКС, затрагивают также вопроса развития электронной торговли и наращивание экономического потенциала государств-участников. Их объединённый валовой внутренний продукт (ВВП) — 15,435 трлн долларов. По состоянию на 2015 год общий ВВП государств БРИКС составляет 16,039 трлн долларов (21,5 % от общемирового), а величина

золотовалютных резервов — 4,4 трлн долларов. За не столь длительное время своего существования БРИКС доказало свою эффективную деятельность для государств-участников, а также непосредственное ежегодное развитие товаро-денежных отношений между государствами-участниками. На сегодняшний день многие государства также изъявили желания стать членами данного межгосударственного объединения, что также говорит об эффективной деятельности и авторитета БРИКС.

Первые шаги, направленные на налаживание сотрудничества между государствами БРИКС, относятся к середине «нулевых» годов, когда эти государства, заметно усиливавшиеся экономически, стали проявлять стремление к активному взаимодействию в сфере экономики и к сотрудничеству с тем, чтобы оказывать воз действие на мировые финансово-экономические процессы. Формированию общих позиций способствовали беспрецедентные обстоятельства, создавшиеся в 2000-х годах нашего века в мировой экономике. Первым из них следует назвать экономический кризис 2008 года, поразивший государства с наиболее развитой экономикой, что привело к кризису легитимности международной финансовой системы; в то же время в тех государствах, которые называют «группой БРИКС», наблюдалась относительная экономическая стабильность. На основе договоренностей, достигнутых во время эпизодических контактов начиная с 2000 года, в 2006 году в рамках 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке по инициативе Российского министра иностранных дел С. Лаврова состоялась первая неформальная встреча министров иностранных дел. Итогом переговоров стало подтверждение участниками намерения развивать многоплановое четырехстороннее сотрудничество. Следующая, вторая встреча состоялась «на полях» сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке уже в 2007 году. В переговорах участвовали главы МИД четырех государств и были намечены некоторые планы: были приняты решения о ежегодном проведении встреч, налаживании регулярных контактов по линии посольств и представительств при международных организациях в ключевых для четырехсторонней дипломатии пунктах. Третья встреча произошла во время конференции лидеров «большой восьмерки» в Японии. Эта встреча уже была пятисторонней, поскольку к государствам БРИК присоединилась Южная Африка и аббревиатура стала немного длиннее – «БРИКС» («С» — транслитерация английской «S» для «South Africa»).

Именно во время этой встречи представители пяти государств договорились о подготовке и проведении совещания своих полномочных представителей для по иска путей к целенаправленному взаимодействию15. Такое совещание, более или менее формальное, так что его даже назвали «саммит», состоялось в мае 2008 года в Екатеринбурге. Эта встреча была знаменательной: после двухлетнего периода по иску возможных точек сотрудничества министры иностранных дел провели формальные переговоры, завершившиеся принятием совместного коммюнике, в кото ром они изложили согласованное понимание сложившегося однополярного мира. Все участники однозначно оценивали однополярность современного мира как потенциально опасную. Это было первое изложение общих позиций, которые могли стать основой для дальнейших совместных действий. Впоследствии саммиты проходили еже годно по очереди в каждом из государств-участников БРИКС, по итогам которых принимались декларации и заявления, отражавшие общее понимание мировых проблем. У этих государств появились возможности отстаивать свои собственные позиции в переговорах с развитыми государствами. В свою очередь, единая позиция, занятая государствами-участниками БРИКС, создавала доверие между ними и возможность сотрудничать в различных областях и настаивать на реорганизации сложившегося в мире правопорядка. Возникшие к тому времени контуры сотрудничества позволили им четко определить свои позиции. Через полгода после встречи министров иностранных дел в Екатеринбурге министры финансов и руководители центральных банков этих государств собрались в Сан-Паулу (Бразилия). Это была оперативная реакция на разразившийся кризис: эта первая встреча глав финансовых ведомств состоялась 7 ноября 2008 г., менее чем через два месяца после банкротства американского банка Lehman Brothers, которое и дало толчок мировому финансовому кризису. В сов местном коммюнике они выразили свою позицию относительно кризиса: «Мы призываем к реформированию многосторонних институтов с тем, чтобы они отражали структурные изменения в мировой экономике и то место, которое по праву принадлежит странам «поднимающейся» экономики. Мы едины во мнении, что международным организациям следует пересмотреть свою структуру, правила и методы работы в том, что касается представительства, легитимности и эффективности, а также укрепить свои

возможности в подходе к глобальным проблемам. Должны продвигаться реформы Международного валютного фонда и семьи Всемирного банка в направлении достижения более справедливого баланса возможностей для выражения своих позиций и своего представительства между развитыми и развивающимися странами». В то время как в развитых государствах бушевал экономический кризис, в государствах БРИКС довольно скоро стали заметны улучшения, хотя полностью остаться в стороне от кризиса этим государствам не удалось. После этого контакты между государствами БРИКС были довольно активными: в последующие четыре месяца министры встречались четыре раза. В результате этого благодаря согласованным действиям они стали оказывать заметное воз действие на «большую двадцатку».

Группа БРИКС формировалась и действует как организация, созданная государствами. Государства играют решающую роль и при определении политики организации. Об этом прямо говорится в документах, принимаемых на саммитах БРИКС. Например, Декларация, принятая в ходе Седьмого саммита в Уфе, начинается так: «Мы, руководители Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерации, Республики Индия, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики…», т. е. с самого начала документа даётся ясное представление о том, что это документ, составленный от имени государств. Далее местоимение «мы» употребляется в начале каждой фразы: «Мы обсудили…», «Мы подчерк нули…», «Мы договорились…», «Мы подтвердили…» и т. д. Ранее в данной работе упоминалось, что в конференциях БРИКС принимает участие большое число разнообразных участников – кроме дипломатов это еще представители бизнеса, различные эксперты, неправительственные организации в области защиты прав человека, охраны окружающей среды и т. п. Однако решающая роль в организации и деятельности БРИКС имеют государства, которые инициируют, организуют и осуществляют внутри своих государств и на международной арене, а также в рамках международных органов и организаций намеченные мероприятия.

Общепринято, что международные межгосударственные или межправительственные организации создаются на основе международного договора. Вот как определяет понятие «Международные межправительственные организации» Словарь международного права: «постоянные объединения государств, созданные на основе разработанного и одобренного государствами международного соглашения или иного учредительного акта в целях координации усилий правительств по решению определенных международных проблем». Существенное отличие БРИКС от «классических» международных организаций состоит в том, что в его основе не лежит никакого учредительного договора.

В литературе такие международные объединения часто называют «сою зами», «клубами», «форумами». В европейской литературе, в связи с этим появился термин «мягкие организации» (soft organizations). А. Х. Абашидзе и А. М. Солнцев предложили название «квазиорганизация» [1, 10]. Этот же термин использован в авторитетном издании «Энциклопедия международных организаций» [2, 71]. Однако более удачным, по нашему мнению, является предложенный Г. М. Вельяминовым термин «пара-организация» [3, 309]. Г. М. Вельяминов определяет пара-организацию как «неформальное объединение, подобное международной организации, но не являющееся таковой, не обладая правосубъектными и правотворческими свойствами и явными институционными качествами». Значит, с точки зре ния Г. М. Вельяминова, обязательными свойствами международной организации являются правосубъектность, полномочие заниматься правотворчеством. Это ясно, а вот что такое «институционные качества» не вполне понятно.

БРИКС представляет собой уникальное явление в системе международных отношений, сочетающее признаки международного форума, межгосударственного объединения и политико-экономической коалиции. Его образование стало результатом объективных процессов трансформации мировой экономики и стремления развивающихся стран к более справедливому распределению влияния в глобальном управлении.

Особенности формирования БРИКС заключаются в отсутствии формализованного учредительного акта, гибкости институциональной структуры и опоре на консенсусный механизм принятия решений. Это позволило объединению быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и расширять сферы сотрудничества.

Правовой статус БРИКС характеризуется отсутствием полной международной правосубъектности и доминированием механизмов «мягкого права». Вместе с тем, влияние

объединения на международные процессы продолжает возрастать, что проявляется в создании собственных финансовых институтов и расширении состава участников.

В перспективе БРИКС может эволюционировать либо в более институционализированную структуру, либо сохранить свою гибкую модель, которая уже доказала свою эффективность в условиях глобальной неопределённости. Независимо от выбранного пути, БРИКС остаётся важным элементом формирующегося многополярного мирового порядка и одним из ключевых акторов глобальной экономики.

Список литературы:

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. БРИКС – международная квазиорзанизация? // Актуализация процесса взаимо действия стран БРИКС в экономике, политике, праве: матлы науч. семинара. Москва, 9 октября 2012 г.; отв. ред и сост. Беликова К. М. – М., 2012. – С. 10.
2. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. Академический курс. – М., 2004. – С. 70–71.
3. Энциклопедия международных организаций. Международные межправительственные организации / авт.-сост.: С. В. Бахин, Л. Н. Галенская, В. С. Иваненко, С. А. Малинин, И. С. Марусин, В. Ф. Сидорченко. – СПб., 2003. – С. 309.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ КАК БАЗОВЫЙ ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВА

Шоев Хайдар Абдурахмонович
магистрант 2-го года обучения юридического факультета,
направления «Юриспруденция»,
профиль подготовки – Международное право
Российско-Таджикский (Славянский) университет
тел.: (+992) 010762323, e-mail: shoev.haydar01@mail.ru

INTERNATIONAL TREATIES AS A BASIC SOURCE OF INTERNATIONAL TRADE LAW

Shoev Haidar Abdurakhmonovich
2st year Master's student at the Faculty of Law,
specialty "Jurisprudence", training profile - International Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
tel.: (+992) 010762323, e-mail: shoev.haydar01@mail.ru

Аннотация. *В статье исследуются источники международного торгового права как основа формирования и функционирования современных торгово-правовых режимов. Обосновывается, что усложнение мировой хозяйственной системы, расширение трансграничного оборота товаров, услуг и капитала, а также усиление взаимозависимости государств объективно повышают значение устойчивых международно-правовых регуляторов, обеспечивающих предсказуемость поведения участников торговли, снижение правовой неопределённости и эффективное разрешение споров. Особое внимание уделяется раскрытию понятия источника права применительно к международно-правовой системе, специфика которой обусловлена согласительным характером правотворчества и суверенным равенством субъектов международного права. Анализируется система источников международного торгового права, включающая международные договоры, международный обычай, общие принципы права, судебно-арбитражную практику и акты международных организаций. Центральное место в исследовании занимает международный договор как основной и наиболее развитый источник международного торгового права.*

Annotation. *The article examines the sources of international trade law as the foundation for the formation and functioning of contemporary trade legal regimes. It is argued that the growing complexity of the global economic system, the expansion of cross-border circulation of goods, services and capital, as well as the increasing interdependence of states, objectively enhance the*

significance of stable international legal regulators capable of ensuring predictability in the conduct of trade participants, reducing legal uncertainty and facilitating effective dispute settlement. Particular attention is given to clarifying the concept of a source of law within the international legal system, the specificity of which is determined by the consensual nature of law-making and the sovereign equality of subjects of international law. The study analyzes the system of sources of international trade law, including international treaties, international custom, general principles of law, judicial and arbitral practice, and acts of international organizations. The central place in the research is occupied by the international treaty as the principal and most developed source of international trade law.

Ключевые слова: *международное торговое право; источники международного права; международный договор; международный обычай; общие принципы права; акты международных организаций; Всемирная торговая организация; торгово-правовой режим; международные торговые споры; гармонизация законодательства; институционализация международной торговли.*

Keywords. *international trade law; sources of international law; international treaty; international custom; general principles of law; acts of international organizations; World Trade Organization; trade legal regime; international trade disputes; harmonization of legislation; institutionalization of international trade*

Исследование источников международного торгового права представляет собой необходимое условие для раскрытия механизма формирования и функционирования современных торгово-правовых режимов. Усложнение мировой хозяйственной системы, обусловленное процессами глобализации и интенсификацией трансграничного оборота товаров, услуг, капитала и иных экономических благ, объективно повышает значение устойчивых юридических стандартов, способных обеспечить предсказуемость поведения участников международной торговли, снизить уровень правовой неопределённости и минимизировать коллизионные риски, а также содействовать эффективному разрешению торговых споров.

Специфика международного права, основанная на согласительном характере правотворчества и суверенном равенстве субъектов, предопределяет особую природу его источников. В этой связи анализ источников международного торгового права требует комплексного подхода, охватывающего как классические формы международно-правового регулирования – международные договоры, международный обычай и общие принципы права, – так и производные регуляторы, формирующиеся в рамках деятельности международных организаций и складывающейся судебно-арбитражной практики, которые, не всегда обладая формальной нормативностью, оказывают существенное влияние на развитие международных торговых режимов и уточнение содержания применимых правовых норм [9, 236].

Для корректного раскрытия проблематики источников международного торгового права представляется необходимым в первую очередь уточнить содержание самого понятия «источник права». В юридической доктрине данный термин используется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, под источником права традиционно понимается внешняя форма выражения и юридического закрепления правовой нормы, то есть способ, посредством которого правило поведения приобретает общеобязательный характер, становится доступным для восприятия и подлежит применению в правоприменительной деятельности [5, 102]. Во-вторых, указанное понятие употребляется и в более широком значении – как основополагающий нормативный акт либо правовая конструкция, являющаяся базой для формирования производных норм, институтов и механизмов регулирования общественных отношений [14, 157].

Особенности международного права обусловливают и своеобразие подходов к пониманию его источников. В научной литературе, наиболее распространённой является позиция, согласно которой источники международного права представляют собой согласованное выражение правотворческой воли государств, оформленное в определённых юридических формах и направленное на установление, признание и обеспечение обязательности международно-правовых норм [13, 174]. В отличие от внутригосударственных правовых систем, где нормы формируются преимущественно посредством деятельности централизованного законодателя, международное право развивается в условиях суверенного

равенства субъектов, а также согласительного характера нормотворческого процесса, что непосредственно отражается как на перечне, так и на содержании его источников.

Центральное значение в теории классификации источников международного права принадлежит Статуту Международного Суда ООН, который традиционно рассматривается в качестве ключевого документа, фиксирующего круг форм, применяемых при установлении и толковании международно-правовых норм. В частности, в Статуте Международного Суда ООН закреплён перечень основных источников права, среди которых первостепенное значение имеют:

1. международный договор – официально оформленное соглашение между субъектами международного права, посредством которого устанавливаются взаимные права и обязанности и закрепляются юридически обязательные нормы поведения;
2. международный обычай – сложившееся в практике государств правило поведения, не обязательно выраженное в письменной форме, возникающее в результате длительного и устойчивого повторения и признаваемое субъектами международного права в качестве юридически обязательного [11, 107-108].

При этом международно-правовая доктрина подчёркивает, что указанные формы не исчерпывают содержание всей системы источников. Помимо договоров и обычаев, в качестве источников международного права также рассматриваются общие принципы права, а также такие элементы, как судебная практика и акты (решения) международных организаций, которые, хотя и не всегда имеют нормативный характер, играют существенную роль в развитии международного регулирования и уточнении содержания правовых норм [15, 453].

В юридической литературе распространён также подход, согласно которому источники международного права подразделяются на основные и вспомогательные. Ряд исследователей, в частности Б. Кривокапич, связывает происхождение данной классификации со ст. 38 Статута Международного Суда ООН [7, 74]. Так, указанная статья раскрывает механизм применения норм международного права Судом и фиксирует перечень правовых регуляторов, которыми он должен руководствоваться при разрешении международных споров. В частности, ст. 38 Статута закрепляет, что Суд применяет:

1. международные конвенции (общие и специальные), устанавливающие правила, прямо признанные спорящими государствами;
2. международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;
3. общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;
4. с учётом оговорки, закреплённой в ст. 59, – судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций как вспомогательное средство для определения правовых норм [16].

Следует подчеркнуть, что приведённое положение не только перечисляет формы права, но и демонстрирует концептуальную модель источников международного права: в ней договоры и обычай выступают ядром правовой системы, тогда как судебные решения и доктрина выполняют дополнительную интерпретационную функцию.

Таким образом, источники международного права образуют многоуровневую систему юридических форм, выражающих согласованную волю государств и обеспечивающих общеобязательность международно-правовых норм. Их специфика определяется децентрализованным характером международного правотворчества, основанного на принципах суверенного равенства субъектов и согласительных механизмах выработки правовых правил. При этом, несмотря на центральную роль международного договора и международного обычая как основных способов закрепления норм, современная международно-правовая доктрина обоснованно подчёркивает значение вспомогательных регуляторов – общих принципов права, судебно-арбитражной практики и актов международных организаций, которые выступают инструментами конкретизации, развития и адаптации международного регулирования к изменяющимся условиям мировой политики и экономики.

Исходя из этого, можно заключить, что источниковая база международного торгового права опирается на договорную основу, но и существенной ролью многосторонних международных конвенций, а также актов международных организаций, формирующих специализированные торговые режимы, стандарты поведения участников оборота и механизмы урегулирования возникающих споров [3, 275].

Указанные источники отражают согласованную правотворческую волю субъектов международного права, а также демонстрируют тенденцию к институционализации и формализации международной торговли. Их роль заключается не только в закреплении правовых норм, но и в формировании международных торговых режимов, механизмов разрешения споров и общепризнанных стандартов поведения.

Наиболее значимым и широко применяемым источником международного торгового права выступают международные договоры, под которыми понимаются заключённые в письменной форме соглашения между государствами и/или международными организациями, регулируемые международным правом и направленные на установление, изменение либо прекращение взаимных международно-правовых обязательств в сфере торгово-экономических отношений. Договорная форма закрепления торговых обязательств обладает приоритетным значением в силу того, что именно посредством договора возможно юридически определить пределы либерализации торговли, условия допуска товаров на рынок, а также меры защиты национальной экономики, обеспечив при этом предсказуемость внешнеторгового взаимодействия государств [11, 521].

Согласно общепризнанным положениям международного права, договор представляет собой основной инструмент согласования позиций субъектов международного общения и выступает центральной юридической конструкцией формирования международных режимов, включая торговые. В этой связи следует подчеркнуть, что международные договоры занимают основополагающее место в системе источников международного права вообще и международного торгового права в частности, что подтверждается их закреплением в перечне источников права, используемых Международным Судом ООН при разрешении споров, согласно ст. 38 Статута Международного Суда ООН [6, 76].

Кроме того, международный договор закрепляет не только нормативное содержание торговых обязательств, но и институциональные механизмы обеспечения их выполнения, включая процедуры взаимных консультаций, механизмы урегулирования разногласий и режимы ответственности. Следовательно, договор в международном торговом праве выступает одновременно как нормативный источник и как регулятивно-институциональный механизм.

Международные договоры в торговой сфере обладают рядом существенных юридических признаков, подтверждающих их фундаментальную роль в системе международного торгового права.

Во-первых, договор обладает признаком обязательности исполнения, выраженным в принципе *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). Данный принцип закреплён в международном праве как основа договорного взаимодействия и предполагает необходимость добросовестного выполнения обязательств государствами, принявшими договор. В сфере международной торговли он имеет особое значение, поскольку стабильность торговых режимов зависит именно от гарантированного соблюдения государствами своих тарифных и нетарифных обязательств.

Во-вторых, международный договор выполняет стабилизирующую функцию, поскольку закрепляет согласованные правила поведения и механизмы взаимного взаимодействия сторон. Это проявляется в формировании устойчивых торговых режимов, основанных на юридически определённом балансе интересов и обязательств. Данная функция особенно ярко выражена в многосторонней системе ВТО, где торговые правила носят универсальный характер, а их выполнение обеспечивается институциональными механизмами контроля и разрешения споров.

В-третьих, международные договоры характеризуются комплексностью регулирования. Они охватывают широкий спектр вопросов: тарифные меры, таможенные процедуры, лицензирование, квотирование, правила происхождения, технические регламенты, санитарные и фитосанитарные меры, торговые процедуры, защитные меры и иные аспекты, влияющие на доступ товаров и услуг на рынки. Таким образом, торговый договор по своей структуре является многоуровневым актом, включающим как материальные нормы, так и процедурные положения.

В-четвёртых, международные торговые договоры оказывают существенное влияние на национальные правопорядки, поскольку реализация договорных обязательств требует имплементации, гармонизации и адаптации национального законодательства к

международным стандартам. Данное обстоятельство непосредственно связано с принципом добросовестного исполнения договора, а также с механизмами внутреннего действия международного права в национальных правовых системах [2, 239].

Следовательно, международный договор не является исключительно внешним инструментом регулирования: напротив, он формирует юридические основания трансформации внутреннего законодательства и правоприменительной практики, особенно в области внешнеэкономической деятельности, таможенного, административного и финансового регулирования.

При этом, международный торговый договор выступает не только формой закрепления юридических норм, но и важнейшим инструментом согласования торгово-экономических интересов государств. Договорная конструкция позволяет достичь компромисса и баланса между конкурирующими ценностями и интересами, в частности между:

- государственным суверенитетом и объективной необходимостью международной торговой взаимозависимости;
- принципом свободы торговли и правом государства применять меры защиты внутреннего рынка и национального производителя;
- равноправием государств и наличием существенных различий в уровне их экономического развития и торгового потенциала.

Указанный баланс является фундаментальным в международном торговом праве, поскольку именно через договор стороны фиксируют допустимые пределы конкуренции, либерализации и государственного вмешательства. В этом отношении договор в торговой сфере может рассматриваться как инструмент правовой организации международного рынка, позволяющий предупредить торговые конфликты и сформировать стабильные условия для международного экономического обмена [1, 4].

В доктрине международного права международные торговые договоры рассматриваются как один из ключевых юридических инструментов регулирования международного экономического взаимодействия. В частности, они характеризуются как правовая модель международного экономического сотрудничества, закрепляющая долгосрочные цели, принципы и общие правила торгового взаимодействия государств, а также как механизм гармонизации торговых режимов, обеспечивающий согласование процедур, снижение правовых и административных барьеров, устранение препятствий в международном обороте и формирование единообразных правил поведения участников торговли. Одновременно международные торговые договоры выступают основой создания международных стандартов осуществления торговой деятельности, способствуя обеспечению предсказуемости коммерческого оборота, стабильности внешнеэкономических связей и правовой определённости в системе международной торговли. Существенным является и то, что договорная форма традиционно используется как средство правового обеспечения интеграционных процессов, включая создание зон свободной торговли, таможенных союзов и иных форм межгосударственной экономической интеграции, что позволяет рассматривать международные торговые договоры как инструмент институционализации торгово-экономического сотрудничества [4,11]. Следовательно, международные торговые договоры не только отражают политико-экономическую волю государств, но и закрепляют юридические формы и пределы реализации этой воли в международном товарообороте.

Систематизация международных торговых договоров в научной литературе осуществляется по различным критериям, среди которых наиболее распространённой является классификация по кругу участников и предмету правового регулирования. По кругу участников выделяются двусторонние и многосторонние международные торговые договоры. Двусторонние договоры заключаются между двумя государствами и, как правило, направлены на установление режима торгово-экономического сотрудничества, условий допуска товаров и услуг на рынки, взаимных преференций и механизмов защиты экономических интересов. К данному виду договоров относятся соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, соглашения о свободной торговле, соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, а также специализированные договоры, регулирующие отдельные аспекты торгового взаимодействия, включая транзит, таможенное сотрудничество, техническое регулирование и иные вопросы, сопровождающие внешнеторговую деятельность. Многосторонние торговые договоры принимаются группой

государств и устанавливают нормы международной торговли в более широком масштабе, формируя универсальные либо региональные торговые режимы. Особое место среди них занимают соглашения и договорные комплексы, действующие в рамках Всемирной торговой организации, представляющие собой наиболее развитую систему договорных обязательств и институционально обеспеченных процедур современного международного торгового права [8, 100].

По предмету регулирования международные торговые договоры охватывают широкий круг правовых вопросов, непосредственно влияющих на доступ товаров и услуг на рынки и условия ведения внешней торговли. В зависимости от содержания они могут устанавливать правила применения режима наибольшего благоприятствования и национального режима, регулировать тарифные меры и таможенные процедуры, определять порядок использования нетарифных ограничений, включая лицензирование, квотирование, запреты и иные формы ограничений, а также закреплять инструменты торговой защиты, в том числе антидемпинговые, компенсационные и специальные защитные меры. Кроме того, значительное место в международных торговых договорах занимают положения о санитарных и фитосанитарных мерах, технических барьерах в торговле, правовой охране интеллектуальной собственности в торговой сфере (включая стандарты TRIPS), а также нормы, регулирующие инвестиционное сотрудничество и преференциальные торговые режимы [12, 43]. Указанные договорные положения обеспечивают функционирование международного товарооборота, способствуют устранению препятствий и снижению рисков в торговом обороте, формируют универсальные стандарты доступа к рынкам и закрепляют основы добросовестной конкуренции.

Таким образом, международные договоры выступают первичной и фундаментальной основой международного торгового права, поскольку именно посредством договорной формы закрепляются ключевые материальные нормы и процедурные механизмы, определяющие условия и правила функционирования международных торговых режимов. Их юридическая обязательность, универсальность и наличие институциональных механизмов обеспечения исполнения придают международным договорам характер ведущего инструмента поддержания стабильности международной торговли и реализации базовых принципов современного международного экономического порядка.

Список литературы:

1. Бардина, М. П. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности и внешнеторговые контракты / М. П. Бардина // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 6 (27). – С. 2–8.
2. Вилкова, Н. Г. Договорное право в международном обороте / Н. Г. Вилкова. – Москва: Статут, 2002. – 511 с.
3. Гордеев, К. С. Международное торговое право: понятие и источники / К. С. Гордеев // E-Scio. – 2019. – № 6 (33). – С. 273–276.
4. Дедусенко, А. С. Международное торговое право (понятие, принципы и основные институты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Дедусенко Александр Сергеевич; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – Москва, 2007. – 26 с.
5. Имомова, Н. М. Имплементация Республикой Таджикистан конвенциональных норм, разрабатываемых в международных организациях / Н. М. Имомова, У. М. Мамадамонов // Юридический вестник. – 2021. – № 4(8). – С. 101-105.
6. Кривокапич, Б. Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (часть 2) / Б. Кривокапич // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 71–79.
7. Кривокапич, Б. Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (часть 1) / Б. Кривокапич // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 4. – С. 76–85.
8. Мамадамонов, У. М. Международно-правовые обязательства государств по праву Всемирной торговой организации (ВТО) / У. М. Мамадамонов // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2021. – № 1. – С. 98-105.
9. Международное право: учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: Инфра-М, 2002. – 624 с.

10. Международное публичное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекяшев, Г. К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. К. А. Бекяшев. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2008. – 1000 с.
11. Международное публичное право: учебник для бакалавров / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекяшев, Г. К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. К. А. Бекяшев. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2013. – 1008 с.
12. Международное экономическое право: учебное пособие / [А. Н. Вылегжанин и др.]; под ред. А. Н. Вылегжанина. – Москва: КНОРУС, 2012. – 272 с.
13. Насриддинзода, Э.С., Сафарзода Б.А. Соотношение понятий "международно-правовой акт" и "международный договор" и процедура их имплементации в правовую систему Таджикистана // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2017. – № 2/3. – С. 173-176.
14. Павловец, И.А. Источники международного права, понятие и их роль в правотворческих процессах и в правоопределяющих факторах // Экономика и социум, №. 2-5 (11), 2014. – С. 155-162.
15. Права человека: учебник / А. Г. Халиков, А. М. Диноршоев, Б. А. Сафаров, Д. С. Сафаров; под ред. А. М. Диноршоева. – Душанбе: Виза-принт, 2009. – 768 с.
16. Статут Международного Суда (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Портал правовой информации Республики Таджикистан. URL: http://www.portali-huquqi.tj/ (дата обращения: 28.12.2025)

СЕКЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ, УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА»

КРИЗИС ПРИНЦИПОВ ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНОМ, ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ачилов Ихтиерджон Бахтиерович
Студент 3-го курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде,30
тел.: +888220220, e-mail: Bakha.кг @gmail.com

CRISIS OF PRINCIPLES OF LAW IN A NATIONAL, DEMOCRATIC STATE

Achilov Ikhtierjon Bakhti'erovich
3rd year full-time student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +888220220, e-mail: Bakha.кг @gmail.com

Аннотация. *В статье рассмотрен вопрос кризиса современной демократии, трансформации демократии в постдемократию, в которой власть принадлежит глобальному капиталу, который под флагом «демократизации» развязывает вооруженные конфликты по всему миру (гибридные прокси-войны), а также утраты осмысления демократии как реального принципа общественной жизни. Рассмотрены варианты построения демократии в Российской Федерации с учетом приоритета национального опыта.*

Annotation. *This article examines the issue of the crisis of modern democracy, the transformation of democracy into a post-democracy in which power belongs to global capital, which is unleashed by armed conflicts around the world under the banner of «democratization» (hybrid proxy wars), the loss of understanding of democracy as a real principle of public life. Options for building democracy in the Russian Federation are considered, taking into account the priority of national experience.*

Ключевые слова: *демократия, постдемократия, капитализм, элиты, война, гражданское общество, национальный опыт.*

Keywords: *democracy, post-democracy, capitalism, elites, war, civil society, national experience.*

Период с 2020 по 2026 год стал краеугольным водоразделом, который ускорил процесс пересмотра правовых ценностей и принципов, считавшихся нормой для мирового сообщества на протяжении всего постсоветского времени. Единственной идеологией, которая претендовала на глобальное господство, стала либеральная школа мысли, ставящая в абсолют безграничную «свободу и права» человека и отсутствие какого-либо законодательного регулирования общественных взаимоотношений. В такой системе права само государство и государственные институты полагались правовой оценке и регулированию. Большинство государств мира, несмотря на разнообразие политических систем, руководствовались этой системой права, делая упор в первую очередь на права граждан своей страны.

Тем не менее, процесс либерализации и демократизации, в большей степени распространявшийся посредством военных вторжений Соединенных Штатов Америки и пропагандой европейских организаций в средствах массовой информации, столкнулся с очевидным кризисом. Пандемия COVID-19 и последующие его социально-экономические эффекты стали большим тестом для либеральной системы прав человека. Одновременно появление искусственного интеллекта и его угроз вызвали тенденцию централизации государственного регулирования цифрового мира [5, 47].

Цель данной статьи состоит в выявлении главных форм проявления системного кризиса норм и принципов, на которых основываются либеральное и национальное законодательство в 20-ые годы XXI века. Дополнительная задача заключается в определении способов решения этих проблем в виде рекомендаций для таджикских законодателей и будущих юристов.

Прежде всего, необходимо дать научное определение терминам либерализм и национализм.

Во-первых, либерализм в юридическо-теоретическом смысле строится вокруг идеи ограничения публичной власти и общественного осуждения ради увеличения «прав и свобод» человека. Базисом этой идеи служит Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году в Организации Объединенных Наций. Внутри этой рамки кризис либерального законодательства — это, в первую очередь, кризис ограничений власти и их целесообразности, отсутствие доверия к нейтральности правовых процедур, моральности расширения прав и двойные стандарты, часто применяемые международными акторами.

Национальное законодательство исторически имеет более сложную природу. Оно исходит из приоритета гражданского сообщества своей страны и государства как носителя ответственности за безопасность, порядок и коллективную идентичность. Государства-нации используют собственную юридическую терминологию, включая суверенитет, традиции и обычаи, удовлетворения интересов граждан, а также их защита от внешних влияний.

На первый взгляд кажется, что различия между этими подходами существенны: либерализм ставит в приоритет человека как некого Бога, которому можно делать все, а национализм обожествляет свою нацию и традиции предков, которых надо безусловно чтить и уважать. Однако на деле большая часть государств мира — успешно или нет — совмещает обе эти идеологии в основу своего конституционного строя. К примеру, в праве Европейского Союза одновременно закреплены правозащитные ценности в статье 2 и обязанность уважать национальные идентичности и функции государств в статье 4(2) [2, 67]. Проблема возникает тогда, когда в сложных условиях государства-члены ООН применяют разные политические подходы, пытаясь исправить сложившуюся ситуацию. 2020-ые годы все чаще показывают, что иерархия между либерализмом и национализмом и юридические техники их обеспечения расходятся с большими темпами и не могут быть совмещены в долгосрочной перспективе.

Настоящий кризис возник не с пустого места, а по причине глобальных перемен, вызванных в начале всемирным пандемией коронавируса. Пандемия вызвала необходимость массовых ограничений прав и свобод человека, включая его передвижения, собрания, общение, приватность и предпринимательство. Конечно, международное право допускает ограничение прав в особо экстренных случаях, однако кризис возник из-за неотложности этого, что стало общим оправданием для различного рода ограничивающих законов.

Ускоренная цифровизация, вызванная необходимостью нахождения дома из-за вспышки коронавируса, вызвала в свою очередь еще одну проблему для законодателей. С одной стороны, им предлагают либеральное отношение к цифровым данным, предполагающее защиту данных пользователей, а с другой — национально-суверенный вариант, постулирующий защиту цифровой безопасности всего государства и большей слежкой за людьми.

Нельзя не отметить и массовую миграцию. К концу 2024 года согласно статистике ООН около 123 миллионов человек были вынуждены покинуть свои дома из-за бомбардировок западных стран для поиска политического убежища в более благоприятные государства [4, 98]. Тут и возникает дилемма между суверенитетом страны, как в плане финансовой и физически безопасности, так и в плане будущей идентичности страны. Наши таджикские сограждане оказывается в центре проблемы на территории России, которая вынуждена по причине нехватки рабочей силы привлекать трудовых мигрантов, но также и хотят сохранить свою русскую идентичность. Противоречия между этими тенденция каждый день вызывает все больше и больше негодований со стороны таджиков, поэтому уже прослеживается снижение заинтересованности наших граждан к переезду в РФ. К большой напряжённости привело и введение федеральных войск США в штат Техас для охраны границы с Мексикой. Это действие не только противоречило Конституции Америки, но и могло подтолкнуть к внутренней войне между республиканской федеральной верхушкой и демократической силой Техаса [4].

Наибольшим стимулом развертывания так называемого либерального конца истории по Фуко стали военные конфликты, которые до сих пор находятся в активной фазе. Речь едет о специальной военной операции России против Украины и войны на Ближнем Востоке между иранскими прокси-марионетками и коалицией Эпштейна: США и Израиля. Резня, устроенная боевиками ХАМАС 7 октября, сплотило левых и правых политиков сионистского образования ради одной цели: защиты национальных интересов евреев наперекор всем либеральным

лозунгам о правах человека [3, 156]. Оно дало им карт-бланш на совершение любых преступлений на территории Сектора Газа, даже геноцид, при том, что в правозащитных, феминистических и демократических странах Запада они все ещё имеют существенную поддержку в военном и финансовом сферах. Противоречие между либерально-правозащитной риторикой стран НАТО и их поддержкой крайне фашистского еврейского государства дало большой толчок в сомнениях общественности относительно справедливости всей либеральной системы права в странах Европейского Союза.

С другой стороны, опора на «традиционные семейные ценности» не всегда будут иметь поддержку среди населения, если они не будут иметь чётко выраженного научного определения, хотя бы в рамках одного национального государства. Если главный телеведущий государственных каналов России Дмитрий Соловьёв каждый раз твердит о загнивающем Западе и великой целомудренной политике РФ, в то время как его сын занимается модельными агентствами и выглядит экстравагантно по меркам российского общества, это конечно же будет выглядеть как нелепая политическая пропаганда, которая не будет иметь ничего за собой помимо громких слов.

Другая проблема возникает в том, каков источник этих традиций и норм. Дело в том, что таджики как народ за свою историю пережили много периодов возвышения и спада, в следствии которых они подвергались смешивания с культурами других народов, так что нельзя уже отличить одного от другого. В разные времена таджики имели разные традиции, нормы этикета и уважения, мировоззрения и т.д., что конечно же вызывает острую необходимость в точном определении того, за какой именно эпохой бытия таджикского народа должны следовать мы, граждане Республики Таджикистан. К примеру, запрет ношения паранджи для женщин и бороды у мужчин вызвало большое негодование таджиков и внутри страны, и за её пределами, ведь наш народ всегда носил бороду и закрывал лицо со времён Пешанидов, за исключением периода после захвата российскими, а затем и советскими агрессорами, наших земель, убийства наших мужчин и насильственной феминизации наших девушек.

Согласно вышеперечисленным причинам, мы считаем, что либеральная и националистическая система законодательства устарела со всех точек зрения. Нельзя совмещать в своей основе две идеологии, которые в корне противоречат друг другу. В критические моменты противоречия между этими системами дадут колоссальный урон государствам во всех уровнях общественных дел. Необходимо разработать хорошо сформулированную основу для системы права государства, которая устранит все имеющиеся противоречия.

Список литературы:

1. Денен П. Дж. Почему либерализм потерпел неудачу. Нью-Хейвен; Лондон: Йельского университета, 2018. -263 с.
2. Макинтайр А. Чья справедливость? Какая рациональность? Нотр-Дам, Индиана: Университета Нотр-Дам, 1988. - 410 с.
3. Сандел М. Дж. Либерализм и пределы справедливости. 2-е изд. Кембридж: Кембриджского университета, 1998. - 231 с.
4. Турек, Франк. Кража у Бога: почему атеистам нужен Бог, чтобы доказать свою правоту. Колорадо-Спрингс, Колорадо: NavPress, 2014. -270 с.
5. Тейлор К. Светская эпоха. Кембридж, Массачусетс; Лондон: Belknap Press при Гарвардском университете, 2007. - 874 с.

СИСТЕМА И КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ

Кабирова Суман Авазхонова
студентка 1 курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул М. Турсунзаде, 30
тел.**:** 992 9182730022 email: kabirovaSV2020@gmail.com

THE SYSTEM AND COMPETENCE OF STATE AND LOCAL AUTHORITIES TO ENSURE SECURITY

Kabirova Suman Avazkhonova
1nd-year full- time law student
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
тел.**:** 992 9182730022 email: kabirovaSV2020@gmail.com

Аннотация. *В представленной статье рассматривается система и компетенции органов государственной власти, которые занимаются обеспечением безопасности Российской Федерации. Кроме того, в работе раскрывается роль органов местного самоуправления в данной области, определяются место и функции Совета Безопасности РФ. В ходе изучения темы статьи были проанализированы различные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность вышеуказанных органов.*

Annotation. *The article deals with the system and competence of state authorities that provide security. The terms of reference are given, as well as their main principles of operation are defined. In addition, the role of local governments in this area is revealed. Security is a collective concept that implies different types of threats. Therefore, when studying the topic of the work, the powers of these subjects to protect against threats of a man-made and natural nature were analyzed.*

Ключевые слова: *безопасность, органы государственной власти, органы местного самоуправления, угрозы, защита.*

Keywords: *Security, state authorities, local authorities, threats, protection.*

Формирование политики национальной безопасности России в условиях глобализации — это прежде всего, идейный вызов для научной и политической элиты, способной предложить социуму своевременные, но ему не противоречащие ценности и национальные ориентиры; умение государства адекватно заполнять общественное сознание национальными образами и символами. На современном этапе модернизация российского общества является одним из наиболее актуальных вопросов, так как мир быстро меняется, а наше государство отстает в плане развития производства, экономики и темпов формирования гражданского общества [6, 76].

Российская Федерация, как и любое другое государство, нуждается в защите от внешних и внутренних угроз. Органы государственной власти являются неотъемлемым элементов обеспечения безопасности государства. В России выстроилась целая система таких органов, некоторые из них имеют многовековую историю. Президент РФ осуществляет общее руководство всеми органами безопасности. Данные органы находятся в системе исполнительной власти. Исключением является Совет Безопасности РФ. Это конституционный совещательный орган, Председателем которого является Президент РФ. Деятельность Совета Безопасности РФ регулируется Федеральным законом «О безопасности» и Положением о Совете Безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 06.05.2011 № 590. Совет Безопасности РФ ответствен за состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Кроме того, он готовит прогноз, анализирует и выявляет угрозы, разрабатывает меры по их нейтрализации, предлагает свои идеи Президенту РФ, контролирует работу органов государственной власти всех уровней, отвечает за формирование государственной политики в этой области [1, 98]. Обеспечением реализации возложенных на Совет Безопасности РФ занимается Секретарь. Он является должностным лицом, назначаемым Президентом РФ. Помимо этого, в состав Совета Безопасности РФ входят постоянные члены и члены с правом совещательного голоса.

Федеральными органами исполнительной власти, которые непосредственно занимаются обеспечением безопасности, являются Федеральная служба безопасности РФ, Федеральная служба охраны РФ, Служба внешней разведки РФ. Министерство внутренних дел РФ не относится к числу этих спецслужб, однако выполняет задачи по противодействию терроризму и экстремизму.

Деятельность Федеральной службы безопасности РФ регламентируется Конституцией РФ, международными договорами, Федеральным законом «О федеральной службе

безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ (далее ФЗ «О федеральной службе безопасности»). В соответствии с ФЗ «О федеральной службе безопасности» этот орган выполняет в пределах своей компетенции задачи по обеспечению безопасности Российской Федерации. Круг направлений деятельности ФСБ РФ достаточно широкий: разведывательная и контрразведывательная деятельность, борьба с терроризмом и преступностью, пограничная деятельность, обеспечение информационной безопасности [2].

Государственная охрана также относится к деятельности органов безопасности. Она осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О государственной охране» от 27.05.1996 № 57-ФЗ. Федеральная служба охраны является органом государственной власти, осуществляющим полномочия в данной сфере. ФСО РФ выполняет следующие задачи: прогнозирует и выявляет факторы, которые могут угрожать защищенности объектов, предотвращает угрозы безопасности объектов, обеспечивает информационную безопасность государства. Президент РФ и иные указанные в законе государственные должностные лица являются объектами государственной охраны [3, 45].

Служба внешней разведки РФ - орган безопасности, осуществляющий разведывательную деятельность за пределами государства. Федеральный закон «О внешней разведке» от 10.01.1996 № 5-ФЗ является нормативным правовым актом, регламентирующим работы указанного органа. Используемые Службой внешней разведки РФ методы и средства призваны обеспечивать безопасность личности, общества и государства. СВР РФ обеспечивает информацией Президента РФ, Правительство РФ и Федеральное Собрание РФ о потенциальных планах, намерениях или возможностях иностранных государств [4].

В Федеральном законе «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ достаточно коротко обозначена роль органов государственной власти субъектов РФ по обеспечению безопасности. Полномочия органов государственной власти субъектов РФ в области противодействия терроризму указаны в ст. 5.1. Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (далее - ФЗ «О противодействии терроризму). Среди прочих полномочий особо нужно отметить организацию социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта и обучение граждан методам предупреждения угрозы террористического акта [5]. ФЗ «О противодействии терроризму» наделяет полномочиями в указанной сфере высшее должностное лицо субъекта РФ и высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ.

Органы местного самоуправления в Российской Федерации, наряду с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, участвуют в решении вопросов по обеспечению национальной безопасности. Это ликвидация последствий катастроф, стихийных бедствий, гражданская оборона, мобилизационная подготовка. Ст. 5.2. ФЗ «О противодействии терроризму» определены полномочия органов местного самоуправления в области противодействия терроризму. В основном, полномочия сводятся к профилактике терроризма и проведению мероприятий по разъяснению его сущности.

В Российской Федерации выстроена достаточно стройная система органов государственной власти, занимающихся обеспечением безопасности. Все они осуществляют свою деятельность под единым началом. На уровне субъектов РФ полномочиями в этой области обладают высшее должностное лицо субъекта РФ и высший исполнительный орган власти. Органы местного самоуправления хоть и не относятся к системе органов государственной власти, однако также уполномочены решать определенные вопросы в данной сфере. Большинство их полномочий сводится к профилактике террористической деятельности среди населения в пределах территории муниципального образования. Но это отнюдь не умаляет их роли, так как любое противоправное деяние проще предупредить, чем устранять его последствие.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.consultant.ru
2. Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: consultant.ru

3. Федеральный закон «О государственной охране» от 27.05.1996 № 57-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: consultant.ru
4. Федеральный закон «О внешней разведке» от 10.01.1996 № 5-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: consltant.ru
5. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: consltant.ru
6. Аминов И.Р. Государственно-правовые проблемы модернизации российских регионов // Правовое государство: теория и практика. - 2016. - № 1 (43). - С. 57-60.

КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ БЮДЖЕТА РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Каюмова Азиза Анваровна
Студентка 3-го курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде,30
тел.: +992948603060, e-mail: kaumovaaziza7@gmail.com

LEGAL PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Kaumova Aziza Anvarovna
3rd year full-time student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +992948603060, e-mail: kaumovaaziza7@gmail.com

Аннотация. *В данной работе рассматриваются вопросы правовой защиты традиционных ценностей в Республике Таджикистан. Анализируются основные направления государственной политики в области сохранения культурного наследия, семейных устоев и нравственных ориентиров общества. Особое внимание уделяется роли Конституция Республики Таджикистан и иных нормативно-правовых актов в обеспечении защиты национальных традиций. Рассматриваются проблемы, связанные с влиянием глобализации, развитием информационного пространства и необходимостью соблюдения баланса между традиционными ценностями и правами человека. В работе делается вывод о важности совершенствования законодательства и повышения правовой культуры населения для эффективного сохранения и развития традиционных ценностей. Контроль за исполнением бюджета представляет собой важнейший элемент финансового управления, направленный на обеспечение эффективного, целевого и прозрачного использования государственных или корпоративных денежных средств. Он включает в себя систематическое наблюдение, анализ и оценку выполнения утверждённых бюджетных показателей, выявление отклонений и принятие своевременных мер по их устранению. Основными задачами контроля являются предотвращение финансовых нарушений, повышение дисциплины расходования средств и обеспечение достижения поставленных экономических и социальных целей. Такой контроль осуществляется различными органами и инструментами, включая внутренний и внешний аудит, финансовый мониторинг и отчётность, что способствует укреплению финансовой стабильности и ответственности.*

Annotation. *This paper examines the issues of legal protection of traditional values in the Republic of Tajikistan. The main directions of the state policy in the field of preservation of cultural heritage, family foundations and moral guidelines of society are analysed. Special attention is paid to the role of the Constitution of the Republic of Tajikistan and other normative legal acts in ensuring the protection of national traditions. The problems related to the impact of globalization, the development of the information space and the need to maintain a balance between traditional values and human rights are considered. The paper concludes that it is important to improve legislation and enhance the legal culture of the population for the effective preservation and development of traditional values. Budget execution control is an essential element of financial management aimed at ensuring the efficient, targeted and transparent use of government or corporate funds. It includes*

systematic monitoring, analysis and evaluation of the implementation of approved budget targets, identification of deviations and timely measures to eliminate them. The main objectives of the control are to prevent financial irregularities, increase spending discipline, and ensure that economic and social goals are achieved. Such control is carried out by various bodies and instruments, including internal and external audits, financial monitoring and reporting, which contributes to strengthening financial stability and responsibility.

Ключевые слова: *бюджет, финансы, Республика Таджикистан, Российская Федерация, бюджетный контроль, нормативно-правовые акты.*

Key words: budget, finance, Republic of Tajikistan, Russian Federation, budget control, regulatory legal acts.

Бюджетное право в Республике Таджикистан — это совокупность правил, которые регулируют, как формируется и используется государственный бюджет. Проще говоря, это законы, которые объясняют, откуда государство берёт деньги и как их тратит. Оно включает в себя порядок составления бюджета, его рассмотрения, утверждения, а также исполнения. То есть сначала бюджет планируется, потом принимается, а затем уже реализуется на практике.

Кроме того, бюджетное право регулирует отношения между различными государственными органами, которые участвуют в этом процессе. Все эти нормы вместе образуют бюджетную систему страны. Оно помогает организовать правильное управление государственными финансами и обеспечивает контроль за тем, чтобы деньги использовались по назначению

Ключевые слова по теме контроля за исполнением бюджета связаны с тем, как государство управляет своими деньгами и следит за их использованием. Сюда относятся такие понятия, как бюджетный контроль и финансовый контроль — они показывают, как проверяется расходование средств.

Также важен аудит эффективности, который помогает понять, насколько правильно и полезно тратятся деньги, достигаются ли поставленные цели. Не менее значимыми являются исполнение бюджета и бюджетная политика, так как они отражают, как на практике реализуются финансовые планы государства. Большое внимание уделяется эффективности расходов и целевому использованию средств, то есть проверяется, тратятся ли деньги по назначению и приносят ли они результат. Все эти понятия помогают лучше понять, как работает система контроля за бюджетом.

Бюджет Таджикистана показывает, откуда государство берет деньги и на что их тратит. Основные средства государство вкладывает в дороги, строительство, энергетику и сельское хозяйство, чтобы развивать экономику. Часть бюджета тратят на работу государственных учреждений и чиновников. Также расходы идут на социальные нужды, безопасность.

Контроль за исполнением бюджета — это деятельность государственных органов, направленная на проверку законности, целостности, использование бюджетных средств. Основные цели контроля: 1) обеспечение законности расходов средств; 2) предотвращение финансовых нарушений; 3) повышение эффективности использования бюджета; 4) укрепление финансовой дисциплины [3, 78].

Контроль помогает выявлять нарушения такие как нецелевое использование средств, завышение расходов, коррупционные действия и иные проблемы.

В Республике Таджикистан контроль за исполнением бюджета осуществляется несколькими государственными органами.

1. Счётная палата — это главный орган внешнего финансового контроля. который: проверяет исполнение государственного бюджета; проводит аудиты; анализирует эффективность расходов [4].

2. Министерство финансов- осуществляет внутренний контроль, то есть следит за исполнением бюджета; контролирует распределение средств; ведёт отчётность.

3. Казначейство, которое обеспечивает исполнение бюджета; контролирует движение денежных средств; предотвращает несанкционированные расходы.

4. Налоговые органы контролируют поступление доходов в бюджет; следят за уплатой налогов.

Контроль за исполнением бюджета осуществляется в разных формах: предварительный контроль. До использования средств проводится проверка обоснованности

расходов и утверждение бюджетных планов. Текущий контроль осуществляется в процессе контроля за расходами и проверкой операций. Последующий контроль проводится после анализа результатов и выявления нарушений. К методам контроля можно отнести проверки и ревизии; аудит; мониторинг; анализ финансовой отчётности.

Несмотря на существующую систему, в Таджикистане остаются определённые проблемы: недостаточная прозрачность бюджетных процессов, то есть это означает, что информация о формировании и расходовании государственных средств остаётся частично закрытой или трудной для понимания. На практике это проявляется в неполной публикации данных о расходах, сложностях в отслеживании движения средств и формальном характере отчётности. В результате граждане не могут чётко увидеть, как используются бюджетные деньги, что снижает доверие к государству, затрудняет выявление нарушений и создаёт условия для различных злоупотреблений. Слабый уровень финансовой дисциплины выражается в несоблюдении установленных правил использования бюджетных средств. Это может проявляться в несвоевременном освоении средств, превышении утверждённых расходов или их нецелевом использовании. Основными причинами являются слабый внутренний контроль в государственных органах, недостаточная ответственность должностных лиц и низкий уровень управленческой культуры. Всё это приводит к потерям бюджета, неэффективному расходованию средств и срыву реализации государственных программ.

Коррупция остаётся одной из наиболее серьёзных проблем в системе бюджетного контроля. Она проявляется в хищении бюджетных средств, завышении стоимости государственных закупок и использовании финансовых ресурсов в личных целях. Основными причинами являются недостаточный контроль, низкий уровень прозрачности и слабая ответственность за нарушения. Последствия коррупции выражаются в значительных финансовых потерях, замедлении экономического развития и снижении доверия общества к государственным институтам.

Нехватка квалифицированных кадров также существенно влияет на эффективность бюджетного контроля. Для качественного контроля необходимы специалисты с глубокими знаниями в области финансов, аудита и права, однако на практике наблюдается их дефицит. Причинами являются недостаточный уровень подготовки, ограниченные возможности для повышения квалификации и низкая мотивация работников. Это приводит к ошибкам в процессе контроля, снижению качества проверок и увеличению вероятности того, что нарушения останутся незамеченными.

Ограниченные технические ресурсы выражаются в недостаточном использовании современных информационных технологий и автоматизированных систем. Во многих случаях контроль осуществляется вручную или с применением устаревших методов, что замедляет процессы проверки и увеличивает риск ошибок. Отсутствие цифровых инструментов затрудняет оперативный анализ финансовых потоков и снижает общую эффективность контроля, делая его менее точным и менее результативным.

Эти проблемы снижают эффективность контроля и могут приводить к потерям бюджетных средств.

Для улучшения контроля за исполнением бюджета необходимо: внедрение современных цифровых технологий, использование информационных систем, электронных баз данных и онлайн-платформ позволяет автоматизировать процессы учёта и контроля бюджета. Например, электронные системы позволяют отслеживать движение средств в реальном времени, минимизировать ошибки и ускорить выявление нарушений. Цифровизация делает процесс прозрачным для государственных органов и общества.

Повышение прозрачности бюджета это означает доступность информации о доходах, расходах и результатах исполнения бюджета. Когда отчёты доступны для широкой публики и контролирующих органов, снижается риск злоупотреблений и коррупции. Прозрачность повышает доверие граждан и позволяет обществу участвовать в контроле за расходованием средств.

Усиление ответственности должностных лиц для эффективного контроля важно, чтобы лица, ответственные за исполнение бюджета, несли конкретную ответственность за нарушения. Это может включать дисциплинарные меры, штрафы, административную или уголовную ответственность в случае серьёзных нарушений. Чёткое закрепление ответственности мотивирует соблюдение правил и снижает риск злоупотреблений.

Развитие внутреннего аудита. Внутренний аудит — это проверка финансовых операций внутри самого государственного органа. Его развитие позволяет выявлять ошибки и нарушения на ранней стадии, до того, как они повлияют на бюджет в целом. Это снижает нагрузку на внешние контрольные органы и повышает качество управления финансами.

Повышение квалификации специалистов так как контроль за бюджетом требует профессионалов с глубокими знаниями в области финансов, права и аудита. Повышение квалификации включает обучение, стажировки, семинары и курсы для государственных служащих. Это обеспечивает правильное применение норм и эффективное выявление нарушений.

Усиление роли независимых контрольных органов. Независимые органы, такие как счётная палата, обеспечивают объективную проверку бюджета без влияния внутренних интересов органов власти [9, 97]. Усиление их роли повышает качество контроля, выявляет системные проблемы и гарантирует, что бюджетные средства расходуются эффективно и законно.

В России система бюджетного контроля считается более развитой и комплексной. Главную роль играет Счётная палата, которая осуществляет внешний аудит всех уровней бюджета и имеет полномочия проверять не только федеральные органы, но и региональные и муниципальные. В Таджикистане аналогичный орган также существует, но его полномочия и возможности пока ограничены, а частота и масштаб проверок меньше.

Россия активно использует электронный бюджет, что позволяет отслеживать доходы и расходы в реальном времени. Каждый этап исполнения бюджета фиксируется в системе, что повышает прозрачность и снижает риск нарушений. В Таджикистане такие электронные системы внедряются постепенно, и большинство операций пока проводятся вручную, что замедляет контроль и затрудняет анализ.

Цифровизация в России охватывает не только учёт средств, но и автоматизацию аналитики, мониторинга и отчетности, что позволяет быстро выявлять нарушения и оценивать эффективность расходов [6, 67]. В Таджикистане цифровизация пока ограничена отдельными программами и пилотными проектами, поэтому эффективность контроля ниже.

Также в России наблюдается более строгий контроль за государственными расходами: проверки проводятся на всех уровнях бюджета, отчётность проверяется регулярно, а за нарушения предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. В Таджикистане законодательная база для контроля есть, но практика применения санкций и контроля исполнения бюджетных средств находится в стадии совершенствования.

Таким образом, ключевые различия заключаются в полномочиях органов контроля, уровне автоматизации, прозрачности процессов и строгости исполнения законодательства. В Таджикистане опыт России может быть полезен для развития системы контроля, внедрения электронного бюджета и повышения прозрачности государственных финансов.

В Таджикистане эти элементы постепенно внедряются, но пока находятся на стадии развития.

Контроль за исполнением бюджета является важнейшим инструментом обеспечения финансовой стабильности государства и эффективного использования государственных средств [10, 59]. В Республике Таджикистан функционирует система органов контроля, включающая Счётную палату, Министерство финансов, казначейство и налоговые органы, однако её эффективность ограничена недостаточной прозрачностью, слабой цифровизацией и нехваткой квалифицированных кадров. Сравнение с Россией показывает, что внедрение электронного бюджета, усиление полномочий контрольных органов. Повышение прозрачности, внедрение новых технологий и усиление ответственности позволят улучшить использование бюджетных средств и способствовать экономическому развитию страны.

Для Таджикистана дальнейшее развитие системы контроля требует комплексного подхода, включающего цифровизацию, повышение ответственности должностных лиц, развитие внутреннего аудита и обучение специалистов. Эффективный контроль за исполнением бюджета позволяет обеспечить законность, прозрачность и целевое использование государственных финансов, что является основой устойчивого экономического развития страны

Список литературы:

1. Закон Республики Таджикистан «О государственном бюджете Республики Таджикистан на 2016 год» [от 18 ноября 2015 г., № 224]. - Душанбе, 2015. — 11с.
2. Закон Республики Таджикистан «О государственных финансах Республики Таджикистан [28 июня 2002 года № 684] /вред. Закона РТ от 30.07.2007, № 308. / С. Хайруллоев. — Душанбе, 2002. — 34 с.
3. Белов Н. Г. Контроль и ревизия в сельском хозяйстве / Н.Г. Белов. - М.: Финансы и статистика, 2015. - 392 с.
4. Бобошко В.И. Контроль и ревизия: Учебное пособие / В.И. Бобошко. -М.: ЮНИТИ, 2015. – 311с.
5. Инструкция по формированию проекта государственного бюджета на 2014 г. и прогнозу бюджетных показателей на 2015 - 2016. - Душанбе, 2014. — 47 с.
6. Контроль и ревизия: Учебное пособие / Под ред. Е.А. Федоровой. - М.: ЮНИТИ, 2016. - 239 с.
7. Контроль и ревизия. Шпаргалка. - Москва: СИНТЕГ, 2017. - 967 с.
8. Контроль и ревизия: моногр. / Е.А. Федорова и др. - М.: Юнити-Дана, 2016. - 240 с.
9. Маслова, Т.С. Контроль и ревизия в бюджет.учр.: Уч.пос / Т.С. Маслова. - М.: Магистр, 2017. - 352 с Кузнецова, О.Н. Контроль и ревизия / О.Н. Кузнецова. - М.: Русайнс, 2019. - 286 с.
10. Шоисматуллоева Ф.Ш. Финансовое право/Формирование расходов бюджета выпуск 2019. - 234с.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСТНОСТИ

Мирзоева Наргиза Парвизовна
студентка 1 курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул М. Турсунзаде, 30

THE ROLE OF GOVERNMENT BODIES IN ENSURING ECONOMIC SECURITY

Mirzoeva Nargiza Parvizovna
1nd-year full- time law student
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30

Аннотация. *В статье обсуждается проблема создания эффективной системы государственных органов с целью укрепления экономической безопасности страны. В рамках чего приведена модель существующей схемы управления в области обеспечения национальной безопасности, указаны ее преимущества и недостатки.*

Annotation.*This article discusses the problem of creating an effective system of government agencies to strengthen the country's economic security. It presents a model of the existing governance structure for national security, highlighting its advantages and disadvantages.*

Ключевые слова*: экономическая безопасность, национальная безопасность, система органов государственной власти, эффективность системы.*

Key words: *economic security, national security, system of government bodies, system efficiency.*

В научной литературе категория «экономическая безопасность», существующая как неотъемлемая часть национальной безопасности, трактуется по-разному. В. Тамбовцев полагает, что «под экономической безопасностью той или иной системы нужно понимать совокупность свойств состояния ее производственной подсистемы, обеспечивающую возможность достижения целей всей системы» [4]. По мнению Л.И. Абалкина, «экономическая безопасность — это состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи и при котором государство имеет

возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику» [3]. Хаупшев А.Х. отмечает, что: «экономическая безопасность России означает такое состояние экономики, при котором осуществляется снятие социальной напряженности внутри государства посредством роста благосостояния населения, возрастания престижа страны на мировом уровне и приоритета национальных интересов, установления конкурентоспособности новейших технологий и видов производства и приумножение потенциала России во внешнеэкономическом пространстве» [3].

Тогда, с одной стороны, из имеющихся подходов к пониманию данного явления можно сделать вывод о том, что экономическая безопасность направлена на соблюдение национальных интересов страны. С другой стороны, обеспечением экономической безопасности занимаются органы государственной власти. Таким образом, правильно сформированная система государственных органов власти, отвечающих за сохранение и укрепление экономической безопасности в государстве, является основой для эффективно действующего комплекса мер по обеспечению национальных интересов во всех сферах хозяйствования.

Система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации создается и развивается в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, федеральными программами в этой области [1].

Система государственных органов, обеспечивающих экономическую безопасность России, претерпела несколько этапов реформирования, реорганизации, переименований. В связи с принятием Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. №1300 «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» была обозначена система основных государственных органов, обеспечивающих экономическую безопасность страны. Концепция четко определяет набор функций каждого из органов в пределах предоставленных ему полномочий.

Основными функциями обеспечения экономической безопасности страны являются:

1. прогнозирование и выявление угроз экономической безопасности;
2. разработка и осуществление комплекса оперативных и долговременных мер по предупреждению и нейтрализации угроз экономической и национальной безопасности;
3. создание и поддержание в готовности сил обеспечения национальной безопасности;
4. участие в обеспечении всеобщей и региональной безопасности, в соответствии с международными договорами [2].

На экономическую безопасность и на систему мер ее обеспечения влияет большое многообразие форм собственности, рыночных отношений и факторов, определяя, тем самым, выбор эффективной системы государственных органов, обеспечивающих экономическую безопасность, как многоаспектную проблему. Эта проблема заключается в следующем:

1. органы, действуя в пределах своей ограниченной компетенции, могут бороться только с последствиями, при этом причины, порождающие угрозы экономической безопасности, не затрагиваются;
2. чаще всего, любая попытка воздействовать на причины, порождающие угрозы, будет выходить за пределы компетенции конкретного органа государственной власти, т.е. сопряжено с нарушением действующего законодательства.

Исходя из этого, определение системы задач и комплекса полномочий является неотъемлемой составляющей системы государственной власти. Разрешение противоречий при определении круга задач и комплекса компетенций является прерогативой государственных органов, занятых в сфере управления экономикой и регулирования экономических отношений. Именно поэтому возникает иерархия, в которой каждый уровень решает круг задач, определенных его компетенцией. Исходя из этого, можно выделить несколько уровней, образующих систему государственных органов и ведомств, занимающихся обеспечением экономической безопасности страны:

1. органы исполнительной власти, определяющие стратегию обеспечения экономической безопасности и ее реализацию на уровне экономической политики на каждом политическом этапе развития страны;

2. судебные органы, обеспечивающие соблюдение законов в этой сфере и правовой контроль над их выполнением;

3. государственные институты, обеспечивающие экономическую безопасность на уровне системы мер (охрана границы, таможенный контроль, налоговый контроль, режим миграции населения и т.д.);

4. система органов внутренних дел, спецслужб и безопасности, имеющая право на осуществление оперативно-розыскной деятельности;

5. система государственных научных и аналитических центров, вузов, школ, призванная обеспечить, во-первых, научную проработку проблем и вопросов, связанных с экономической безопасностью и, во-вторых, обеспечить подготовку соответствующих кадров для каждого уровня иерархии органов и ведомств.

В организации государственной власти также нужно сделать акцент на упорядочение форм ее осуществления, на улучшение взаимодействия законодательных, исполнительных и судебных органов.

Систему обеспечения национальной безопасности на основе действующего законодательства и в рамках единой государственной политики образуют взаимодействующие между собой субъекты ее обеспечения, иные государственные органы и организации, ответственные за обеспечение национальной безопасности в пределах своей компетенции.

Субъекты экономической безопасности — это те организации, государственные институты, службы, отдельные личности (оперативные работники, частные детективы, сотрудники служб безопасности и т.п.), которые обеспечивают безопасность объекта на основе практических действий при введении в действие механизма обеспечения экономической безопасности и организации практических действий [3].

Президент Российской Федерации

Федеральные органы исполнительной власти

Органы исполнительной власти субъектов РФ

Федеральное собрание Российской Федерации

Субъекты экономической безопасности Российской Федерации

Правительство Российской Федерации

Совет Безопасности Российской Федерации

Основу системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации составляют органы, силы и средства обеспечения национальной безопасности, осуществляющие меры политического, правового, организационного, экономического, военного и иного характера, направленные на обеспечение безопасности личности, общества и государства.

На сегодняшний день государственные органы не могут в полном объеме удовлетворить общественные потребности в области обеспечения безопасности, укрепления законности и правопорядка, особенно в условиях усиления активности в области посягательств на безопасность. В итоге, параллельно с государственной системой обеспечения экономической безопасности, стали постепенно формироваться негосударственные субъекты экономической безопасности (частные юридические структуры, фонды, ассоциации и т.п.), нацеленные, прежде всего, на безопасность предпринимательства, собственности и личности. Их деятельность связана с реализацией основ конституционного права на свободное использование человеком своих прав и собственности для ведения предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Однако, успешное обеспечение экономической безопасности возможно лишь при взаимодействии всех субъектов. Исходя из этого, основными принципами этого взаимодействия должны стать:

- взаимная ответственность государства и негосударственных организаций перед законом за действия, которые способны нанести ущерб экономической безопасности страны;

- защита государством их законных интересов;

-оказание помощи негосударственным организациям, участвующим в обеспечении экономической безопасности страны;

- уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:
1. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента РФ № 24 от 10.01.2000 г.). - М.: МИД РФ, 2000.
2. Петренко И.Н. Экономическая безопасность России: денежный фактор. - М.: МаркетДС, 2002. - !67с.
3. Прохожев А.А. Национальная безопасность: основы теории, сущность, проблемы. - М.: РАГС, 1998. -214с.
4. Тамбовцев В.Л. Государство и экономика / В.Л. Тамбовцев. - М.: Магистр, 1997. – 325с.

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Неъматджонова Азиза Акмалджоновна
Студентка 3-го курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде,30
тел.: + 992004220558, e-mail: azizanematjonova24@gmail.com

LEGAL PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Nematjonova Aziza Akmaljonovna
3rd year full-time student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +992004220558, e-mail: azizanematjonova24@gmail.com

Аннотация. *В данной работе рассматриваются вопросы правовой защиты традиционных ценностей в Республике Таджикистан. Анализируются основные направления государственной политики в области сохранения культурного наследия, семейных устоев и нравственных ориентиров общества. Особое внимание уделяется роли Конституция Республики Таджикистан и иных нормативно-правовых актов в обеспечении защиты национальных традиций. Рассматриваются проблемы, связанные с влиянием глобализации, развитием информационного пространства и необходимостью соблюдения баланса между традиционными ценностями и правами человека. В работе делается вывод о важности совершенствования законодательства и повышения правовой культуры населения для эффективного сохранения и развития традиционных ценностей.*

Annotation. *This paper examines the issues of legal protection of traditional values in the Republic of Tajikistan. The main directions of the state policy in the field of preservation of cultural heritage, family foundations and moral guidelines of society are analyzed. Special attention is paid to the role of the Constitution of the Republic of Tajikistan and other normative legal acts in ensuring the protection of national traditions. The problems related to the impact of globalization, the development of the information space and the need to maintain a balance between traditional values and human rights are considered. The paper concludes that it is important to improve legislation and enhance the legal culture of the population for the effective preservation and development of traditional values.*

Ключевые слова: *правовая защита, культурные ценности, Республика Таджикистан, обряды, культура, традиции, глобализация.*

Key words: *legal protection, cultural values, Republic of Tajikistan, rituals, culture, traditions, globalization.*

Традиции и праздники всегда регулируют общественные отношения, обеспечивают социальный порядок и делают общественную жизнь людей красочной [2, 56]. В то же время традиции и праздники чрезвычайно важны для солидарности, самосознания, защиты национальных ценностей и культурного наследия нации. К сожалению, за столетия в традиции и праздники нашей страны было внесено множество изменений, которые привели к расточительности и бессмысленным тратам, а также стали средством самовыражения и амбиций некоторых людей.

Традиции и торжества, такие как празднование дня рождения, мероприятия, связанные с рождением ребенка, свадьбы (посвящения, свадебные приемы, благословения и т. д.), похороны и поминки «Понедельник», «пятница», «седьмой», «сорок» и т. д.), церемонии хаджа (паломники и т. д.), дни Рамадана и Курбана не имели определенной системы.

Хотя часть жителей страны считает, что некоторые традиции, фестивали и обряды излишни и не нужны, но под давлением членов семьи, родственников и соседей они много на них тратятся. В то же время значительная часть населения до сих пор не до конца осознает истинную суть и смысл проведения традиций и праздников и неосознанно подражает, и следует другим. Подобные расточительства, финансовые затраты создают серьезные проблемы, прежде всего, для бедных и малообеспеченных слоев населения.

Принимая во внимание растущие затраты на проведение традиций и праздников, нежелательные последствия трат и расточительства для бедных и нуждающихся слоев общества, а также утрату социальной сути некоторых социальных норм в новом веке, по инициативе Основателя Национального мира и единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан, Эмомали Рахмона и солидарности благородного народа Таджикистана, 8 июня 2007 года, был принят Закон Республики Таджикистан «О регулировании традиций, праздников и обрядов в Республике Таджикистан» [1] . В 2017 году в этот закон были внесены изменения. Целью принятия Закона является предотвращение чрезмерных трат, расточительности во время традиций и торжеств, снижение уровня бедности в обществе, для улучшения условий жизни населения, предотвращения проникновения элементов чужих традиций.

Проанализировав официальные отчеты, имеющиеся материалы научных исследований и наблюдений, можно сделать вывод, что принятие данного нормативно-правового документа дало положительные результаты. Мало-помалу исчезают ненужные и вредные суеверные обряды, экономится много денег на благо людей, в известной степени сокращаются расходы людей на проведение традиций и торжеств. Самое главное, что уровень бедности в Таджикистане с каждым годом снижается, а социальная жизнь населения улучшается. Теперь каждый человек, не имеющий финансовых и материальных средств для проведения традиций и торжеств, может без смущения обратиться к требованиям этого закона. Сегодня подавляющее большинство граждан приветствуют принятие Закона Республики Таджикистан «О регулировании традиций, праздников и обрядов в Республике Таджикистан» и постепенно излишества и ненужные траты в проведении традиций и торжеств исчезают. По данным социологического опроса представителей Комитета религии Таджикистана 2021 года, в котором приняли участие 10 тысяч таджикистанцев, 92% респондентов поддержали принятие этого закона. По результатам социологического исследования, проведенного в 2021 году сотрудниками кафедры социологии Института философии, политологии и права НАНТ, 80,9% граждан сочли принятие данного закона необходимым и своевременным. К сожалению, сегодня в Таджикистане немало людей и семей, которые по разным причинам, в том числе из-за низкого уровня правовой культуры, не соблюдают требования Закона Республики Таджикистан «О регулировании традиций, праздников и обрядов в Таджикистане» [1]. По информации Комитета по религии, регулированию традиций и праздников при Правительстве Республики Таджикистан, в первом полугодии 2023 года в Республике Таджикистан зафиксировано 419 случаев нарушения гражданами данного закона.

Поэтому в сегодняшних условиях необходимо, чтобы специалисты, представители интеллигенции, духовенства, педагоги и юристы разъясняли населению содержание и суть Закона Республики Таджикистан «О регулировании традиций, праздников и обрядов в Республике Таджикистан».

В учебных заведениях нашей страны, особенно в учебных классах, учащимся и студентам следует подробно излагать суть каждой статьи этого закона. Каждый гражданин Таджикистана должен понимать, что соблюдение и реализация норм Закона Республики Таджикистан «О регулировании традиций, праздников и обрядов в Республике Таджикистан» чрезвычайно важно в защите экономических интересов народа, организации достойной жизни населения.

Как следует из текста данного документа, принципиальное значение для дальнейшего развития нашего государства имеют следующие задачи: обеспечение взаимодействия традиционной культуры и инновационных проектов; сохранение, возрождение и развитие

национальных традиций и культурных достижений за годы независимости; сбережение исторических и культурных памятников, устных традиций и средств их выражения, включая язык, искусства, традиции, обряды. Решение данных задач в первую очередь возложено на «Комитет по делам религии, упорядочению национальных традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан». Учитывая особую роль в современном светском таджикском обществе религии, Конституция страны в ст. 26 закрепляет право каждого на участие в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов. Для однозначного понимания сущности традиции, обряда и торжества, в ст. 2 указанного законодательного акта (в редакции ЗРТ от 30.05.17 г. №1428) закреплены следующие понятия: традиция – совокупность материальных и моральных ценностей социального и культурного наследия общества или отдельных общественных групп, переходящих от поколения к поколению; обряд – совокупность символических действий, выражающих отношение лиц и социальных групп к важным явлениям культурной жизни общества; торжество – празднование событий или исторических, культурных, общественных, профессиональных и семейных дат. Да Апеллируя к анализу традиций и связанным с ними ритуалам, обрядам и церемониям, следует согласиться с выводами отдельных российских ученых, замечающих: во-первых, природу стойкости существования традиций, заключающуюся в устойчивости форм деятельности, многократно подтвердивших свою социальную значимость и полезность; во-вторых, возводящих традиции в разряд ключевого фактора регуляции жизнедеятельности социума, во многом определяющего основу воспитания человека. Таким образом, закрепленный в нормативных установлениях национального законодательства Таджикистана порядок соблюдения традиций [2, 67], а также проведения торжеств и обрядов, во-первых, вводит строгую их регламентацию, способствуя при этом унификации понятия и порядка совершения конкретных ритуальных действий; во-вторых, способствует более эффективному обеспечению прав таджикских граждан, в контексте обеспечения необходимой гармонии между традиционными для Таджикистана ценностями и универсальными аспектами общечеловеческого понятия права и свободы личности.

Также нужно большее почтение государственного языка соблюдение национальной культуры, которые имеют огромное влияние на формирование национальной идеи и повышение самосознания народа, особенно подростков и молодежи.

Национальный язык является важнейшей основой государственности, его защита, соблюдение его норм и обогащение лексического фонда этого чистого и поэтического языка за счет народной речи и ценных произведений предков считается задачей каждого патриота. Особенно говорить на литературном языке в мероприятиях, собраниях, беседах и в общественных местах, беспрекословное соблюдение требований норм таджикского языка является долгом совести каждого из нас.

В нынешних условиях мы должны уделять серьезное внимание развитию своего языка и защищать его от негативного влияния всяких чуждых элементов.

Национальная культура в качестве прочной основы духовности и укрепления основ государственности имеет весьма огромное значение, ее защита и передача этой духовной кладези нашего дорогого народа будущим поколениям считается задачей государства и всех граждан нашей страны.

Однако, в последние годы под влиянием интернет- сетей и отдельных групп расширяется пропаганда чуждой нашей культуре одежды в наших городах и районах, особенно среди женщин, что является тревожным.

Ограниченная группа женщин и девушек видит религиозность не в душе, а во внешности, одеваясь в черные и темные одежды, они топчут ценности нашей национальной культуры и затмевают духовное пространство общества.

Тогда как Всевышнего познают умом и поклоняются ему сердцем, а не одеянием, сатром, хиджабом, чалмой и бородой.

Нам необходимо как можно быстрее положить конец позорному явлению преклонения перед чужими, больше пропагандировать национальную одежду девушек и женщин, преградить путь подражанию, фанатизму и верхоглядству, расширить разъяснительные работы среди женщин и девушек.

Каждый член общества, особенно наши женщины и девушки должны быть благодарны за суверенное государство, свободу, спокойствие и мир, стремиться к освоению профессий и ремесел, создать для себя процветающий дом и семью, лучше, чем сегодня условия, держать

в чистоте свой дом, быть честным и просвещенным своими добрыми поступками, деяниями, мыслями и идеями прославлять эту Родину, эту нацию и эту землю.

Поэтому нам необходимо стремиться к освоению современных наук и знаний, уделять серьезное внимание обучению и воспитанию детей, использовать достижения современной науки, технологии и развитой культуры, стремиться к расширению своего мировоззрения, не вдаваться бесполезным подражаниям, толкающим страну в средние века.

Несколько веков назад великий Мавлоно, осуждая подобное подражательство, говорил: «Пусть пропадут подражания народа, пусть двести раз будут прокляты эти подражания [5, 92]!

Каждый честный патриот должен считать своей задачей и долгом воспитание детей, освоение ими профессий и ремесел прививание им любовь к Родине не в словах, а в деле, направление их на дело процветания страны, изучение достижений современного мира, претворение их в Таджикистане, с которым связано светлое будущее каждого из нас, связать свое бытье с этой священной землей и всегда стремиться за ее прогресс.

В этом заключается долг каждого патриота и каждого сознательного человека!

Вместе мы сможем претворить в жизнь это веление своей совести и жить лучше и достойнее чем сегодня!

Уверен, что наш честный народ и в дальнейшем с чувством ответственности будет всеми силами трудиться на благо развития своей национальной государственности и превратит Родину своих предков в настоящий цветник.»

Правовая защита традиционных ценностей в Республике Таджикистан является важным элементом государственной политики, направленной на сохранение культуры, семьи, языка и нравственных ориентиров общества. Законодательство, образовательные программы и меры контроля в информационной сфере помогают укреплять национальную идентичность и передавать традиции будущим поколениям. Сохранение традиций и ценностей обеспечивает стабильность общества, формирует моральные ориентиры граждан и способствует гармоничному развитию государства.

Список литературы

1. Закон Республики Таджикистан «Об упорядочении торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» от 20 июня 2024 г. -№ 2048.
2. Бердикулов А. Р. Положение меньшинств в Таджикистане. – Minority Rights Group, 2024. – 265с.
3. Борисова Е. Б. «Наши традиции нас убьют!»: Переговоры о свадебных празднованиях в условиях правового регулирования традиции в Таджикистане // Oriente Moderno. – 2020. – Vol. 100. – P. 147–171.
4. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» / Под общ. ред. главы Аппарата Президента Республики Таджикистан Рахмон Озода Эмомали. – Душанбе: 2018. – 104 с.
5. Трепавлов В.В. Эксплуатация культурных кодов. Обычаи «иноземцев/иноверцев/инородцев» в российских административных практиках // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2021. – Т. 20. – № 3. – С. 378–387.
6. Турсунов Н.О., Исомитдинов Ж.Б. Традиции и ритуалы таджиков, связанные с рождением ребенка и уходом за ним // Ученые записки. – 2021. – № 3 (68). – С. 63–69.
7. Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сборник статей по материалам CI международной научно-практической конференции. – № 11 (100). – Ноябрь 2025 г. – Москва, 2025. – С. 87-92.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ О ДОНОРСТВЕ ОРГАНОВ И ИХ ТРАНСПЛАНТАЦИИ

Нуъмонова Мехрона Отаджоновна

Студентка 3-го курса очного отделения юридического факультета

Российско Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан г.Душанбе, ул.М.Турсунзаде,30

тел.: +992006771453, e-maile m85125061@gmail.com

HUMAN RIGHTS AND IMPROVEMENT OF RUSSIAN LEGISLATION ON ORGAN DONATION AND TRANSPLANTATION

Numonova Mehrona Otajonovna
3rd-year full-time student Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan Dushanbe, M. Tursunzade Street, 30
tel.: +992 006771453 e-mail: m85125061@gmail.com

Аннотация. *Статья посвящена анализу текущего состояния законодательства Российской Федерации в сфере трансплантологии, выявлению правовых коллизий и этических проблем, затрагивающих права человека. Рассматриваются вопросы презумпции согласия, прижизненного донорства и посмертного изъятия органов. Предложены направления совершенствования правовой базы, направленные на защиту прав доноров и реципиентов, а также повышение эффективности трансплантологической помощи.*

Annotation.This article analyzes the current state of Russian Federation legislation in the field of transplantology, identifying legal conflicts and ethical issues affecting human rights. It examines the presumption of consent, living donation, and posthumous organ retrieval. It also proposes areas for improving the legal framework aimed at protecting the rights of donors and recipients, as well as increasing the effectiveness of transplant care.

Ключевые слова: *трансплантация органов, донорство, права человека, презумпция согласия, законодательство РФ, право на жизнь, посмертное донорство.*

Key words: organ transplantation, donation, human rights, presumption of consent, Russian legislation, right to life, posthumous donation.

Действующий в настоящее время Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» был принят более 27 лет назад и за это время он изменялся всего 5 раз. Поскольку практика его реализации обнажила серьезные изъяны как медицинского, так и правового характера, связанные прежде всего с применением формулы презумпции согласия на изъятие органов после смерти человека, в России все чаще звучат призывы о принятии нового закона о трансплантации. Очевидно, что здесь требуется качественно иной подход к решению вопросов органного донорства, обеспечивающий соблюдение и защиту прав человека в этой сфере.

Представляется, что презумпция согласия на изъятие органов не должна рассматриваться как единственно возможный способ обеспечения нуждающихся пациентов донорским материалом. Министерством здравоохранения РФ несколько назад был разработан проект Федерального закона «О донорстве органов человека и их 23 трансплантации»1, однако в Государственную Думу он до сих пор не внесен. По информации, представленной на федеральном портале проектов нормативных правовых актов2, на данном этапе законопроект находится в стадии общественного обсуждения и проведения независимой антикоррупционной экспертизы.

Проанализируем его основные положения. Прежде всего, необходимо отметить, что авторы законопроекта попытались обеспечить баланс прав и законных интересов как доноров органов, так и лиц, нуждающихся в трансплантации. Это прямо указано в числе целей проекта (ст. 2) и прослеживается в иных его положениях. Проект закона предполагает информирование населения о социальной значимости донорства. Представляется, что такая просветительская работа позволит сформировать представления у граждан о необходимости и пользе добровольного безвозмездного предоставления своих органов после смерти для трансплантации, которая является одним из способов сохранения жизни больному человеку, может помочь восстановить его здоровье. Что касается системы посмертного донорства, которая предлагается проектом, то она остается прежней. Речь идет о презумпции согласия на изъятие донорских органов. Однако законопроект поясняет и детализирует эту формулу (ст. 13). В частности, предполагается ведение специального Регистра волеизъявлений граждан, в котором будет содержаться информация о несогласии совершеннолетнего дееспособного лица на донорство его органов после смерти.

Если гражданин при жизни такое нежелание не выразил в форме, предусмотренной законом, его органы могут быть изъяты в целях трансплантации. Следует отметить, что в соответствии со ст. 34 законопроекта в Федеральный регистр доноров органов, реципиентов и донорских органов не для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. В отличие от ныне действующего Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» новый законопроект подробно детализирует порядок выражения волеизъявления совершеннолетнего дееспособного гражданина о несогласии на изъятие его органов после смерти в целях трансплантации (ст. 14). Выразить несогласие на донорство органов можно в присутствии не менее двух свидетелей в устной или письменной форме и передать эти сведения сотруднику медицинской организации, в которой он проходит лечение. Впоследствии эта информация направляется в Федеральный регистр волеизъявлений граждан. Принятие нового закона позволит решить проблему применения презумпции согласия на изъятие органов, когда не учитывается мнение близких родственников умершего относительно донорства его органов. Так, согласно ст. 15 проекта сотрудник медицинской организации должен сообщить супругу или близкому родственнику о смерти гражданина в течение часа с момента фиксации смерти головного мозга. При этом предусматривается, что отказ от трансплантации органов могут написать супруг (супруга), а при его отсутствии близкие родственники в течение трех часов после сообщения им сведений о смерти гражданина.

Данные положения проекта подвергаются критике представителями медицинского сообщества, полагающими что подобная гуманизация закона отрицательно скажется на количестве проводимых трансплантаций в стране. Как показывает практика, граждане зачастую не готовы решать вопросы изъятия органов близкого человека для трансплантации. Тем не менее, представляется, что дефицит донорского материала не должен возмещаться за счет проведения операций с нарушением прав и интересов близких родственников, возражающих против трансплантации органов умершего. В этих целях государство должно использовать иные меры, связанные с всесторонней работой населения по информированию в необходимости развития донорства в нашей стране. Как справедливо отметил Конституционный Суд РФ в Определении от 10 февраля 2016 г. № 224-О, в этой связи необходимо адекватное распространение в обществе сведений о действующем правовом регулировании органного донорства, в том числе с привлечением институтов гражданского общества. В целом следует признать, что проект нового Закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» направлен на достижение большей открытости всего процесса изъятия органов для трансплантации и соответствует международным правовым актам о правах человека.

Как отмечалось выше, данный законопроект в настоящее время представлен для всеобщего обсуждения. Это означает, что любой желающий может оставить свое мнение или предложения по предлагаемому правовому регулированию посредством электронной формы на федеральном портале проектов нормативных правовых актов. Очевидно, что совершенствование нормативных установлений по столь широко обсуждаемому в обществе вопросу как трансплантация возможно лишь с учетом общественного мнения. Поскольку в открытых источниках данные о таких мнениях и предложениях граждан не представлены, было проведено социологическое исследование по вопросам донорства органов. В опросе принимали участие студенты и преподаватели Российского государственного университета правосудия в возрасте от 18 до 70 лет, всего 269 человек. Опрос проводился в целях выявления их мнения о действующем правовом регулировании трансплантации органов и (или) тканей человека и последующей выработки предложений по совершенствованию законодательства в этой сфере.

Проект нового Закона «О донорстве органов человека и их трансплантации», пронизанный идеей гуманизации, соблюдения и защиты прав граждан при осуществлении трансплантационных мероприятий, должен решить указанные проблемы. Что касается иных результатов опроса, обращает на себя внимание высокий процент числа тех участников, которые готовы выразить согласие на завещание своих органов после смерти. Их 41%. Учитывая эти статистические данные, можно предложить внести следующие изменения в проект Федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации»:

1. Предусмотреть возможность добровольного выражения совершеннолетними дееспособными гражданами письменного согласия на изъятие органов для трансплантации после смерти при сохранении презумпции согласия на такую процедуру. Письменное заявление гражданина с содержащимся в нем волеизъявлением должно представляться гражданином в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти. Это позволит решить ряд проблем, возникающих после смерти лица, при жизни официально не выразившего свою волю о посмертном донорстве, но не возражавшего против этого. Однако в таких ситуациях близкие родственники часто выступают против трансплантации его органов, выражая свою волю, а не волю умершего лица.

2. Совершеннолетний дееспособный гражданин, выразивший согласие на изъятие его органов после смерти в целях трансплантации, вправе в любое время направить в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти письменное заявление об отзыве своего волеизъявления.

3. В Федеральный регистр доноров органов, реципиентов и донорских органов, включающий Регистр волеизъявлений, вносить сведения о согласии совершеннолетнего дееспособного лица на изъятие их органов после смерти в целях трансплантации.

Представляется, что применение подобного симбиоза двух систем - презумпции согласия и выраженного согласия на трансплантацию своих органов после смерти, даст импульс развитию донорства в нашей стране. Данные предложения по внесению изменений в проект Федерального закона «О донорстве органов и их трансплантации» были размещены на федеральном портале проектов нормативных правовых актов 15 января 2020 г. в разделе, содержащем информацию для публичных обсуждений законопроекта.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 01.08.2014; Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» // Собрание законодательства РФ, 23.07.2012, № 30, ст. 4176.
4. Алсынбаева Э.М. К вопросу о понятии трансплантации органов и тканей человека // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. – С. 134-139.
5. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Проблемы реализации конституционного права человека на отказ от трансплантации его органов и 37 тканей: конституционно-правовое исследование // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. -С. 134 -140.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Носиров Достон Мирзоназарович
Студент 3 курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул М. Турсунзаде, 30
тел.: + 992118995577, e-mail: nosirovdoston@gmail.com

DIGITAL TRANSFORMATION AND PROTECTION OF CITIZEN RIGHTS IN THE DIGITAL SPACE

Nosirov Doston Mirzonazarovich
3nd year student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +992118995577, e-mail: nosirovdoston@gmail.com

Аннотация. *Использование современных цифровых технологий породило процессы революционных преобразований в современном обществе — так называемую цифровую революцию, цифровую трансформацию общественных отношений, которая выражается в применении современных цифровых технологий в самых различных сферах деятельности человека и как фактор динамического развития привела к созданию цифровой экономики, формированию институтов цифрового права, новой конфигурации социальных отношений на базе использования социальных сетей, Интернета, иных информационно-коммуникационных технологий. Современные цифровые технологии формируют новый способ производства, создают предпосылки для перехода к новой общественно-экономической формации, к цифровизации общественных отношений и самого права, регулирующего эти отношения. Автор приходит к выводу о том, что цифровая трансформация оказывает самое непосредственное влияние на реализацию фундаментальных прав человека, способствует появлению новых прав человека и гражданина как участника всемирного информационного, цифрового пространства. Плоды цифровизации требуют осмысления и адекватного формулирования правового механизма регулирования, реализации и защиты уже существующих и вновь формирующихся прав человека в целях устойчивого социально-экономического развития, обеспечения реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.*

Annotation. *The use of modern digital technologies has given rise to processes of revolutionary transformation in modern society—the so-called digital revolution, the digital transformation of social relations, which is expressed in the application of modern digital technologies in a wide variety of spheres of human activity and, as a factor in dynamic development, has led to the creation of a digital economy, the formation of digital legal institutions, and a new configuration of social relations based on the use of social networks, the Internet, and other information and communication technologies. Modern digital technologies are shaping a new mode of production, creating the preconditions for a transition to a new socio-economic structure, the digitalization of social relations and the very law that regulates these relations. The author concludes that digital transformation has a direct impact on the realization of fundamental human rights, facilitating the emergence of new human and civil rights as participants in the global information and digital space. The fruits of digitalization require understanding and adequate formulation of a legal mechanism for regulating, implementing, and protecting existing and emerging human rights for the purposes of sustainable socio-economic development and ensuring the realization of constitutional human and civil rights and freedoms.*

Ключевые слова: *цифровая революция, цифровизация права, права человека, защита конституционных прав, права и свободы человека.*

Keywords: *digital revolution, digitalization of law, human rights, protection of constitutional rights, human rights and freedoms.*

Создание и широкое использование цифровых технологий породило процессы революционных преобразований в современном обществе — так называемую цифровую революцию, которая последовательно формирует новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность. Такая цифровая трансформация общественных отношений выражается в применении современных цифровых технологий в самых различных сферах деятельности человека. Цифровизация как фактор динамического развития привела к созданию и стремительному развитию цифровой экономики, формированию институтов цифрового права, новой конфигурации социальных отношений на базе использования социальных сетей, Интернета, иных информационно-коммуникационных технологий.

Инновационное развитие преобразуется в новую реальность и уже сегодня проявляется в повсеместном применении таких цифровых технологий, как искусственный интеллект и когнитивные технологии, большие данные, облачные вычисления, промышленный Интернет.

Современные цифровые технологии формируют новый способ производства, создают предпосылки для перехода к новой общественно-экономической формации, к цифровизации общественных отношений и самого права, регулирующего эти отношения.

Как отмечает председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, в настоящее время «…зарождается новое право — «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших

данных, роботов, искусственного интеллекта» [1]. В новой системе права в цифровом пространстве права человека основываются на гарантированных международным правом и конституциями государств универсальных правах человека, признание и защита которых осуществляется на основе Конституции и международного права, обеспечивается конституционно-правовая безопасность личности, общества и государства.

Новые аспекты в условиях процесса цифровизации общественных отношений приобретают фундаментальные права, гарантированные Конституцией РФ: достоинство личности (ст. 21 Конституции РФ), неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), защита информации о частной жизни (ст. 24 Конституции РФ), свобода мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ) и др.

Основополагающие положения статьи 29 Конституции РФ для «права на информацию», «права на доступ к информации», «свободы информации» фактически реализуются в расширении электронных сервисов и государственных услуг в электронной форме. Ограничение права на информацию в свое время было признано противозаконным Конституционным судом РФ, который указал в Постановлении от 18.02.2000 № 3-П1 на недопустимость ограничения «прав и свобод в сфере получения информации, в частности права свободно, любым законным способом искать и получать информацию, а также права знакомиться с собираемыми органами государственной власти и их должностными лицами сведениями, документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы гражданина, если иное не предусмотрено федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». И далее Конституционный суд разъяснил, что «из этого требования вытекает, что в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может использовать способы регулирования, которые посягали бы на само существо того или иного права, ставили бы его реализацию в зависимость от решения правоприменителя, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц, и, наконец, исключали бы его судебную защиту. Иное противоречило бы и статье 45 Конституции РФ, согласно которой государственная защита прав и свобод гарантируется и каждый вправе защищать их всеми способами, не запрещенными законом».

Ограничения в распространении персональных данных граждан, включая способы с использованием современных технологий, имеют важнейшее значение для гарантий личных свобод и прав граждан. В Определении Конституционного суда РФ от 23.06.2015 N 1537-О2 сказано: «…обеспечивая за щиту прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, законодатель в Федеральном законе «О персональных данных» указал на конфиденциальность персональных данных и установил ограничение на раскрытие и распространение такой информации (статья 7)». В этом же Постановлении также отмечено: «Конституция Российской Федерации, гарантируя право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29, ч. 4), устанавливает право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23, ч. 1) и не допускает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24, ч. 1)».

В условиях цифровизации сфера права реорганизуется (форматируется) под влиянием возможностей современных цифровых технологий, что находит отражение во множестве новых правовых явлений, связанных с субъектами и объектами правового регулирования, спецификой правоотношений в цифровой реальности, осмысления понятия и содержания цифровых прав и т.д.

Для оценки значения правовой трансформации под влиянием цифровых технологий исходным значением служит современное доктринальное понимание прав человека как основы правового статуса личности, включающего в себя права и свободы, которые находят свое отражение в различных отраслях современной системы права. Конституционные (основные) права и свободы человека и гражданина представляют собой неотъемлемые (неотчуждаемые) права и свободы, принадлежащие ему от рождения (в определенных случаях в силу его гражданства), защищаемые государством и составляющие ядро правового статуса личности [2, 180-184].

Основные права и свободы человека закрепляются в конституциях государств, в международно-правовых актах. Эти права и свободы в силу норм статей 17 и 18 Конституции РФ характеризуются всеобщностью, неотделимостью от правового статуса, невозможностью приобретения или отчуждения по воле гражданина. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием, т.е. формируют правовой базис, предпосылки правоотношений в конкретных отраслях права.

Цифровая революция формирует новые права в цифровом пространстве Интернета, иных информационно-коммуникационных технологиях, придает новые, порой неожиданные, аспекты реализации основных прав и свобод гражданина.

Как отмечается в Доктрине информационной безопасности РФ, «…национальными интересами в информационной сфере являются... обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации...»1.

Цифровые права обычно понимаются, как права граждан на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, право на свободный доступ к сети Интернет (иных коммуникационных сетей) с использованием компьютеров и иных электронных устройств. Например, в 2013 г. Европейская комиссия опубликовала Кодекс онлайн-прав ЕС1 (далее — Кодекс), который представляет собой сборник основных прав в области электронных коммуникаций, электронной торговли и защиты прав потребителей в Интернете в рамках ЕС. Смысл создания этого Кодекса состоял в изложении в одном документе прав гражданина и принципов правового регулирования, которые в настоящее время разбросаны по многочисленным директивам, правилам и конвенциям Европейского союза, что затрудняет их применение потребителями и поставщиками услуг.

Кодекс не имеет прямого действия, однако права и принципы, изложенные в нем, подлежат исполнению в соответствии с соответствующими правовыми документами ЕС. Кодекс предусматривает, что каждый человек в ЕС должен иметь возможность получить доступ к минимальному набору услуг электронной связи хорошего качества по доступной цене на основе принципа «универсального обслуживания» («universal service» principle). Право доступа к Интернету должно быть обеспечено подключением к фиксированной сети связи общего пользования и должно поддерживать передачу голосовых сообщений, факсов и данных на скоростях, достаточных для обеспечения функционального доступа в Интернет и предоставления услуг голосовой телефонии.

Кроме этого, в соответствии со статьей 2 Кодекса каждый человек в ЕС должен иметь возможность получать доступ и распространять любую информацию и запускать любое приложение или услугу по своему выбору через электронные коммуникационные сети. В этом контексте должны соблюдаться «Основные права и свободы физических лиц» (the fundamental rights and freedoms of natural persons), гарантированные Хартией основных прав Европейского союза, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а также общими принципами законодательства ЕС. По этой причине любые меры, связанные с доступом потребителей к услугам и приложениям или их использованием, которые могут ограничивать эти основные права и свободы, могут вводиться государством-членом только в том случае, если это уместно, соразмерно и необходимо в демократическом обществе.

Об этом говорится в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век»2 , которая констатирует «…глобальный и открытый характер Интернета и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в качестве одной из движущих сил ускорения прогресса на пути развития в его различных формах». В связи с этим особенно важно подтверждение в Резолюции права на неприкосновенность личной жизни, в соответствии с которым никто не должен подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его/ее личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, и право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств, как это предусмотрено в статье 12 Всеобщей декларации прав человека и статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах. Резолюцией также подтверждается необходимость защиты прав, которыми человек обладает в офлайновой среде, также и в онлайновой среде, включая право на неприкосновенность личной жизни.

При этом все государства обязаны уважать и защищать право на неприкосновенность личной жизни, в том числе в контексте цифровой коммуникации, а также предотвращать нарушения таких прав. Закрепление права доступа в Интернет в международных правовых актах в качестве одного из основных прав гражданина и человека свидетельствует о подвижности понятия основных прав и свобод в конституционно-правовом и политологическом смысле. В силу процессов цифровизации общественных отношений объективно проявляется необходимость закрепления и цифровых прав гражданина и человека. Достаточно показательна в этом плане судебная практика ЕСПЧ последних десятилетий, которая свидетельствует о том, что и право интеллектуальной собственности (права на патенты, товарные знаки, авторские произведения), ранее рассматривавшееся только как право частного характера, в настоящий момент включается в разряд основных прав человека [3]. В связи с этим следует отметить, что Конституция РФ особо устанавливает гарантии защиты прав интеллектуальной собственности, определив в статье 44 раздела 2 «Права и свободы человека и гражданина» положение о том, что «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом».

Современный процесс цифровизации общественных отношений продолжает бурно развиваться, стимулируя технологические новации, которые, в свою очередь, ставят непростые проблемы правового характера в сети Интернет, к числу которых относятся сохранность персональных и биометрических данных, обеспечение кибербезопасности, защита конституционных прав граждан, обеспечение неприкосновенности частной жизни и др. [4, 17-26]. Судебная практика отмечает появление новых преступлений в сети Интернет и с использованием современных цифровых технологий. Так, Пленум Верховного суда РФ1 указал на новые способы преступных хищений (краж) путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества, в том числе получение доступа к таким данным (тайно либо путем обмана использование телефона потерпевшего, подключенного к услуге «мобильный банк», авторизация в системе интернет-платежей под данными другого лица и т.п.). Не случайно в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (раздел IV) отмечается, что целью информационной безопасности является «…достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации в условиях цифровой экономики...»2 . Обратной стороной соблюдения конституционных прав граждан являются публично-правовые вопросы обеспечения цифрового суверенитета государства, его цифровой независимости. В условиях обострения новой холодной войны усиления политических и экономических санкций в отношении России актуальность этих публично-правовых институтов крайне важна. Цифровая трансформация оказывает самое непосредственное влияние на реализацию фундаментальных прав человека, способствует появлению новых прав человека и гражданина как участника всемирного информационного, цифрового пространства. Плоды цифровизации требуют осмысления и адекватного формулирования правового механизма регулирования, реализации и защиты уже существующих и вновь формирующихся прав человека в целях устойчивого социально-экономического развития, обеспечения реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. Столичный выпуск № 7578 (115). 29 мая. — URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-izashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html.
2. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник для студентов, преподавателей юрид. вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2010.
3. Laurent Sermet. The European Convention on Human Rights and property rights. Human rights fi les, N 11 rev. Council of Europe Publishing. — URL: http://www.echr.coe.int/ ttp://www.echr.coe.int/. 4. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. — 2017 — № 8.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ, ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЁННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА СВЕДЕНИЕ

Одилова Малика Бахтиоровна
Студентка 3-го курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде,30
тел.: +888220220, e-mail: malika.odilova2025@gmail.com

CONSTITUTIONAL GUARANTEES, LIMITS AND RESTRICTIONS OF THE RIGHTS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT TO INFORMATION

Odilova Malika Bakhtiorovna
3rd year full-time student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +888220220, e-mail: malika.odilova2025@gmail.com

Аннотация. *В данной работе рассматриваются конституционные гарантии прав лиц, осуждённых к лишению свободы, с особым акцентом на право на свидания. Анализируются положения конституции, обеспечивающие защиту прав и свобод человека, а также их реализация в условиях исполнения наказания. Отдельное внимание уделяется пределам и ограничениям данного права, обусловленным режимом исправительных учреждений, требованиями безопасности и необходимостью поддержания правопорядка. Делается вывод о том, что, несмотря на ограничение ряда прав осуждённых, государство обязано обеспечивать соблюдение их основных прав, включая право на поддержание социальных связей через свидания. традиции, глобализация.*

Annotation. *This paper examines the constitutional guarantees of the rights of persons sentenced to imprisonment, with special emphasis on the right to visits. The article analyzes the provisions of the Constitution that ensure the protection of human rights and freedoms, as well as their implementation in conditions of execution of punishment. Special attention is paid to the limits and limitations of this right due to the regime of correctional institutions, security requirements and the need to maintain law and order. It is concluded that, despite restrictions on a number of convicts' rights, the State is obliged to ensure respect for their fundamental rights, including the right to maintain social contacts through visits. traditions, globalization.*

Ключевые слова: *конституционные гарантии, права осуждённых, лишение свободы, право на свидание, ограничения прав, пределы прав, исправительные учреждения, режим содержания, защита прав человека, социальные связи.*

Keywords: *constitutional guarantees, rights of convicts, deprivation of liberty, right to visit, restrictions on rights, limits of rights, correctional institutions, regime of detention, protection of human rights, social ties.*

В современных условиях развития правового государства особую значимость приобретает проблема обеспечения прав и свобод человека, включая лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Конституция Республики

Таджикистан закрепляет положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью государства. Не смотря на применение уголовного наказания, связанного с лишением свободы, осуждённые не утрачивают полностью свой правовой статус. Ограничения затрагивают лишь определённые права, прямо предусмотренные законом, тогда как основные конституционные гарантии продолжают действовать [1, 187].

Особое место среди прав осуждённых занимает право на свидание, которое играет важную роль в поддержании социальных и семейных связей, а также в процессе исправления личности. Данное право имеет комплексный характер, сочетая в себе как юридические, так и социально-психологические аспекты. Вместе с тем право на свидание не является абсолютным и реализуется в рамках установленных законом пределов, а также может подвергаться ограничениям, обусловленным необходимостью соблюдения режима

исполнения наказания. Целью данной работы является анализ конституционных гарантий, а также пределов и ограничений права осуждённых на свидание.

Конституционные гарантии прав и свобод человека представляют собой совокупность юридических средств, обеспечивающих их реализацию и защиту. В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан, права и свободы человека признаются и гарантируются государством [2,2 45]. Даже в условиях лишения свободы осуждённый остаётся субъектом конституционных прав. Лишение свободы означает ограничение лишь тех прав, которые несовместимы с исполнением наказания, таких как свобода передвижения. При этом основные права, включая право на достоинство, сохраняются. Согласно статье 16 кодекса исполнений уголовных наказаний. К основным правам осужденных относится:

Осужденные имеют право на получение письменной информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом вида наказания. Учреждение или орган, исполняющий наказание обязан предоставить осужденным указанную информацию, а также знакомить их с изменениями порядка и условий исполнения отбывания наказания. Осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения или органа, исполняющего наказание. Они не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе, как на основании закона.

Осужденные имеют право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, в их вышестоящие органы, суд, органы прокуратуры, к Уполномоченному по правам человека в Республике Таджикистан, Уполномоченному по правам ребенка в Республике Таджикистан, иные органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения, а также в межгосударственные органы и международные организации по защите прав и свобод человека (в редакции Закона РТ от 28.06.2011г. №732, от 15.03.2016г.№1276). Осужденные вправе давать объяснения и вести переписку, а также обращаться с указанными в части 3 настоящей статьи предложениями, заявлениями и жалобами на родном языке или на любом другом языке, которым они владеют, в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика.

Ответы осужденным даются на языке обращения, а при отсутствии возможности дать ответ на языке обращения он даётся на государственном языке Республики Таджикистан. Перевод ответа на язык обращения обеспечивается учреждением или органом, исполняющим наказание (в редакции Закона РТ от 14.05.2016г.№1307). Осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения, а также пользуются правом на материально- бытовое обеспечение.

Осужденные имеют право на социальное обеспечение, в том числе на получение пенсий и социальных пособий на общих основаниях в соответствии с законодательством Республики Таджикистан. Для получения квалифицированной юридической помощи осужденные могут пользоваться услугами адвокатов (в редакции Закона РТ от 23.11.2015г.№1231). Осужденные имеют право на свидание с членами семьи, родственниками, а также на получение продуктов питания и других предметов первой необходимости. Осужденные имеют право на компенсацию ущерба, нанесенного ему во время исполнения наказания в соответствии с предусмотренным законом порядком. Порядок реализации прав осужденных устанавливается настоящим Кодексом (Кодек исполнения уголовных наказаний), а также иными нормативными правовыми актами.

Реализация прав осужденных не должна нарушать правил внутреннего распорядка, а также ущемлять права и законные интересы других лиц. Значительную роль играет принцип гуманизма, закреплённый в уголовно-исполнительном законодательстве. Он предполагает, что наказание должно быть направлено не только на изоляцию осуждённого, но и на его исправление и возвращение в общество. Таким образом, право на свидание является одной из форм реализации указанных гарантий, позволяя осуждённому сохранять связь с семьёй и обществом. Право на свидание закреплено в Кодексе исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан и представляет собой возможность осуждённого общаться с родственниками, близкими лицами и защитниками.

Статья 91. Свидания осужденных к лишению свободы. Осужденным предоставляются свидания: краткосрочные, продолжительностью четыре часа и длительные, как на территории, так и за пределами исправительного учреждения, в зависимости от поведения осужденного продолжительностью до трех суток. Предоставление свидания в лечебных учреждениях устанавливается по рекомендации врача только в виде краткосрочного, продолжительностью до 2 часов в соответствии с порядком исполнения наказаний (в редакции Закона РТ от 28.12.2013г.№1036). Краткосрочные свидания предоставляются с родственниками или иными лицами в присутствии представителя администрации исправительного учреждения. Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания только с близкими родственниками (в редакции Закона РТ от 28.06.2011г. №732). В случае тяжелой болезни осужденного, ставящей в опасность его жизнь, начальник исправительного учреждения сообщает и предоставляет возможность близким родственникам осужденного посетить его. Осужденным, по их просьбе разрешается заменять длительные свидания краткосрочными. Порядок и место предоставления свиданий, а также порядок замены одного вида свидания другим, устанавливаются Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Для получения юридической помощи осужденным по их заявлению предоставляются свидания с адвокатами. По желанию осужденного и указанных лиц свидания предоставляются наедине (в редакции Закона РТ от 23.11.2015г.№1231). Краткосрочные и длительные свидания выполняют несколько функций. Во-первых, социальную функцию, обеспечивая сохранение семейных связей. Поддержка со стороны семьи способствует снижению уровня рецидивной преступности. Во-вторых, психологическую функцию, поскольку изоляция от общества оказывает негативное воздействие на психическое состояние осуждённого. В-третьих, воспитательную функцию, стимулируя осуждённых к соблюдению установленного режима. В-четвёртых, правовую функцию, связанную с обеспечением права на защиту. Свидания с адвокатом являются необходимым элементом реализации права на справедливое судебное разбирательство.

Пределы реализации права на свидание представляют собой установленные законом рамки, в которых данное право может осуществляться. В Республике Таджикистан пределы данного права определяются рядом факторов. Прежде всего, они зависят от режима исправительного учреждения [3, 78]. В учреждениях с более строгим режимом количество свиданий, как правило, меньше. Также пределы определяются нормами законодательства, которые устанавливают: количество свиданий в год; их продолжительность; порядок предоставления. Существенное значение имеет поведение осуждённого. Лица, соблюдающие режим, могут пользоваться более широкими возможностями для реализации своих прав. Кроме того, пределы включают организационные условия проведения свиданий, такие как наличие специальных помещений и контроль со стороны администрации. Важно подчеркнуть, что пределы не являются нарушением права, а служат механизмом его реализации в условиях исполнения наказания [2, 198].

Ограничения права на свидание представляют собой дополнительные меры, которые применяются при наличии определённых оснований. К таким основаниям относятся: нарушение установленного режима; совершение дисциплинарных проступков; необходимость обеспечения безопасности; предотвращение противоправной деятельности. Ограничения могут выражаться в различных формах: сокращение количества свиданий; уменьшение их продолжительности; временный запрет; ограничение круга лиц. Однако применение ограничений должно соответствовать ряду принципов. Прежде всего, это принцип законности, согласно которому любые ограничения должны быть прямо предусмотрены законом. Вторым является принцип обоснованности, предполагающий наличие реальных причин для ограничения. Третьим является принцип соразмерности, означающий, что мера ограничения должна соответствовать характеру нарушения. Несоблюдение данных принципов может привести к нарушению прав осуждённых [3, 98].

На практике реализация права на свидание сталкивается с рядом проблем. Одной из наиболее распространённых является злоупотребление полномочиями со стороны администрации исправительных учреждений. В отдельных случаях ограничения применяются без достаточных оснований. Также проблемой является недостаточное количество свиданий, которое не всегда позволяет поддерживать полноценные семейные отношения. Существуют и организационные трудности, связанные с ограниченными ресурсами учреждений. Кроме

того, могут возникать сложности с доступом к адвокатам, что негативно сказывается на реализации права на защиту. Решение указанных проблем требует совершенствования законодательства, усиления контроля и повышения уровня правовой культуры.

Международные правовые акты закрепляют необходимость гуманного обращения с осуждёнными и обеспечения их связи с внешним миром. Согласно международным стандартам: осуждённые имеют право на регулярные контакты с семьёй; ограничения должны быть минимальными; право на юридическую помощь должно быть гарантировано.

Законодательство Республики Таджикистан в целом соответствует данным требованиям, однако практика нуждается в дальнейшем развитии. Право осуждённых на свидание является важной составляющей системы конституционных гарантий. Оно способствует сохранению социальных связей, улучшению психологического состояния и успешной ресоциализации. Вместе с тем реализация данного права осуществляется в рамках установленных пределов и может подвергаться ограничениям, которые должны быть законными и обоснованными. Эффективное обеспечение данного права возможно только при соблюдении баланса между интересами государства и правами личности.

Список литературы:

1. Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. А.И. Зубкова. — М.: Норма, 2019. – 445с.
2. Уголовно-исполнительное право: учебное пособие / под ред. В.И. Селиверстова. — М.: Юрайт, 2020. -456с.
3. Комментарий к уголовно-исполнительному законодательству / под ред. А.В. Бриллиантова. — М.: Проспект, 2018. -356с.

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Расулов Мухаммадсафар Саидбилолович
студент 2 курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул М. Турсунзаде, 30
тел.**:** 992 552730022 email: rasulovmuhammadsafar55@gmail.com

NATIONAL DEVELOPMENT STRATEGY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE CONTEXT OF FORMING NATIONAL IDENTITY AND THE WORLDVIEW OF THE TAJIK PEOPLE

Rasulov Muhammadsafar Saidbilolovich
2nd-year full- time law student
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +992 552 730 022 email: rasulovmuhammadsafar55@gmail.com

Аннотация. *Статья посвящена комплексному правовому анализу Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года (НСР-2030) в контексте укрепления национальной идентичности и мировоззрения таджикского народа. Рассматриваются конституционные основы, исторический фон, этапы реализации стратегии, а также проблемы и решения в экономической, социальной, экологической и внешнеполитической сферах. Анализ опирается на нормы Конституции Республики Таджикистан, международные договоры и отраслевое законодательство. Выделены механизмы имплементации, индикаторы успеха и правовые инструменты защиты национальных интересов. Статья носит междисциплинарный характер и демонстрирует связь стратегического планирования с конституционными принципами суверенитета и культурного наследия.*

Annotation. *The article provides a comprehensive legal analysis of the National Development Strategy of the Republic of Tajikistan until 2030 (NDS-2030) in the context of strengthening the national identity and worldview of the Tajik people. It examines the constitutional foundations, historical background, stages of strategy implementation, as well as problems and solutions in the economic, social, environmental, and foreign policy spheres. The analysis is based on the norms of the Constitution of the Republic of Tajikistan, international treaties, and sectoral legislation. The mechanisms for implementation, success indicators, and legal instruments for protecting national interests are highlighted. The article is interdisciplinary in nature and demonstrates the connection between strategic planning and the constitutional principles of sovereignty and cultural heritage.*

Keywords: *national identity, NDS-2030, constitutional law, cultural heritage, sustainable development, legal reforms.*

Ключевые слова: *национальная идентичность, НСР-2030, конституционное право, культурное наследие, устойчивое развитие, правовые реформы.*

Республика Таджикистан в соответствии со ст. 1 Конституции Республики Таджикистан 1994 года (с изменениями) является суверенным, демократическим, правовым, светским и унитарным государством [1]. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года (далее — НСР-2030), утверждённая постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 года № 636, выступает не только стратегическим планом социально-экономического развития, но и правовым инструментом закрепления конституционных принципов национального единства, суверенитета и защиты прав человека (ст. 1, 5–7 Конституции)[2].

Документ интегрирует экономические, социальные и культурные цели с правовыми механизмами укрепления национальной идентичности. Понятие «национальной идентичности» в юридическом смысле охватывает коллективное самосознание народа, основанное на общих исторических опытах, языке, традициях и ценностях, защищаемых ст. 5–7, 30 Конституции, а также ратифицированными международными договорами (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., ратифицирован в 1999 г.).

Мировоззрение таджикского народа сочетает традиционные ценности (гостеприимство, уважение к природе, семейные узы) с современными вызовами (цифровизация, экологическая устойчивость, гендерное равенство). Это отражено в Законе «О государственной политике в сфере культуры» от 12 апреля 2012 г. № 822 и Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия 2003 г. (ратифицирована в 2010 г.).

НСР-2030 устанавливает амбициозные цели: ежегодный рост ВВП на 7–8 %, значительное увеличение ВВП, снижение уровня бедности более чем вдвое и расширение среднего класса. Цели интегрированы с Целями устойчивого развития ООН (ЦУР) и требуют мониторинга через национальные индикаторы. Методологический подход включает историко-правовой, сравнительно-правовой и системный анализ официальных документов (НСР-2030, отчёты ООН, Всемирного банка), академических исследований и судебной практики. Рассматриваются проблемы (коррупция, миграция, климатические риски) с указанием причин, последствий, правовых решений и индикаторов успеха.

Исторический фон формирования национальной идентичности: от древних корней до постсоветской консолидации Национальная идентичность таджикского народа представляет собой эволюционирующую правовую конструкцию, закреплённую в конституционных и международных нормах (ст. 30 Конституции — право на культурное развитие; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.[7]).

Древние корни: арийское наследие и эпоха Саманидов. Корни уходят к ираноязычным народам Центральной Азии. Зороастризм повлиял на современные нормы охраны окружающей среды (Закон «Об охране окружающей среды» от 2 августа 2011 г. № 760). Эпоха Саманидов закрепила персидский (таджикский) язык как государственный (ст. 2 Конституции [1]; Закон «О государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2009 г. № 553) [3]. Праздник Навруз, признанный ЮНЕСКО [8], защищается Указом Президента от 21 марта 2009 г. № 639.

Колониальный и советский периоды. Колонизация Российской империи и советское национально-государственное размежевание усилили клановые различия, но способствовали модернизации, включая гендерное равенство (ст. 17 Конституции). Проблема: фрагментация идентичности и региональные диспропорции в развитии. Решение: децентрализация по Закону «О местном самоуправлении» от 30 июня 2004 г. № 33 (индикаторы — рост местных бюджетов на 20–30 % к 2025 г.).

Постсоветский период: гражданская война и возрождение идентичности. Гражданская война 1992–1997 гг. урегулирована Общим соглашением о мире и национальном согласии от 27 июня 1997 г. Проблемы: массовая миграция (отток квалифицированных кадров) и радикализация молодёжи. Решения: Закон «О миграции» от 11 июля 2013 г. № 1002 (снижение нелегальной миграции на 30 % к 2025 г.)[4]; Закон «О противодействии экстремизму» от 28 ноября 2003 г. № 2 (снижение случаев экстремизма на 50 % к 2030 г.)[5].

Мировоззрение таджикского народа: синтез традиций, религии и современной реальности Мировоззрение регулируется ст. 26 Конституции (свобода совести) и культурным законодательством. Персидско-арийское наследие охраняется Законом «Об авторском праве и смежных правах» от 13 ноября 1998 г. № 726. Проблема размывания традиций глобализацией решается программами по Закону «О государственном языке» (онлайн-платформы, фестивали; охват 50 % молодёжи к 2025 г.) [3].

Религия как светский ислам (ст. 8 Конституции) защищена Законом «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 марта 2009 г. № 489. Современные вызовы (гендерные стереотипы) преодолеваются Законом «О равных правах и равных возможностях для женщин и мужчин» от 1 марта 2005 г. № 89 (квоты, микрокредиты; рост занятости женщин до 45 % к 2030 г.) [6].

Полный обзор НСР-2030: цели, принципы и этапы реализации НСР-2030 разработана в соответствии с Конституцией и ЦУР ООН. Стратегические цели охватывают энергетическую безопасность [2] (Закон «Об энергетике» от 29 ноября 2000 г. № 33), транспорт, продовольственную безопасность и занятость (Трудовой кодекс от 20 июля 2016 г. № 1339). Этапы: 2016–2020 гг. (переход к экспортноориентированному росту); 2021–2025 гг. (ускорение на основе инвестиций); 2026–2030 гг. (инновационный рост). Принципы превентивности и инновационности обеспечиваются Законом «О стратегическом планировании и прогнозировании» [2].

Экономическое развитие: проблемы, решения и связь с идентичностью Экономика зависит от ремиттансов (около 40 % ВВП), алюминия и хлопка. Ключевые проблемы: низкая диверсификация, слабый частный сектор, климатические риски, отток кадров. Решения: индустриализация (проект Рогунской ГЭС), привлечение инвестиций по Закону «Об инвестициях» от 12 мая 2010 г. № 603, «зелёная» экономика (Зелёная экономическая стратегия 2023–2037 гг.), развитие МСП. Связь с идентичностью: сохранение традиционного сельского хозяйства и продвижение культурного туризма. Антикоррупционные меры — по Закону «О противодействии коррупции» от 25 июля 2005 г. № 100 и Конвенции ООН против коррупции 2003 г. (ратифицирована в 2006 г.) [9].

Социальное развитие: образование, здравоохранение и гендерное равенство

Образование. Высокая грамотность (99 %), но проблемы качества. Решение: переход к 12-летнему образованию по Закону «Об образовании» от 17 июля 2013 г. № 1004, цифровизация и патриотическое воспитание (охват дошкольным образованием — 50 % к 2030 г.).

Здравоохранение. Средняя продолжительность жизни — 73,5 года (2015). Решение: первичная помощь, цифровизация по Закону «О здравоохранении» от 15 мая 2004 г. № 47 (рост финансирования до 4,4 % ВВП).

Гендерное равенство. Квоты и программы по Закону № 89 (рост занятости женщин до 45 %, снижение насилия на 50 %).

Экологические аспекты и устойчивость

Таджикистан уязвим к таянию ледников и деградации земель. Решения: адаптация по Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. (ратифицирована в 1998 г.) и национальным законам (восстановление 20 % земель к 2030 г.). Интеграция традиционного уважения к природе в «зелёные» проекты [10].

Внешняя политика и международная интеграция

Политика «открытых дверей» (ст. 11 Конституции) реализуется в рамках ШОС, ЕАЭС, ЭКО. **Решения:** транзитные проекты (CASA-1000).

Вызовы и критика

Основные риски: коррупция, внешние шоки, авторитаризм. Решения: электронное правительство, повышение прозрачности (улучшение рейтинга Transparency International на 20 позиций к 2030 г.).

НСР-2030 выступает катализатором национального возрождения, интегрируя экономический рост с правовым укреплением идентичности. Успех зависит от эффективной имплементации антикоррупционных мер, диверсификации экономики и социальной инклюзии. Таджикистан имеет потенциал стать моделью устойчивого развития в Центральной Азии при строгом соблюдении конституционных и международных стандартов. Полученные выводы применимы в юридической практике для защиты национальных интересов.

Список литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с изменениями и дополнениями) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. URL: https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya (дата обращения: 13.03.2026).
2. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Утверждена постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г. № 636 // Официальный текст. URL: https://khovar.tj/wp-content/uploads/2017/01/NSR-2030_russkij.pdf (дата обращения: 13.03.2026).
3. Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2009 г. № 553 // Портал правовой информации Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj (дата обращения: 13.03.2026).
4. Закон Республики Таджикистан «О миграции» от 11 июля 2013 г. № 1002 // Там же.
5. Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 28 ноября 2003 г. № 2 // Там же.
6. Закон Республики Таджикистан «О равных правах и равных возможностях для женщин и мужчин» от 1 марта 2005 г. № 89 // Там же.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ратифицирован Республикой Таджикистан в 1999 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.ohchr.org (дата обращения: 13.03.2026).
8. Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия 2003 г. (ратифицирована в 2010 г.) // Официальный сайт ЮНЕСКО.
9. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (ратифицирована в 2006 г.) // Официальный сайт ООН.
10. Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. (ратифицирована в 1998 г.) // Там же.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Садыкова Нилуфар Шухратовна

Студентка 2-го года обучения очного отделения юридического факультета Российско-Таджикский (Славянский) университет

734045, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30

тел.: +992 919 28 03 03, e-mail**:** sadikovanilufar801@gmail.com

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sadykova Nulufar Shukhratovna

2-year full-time student of the Faculty of Law, Russian-Tajik (Slavonic) University

734045, Republic of Tajikistan 30 M. Tursunzade Street, Dushanbe,

tel.: **+**992 919 280 303 e-mail: sadykovanilufar801@gmail.com

Аннотация. *В статье рассматриваются конституционно-правовые основы деятельности прокуратуры Республики Таджикистан. Анализируется глава о прокуратуре, закреплённая в Конституции РТ, конституционный закон «Об органах прокуратуры», а также Положение о Генеральной прокуратуре. Особое внимание уделяется выявлению проблем правового регулирования: пробелов, противоречий и недостатков законодательства. В заключении предложены пути совершенствования правового регулирования прокуратуры с учётом международных стандартов и принципа верховенства права.*

Annotation. *This article examines the constitutional and legal foundations of the activities of the prosecution authorities of the Republic of Tajikistan. It considers the provisions of the Constitution of the Republic of Tajikistan, the Constitutional Law "On the Prosecution Authorities of the Republic of Tajikistan," and the Regulations on the General Prosecutor's Office. Particular attention is paid to issues of legal regulation: gaps and contradictions in the legislation on the prosecutor's office, as well as practical difficulties associated with ensuring the independence of prosecutors. In conclusion, measures are proposed to improve legislation and strengthen guarantees of the independence of the prosecutor's office, taking into account international standards.*

Ключевые слова: *Конституция, прокуратура, Республика Таджикистан, конституционный закон, Генеральная прокуратура, правовые основы, независимость прокуратуры, проблемы законодательства.*

Keywords: *Constitution, prosecutor's office, Republic of Tajikistan, constitutional law, General Prosecutor's Office, legal framework, independence of the prosecutor's office, gaps in.*

Прокуратура является важнейшим звеном в системе государственных органов, обеспечивающих верховенство закона и защиту прав и свобод человека и гражданина. В условиях построения правового государства и формирования демократических институтов в Республике Таджикистан её роль приобретает особое значение. Именно прокуратура, как единая централизованная система органов, наделённая конституционными полномочиями, призвана осуществлять надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми органами власти, должностными лицами, предприятиями, учреждениями и организациями, а также гражданами.

Конституционно-правовые основы деятельности прокуратуры уточняются Конституционным законом «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан», а также Положением о Генеральной прокуратуре, где более подробно регулируются структура и функции данного органа.

Актуальность темы заключается в том, что, несмотря на достаточно развитую нормативно-правовую базу, в законодательстве о прокуратуре существуют определённые пробелы и противоречия, требующие научного анализа и практического решения.

Цель данной статьи – рассмотреть конституционно-правовые основы деятельности прокуратуры Республики Таджикистан, выявить существующие проблемы и предложить пути совершенствования законодательства.

Прокуратура в Конституции Республики Таджикистан

Конституция РТ закрепляет правовое положение прокуратуры в отдельной девятой главе, которая была выключена с целью укрепления законности, правопорядка и защиты прав граждан. Данная глава закрепляет основные принципы организации и деятельности органов прокуратуры в Таджикистане.

Статья 93 определяет, что надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории страны осуществляют Генеральный прокурор и подчинённые ему прокуроры. Это закрепляет центральную функцию прокуратуры — защиту принципа верховенства права.

Статья 94 подчёркивает, что единую и централизованную систему органов прокуратуры Таджикистана возглавляет Генеральный прокурор, который подотчётен Маджлиси милли и Президенту, что отражает принцип двойной подотчётности.

Статья 95 устанавливает пятилетний срок полномочий Генерального прокурора и подчинённых прокуроров. Деятельность, полномочия и структура органов прокуратуры регламентируется законом. Это положение обеспечивает стабильность кадрового состава и непрерывность прокурорского надзора.

Статья 96 закрепляет независимость прокуроров от других государственных органов и должностных лиц подчёркивая, что они подчиняются только закону.

Однако здесь необходимо обратить внимание на то, что данное конституционное положение не согласуется с положением, закрепленным в ст. 94 Конституции Республики Таджикистан.

Статья 97 вводит ограничения для прокуроров: запрет совмещать должность с депутатской деятельностью, членством в партиях, предпринимательством и иной оплачиваемой деятельностью (за исключением научной, педагогической и творческой). Эти ограничения направлены на обеспечение нейтралитета прокуроров и их концентрацию исключительно на выполнении служебных обязанностей.

Конституционные положения о прокуратуре подчёркивают её ключевую роль в системе разделения властей. Прокуратура не только осуществляет надзор за исполнением законов, но и выполняет функции, связанные с поддержанием правопорядка, защитой прав и свобод граждан, а также обеспечением законности в деятельности государственных органов и должностных лиц.

Конституционный закон «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан»

Конституционный закон Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры» был принят 25 июля 2005 года (с изменениями и дополнениями). Закон является важнейшим нормативным актом, детализирующим организацию, полномочия и функции прокуратуры, закрепленные в Конституции РТ. Он направлен на обеспечение законности, верховенства закона и защиты прав и свобод человека и гражданина.[2]

Данный закон регулирует не только порядок формирования органов прокуратуры, но и их структуру, полномочия Генерального прокурора и подчинённых прокуроров, а также взаимодействие с другими государственными органами. Закон позволяет конкретизировать конституционные нормы, обеспечивая их практическое применение и контроль за соблюдением законодательства на территории страны.

Структура органов прокуратуры

Согласно Конституционному закону, прокуратура Республики Таджикистан представляет собой единую и централизованную систему, включающую:

1. Генеральную прокуратуру Республики Таджикистан — высший орган прокуратуры, осуществляющий общегосударственный надзор за законностью.

2. Региональные (областные) прокуратуры — обеспечивают исполнение законов и надзор на уровне субъектов страны.

3. Городские и районные прокуратуры — осуществляют надзор в пределах своих территорий.

4.Специализированные прокуратуры (военная, транспортная, антикоррупционная и др.) — выполняют надзор в отдельных сферах деятельности государства.

Такое построение обеспечивает единый контроль и координацию деятельности всех уровней органов прокуратуры, а также позволяет эффективно выполнять функции надзора и защиты законности [2].

Основные задачи и полномочия прокуратуры.

Конституционный закон закрепляет ключевые функции прокуратуры:

Надзор за соблюдением законов — проверка исполнения законов государственными органами, организациями и гражданами.

Прокуратура Республики Таджикистан — это «единый, централизованный орган, осуществляющий в пределах своих полномочий надзор за точным исполнением и единообразным исполнением законов на территории Республики Таджикистан» (ст. 1). В ст. 5 КЗ РТ приведен исчерпывающий перечень функций («основных направлений») прокуратуры: надзор; «защита прав и свобод человека и гражданина, государственных интересов, разных форм государственной и негосударственной собственности в судебном процессе»; «расследование преступлений»; «разработка мер по предотвращению преступлений, борьбе с коррупцией, терроризмом, экстремизмом и иными правонарушениями совместно с другими государственными органами, участие в работе по совершенствованию и разъяснению законов»; «координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и ее профилактике, коррупцией и иными правонарушениями»; «участие в рассмотрении дел судами»; «выражение протеста в отношении решений приговоров, определений и постановлений судов, противоречащих закону».

Анализ положений ст. 5 КЗ РТ от 25 июля 2005 г. позволяет выделить пять видов «прокурорского надзора»: «надзор за точным соблюдением и единообразным исполнением законов министерствами, государственными комитетами и другими ведомствами Республики Таджикистан, местными органами государственной власти, органами военного управления, органами контроля, банками, предприятиями, учреждениями, общественными и религиозными объединениями, политическими партиями и иными объединениями, независимо от их подчиненности, принадлежности и форм собственности, их должностными лицами, а также за соответствием законам правовых актов, издаваемых ими»[1] ; «надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, признанными высшей ценностью, всеми структурами и должностными лицами, указанными в абзаце первом настоящей статьи»; «надзор за соблюдением и исполнением законов органами, ведущими борьбу с преступностью и другими правонарушениями, а также органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие»; «надзор за соблюдением и исполнением законов в местах содержания задержанных, предварительного заключения, исполнения наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых судом»; «надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений судебными исполнителями и другими компетентными органами». Положения ст. 5 КЗ РТ от 25 июля 2005 г. относительно видов прокурорского надзора детализированы (конкретизированы) в иных статьях этого же нормативного правового акта (ст. 23—29 главы 3, ст. 30—33 главы 4, ст. 44—46 главы 6). Вызывает лишь возражение включение ст. 51 «Надзор за соблюдением законов при осуществлении международного правового сотрудничества» в главу 7 «Международное правовое сотрудничество прокуратуры по защите прав и свобод человека и гражданина, борьба с преступностью, другими правонарушениями» (ст. 47—52), ибо в данном случае речь идет о недопустимом смешении отдельных самостоятельных функций («основных направлений деятельности органов прокуратуры»).

Положения ст. 5 Конституционного закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» также детализированы в Указе Президента Республики Таджикистан «Об утверждении Положения об органах военной прокуратуры Республики Таджикистан» № 543 от 16 сентября 2008 г.

Контроль за деятельностью органов исполнительной власти — проверка законности действий органов государственного управления, предотвращение нарушений закона.

Внесение представлений и предложений — право давать рекомендации по устранению нарушений закона, инициировать изменения в нормативно-правовой базе.

Закон также регламентирует полномочия Генерального прокурора по назначению и освобождению подчинённых прокуроров, контролю за их деятельностью и организационному управлению прокуратурой на всех уровнях.

Назначение и подотчётность прокуроров

Закон подробно определяет процесс назначения и полномочия Генерального прокурора и других прокуроров. Генеральный прокурор назначается Президентом РТ сроком на 5 лет с обязательным одобрением Маджлиси милли. Подчинённые прокуроры назначаются Генеральным прокурором на аналогичный срок [2, ст. 14].

Сравнительный анализ с законодательством других стран СНГ

Анализ законодательства других стран СНГ показывает, что структура и полномочия прокуратуры в Таджикистане в целом совпадают с практикой в регионе: единая централизованная система, подчинённость Генеральному прокурору, надзор за исполнением законов и защита прав граждан. Однако, по мнению экспертов, законодательство РТ имеет некоторые недостатки, связанные с ограничением независимости прокуратуры и недостаточной прозрачностью процедуры назначения

Таким образом, закон детализирует конституционные положения и формирует нормативную базу деятельности прокуратуры.

Положение о Генеральной прокуратуре Республики Таджикистан

Положение о Генеральной прокуратуре Республики Таджикистан является нормативным актом, детализирующим организационную структуру, функции и полномочия высшего органа прокуратуры страны. Оно разработано на основе Конституции РТ и Конституционного закона «Об органах прокуратуры» и направлено на обеспечение эффективного функционирования системы надзора за соблюдением законности на всех уровнях государства.

Положение закрепляет основные принципы работы прокуратуры: законность, единство и централизованность системы, независимость прокуроров в рамках их полномочий, а также подотчётность Генеральному прокурору перед Президентом и Маджлиси милли.

Структура Генеральной прокуратуры

Генеральная прокуратура состоит из центрального аппарата и территориальных подразделений. Центральный аппарат включает:

Аппарат Генерального прокурора — обеспечивает организацию и координацию работы всех подразделений прокуратуры.

Юридические и аналитические отделы — занимаются правовой экспертизой нормативных актов, подготовкой представлений и предложений.

Следственные подразделения — осуществляют процессуальный контроль и расследования по уголовным делам.

Специализированные отделы — курируют определённые направления деятельности: надзор за органами исполнительной власти, антикоррупционный контроль, военная и транспортная прокуратура.

Территориальные подразделения (областные, городские и районные прокуратуры) выполняют функции надзора и контроля на местах, обеспечивая соблюдение законов и защиту прав граждан.

Основными функциями Генеральной прокуратуры являются:

1. Надзор за исполнением законов всеми государственными органами, организациями и гражданами.
2. Поддержка государственного обвинения в уголовных делах, участие в судебных процессах и защита интересов государства.
3. Защита прав и свобод человека и гражданина, включая контроль за соблюдением законодательства органами исполнительной власти.
4. Инициирование мер по устранению нарушений закона, подготовка представлений и предложений о внесении изменений в нормативные акты.
5. Организация работы подчинённых прокуроров, включая назначение, контроль и повышение квалификации кадров.

Эти функции направлены на обеспечение единства системы прокуратуры, повышение эффективности надзорной деятельности и укрепление законности в государстве.

Положение также регулирует порядок взаимодействия Генеральной прокуратуры с другими государственными органами, включая Верховный суд, Министерство юстиции, правоохранительные органы и исполнительные структуры. Генеральная прокуратура имеет право запрашивать информацию, проводить проверки, давать рекомендации и вносить предложения по улучшению деятельности государственных органов в сфере законности.

Такое взаимодействие обеспечивает комплексный контроль за соблюдением законов, предотвращает нарушения и укрепляет правопорядок в Республике Таджикистан.

Проблемы и недостатки в законодательстве о прокуратуре

Несмотря на важную роль прокуратуры в системе органов государственной власти, действующее законодательство о прокуратуре Республики Таджикистан имеет ряд недостатков, пробелов и противоречий, требующих устранения.

Недостаточная независимость прокуратуры

Во-первых, несмотря на закрепление в Конституции РТ и Конституционном законе положений о самостоятельности органов прокуратуры, на практике независимость прокуроров может быть ограничена влиянием исполнительной власти. Эксперты отмечают, что Генеральный прокурор и подчинённые прокуроры назначаются Президентом и подотчётны Маджлиси милли, что потенциально создаёт риск политического давления при осуществлении надзорных функций.

Эта ситуация может привести к снижению объективности прокуроров при рассмотрении дел, связанных с действиями государственных органов или должностных лиц, что негативно сказывается на защите прав граждан и верховенстве закона

2. Неопределённость статуса прокуратуры

Закон «Об органах прокуратуры РТ» (1994 г. с последующими изменениями) определяет прокуратуру как орган, осуществляющий надзор за исполнением законов. Однако Уголовно-процессуальный кодекс одновременно закрепляет за прокурором роль стороны обвинения.

Пример: при рассмотрении уголовных дел прокурор выступает одновременно как надзорный орган и как сторона обвинения, что создаёт конфликт интересов и нарушает принцип равноправия сторон.

3. Ограниченные полномочия в сфере надзора

Существующие нормативные акты определяют широкий круг надзорных функций прокуратуры, однако на практике полномочия в отношении отдельных государственных органов и должностных лиц могут быть ограничены. Например, законодательство не всегда чётко определяет порядок контроля за деятельностью исполнительной власти на местах, что создаёт трудности при выявлении и устранении нарушений закона.

Кроме того, практика показывает, что прокуроры сталкиваются с трудностями при инициировании расследований и внесении представлений по устранению нарушений в некоторых сферах, таких как экономическая деятельность и социальная защита населения. Это снижает эффективность надзорной функции и затрудняет обеспечение законности.

4.3. Проблемы с кадровым обеспечением

Кадровая политика прокуратуры также сталкивается с рядом проблем. Недостаток квалифицированных кадров, высокая текучесть и ограниченные возможности для повышения профессионального уровня сотрудников влияют на качество работы органов прокуратуры.[5]

Существуют примеры, когда отсутствие опыта или недостаточная подготовка прокуроров приводили к задержкам в расследованиях, нарушению процессуальных норм и снижению эффективности надзорной деятельности. Решение этих вопросов требует внедрения системного подхода к подготовке кадров, повышения квалификации и мотивации сотрудников.

4. Пробелы и противоречия в законодательстве

В действующем законодательстве также наблюдаются пробелы и противоречия. Например, отдельные положения Конституции о независимости прокуратуры не всегда совпадают с процедурами назначения и подотчётности прокуроров, что может создавать юридические коллизии.

Кроме того, законы о прокуратуре иногда не детализируют порядок взаимодействия с другими государственными органами, что затрудняет контроль за соблюдением законности в отдельных сферах деятельности государства. Эти пробелы требуют уточнения и систематизации нормативно-правовой базы.

5. Значительные недостатки наблюдаются также в сфере защиты прав человека. Несмотря на закреплённую обязанность прокуроров реагировать на нарушения прав граждан, законодательство носит общий характер и не предусматривает конкретных механизмов противодействия пыткам, незаконным задержаниям и другим злоупотреблениям.[3]

6. Коррупциогенные факторы и проблема ответственности. До 2013 года в законе «Об органах прокуратуры» существовала норма о неприкосновенности работников прокуратуры, что исключало возможность их привлечения к ответственности, только после внесения изменений в закон прокуроры были приравнены к другим государственным служащим. Несмотря на отмену этой нормы, эффективных механизмов дисциплинарной и уголовной ответственности по-прежнему недостаточно.

7. Кроме того, законодательство не содержит детальной регламентации взаимодействия прокуратуры с судами, адвокатурой и органами предварительного расследования, что порождает дублирование полномочий и снижает эффективность работы правовой системы.

8. Проблемы прокурорского надзора в оперативно-розыскной деятельности

Согласно исследованию И.Т. Махмудова, Конституционный закон Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры» регулирует вопросы надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Однако выявлены проблемы, связанные с эффективностью этого надзора, что может приводить к нарушениям прав граждан и снижению доверия к правоохранительным органам. [6]

Наконец, законодательство о прокуратуре отстаёт от международных стандартов. Оно не в полной мере учитывает рекомендации Совета Европы о роли прокуратуры, а также нормы международных конвенций по защите прав человека, в частности по вопросам независимости прокуроров и гарантий против политического давления.

Таким образом, современное законодательство о прокуратуре Республики Таджикистан требует дальнейшего совершенствования, устранения пробелов и противоречий, а также

приведения его норм в соответствие с международными стандартами и принципами правового государства.

1. Укрепление независимости прокуратуры

Одной из ключевых проблем является недостаточная независимость прокуратуры. Для её усиления предлагается:

Уточнить и закрепить конституционные и законодательно полномочия Генерального прокурора и подчинённых прокуроров, обеспечив их независимость от исполнительной власти.

Ввести прозрачные процедуры назначения и освобождения от должности, с участием независимых экспертных и законодательных комиссий.

Эти меры позволят снизить влияние политических факторов на надзорную деятельность и повысить доверие граждан к органам прокуратуры.

2. Расширение полномочий в сфере надзора

Для повышения эффективности надзора предлагается:

Детализировать нормы, регулирующие проверку деятельности исполнительной власти на всех уровнях.

Ввести механизмы оперативного реагирования прокуратуры на нарушения, выявленные в ходе проверок, включая административные меры и внесение представлений.

Усилить контроль за деятельностью органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с целью предотвращения нарушений прав граждан.

Эти меры позволят повысить качество и своевременность прокурорского контроля.

3. Совершенствование кадровой политики

Для решения проблем с кадрами необходимо:

Разработать программы подготовки и повышения квалификации сотрудников прокуратуры, включая обучение международным стандартам и новым методам надзорной работы.

Создать систему мотивации и удержания квалифицированных кадров, включая материальное стимулирование и карьерный рост.

Обеспечить прозрачные процедуры назначения и ротации прокуроров, чтобы избежать перегрузки и текучести кадров.

Эти шаги позволят улучшить качество работы прокуратуры и её эффективность в защите законности.

4. Уточнение законодательных норм и устранение пробелов

Для устранения пробелов и противоречий в законодательстве предлагается:

Провести комплексный анализ нормативно-правовой базы, чтобы согласовать положения Конституции и законов о прокуратуре.

Уточнить процедуры взаимодействия прокуратуры с другими государственными органами и закрепить их в законе.

Ввести механизм регулярного мониторинга и обновления законодательства в сфере прокурорской деятельности с учётом практики применения.

Эти меры обеспечат системность и предсказуемость работы прокуратуры, повышение доверия общества к её деятельности.

Совершенствование законодательства о прокуратуре, укрепление её независимости, расширение надзорных полномочий и развитие кадровой политики являются ключевыми факторами повышения эффективности работы прокуратуры. Реализация предложенных мер позволит создать более прозрачную, независимую и профессионально подготовленную систему, способную эффективно защищать законность и права граждан в Республике Таджикистан.

«Подводя итог, следует отметить, что рассмотрение прокуратуры Республики Таджикистан как важного государственного института, анализ её конституционно-правового статуса, закреплённого в Конституции и Конституционном законе, а также изучение Положения о Генеральной прокуратуре позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на наличие достаточно развитой правовой базы, регламентирующей организацию и деятельность органов прокуратуры, всё же сохраняются определённые недостатки, пробелы и противоречия, связанные с обеспечением независимости, подотчётности и эффективной реализации полномочий прокуратуры, устранение которых является необходимым условием для повышения её роли в защите прав и свобод граждан, укрепления законности,

совершенствования правовой системы и дальнейшего развития Таджикистана как демократического и правового государства».

Список литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан (принята 6 ноября 1994 года, с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г. И 22 мая 2016 г.). — Душанбе: «Ганч», 2016.
2. Конституционный закон Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» от 25 июля 2005 года, № 107 (в действующей редакции).
3. Положение о поощрениях и дисциплинарной ответственности работников органов прокуратуры Республики Таджикистан (утверждено Указом Президента Республики Таджикистан от 8 декабря 2006 года, № 74; в редакции Указа от 30.12.2015 г., № 610).
4. Махмудов И. Т. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности по законодательству Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. — 2018. — № 2 (75). — С. 112–118.
5. Назаров А. Х. Прокурорский надзор в Республике Таджикистан: Учебник для юридических факультетов. — Душанбе: «Эр-граф», 2015.
6. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.prokuratura.tj (дата обращения: 10.04.2024).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Хаетова Дилангез
Студентка 3-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734045, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: +99291908876, E-mail**:** sadikovanilufar801@gmail.com

LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS IN EMERGENCY SITUATIONS

Dilangez Khaetova
2-year full-time student of the Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734045, Republic of Tajikistan 30 M. Tursunzade Street, Dushanbe,
tel.: +992 919 280 303 e-mail: sadykovanilufar801@gmail.com

Аннотация. *Рассмотрены международный и национальный уровни правового регулирования защиты прав детей в чрезвычайных ситуациях. Приведены и проанализированы понятия «ребенок», «несовершеннолетний» «опасность», «чрезвычайная ситуация». Раскрыто содержание норм права международного и национального уровня, регулирующих защиту прав детей в чрезвычайных ситуациях. Ретроспективный анализ законодательства позволил автору учесть исторический опыт защиты и обнаружить его применение в современном праве.*

Annotation. *The article describes the international and national levels of legal regulation of child protection in emergencies. Presented and analyzed the term "child", "minor" "danger", "emergency situation". The contents of the law of international and national levels, governing the protection of the rights of children in emergency situations. A retrospective analysis of the legislation allowed the author to take into account the historical experience of protection and to detect its use in modern law.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, ребенок, защита прав детей, чрезвычайная ситуация, механизм защиты, международный и национальный уровни правового регулирования*

Key words: juvenile, child, children's rights, emergency, protection mechanisms, international and national levels of legal regulation

Постоянное развитие государственных институтов - непременное условие гармоничного развития человека и общества. Это предполагает взаимосвязь многих факторов. Наиболее важными из них являются деятельность государства по обеспечению защищенности отдельной личности и общества в целом. В рамках данной статьи предполагается остановиться на правовом обеспечении такой деятельности в отношении детей, которые ввиду их физической и умственной незрелости нуждаются в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту в период как до, так и после рождения ребенка.

2009 год - юбилейный. Знаменателен год тем, что 20 ноября 1959 г. Генеральная Ассамблея Объединенных Наций провозгласила Декларацию прав ребенка с целью обеспечить детям счастливое детство и пользование правами и свободами. С этого момента 20 ноября считается Днем прав ребенка. Кроме того, через 30 лет мировое сообщество вновь было вынуждено обратиться к обсуждению проблем детей, так как ухудшающееся положение детей потребовало более конкретных законов, международных договоров по защите и обеспечению детских прав. Необходим был единый международно-правовой акт, который соединил бы в себе весь предшествующий опыт нормотворчества, а также новые представления о защите прав ребенка.

В этой связи 20 ноября 1989 г. Генеральная Ассамблея Объединенных Наций на 61 пленарном заседании, будучи обеспокоена тем, что положение детей во многих регионах мира остается критическим в результате неадекватных социальных условий, стихийных бедствий, вооруженных конфликтов, эксплуатации, неграмотности, голода и болезней убедилась в необходимости принятия неотложных и эффективных мер на национальном и международном уровнях. На этом заседании была принята и подписана ратификация для присоединения к Конвенции о правах ребенка. Конвенция имеет обязательную силу для государств, присоединившихся к ней. От имени СССР Конвенция подписана 26 января 1990 г., ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июня 1990 г. Ратификационная грамота сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 16 августа 1990 г. Для СССР Конвенция вступила в силу 15 сентября 1990 г.

Названные юбилейные события имеют значение для всего прогрессивного человечества, поскольку принятые нормативные акты способствовали признанию мировым сообществом социальной ценности детства как будущего человечества; становлению и развитию правовых основ защиты прав ребенка; стимулированию государств на национальных уровнях закрепить и упрочить правовые гарантии прав ребенка.

В современном обществе с его высоким уровнем напряженности, нестабильности, когда жизненная ситуация заставляет человека адаптироваться к существующим условиям, безопасность гражданина становится одной из высших ценностей. В свое время еще английский Билль о правах 1689 г., американская Декларация независимости 1776 г., французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. закрепили положения о том, что безопасность наряду со свободой, собственностью и сопротивлением угнетению является неотъемлемым, естественным правом человека.

В правовой литературе отмечается, что под обеспечением безопасности в широком смысле подразумевается система экономических, политических, организационных, правовых и иных мер по охране и защите личности, общества и государства, адекватных угрозам их жизненно важным интересам, из чего следует, что эта задача сложная, комплексная и касается практически всего государства и общества. При этом особое внимание обращается на то, что понимание сущности обеспечения безопасности государства невозможно без научного осмысления различных аспектов функционирования и развития государства: политических, экономических, социальных, правовых, идеологических, международных [1, с. 9].

В российском законодательстве определение безопасности закреплено в Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности». В соответствии со ст. 1 названного закона безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом под жизненно важными интересами законодатель понимает совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества, государства. К основным объектам безопасности, согласно закона,

относятся личность - ее права и свободы; общество - его материальные и духовные ценности; государство - его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность. Субъектами обеспечения безопасности являются государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей (ст. 2 указанного закона).

Нарушение состояния защищенности (безопасности) вызывает опасность. Безопасность -отсутствие опасности. Опасность - угроза чего-нибудь нежелательного [2].

Согласно классификации, предложенной в декабре 2004 г. группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам по поручению Генерального секретаря ООН, на современный момент существуют следующие опасности (угрозы): 1) экономические и социальные угрозы; 2) межгосударственный конфликт; 3) внутренний конфликт (в т.ч. гражданская война и геноцид); 4) ядерное, радиологическое, химическое и бактериологическое оружие; 5) терроризм; 6) транснациональная организованная преступность [3, 17]. Таким образом, как видим, угрозы безопасности имеют внешние и внутренние причины. Так, угрозы, имеющие внутренние причины, могут быть связаны, например, с проявлениями межнациональных конфликтов, террористическими актами, наступлением чрезвычайных ситуаций природного, техногенного, антропогенного характера, имеющих по своим последствиям (угрозе их наступления) характер национального бедствия. Каждая из угроз национальным интересам в конкретной ситуации может иметь непосредственный характер. В соответствии со ст.3 Закона РФ «О безопасности» реальная и потенциальная угроза объектам безопасности, исходящая от внутренних и внешних источников опасности, определяет содержание деятельности по обеспечению внутренней и внешней безопасности. Необходимость в соответствующей конкретной чрезвычайной ситуации использовать меры, направленные на нейтрализацию определенной угрозы, определяет, на наш взгляд, специфику осуществляемой в ходе этого деятельности.

В целях реализации единой государственной политики в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах создано в России Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). В его состав входят центральный аппарат, территориальные органы - региональные центры, Государственная противопожарная служба, войска гражданской обороны, Государственная инспекция по маломерным судам, аварийно-спасательные и поисково-спасательные формирования, образовательные, научно-исследовательские, медицинские, санаторно-курортные и иные учреждения и организации, находящиеся в ведении МЧС России. Согласно п. 3 Указа Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» МЧС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области гражданской обороны, защиты населения, и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

Специальным Законом РФ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от чрезвычайная ситуация определена как обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей (ст. 1). Указанным законом гражданам гарантированы права в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Так, ст. 18 установлено, что граждане РФ имеют право на защиту жизни, здоровья и личного имущества. Данный нормативный акт не содержит положений о защите такой категории населения, как дети, специально не выделяются аспекты правовой защиты ребенка. Вместе с тем, сначала нормы морали требовали предоставлять такую защиту в первую очередь тем, кто наиболее в ней нуждается. И традиционно в мировой практике выделяется такая категория, к которой относятся дети и старики. Это обусловлено их

беспомощностью в силу недостаточного возраста у детей или, наоборот, преклонного у стариков. Мы в рамках данной статьи ограничиваемся обсуждением проблемы правовой защиты прав детей, в т.ч. при чрезвычайных ситуациях, и приведем свои соображения относительно системы правовых норм, регулирующих правоотношения, складывающиеся в обозначенной сфере. Отсутствие норм о защите прав детей в специальном законодательстве должно восполняться нормами права из других источников.

Не случайно в п. 4 Положения о МЧС России, утвержденного выше названным Указом Президента РФ № 868, установлено, что если международными договорами Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, то применяются правила международных договоров Российской Федерации. Поэтому считаем необходимым, в этой связи проанализировать как нормы права, содержащиеся в Основном законе государства - Конституции РФ, так и нормы международного права, регулирующие отношения в связи с защитой прав ребенка.

Конституция РФ (принятая всенародным голосованием 12.12.1993г.) провозгласила в ст. 38 «Материнство, детство, семья находятся под защитой государства». В соответствии с этим конституционным принципом выстраивается государственная политика в отношении семьи, и прежде всего, несовершеннолетних.

Российские ученые правовой основой социальной политики РФ в отношении несовершеннолетних, прежде всего, называют Конвенцию ООН «О правах ребенка» 1989 г. [4]. Далее следует ст. 38 Конституции РФ и два Федеральных закона - Закон от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5] и Закон от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности правонарушений несовершеннолетних» [6]. Нам представляется названный перечень далеко неполным. Не ставя перед собой цель в настоящей статье полно и четко определить правовую основу социальной политики России в отношении несовершеннолетних, мы, тем не менее, не можем сюда не включить и проанализированные нами выше Пекинские правила 1985 г. И Эр-Риядские руководящие принципы 1990 г. Полагаем, незаслуженно оказался «за бортом», то есть оставленным без внимания и правового анализа важный международно-правовой акт - Декларация прав ребенка, которая была принята 30-ю годами раньше Конвенции ООН «О правах ребенка».

В преамбуле Декларации ООН «О правах ребенка», провозглашенной резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., значится, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и защите, включая надлежащую правовую защиту, а человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет. Данный Международно-правовой акт содержит всего 10 принципов, но ценность его от этого не снижается. Эта Декларация была провозглашена с целью, чтобы обеспечить детям счастливое детство и пользование правами и свободами. Именно с этого момента - даты принятия в 1959 г. Декларации «О правах ребенка» -20 ноября считается Днем прав ребенка.

Историческая память требует от нас вспомнить, что еще в 1919 г. с целью развития сотрудничества между народами и гарантии их мира и безопасности была создана Лига Наций. Она учредила Комитет детского благополучия. Деятельность этого Комитета была направлена на оказание помощи детям, нуждающимся в ней.

Следует отдать также должное и предвестнице Декларации прав ребенка - Хартии прав ребенка, которая 24 сентября 1924 г. была принята Генеральной Ассамблеей Лиги Наций и стала известной как Женевская декларация прав ребенка. Ее историческое значение в том, что она стала первым Международно-правовым актом по охране прав и интересов детей. Хартия подчеркивала, что забота о детях и их защита не является исключительной обязанностью семьи и даже отдельного государства. Все человечество должно заботиться о защите детства. Ее значение состоит в том, что именно в Хартии впервые были сформулированы 4 принципа, которые были положены в основу международно-правовой защиты детей.

Первый принцип. Ребенку должна предоставляться возможность нормального развития (материального и духовного). Голодный ребенок должен быть накормлен, больному ребенку должен быть предоставлен уход, порочные дети должны быть исправлены, сиротам и беспризорным детям должно быть дано укрытие и все необходимое для их существования.

Второй принцип. Ребенок должен быть первым, кто получит помощь при бедствии.

Третий принцип. Ребенку должна быть предоставлена возможность зарабатывать средства на существование, но он должен быть огражден от всех форм эксплуатации.

И, наконец, четвертый принцип. Ребенок должен воспитываться с сознанием того, что его лучшие качества будут использованы на благо следующего поколения [7, 16].

Эти важные для мирового сообщества принципы находят свое выражение и в современных национальных законодательствах. Так, например, реализуя эти принципы, российский законодатель закрепил в Семейном кодексе РФ среди основных начал семейного законодательства принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних (п. 3, ст. 1). Правовой институт осуществления и защиты семейных прав содержит норму права п. 1. ст. 8 СК, предусматривающую, что защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, государственными органами, в т. ч. органами опеки и попечительства. На защиту прав несовершеннолетних детей направлена и норма права ст. 21, предусматривающая в п. 1, что при наличии у разводящихся супругов несовершеннолетних детей расторжение брака производится в судебном порядке. Далее, в интересах детей российским законодательством предусматривается, что разводящиеся супруги, решая жизненно важные для несовершеннолетних детей вопросы, вправе заключить следующие семейно-правовые договоры о детях: а) соглашение о том, с кем из них будут проживать несовершеннолетние дети и б) алиментный договор -соглашение супругов о порядке выплаты средств на содержание детей. В дальнейшем механизм защиты несовершеннолетних детей работает следующим образом: п. 1 ст. 23 СК устанавливает право супругов представить на рассмотрение суда соглашение о детях (этим понятием обнимаются два названных нами семейно-правых договора). При отсутствии такого соглашения, либо в случае, если соглашение нарушает интересы детей, суд принимает меры к защите их прав. Он обязан в соответствии с п. 2 ст. 24 СК определить: а) с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода и б) с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на содержание детей. Таким образом, делает правильный вывод Е. А. Чефранова, суд обязан решить вопросы воспитания и содержания детей независимо от наличия спора и предъявления соответствующих требований [8].

Установленная российским законодательством указанная обязанность суда направлена, прежде всего, на защиту прав несовершеннолетних в семейно-правовой сфере. Это тот редкий случай, когда суду предоставлено право выйти за пределы исковых требований. Мировой судья, установив, что у супругов имеются общие несовершеннолетние дети, ни в коем случае не должен ограничиваться вынесением решения о расторжении брака между супругами, оставив без внимания вопросы о месте проживания и содержания ребенка. Мировой судья должен выявить наличие и содержание соглашений, достигнутых родителями по этим вопросам. Только убедившись в отсутствии спора и достижении соглашения, обеспечивающего соблюдение прав ребенка, мировой судья вправе вынести решение о расторжении брака. «Таков подлинный смысл закона, направленного на защиту интересов ребенка как наиболее слабого, уязвимого участника семейных правоотношений», не без оснований считают С.Ю. Чашкова и Е.А. Чефранова [9, 47].

Следует отметить, что Женевская декларация прав ребенка 1924 г. (она же Хартия прав ребенка) в связи с распадом Лиги Наций в 1946 г. Потеряла свою юридическую силу, но, несмотря на это, свою важную историческую роль в формировании правовых основ защиты несовершеннолетних сыграла, в связи с чем, ей следует отдать должное.

В правовой литературе отмечается, что впоследствии в 1948 г. ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека [10], в которой было провозглашено, что все дети имеют право на особое попечение и помощь [7, 16.]. Если мы обратимся к тексту указанной декларации, то в п. 2 ст. 25 находим, что, «материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь». Ни нормы международного права, ни национальное законодательство России не раскрывают понятие «младенчество» и это понятие впоследствии ни международный, ни национальный, в т.ч. российский законодатель, не использует. Но то, что это связано с периодом детства у каждого человека, является бесспорным. Возникает лишь вопрос о возрастных рамках младенчества. Но его посчитали неактуальным и впоследствии заменили понятиями «ребенок», «несовершеннолетний», что и нашло отражение в дальнейшем в нормах права различных уровней.

Кроме того, в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что каждый человек имеет право на жизнь. А п. 1 ст. 25 установлено: каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая, утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам (в т.ч. в чрезвычайных ситуациях - прим. автора).

Как видим, данные положения Всеобщей декларации прав человека есть развитие принципов Хартии прав ребенка. Это же можно отметить в отношении правовых положений Декларации прав ребенка. Несмотря на важность, гуманность принципов, провозглашенных Хартией прав ребенка 1924 г. и Декларацией прав ребенка 1959 г., несмотря на оказанное значительное влияние на социальную политику государств во всем мире, указанные международные акты носили только рекомендательный характер.

В дальнейшем защита прав ребенка нашла свое закрепление в первых международных обязывающих правовых актах в области прав человека - Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, принятых в 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН [12]. Их значение состоит в том, что они являются первыми международными обязывающими документами в области прав человека. Данные документы затрагивают только отдельные права ребенка, в т.ч. право на защиту его семьей, государством и обществом.

Многие исследователи считают, что особенность положения ребенка происходит из его беззащитности. С этим трудно не согласиться.

В основных целях, п.1.1 общих принципов Пекинских правил 1985 г. закреплено: государства-участники должны стремиться, в соответствии со своими общими интересами, способствовать благополучию несовершеннолетнего и его семьи.

Нам вновь хотелось бы обратиться к принципу 2 Декларации прав ребенка 1959 г., который гласит: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства. При издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка». Важность и значение данного положения трудно переоценить. На наш взгляд, историческое значение Декларации прав ребенка 1959 г. как раз и состоит в том, что в ней впервые был закреплен принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, о чем, к сожалению, незаслуженно забывают.

Ухудшающееся положение детей требовало более конкретных законов, международных договоров по защите и обеспечению детских прав. Необходим был единый международный документ, который соединил бы в себе весь предшествующий опыт нормотворчества и новые представления о защите прав ребенка. В связи с тем, что 20 ноября 1989 г. на своем 61-м пленарном заседании Генеральная Ассамблея ООН, будучи глубоко обеспокоена тем, что положение детей во многих регионах мира остается критическим в результате неадекватных социальных условий, стихийных бедствий, вооруженных конфликтов, эксплуатации, неграмотности, голода и болезней, и будучи убеждена в необходимости принятия неотложных и эффективных мер на национальном и международном уровнях, принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения Конвенция о правах ребенка. Конвенция имеет обязательную силу для государств, к ней присоединившихся.

Благодаря этому нормативно-правовому акту ребенок стал не только объектом, требующим специальной защиты, но и субъектом права, которому предоставлен весь спектр прав человека.

Новеллой Конвенции о правах ребенка является введение ряда новых прав ребенка. Среди них - право на выживание, на неучастие в вооруженных конфликтах. Статья 6 Конвенции провозглашает: государства-участники обеспечивают в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка.

Конвенцию считают самым универсальным документом о защите детства. Конвенция состоит из 54 статей. Так, Конвенция о правах ребенка 1989 г. разъясняет, что под ребенком

понимается несовершеннолетний в возрасте до 18 лет. Тем самым Конвенция распространяется на все возрастные группы несовершеннолетних. Российское национальное законодательство в п. 1 ст. 54 Семейного кодекса РФ устанавливает, что ребенком признается лицо, не достигшее возраста 18 лет. (совершеннолетия) [13]. Включив в Законы понятие «ребенок» законодатели государств и всего международного сообщества установили юридическую границу между несовершеннолетием и совершеннолетием, создав тем самым автономную демографическую группу людей -носителей специальный прав и обязанностей. Потребность создания такой автономной группы диктуется необходимостью особой специальной правовой защиты несовершеннолетних, обусловленной особыми психофизиологическими и социальными качествами личности детей и подростков. Растущий организм ребенка, подростка плохо защищен от неблагоприятных внутренних и внешних влияний. Эта возрастная неадаптированность (неприспособленность) несовершеннолетних к меняющимся условиям жизни требует ее компенсации с помощью специальной, повышенной правовой защиты лиц, не достигших совершеннолетия. Такая защита, предусмотренная в законах, также считается неотъемлемым признаком юридического понятия несовершеннолетнего.

Таким образом, спустя три десятилетия Конвенция «О правах ребенка» 1989 г. вновь подчеркивает, что дети имеют право на особую заботу и помощь. В преамбуле к Конвенции указывается, что семья как основная ячейка общества является естественной средой для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей, ей должны быть предоставлены необходимая защита и содействие с тем, чтобы семья могла полностью возложить на себя обязанности по воспитанию детей, тем самым исключив из жизни ребенка правонарушения. На уровне российского национального законодательства государственный интерес в регулировании семейных отношений выражен в ст. 7 Конституции РФ, согласно которой в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства и детства.

В российском обществе, как отмечает В.И. Абрамов, постепенно формируется адекватное отношение к проблемам прав детей, намечается ответственная государственная политика, это значит, что наступил поворот национального самосознания к проблемам прав ребенка [14, 79-84]. Автор делает оптимистический прогноз и заключат, что этот процесс не просто начался, а приобретает благоприятный характер.

Подтверждением признания государством значимости проблемы детей и семьи, как естественной среды их обитания, является разработка в России Национального плана действий в интересах детей. Так, в качестве базовой ценности для Основных положений Концепции разработки и реализации в России Национального плана действий в интересах детей признается ребенок как субъект, которому предстоит жить, обеспечивая в будущем жизнедеятельность, продолжение человеческого рода и общественное развитие, а также его семья как основной и ключевой институт общества, обеспечивающий его рождение, воспитание, жизнедеятельность и развитие [15].

Государственно-правовая политика в отношении несовершеннолетних должна совершенствоваться в соответствии с принципами гуманизма и социальной справедливости, комплексного подхода, индивидуализации, приоритетного направления профилактической работы. Правовой нормой ч. 2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» установлено: «Обязательными является обеспечение приоритета личного и социального благополучия ребенка...». Так, при осуществлении деятельности, в орбиту которой попадает ребенок, следует учитывать, что среди признаков гражданского общества называется проявление населением чувства гражданской ответственности, активное стремление принять участие в преодолении опасного состояния, в котором оказались дети, в спасении их жизни и здоровья. Поэтому следует прилагать все возможные усилия в интересах защиты граждан, и, прежде всего будущего государства - детей, чтобы в России процесс формирования гражданского общества осуществлялся успешно.

И в заключение хотелось бы обратить внимание еще на один международно-правовой акт, касающийся исследуемой проблематики. Это так называемые Эр-Риядские руководящие принципы (Руководящие принципы для предупреждения преступности среди несовершеннолетних). Эти правила ООН касаются защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (приняты резолюцией 45 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 14 декабря

1990 г.). Основное внимание в Руководящих принципах уделяется устранению условий, которые неблагоприятно влияют на нормальное развитие детей. С этой целью предлагаются всеобъемлющие междисциплинарные меры с тем, чтобы обеспечить молодежи жизнь, свободную от преступности, виктимизации и конфликтов с законом. В Эр-Риядских принципах подчеркивается, что обеспечение благополучия, развитие прав и интересов всех молодых людей является залогом предупреждения правонарушений с их стороны. В контексте правового регулирования защиты прав детей в чрезвычайных ситуациях нам представляется важной нормой права, гарантирующей права ребенка п. 58 Руководящих принципов. Так, несовершеннолетний в кратчайшие сроки должен быть информирован о смерти, серьезном заболевании или ранении любого ближайшего члена семьи и должен иметь право присутствовать на похоронах скончавшегося родственника или посетить тяжело больного родственника. Полагаем, что о таком праве должно быть извещены несовершеннолетние, и на практике оно должно в соответствии с принципом гуманизма реализовываться.

Таким образом, создана правовая база для защиты прав детей на международном и национальном уровне и задача государства, его органов, всего общества и каждого из его членов способствовать успешной реализации механизма защиты прав ребенка.

Список литературы:

1. Зорькин В.Д., Романов В.С., Глущенко П.П. Общее и особенное в концептуальных подходах определения правовой регламентации общественных отношений в условиях чрезвычайных правовых режимов в современной России // Юстиция: сегодня и завтра: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Глущенко П.П. СПб.: Изд-во СПб Академии управления и экономики, 2009.
2. Баймакова Н.И. Деликты создания опасности // Рос. юстиция. 2009. № 2.
3. Правове обеспечение безопасности РФ / под общ. ред. В.Г.Вишнякова. М., 2005.
4. Конвенция ООН «О правах ребенка» 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. №45. Ст. 955.
5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от от 24 июля 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
6. Об основах системы профилактики безнадзорности правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24 июня 1998 г. // Рос. газ. 2004. 30 дек.
7. Калинкина М. Ю. Международные документы в интересах детей и молодежи: особенности правовой защиты (ретроспективный анализ с XIX в. по настоящее время) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 3 (17). -С98-102.
8. Чефранова Е. А. Судебный порядок расторжения брака // Российская юстиция. 1996. № 9.- С.67-72.
9. Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. Вопросы подсудности семейно-правовых споров // Современное право. 2003. № 11. – С. 78-82.

КОНСТИТУЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Хуматализода Севинч Нематулло
Студентка 2 курса очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул М. Турсунзаде, 30
tel.: +992 938081860, e-mail: humatalizodpsevinc@gmail.com

THE CONSTITUTION AS ONE OF THE BASIC VALUES OF THE STATE AND SOCIETY

Sevinch Humatalizoda Nematullo
2nd year student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
tel.: +992 938081860, e-mail: humatalizodpsevinc@gmail.com

Аннотация. *В данной работе рассматривается конституция как основной закон государства, обладающий высшей юридической силой. Анализируется её роль в*

формировании политической системы, закреплении прав и свобод человека, а также установлении границ государственной власти. Уделяется внимание конституции не только как юридическому документу, но и как фундаменту для всех отраслей права, определяющему вектор развития общества и стабильность государственных институтов

Annotation. *This paper explores the constitution as the fundamental law of the state, possessing supreme legal authority. It analyzes the role of the constitution in shaping the political system, enshrining human rights and freedoms, and establishing the limits of state power. Special attention is given to the constitution not only as a legal document but as the cornerstone for all branches of law, determining the direction of societal development and the stability of state institutions.*

Ключевые слова*: верховенство права, Конституция, законодательства, государственное устройство, разделения властей.*

Keywords: *constitution, rule of law, state structur*e, human rights, legal supremacy, separation of powers.

Юбилейные торжества, посвященные Конституции РФ, потребовали анализа достижений и проблем ее реализации, дальнейших перспектив. Разговор о ценностях Конституции РФ должен затрагивать эту проблему всесторонне. Разумеется, он касается прежде всего ценностей, которые обеспечивают позитивное, положительное воздействие Конституции РФ на ход общественного развития, нормальное эффективное функционирование на демократических началах всех частей государственного механизма, способствуют неукоснительному соблюдению и охране прав и свобод личности. Автор поддерживает мнение Н.С. Бондаря о том, что в современном конституционализме сама по себе Конституция - ценность. [2, с. 2] Дополнительными аргументами этого тезиса назовем способ ее принятия, форму и содержание.

Раскрывая первый названный выше аргумент, укажем на то, что всенародное голосование как способ принятия пятого Основного закона страны был использован в России впервые. В.Д. Зорькин считает Конституцию РФ «высшей универсальной формой легитимации России» [3, 18].

Принятая всенародным голосованием действующая Конституция РФ получила не только юридическое оформление, но и общественную поддержку как акт, закрепляющий достижения страны и направления ее развития.

Второй аргумент раскрывается в структурных особенностях конституции, законодательной технике.

Предмет отрасли - чрезвычайно широкий круг важнейших общественных отношений, предопределяет специфику его регулирования и оказывает заметное влияние на структуру основного закона.

Примером могут стать: включение в текст Конституции РСФСР 1918 года утвержденной III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 года декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа - вместе с утвержденной V Всероссийским съездом Советов Конституцией Советской Республики они составляли единый документ; 10 апреля 1992 года VI Съезд народных депутатов России, одобрив подписанный Федеративный договор, постановил включить его содержание как составную часть в Конституцию РСФСР.

Особым способом конституционного нормотворчества, по нашему мнению, можно назвать использование в Конституции РСФСР 1918 года в качестве структурного элемента системы Основного закона «примечания». Например, в четвертом разделе «Активное и пассивное избирательное право», в главе тринадцатой, пункт 64 состоял не только из основного теста, но и включал примечание один и примечание два; в пункте 57 было только одно примечание. Шесть разделов Конституции РСФСР 1918 года по составу структурных элементов отличались друг от друга. Например, только третий раздел «Конструкция Советской власти» имел деление А - организация центральной власти; Б - организация Советской власти на местах.

Основными структурными элементами Конституций 1918, 1925 годов были разделы и главы, тогда как в структуре Конституции РСФСР 1937 года разделы отсутствовали, основными структурными элементами были главы и статьи. В Конституции РСФСР 1978 года в редакции от 9, 10 декабря 1992 года использовался новый структурный элемент: название

главы, статьи с точкой: например «Статья 11. Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир являются достоянием народов, проживающих на соответствующей территории» и «Статья 11.1. Государственная собственность Российской Федерации является достоянием многонационального народа Российской Федерации». Статья 67 была размещена в двух главах: «Глава 5. Права и свободы человека и гражданина» - 67.1, 67.2, 67.3; «Глава 6. Обязанности граждан Российской Федерации» статьи с 67.4 по 67.11. Примером расширения количества глав может быть «Глава 9. Автономная область и автономный округ» и «Глава 9.1. Край, область, город федерального значения в составе Российской Федерации».

Третий аргумент - содержание действующей Конституции РФ - основа для провозглашения ее ценностью не только государством, но и обществом.

«Ценностные свойства Конституции зависят и от того, насколько заложенные в ней концепции отвечают вызовам времени, соответствуют современному уровню развития человеческой цивилизации, общепризнанным принципам и нормам международного права. На весы ценностных свойств Конституции нужно положить присущую ей способность обеспечить противостояние катаклизмам самого различного характера» [4, 26].

Ценность Конституция РФ для государства - в том, что она является его правовым оформлением, основой для государственности, закрепляющей его устои, для правовой системы, системы законодательства, влияет на текущее законодательство и состояние отраслей.

Конституция РФ определяет ценности и идеалы общества, социальную обусловленность и самостоятельность права, обеспечивает идентичность государства и его правовой системы национально-культурным традициям народа и идеалам права, которые приняты обществом.

В Конституции РФ, с одной стороны, закреплены как универсальные ценности, сформировавшиеся в процессе образования Российской Федерации, интеграции страны в мировое сообщество, так и отражающие культурные особенности народа или нации, определяющие их идентичность в мировой культуре. С другой стороны, посредством закрепления положений ст. 15 в Конституции РФ определены возможности выступать базовым, объединяющим всю правовую систему регулятором общественных отношений.

Таким образом, интегративная функция конституции страны способствует систематизации российского законодательства, объединяя их между собой конституционно-правовой материей.

Признание высшей ценностью прав и свобод человека, закрепленных в ст. 2 Конституции РФ, означает, что права и свободы определяют весь строй государственно-общественных отношений. Признание Конституцией РФ этого принципа определяет и основную ценность самой Конституции.

Будучи абсолютной ценностью, Конституция РФ, принятая народом страны на референдуме, в своем тексте содержит ряд ценностей. С точки зрения автора, ценности, закрепленные в Конституции РФ, во-первых, являются ориентиром для правового закрепления целей, задач, стоящих перед государством, и конкретного правового регулирования; во-вторых, выступают критерием сбалансированности различных интересов.

Целесообразно помнить, что в тексте Конституции РФ единожды напрямую упоминается ценностная категория - в ст. 2 закреплено, что права и свободы человека - высшая ценность. По твердому убеждению, автора, это не единственная ценность, закрепленная конституционным законодателем.

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет объекты конституционной защиты. К ним относятся основы конституционного строя, права и законные интересы людей, обороноспособность и безопасность российского государства. Не вызывает сомнения, что эти объекты являются конституционными ценностями. Понятие конституционных ценностей в данном случае тесно переплетается с понятием основ конституционного строя - очевидно, что народовластие (ст. 3), социальное (ст. 7), демократическое, правовое государство (ст. 1) и другие основы конституционного строя России являются ценностью.

По мнению некоторых авторов, система конституционных ценностей не может быть ограничена рамками гл. 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя». [10, 28; 8, 183; 1, 23]

Закрепление системы органов государства и демократических принципов их функционирования, являясь несомненной ценностью, выступает в первую очередь в качестве средства создания таких условий развития общества, когда человек, его права и свободы занимают главенствующее место в иерархии социальных ценностей.

Следовательно, система конституционных ценностей включает в себя не только основы конституционного строя, но и ценности, определяющие правовое положение индивида, а также организацию государственной власти. [10, 28; 8, 183]

Значимость гражданского мира и согласия, памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, стремления обеспечить благополучие и процветание России, закрепленных преамбулой Конституции РФ в виде основы для принятия многонациональным народом страны Конституции, чрезвычайно велика, поскольку самым непосредственным образом влияет на конституционную самоидентификацию Российской Федерации и на этом основании может занять место в системе конституционных ценностей России. [6, 1386]

Таким образом, часть конституционно-правовых ценностей являются согласно ст. 2 Конституции РФ явно выраженными - человек, его права и свободы, [9, 10] а другая их часть выявляется в процессе интерпретации Конституции РФ.

Н.С. Бондарь выделяет, помимо закрепленных в Конституции РФ, конституционные ценности, появившиеся путем обоснования в практике Конституционного Суда Российской Федерации (имплицитно выраженные конституционные ценности как результат практической конституционно-судебной аксиологии), формально конституционно не зафиксированные ценности. [2, 10]

Без сомнения, Конституционному Суду РФ принадлежит особая роль в реализации и развитии института конституционных ценностей, оцениваемая как положительным, так и отрицательным воздействием (постановлениями КС РФ от 11.06.2003 №10-П, от 21.03.2007 № 3-П институт референдума по инициативе граждан России фактически заблокирован). [7, 8]

Конституционный Суд РФ, анализируя положения Конституции РФ, прежде всего выявляет их нормативное содержание, таким образом формулирует и вводит их в правовой и научный оборот; устанавливает баланс между ценностями, воплощенными в конституционных нормах.

Современные ученые едины во мнении о том, что конституционные ценности образуют системное единство.

Тем не менее существуют определенные вопросы и опасения в сфере системы конституционных ценностей и ее наполнения.

Прежде всего, вопрос о пределах наполнения системы конституционных ценностей - бесконечна ли она? Может ли быть применен в этой сфере сформулированный Конституционным Судом РФ принцип конституционной сдержанности?

Не решен вопрос с критериями отнесения к категории конституционных ценностей. Принцип правовой определенности, выработанный Европейским союзом и воспринятый Конституционным Судом РФ, может быть использован как критерий в определении конституционной ценности? Если да, то большая часть сформулированных современными авторами ценностей не будет ему соответствовать.

Важнейшей задачей при реализации Конституции РФ является поддержание баланса и соразмерности конституционно защищаемых ценностей, целей и интересов. При этом недопустимы подмена одной ценности другой или ее умаление за счет другой - эта проблема, являясь сущностной, по мнению автора, требует первостепенного решения.

В завершение освещения аргументов тезиса о ценности конституции в государстве и в обществе можно сделать промежуточный вывод об условном их делении на формальные (форма принятия, юридическая техника) и сущностные (содержательные).

Рассматривая Конституцию РФ как ценность, невозможно обойти вниманием недоверие к власти в современной России. Не распространяется ли оно на саму Конституцию, закрепляющую систему власти? Не требуется ли, учитывая некоторые конституционные противоречия и погрешности, общественно-политическую ситуацию в мире, экономический кризис, принимать новый основной закон?

Общим моментом в рассуждениях большинства современных ученых-правоведов, юристов-практиков является то, что Конституция РФ состоялась как работающая правовая,

политическая, духовно-культурная основа обеспечения единства страны, ее развития. [5, 1514]

Естественно, ценностью может являться только то, что работает или готово работать в случае необходимости. Время вербальных ценностей, по мнению автора, прошло, лимит терпения исчерпан. Реальное претворение конституционных ценностей в жизнь не происходит само по себе. Требуются более эффективный контроль за реализацией конституционных принципов, общественная оценка их реального претворения в жизнь, политическая воля, настойчивая напряженная работа с теми недостатками, которые не позволяют нам достаточно успешно двигаться вперед. Однако эффективность субъективного фактора в этом плане зависит от того, насколько разумно и компетентно в самой Конституции разработан арсенал средств, которые могут обеспечить реальное воплощение в жизнь всех заложенных в ней демократических принципов.

С уверенностью можно сказать - конституционный потенциал в обозначенной сфере не исчерпан, но имеются вопросы к механизмам его реализации.

Прогрессивная динамика регулирующего воздействия Конституции РФ на поведение субъектов является важным аспектом в развитии российского государства и единении российского гражданского общества. Социально-политическую и правовую ценность России как вектор будущего развития автор видит не в негативной, а в позитивной силе государства, базирующейся на демократических принципах, обеспечивающей активное участие граждан в управлении делами государства, в жизни общества.

Список литературы:

1. Аничкин, Е.С. Местное самоуправление как конституционная ценность в решениях Конституционного суда РФ / Е.С. Аничкин, О.Л. Казанцева // Алтайский юридический вестник.
1. - 2013. - № 4 (4).
2. Бондарь, Н.С. Конституционные ценности - категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) / Н.С. Бондарь // Журнал конституционного правосудия. - 2009. - №6. - С. 1-11.
3. Зорькин, В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография / В.Д. Зорькин.
4. - М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. - 772 с.
5. Козлова, Е.И. Утраченная ценность (должна ли Государственная Дума конституироваться) / Е.И. Козлова // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г. : в 2 т. / под ред. Н. В. Витрука, Д. А. Нудненко. - М.: Российская академия правосудия, 2010. - М.: РАП, 2010. - Т. 1. - С. 25-34.
6. Кокотов, А.Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. - 2013. - №12. - С. 1511-1516.
7. Комарова, В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «Конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) / В.В. Комарова // Успехи современного естествознания. - 2015. - № 1 (8). - С. 1385-1387.
8. Комарова, В.В. Прямая демократия в системе конституционных ценностей / В.В. Комарова // Демократия как конституционная ценность и международное право: сборник международной конференции (МГЮА 2-4 апреля 2015 г.). - М., 2015. - С. 4-9.
9. Крусс, В.И. Теория конституционного правопользования / В.И. Крусс. - М., 2007.
10. Лебедев, В.А. Человек, его права и свободы как высшая конституционная ценность / В.А. Лебедев // Проблемы права. - 2013. - № 4. - С. 8-17.
11. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. - М., 1998.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Насков Диловар Сайдуллоевич
кандидата юридических наук, доцент
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: +992918180020, e-mail: dilovar.naskov@mail.ru

PROBLEMS OF IMPROVING THE MECHANISM FOR SHAPING THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH

Naskov Dilovar Saydulloevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tel.: +992918180020, e-mail.: dilovar.naskov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам совершенствования механизма формирования правосознания молодёжи Республики Таджикистан. Рассмотрены категории нормального и деформированного (нигилистического) правосознания, факторы его деформации. На основе анализа действующей системы правового воспитания предложены конкретные направления её совершенствования: принятие Государственной программы правового минимума, введение курса «Права молодёжи в Республике Таджикистан», создание базы данных «Доступ к праву», а также расширение активных форм правовоспитательной работы.
Abstract. The article addresses problems of improving the mechanism for shaping the legal consciousness of youth in the Republic of Tajikistan. Normal and deformed (nihilistic) legal consciousness and the factors of its deformation are examined. Based on an analysis of the current legal education system, specific directions for its improvement are proposed: a State minimum legal knowledge programme, a new course "Youth Rights in the Republic of Tajikistan", an open "Access to Law" database, and expanded active forms of legal education.

Ключевые слова: правосознание; деформация правосознания; правовой нигилизм; правовое воспитание; молодёжь; механизм формирования правосознания.
Keywords: legal consciousness; deformation of legal consciousness; legal nihilism; legal education; youth; mechanism for shaping legal consciousness.

Проблема совершенствования механизма формирования правосознания молодёжи приобретает особую актуальность в условиях становления правового государства и утверждения принципов демократии, поскольку от уровня правосознания молодого поколения во многом зависит успешность правовой реформы и стабильность общественного развития. Научное исследование правосознания и проблем его формирования остаётся одной из неотложных задач юридической науки [8, с. 396–399], тем более что идея о высокой социальной ценности права и необходимости его неуклонного соблюдения должна находиться в центре внимания при осуществлении правового воспитания молодёжи [7, с. 73–75].

Нормальное функционирование правосознания И.А. Ильин связывал с волей к праву и необходимостью жизненно осуществлять его, то есть «бороться за право»; только в этом целостном виде правосознание становится, по его словам, «благородной и непреклонной силой, питающейся жизнью духа» [6, с. 158]. Нормальному правосознанию в юридической доктрине противопоставляется дефектное (деформированное) правосознание – негативная сторона правосознания индивида, характеризующая слабость в знании и уважении права либо его отрицание, то есть правовой нигилизм [3, с. 592]. Деформация правосознания обусловлена комплексом объективных и субъективных факторов, среди которых П.П. Баранов и В.В. Русских особо выделяют нравственное «нездоровье» общества [1, с. 6]. Как отмечает А.А. Дряблова, правовой нигилизм является одной из самых распространённых и сложных проблем современной теории правосознания [4, с. 736].

Единственным действенным способом снижения уровня правового нигилизма остаётся расширение объёма усваиваемых молодёжью правовых знаний, поскольку правовые знания представляют собой результат восприятия и познания правовой действительности – материализованных в конкретных юридически значимых формах правовых явлений: процессов нормотворчества, нормативных актов, юридических норм, правоотношений и юридической ответственности [9, с. 69]. Правовая действительность находит выражение в свойственных правосознанию понятиях и категориях [11, с. 33; 10, с. 24], являющихся результатом отражения в сознании людей идеальной модели права [12, с. 19]. Поэтому усвоение юридических знаний в процессе обучения праву в образовательных организациях выступает важнейшим показателем формирования правосознания молодёжи [5]. При этом, как отмечают О.А. Гулевич и Е.О. Голынчик, образовательная организация является источником как имплицитной, так и эксплицитной правовой социализации, способной служить средством преодоления деформации правового сознания [2].

Проведённый анализ выявил ряд проблемных аспектов действующего механизма формирования правосознания молодёжи в Республике Таджикистан, что позволяет предложить следующие направления его совершенствования.

Во-первых, действующая система правового обучения – преподавание курсов «Основы государства и права Республики Таджикистан», «Права человека» в общеобразовательных учреждениях, а также «Правоведение» («Основы правовых знаний») в вузах – охватывает преимущественно учащуюся молодёжь, оставляя вне механизма правового воспитания работающую, неработающую и не обучающуюся часть молодёжи. В этой связи предлагается принятие Государственной программы правового минимума для указанных категорий молодёжи Республики Таджикистан, определяющей приоритеты, субъектов реализации, а также формы и методы организации соответствующей работы.

Во-вторых, важным звеном воспитания правосознания молодёжи является деятельность классных руководителей общеобразовательных школ и кураторов академических групп вузов, осуществляющих непосредственное воспитательное воздействие. Учитывая недостаточную методическую подготовку данной категории педагогических работников в вопросах правового воспитания, целесообразно введение в систему повышения квалификации педагогов специальных курсов «Основы правовой педагогики» и «Методика организации правового воспитания».

В-третьих, применительно к вузовскому контингенту обучающихся предлагается введение нового учебного курса «Права молодёжи в Республике Таджикистан» взамен действующей дисциплины «Основы правовых знаний», а также разработка соответствующего учебника на основе норм Конституции Республики Таджикистан, трудового, гражданского, жилищного, уголовного, процессуального и международного права.

В-четвёртых, серьёзной проблемой остаётся ограниченный доступ молодёжи к нормативно-правовой информации: действующие справочно-информационные правовые базы данных (в частности, «Адлия») зачастую предполагают режим ограниченного пользования, специальную регистрацию или платный доступ. В целях устранения этого препятствия предлагается создание открытой, бесплатной научно-правовой и справочно-информационной базы данных «Доступ к праву», обеспечивающей быструю и бесплатную доставку правовых материалов в электронном виде.

В-пятых, наряду с традиционными формами организации правового воспитания – уроком, лекцией, семинаром – заслуживает более активного внедрения практика проведения учебных конференций по праву, экскурсий, тренингов, стажировок, коллоквиумов, учебных судебных процессов, а также деятельность юридических клиник, оказывающих бесплатную правовую помощь населению при непосредственном участии студентов и учащихся школ.

Реализация предложенных мер, наряду с усилением профилактической направленности правового воспитания в соответствии с Законом Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних» от 2 января 2020 г. № 1658 [Н1], позволит создать комплексный, адресный и эффективный механизм формирования правосознания молодёжи, учитывающий особенности различных категорий данной социально-демографической группы и способствующий преодолению правового нигилизма в условиях независимого развития Республики Таджикистан.

Список литературы:

1. О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних: Закон Республики Таджикистан от 2 января 2020 г., № 1658 // Централизованный банк правовой информации «Адлия» [Электронный ресурс].
2. Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания: учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 6.
3. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация: аналитический обзор: учебное пособие. – М.: РПО, 2003.
4. Дакашев М.Ж. Правовой нигилизм: взгляд на проблему // Молодой учёный. – 2016. – № 12 (116). – С. 592.
5. Дряблова А.А. Проблема формирования правосознания в России // Молодой учёный. – 2016. – № 8 (112). – С. 736.
6. Егоров И.А., Умняшова И.Б. Проблема формирования правосознания обучающихся в условиях децентрализации нормативного регулирования деятельности образовательных организаций // Культурно-историческая психология.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1994. – С. 158.
8. Каюмова Р.С. Проблемы формирования правосознания современной молодежи // Правовое государство: теория и практика. – 2011. – № 3 (25). – С. 73–75.
9. Ковалёв И.А. Анализ определений и сущности правосознания // Молодой учёный. – 2013. – № 5 (52). – С. 396–399.
10. Петров А.В. Правовая действительность как объект правового сознания // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 10 (50). – С. 69.
11. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». – 2015. – № 3 (44). – С. 24.
12. Соколов Н.Я. Профессиональное правосознание юристов. – М.: Наука, 1988. – С. 19.
13. Щегорцов В.А. Социология правосознания. – М.: Мысль, 1981. – С. 33.

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права
Российско-Таджикского Славянского Университета (РТСУ),
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Давлатов Аминджон Рустамович
Магистрант 2-го года обучения очного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикского Славянского университета (РТСУ)
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

PROBLEM ASPECTS OF INDIVIDUAL CRIMINAL BEHAVIOR

Abdullaeva Rano Abdualievna
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law
Russian-Tajik Slavonic University (RTSU),
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Davlatov Aminjon Rustamovich
A second-year full-time Master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik Slavonic University (RTSU)
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+99237) 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация. *Авторами данной статье рассматривается специфика индивидуальной профилактики преступного поведения. Выделены категории лиц, особо нуждающихся в мерах индивидуальной профилактики. Рассмотрены мотивы преступного поведения, методы, используемые при индивидуальной профилактике преступного поведения. Выявлены основные проблемы в данной области и предложены пути их разрешения.*

Annotation. *The authors of this article examine the specifics of individual prevention of criminal behavior. They identify categories of individuals who particularly need individual preventive measures. They examine the motives for criminal behavior and the methods used in individual prevention of criminal behavior. They identify key challenges in this area and propose solutions.*

Ключевые слова: *личность преступника, правонарушение, преступление, преступное поведение, состав преступления, субъект преступления*

Key words: *personality of the criminal, offense, crime, criminal behavior, elements of the crime, subject of the crime*

Недостаточно констатировать, что личность является носителем причин преступного поведения, необходимо знать, в чем они заключаются. При этом следует отличать причины преступности в целом и субъективные факторы, порождающие индивидуальное уголовно-наказуемое поведение. Разница между ними имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение, делая предупредительную работу более конкретной и целенаправленной. Уяснение причин преступлений не менее сложно, чем уяснение причин преступности.

Можно сказать, что причины преступного поведения существуют в виде социологических, психологических, нравственных и иных субъективных, личностных факторов, они связаны с социальными ролями и статусами личности. Однако ни один их них не может определять поведение, не преломляясь через психологию субъекта, не приобретая психологического статуса. Психология, образно говоря, представляет собой арену, на которой

происходит взаимодействие социального и биологического, а эту арену не может миновать ни один фактор.

Относительно причин преступлений в криминологии отражены следующие исходные позиции: преступления совершаются в силу имеющихся у некоторых лиц антиобщественных представлений и установок, соответствующих их ценностным ориентациям, превалирующих в их психике нравственных пробелов, а все эти дефекты образуются в результате неблагоприятного нравственного формирования их личности, отсутствия должного воспитания.

Эти положения не вызывают принципиальных возражений. Однако, если принимать их безоговорочно, без всяких дополнений и существенных, даже принципиальных, корректив, без нового взгляда на эту древнейшую проблему, все-таки невозможно понять, почему люди нарушают уголовно-правовые запреты. Иными словами, практически без ответа останутся чрезвычайно важные вопросы: почему человек даже с полным набором антиобщественных взглядов и представлений, серьезных нравственных дефектов никогда не совершает преступлений; почему, в силу каких субъективных факторов из всех возможных вариантов выхода из данной сложившейся ситуации лицо избирает именно тот, который запрещен уголовным законом. Не имея ответа на них, очень трудно, а подчас и невозможно предупреждать конкретные преступления, проводить профилактическую работу, исправлять преступников.

Для того чтобы понять причины преступного поведения, необходимо иметь в виду, что оно, как и любое другое, не может быть случайным, независимым от личности и определяться только внешними обстоятельствами. Если бы это было так, то преступление мог бы совершить любой человек, который в данный момент испытывает на себе неблагоприятные, негативные воздействия. Однако известно, что в одних и тех же обстоятельствах разные люди ведут себя по-разному. Внешняя среда, ситуация способны создать благоприятные условия для совершения преступлений, даже провоцировать на это, но не выступать в качестве их причин. Если же человек однозначно попадает в психологическую зависимость от конкретной ситуации, то, значит, таковы особенности его личности.

Поэтому и возникает сложная задача научного анализа формирования личности преступника, т. е. выяснения того, почему, как, под влиянием каких внешних социальных условий возникают в личности те черты, которые впоследствии приводят его к преступному поведению. Антиобщественные взгляды, стремления, наклонности и другие отрицательные черты индивида есть, несомненно, продукт усвоения им аналогичных взглядов и ориентации его социальной среды. Они передаются ему в ходе постоянного и непосредственного общения с другими людьми при осуществлении многочисленных связей и ролей, в которых он выступает в повседневной жизненной практике. Поэтому проблема личности преступника – во многом проблема ее формирования, а проблема преступного поведения – проблема происхождения такого поведения, его обусловленность теми общественными связями с окружающим миром, в которые вступает личность.

Процесс формирования личности принято рассматривать как социализацию, т.е. процесс наделения личности общественными свойствами, выбора жизненных путей, установления социальных связей, формирования самосознания и системы социальной ориентации, вхождения в социальную среду, приспособления к ней, освоения определенных социальных ролей и функций. В этот период возникают и закрепляются типичные реакции на возникающие жизненные ситуации, наиболее характерные для данного человека.

Социализация личности как активный процесс длится не всю жизнь, а лишь период, необходимый для восприятия комплекса норм, ролей, установок и т.д., то есть на протяжении времени, нужного для становления индивида как личности. Можно выделить первичную социализацию, или социализацию ребенка, и промежуточную, которая знаменует собой переход от юношества к зрелости, т. е. период от 17–18 до 23–25 лет. [5, 64] Когда ребенок еще бессознательно усваивает образцы и манеру поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы. Как показывают конкретные психологические исследования личности преступников, уже взрослым человек часто воспроизводит в своем поведении то, что запечатлелось в его психике в период детства. Например, он может с помощью грубой силы разрешить конфликт так, как это раньше делали его родители. Можно сказать, что преступное поведение в определенном смысле есть продолжение, следствие первичной социализации, но, конечно, в других формах.

Дефекты первичной, ранней социализации в родительской семье могут иметь криминогенное значение в первую очередь потому, что ребенок еще не усвоил другие положительные воздействия, он полностью зависим от старших и совершенно беззащитен перед ними. Поэтому вопросы формирования личности в семье заслуживают исключительного внимания криминологов. Семья – главное звено той причинной цепочки, которая выводит на преступное поведение.

Сейчас накоплено значительное количество данных о семьях правонарушителей, условиях их родительского воспитания. В основном это социологические, социально-демографические данные о семье. Однако на нынешнем этапе развития науки и вследствие потребностей правоохранительной практики становится ясно, что с помощью лишь такой информации (о составе родительской семьи будущих правонарушителей, общих характеристик отношений в ней, уровня культуры родителей, совершении ими и другими родственниками аморальных и противоправных действий и т.д.) уже нельзя в должной мере объяснить происхождение преступного поведения.

Так, при всей ценности весьма многочисленных данных о неблагополучных или неполных семьях остается непонятным, почему многие выходцы из таких семей никогда не совершают противоправных действий. К числу же неблагополучных семей относят только те, в которых родители совершают противоправные или аморальные действия. Отсутствие, например, отца или его аморальное поведение далеко не всегда формирует личность правонарушителя. Поэтому следует считать, что решающую роль играет не состав семьи, не отношения между родителями, даже не их объективно неблаговидное, пусть и противоправное поведение, а главным образом их эмоциональное отношение к ребенку, его принятие или, напротив, отвергание [2, 134].

Однако можно обнаружить достаточное количество семей, в которых родители совершают правонарушения (например, хищения или занимаются спекуляцией), но их эмоциональное отношение к детям отличается теплотой и сердечностью. Поэтому есть все основания считать, что именно отсутствие подобных отношений в детстве в решающей степени определяет ненадлежащее поведение человека в будущем.

Условия жизни ребенка не прямо и непосредственно определяют его психическое и нравственное развитие. В одних и тех же условиях могут формироваться разные особенности личности прежде всего из-за того, в каких взаимоотношениях со средой находится человек, какими биологическими чертами он обладает. Средовые влияния воспринимаются в зависимости от того, через какие ранее возникшие психологические свойства ребенка они преломляются.

Имеется множество убедительных доказательств того, что в семьях с прочными, теплыми эмоциональными контактами, уважительным отношением к детям у них активнее формируются такие качества, как коллективизм, доброжелательность, внимательность, способность к сопереживанию, самостоятельность, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации и др. Все это делает их коммуникабельными, обеспечивая высокий престиж в группе сверстников. Напротив, чем меньше тепла, ласки, заботы получает ребенок, тем медленнее он формируется как личность. Даже недостаточное внимание, низкая частота общения родителей и детей (гипоопека) по самым разным причинам, в том числе объективным, нередко вызывают у последних эмоциональный голод, недоразвитость высших чувств, инфантильность личности. Следствием этого может быть отставание в развитии интеллекта, нарушение психического здоровья, плохая успеваемость в школе, совершение аморальных и противоправных проступков.

Психологическое отчуждение ребенка родителями является не единственной причиной формирования личности преступника. Нередко это происходит иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но именно последние демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым запретам, образцы противоправного поведения (например, постоянно пьянствуют, учиняют хулиганские действия, совершают хищения и т.д.). Поэтому подросток сравнительно легко усваивает эти образцы, соответствующие им взгляды и представления, которые вписываются в его психологию и начинают стимулировать его поступки. Этот путь криминогенного заражения личности достаточно хорошо известен практическим работникам правоохранительных органов.

Криминогенные последствия может иметь и такой недостаток семейного воспитания,

когда при отсутствии теплых эмоциональных отношений и целенаправленного нравственного воспитания окружающие заботятся об удовлетворении лишь материальных потребностей ребенка в ущерб духовности, не приучая его с первых лет жизни к выполнению простейших обязанностей перед окружающими, соблюдению нравственных норм. По существу, здесь проявляется равнодушие к нему.

Отсутствие надлежащих семейных контактов особенно пагубно для девочек. Во-первых, почти все отвергнутые семьей девочки слишком рано начинают половую жизнь, становятся легкой сексуальной добычей более взрослых парней, быстро деморализуются, их интимные связи приобретают беспорядочный характер. Во-вторых, оторвавшись от семьи, школы, выйдя за пределы нормального человеческого общения, таким девушкам очень трудно, а иногда и невозможно вернуться к обычной жизни, завоевать уважение окружающих. Социальное клеймение (стигматизация) женщин обычно оказывается намного более стойким и губительным, чем мужчин. Особенно трагично складывается судьба бродяг, проституток, наркоманок, алкоголичек, а также тех, кто связал себя с профессиональными преступниками. Их не только трудно перевоспитать, но они сами подчас не могут найти место в нормальной человеческой жизни.

Если рассматривать причины преступлений на таком бытийном уровне, то их совершение можно представить себе как охрану себя и своих коренных интересов.

Названные качества закрепляются, развиваются в личности, обрастают другими положительными и отрицательными особенностями, часто противоположными, причем эти наслоения нередко преобладают в ее реакциях на средовые воздействия. Поэтому подобные качества обнаружить очень сложно даже с помощью специальных методов. Изначальные контуры этого психического и психологического явления как бы исчезают, затушевываются более поздними образованиями, в первую очередь культурными, а также теми, которые вызваны физиологическими изменениями.

Существуют объективные факторы, формирующие высокий уровень тревожности личности: значительное расслоение общества в связи с уровнем материальной обеспеченности, объемом и качеством социальных услуг; социальная напряженность между людьми; утеря людьми, особенно молодыми, привычных жизненных ориентиров и идеологических ценностей, существенное ослабление родственных, семейных, производственных и иных связей, социального контроля; постепенное возрастание числа тех, кто в современном производстве не найдет себе места.

Люди пожилого возраста, несовершеннолетние и женщины более уязвимы для неблагоприятных внешних социальных воздействий.

Значительно возросшие за последние годы агрессивность и жестокость людей, выражающиеся в росте насильственных преступлений, прямо связаны с нарушением эмоциональных коммуникаций в семье. Эти коммуникации сейчас ослабли, семья меньше, чем ранее, способна эффективно контролировать поведение своих членов, которые, в свою очередь, далеко не всегда находят в ней возможность психологической разрядки и отдыха. Семья перестала в должной мере обучать женщину состраданию, сочувствию, мягкости, причем надо отметить, что если родители ее не любили и не заботились о ней, то она вряд ли сможет научить этому своих детей. Понятно, что все это весьма негативно сказывается на воспитании подрастающего поколения, способствуя росту правонарушений среди подростков.

Семья, включая ребенка в свою эмоциональную структуру, обеспечивает, тем самым, его первичную, но чрезвычайно важную, социализацию, т. е. через себя вводит его в структуру общества. Если этого не происходит, ребенок отчуждается от нее, чем закладывается основа для весьма вероятного отдаления в будущем от общества, его институтов и ценностей, от малых социальных групп. Это отдаление может принять форму стойкого дезадаптивного, отчужденного существования, в том числе бродяжничества, если не будут осуществлены специальные воспитательные мероприятия. Последнее обстоятельство нужно подчеркнуть особо, так как просто наступление благоприятных, по мнению окружающих, условий жизни может не привести к желаемым результатам, поскольку эти условия субъективно будут восприниматься как чуждые для данного индивида, не соответствующие его ведущим мотивационным тенденциям.

Неформальные группы сверстников представляют собой объединение в прошлом отвергнутых семьей детей – и юношей, и девушек. Их сближение в рамках такой группы

обычно происходит очень быстро, так как они представляют друг для друга огромную социальную и психологическую ценность. Дело в том, что групповая сплоченность и постоянное общение позволяют им устоять перед обществом, которое воспринимается ими как нечто чуждое и враждебное. Естественно, что некоторые его важные нормы перестают регулировать их поведение.

Таким образом, существование преступных групп или групп, в которых господствуют отсталые, вредные взгляды и нравы, антиобщественные нормы поведения и которые, в свою очередь, оказывают отрицательное влияние на личность, также обусловлено только социальными причинами. Существование подобных групп неизбежно в той же мере, в какой закономерно существование таких общественных структур, из которых выталкиваются отдельные люди, обрекаемые на отчуждение. Отчужденные же личности обязательно объединяются в свои группы для защиты собственных интересов и взаимной поддержки. Общество всегда их будет осуждать, почти всегда же забывая о том, что само виновато в этом [6,126].

Под влиянием группы у ее участников формируются установки и ценностные ориентации, включающие в себя способы разрешения возникающих жизненных ситуаций и проблем.

Влияние группы значительно постольку, поскольку данный человек ценит свое участие в ее жизнедеятельности. Ее члены находятся в повседневном общении, между ними возникает множество отношений, основанных на чувствах, а их отношения друг к другу и их оценки различных социальных фактов, событий, других людей неизбежно выражаются в эмоциональной форме. Группа осуждает или одобряет, радуется или негодует, и потому общие настроения и мнения выступают ее основными социально-психологическими, духовными образованиями. Настроения и мнения, господствующие в группе, неизбежно передаются ее членам.

Отсюда понятны интенсивность и устойчивость отрицательного влияния на личность со стороны микросреды, состоящей преимущественно из групп, которые воздействуют не только на ум и волевую сферу человека, но и на его чувства и эмоции.

Хотя в системе факторов, определяющих поведение человека, социальной среде и принадлежит главная роль, сам механизм преступного поведения нельзя понять, если не учитывать постоянное взаимодействие личности со средой, если не принимать во внимание такие факторы, как ее мировоззрение, интересы, потребности, мотивы, установки, убеждения. Иными словами, внешние факторы, как уже отмечалось выше, действуют лишь опосредованно, через внутренние, психологические свойства, духовный мир. Условием перехода внешних факторов во внутренние являются разнообразные формы деятельности человека, каждая из которых в той или иной степени преобразует внешнюю среду. Человек обладает известной самостоятельностью, избирательностью внутреннего по отношению к внешнему, сохранностью внутреннего при его изменчивости под влиянием внешнего. Эта особенность психического связана с изменчивостью и поддержанием качественного своеобразия индивидуального бытия. Включенность индивида в изменяющиеся, иногда противоречивые, общественные и личные отношения предполагает наличие постоянно соотносящегося с другими людьми механизма, которым и является психика человека.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: введен в действие 21 мая 1998 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 1998. - № 9, ст. 68-69. – С.116-218.
2. Воронин Э.И., Воронин С.Э. Деятельность следователя органов внутренних дел по раскрытию и предупреждению преступлений. - Хабаровск, 2022. с. 230.
3. Судебная практика по уголовным делам: Тематический сборник/. Оглоблина. М., 2011г.
4. Преступность военнослужащих как объект комплексного криминологического исследования (В.Г. Волчок, "Право в Вооруженных Силах", № 4, апрель 2015г.)
5. Криминологические проблемы преступного поведения /Отв. ред. Ю.М. Антонян. - М., 2021. с.107.
6. Чучаев А.И. Личность преступника и вопросы наказания. - М., 2020. С. 123-128.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна
доктор юридических наук, профессор, заведующая
кафедрой уголовного права
Российско-Таджикского Славянского Университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Норимов Джахонбахт Куджмуродович
Магистрант 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикского Славянского университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

PROBLEM ASPECTS IN THE CLASSIFICATION OF CRIMES AGAINST PROPERTY

Abdullaeva Rano Abdualievna
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law
Russian-Tajik Slavonic University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Norimov Jahonbakht Kudzhmurodovich
A second-year full-time Master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik Slavonic University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+99237) 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация: *В данной статье изучена проблема квалификации преступлений против собственности. Автор обращает внимания на детальную регламентацию видов хищения. В статье рассматривается действующее уголовное законодательство Республики Таджикистан, в отличие от Российской Федерации не устанавливает четко фиксируемый размер ущерба, причиненного личной собственности граждан. Их содержание носит оценочный характер. Следует отметить, что настоятельная и неотложная потребность в конкретизации некоторых уголовно-правовых понятий объективно привела, насколько можно, в относительной степени к сокращению оценочных признаков преступления, что, несомненно, приведет к существенному ограничению судебно-следственного усмотрения, носившее в большей части субъективный характер.*

Annotation: *This article examines the problem of classification of crimes against property. The author draws attention to the detailed regulations governing the types of theft. The article examines the current criminal legislation of the Republic of Tajikistan, which, unlike the Russian Federation, does not clearly define the amount of damage caused to citizens' personal property. Their content is evaluative in nature. It should be noted that the pressing and urgent need to concretize certain criminal law concepts has objectively led, as far as possible, to a relative reduction in the evaluative elements of a crime, which will undoubtedly lead to a significant limitation of judicial and investigative discretion, which was largely subjective in nature.*

Ключевые слова*: вымогательство, грабеж, кража, мошеничество, преступление, разбой, собственность,ущерб, хищение.*

Key words: *extortion, robbery, theft, extortion, crime, robbery, property, damage, embezzlement,*

Родовым объектом преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ, является собственность. Собственность как объект преступления представляет собой многогранное явление. Она имеет экономическую и правовую стороны. С экономической стороны собственность – это отношение между человеком, группой или сообществом людей

(субъектом), с одной стороны, и любой субстанцией материального мира (объектом) – с другой, заключающееся в постоянном или временном, частичном или полном отчуждении, отсоединении, присвоении объекта субъектом. Отношения, возникающие между субъектом собственности и объектом собственности, характеризуют как меру обладания объектом со стороны субъекта, так и вид функции, реализуемой субъектом в процессе практического воплощения отношений собственности. Связи между субъектом собственности и объектом собственности включают в себя отношения владения, пользования, распоряжения. Отношения собственника к «своей вещи» (субъектно-объектные) служат материальной предпосылкой отношений между субъектами собственности, т.е. субъектно-субъектных отношений. Последние охраняют взаимосвязи между людьми по поводу средств производства и производимых ими благ, обусловливают формы распределения имущества, продукции, товаров, доходов, других ценностей между собственниками. Собственность немыслима без того, чтобы лица, не являющиеся собственниками, относились к ней как к чужой.

Социально-экономические отношения собственности получают юридическое закрепление в праве собственности. Право собственности предоставляет собственнику юридически обеспеченную возможность извлекать пользу из находящегося в его обладании имущества. Все иные лица обязаны не нарушать владения собственника, не препятствовать ему в пользовании и распоряжении имуществом. Государство охраняет и право владения лица, не являющегося собственником, но обладающего вещью на основании какого-либо права – вещного или обязательственного. Общественная опасность преступлений против собственности определяется тем, что они нарушают отношения принадлежности вещи собственнику. В результате их совершения собственник утрачивает обладание своей вещью и тем самым терпит материальный (имущественный) ущерб, поскольку лишается возможности реально извлекать из нее те или иные полезные свойства. Собственник также теряет возможность принимать решения по поводу функционирования принадлежащего ему объекта собственности. При этом в одних случаях преступление может влечь за собой одно лишь уменьшение имущества потерпевшего, в других – к такому уменьшению присоединяется расширение сферы вещного владения на стороне виновного (он становится обладателем не созданного им имущества и получает возможность фактически использовать чужую вещь в зависимости от ее назначения, решать вопросы о ее изменении, прекращении ее существования или отчуждении).

Юридическая сторона преступления против собственности заключается в нарушении юридического содержания отношений собственности – субъективного права собственности. Преступление нарушает это право, как юридическое благо, предоставляющее субъекту общую правовую власть над принадлежащей ему вещью. В результате совершения преступления происходит умаление меры правового господства, закрепленной за субъектом – собственником того или иного имущества. Конечно, право собственности как таковое у потерпевшего сохраняется. Как собственник он вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, потребовать возмещения причиненного ему вреда. Однако из этого следует, что ни о какой реализации потерпевшим прав владения, пользования и распоряжения своим имуществом по своему усмотрению в этом случае говорить нельзя. Эти правомочия у него юридически существуют, но реально не исполняются. Именно в разрушении правовой связи собственника с его имуществом усматривали суть похищения, присвоения, истребления и повреждения чужого имущества юристы. Так, Н.А. Неклюдов полагал, что «преступные деяния против собственности являются нарушением правовых норм, определяющих собою права по имуществу определенных лиц, общественных групп и всего государства». [6]

Как положительный процесс, можно считать используемый законодателем подход к систематизации отдельных групп преступлений в Особенной части УК РФ на основе общих признаков.

Сравнивая систему имущественных норм прошлого законодательства с тем, что действует в настоящее время, то она ощутимо упростилась, а количество составов стало меньше. Однако, центральное место все еще принадлежит хищениям, а их квалифицированные виды, принимая во внимание статью 15 УК РФ, являются тяжкими или особо тяжкими. В свою очередь они дифференцируются на формы и виды. Чтобы определить форму достаточно посмотреть на способ совершения хищения. К примеру, кража,

мошенничество, разбой и пр. – это формы хищения. Разделение на виды происходит при наличии или отсутствии квалифицирующих признаков. Таким образом, если рассматривать ч.1 ст.158 УК РФ, то становится видно, что она без отягчающих обстоятельств, т.н. «простая кража», ч.2 будет являться квалифицированным видом кражи, и соответственно, ч.3 - особо квалифицированным видом.

Преступления, направленные на имущество, можно классифицировать по различным признакам, например:

а) По корыстной цели преступления [3, 337]:

1) корыстные преступления, целью которых является незаконное извлечение имущественной выгоды. В них включены хищение, предусмотренное ст.158 УК РФ, мошенничество (ст.159), присвоение или растрата (ст.160), грабеж (ст.161), разбой (ст. 162), кража предметов, которые имеют особую ценность (ст.164);Сюда же входит преступление, прилегающее к хищениям, а именно вымогательство, указанное в ст.163 УК РФ, ст.165 (причинение собственности повреждений путем обмана или злоупотребления доверием) и ст.166УК РФ (незаконное завладение автомобилем или другим техническим средством без цели хищения);

2) без корыстной цели преступления. Речь идет об умышленное уничтожение или повреждение собственности (ст.167 УК РФ) и уничтожение или повреждение собственности по неосторожности (ст.168 УК РФ);

б) По форме деяния [2, 104]:

1) хищения (ст.158-162, 164 УК РФ);

2) нанесение имущественного или иного ущерба, не связанного с хищением (ст. 163, 165, 166 УК РФ);

уничтожение и повреждение имущества (ст. 167 и 168 УК РФ). в) В зависимости от количества охраняемых законом объектов [4, 85]:

1) однообъектные преступления (ст.158, кроме п. «а» ч.3 ст. 158), ст.158.1-160, ст.164-165, ч.1 ст.166-168 УК РФ;

2) двухобъектные преступления: п. «а» ч.3 ст.158, п «в» ч.2 ст. 161, п. «г» ч.2 ст.161, ч.1 ст.162, ч.2 ст.162, ч.4 ст.162, ч.1 ст.163, ч.2

ст.163, ч.3 ст.163, 164, п. «в» ч.2 ст.166, ч.2 ст.166, ч.4 ст.166, ч.2 ст. 167 УК РФ;

3) трехобъектные преступления: п. «в», «г» ч.2 ст.161, ч.3 ст.162, ч.1 ст.163, ч.2 ст.163, ч.3 ст.163, 164 УК РФ.

г) В зависимости от воздействия на потерпевшего, в связи с появлением новых способов совершения преступлений против собственности:

1) преступления, совершаемые путем прямого воздействия на предмет преступления (контактные) – ст.158-159.3, 159.5, 160- 168 УК РФ;

2) преступления, совершаемые без такового воздействия (бесконтактные) – ст.159, 159.6, 165 УК РФ.

Формы хищения (вместе с вымогательством) так же традиционно можно дифференцировать на две подгруппы:

–насильственные формы, где отражены самые опасные преступления, связанные как с собственностью, так и посягающие на личность, как на дополнительный объект (разбой, грабеж и вымогательство, сопряженное с насилием);

–во второй группе, естественно, ненасильственные формы, а именно кража, присвоение и растрата и пр.).

Исследования криминологов указывают на то, что корыстно- насильственные преступления, предусмотренные главой 21 УК РФ, отражают ряд особых признаков, которые говорят о более высокой опасности как деяний, так и лиц, их совершающих. [9, 462] Закон значительно увеличивает ответственность в случаях, где собственность подвергается изъятию через насилие, что связано с тем, что преступное лицо посягает не только на имущество, но и на жизнь и здоровье собственника. Как известно, в иерархии социальных ценностей личность стоит выше собственности.

Вышеуказанные виды преступлений против собственности отграничиваются по соответствующим признакам состава преступления: объективным и субъективным. Это основывается на том, что методологический подход должен упорядочит законодательный материал.

В структуре преступности за последние 10 лет доминирующее положение занимают корыстные преступления против собственности. Самые распространенные преступные посягательства, такие как - кража чужого имущества, причиняющая существенный материальный ущерб гражданам, их негативному моральному воздействию, нарушающие спокойствие и стабилизацию их жизнедеятельности. [1, 209]

Кроме того, довольно высокая общественная опасность выражается в насильственных способах совершения преступлений против собственности. Данную группу преступлений составляют грабёж (насильственный) и разбой. Помимо основной цели – хищение чужого имущества, характерной чертой данных преступлений является применение психического или физического насилия. Примечательно, что последние являются хоть и обязательными признаками для правильной квалификации деяния, но имеют второстепенный характер по отношению к основной цели преступления против собственности. Так, если лицо не намеревалось совершить хищение чужого имущества, а лишь причинить физический вред другому лицу, то его действия будут квалифицироваться по соответствующей норме уголовного законодательства, предусматривающая ответственность за совершение насильственного преступления против здоровья и жизни.

Таким образом, собственность представляет собой, прежде всего, материальные объекты, а действия с ними (триада правомочий) является правом собственности. Развитие понятия собственности и нормативное регулирование права собственности впервые нашло своё отражение в Русской правде, а затем, совершенствуясь, закрепилось в современном законодательстве. Защите имущества в УК РФ посвящена 21 глава - «Преступления против собственности». Под ними понимаются умышленные или неосторожные посягательства и общественно-опасные деяния, направленные как на лишение триады правомочий собственника, т.е. права собственности, так и на саму собственность, как на вещь, присваивая или уничтожая (повреждая) ее. Классифицировать указанную группу преступлений можно по различным признакам, например, по корыстной цели преступления, по форме самого деяния, по количеству охраняемых объектов и т.д. Это необходимо для всесторонней, полной и наиболее точной квалификации общественно-опасных деяний, совершенных преступным лицом.

Список литературы:

1. Богданчиков С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности: монография / С.В. Богданчиков; под редакцией Н.Д. Эриашвили. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 342 с.
2. Герасимова Е.В. Квалификация преступлений против собственности: учебно-практическое пособие / Е.В. Герасимова. – Саратов: Вузовское образование, 2018. 202 с.
3. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.К. Дуюнова. - 6-е изд. - Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2020. 780 с.
4. Иванова О.М. К вопросу о систематизации преступлений против собственности // Вестник Российского университета кооперации. - 2018. № 3(33). С. 118-126.
5. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2020. 233 с.
6. Кузьмин, В.А. Уголовное право России: учебное пособие / В.А. Кузьмин. - Саратов: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013. 336 с. ISBN 2227-8397. - Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. - URL: http://www.iprbookshop.ru/16479.html (дата обращения: 12.05.2020).
7. Курганов С.И. Криминология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С.И. Курганов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 184 с.
8. Львова М.С. История развития института уголовной ответственности за кражу в России // Приднепровский научный вестник. - 2018. Т. 12. - № 2. С. 57-62.
9. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков [и др.]; под редакцией В.С. Комиссаров, Н.Е. Крылова, И.М. Тяжкова. - Москва: Статут, 2014. с.790.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СОВЕРШАЕМЫМИ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права
Российско - Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2278583, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Коршунов Олег Николаевич
студент 4 курса очного обучения юридического факультета,
Российско-Таджикский (Славянский) Университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсундазе, 30
тел.: 227 85 83, e-mail: oleg.korshunov.04@bk.ru

CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH COMMITTED BY MEDICAL WORKERS

Abdullaeva Rano Abdualievna
Candidate of Juridical Sciences, associate professor,
head of the department of criminal law
Russian - Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: 2278583, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Korshunov Oleg Nikolaevich
4th year full-time student, Civil Law profile, Faculty of Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Mirzo Tursundaze, 30
tel: 227 67 40, e-mail: oleg.korshunov.04@bk.ru

Аннотация. *Авторы в представленной научной статье рассматривали преступления против жизни и здоровья, совершаемые медицинскими работниками в связи с их профессиональной деятельностью, в теории уголовного права их традиционно называют «яатрогенными преступлениями», хотя сам термин в Уголовном кодексе Таджикистана не закреплен. Основная масса таких деяний характеризуется неосторожной формой вины, тем не менее подробно рассмотрены и специфические составы преступлений, где предусмотрена умышленная форма вины. В статье также исследуется особенности ответственности медицинских работников за данные преступления.*

Annotation*. In the presented scientific article, the authors examined crimes against life and health committed by medical professionals in connection with their professional activities, which are traditionally referred to as "iatrogenic crimes" in the theory of criminal law, although the term itself is not defined in the Criminal Code of Tajikistan. The majority of such crimes are characterized by negligent forms of guilt, but the article also provides a detailed analysis of specific crimes with intentional forms of guilt. The article also explores the specific aspects of medical professionals' liability for these crimes.*

Ключевые слова: *состав преступления, медицинский работник, специальный субъект, ятрогения, врачебная ошибка, неосторожность, ненадлежащее исполнение обязанностей*

Keywords*: elements of a crime, medical worker, special subject, iatrogenesis, medical error, negligence, improper performance of duties.*

Как все мы знаем, что на сегодняшний день здоровье и жизнь является высшим ценным благом, которое защищается государством. Если ссылаться на основной нормативно-правовой акт Республики Таджикистана на Конституцию, то данное понятие дает свое отражение в 38 статье каждый человек, гражданин имеет право на жизнь и здоровье никто не имеет право забрать жизнь человека и его здоровье. В этой же статье отражается тот факт,

что каждый имеет право на бесплатную медицинскую помощь не зависимо от пола, расы, веры и других характеристик. При совершение противоправных деяний со стороны медицинских работников основное посягательство совершается на основные ценные блага защищаемым государством – это жизнь и здоровье.

Согласно мнению ученой Старостиной Я.В. она считает, «что сама деятельность медицины по своей природе носит рискованный характер». [9] Во время осуществления медицинских сложных процедур предполагая возможные риски, что пациент не сможет прийти в сознания после определённых процедур в сочетании с диагнозом, медицинские работники в силу отсутствия возможности отказаться от них, подвергают риску как пациента, так и себя, чтобы оказать помощь.

Тихомиров В.А., ученый в области медицины в своих научных трудах дает ясное отличие между медицинской услуги и медицинская помощь. Вместе с тем убедительная позиция представляется позиция, в соответствии с которой медицинская услуга формируется из входящих в её состав мероприятий медицинского профиля (медицинской помощи). Иными словами, медицинская услуга и медицинская помощь находятся в отношении формы к содержанию.

Абдуллаева Р.А. д.ю.н., профессор, исследует преступления, по которым привлекались медицинские работники. Согласно статье 108 УК РТ, предусматривающее наказания за смерть, которая наступила по неосторожности. Под неосторожными преступлениями понимаются общественно опасные деяния, совершенные по легкомыслию или небрежности. В отличие от умышленных преступлений, здесь виновный не желает наступления вредных последствий, но его поведение приводит к ним из-за самонадеянности или невнимательности. Неосторожные деяния часто классифицируют по области деятельности, где они происходят, например, профессиональные, должностные, экологические и т.д. Неосторожные деяния в медицине часто называют **ятрогенными преступлениями**. Они совершаются медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Основное отличие таких деяний — отсутствие прямого умысла на причинение вреда: врач стремится помочь пациенту, но из-за ошибки, невнимательности или самонадеянности наступают негативные последствия.

Статьи 118-119 УК РТ предусматривающее уголовное наказания за причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровья и средней тяжести – это когда медицинский работник не осознанно причиняет вред тяжкого или среднего характера пациенту, который обратился к нему за помощью, он обязан предвидеть, что могут наступить такие последствия в результате оказанной с его стороны услуги медицинского характера пациенту обратившись к нему за помощью, но в силу объективных и субъективных фактор это не произошло.

Согласно сборнику нормативных актов, где четко и ясно прописывается степень и тяжесть вреда здоровью, причиненного человеку. В локальных нормативных актах, в частности, Приказом Министерства здравоохранения и социальной защиты РТ от 01 ноября 2014года, №918 в п.5 предусматривается, что под причинением вреда здоровью понимается утрата общей трудоспособности на определенный период зависимости от тяжести причиненного вреда. К средней тяжести здоровья можно отнести утрата общей трудоспособности на протяжении выше 3 недель, что равняется больше 21 дня потом длительное расстройство.

В статье 121 УК РТ предусматривает нарушение правил трансплантации. Данная статья наказывает работников медицинских структур за следующие действия, за некорректное выполнение процедуры пересадки органа или тканей, а также за действия, нарушающие нормы закона Республики Таджикистана «О трансплантации», в частности:

1 Извлечение органа у живого лица без его добровольного согласия (либо без согласия опекунов, если донор — несовершеннолетний или недееспособный).

Пересадка органа от живого донора, если между ним и реципиентом отсутствует родство по крови — в соответствии с действующим законодательством, такая процедура разрешается лишь между близкими родственниками, в ином случае она является незаконной.

2 Извлечение органов у умершего, если ранее не было зафиксировано согласие на эту процедуру во время жизни или после смерти — от родных или представителей, а также при наличии нарушений установленных критериев клинической смерти.

3 Нарушение стандартов хранения, сбора или консервации органов, приведшее к причинению вреда здоровью.

Субъектом правонарушения выступает врач-трансплантолог, хирург, руководитель отделения, принимавший участие в процедуре изъятия или пересадки.

Последствие должно быть выражено в виде причинения вреда — средней степени тяжести, тяжкого вреда здоровью донора или реципиента, либо летального исхода.

Статья 122 УК РТ, предусматривающее наказания за принуждение к изъятию органов и тканей человека. Это преступление, направленное на ограничение свободы личности и причинение вреда здоровью. Врач здесь не выполняет процедуру (что относится к ст. 121 УК РТ), а выступает инициатором или организатором, вынуждая человека стать донором вопреки его желанию. Ключевой момент это преступление по ст. 122 УК РТ признано совершенным уже при первых актах принуждения — угрозах или обмане, даже если хирургическое вмешательство так и не провели считается оконченным с момента высказывание требовании.

Как показывает практика в области медицине и статистика в области юриспруденции наиболее актуальной статьей после причинение смерти по неосторожности (108 УК РТ), идет статья 123 УК РТ, посвящённая незаконному производству аборта. Профессор Абдуллаева. Р.А., предлагает в своих монографиях, что должно предусматриваться под незаконным производством аборта – это искусственное прерывание беременности: 1) на допустимых сроках, когда эту процедуру осуществляет доктор, врач не имеющий необходимой квалификации, 2) на поздних стадиях гинекологом или другим доктором-врачом, который не имеет право осуществлять данную процедуры без необходимых медицинских показаний. Следует подчеркнуть, что гинеколог тоже может быть субъектом преступления по этой статье если он выйдет за допустимые сроки прерывание беременности он будет нести ответственность уголовную. Однако закон разрешает выходить за рамки предусмотренных медицинскими стандартами 12 недель (3 месяца). Эти случаи можно привести в виде примера, если в утробе матери плод умер, это определили при проведении различного рода процедур – УЗИ (отсутствие сердцебиения), анализы крови на ХГЧ, и возможные отклонения в развитии плода. Необходимо провести процедуру аборта или иначе это может привести к неблагоприятным и даже фатальным последствиям. В этих случаях медицинские стандарты – протокол позволяют проводить данную процедуру. Горбатова М.А., к.ю.н., доцент в своих трудах определяет понятие термина аборт – «это процедура, которая проводится в соответственных сроках» [6, 42]. По мнению криминологов появление человека представляет собой протяжённый во времени и пространстве процесс, при этом различные учёные определяют разные стадии этого процесса как момент начала человеческой жизни.

Особое внимание заслуживает статья 124 УК РТ, которая посвящена понуждению к совершению аборта. Если делать разграничение между незаконным абортом и принуждения к совершению аборта, то можно прийти к выводу, что субъектом по 124 статье могут быть, как и общие субъекты так и специальные. По мнению профессора Абдуллаевой Р.А. в ст. 124 УК РТ на участие врачей не обязательно. Склонить к совершению аборту женщину может отец ребенка, которая будущая мать носит в своем утробе или пассивное давление могут оказать близкие родственники со стороны отца ребенка или со стороны беременной-роженицы. В большинстве случаев это делают с несовершеннолетними девочками с целью не опозорится в «глазах» общества. Несовершеннолетние дети зависят от своих родителей и не могут им перечить.

Уголовный кодекса РТ в ст. 128 предусматривает неоказания помощи больному. Неоказания помощи больному – это когда сотрудник здравоохранения отказывается оказывать медицинскую помощь пациенту или лицу, который пришел за помощь в медицинское учреждение. Отказ которого в дальнейшем привело к более серьезным последствиям, тем самым нарушая его конституционные права и другие права предусмотрено законом. Если мы посмотрим на Кодекс Здравоохранения РТ, где говорится, что каждый гражданин имеет право обратится за медицинской помощью в медицинское учреждение. В ст. 38 Конституции РТ предусмотрено это права на охрану здоровья, которая относится к социальным правам граждан и за-за этого ущемление прав у пациентов пропадает доверие к системе здравоохранения.

Придерживаясь мнение Бабаджанова Д.Б., который в своих научных трудах подчеркивает тот факт, что сам пациент является главной фигурой в медицине. Им может быть только живой человек, который пользуется медицинскими услугами в медицинском учреждение [4, 63]. Как считают Бибизода М.А, Гаибов А.Г, Негматов Б.С, которые советуют

различать общий статус пациента, индивидуальный, специальный статус лица, который нуждается в медицинском вмешательстве или обращается за помощью к врачам. [5, 191-195].

В зарубежный странах исследования по этой тематике позволяет нам констатировать, что неоказания медицинской помощи выражается в форме бездействия без различия, без внимательности к пациенту или лицу, который нуждается или обратился за медицинской помощью в медицинское учреждение.

Под пассивностью ученные советуют определять данный термин следующим образом. Первое, что хочется затронуть сотрудники медицинского учреждения согласно закону и другими нормами права обязаны оказывать необходимую помощь лицам, нуждающимся в медицинском вмешательстве. Второй момент у него есть все необходимые возможности. Третий момент – это когда сотрудник медицинского учреждения обязан оказать помощь медицинского характера, но по каким-то причинам и решением не оказывает ее, что и приводит к серьезным последствиям вред здоровью или что еще хуже смерти человека.

Соглашаемся с мнением Сенокосова Е.К., который в своих трудах отмечает, что неоказания медицинской помощи, лицам, нуждающимся в медицинском вмешательстве, происходит в силу недобросовестности или их некомпетентности медицинских работников. Автор дает понятие неоказания помощи ссылаясь на их несоответствие их профессиональной подготовке и требованием по оказанию медицинской помощи [8, 218]. Профессор Абдуллаева Р.А., согласившись с мнением ученого, который предлагает следующие понятие недобросовестности в уголовном праве – это умышленное невыполнение работникам медицинского учреждения своих профессиональных обязанностях, должностных инструкции и общепринятых норм медицинской этике и медицинской науке [2, 202].

Статья 133 УК РТ незаконное помещение в психиатрическую больницу — это принудительное помещение в специальные медицинские учреждение для лиц, которые не нуждаются в лечение связанно с психическими расстройствами. Данные противоправные деяние совершаются по корыстным мотивам с целью извлечь от этих действий какую-то материальную выгоду.

Следующая статья, которая требует пристального внимание статья 145 УК РТ, она предусматривает наказания за разглашение врачебной тайны. По мнению профессора Абдуллаевой Р.А., необходимо слово «врачебная тайна» заменить на **медицинскую тайну**, так как в действующей статье выпадает ответственность субъект преступления - **средний и младший персонал** [1, 256]. Рыжова О.А., [7] подробно описала объект преступления по данной статье согласно её мнению объектом разглашения врачебной тайны является право на неприкосновенность личной жизни. Помимо неприкосновенности жизни есть и другие характеристики такие, как содержание определенной информации о наличии какого-либо заболевания у лица, который обратился в медицинское учреждение за оказанием ему медицинской помощи. Информацию о наличии каких-либо заболевании работник здравоохранения может получить в результате проведения медицинского осмотра или в результате разговора с врачом или в результате ознакомление врачом с истории его болезни в специальной медицинской карточки, которые заводят пациенты. Разглашение тайны, которая была произведена лицом, работающим в структуре здравоохранения, могут повлечь тяжкие последствия. Поддерживая мнение профессора Абдуллаевой Р.А., которая считает, что тяжкие последствия могут наступить виде заболевании психического характера или, когда лицо совершает суицид (самоубийства). Возникают вопросы может ли это связанно быть с врачебной тайной? Во-первых, когда работник, работающий в медицинской структуре осведомленный о истории болезни пациента, не в праве разглашать третьим лицам данную информацию о пациенте. Во-вторых, стоит вопрос о круге определения лиц, на которых возложена обязанность не разглашать врачебную тайну. Следует отметить, что нет четкого законодательного урегулирования, что составляет врачебную тайну и в чем ее содержание. В-третьих, для разглашение врачебной тайны не обязательны последствия или обязательны, когда это тайна стала известна третьим лицам тут можно прийти к выводу, что данное преступления носит формальный состав оно окончено с момента, когда сведенья стали известны постороннему лицу, который не имеет отношение к лечению или все же материальный состав, когда от разглашения есть последствия для лица [3, 107].

В заключении нам бы хотелось отметить **преступления против жизни и здоровья, совершаемые медицинскими работниками** (ятрогенные преступления), представляет собой итоговый синтез правовых и этических выводов, частности:

1. **Правовая природа**: Данная категория преступлений в подавляющем большинстве случаев носит **неосторожный характер**. Это результат небрежности или легкомыслия при исполнении профессионального долга, а не злого умысла на причинение вреда.

2. **Специфика квалификации**: Главная проблема заключается в разграничении **врачебной ошибки** (добросовестного заблуждения без признаков халатности) и **уголовного деяния**.

3. **Ключевой критерий вины**: Заключение экспертов всегда базируется на установлении **прямой причинно-следственной связи** между дефектом оказания медицинской помощи и наступившим неблагоприятным исходом (смертью или тяжким вредом).

4. **Социальный аспект**: Борьба с такими преступлениями — это баланс между защитой прав пациента и недопущением «защитной медицины», когда врачи боятся брать на себя риск в сложных случаях из-за угрозы уголовного преследования.

5. **Вектор развития**: Современная правовая мысль движется в сторону **декриминализации** медицинских ошибок, не связанных с грубым нарушением стандартов, и перехода к усилению гражданской (материальной) ответственности медицинских организаций.

Подытоживая, отмечаем это сложный междисциплинарный институт, где юридическая оценка полностью зависит от медицинских стандартов, а ответственность наступает только при доказанном несоблюдении протоколов лечения.

Список литературы:

1. Абдуллаева, Р.А. Медицинская преступность в Республике Таджикистан: уголовно-правовые и криминологические проблемы [Текст]: монография / Р.А. Абдуллаева. - Душанбе: РТСУ, 2022. – 307 с. ISBN 978-99985-0-110-2.
2. Абдуллаева, Р.А. Уголовно-правовой анализ медицинских преступлений в Республике Таджикистан [Текст]: монография / Р.А. Абдуллаева. - Душанбе: РТСУ, 2020. – 303 с. ISBN 978-99975-390-6-9.
3. Абдуллаева, Р.А. Здравоохранение и уголовный закон: проблемы и суждения [Текст]: монография / Р.А. Абдуллаева. - Душанбе: РТСУ, 2019. – 267 с. ISBN 978-99975-360-5-1.
4. Бабаджанов, Д.Б. Правовое положение лиц, понесших ущерб в результате смерти пациента от противоправных действий субъектов медицинской деятельности, по законодательству Республики Таджикистан [Текст] / Д.Б. Бабаджанов // Вестник Тадж. нац. ун-та. Сер. гуманитар. наук. – Душанбе: Изд-во СИНО, 2012. – № 3/6(96). – С. 60–67.
5. Бибзода М.А. Основные аспекты и перспективы межсекторальной деятельности по защите прав пациентов в Республике Таджикистан [Текст] / М.А. Бибзода, А.Г. Гаибов, Б.С. Негматов // Вестник Тадж. нац. ун-та. Сер. соц.-экон. и обществ. наук. – Душанбе, 2019. – № 2. – С. 191-195.
6. Горбатова, М.А. Некоторые проблемы уголовной ответственности за незаконное производство аборта [Текст] / М.А. Горбатова // Вестник Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. Право. – 2013. – Т. 13, № 4. – С. 44-48.
7. Рыжова, О.А. Ответственность за разглашение врачебной тайны [Электронный ресурс] / О.А. Рыжова, И.А. Паменкова // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журн. - 2017. - № 3, Т. 5. – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru (дата обращения: 16.10.2019).
8. Сенокосова, Е.К. Противоречия в системе оказания медицинской помощи как детерминанты медицинской преступности [Текст] / Е.К. Сенокосова // Вестник Омского ун-та. Сер. Право. – 2016. - № 3 (48). – С. 216-219.
9. Экспертиза ятрогении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forens-med.ru/book.php?id=4911 (дата обращения: 01.07.2019).

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Абдуллаев Нозим Саодулоевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско - Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2278583, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

Амиралиев Сафарали Курбоналиевич
магистрант 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

GENERAL THEORETICAL CHARACTERISTICS OF CRIME IN CYBERSPACE IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF SOCIETY

Abdullaev Nozim Saoduloevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
тел.: 992918250100, e-mail.: n.abdullaev.88@mail.ru

Amiraliev Safarali Kurbonalievich
Second-year master's student, full-time program, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tell.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация. *В данной статье автором были проанализированы общетеоретические аспекты преступности в киберпространстве в условиях цифровизации общества.*

Виртуальный террор является достаточно новым оружием для террористов и очень прогрессивным. Бывает довольно трудно установить личность преступника, к тому же киберпреступление может быть совершено абсолютно из любой точки мира, где есть Интернет.

Суть тактики кибертерроризма в том, что преступление должно стать широко известным населению, шокировать общество и создать атмосферу угрозы совершения террористического акта в любом месте, в любое время.

Annotation. *In this article, the author analyzes the general theoretical aspects of crime in cyberspace in the context of the digitalization of society.*

Virtual terrorism is a relatively new and highly advanced weapon for terrorists. It is often quite difficult to establish the identity of the offender; moreover, cybercrime can be committed from virtually any location in the world where Internet access is available.

The essence of cyberterrorism tactics lies in ensuring that the crime becomes widely known to the public, shocks society, and creates an atmosphere of fear regarding the possibility of a terrorist act occurring anywhere and at any time.

Ключевые слова. *киберпреступление, информационные технологии, информационная безопасность, кибертерроризм, хакерская атака.*

Keywords: *cybercrime, information technology, information security, cyberterrorism, hacker attack.*

«Киберпреступление» – термин иностранного происхождения, состоящий из двух частей «кибер» и «преступление». В словаре Оксфорда слово «кибер» определено, как: «относящийся к компьютерам, информационным технологиям, виртуальной реальности» [79, 33-38].

В законодательстве РФ для описания и характеристики виртуального пространства и высоких технологий применяются прилагательные «цифровое» и «информационное».

По мнению Шевченко Е.С. «киберпреступление – это общественно опасное деяние, совершаемое в киберпространстве, посягающее на общественную безопасность, собственность, права человека, другие охраняемые законом отношения, необходимым элементом механизма подготовки, совершения, сокрытия и отражения которого является компьютерная информация, выступающая в роли предмета или средства преступления» [86, 36].

Кочкина Э.Л. определяет киберпреступление как: «... совокупность преступлений, запрещенных Уголовным кодексом РФ, совершаемых в киберпространстве, где основными непосредственными объектами преступного посягательства выступают:

 конституционные права и свободы человека и гражданина;

 общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационных технологий;

 общественные отношения в сфере экономики и экономической деятельности;

 общественные отношения в сфере государственной власти;

 общественные отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности» [35, 167].

Исходя из положений уголовного законодательства РФ, под киберпреступностью понимается реализация неправомерных деяний в отрасли информационных процессов, являющихся посягательством на информационную безопасность частных пользователей, групп или целой инфраструктуры и совершаются с помощью использования компьютерных сетей и систем [65].

Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации; развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений [56].

Рассматривая признаки киберпреступлений, авторы научных исследований выделяют несколько характерных признаков:

 киберпреступления совершаются с использованием средств компьютерной техники и в отношении информации, находящейся (используемой и/или обрабатываемой) в интернет-сети». Компьютерные устройства и все возможные информационо-коммуникационные и социальные сети являются средствами совершения преступления; применение вредоносных программ выступает орудием совершения преступления;

 присутствуют два объекта посягательства: общественные отношения в сфере киберзащиты и общественные отношения, связывающие её с реальным миром;

 применение специальных навыков в компьютерной сфере или же применение специальных программных комплексов с целью осуществления данных преступных деяний;

 умышленный характер действий киберпреступника, который осознаёт общественную опасность своего деяния в полной мере и способен предвидеть наступление вредных для общества или отдельного человека последствий и желает этого или же относится к ним безразлично. Совершение киберпреступлений по небрежности или легкомыслию исключается. Основная отличительная черта киберпреступления от иных противоправных деяний является использование информационных технологий и сети «Интернет» при совершении преступления.

Основные виды информационно-технических инструментов, используемых в кибертеррористической деятельности. При этом под Интернет-ресурсами мы понимаем такие как виды как интернет-сайты, интернет-хостинги, социальные сети, сайты знакомств, форумы.

Главное предпочтение при проведении вербовок в Сети отдаётся возможности создания «фейковых» страниц и аккаунтов, ведь они усложняют поиск и установление данной категории лиц силами спецслужб.

В последнее время стали чаще происходить случаи звонков анонимного характера о «минировании» административных зданий и социально важных объектов с помощью IP-телефонии (через Интернет, не через социальные сети).

С помощью проведённых оперативно-разыскных мероприятий, российские спецслужбы определяли, что «компьютерный след» ведёт на территории некоторых иностранных государств (в частности, Сирия и Украина).

Анонимные звонки такого рода могут использоваться террористическими элементами для нанесения экономического урона и нарушения стабильности общественного порядка, которые ведут к нарушению функционирования всех ветвей власти.

После реализации диверсионно-террористического акта террористические группировки активно пользуются информационным пространством с целью воздействия на общественное мнение, для придания «ореола мученичества» (в случае совершения террористической акции террористом-смертником), а также для перекладывания ответственности за случившееся на силовой блок.

Обвиняющие правоохранительные органы в совершении террористических актов информационные выбросы, как было замечено, происходят после каждого резонансного террористического акта [76].

Максимальная их эффективность достигается в течение 10-12 дней после совершения громких террористических актов [77].

В связи с вышеизложенным, в качестве мер противодействия считаем целесообразным использовать меры информационной контрпропаганды с использованием широких возможностей СМИ (средств массовой информации), блогеров, тематических групп в соцсетях, которые могут и должны давать альтернативную точку зрения на произошедшее, полностью освещать вопросы, представляющие интерес для тех людей, кто является целью террористической пропаганды [60].

Однако полагаем, что рост потока данных, воспринимаемым конкретным пользователем, снижает критичность оценки им информации. Применение манипулятивных технологий террористскими и экстремистскими формированиями дают им возможность оказывать воздействие на общество более эффективно [77].

Для киберпреступника ИТ-технологии – это возможность получения доступа к практически любым секретам – как государственным, так и личным, на любом расстоянии от источника информации. Количество и виды преступлений в мире высоких технологий продолжают только расти. Пока правоохранительные органы обнаруживают пути решения одних информационных преступлений, хакеры уже придумывают новые [30].

Данные статистики о состоянии киберпреступности в 2020 году говорят о том, что, число преступлений, которые были совершены с помощью высоких технологий, выросло на 94,7 %, в том числе тяжких и особо тяжких – на 129,7 %.

Кроме того, министр внутренних дел России Владимир Колокольцев сообщает, что «на общую раскрываемость негативно повлияло увеличение количества преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, и

сложности в установлении причастных к совершению таких преступлений лиц. Доля киберпреступлений повышается и достигла 23 %» [40].

Виртуальный террор является достаточно новым оружием для террористов и очень прогрессивным. Бывает довольно трудно установить личность преступника, к тому же киберпреступление может быть совершено абсолютно из любой точки мира, где есть Интернет.

Суть тактики кибертерроризма в том, что преступление должно стать широко известным населению, шокировать общество и создать атмосферу угрозы совершения террористического акта в любом месте, в любое время.

В качестве примера, можно указать гр.А, который занимался противоправной деятельностью; направлял на вербовку террористов через Интернет-сети. Гр.А даже создал электронную экстремистскую энциклопедию и призывал своих соратников к войне. Он привлёк в экстремистскую ячейку гр.Б, которому не было и 16 лет на момент ареста. На компьютере гр.Б. следователями были найдены пропагандистские ролики «Аль-Каиды», записи с пропагандой к «убийствам и разрушению», а также инструкция, как именно изготовить напалм, взрывчатку, детонатор и гранаты [61].

На сегодняшний день, ни Уголовный кодекс Российской Федерации, ни Федеральный закон «О противодействии терроризму» не формулирует определение понятия «кибертерроризм» [72]. По своей сути, кибертерроризм является преступным деянием,

совершаемым в информационной сфере, вследствие чего данное преступление должно быть квалифицировано по статьям из главы 28 УК РФ [73].

Но, если мы посмотрим с другой стороны, кибертерроризм – это подвид классического терроризма. При этом терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [72]. Именно поэтому, как нам представляется, его квалификация должна происходить по соответствующим статьям главы 24 УК РФ.

Список литературы:

1. Агапов А.Б. Информационное право: учебник. — М.: Юрайт, 2023.
2. Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. — М.: Норма, 2022.
3. Баранов В.М. Киберпреступность: понятие, виды, противодействие. — М.: Проспект, 2021.
4. Бойко А.И. Преступления в сфере компьютерной информации. — М.: Юрлитинформ, 2020.
5. Бурков А.Ю. Правовое регулирование интернета и цифровой среды. — М.: Статут, 2022.
6. Васильев В.А. Криминология: учебник. — М.: Юрайт, 2023.
7. Гаврилов Б.Я. Криминология: учебное пособие. — М.: Норма, 2021.
8. Дремлюга Р.И. Киберпреступность: международно-правовые аспекты. — М.: Инфра-М, 2020.
9. Ефремова М.А. Преступления в цифровой среде: уголовно-правовой анализ. — М.: Проспект, 2022.
10. Журавлев А.Л. Цифровизация общества и право. — М.: Юрайт, 2023.
11. Крылов В.В. Информационная безопасность и киберугрозы. — М.: КНОРУС, 2021.
12. Лопатин В.Н. Информационная безопасность личности, общества и государства. — М.: Юрист, 2020.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Абдуллаев Нозим Саодулоевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско - Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2278583, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

Амиралиев Сафарали Курбоналиевич
магистрант 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

CURRENT ISSUES IN COMBATING CRIME IN CYBERSPACE IN MODERN SOCIETY

Abdullaev Nozim Saoduloevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tel.: 992918250100, e-mail.: n.abdullaev.88@mail.ru

Amiraliev Safarali Kurbonalievich
Second-year master's student, full-time program, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tell.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия преступности в киберпространстве в условиях стремительной цифровизации современного общества. Анализируются основные виды киберпреступлений, особенности их совершения, а также существующие правовые и организационные механизмы борьбы с ними. Особое внимание уделяется вопросам совершенствования законодательства, международного сотрудничества и повышения уровня кибербезопасности.*

Annotation. *This article examines the current challenges of combating crime in cyberspace in the context of the rapid digitalization of modern society. It analyzes the main types of cybercrimes, the specifics of their commission, as well as the existing legal and organizational mechanisms for countering them. Particular attention is paid to improving legislation, strengthening international cooperation, and enhancing the level of cybersecurity.*

Ключевые слова: *киберпреступность, информационная безопасность, киберпространство, цифровизация, кибертерроризм, хакерские атаки, международное сотрудничество.*

Keywords: *cybercrime, information security, cyberspace, digitalization, cyberterrorism, hacker attacks, international cooperation.*

Современный этап развития общества характеризуется активным внедрением информационных технологий во все сферы жизнедеятельности. Цифровизация экономики, государственного управления и социальной сферы способствует повышению эффективности процессов, однако одновременно порождает новые угрозы, связанные с ростом преступности в киберпространстве.

Киберпреступность становится одной из наиболее динамично развивающихся форм противоправной деятельности, представляя серьёзную угрозу как для отдельных граждан, так и для государства в целом.

Другим вопросом частого использования указанных технологий является аспект их применения для реализации личных прав граждан, в том числе и в том случае, когда речь идет об обоснованности влияния определенных отношений на общие условия сосуществования. В таком случае, цифровая коммуникация становится проводником к различным услугам и товарам, распространяемым за счет так называемого киберпространства - пространства использования средств сетевой индустрии (телефонов, смартфонов, планшетов), направленного на получение необходимой информации и использования ее в личных целях. Безусловно, с приумножающимися возможностями растут и риски, часть из которых формируется посредством личной неосторожности граждан-участников киберпространства и пользователей.

В свою очередь, современное общество определяет киберпреступность, как одну из величайших угроз, стоящих перед мировым сообществом. В то время как на правительственном уровне основное внимание уделяется национальной безопасности, общественной безопасности и экономическому процветанию, отдельные лица обеспокоены предотвращением киберпреступности в том, что касается защиты их личной информации.

Киберпреступники могут заражать компьютеры ошибками и вредоносными программами, чтобы нанести вред устройствам, или чтобы помешать им работать, они также могут использовать вредоносные программы для удаления или получения информации. Один из популярных видов киберпреступности запрещает клиентам использовать устройство или сеть. Или мешает бизнесу предоставлять услуги по продукту своим клиентам. Это известно, как атака «Отказ в обслуживании» (DoS). Распространяемые DoS - атаки (DDoS) — это разновидность кибератак, которые преступники используют для взлома системы, или для того, чтобы нанести вред организации. Иногда подключенные устройства Интернета (internet of things) используются для отправки DDoS - атак. DDoS - атака подавляет систему, используя одно из стандартных соглашений о связи. Он использует эти соглашения для рассылки спама системе с запросами на подключение.

Проблематика интернет-мошенничества представляет собой относительно молодое, но высоко актуальное направление в рамках криминологической практики. В ходе научного анализа обнаруживается, что даже в странах, находящихся на передовом рубеже технологического прогресса, формирование соответствующих нормативных и правовых подходов к интернет-мошенничеству началось лишь в период с 70-х по 80-е гг. XX в. Это

связано с эмпирическим восприятием нового явления и неотложной потребностью в создании адекватных механизмов реагирования на вновь возникающие киберпреступления.

В указанный период отдельные страны уже проявляли определенные попытки внедрения административно-правовых и уголовно-правовых мер ответственности за действия, содержащие признаки интернет-мошенничества. Тем не менее, подобные меры имели дискретный характер и представляли собой реакцию на изменяющиеся криминальные сценарии, связанные с развитием информационных технологий.

Исследование этого периода является ключевым для понимания эволюции правового реагирования на интернет-преступности. Анализ существующих подходов и их прогрессивное развитие способствуют построению эффективных стратегий противодействия, а также формированию нормативных оснований для борьбы с современными проявлениями киберугроз. В данном контексте важно выявить не только изменения в сфере технологий, но и трансформации в правовых концепциях, направленных на предотвращение и реагирование на интернет-мошенничество.

При этом достаточно быстро интернет-преступность, в том числе, различные формы хищений и причинения имущественного ущерба, стали все больше приобретать трансграничный характер, что требовало, в том числе, и гармонизации национальных законодательств. Это привело к выработке на уровне ряда европейских стран первоначальных рекомендаций относительно перечня и признаков деяний, которые следует относить к группе компьютерных преступлений [1]. Данный период характеризуется интенсивным приложением усилий в вопросах поиска объединяющих факторов (понятий, параметров ответственности и т. д.), которые позволили бы эффективно реализовывать ответственность за киберпреступления. При этом первыми совместными рекомендациями европейских государств были сформулированы фактически два перечня (списка) деяний, которые должны быть криминализованы в национальных юрисдикциях.

В рамках первого списка формулировался «минимальный» набор криминальных деяний, которые запрещались (должны запрещаться) на территории ЕС:

♦ компьютерное мошенничество;

♦ повреждение компьютерной информации и компьютерных программ;

♦ компьютерных подлог;

♦ компьютерный саботаж;

♦ несанкционированный перехват информации в компьютерной сети;

♦ несанкционированный доступ к компьютерной сети;

♦ запрещенное копирование компьютерной информации или программ.

В данном аспекте примечательно, что интернет-мошенничество (в точной формулировке — «компьютерное мошенничество») стало фактически ключевым в списке деяний, сопряженных с киберугро-зами [2].

В рамках второго перечня, которому придавалось факультативное значение, на усмотрение национальных юрисдикций относилась криминализация таких деяний, как:

♦ компьютерный шпионаж;

♦ те или иные формы незаконного использования компьютера (в рамках совершения отдельных видов преступлений);

♦ изменение информации, компьютерных программ;

♦ несанкционированное применение защищенных компьютерных программ.

Следует в данном случае отметить, что понятие «компьютерное мошенничество», которому придавалось приоритетное значение в рамках первых рекомендательных документов, не тождественно в полной мере понятию интернет-мошенничества. Последнее мы рассматриваем как разновидность «традиционного» мошенничества, когда конститутивный способ обмана или злоупотребления доверием реализовывается мошенником в информационной системе (сети, ресурсе и т. д.). Под компьютерным мошенничеством изначально понимался более широкий спектр деяний, которые связаны с причинением имущественного ущерба: здесь в гораздо более типичной форме выступают действия злоумышленника, который посредством тех или иных манипуляций в сети причиняет вред собственнику имущества. Фактически в большей степени принимаются во внимание признаки тайного хищения, а не мошенничества. В таком виде криминализация встречается гораздо чаще, нежели обособленное оформление именно интернет-мошенничества. Действующее уголовное законодательство всех стран ближнего зарубежья

(будет проанализировано далее) к настоящему времени содержит более или менее подробные перечни преступлений, которые совершаются в киберпространстве, причем, чаще всего они сконструированы в рамках самостоятельных глав уголовных законов.

Разд. IX Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 31 января 2002 г. № 56/261 «Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» получил наименование «Меры по борьбе с преступлениями, связанными с использованием высоких технологий и компьютеров» [3]. В качестве национальных мер указанной Резолюцией отмечались, в частности, следующие:

1) криминализация различных форм неправомерного использования информационных технологий. При этом особо отмечалась необходимость пересмотра составов таких преступлений, как мошенничество (т. е. тяготеющих именно к использованию ресурсов информационных ресурсов);

2) необходимость выработки механизмов для реализации уголовной ответственности в случаях, когда совершение преступления имеет отношения к различным национальным юрисдикциям;

3) рекомендация по обучению и оснащению сотрудников правоохранительных органов в вопросах выявления и расследования преступлений, связанных с использованием компьютеров и др.

В качестве международных мер предусматривались мероприятия Центра по международному предупреждению преступности, на который возлагались функции по:

♦ поддержке исследовательской деятельности в данном направлении;

♦ разработке рекомендаций, руководств, принципов, типовых законов;

♦ оказанию помощи государствам, нуждающимся в технической и иной помощи и др.

Большинство национальных юрисдикций к настоящему времени демонстрируют как практику взаимодействия с транснациональными структурами (Интерпол), так и создание национальных специальных правоохранительных служб, деятельность которых непосредственно связана с расследованием преступлений, сопряженных с использованием информационных систем и технологий: Национальное подразделение по борьбе с киберпреступностью (Соединенное Королевство); Агентство национальной безопасности (США); Австралийский центр преступности в сфере высоких технологий при Федеральной полиции Австралии; Подразделение по борьбе с киберпреступностью (Греция); Группа по расследованию киберпреступлений (Индия, Мумбаи); Департамент киберполиции (Япония) и др. [4].

Специальные подразделения создавались и в виде трансграничных организаций, на которые возлагались соответствующие правоохранные функции в вопросах обеспечения кибербезопасности. Так, Европейский союз организовал сеть правоохранительных органов «Европейский центр киберпреступлений» (European cybercrimecentre или «EC-3»), который включил десять самостоятельных подразделений, на которые было возложено осуществление анализа статданных, разработка специальных способов выявления и поимки киберпреступников, а также их непосредственная поимка и привлечение к ответственности [5].

По пути специализации правоохранительной деятельности в рамках противодействия преступности в сфере «высоких технологий» пошел и Казахстан, где созданы так называемые отделы «К» при департаментах полиции. В сферу их деятельности включены исключительно составы преступлений в сфере информатизации и связи, а также деяния, связанные с использованием сети Интернет при совершении отдельных преступлений (например, при распространении порнографических материалов с изображением несовершеннолетних), а также интернет-мошенничество.

Анализ первых и последующих международных документов, касающихся вопросов противодействия преступности в сфере «высоких технологий», свидетельствует о том, что основной акцент изначально устанавливался на мерах обеспечительного, организационного характера, которые должны привести к консолидации усилий правоохранительных структур различных государств.

При этом, несмотря на наличие рекомендаций относительно необходимости криминализации соответствующих признаков в контексте традиционного состава мошенничества, авторы недавних исследований совершенно справедливо отмечают, что соответствующие уголовно-правовые нормы в большинстве стран «характеризуются весьма

общим определением компьютерного мошенничества — как действия, совершаемого с компьютерной информацией с корыстной целью, причинившего вред собственнику или иному владельцу имущества» [6].

В плане общей оценки следует отметить, что большинство вариантов регламентации ответственности за интернет-мошенничество не связывают ее с фактом именно незаконного воздействия на информационный ресурс (в случае его установления возможна квалификация по совокупности преступлений против собственности и информационной безопасности). В рамках наиболее строгих подходов (например, в уголовном законодательстве Новой Зеландии) имеются варианты формулировки уголовно-правовых норм по превентивному принципу.

Так, в соответствии со ст. 250 «Повреждение или вмешательство в компьютерную систему» Закона Новой Зеландии «О преступлениях» 1961 г. (размещена в главе о преступлениях против права собственности) предусматривается наказание от семи до десяти лет уже за сам факт совершения виновным лицом действий в целях завладения имуществом (т. е. даже до момента появления реальной возможности им распорядиться).

Учитывая то обстоятельство, что первоначально с угрозами киберпреступности столкнулись наиболее развитые в технологическом отношении страны, они закономерно стали лидерами в вопросах выработки первоочередных стратегий борьбы с данными видами преступлений. Так, в июне 1996 г. в городе Лион состоялся саммит-8», по итогам которого был выработан Регламент № 16, непосредственно посвященный вопросам криминализации и наказуемости деяний, которые совершаются с помощью использования информационных технологий. Именно в рамках его решений образовалась так называемая «Лионская группа», ставшая одним из лидеров в вопросах противодействия киберпреступности.

До настоящего времени основным международным документом, который выработан в рамках противодействия киберпреступлениям, является Конвенция ЕС «О киберпреступности» от 23 ноября 2001 г. (так называемая Будапештская конвенция) [7]. Учитывая то обстоятельство, что ко времени ее разработки и принятия уровень киберпреступности в мире приобрел уже деструктивные масштабы, а ущерб от соответствующих преступлений стал составлять критические объемы ВВП многих стран, положения данной Конвенции отличаются высокой строгостью, вплоть до возможности правоохранительных органов одной страны вмешиваться в информационные ресурсы другой страны и принимать необходимые решения, независимо от согласия соответствующей юрисдикции.

В соответствии с указанной Конвенцией, выделены пять основных групп киберпреступлений, которые должны иметь четкую форму криминализации в национальных законодательствах.

Во-первых, это преступления, посягающие на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных данных и систем (вмешательство, перехват, незаконный доступ в систему).

Во-вторых, отдельно были выделены преступления, в механизме которых манипуляция с информационными ресурсами выступала в качестве способа совершения преступлений (в том числе, «компьютерное мошенничество», различные формы искажения информации, подлога, фальсификации и т. д.).

В-третьих, особо отмечались преступления, в которых имеет место недопустимый контент, распространяемый в информационных сетях (в частности, порнографические материалы с изображением детей).

В-четвертых, были особо отмечены в качестве самостоятельной группы криминальные посягательства, совершаемые с использованием информационных систем и сопряженные с демонстрацией, призывами к расизму, ксенофобии и другим подобным явлениям.

В-пятых, выделялась также группа преступлений, которые были связаны с нарушением авторского и смежных с ним прав в рамках информационных систем.

К настоящему времени вопросы выработки универсального документа (на уровне ООН), касающегося вопросов противодействия киберпреступлениям, в том числе, и интернет-мошенничествам, еще не получили окончательного решения.

При этом еще в 2010 г. в Бразилии прошел 12-й Конгресс ООН, на котором активно обсуждались вопросы борьбы с компьютерными преступлениями, обеспечением безопасности государств мирового сообщества от киберугроз. На указанном конгрессе уже

отмечалось, что назрела необходимость в выработке глобального документа, который был бы направлен на противодействие киберпреступности во всех странах мирового сообщества [8].

Причем, здесь следует учитывать, что различный уровень технологического развития стран приводит к заметному дисбалансу и в уровне защиты от угрозы преступных посягательств, связанных с использованием возможностей информационных систем. Кроме того, понятие «киберпреступление» неизбежно подверглось трансформации, поскольку степень внедрения в жизнь современного человека информационных технологий к настоящему времени резко возросла в сравнении с той, которая имела место на момент первоначальной актуализации вопроса. В настоящее время многие факты интернет-мошенничества, в целом, уже не могут быть отнесены к понятию киберпреступности. В качестве более верного определения уже будет их отнесение к преступлениям, совершаемым с применением информационных технологий (систем, сетей, устройств и т. д.).

В завершение настоящего исследования, посвященного эволюции правового реагирования на интернет-мошенничества необходимо подчеркнуть важность проанализированных событий и их влияние на современную криминологическую практику. Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно динамики формирования правовых механизмов в ответ на новые вызовы, связанные с развитием информационных технологий.

Несмотря на активное развитие средств защиты информации, противодействие киберпреступности сталкивается с рядом существенных проблем:

Нормативно-правовая база зачастую не успевает за стремительным развитием технологий, что затрудняет квалификацию преступлений и привлечение виновных к ответственности.

Киберпреступления могут совершаться из любой точки мира, что усложняет процесс противодействия и требует координации усилий различных государств.

Эффективная борьба с киберпреступностью требует высококвалифицированных кадров в области информационной безопасности.

Многие преступления остаются нераскрытыми из-за сложности их обнаружения и нежелания потерпевших обращаться в правоохранительные органы.

Для повышения эффективности борьбы с преступностью в киберпространстве необходимо:

1. совершенствовать национальное законодательство в сфере информационной безопасности;
2. развивать международное сотрудничество и обмен информацией между государствами;
3. внедрять современные технологии защиты данных;
4. повышать уровень цифровой грамотности населения;
5. усиливать подготовку специалистов в области кибербезопасности.

Таким образом, киберпреступность представляет собой серьёзную угрозу современному обществу, требующую комплексного подхода к её предупреждению и пресечению. Эффективное противодействие возможно лишь при условии объединения усилий государства, частного сектора и международного сообщества, а также постоянного совершенствования правовых и технических механизмов защиты информации.

Список литературы:

1. Recommendation № R (95) 13 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member States for the 11 concerning problems of criminal procedural law connected with Information Technology (adopted by the Committee of Ministers on 11 September 1995 at the 543 rd meeting of the Ministers' Deputies). Strasbourg, 1995.
2. Побегайло А. Э. Борьба с киберпреступностью: учеб. пособие. М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2018.
3. Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: принята в г. Нью-Йорке на 93-м пленарном заседании 56-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31 января 2002 г. № 56/261 Электронный ресурс. Режим доступа // URL://https://e-

ecolog.ru/docs/SO_2cfcPHUefe7PjGX64j?utm_refer-rer=https%3 A%2F%2Fyandex.kz%2F. (дата обращения: 05.04.20026г)
4. Сабадаш В. П. Специальные подразделения и организации по борьбе с интернет-мошенничеством в различных государствах мира // Библиотека криминалиста. - 2013. - № 5 (10). - С. 328-338.
5. Киселев А.К. Киберпреступность – взгляд из Европы // Библиотека криминалиста. - 2013. - № 5 (10). - С. 309-313.
6. Фролов Ф.Д. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
7. Конвенция Европейского Союза «О киберпре-ступности»: принята в Будапеште 23 ноября 2001 г. // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=301 70556. (дата обращения: 05.04.20026г).
8. Дубко М. Международное сотрудничество в сфере уголовно-правовой борьбы с неправомерным завладением компьютерной информацией Электронный ресурс. Режим доступа // URL:// http://www.crimeresearch.ru/articles/Dubko_0001. (дата обращения: 05.04.20026г).

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ГРУБО НАРУШАЮЩИХ МОРАЛЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИЦАМ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Абдуллаев Нозим Саодулоевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско - Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2278583, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

Джуразода Сайёхат Рахмудин
студентка 4-го курса очного обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

CHARACTERISTICS OF CRIMES GROSSLY VIOLATING MORALITY IN RELATION TO YOUNG PERSONS

Abdullaev Nozim Saoduloevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tel.: 992918250100, e-mail.: n.abdullaev.88@mail.ru

Jurazoda Sayyokhat Rakhmudin
a fourth-year full-time student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tel.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности преступлений, грубо нарушающих нормы морали в отношении лиц молодого возраста. Анализируются основные виды таких преступлений, их социально-правовая природа, а также факторы, способствующие их совершению. Особое внимание уделяется проблемам правовой квалификации данных деяний и мерам их предупреждения.*

Annotation *This article examines the specific features of crimes that grossly violate moral norms in relation to young persons. It analyzes the main types of such crimes, their socio-legal nature, as well as the factors contributing to their commission. Particular attention is paid to the*

problems of legal qualification of these acts and to measures for their prevention.

Ключевые слова: *преступления против морали, несовершеннолетние, защита прав молодежи, нравственность, профилактика преступности, правовое регулирование.*

Keywords: *crimes against morality, minors, protection of youth rights, morality, crime prevention, legal regulation.*

Законодательство Республики Таджикистан, как и зарубежные страны, сферу половых отношений ставит под особую охрану, устанавливая за деяния, посягающие на половую свободу или половую неприкосновенность лица, уголовную ответственность.

В ст. 2 Конституции страны предусмотрено, что человек, его права и свободы являются высшей социальной ценностью [1]. Положения Конституции базируются на признании приоритета человека, его основных прав и свобод, и в первую очередь на положениях Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В ней провозглашаются незыблемыми личные права человека и предлагаются эффективные механизмы их реализации. Одной из задач уголовного законодательства является охрана жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина. Она, по существу, представляется основной его миссией.

Неприкосновенность и свободы личности – одно из приоритетных направлений государственной социально-правовой политики страны. «…Защита прав и свобод человека и гражданина. Являются первостепенными задачами правовой политики суверенного Таджикистана…». Как справедливо отмечает уголовная политика – это государственная мудрость, основанная на уголовной статистике, против которой бессильна всякая статистика, которая имеет своей целью действовать на внешние условия преступлений таким образом, чтобы, видоизменяя их характер, изменить тем самым характер воли и парализовать ее злое намерение». Сущность правовой политики составляют высшими ценностями права и свободы человека, а также их защита [4].

Конституционно закрепленные положения нашли свое отражение в уголовном законодательстве. Половая свобода и половая неприкосновенность личности являются объектами уголовно правовой охраны. Посягательства на указанные объекты обладают высокой степенью общественной опасности. В связи с этим наиболее общественно опасные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности - изнасилование и насильственные действия сексуального характера приобретает особое значение.

Половые преступление - это предусмотренные нормами гл. 18 УК РФ (ст.ст. 131 - 135) и гл. 18 УК РТ (ст.ст. 138-142) умышленные общественно опасные деяния, направленные против половой свободы и половой неприкосновенности личности[3].

Помимо прямого физического и психического вреда они причиняют весьма существенные «отложенные» последствия, оказывая негативное влияние на половое и нравственное развитие личности, вызывая сложности в создании семьи и деторождении, способствуя десоциализации жертвы и т.д. В силу этого они составляют предмет постоянного и пристального внимания правотворческих, правоприменительных органов и научного сообщества.

Преступления, грубо нарушающие мораль в отношении лиц молодого возраста, включают действия, посягающие на половую неприкосновенность и нравственное развитие. Они часто совершаются совершеннолетними, могут сопровождаться насилием или быть направлены на развращение, причиняя тяжелый психологический вред.

В Уголовном кодексе Российской Федерации и Республики Таджикистан преступления, грубо нарушающие мораль в отношении лиц молодого возраста, включают насильственные действия сексуального характера ст. 132 УК РФ ст. 139 УК РТ, изнасилования ст. 131 УК РФ и ст. 138 УК РТ, а также развратные действия без применения насилия ст. 133 УК РФ и ст. 142 УК РТ[3].

Деяние в данном составе преступления состоит в активных действиях, состоящих в форме психического принуждения (угрозы), направленных на понуждение лица вопреки его воле и желанию совершить действия сексуального характера. Понудить - означает заставить совершить какие-либо действия. Однако не всякое понуждение образует состав данного преступления, а лишь совершенное с использованием указанных в законе способов: а) шантажа; б) угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества; в) материальной или иной зависимости потерпевшего.

Характер угрозы отличает это преступление от изнасилования. При изнасиловании виновный угрожает физическим насилием, а при понуждении к действиям сексуального характера - разглашением позорящих сведений, уничтожением, повреждением или изъятием имущества или ущемлением материальных или иных интересов потерпевшего (потерпевшей). При изнасиловании угроза является непосредственной, а в данном преступлении ее осуществление возможно в будущем.

Под шантажом понимают угрозу разгласить сведения, позорящие потерпевшего (потерпевшую) или его близких, в разглашении которых лицо не заинтересовано. Сведения могут быть как истинными, так и ложными. В случае реального разглашения заведомо ложных сведений, порочащих другое лицо, содеянное образует совокупность со ст. 129 УК РФ.

Понуждение к действиям сексуального характера, совершаемых путем угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества, не охватывает реального осуществления угрозы. В случае реального осуществления указанных действий необходима квалификация по совокупности ст. 133 УК РФ и соответствующих статей о преступлениях против собственности [4].

Материальная зависимость означает, что потерпевший полностью или частично находится на иждивении виновного или, например, проживает на его жилой площади. Иная зависимость может быть, например, служебной, когда потерпевший подчинен или подконтролен виновному по службе, или же возникнуть в процессе обучения между преподавателем и учеником, или между потерпевшим и должностным лицом, управомоченным совершить действия должностного характера в интересах потерпевшего. Использование материальной или иной зависимости с целью совершения полового сношения, мужеложства, лесбиянства или осуществления иных действий сексуального характера образует понуждение лишь в тех случаях, когда виновный угрожает ущемлением законных интересов потерпевшего, например увольнением с работы, понижением зарплаты, лишением жилища, отказом поставить положительную оценку при наличии необходимых знаний, а не обещает предоставить льготы и преимущества. Одно лишь предложение совершить указанные в ст. 133 УК Ф действия при наличии материальной и иной зависимости не образует состава данного преступления.

Преступление является оконченным с момента понуждения к действиям сексуального характера. Согласие или отказ потерпевшего совершить указанные действия, а также реальное их осуществление с лицом, достигшим 16 лет, не влияют на квалификацию содеянного.

Решая вопрос о насильственных действиях сексуального характера, следует отметить, что статья 139 в УК Республики Таджикистан новая и предусматривает ответственность за мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные с применением насилия, угроз насилием к потерпевшему (потерпевшей) или к их близким или с использованием беспомощного состояние потерпевшего (потерпевшей).

Преступные действия могут выразиться как в имитации полового акта, так и других действиях, затрагивающих половые органы мужчины или женщины или иные части тела и совершаемых с целью удовлетворения сексуальных потребностей.

В отличие от изнасилования и насильственных действий сексуального характера меняется способ воздействия на потерпевшего. Момент окончания, в отличие от изнасилования и насильственных действий сексуального характера, смещен на более ранний этап и не связан с началом полового акта, лесбиянства, мужеложства, иных действий сексуального характера. Субъект может быть лицо мужского или женского пола, достигшее 16 лет. При изнасиловании субъект специальный. Им может быть только мужчина, достигший 14 лет. Женщина может являться лишь соисполнителем изнасилования, если она применяет насилие с целью преодоления сопротивления потерпевшей при групповом изнасиловании. Как мужчина, так и женщина может выступать соучастником изнасилования в роли организатора, подстрекателя или пособника. При насильственных действиях сексуального характера субъектом может быть лицо мужского или женского пола, достигшее 14 лет.

Понуждение и последующее половое сношение с лицом, заведомо не достигшим возраста 16 лет, следует квалифицировать по совокупности ст. 133 и 134 УК РФ, а при понуждении, соединенном с совершением развратных действий в отношении лица, заведомо не достигшего 16 лет, - по ст. 133 и 135 УК РФ[4].

Мотив и цель не являются обязательным признаком состава изнасилования. Обычно

изнасилование совершается с целью удовлетворения сексуальной потребности, то есть по сексуальным мотивам. Встречаются и иные мотивы совершения изнасилования: ревность, хулиганский мотив из мести за нежелание женщины вступить в брак, а также «изнасилования по найму», совершаемого из корыстных побуждений.

Список литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (в ред. референдума от 26.09.1999 г., от 22.06.2003 г., от 22.05.2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213 (дата обращения: 20.03.2024).
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2021 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj›show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 20.03.2024).
3. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 //Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст.2954. (с последующими изменениями и дополнениями).
4. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 года, №1005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj›show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 20.03.2024).

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Давлатов Аминджон Рустамович
Магистрант 2-го года обучения очного отделения юридического факультета
Российско-Таджикского Славянского университета (РТСУ)
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: rafedra.ugolovnaya@mail.ru

STRUCTURE OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL

Davlatov Aminjon Rustamovich
A second-year full-time Master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik Slavonic University (RTSU)
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+99237) 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена изучению понятия «личность преступника» в отечественной и зарубежной криминологической науке. Раскрываются социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки структуры личности современного преступника. Уделено внимание типологии личности и классификации преступников.*

Annotation: *The article is devoted to the study of the concept of “personality of a criminal” in domestic and foreign criminological science. The socio-demographic, moral-psychological, and criminal-legal characteristics of the modern criminal's personality structure are revealed. Attention is paid to personality typology and criminal classification.*

Ключевые слова: *личность преступника, правонарушение, преступление, преступное поведение, состав преступления, субъект преступления.*

Key words: *personality of the criminal, offense, crime, criminal behavior, elements of the crime, subject of the crime.*

Как было замечено, правовой основой для рассмотрения лица как личности преступника является совершение им преступления. Кроме того, это понятие обязательно включает в себя не только правовые признаки субъекта преступления, но охватывает и социальную сущность человека. Эта сторона личности преступника может быть выяснена лишь при системно-структурном анализе ее признаков, свойств и качеств.

То есть вопрос о структуре личности – это вопрос о тех качествах, признаках, связях, образующих преступное поведение, которые объединяются в ряд элементов.

Преступное поведение характерно для личности, как правило, на отдельном этапе ее жизни. Нет «преступной личности», а тем более не может быть таковой, постоянно характерной для одного и того же человека. Допустимы, в связи с этим следующие оценки: один человек еще не стал преступной личностью, хотя поведение его имеет общественно опасный характер, другой был преступной личностью, но перестал быть ею, третий – и не был и не будет таковой. Следует помнить, что эти оценки носят и практическое значение, они могут быть использованы в профилактической работе.

При изучении механизма преступного поведения следует исследовать структуру личности преступника. Структура личности преступника отвечает на вопросы: из чего складывается личность преступника; какие признаки, свойства, связи характеризуют его. Иными словами, речь идет о криминологической характеристике личности преступника.

В литературе были высказаны различные соображения по этому вопросу. Общепризнанной ныне является следующая криминологическая характеристика преступника:

1. ***социально-демографические и уголовно-правовые признаки;***
2. ***социальные проявления в различных сферах общественной жизни;***
3. ***нравственные свойства;***
4. ***психологические особенности.*** [6, 97].

К социально-демографическим признакам относятся: пол, возраст, образование, социальное положение и род занятий, гражданство, семейное положение, принадлежность к городскому или сельскому населению и некоторые другие данные (материальное положение, жилищные условия и др.).

Эти признаки дают криминологическую информацию, имеющую важное научное и практическое значение (уголовная статистика). Так, данные о половом составе преступников характеризуют "удельный вес" в преступности мужчин и женщин, показывая значительное и притом устойчивое преобладание первых (85-90 %), сигнализируют о происходящих колебаниях в этом соотношении, указывают преступления, в которых доля женщин относительно больше. [3. с.59].

Уголовно-правовые признаки личности преступника – это данные о характере совершенного преступления, его направленности и мотивации, единоличном или групповом характере преступной деятельности, единоличном или групповом характере преступной деятельности, рядовой или организаторской роли в ней лица, о прошлой судимости или фактическом рецидиве преступления. Подобные признаки являются важнейшим критерием для суждения о личности виновного, о степени его

общественной опасности.

Для характеристики личности преступника весьма существенны ее проявления в различных сферах общественной жизни. Речь идет, в частности, о принадлежности преступника к определенным социальным группам, о его взаимоотношениях и взаимодействиях с другими людьми, учреждениями, организациями в семейной, производственной, общественно-политической, бытовой сферах человеческой практики (например, правонарушитель, труженик, семьянин и др.).

Нравственные свойства и психологические особенности личности позволяют распознавать внутреннее содержание, внутренний мир личности преступника. В этом плане особое значение имеют морально-политические, мировоззренческие и нравственные черты и свойства человека: взгляды, убеждения, оценки, жизненные ожидания и стремления, ценностные ориентации и т.п. Распространенным является мнение о том, что особенностью личности преступника является ее антиобщественная направленность, личностная установка.

Так, психология в числе первых компонентов психологической структуры называет направленность личности или избирательное отношение человека к действительности. Направленность включает различные свойства, систему взаимодействующих потребностей и интересов, идейных и практических установок. При этом одни из составных частей направленности доминируют и имеют ведущее значение, в тоже время как другие выполняют опорную роль. Доминирующая направленность определяет всю психологическую деятельность личности. Существо направленности, жизненной установки, ориентации личности выражается в достаточно устойчивом отношении данного лица к различным социальным ценностям. **Так, антиобщественная направленность личности преступника выражается:**

- в нежелании соблюдать общественный порядок;
- в неуважении к правам и свободам личности;
- в нежелании выполнять конституционные обязанности;
- непризнании неприкосновенности чужой собственности и принятие, т.е. в отрицательном отношении к людям и обществу. Эти отношения формируются на основе жизненной практики в конкретной микросреде (воспитания, влияний и т.п.) и, в свою очередь, находят проявление в различных чертах характера и поступках человека, в том числе и в преступлениях. [2, 76].

В ряде случаев, когда жизненная ориентация (направленность) имеет четкое и конкретное содержание, ярко выражены и целевые устремления, есть основание говорить об установке личности (в т.ч. и об антиобщественной установке). **Установка** – это комплексное понятие, характеризующее не одну сторону личности, а целостное ее состояние. Она выражается в склонности и направленности к совершению определенного рода действий. Установка оказывает влияние на отношение человека ко всем связанным с ним объектам. В свою очередь, она формируется под влиянием объективных условий и влияет на возникновение решения совершить преступление. Необходимо отметить, что впервые понятие антиобщественной установки как социально-психологической основы преступного поведения введено в криминологическую литературу А.Б. Сахаровым. Таким образом, структуру личности образуют три подсистемы, включающие, в свою очередь, более легкие подсистемы и компоненты личностных свойств субъекта преступления. **Это социально-демографическая, социально-ролевая (функциональная) и социально-психологическая.** [4,134] Вместе с тем, все многообразие этих качеств личности можно, в конечном счете, свести к двум моментам:

во-первых, это отношение к различным социальным и моральным ценностям, таким как закон, труд, собственность, семья, другие люди и прочее;

во-вторых, уровень, характер и социальная значимость и оценка испытываемых лицом потребностей и притязаний, а также избираемые им способы их удовлетворения (законные, незаконные, преступные).

Нельзя также упускать из виду интеллектуальные, волевые, эмоциональные характеристики личности, аномалии психических проявлений, состояние физического здоровья.

Процесс формирования личности всегда является достаточно противоречивым. В то же время, если этот процесс совершается в позитивном направлении, его результат будет благоприятен: рассогласованность и противоречия между личностью и средой, неизбежные в силу относительной самостоятельности человеческого существа, постепенно уменьшаются, сходят на нет, принимают такую форму, которая не препятствует активной деятельности человека.

Но при неблагоприятном нравственном формировании личности происходит обратное: возникает несоответствие между свойствами личности и требованиями окружающей действительности. Это относится, прежде всего, к таким категориям и свойствам личности, как потребности и интересы, нормы нравственности и представления о праве, привычные формы (стереотипы) поведения и их самооценка самим субъектом. В результате - субъект в полной мере не адаптируется к той окружающей социальной среде, в которой он должен жить и работать, общаться с другими людьми.

Наиболее острые противоречия и конфликты между групповой моралью и обществом возникают на основе расхождения между нравственными, правовыми и иными нормами общества и групповыми нормами, что проявляется в безнравственности, правонарушениях и преступлениях.

Центральное значение для формирования личности имеет ее семья, в которой приобретаются основные знания, первоначальное представление об окружающем мире, о нормах поведения. При этом в семье зачастую существует целый ряд обстоятельств, способствующих неблагоприятному нравственному формированию личности, как объективного (неполнота семьи, материальные затруднения, болезнь родителей и т.п.), так и субъективного характера (негативные нравственно-педагогические позиции членов семьи, низкий уровень воспитания).

Эти обстоятельства проявляются в вовлечении детей в преступную деятельность, в пьянство, попрошайничество, проституцию; в совершении родителями аморальных

проступков, преступлений; в существовании в семье антиобщественных взглядов, нравов, позиций; в нездоровой морально-психологической атмосфере, конфликтности; неправильной линии воспитания детей и в отсутствии вообще какого-либо воспитания.

Основными источниками криминологической информации являются сами обследуемые, их родители, дети и другие члены семьи, знакомые и соседи, близкие друзья и приятели, сослуживцы и товарищи по работе, представители администрации и общественных организаций, материалы уголовных дел, исправительно-трудовых учреждений. При изучении нравственно-психологических свойств личности преступника, его ценностных ориентаций и правосознания хорошие результаты дает применение специальных тестов.

В правоохранительных органах эта работа проводится в двух направлениях:

- изучение и анализ конкретной личности в связи с решением вопросов о привлечении к уголовной ответственности либо применении индивидуально-профилактического воздействия;

- изучение и анализ личности преступника для получения обобщенной, типичной характеристики различных категорий лиц, совершивших преступления.

Классификация конкретных социальных типов преступников весьма важна. Убийцы отличаются от воров, представляя собой специфический тип личности; мошенники – от “белых воротничков”, хотя последние могут применять методы мошенничества; расхитители имущества – от сексуальных насильников и т.д. Изучение типов личности тех, кто совершает преступления, требует разработки как общих, так и индивидуальных мер и методов предупреждения преступлений. Однако при всем этом следует иметь в виду временный характер нахождения в мундире личности преступника (иначе, зачем говорить об исправлении и перевоспитании преступников, ибо стабильное их нахождение в этом звании исключает все вопросы о возвращении человека в ряды полезных членов общества).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: введен в действие 21 мая 1998 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 1998. - № 9, ст. 68-69. – С.116-218.
2. Криминологические проблемы преступного поведения /Отв. ред. Ю.М. Антонян. - М., 1991. С.70-82.
3. Личность преступника и исполнение уголовных наказаний /Отв. ред. Ю.М. Антонян. - М., 2021. С. 59-64.
4. Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осужденных /Отв. ред. Ю.М. Антонян. - М., 2014, 2019. С. 133-138.
5. Личность преступников и индивидуальное воздействие на них /Отв. ред. Ю.М. Антонян. - М., 2019. С. 31-38.
6. Гилязев Ф.Г. Вина и криминогенное поведение личности: уголовно правовые, криминологические и социально-психологические черты. -М.,2018. 226 с.

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Муслимова Альбина Нурлановна
студент 2-го курса очного отделения магистратуры юридического факультета
Кыргызско-Российский Славянский университет
720065, Кыргызская Республика, г. Бишкек, проспект. Чуй, 42
тел.: 996 700 034-060, e-mail: albina_muslimova@inbox.ru

MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Muslimova Albina Nurlanovna
2nd year full-time Master's student of the law faculty
Kyrgyz-Russian Slavonic university
720065, Kyrgyz Republic, Bishkek, Chui Avenue, 42
tel.: 996 700 034-060, e-mail: albina_muslimova@inbox.ru

Аннотация. *В статье исследуются уголовно-правовые проблемы убийства матерью новорождённого ребёнка в Кыргызской Республике. Особое внимание уделяется вопросам определения начала жизни и критериев новорождённости, а также характеристике объективной стороны и субъекта преступления. Выявляются пробелы законодательства, включая неопределённость временных границ и правовой статус суррогатной матери. Обосновывается необходимость уточнения нормы путём установления чётких сроков и расширения круга субъектов для обеспечения единообразной правоприменительной практики.*

Annotation. *The article examines the criminal law issues of a mother killing newborn child in the Kyrgyz Republic. Particular attention is paid to determining the beginning of life and the criteria of a newborn, as well as to the characteristics of the objective aspect and the subject of the crime. The study identifies gaps in legislation, including the uncertainty of time limits and the legal status of a surrogate mother. The author substantiates the need to clarify the legal norm by establishing clear time frames and expanding the range of subjects in order to ensure consistent law enforcement practice.*

Ключевые слова: *убийство новорождённого, уголовное право, Кыргызская Республика, начало жизни, новорождённость, суррогатная мать.*

Key words: *infanticide, criminal law, Kyrgyz Republic, beginning of life, newborn status, surrogate mother.*

Проблема убийства детей, а в частности убийства матерью новорожденного ребенка относится к числу наиболее сложных и многогранных явлений современного мира.

Так, согласно части 1 статьи 25 Конституции Кыргызской Республики: «Каждый имеет неотъемлемое право на жизнь. Посягательство на жизнь и здоровье человека недопустимо. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [1, 76]. Это право охраняется и признается высшей ценностью.

Несмотря в целом на гуманистическое развитие общества, сравнительно редко, но продолжают фиксироваться случаи убийства матерью новорожденного ребенка, вызывая острый общественный резонанс.

На графике видно, что за период с 2020 по 2025 годы произошло значительное снижение уровня рассматриваемого преступления.

Актуальность исследования обуславливается тем, что это деяние имеет особую природу. Оно совершается в довольно специфический период - во время родов или сразу после них, то есть тогда, когда женщина может находиться в тяжелом психоэмоциональном состоянии.

Текущая редакция статьи 125 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее УК КР) содержит ряд неопределенностей, которые на практике создают сложности для

правоприменителя, требующие своего разрешения. Исходя из этого возникает потребность в адаптации данной нормы к современным реалиям.

Объектом преступления в исследуемом составе преступления является жизнь новорожденного ребенка. В уголовно – правовой науке имеются дискуссии на счет того, с какого момента начинается жизнь, и в частности, жизнь новорожденного. В юридической литературе до сих пор ведется спор по данному вопросу.

Так, С.А. Дружкова приводит три точки зрения, существующие в теории права, о том, что считать началом жизни: «1) определенный временной срок с момента зачатия, а поэтому посягательство на жизнь плода должно являться посягательством на жизнь человека; 2) момент начала жизни связывается с первым вздохом новорожденного и наступлением дыхания; 3) отсчет начала жизни новорожденного следует вести не только с момента отделения плода от утробы матери и начала самостоятельной жизни, но и во время рождения ребенка, не начавшего внеутробной жизни» [2, 142]. В свое время М. Д. Шаргородский считал, что отделение плода от утробы матери и есть момент начала жизни [3, 480]. Л.И. Глухарева устанавливает, что этот момент связан с появлением плода из тела матери [4, 25]. А.Н. Красиков связывает момент начала жизни с моментом перерезания пуповины [5, 10].

А.А. Снегирев, исследуя данный вопрос в уголовно - правовой доктрине, приходит к следующему: «Большинство исследователей моментом рождения и моментом, когда жизнь и здоровье человека становятся объектом уголовно - правовой защиты, считают появление из утробы роженицы какой-либо части тела ребенка, имеющего признаки жизни. По этому пути идет и правоприменительная практика. Таким образом, начало жизни в уголовном праве — это вторая стадия родов, а именно непосредственное появление плода. Необходимо также отметить, что моментом начала родов некоторые исследователи называют появление части тела ребенка и не принимают во внимание первую стадию родов - раскрытие шейки матки, которая может длиться 13-18 часов у первородящих и 10-11 часов у повторнородящих, тогда как вторая стадия - всего 1-2 часа и 30 минут - 1 час соответственно такой подход не может являться верным, поскольку не учитываются в полной мере медицинские аспекты. Как уже отмечалось выше, беременность оканчивается в момент начала родов, а рождением в уголовном праве признается появление плода, т.е. вторая стадия, а следовательно, вопрос уголовно - правовой защиты ребенка в первой стадии родов фактически остается не урегулирован законом» [6, 43]. Исходя из сказанного, начало жизни целесообразно связывать с отделением плода от организма матери, так как это совпадет с закрепленным медицинским пониманием рождения ребенка. При этом ребенок начинает жить и существовать вне тела матери.

«В педиатрии новорожденным признается младенец с момента констатации живорожденности до месячного возраста, в акушерстве длительность периода новорожденности признается равной 1-й неделе, в судебной медицине - 1м-суткам» [7, 9].

По рекомендациями ВОЗ В п. 5.7.1 МКБ-10 установлено, что рождение живым — это полное извлечение или изгнание из организма матери продукта зачатия, независимо от длительности беременности, если, после отделения от тела матери, продукт зачатия дышит или проявляет иные признаки жизни, такие как биение сердца, пульсация пуповины, движения или сокращения мышц, вне зависимости от того, перерезана ли пуповина или прикреплена плацента.

Что говорит по этому поводу законодатель Кыргызстана. Согласно приказу Минздрава КР №562 от 19 декабря 2003 г. «О внедрении в Кыргызской Республике критериев живорождения, рекомендованных ВОЗ», введен учет живорождения с 22 недель (ранее он велся с 28 недель).

Таким образом живорождением (и, соответственно, преждевременными родами, подлежащими регистрации) считается рождение ребенка при наличии следующих признаков:

-срок беременности: 22 недели;

-масса тела: 500 гр. и более (или менее 500 гр. при многоплодных родах);

-длина тела 25 см. и более (если масса тела неизвестна),

-признаки жизни: дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры. Продукт такого рождения считается живорожденным. В России также установлены такие же требования.

Однако в документах ВОЗ нет указания на массу тела (более 500 грамм), нет указания на период беременности (более 22 недель). ВОЗ говорит лишь о признаках жизни: дыхание,

сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры. В другом пункте документа ВОЗ 5.7.21 МКБ-10 установлено, что законодательные требования для регистрации смерти плода и рождения живым различаются от страны к стране, а иногда и внутри одного государства.

Таким образом, признаки живорожденного ребенка:

• самостоятельное дыхание,

• сердцебиение

• пульсация пуповины

• произвольные движения.

Рождение мертвым - смерть продукта зачатия до его полного изгнания или извлечения из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности; на смерть указывает отсутствие у плода после такого отделения дыхания или любых других признаков жизни, таких, как сердцебиение, пульсация пуповины или определенные движения произвольной мускулатуры [8, 628].

Следует помнить, что современные медицинские технологии постоянно развиваются.

Мы верим, что в обозримом будущем появится возможность выхаживать родившихся недоношенных детей.

К примеру, исследователи из Технического университета Эйндховена (Нидерланды) обещают представить первый прототип искусственной матки, который бы точно смог копировать организм матери, в течение пяти ближайших лет, что может решить вопрос о сохранении жизни плода в ситуации, которая расценивается сегодняшней медициной как выкидыш. Искусственная матка появится в больницах через 5 лет [9].

Для чего нам так важно установить живорождение. Для того чтобы четко определиться, когда уголовное право начинает свое действие по защите жизни. Когда применяются нормы о незаконном производстве аборта, а когда нормы об убийстве. Пока плод находится в утробе матери, он является частью ее организма и причинение ему вреда признается причинением вреда здоровью беременной женщины. И только после того, как он начал самостоятельную жизнь, попытки ее прекратить являются убийством или покушением на убийство. Если же плод вышел из чрева матери без признаков жизнедеятельности и если лицу об этом неизвестно, то подобные действия являются негодным покушением.

В ситуациях, когда убийство ребенка происходит свыше одного месяца, то деяние следует квалифицирвать по п.3 ч.2 ст. 122 УК КР, то есть как убийство лица находящегося в беспомощном состоянии, или ребенка.

Объективная сторона выражается:

-в активном физическом воздействии на организм новорожденного ребенка, приводящем к летальному исходу;

- умышленном отказе, например, от кормления ребенка или ухода за ним, с целью лишения жизни.

Следует установить наличие причинно-следственной связи между действиями виновной и смертью ребенка. Именно такая прямая причинная связь, в отличие от опосредованной или случайной, считается юридически значимым признаком состава.

Таким образом, объективная сторона данного состава формируется за счет активных или пассивных действий матери, наступление смерти новорожденного ребенка, а также причинной связи между ними.

Согласно диспозиции ст. 125 УК КР можно выделить три самостоятельных разновидности убийства матерью новорожденного ребенка:

а) во время родов или сразу же после родов - убийство совершается непосредственно в ходе родов или сразу после них (период от появления признаков жизни до завершения родовой деятельности). Данная разновидность охватывает случаи, когда лишение жизни новорождённого совершается непосредственно в процессе родов либо в краткий период сразу после их завершения. Речь идёт о временном промежутке от момента появления у ребёнка признаков жизни (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины, произвольные движения) до завершения родовой деятельности и ближайшего послеродового периода. Специфика этого вида декяния заключается в особом физиологическом и психоэмоциональном состоянии женщины. В период родов организм испытывает значительную физическую нагрузку, болевой стресс, гормональные изменения, что может существенно повлиять на её психическое состояние. Закон учитывает, что в этот момент

поведение женщины может быть обусловлено временным снижением способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, хотя полностью вменяемость не утрачивается. Именно поэтому законодатель выделяет данный случай в самостоятельный состав, отличающийся от общего состава убийства;

б) в условиях психотравмирующей ситуации - наличие внешних обстоятельств, которые дестабилизируют психику женщины и мешают ей адекватно оценивать реальность. Вторая разновидность связана с совершением преступления под воздействием психотравмирующих обстоятельств. Под такими обстоятельствами понимаются внешние факторы, оказывающие сильное негативное влияние на психику женщины и дестабилизирующие её эмоциональное состояние. Это могут быть, например, страх общественного осуждения, тяжёлое материальное положение, отказ отца ребёнка признать отцовство, давление со стороны родственников, внебрачная беременность, насилие и иные стрессовые ситуации. Психотравмирующая ситуация не тождественна физиологическому состоянию родов, а представляет собой совокупность обстоятельств, способных вызвать у женщины состояние острого эмоционального напряжения, тревоги, отчаяния. При этом она сохраняет вменяемость, однако её способность к полноценной оценке происходящего и контролю за поведением существенно ослабляется. Для квалификации по данной разновидности необходимо установить причинную связь между психотравмирующей ситуацией и совершением деяния;

в) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости - наличие расстройства, которое не лишает вменяемости, но влияет на способность полноценно контролировать свои действия. Третья разновидность характеризуется наличием у матери психического расстройства, которое не исключает её вменяемости, но влияет на способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Речь идёт о так называемой ограниченной вменяемости. К числу таких состояний могут относиться послеродовые депрессивные расстройства, невротические расстройства и иные психические нарушения, не достигающие степени психоза. Женщина формально признаётся вменяемой, однако её интеллектуально-волевая сфера функционирует с отклонениями, что отражается на её поведении.

Субъект преступления – специальный. Это мать новорожденного, достигшая шестнадцатилетнего возраста.

В уголовно-правовой литературе есть вопрос, на который хотелось бы обратить внимание. Это вопрос о признании субъектом убийства матерью новорожденного ребенка суррогатной матери. Некоторые авторы допускают ее возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 125 УК КР.

Суррогатная мать - женщина, которая по договору суррогатного материнства вынашивает и рожает ребенка, не являющегося носителем ее генотипа.

Есть интересное мнение австрийских ученых Х. Финлей и Дж. Сихомбинг которые считают, что «матерью ребенка, рожденного в результате имплантации эмбриона, женщину, родившую его только в том случае, если яйцеклетка была взята из ее организма. По их мнению, если же яйцеклетка взята из организма другой женщины, то матерью считается женщина, давшая яйцеклетку и имеющая с ребенком биологическую связь, а женщина, которая рожает, считается лишь своего рода инкубатором» [10, 13].

Согласно ч. 7 ст. 104 Закона КР «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике»: «Лицо/лица, заключившие договор на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, в случае рождения ребенка записываются его родителем/родителями в книге записей актов гражданского состояния» [11].

Значит у нас есть два критерия материнства – это фактический и легальный.

Если интерпретировать данную норму шире, то решающий фактор для признания женщины субъектом преступления становится физиологический акт родов, то есть фактический кртиреий материнства, что дает основания влючить суррогатную мать в данную категорию.

Из вышесказанного можно сделать следующие предложения и выводы.

1. Отсутствие четких временных границ «новорожденности».

Понятие «сразу же после родов» вынуждает суды субъективно оценивать длительность периода. Когда между родами и преступлением проходит 12-24 часа, правовая оценка

колеблется между специальной и общей нормой, приводя к существенной разнице в назначаемых сроках.

Следует установить конкретный временной порог, например, до 24 или 48 часов момента рождения. Внедрение этих изменений создаст условия для стабильной правовой практики и сократит вероятность ошибок на стадии расследования.

2. Обозначить правовой статус суррогатной матери как субъекта преступления.

Суррогатная мать подвержена тем же психофизиологическим нагрузкам, что и биологическая, включая те же самые гормональные сбои и риски психоза. Тем не менее, статус суррогатной матери в рамках ст. 125 УК КР остается предметом споров. Отрицание за ней роли специального субъекта несправедливо, так как отсутствие генетического родства заставляет суды применять п.3 ч.2 ст. 122 УК КР, фактически игнорируя реальное психоэмоциональное состояние женщины в момент преступления.

Представляется обоснованным расширить круг субъектов данной нормы, закрепив в ней статус суррогатной матери. Такой подход учитывает, что их психофизиологические реакции в процессе деторождения идентичны тем, что лежат в основе привилегированного состава.

С учетом выявленных пробелов, предлагается изложить ст. 125 УК КР в следующей редакции:

«Убийство матерью или суррогатной матерью новорожденного ребенка вовремя или сразу же после родов, в течение суток равным 24 часам, а равно убийство матерью новорожденного ребенка до одного месяца в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости…».

Внедрение предложенных правок создаст четкий юридический фундамент, что снимет спорные вопросы как у практиков, так и теоретиков права, обеспечив единство понимания данного состава преступления.

Список использованных источников

1. Конституция Кыргызской Республики - Б.: 2021. – С. 122.
2. Дружкова С.А. К вопросу о квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Наука в современном мире: теория и практика. - 2015. - № 1 (3). - С. 142-145.
3. Шаргородский М.Д. Курс советского уголовного права: Часть особенная. : учеб. / М.Д. Шаргородский. – Л.: 1973.
4. Глухарева, Л.И. Уголовная ответственность за детоубийство / Л.И. Глухарева. – М., 1984.
5. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. / А.Н. Красиков. – Саратов, 1996.
6. Снигирев А.А. Об уголовно-правовой защите человеческого плода в процессе внутриутробного развития и родов // Медицинское право. - 2009. - № 4. http://lawlibrary.ru/article2115830.html#:~:text=%D0%A1%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%80%D0%B5%D0%B2%20%D0%90.%D0%90.%20%D0%9E%D0%B1%20%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%2D%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D0%B5%20%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B0,%2D%20%D0%9C.:%20%D0%AE%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%2C%202009%2C%20%E2%84%96%204%20(28).
7. Эралиева Р.И. Рассмотрение судами дел по преступлениям против личности – г. Бишкек, 2019. – 72 с.
8. Методика проведения проверки полноты регистрации родившихся и умерших. Утверждена постановлением Национального статистического комитета Кыргызской Республики от 22 октября 2010г. №24)
9. https://hightech.fm/2019/10/10/mat
10. Richard B. Protection of Vulnerable Newborn Children: A Holistic Approach. 2009.
11. Закон Кыргызской Республики «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» от 12 января 2024 года №14. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-5260/edition/15886/ru?anchor=st_104 (дата обращения: 15.02.26)

ОТЛИЧИЕ ХИЩЕНИЯ ОТ ДРУГИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРИЧИНЯЮЩИХ МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ СОБСТВЕНИКАМ

Норимов Джахонбахт Куджмуродович
Магистрант 2-го года обучения очного отделения
юридического факультета
Российско-Таджикского Славянского университета (РТСУ)
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

THE DIFFERENCE BETWEEN THEFT AND OTHER CRIMES CAUSING MATERIAL DAMAGE TO OWNERS

Norimov Jahonbakht Kudzhmurodovich
A second-year full-time Master's student at the Faculty of Law
Russian-Tajik Slavonic University (RTSU)
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+99237) 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация. *В данной статье проанализированы основные отличительные черты преступлений против собственности, на основе которых можно провести разграничение смежных составов преступлений друг от друга.*

Также исследован вопрос предмета хищения. В главе 26 УК РТ предусмотрены преступления против собственности, авторы на основе действующего законодательства рассматривают преступления согласно двух группам корыстные и некорыстные посягательства на собственность. Подробно раскрыв отличия сходство статей.

Annotation. *This article analyzes the main distinguishing features of crimes against property, on the basis of which it is possible to distinguish related crimes from each other. The issue of the subject of the theft was also examined.*

Chapter 26 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan provides for crimes against property. Based on current legislation, the authors consider crimes under two categories: mercenary and non-mercenary attacks on property. Having revealed in detail the differences and similarities of the articles.

Ключевые слова: *корысть, насилие, преступление, собственность, субъект преступления, умысел, хищение.*

Key words: *greed, violence, crime, property, subject of the crime, intent, theft.*

Главное отличие хищения от иных имущественных преступлений заключается в наличии корыстной цели и безвозмездности изъятия имущества. Основные критерии, которые помогают провести черту:

- Направленность умысла: при хищении преступник хочет обратить чужое имущество в свою пользу или пользу других лиц. В иных преступлениях (например, уничтожении имущества) цель — причинить вред, а не обогатиться.

- Уменьшение имущественного фонда: хищение всегда влечет за собой **реальный ущерб** (имущество физически изымается). В таких составах, как «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» (ст. 165 УК РФ), ущерб выражается в **упущенной выгоде** (собственник не получил то, что должен был получить, но само имущество у него не забирали).

- Безвозмездность: хищение не предполагает эквивалентной замены. Если человек взял вещь, но оставил взамен её полную стоимость, это может квалифицироваться как самоуправство, но не как кража.

- Временный характер: если лицо берет вещь на время с целью последующего возврата (например, **угон** автомобиля без цели хищения), это не считается хищением, так как отсутствует намерение навсегда лишить собственника его

В отличие от других преступлений предметом хищения не могут служить предметы, хотя и обладающие объективной ценностью, но не созданные трудом человека. Так, естественные

природные богатства могут быть предметом их умышленного или неосторожного уничтожения либо повреждения, но не предметом хищения. Не могут быть предметом хищения имущества различные накладные, квитанции и другие документы, дающие право на получение имущества, так как сами по себе они не предоставляют материальной ценности. Противоправное завладение такими документами с целью получения по ним чужого имущества должно квалифицироваться как приготовление к хищению. Противозаконное завладение документами, не дающими право на получение имущества, образуют состав самостоятельного преступления, предусмотренного ст. 339 УК. Однако некоторые виды документов, предоставляющие определенные имущественные право без какого-либо дополнительного оформление (например, проездные билеты, талоны на горюче-смазочные материалы и т.п.), должны рассматриваться как предмет хищения.

Предметом хищения может быть как движимое, так и не движимое имущество. Так в последнее время на практике нередки случаи мошенничество, а порой – путем насилия или угрозы завладения приватизированными квартирами, что полностью подпадает под признаки хищение чужого имущества. [8, 53]

Глава 26 УК РТ предусмотрено преступление против собственности.

Предусмотренные действующим законодательством преступления против собственности можно разделить на две группы:

а) корыстные посягательства на собственность, для которых характерно преступное обогащение виновных за счет чужого имущества;

б) некорыстные посягательства, при которых материальный ущерб причиняется путем уничтожения, повреждения чужого имущества (ст. ст. 255 УК РТ и 256 УК РТ). При этом у виновных нет корыстной цели извлечения для себя либо для других, какой – либо материальной выгоды.

В свою очередь корыстные преступления подразделяются на две подгруппы:

а) корыстные посягательства, на собственность совершаемые путем хищения. К ним относятся - кража (ст. 244 УК РТ), присвоение и растрата (ст. 245 УК РТ), хищение средств, выданных в качестве кредита (ст. 246 УК РТ), мошенничество (ст. 247 УК РТ), грабеж (ст. 248 УК РТ), разбой (ст. 249 УК РТ), вымогательство (ст. 250 УК РТ), а также хищение средств фондов или документов, имеющих особую ценность (ст. 251 УК РТ) и хищение средств фондов иностранной помощи (ст. 257 УК РТ);

б) иные корыстные посягательства на собственность, не связанные с хищением. Эту подгруппу образуют угон автомобиля или иных транспортных средств без цели хищения (ст.252 УК РТ), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст.253 УК РТ), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст.254 УК РТ). Эти преступления объединяются с хищением по наличию корыстной цели, но они отличаются он него по способу совершения, последствиям и содержанию корыстной цели. То есть, нет изъятия из чужого владения имущества и завладения им виновным с целью безвозмездного присвоения, примеров может служить данный случай, вместо подвозки цемента на стройку водитель занимается в рабочее время шалашными работами – скажем, завозить на частные дома удобрения, за что берет определенную суму денег с граждан. В действиях водителя цель обогатиться налицо, но не путем присвоения (завладения) имущества предприятия, а посредством незаконного использования автомобиля для личной наживы. Поскольку нет безвозмездного завладения машиной с целью ее обращения в свою пользу или в пользу других лиц, то и материальный ущерб не может быть в виде утраты этого имущества. Материальный ущерб здесь выражается в ином, а именно в упущенной выгоде, в тех материальных потерях, которые предприятие понесло в результате износа автомобиля, расхода горюче – смазочных материалов, простой, вызванного отсутствием цемента.

Кража (ст. 244 УК РТ), имеет определение сходство с составом преступление предусмотренного ст. 252 УК РТ) угон автомобиля или иных транспортных средств без цели хищения. Их главное юридическое отличия заключается в том, что кража – это хищение, а преступление предусмотренных 252 УК РТ, как это прямо зафиксировано в названии и диспозиции статьи относится к числу иных корыстных преступлениях против собственности. Отсюда и фактические критерии их разграничения. При краже имущество изымается обязательно с корыстной целью, с целью обращения в пользу виновного или иных лиц, в судьбе которых виновный заинтересован материально. При угоне автомобиля или иных

транспортных средств, цель либо вообще не является корыстной (покататься, использовать автомашину для поездки, для совершения преступления и т.п.), либо удовлетворяется иными, чем при краже, способами (например, использование угнанной автомашины для извоза). [1, 41-42]

Кража имеет один основной и два квалифицированных состава, признаки, которых полностью совпадает с общими признаками хищения.

Присвоение и растрату, (ст.245 УК РТ) совершенные лицами с использованием своего служебного положения, не обходимо отличать от злоупотребления должностными полномочиями (ст. 314 УК РТ). При злоупотреблении субъект не всегда руководствуется корыстными мотивами, он может использовать свое служебное положение из иной личной заинтересованности (карьеризм, родственные отношения и т.д.). Хищение совершается только с корыстной целью поэтому, если по делу будет установлено, что лицо действовало не из корыстных побуждении, следует, вменят ст. 314 УК РТ). При корыстных мотивах разграничение проводится по признакам объективной стороны. Хищение выражается в изъятии имущество из фондов собственника. При злоупотреблении действия виновного не связаны с изъятием вверенного им имущество в свою пользу или пользу других лиц. Материальный ущерб в данном случае может выражаться как в упущенной выгоде, так и в прямом реальном ущербе, но без обращения имущество в свою пользу (расходование денег на устройство банкетов, приемов и т.п.).

Мошенничество (ст.247 УК РТ) соприкасается с составом преступления, предусмотренного ст. 253 УК РТ) причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Способ обогащения при этих двух преступлениях одинаков – использование обмана или злоупотребления доверием. Различается механизм обогащения. При мошенничестве происходит изъятие имущество, когда она уже находилось в фондах собственника, и преступник использует обман или злоупотребляет доверием собственника для извлечения имущество из этих фондов. Потерпевшему при этом причиняется прямой реальный ущерб, причиняя имущественный ущерб путем обмана или злоупотребление доверием, преступник не дает возможность поступить данному имуществу в фонды собственника, т.е. речь идет об ущербе в виде упущенной выгоды.

Грабеж (ст.248УК РТ) Отличия угона от грабежа. При угоне автомобилей и иных транспортных средств (ст.252 УК РТ) виновные также не редко действует, открыто и с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Но при грабеже они преследуют цель обращения похищенного имущества в свою пользу или в пользу других лиц, а при угоне такой цели нет.

По этим же признакам проводится отличие грабежа от хулиганство соединенного с посягательством на чужой собственность. При грабеже имущество изымается в пользу виновных, а при хулиганстве посягательство на собственность выражается в уничтожении или повреждении имущество из хулиганских побуждений.

Разбой (ст. 249 УК РТ) Отличие разбоя и бандитизма производится по следующим признаком. Основным непосредственным объектом разбоя выступает отношение собственности, основной непосредственный объект бандитизм – отношения по обеспечению общественной безопасности. Разбой может быть совершен как единичным исполнителем, как группой лиц, обязательным признаком банды является группа, причем только организованная. В составе разбоя группа лиц – квалифицирующий признак. Организованность и устойчивость группы является обязательным, конструктивным признаком бандитизма. Разбой может быть вооруженным и не вооруженным. Вооруженность группой – обязательный признак бандитизма. Под оружием в составе бандитизма понимается только предметы, специально предназначенный для поражения живой и иной цели, вооруженный разбой может быть не только с применением оружия в узком смысле слово, но иных предметов, используемых в качестве оружия. Разбой является формальным составом и закончен в моменте начала нападения. Бандитизм – усеченный состав преступления, момент его окончания связан с организации банды. Различаются цели данных преступлений. Разбой совершается только с корыстными целями, банда создается для нападения на предприятия, организации или отдельных граждан, причем как корыстными, так и с иными целями. Возраст уголовной ответственности за разбой – 14 лет, за бандитизм – 16 лет. В том случае, если разбойное нападение совершает устойчивая и вооруженная группа лиц, признаваемая

бандой, действия виновных идеальную совокупность преступления предусмотренных ст. 249 УК РТ и 186 УК РТ). [5, 87]

Вымогательство, (ст.250 УК РТ) совершенное организованной группой, не обходимо отличать от бандитизма. Банда – это всегда вооруженная и организованная группа лиц. В том случае, если вымогательство совершается устойчивой, вооруженной организованной группой действия виновных необходимо квалифицировать по совокупности ст. 250 и 186 УК РТ).

Таким образом, поскольку большинство составов хищений имеет материальный состав, то моментом их окончания признается приобретение преступным лицом возможности распорядиться похищенным, но исключением, как было показано выше, является разбой, как и иные составы с формальным составом.

Список литературы:

1. Аистова Л.С. Кража. Анализ состава преступления и проблемы квалификации: учебное пособие / Л.С. Аистова. - Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2019. 131 с. - ISBN 978-5-94201-575-6. - Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. - URL: http://www.iprbookshop.ru/9246.html (дата обращения: 12.05.2020).
2. Андрианова Е.Х. Методология исследования объективных, субъективных признаков разбоя: уголовно-правовые аспекты // Молодой ученый. 2016. №11(115). С. 456-463.
3. Бакрадзе А.А. Теоретические основы уголовно-правовой охраны собственности от преступлений, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием: монография / А.А. Бакрадзе. Москва: ЮНИТИ- ДАНА, 2017. 399 с.
4. Бурикова К.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика разбоя: дис. канд.юр.наук. Томск, 2017г, С. 97-104.
5. Вьюнов В. М. Разбой: уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд.юрид. наук / В.М. Вьюнов. - Томск, 2023. 120 с.
6. Гильманов Э.М. Некоторые правовые аспекты освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. А.Г. Безверхова. - Самара, 2018. С. 90-96.
7. Елисеев С.А. О незаконном проникновении в жилище, помещение или иное хранилище как квалифицирующий признак кражи, грабежа и разбоя. // Вестник Томского гос универа. Право. 2015. № 2(16). С. 49-55.
8. Лопашенко Н. А., Третьяк М. И. Преступления в сфере экономики. М.: Юрайт. 2024. 136 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ПРОВЕДЕНИЯ ОПЫТОВ НА ЧЕЛОВЕКЕ (СТАТЬЯ 147 УК КР)

Шамилова Карина Шамиловна
Студентка 3-го курса очного отделения юридического факультета
Кыргызско-Российский Славянский университет
Кыргызстан, Бишкек, +996 708 403 927, shamilovva.05@icloud.com

TOPICAL ISSUES AND WAYS TO IMPROVE THE LEGAL REGULATION OF ILLEGAL HUMAN EXPERIMENTATION (ARTICLE 147 OF THE CRIMINAL CODE OF THE KYRGYZ REPUBLIC)

Shamilova Karina Shamilovna
3rd-year full-time law students, Faculty of Law
Kyrgyz-Russian Slavonic University
Kyrgyzstan, Bishkek, +996 708 403 927, shamilovva.05@icloud.com

Аннотация. *В статье анализируются проблемы уголовно-правового регулирования незаконного проведения опытов на человеке по статье 147 УК Кыргызской Республики. Выявляются пробелы и противоречия, связанные с формулировкой нормы, отсутствием определения информированного согласия и критериев незаконности. Предлагаются пути*

совершенствования законодательства с учётом международных стандартов и необходимости защиты прав человека.

Annotation. *The article analyzes issues of criminal law regulation of illegal human experimentation under Article 147 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic. It identifies gaps and inconsistencies related to the wording of the norm, lack of informed consent definition, and unclear criteria of illegality. The paper proposes improvements based on international standards and the need to protect human rights.*

Ключевые слова: *незаконные эксперименты; права человека; информированное согласие; уголовное право; медицинские исследования; правовое регулирование; Кыргызская Республика*

Keywords: *illegal experimentation; human rights; informed consent; criminal law; medical research; legal regulation; Kyrgyz Republic*

Современный этап развития человечества характеризуется беспрецедентным ростом научно-технического прогресса, особенно в таких чувствительных сферах, как биомедицина, фармацевтика, нейротехнологии и генная инженерия. Разработка инновационных лекарственных препаратов, вакцин, методов диагностики и лечения невозможна без проведения клинических и медико-биологических исследований с участием человека.

Однако именно здесь возникает фундаментальный конфликт: с одной стороны – интересы науки и общества в развитии медицины, с другой – необходимость безусловной защиты прав и свобод человека. История человечества уже демонстрировала трагические последствия игнорирования этого баланса. Достаточно вспомнить Нюрнбергский процесс, в рамках которого были раскрыты ужасающие факты медицинских экспериментов над людьми без их согласия. Итогом стало формирование Нюрнбергский кодекс – первого международного документа, закрепившего принцип добровольного согласия как абсолютный.

В дальнейшем данный принцип получил развитие в Хельсинкская декларация и других международных актах, которые закрепили: интересы личности всегда превалируют над интересами науки и общества.

Однако проблема не осталась в прошлом.

Во-вторых, уже в более поздний период были зафиксированы случаи проведения медицинских экспериментов в ГДР, где, как установили журналистские расследования, клинические испытания проводились на пациентах по заказу фармацевтических компаний, иногда без надлежащего информирования и согласия, а в ряде случаев такие эксперименты заканчивались летальным исходом.

В-третьих, даже в научных исследованиях в области психологии имели место ситуации, когда участники фактически не знали, что становятся объектами эксперимента. Например, Эксперимент Хофлинга проводился без информированного согласия медицинского персонала, что вызвало серьёзную критику с точки зрения этики.

В-четвёртых, современные дискуссии вокруг клинических испытаний показывают, что риск злоупотреблений сохраняется и сегодня. В ряде стран общественность выражает обеспокоенность возможностью проведения исследований на уязвимых группах населения, включая детей и беременных женщин, что вызывает серьёзные этические споры.

Кроме того, развитие новых технологий, таких как генная инженерия и нейротехнологии, открывает принципиально новые возможности воздействия на человека, но одновременно создаёт и новые угрозы. Скандалы вокруг генетических экспериментов и внедрения инновационных медицинских технологий демонстрируют, что наука иногда опережает право, а значит – риск нарушения прав человека возрастает.

Таким образом, проблема незаконных опытов на человеке не является абстрактной или устаревшей. Она имеет реальные проявления в прошлом и сохраняет высокую степень актуальности в настоящем, требуя постоянного совершенствования правового регулирования и усиления гарантий защиты личности.

Статья 147 Уголовного кодекса Кыргызской Республики регламентирует ответственность за незаконное проведение опытов на человеке.

1.Совершенное без письменного согласия лица (его законного представителя) или иное незаконное проведение клинических исследований (испытаний) лекарственных средств и медицинских изделий, а равно медико-биологических, психологических или иных опытов либо исследований на человеке, повлекшее по неосторожности значительный вред, –

наказывается штрафом от 500 до 2000 расчетных показателей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы до двух лет.

2.То же деяние, причинившее по неосторожности тяжкий вред, –

наказывается лишением свободы от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3.То же деяние, причинившее по неосторожности особо тяжкий вред или совершенное в отношении ребенка или недееспособного, или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, – наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет [2].

Для более глубокого понимания содержания статьи 147 УК КР необходимо рассмотреть элементы состава преступления.

Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья человека, его телесную неприкосновенность, а также право на свободное и осознанное волеизъявление в сфере медицинского вмешательства. Дополнительным объектом является достоинство личности.

Объективная сторона преступления выражается в активных действиях, а именно в проведении клинических, медицинских, биологических, психологических и иных исследований на человеке. Обязательными признаками являются:

• отсутствие добровольного письменного согласия;

• незаконный характер эксперимента;

• наступление вреда здоровью различной степени тяжести;

• причинная связь между действием и последствиями.

Особое значение имеет формулировка «иное незаконное проведение», которая является оценочной и требует конкретизации в правоприменительной практике.

Субъект преступления специальный – лицо, обладающее профессиональными знаниями и допуском к проведению соответствующих исследований (врач, исследователь, фармаколог и др.). Однако в теории допускается возможность привлечения и иных лиц, фактически осуществляющих эксперимент.

Субъективная сторона преступления характеризуется двойной формой вины:

• умысел в отношении нарушения установленного порядка проведения эксперимента;

• неосторожность в отношении наступивших последствий.

Это делает данный состав сложным для доказывания на практике.

Мы считаем, что формулировка части 1 статьи 147 Уголовного кодекса Кыргызской Республики устанавливает ответственность за незаконное проведение клинических исследований, медико-биологических, психологических или иных опытов «без письменного согласия лица (его законного представителя)». Однако включение словосочетания «его законного представителя» вызывает существенные юридические сомнения и может привести к правовой неопределённости.

Во-первых, часть 1 статьи охватывает действия в отношении дееспособных лиц, которые, согласно действующему законодательству, самостоятельно обладают правом выражать или не выражать согласие на любые медицинские вмешательства, включая участие в исследованиях. Включение упоминания «законного представителя» в норму, применимую к таким лицам, искажает правовую природу согласия и может ввести в заблуждение. Возникает ложное впечатление, что даже совершеннолетний, психически здоровый человек нуждается в посреднике – хотя на практике и по закону это не так.

Во-вторых, такая формулировка нарушает внутреннюю логику самой статьи. В частях 2 и 3 уже описаны квалифицированные составы преступления – в том числе действия, совершённые в отношении ребёнка, недееспособного или заведомо беспомощного лица. Именно в этих случаях согласие должен давать законный представитель. Следовательно, нормативно и логически корректнее упомянуть представителя именно там, а не в общей норме, относящейся ко всем случаям.

В-третьих, подобная избыточность может вызвать затруднения в правоприменении. Следователи и суды при квалификации преступления могут ошибочно полагать, что необходимо устанавливать наличие или отсутствие согласия не только самого потерпевшего, но и какого-либо представителя лица. Это не только усложняет работу правоприменителей,

но и потенциально может стать аргументом защиты для лица, нарушившего закон, – особенно если будут предъявлены фиктивные или подложные документы о «согласии представителя».

Кроме того, такая правовая неопределённость противоречит духу и букве Конституции Кыргызской Республики, где в части 6 статьи 56 чётко указано: «Запрещаются медицинские, биологические, психологические опыты над людьми без их добровольного согласия, выраженного и удостоверенного надлежащим образом» [1].

Это означает, что право на согласие (и отказ) принадлежит самому человеку – дееспособному гражданину, а не его представителю.

Также следует отметить, что рассматриваемая сфера регулируется не только уголовным законодательством, но и Законом Кыргызской Республики «Об охране здоровья граждан». Однако данный нормативный акт, несмотря на свою значимость, также не содержит чёткого определения понятия «опыт» или «эксперимент на человеке», не раскрывает в полной мере критерии их допустимости и не устанавливает детализированные требования к процедуре проведения подобных исследований [3].

Таким образом, существующее отраслевое регулирование носит общий характер и не устраняет имеющиеся пробелы, что в совокупности с недостатками статьи 147 УК КР свидетельствует о необходимости более комплексного и системного совершенствования законодательства в данной сфере.

Помимо указанной проблемы, статья 147 УК КР содержит и другие существенные недостатки.

1.Отсутствие легального определения «эксперимента»

Закон не раскрывает, какие именно действия следует считать «опытом» или «исследованием». Это создаёт риск различного толкования и затрудняет разграничение с законной медицинской практикой [4, 142].

2.Неопределённость понятия «незаконное проведение»

Не ясно, включает ли это:

• отсутствие лицензии
• нарушение протоколов исследования
• отсутствие этического одобрения
• нарушение процедуры информированного согласия

3.Проблема информированного согласия

Закон требует письменного согласия, но не раскрывает его содержания. Между тем, международные стандарты предполагают, что согласие должно быть:

• информированным
• добровольным
• конкретным
• отзываемым в любой момент

4.Отсутствие дифференциации форм вины

Не всегда ясно, где проходит граница между преступной неосторожностью и допустимым профессиональным риском [5, 88].

5.Сложности доказывания причинной связи

В медицинской сфере установить прямую связь между экспериментом и вредом часто крайне сложно [6, 210].

Международное право выработало чёткие стандарты в данной сфере. В частности:

• Нюрнбергский кодекс закрепляет абсолютный приоритет добровольного согласия
• Хельсинкская декларация устанавливает требования к медицинским исследованиям
• Конвенции о правах человека предусматривают защиту физической и психической неприкосновенности

Во многих странах уголовное законодательство более детализировано и содержит:

• чёткие определения
• требования к процедурам
• специальные составы преступлений

Это показывает необходимость дальнейшего развития законодательства Кыргызской Республики [7, 67].

Для устранения выявленных противоречий, повышения эффективности правоприменения и приведения уголовно-правовой нормы в соответствие с

конституционными и международными стандартами предлагается комплексное совершенствование статьи 147 Уголовного кодекса Кыргызская Республика.

Во-первых, представляется необходимым исключить из части 1 статьи 147 УК КР словосочетание «его законного представителя». Данное положение является избыточным и юридически некорректным применительно к дееспособным лицам. Совершеннолетний гражданин, обладающий полной дееспособностью, самостоятельно реализует своё право на согласие либо отказ от медицинского вмешательства. Сохранение указанной формулировки фактически подрывает принцип автономии воли личности, создаёт риск неправильного толкования нормы и может привести к искажению её правоприменительного смысла. Удаление этой конструкции позволит сделать диспозицию нормы более точной, логически выверенной и соответствующей конституционному принципу личного согласия.

Во-вторых, целесообразно перенести указание на законного представителя в часть 3 статьи 147 УК КР. Именно в данной части закреплены квалифицированные составы, связанные с уязвимыми категориями лиц – несовершеннолетними, недееспособными и лицами, находящимися в беспомощном состоянии. В этих случаях участие законного представителя не только оправдано, но и необходимо как дополнительная гарантия защиты прав таких лиц. Перенос данной формулировки позволит устранить внутреннее противоречие нормы и обеспечить её логическую последовательность: общее правило – личное согласие, исключение – согласие представителя в строго определённых случаях. Также это будет соответствовать части 6 статьи 56 Конституции КР, которая запрещает проведение опытов без добровольного и надлежащим образом удостоверенного согласия.

В-третьих, требуется законодательное закрепление понятия «информированного добровольного согласия». На сегодняшний день закон ограничивается лишь указанием на письменную форму согласия, не раскрывая его содержания. Между тем в современной медицинской и правовой практике согласие признаётся действительным только при наличии ряда обязательных условий. Оно должно быть добровольным, то есть свободным от давления, принуждения или введения в заблуждение; информированным – лицо должно получить полную и достоверную информацию о характере исследования, его целях, возможных рисках, последствиях и альтернативных вариантах; осознанным – участник должен понимать значение своих действий; конкретным – согласие должно относиться к определённому исследованию; и, что принципиально важно, отзываемым в любой момент без каких-либо негативных последствий для лица. Закрепление данных критериев на законодательном уровне существенно повысит уровень защиты прав участников исследований и исключит формальный подход к получению согласия [8, 115].

В-четвёртых, необходимо уточнить признаки незаконности проведения эксперимента. В действующей редакции используется оценочное понятие «иное незаконное проведение», которое не имеет чёткого содержания. В целях правовой определённости следует конкретизировать, что незаконность может выражаться, например, в отсутствии лицензии на проведение исследований, нарушении утверждённых протоколов, отсутствии одобрения уполномоченного органа или этического комитета, сокрытии информации о рисках, а также в несоблюдении процедуры получения информированного согласия. Такая детализация позволит существенно облегчить квалификацию деяний и снизить риск произвольного толкования нормы [9, 34].

В-пятых, представляется необходимым ввести обязательное требование одобрения исследований этическими комитетами. В международной практике именно независимые этические комитеты играют ключевую роль в защите прав испытуемых. Они оценивают допустимость эксперимента, соотношение риска и потенциальной пользы, а также соблюдение прав участников. Данный подход закреплён, в частности, в Хельсинкская декларация. Введение подобного механизма на национальном уровне обеспечит дополнительный превентивный контроль и снизит вероятность злоупотреблений.

В-шестых, требуется разработка и принятие подзаконных нормативных актов, детально регламентирующих порядок проведения медицинских и иных исследований на человеке. Уголовно-правовая норма не может эффективно функционировать без чёткого отраслевого регулирования. Необходимо определить порядок допуска к исследованиям, требования к исследователям, процедуру получения согласия, правила фиксации и хранения данных, а также механизмы контроля со стороны государства. Это позволит создать системную и согласованную модель правового регулирования.

В-седьмых, следует усилить ответственность за фальсификацию согласия. На практике возможны случаи, когда документы о согласии оформляются формально либо подделываются. Такие действия подрывают саму идею защиты прав человека и фактически легализуют незаконные эксперименты. В этой связи целесообразно либо ужесточить санкции в рамках статьи 147 УК КР, либо предусмотреть специальный состав, предусматривающий ответственность за подлог или принуждение к даче согласия на участие в эксперименте.

Таким образом, предложенные меры носят комплексный характер и направлены не только на устранение конкретного дефекта правовой нормы, но и на формирование целостной системы защиты человека в сфере научных исследований. Их реализация позволит повысить уровень правовой определённости, усилить гарантии прав личности и обеспечить баланс между развитием науки и соблюдением фундаментальных прав человека.

Таким образом, статья 147 УК КР играет важную роль в защите прав человека, однако в её текущем виде содержит ряд существенных пробелов и противоречий.

Предлагаемые изменения позволят:

- повысить юридическую определённость нормы
- упростить правоприменение
- усилить защиту прав человека
- привести законодательство в соответствие с международными стандартами

И самое главное – обеспечить, чтобы научный прогресс не происходил ценой человеческого достоинства и свободы.

Список литературы:

1. Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года: (введена в действие Законом КР от 5 мая 2021 года) // Эркин Тоо. — 2021. — 11 мая. — № 42.
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики: от 28 октября 2021 года № 127: (введен в действие Законом КР от 28 октября 2021 года № 126) // Эркин Тоо. — 2021. — 16 ноября. — № 122–123.
3. Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике: Закон Кыргызской Республики от 12 января 2024 года № 14 // Эркин Тоо. — 2024. — 19 января. — № 5.
4. Акопов, В. И. Медицинское право: учебник и практикум для вузов / В. И. Акопов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 156 с.
5. Исаева, К. А. Проблемы квалификации преступлений против здоровья человека по уголовному законодательству Кыргызской Республики / К. А. Исаева // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. — 2022. — № 3 (111). — 194 с.
6. Капинус, О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом: сб. науч. тр. / О. С. Капинус. — Москва: Буки Веди, 2021. — 225 с.
7. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы взаимодействия / Н. Е. Крылова. — Москва: Зерцало-М, 2020. — 182 с.
8. Осмоналиев, К. М. Уголовное право Кыргызской Республики. Особенная часть: учебник / К. М. Осмоналиев. — Бишкек: Илим, 2022. — 123 с.
9. Сабитов, Т. Р. Уголовно-правовое регулирование медицинских экспериментов на человеке / Т. Р. Сабитов // Право и политика. — 2021. — № 4. — 241 с.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ЗАНЯТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ (НАРОДНОЙ) МЕДИЦИНОЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Дурсунова Румина Садыковна
Студент 3-го курса очного отделения юридического факультета
Кыргызско-Российский Славянский университет
Кыргызстан, Бишкек, +996 552 248 954, ruminadursunova1@gmail.com

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL PRACTICE OF TRADITIONAL (FOLK) MEDICINE IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Dursunova Rumina Sadykovna
Third-year full-time student, Faculty of Law
Kyrgyz-Russian Slavonic University
Kyrgyzstan, Bishkek, +996 552 248 954, ruminadursunova1@gmail.com

Аннотация. *Настоящая статья посвящена уголовно-правовому анализу ответственности за незаконное занятие традиционной (народной) медициной, предусмотренной статьёй 152-1 Уголовного кодекса Кыргызской Республики. Актуальность темы обусловлена ростом числа лиц, осуществляющих медицинскую деятельность без соответствующего разрешения, а также отсутствием чётких критериев разграничения допустимой традиционной практики и уголовно наказуемого деяния. В работе исследуется правовая природа традиционной медицины, анализируются условия её законного осуществления, рассматриваются проблемы правовой определённости и нормативной регламентации методов лечения. Особое внимание уделяется объективным и субъективным признакам состава преступления, вопросам конструкции состава (формальный или материальный), установлению причинно-следственной связи, а также особенностям формы вины при наступлении тяжких последствий. Выявляются существующие пробелы правового регулирования и сложности правоприменительной практики, включая высокий уровень латентности преступлений в данной сфере и трудности доказывания. На основе проведённого анализа формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и повышению эффективности защиты жизни и здоровья граждан.*

Annotation. *This article provides a criminal law analysis of liability for the illegal practice of traditional (folk) medicine, as provided for in Article 152-1 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic proper permission, as well as the lack of clear criteria for distinguishing between permissible traditional practices and criminally punishable offenses. This paper examines the legal nature of traditional medicine, analyzes the conditions for its legal implementation, and addresses issues of legal certainty and regulatory regulation of treatment methods. Particular attention is paid to the objective and subjective elements of the crime, issues of its construction (formal or substantive), establishing a causal relationship, and the specifics of the form of guilt in the occurrence of serious consequences. Existing gaps in legal regulation and the complexities of law enforcement practice are identified, including the high level of latency of crimes in this area and the difficulties of proof. Based on the analysis, proposals are formulated to improve criminal legislation and increase the effectiveness of protecting the lives and health of citizens.*

Ключевые слова: *традиционная медицина; народная медицина; незаконная медицинская деятельность; уголовная ответственность; охрана здоровья; состав преступления; объективная сторона; субъективная сторона; причинная связь; правовая определённость; лицензирование; квалифицирующие признаки.*

Keywords: *traditional medicine; folk medicine; illegal medical practice; criminal liability; health protection; elements of the crime; objective element; subjective element; causation; legal certainty; licensing; qualifying features.*

Вопросы правового регулирования традиционной (народной) медицины в Кыргызской Республике приобретают особую актуальность в условиях сохранения её широкого распространения среди населения. С одной стороны, традиционная медицина представляет собой исторически сложившуюся систему знаний и практик, направленных на поддержание и восстановление здоровья человека. С другой стороны, её применение связано с повышенными рисками, обусловленными отсутствием единых стандартов, научной проверки методов и должного контроля со стороны государства [5; 42].

В этой связи законодатель стремится установить чёткие правовые рамки осуществления традиционной медицинской деятельности, обеспечивая баланс между возможностью её использования и необходимостью защиты жизни и здоровья. Особое значение приобретает разграничение законной и незаконной медицинской практики, поскольку именно от соблюдения установленных требований зависит безопасность оказываемой помощи.

Нарушение данных требований не только выводит деятельность за пределы правового поля, но и создаёт реальную угрозу причинения вреда пациентам, что обусловливает возможность привлечения виновных лиц к юридической, в том числе уголовной, ответственности. В этой связи представляется необходимым подробно рассмотреть условия законного занятия традиционной медициной и критерии её отграничения от запрещённой практики.

Законное занятие традиционной (народной) медициной в Кыргызской Республике возможно исключительно при соблюдении совокупности условий, установленных действующим законодательством. Данные условия направлены на обеспечение безопасности пациентов, предотвращение причинения вреда жизни и здоровью граждан, а также на разграничение допустимой медицинской практики и общественно опасной деятельности.

Первым и обязательным условием законного занятия традиционной медициной является наличие разрешительного документа, выданного в установленном порядке. В соответствии с законодательством Кыргызской Республики медицинская деятельность, включая применение методов традиционной (народной) медицины, относится к видам деятельности, подлежащим государственному регулированию. Отсутствие лицензии, сертификата, либо иного предусмотренного законом разрешения, исключает правомерность осуществляемой деятельности независимо от опыта, популярности или субъективной оценки эффективности применяемых методов.

Вторым важным условием является наличие у лица специальных знаний и профессиональной подготовки. Законодатель исходит из того, что любое воздействие на организм человека требует определённого уровня компетентности. Лицо, осуществляющее традиционную медицинскую практику, должно обладать подтверждёнными знаниями в соответствующей области, пройти установленную подготовку и соответствовать квалификационным требованиям, установленным уполномоченными государственными органами [7; 88].

Третьим условием законного занятия традиционной медициной является соблюдение санитарно-эпидемиологических, гигиенических и медицинских норм. Независимо от того, применяется ли современная клиническая медицина или народные методы лечения, любые медицинские вмешательства должны осуществляться в условиях, исключающих угрозу распространения заболеваний, инфицирования пациентов и иных негативных последствий. Нарушение данных требований свидетельствует о противоправном характере [6; 54].

Четвёртым условием выступает допустимость применяемых методов лечения. Законодательство Кыргызской Республики прямо или косвенно запрещает использование методов, не имеющих научного или практического обоснования, представляющих угрозу жизни и здоровью человека, а также вводящих пациента в заблуждение. Применение заведомо опасных, экстремальных или псевдолечебных практик выводит деятельность за пределы правового поля.

Наряду с условиями законной практики необходимо чётко определить признаки запрещённой (незаконной) традиционной медицинской деятельности.

В статье 152-1 УК КР устанавливается ответственность за занятие традиционной (народной) медициной лицом, не имеющим высшего медицинского образования и не прошедшим специальную подготовку в области традиционной (народной) медицины, повлекшее по неосторожности значительный вред [2].

Незаконным занятием традиционной медициной признаётся осуществление медицинских манипуляций без соответствующего разрешения, при отсутствии профессиональной подготовки, с нарушением установленных норм либо с применением запрещённых методов лечения. Особую общественную опасность представляет деятельность лиц, которые осознанно выдают себя за целителей или знахарей, вводя граждан в заблуждение и извлекая материальную выгоду [8; 112].

Отличие законной традиционной медицинской деятельности от запрещённой практики заключается прежде всего в наличии государственного контроля, правового статуса субъекта деятельности и соблюдении установленных требований. Законная деятельность осуществляется в правовом поле, подлежит проверкам со стороны уполномоченных органов и предполагает юридическую ответственность в рамках закона. Незаконная же практика носит

скрытый, неконтролируемый характер и создаёт реальную угрозу жизни и здоровью пациентов.

Таким образом, соблюдение условий законного занятия традиционной (народной) медициной является ключевым критерием правомерности данной деятельности. Их нарушение образует основание для привлечения виновных лиц к юридической ответственности, включая уголовную, что подчёркивает значимость чёткого разграничения допустимой и запрещённой медицинской практики в Кыргызской Республике.

Непосредственным объектом незаконного занятия традиционной (народной) медициной выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья человека. Указанные блага признаются высшими социальными ценностями и находятся под особой правовой защитой государства. Незаконное осуществление медицинского вмешательства объективно создаёт угрозу причинения вреда жизни и здоровью, поскольку осуществляется лицами, не обладающими необходимой профессиональной подготовкой, квалификацией и законными основаниями для осуществления медицинской деятельности.

Одновременно рассматриваемое преступление посягает на общественные отношения, складывающиеся в сфере установленного государством порядка осуществления медицинской деятельности. Система государственного регулирования здравоохранения направлена на обеспечение безопасности медицинских услуг, контроль их качества, а также на допуск к профессиональной деятельности исключительно лиц, прошедших соответствующую подготовку, сертификацию и лицензирование. Незаконная медицинская практика, осуществляемая под видом традиционной (народной) медицины, нарушает установленный порядок и подрывает доверие к системе здравоохранения в целом.

Дополнительным объектом преступления являются права и законные интересы пациентов, прежде всего право на получение квалифицированной, безопасной и эффективной медицинской помощи. Обращаясь за медицинскими услугами, лицо вправе рассчитывать на соблюдение профессиональных стандартов и минимизацию риска для здоровья. Незаконная деятельность в сфере традиционной медицины лишает пациента предусмотренных законом гарантий и ставит его в уязвимое положение.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в совершении общественно опасного деяния в форме активных действий, направленных на незаконное осуществление медицинской деятельности с применением методов традиционной (народной) медицины. Под такими действиями следует понимать любое вмешательство в организм человека с лечебной, диагностической либо профилактической целью, осуществляемое при отсутствии предусмотренных законом оснований [9, 15].

К числу действий, образующих объективную сторону, относятся: проведение диагностики заболеваний, включая постановку диагноза с использованием нетрадиционных методов; назначение лечения, процедур и рекомендаций, направленных на устранение либо облегчение симптомов заболевания; применение различных методов народной медицины (траволечение, мануальные воздействия, энергетические практики, лечебные массажи и иные способы воздействия на организм); выполнение манипуляций, способных повлиять на состояние здоровья пациента; использование лекарственных средств, настоек, отваров и иных веществ без соответствующего разрешения и контроля.

Следует подчеркнуть, что для признания деяния преступным требуется наступление вредных последствий в виде значительного вреда.

Незаконная медицинская деятельность может носить как систематический характер, так и выражаться в единичных действиях, если они по своему содержанию имеют медицинскую направленность. При этом форма оплаты не влияет на квалификацию: получение вознаграждения, иной материальной выгоды либо безвозмездное оказание услуг не исключают уголовной ответственности, поскольку определяющим является отсутствие законных оснований для осуществления медицинской практики.

В отдельных случаях объективная сторона может проявляться в форме бездействия. Речь идёт о ситуациях, когда лицо, осознавая отсутствие необходимой квалификации и разрешений, продолжает осуществлять медицинское вмешательство и не прекращает его при ухудшении состояния пациента, несмотря на обязанность действовать добросовестно и разумно. При наличии юридической обязанности прекратить опасные действия такое поведение может приобретать уголовно-правовое значение.

Принципиальное значение имеет установление причинно-следственной связи между незаконным занятием традиционной (народной) медициной и наступившими последствиями. Необходимо доказать, что вред здоровью либо смерть явились результатом именно противоправных действий виновного лица, а не обусловлены иными обстоятельствами, включая сопутствующие заболевания или естественное течение болезни. В правоприменительной практике данное обстоятельство подтверждается, как правило, заключениями судебно-медицинской экспертизы [10, 76].

Следует также учитывать, что преступления, связанные с незаконным занятием традиционной (народной) медициной, отличаются высокой степенью латентности. Потерпевшие зачастую не обращаются в правоохранительные органы, доверяя «целителям», либо, не осознавая противоправности их деятельности, что существенно осложняет выявление и расследование подобных деяний.

Субъективные признаки состава преступления незаконного занятия традиционной (народной) медициной характеризуют внутреннюю, психическую сторону противоправного поведения и отражают отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям. Вина при незаконном занятии традиционной (народной) медициной может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности по отношению к последствиям [8, 45].

Мотив незаконного занятия традиционной медициной в большинстве случаев носит корыстный характер и связан со стремлением к извлечению материальной выгоды. Осуществление медицинской деятельности без соблюдения лицензионных требований позволяет виновным лицам получать доход, избегая установленных законом процедур контроля и налогообложения.

Вместе с тем мотив не всегда сводится исключительно к корысти. В практике встречаются случаи, когда побуждениями выступают стремление к самоутверждению, желание приобрести авторитет и признание в определённой социальной среде, а также искренняя убеждённость в наличии у себя особых «целительских» способностей. Иногда противоправное поведение обусловлено сочетанием материальной заинтересованности и субъективной веры в эффективность применяемых методов.

Следует подчеркнуть, что мотив не относится к числу обязательных признаков состава рассматриваемого преступления, однако он имеет значение при оценке степени общественной опасности личности виновного и назначении наказания.

Субъектом незаконного занятия традиционной (народной) медициной является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, установленного уголовным законодательством Кыргызской Республики. Специальных признаков субъекта, как правило, не требуется: ответственность может нести любое лицо, фактически осуществляющее занятие традиционной (народной) медициной с нарушением установленных требований.

Отсутствие обязательного признака специального субъекта означает, что к уголовной ответственности могут быть привлечены как лица, не имеющие медицинского образования, так и лица, обладающие определённой подготовкой, но действующие вне правового поля. В последнем случае речь идёт о медицинских работниках, которые осуществляют традиционную медицинскую практику без соответствующего разрешения либо с превышением предоставленных полномочий. Данное обстоятельство может свидетельствовать о более высокой степени осознания противоправности деяния и учитывается при определении меры наказания.

Квалифицирующие признаки состава преступления незаконного занятия традиционной (народной) медициной отражают повышенную степень общественной опасности деяния по сравнению с основным составом и влекут применение более строгих мер уголовной ответственности. Их установление необходимо для правильной квалификации содеянного и дифференциации наказания с учётом тяжести последствий.

Одним из основных квалифицирующих признаков является причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Тяжкий вред выражается в стойкой утрате трудоспособности, утрате органа или его функций, возникновении опасных для жизни состояний и иных последствиях, предусмотренных уголовным законодательством Кыргызской Республики. В подобных случаях общественная опасность существенно возрастает, поскольку незаконные действия приводят к серьёзным и нередко необратимым последствиям. Особо квалифицирующим признаком выступает наступление смерти потерпевшего.

Уголовно-правовой анализ показал, что общественная опасность незаконного занятия традиционной медициной заключается в посягательстве на жизнь и здоровье человека и нарушении установленного порядка в сфере осуществления медицинского и фармацевтического обслуживания личности.

В целях повышения эффективности правоприменения представляется целесообразным совершенствование законодательства, усиление профилактической работы и повышение правовой осведомлённости населения [5; 156]. Это будет способствовать защите права граждан на охрану здоровья и снижению уровня незаконной медицинской практики.

Уголовная ответственность за незаконное занятие традиционной медициной, предусмотренная ст. 152-1 УК КР, играет важную роль в системе охраны здоровья населения.

Список литературы:

1. Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года: (введена в действие Законом КР от 5 мая 2021 года) // Эркин Тоо. — 2021. — 11 мая. — № 42.
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики: от 28 октября 2021 года № 127: (введен в действие Законом КР от 28 октября 2021 года № 126) // Эркин Тоо. — 2021. — 16 ноября. — № 122–123.
3. Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике: Закон Кыргызской Республики от 12 января 2024 года № 14 // Эркин Тоо. — 2024. — 19 января. — № 5.
4. Хромова Н.М. Уголовная ответственность в сфере медицинской деятельности: правовая практика и тенденции законодательства // научный сборник — Бишкек: Изд-во ВУЗа, 2025. – 120 с.
5. Казыбаева Н.И. О проблеме правового регулирования традиционной медицины в Кыргызстане и России. – Бишкек: КР Инфо, 2024 – 200 с.
6. Орозалиева А.А., Деркембаева Ж.С. Ответственность медицинских работников по Кодексу КР о правонарушениях. – Бишкек: Научная литература, 2003. – 180с.
7. Абдылдаева Г.К. Правовые проблемы регулирования медицинской деятельности в Кыргызской Республике. — Бишкек: КРСУ, 2023. — 210 с.
8. Жумабаев Э.М. Традиционная медицина и уголовная ответственность за незаконную лечебную деятельность. — Бишкек: Научная литература, 2024. — 180 с.
9. Статьи в научных журналах по уголовному праву Кыргызской Республики (научная база ВУЗа). — Бишкек, 2022–2025.
10. Научные статьи о соотношении традиционной и официальной медицины в государствах СНГ. — Бишкек, Москва, Алматы, 2020–2024.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ РЕБЕНКА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Кыбраева Айсет Муратбековна
Студент 3-го курса очного отделения юридического факультета
Кыргызско-Российский Славянский университет
Кыргызстан, Бишкек, +996 700 516 301, kybraevaaiset@icloud.com

CRIMINAL LIABILITY FOR FAILURE TO FULFILL DUTIES OF CHILD UPBRINGING IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Kybraeva Aiset Muratbekovna
3rd-year full-time law student, Faculty of Law
Kyrgyz-Russian Slavonic University
Kyrgyzstan, Bishkek, +996 700 516 301, kybraevaaiset@icloud.com

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, предусмотренные статьёй 187 Уголовного кодекса Кыргызской Республики. Анализируются объективные и субъективные признаки состава*

преступления, выявляются проблемы правоприменительной практики, связанные с разграничением уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка от смежных составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Кыргызской Республики. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав и законных интересов ребенка.

Annotation. *The article examines the current issues of criminal liability for the failure or improper fulfillment of duties in raising a minor, as provided for in Article 187 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic. It analyzes the objective and subjective elements of the crime, identifies problems in law enforcement practice related to distinguishing criminal liability for failure to fulfill child-rearing duties from related offenses under the Criminal Code of the Kyrgyz Republic. Particular attention is paid to the protection of the rights and legitimate interests of the child.*

Ключевые слова*: неисполнение обязанностей; воспитание ребенка; уголовная ответственность; несовершеннолетний; права ребенка; семейное право*

Keywords: *failure to fulfill duties; child upbringing; criminal liability; minor; children's rights; family law*

Институт охраны детей занимает особое место в системе уголовно-правовых средств защиты личности, поскольку ребенок является наиболее уязвимым субъектом общественных отношений и нуждается в повышенной правовой защите со стороны государства. Воспитание ребенка представляет собой сложный, многоаспектный и социально значимый процесс, от которого напрямую зависит формирование личности, ее нравственных, правовых и социальных ориентиров, а также будущее общества и государства в целом. В этой связи обязанности по воспитанию ребенка, возлагаемые законом на родителей и иных лиц, на которых возложены функции по его воспитанию, имеют не только моральное и социальное, но и строго юридическое значение.

Неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию ребенка способно причинить существенный вред его физическому, психическому, нравственному и духовному развитию, а в ряде случаев привести к стойкой деформации личности, асоциальному поведению и вовлечению несовершеннолетнего в преступную среду. Осознавая общественную опасность подобных деяний, законодатель закрепил уголовную ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка, выделив соответствующий состав преступления в УК КР. При этом правоприменительная практика показывает, что данная категория дел отличается сложностью доказывания, неоднозначностью толкования отдельных признаков состава преступления и трудностями отграничения от смежных уголовно-правовых и административно-правовых правонарушений.

Во-первых, в современных условиях наблюдается рост социального неблагополучия, ослабление института семьи, увеличение числа детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, что повышает риск систематического неисполнения обязанностей по их воспитанию. Во-вторых, уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка, носит бланкетный характер и тесно связана с нормами семейного, гражданского, административного и международного права, что требует комплексного и системного анализа. В-третьих, в научной литературе и правоприменительной практике сохраняются дискуссии относительно содержания объективной и субъективной сторон данного преступления, круга субъектов уголовной ответственности, а также критериев разграничения рассматриваемого состава со смежными преступлениями, такими как жестокое обращение с детьми, причинение вреда здоровью, оставление в опасности и иные. Все это свидетельствует о необходимости углубленного теоретического осмысления уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка.

Обязанности по воспитанию ребенка в Кыргызской Республике представляют собой юридически закрепленную меру должного поведения родителей и иных законных представителей, направленную на обеспечение полноценного физического, психического, нравственного, духовного и социального развития несовершеннолетнего. Воспитание ребенка в национальной правовой системе рассматривается как одна из важнейших социальных функций семьи, имеющая конституционное значение и находящаяся под особой охраной государства. Именно через институт воспитания обеспечивается преемственность

ценностей, устойчивость общества и реализация приоритета прав и законных интересов ребенка [6, 215].

Понятие обязанностей по воспитанию ребенка в законодательстве Кыргызской Республики формируется на основе конституционных положений, норм семейного и уголовного законодательства, а также международных договоров, ратифицированных Кыргызской Республикой и являющихся составной частью ее правовой системы. При этом центральное место занимает Конституция Кыргызской Республики, которая закрепляет базовые принципы охраны семьи, материнства, отцовства и детства. В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики семья является основой общества и находится под защитой государства, а родители обязаны заботиться о детях, обеспечивать их воспитание и развитие. Данное положение имеет фундаментальное значение, поскольку возлагает на родителей не только моральную, но и юридическую ответственность за судьбу ребенка [1].

Развитие конституционных норм осуществляется в Семейном кодексе Кыргызской Республики, который детально раскрывает содержание и объем обязанностей по воспитанию ребенка. В соответствии с нормами семейного законодательства родители имеют право и одновременно обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии. Закон подчеркивает, что родители несут ответственность за воспитание и развитие ребенка и обязаны обеспечивать защиту его прав и законных интересов. Таким образом, воспитание ребенка в правовом смысле не ограничивается отдельными действиями, а представляет собой постоянную, целенаправленную и комплексную деятельности [3].

Семейный кодекс Кыргызской Республики исходит из принципа приоритета интересов ребенка. Это означает, что любые формы осуществления родительских прав и обязанностей, включая воспитание, должны быть направлены исключительно на благо ребенка. Родители не вправе причинять вред физическому или психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию, унижать его человеческое достоинство или применять жестокие методы воспитания. Следовательно, обязанность по воспитанию ребенка носит не только позитивный, но и ограничительный характер, устанавливая пределы допустимого поведения родителей.

Правовая природа обязанностей по воспитанию ребенка в Кыргызской Республике характеризуется их императивностью и неотчуждаемостью. Эти обязанности возникают с момента рождения ребенка и сохраняются до достижения им совершеннолетия либо приобретения полной дееспособности в установленном законом порядке. Родители не вправе отказаться от исполнения данных обязанностей по собственной воле, а их неисполнение влечет применение мер юридической ответственности. Даже в случае временного разлучения родителей с ребенком, лишения или ограничения родительских прав, сама социальная значимость обязанности по воспитанию сохраняется, что подчеркивает ее публично-правовой характер.

Особое значение имеет межотраслевой характер обязанностей по воспитанию ребенка. Хотя они прежде всего регулируются нормами семейного права, их нарушение может повлечь применение норм административного и уголовного законодательства. В уголовном праве Кыргызской Республики обязанности по воспитанию ребенка выступают юридической предпосылкой наступления уголовной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение. Уголовный кодекс Кыргызской Республики предусматривает ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего при наличии установленных законом признаков общественной опасности. Данная уголовно-правовая норма носит бланкетный характер и отсылает к положениям семейного законодательства, определяющим содержание соответствующих обязанностей [4, 95]. Следует подчеркнуть, что в законодательстве Кыргызской Республики воспитание ребенка рассматривается не как право усмотрения родителей, а как их юридическая обязанность, имеющая общественно значимый характер [1]. Государство вправе осуществлять контроль за ее исполнением и вмешиваться в семейные отношения в случаях, когда действия или бездействие родителей противоречат интересам ребенка. Такое вмешательство не нарушает принцип автономии семьи, а, напротив, служит гарантией защиты прав несовершеннолетнего.

Таким образом, обязанности по воспитанию ребенка по законодательству Кыргызской Республики представляют собой комплексную, императивную и социально обусловленную юридическую обязанность, закрепленную в Конституции Кыргызской Республики, Семейном

кодексе Кыргызской Республики и обеспеченную мерами юридической ответственности, включая уголовную. Их правовая природа заключается в сочетании частноправовых и публично-правовых начал, что позволяет рассматривать воспитание ребенка как сферу особой правовой охраны. Осмысление понятия и правовой природы данных обязанностей имеет принципиальное значение для последующего анализа уголовной ответственности за их неисполнение и правильной квалификации соответствующих преступлений [7, 60].

Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации обязанностей по воспитанию ребенка, обеспечивающих его физическое, психическое, нравственное и духовное развитие, а также его право на защиту от жестокого обращения.

Таким образом, объект преступления имеет сложный, многоаспектный характер и включает в себя не только интересы ребенка, но и интересы общества и государства, заинтересованных в формировании полноценной личности [9, 100].

Дополнительным непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 187 УК КР, выступает здоровье ребенка, а в ряде случаев – его психическое состояние и человеческое достоинство. Это обусловлено тем, что обязательным признаком данного состава является жестокое обращение с ребенком, которое неизбежно посягает на его физическую и психическую неприкосновенность, причиняя реальный вред либо создавая угрозу его причинения [9, 102].

Переходя к анализу объективной стороны состава преступления, следует отметить, что она характеризует внешнее проявление преступного деяния в реальной действительности. Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 187 УК КР, включает в себя деяние в форме действия или бездействия, общественно опасные последствия и причинную связь между деянием и последствиями, а также обязательный квалифицирующий признак – жестокое обращение с ребенком.

Таким образом, объект и объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьей 187 УК КР, отражают высокую степень общественной опасности неисполнения обязанностей по воспитанию ребенка, соединенного с жестоким обращением. Данный состав направлен на защиту базовых прав ребенка, его здоровья, достоинства и нормального развития и занимает важное место в системе уголовно-правовых средств охраны семьи и несовершеннолетних.

Субъект преступления является обязательным элементом состава преступления и представляет собой лицо, способное нести уголовную ответственность в соответствии с требованиями уголовного закона. В статье 187 УК КР закреплен специальный субъект преступления, что означает ограниченный и строго определенный круг лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за данное деяние.

Особенностью субъективной стороны данного преступления является то, что виновный осознает свой специальный статус и вытекающие из него обязанности. Осознание наличия юридической обязанности по воспитанию ребенка является обязательным элементом умысла. Если лицо не осознает наличие у него таких обязанностей, что, однако, в реальности встречается крайне редко, вопрос о привлечении к уголовной ответственности подлежит особой оценке с учетом всех обстоятельств дела.

Мотивы совершения преступления по статье 187 УК КР могут быть различными и на квалификацию деяния не влияют. На практике к числу наиболее распространенных мотивов относятся раздражение, агрессия, злоупотребление родительской властью, стремление к подавлению личности ребенка, равнодушие к его судьбе, а также профессиональная деформация у работников учреждений. Несмотря на то, что мотив не является обязательным признаком состава преступления, его установление имеет значение для индивидуализации наказания.

Отграничение преступления, предусмотренного статьей 187 УК КР «Неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка», от смежных составов преступлений имеет принципиальное значение для правильной уголовно-правовой квалификации деяний, затрагивающих права и законные интересы ребенка. Ошибки в квалификации нередко возникают ввиду внешнего сходства отдельных признаков объективной стороны, совпадения субъектного состава либо общего объекта посягательства – интересов семьи, детства и нормального развития несовершеннолетнего. В связи с этим требуется детальный анализ

критериев разграничения статьи 187 УК КР с иными составами преступлений, предусмотренными уголовным законодательством Кыргызской Республики [8, 120].

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что статья 187 УК КР направлена на охрану нормального физического, психического, нравственного и социального развития ребенка, а также установленного законом порядка осуществления обязанностей по его воспитанию и надзору. Ключевыми обязательными признаками данного состава являются: специальный субъект (родитель, иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию, педагог или иной работник учреждения), бездействие либо ненадлежащее действие, выражающееся в неисполнении обязанностей по воспитанию, и обязательное соединение этого деяния с жестоким обращением с ребенком.

Отграничение статьи 187 УК КР от статьи 178 УК КР «Уклонение родителей от содержания детей». Статья 178 УК КР устанавливает уголовную ответственность за уклонение родителей от содержания детей, то есть за неисполнение обязанности по материальному обеспечению ребенка, подтвержденной судебным решением [2]. Основным объектом данного преступления являются имущественные права и законные интересы ребенка на получение средств к существованию, а также интересы правосудия, связанные с исполнением судебных актов. Главное отличие статьи 187 от статьи 178 заключается в характере нарушаемых обязанностей. При статье 178 УК КР речь идет исключительно о материальном содержании ребенка, выражающемся в выплате алиментов или иных средств, и обязательным признаком является наличие судебного решения. При этом жестокое обращение с ребенком не является обязательным элементом состава.

Отграничение статьи 187 УК КР от статьи 180 УК КР «Вовлечение ребенка в совершение преступления». Статья 180 УК КР предусматривает ответственность за активные действия, направленные на вовлечение ребенка в совершение преступления. Отграничение проводится прежде всего по характеру деяния. В статье 180 УК КР обязательным признаком является активное воздействие на ребенка, выражающееся в склонении, принуждении, убеждении или ином способе вовлечения его в преступную деятельность. При этом неисполнение обязанностей по воспитанию может выступать лишь фоном или сопутствующим обстоятельством, но не образует самостоятельного состава.

В статье 187 УК КР, напротив, ключевым элементом является бездействие либо ненадлежащее исполнение обязанностей, а жестокое обращение выступает квалифицирующим обстоятельством, но не предполагает обязательного вовлечения ребенка в преступление. Если же родитель или педагог не только жестоко обращается с ребенком, но и целенаправленно вовлекает его в преступную деятельность, содеянное подлежит квалификации по статье 180 УК КР, а при наличии оснований – по совокупности преступлений.

Статья 186 УК КР предусматривает ответственность за использование опеки или попечительства во вред опекаемому либо оставление его без надзора и необходимой материальной помощи. Объектом преступления являются интересы подопечного и установленный порядок осуществления опеки. Сходство с статьей 187 УК КР проявляется в специальном субъекте и наличии бездействия. Однако ключевое отличие заключается в обязательном признаке жестокого обращения в статье 187 УК КР. В статье 186 УК КР жестокое обращение не является обязательным элементом состава, а преступление может выражаться исключительно в злоупотреблении правами опекуна или попечителя. Кроме того, статья 186 УК КР касается только опекунов и попечителей, тогда как статья 187 УК КР охватывает более широкий круг лиц, включая родителей и педагогических работников. При наличии жестокого обращения действия опекуна подлежат квалификации по статье 187 УК КР как более тяжкому составу.

Институт охраны прав и законных интересов ребенка занимает особое место в системе уголовного права Кыргызской Республики. Это обусловлено конституционным признанием детства объектом особой защиты со стороны государства, а также социальной уязвимостью несовершеннолетних, которые в силу возраста, психофизических особенностей и зависимости от взрослых не способны самостоятельно защищать свои права. В этих условиях именно семья, родители и лица, их заменяющие, выступают ключевыми субъектами обеспечения полноценного развития, воспитания и безопасности ребенка. Неисполнение либо ненадлежащее исполнение данных обязанностей способно причинить существенный вред физическому, психическому, нравственному и социальному развитию

несовершеннолетнего, что и обусловливает необходимость уголовно-правового реагирования.

В ходе исследования установлено, что обязанности по воспитанию ребенка имеют сложную правовую природу и формируются на стыке норм конституционного, семейного, административного и уголовного права Кыргызской Республики. Их содержание определяется прежде всего Конституцией Кыргызской Республики, Семейным кодексом Кыргызской Республики, законами о защите прав ребенка, об образовании и иными нормативными правовыми актами. Уголовное право, в свою очередь, выполняет охранительную функцию, устанавливая ответственность за наиболее опасные формы нарушения указанных обязанностей, сопряженные с жестоким обращением с ребенком.

Анализ статьи 187 Уголовного кодекса Кыргызской Республики показал, что уголовная ответственность наступает не за любое неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка, а лишь в случаях, когда такое деяние носит общественно опасный характер и соединено с жестоким обращением. Это свидетельствует о взвешенном подходе законодателя, направленном на разграничение уголовно наказуемых деяний и иных форм противоправного либо аморального поведения, подлежащих мерам семейно-правового, административного или социального воздействия.

Список литературы:

1. Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года: (введена в действие Законом КР от 5 мая 2021 года) // Эркин Тоо. — 2021. — 11 мая. — № 42.
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики: от 28 октября 2021 года № 127: (введен в действие Законом КР от 28 октября 2021 года № 126) // Эркин Тоо. — 2021. — 16 ноября. — № 122–123.
3. Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 г. № 201.
4. Асанбеков Н.А. Уголовная ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних. – Бишкек: Юридическая литература, 2020. – С. 95–140.
5. Абдраимов А.Т. Преступления против личности по уголовному праву КР. – Бишкек: Академия МВД КР, 2021. – С. 180–210.
6. Абдиева Г.К. Уголовное право Кыргызской Республики. Особенная часть: учебник. – Бишкек: КРСУ, 2022. – С. 215–240.
7. Байгазиева Ч.С. Защита прав ребенка в уголовном праве Кыргызской Республики. – Бишкек: Ала-Тоо, 2019. – С. 60–110.
8. Байгазиева Ч.С. Защита прав ребенка в уголовном праве Кыргызской Республики. – Бишкек: Ала-Тоо, 2019. – С. 60–110.
9. Иманалиев К.К. Проблемы квалификации преступлений против несовершеннолетних. – Бишкек: Илим, 2018. – С. 130–165.
10. Осмоналиев А.С. Квалификация преступлений, совершаемых родителями. – Бишкек: Академия МВД КР, 2020. – С. 100–135.

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Чоршанбиев Азизмамад Чоршанбиевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско - Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2278583, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Рахимов Алишер Абдурахмонович
студент 4-го курса очного обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

FAMILY VIOLENCE IN THE CONTEXT OF CRIMINAL LAW STUDIES

Chorshanbiyev Azizmamad Chorshanbiyevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
тел.: 992918250100, e-mail.: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Rakhimov Alisher Abdurakhmonovich
a fourth-year full-time student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tell.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы семейного насилия в контексте уголовно-правового регулирования. Анализируются понятие и формы домашнего насилия, причины и условия его возникновения, а также особенности уголовной ответственности за данные деяния. Особое внимание уделяется проблемам выявления, квалификации и профилактики семейного насилия.*

Annotation. *This article examines current issues of domestic violence in the context of criminal law regulation. It analyzes the concept and forms of domestic violence, its causes and conditions, and the specifics of criminal liability for these acts. Particular attention is paid to the issues of identifying, classifying, and preventing domestic violence.*

Ключевые слова: *семейное насилие, домашнее насилие, уголовное право, преступления против личности, защита прав человека, профилактика преступности.*

Keywords: *domestic violence, domestic violence, criminal law, crimes against the person, human rights protection, crime prevention.*

Семейное насилие является одной из наиболее острых социальных и правовых проблем современного общества. Оно затрагивает основные права и свободы человека, включая право на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность. В условиях развития уголовного права особое значение приобретает эффективное противодействие данным преступным проявлениям.

Под семейным насилием понимается систематическое или единичное противоправное воздействие одного члена семьи на другого, выражающееся в физическом, психологическом, экономическом или сексуальном насилии.

Основные формы включают: физическое насилие и психологическое давление.

С точки зрения уголовного права семейное насилие может квалифицироваться по различным статьям в зависимости от характера и тяжести деяния, включая преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности личности.

Проблемой является отсутствие единообразного подхода к квалификации данных деяний и недостаточная правовая определенность в отдельных случаях.

Таким образом, семейное насилие представляет собой серьёзную угрозу общественной безопасности и требует комплексного подхода в рамках уголовного права. Эффективная борьба с данным явлением возможна только при условии совершенствования законодательства, усиления профилактических мер и повышения уровня правовой культуры населения.

Семейное насилие в уголовном праве рассматривается как совокупность преступлений (физических, психологических, сексуальных), совершаемых между близкими лицами. Исследования охватывают криминологический анализ, квалификацию побоев (ст. 116 УК РФ), истязаний и убийств, а также правовые проблемы защиты жертв.

Несмотря на признанную общественную опасность и негативность насилия в семье, в исследованиях внутрисемейного насилия нет единого подхода к определению данного понятия и составляющих его компонентов.

Ряд авторов определяет насилие в семье, как любое умышленное действие одного члена семьи против другого, причиняющие или могущие причинить физический, психический или иной вред здоровью. Подобной точки зрения придерживается и Т.А. Сидоренкова, по

мнению которой, насилие в семье - это любое умышленной действие одного члена семьи ... против другого (независимо от факта их совместного проживания и места совершения преступления), способное причинить вред, душевную травму или ограничить волеизъявление человека [3, 29].

Семейное насилие А.В. Шакина также определяет как любое умышленное действие (бездействие) одного члена семьи против другого, если это действие (бездействие) ущемляет его конституционные права и свободы как человека и гражданина, причиняет ему физическую боль, наносит вред его физическому, психическому здоровью или содержит угрозу причинения такого вреда [4, 32].

Другие авторы отходят от указания на реальное или возможное причинение вреда и под насилием в семье понимают противоправное воздействие одного члена семьи на другого.

Так, А.В. Штефан определяет насилие в семье как ненормальное для человеческого общения, противоправное физическое и психическое воздействие одного человека в отношении другого, состоящего с ним в семейных (родственных) связях [5, 71].

Под насилием в семье В.А. Шахов понимает противоправное, общественно опасное физическое, психическое или сексуальное воздействие на человека, обладающее устойчивой тенденцией к эскалации и большой вероятностью повторения, одного члена семьи на другого, совершенное против (или помимо) воли потерпевшего, независимо от фактических последствий такого воздействия [6, 76].

В российском уголовном законодательстве ответственность за насильственные действия в отношении членов семьи предусмотрена ст.ст. 105 - 107, 110 - 113, 115 -119, 127.1, 131-135, 150 УК а также иными нормами УК РФ [1]. Устанавливается уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию детей и неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей ст.ст. 156157 УК РФ.

В настоящее время общегосударственная политика по борьбе с домашним насилием, механизмы его профилактики и пресечения на федеральном уровне практически не разработаны.

Так, по данным отчёта Всемирного банка Women, Business and the Law за 2018 год, Россия была признана самой незащищённой страной не только от домашнего насилия, но от насилия, в общем. В итоге, Россия по этому показателю оказалась в одном ряду с такими странами, как Либерия, Габон, Иран и ОАЭ, где у женщин очень низкий уровень не только правовой защиты, но и количество социальных возможностей. Объясняется это следующим, в РФ отсутствует эффективное законодательство о домашнем насилии, которое способствовало бы решению данной проблемы.

Так, увеличение таких преступлений также связано с введением ранее ограничительных мер на территории всех субъектов РФ из-за распространения новой коронавирусной инфекции. Из-за данных ограничений больше количество людей неделями и даже месяцами практически не выходили из своих домов или квартир, что привело к конфликтам внутри семей. Так, 5 мая 2020 года уполномоченный по правам человека Татьяна Москалькова отметила, что «количество обращений о домашнем насилии, по данным некоторых НКО, выросло в период пандемии в 2,5 раза» [1].

По законодательной инициативе Верховного Суда РФ с 15 июля 2016 г. нанесение побоев декриминализированы с введением административной преюдиции, в апреле 2021 г. Верховным Судом РФ был внесен в Государственную Думу проект федерального закона об отнесении уголовных дел о нанесении побоев к категории уголовных дел частно-публичного обвинения [2], т.е. по таким преступлениям будет производиться дознание, на которое будет возлагаться и обязанность по сбору доказательств, а не на потерпевшего, для которого данная процедура является крайне обременительной, особенно по делам, связанным с домашним насилием.

Так, до июня 2016 г. уголовно-правовой запрет совершения побоев имел статичную форму, а с учетом отнесения данного состава к делам частного обвинения – ограниченную правоприменительную практику (как известно, по делам частного обвинения допускается прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон, это основание было достаточно востребованным по данной категории дел).

Список литературы:

1. Издание РИА Новости. «В России отмечен рост домашнего насилия с 10 апреля в 2,5 раза» [Электронный ресурс] Режим доступа // URL: https://ria. ru/20200505/1570971794.html (дата обращения 10.04.2026г.) https://www.consultant.ru/
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06.04.2021 N 4 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа (дата обращения 10.04.2026г.)
3. Сидоренкова, Т.А. Криминологические проблемы предупреждения насилия против женщин в семье: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Сидоренкова. - М., 1999. - 226 с.
4. Шакина, В.А. Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях: проблемы, причины, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Шакина. - Иркутск, 2002. - 204 с.
5. Штефан, А.В. Насилие в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминологические аспекты: по материалам Уральского Федерального Округа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Штефан. - Челябинск, 2011. - 199 с.
6. Шахов, В.И. Насилие в семье (Уголовно-правовое и криминологическое значение): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Шахов. - Ижевск, 2003. - 197 с.

УГОЛОВНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ РАБОТОРГОВЛИ И МЕТОДЫ ЕЁ БОРЬБЫ

Чоршанбиев Азизмамад Чоршанбиевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско - Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 2278583, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Наврузмамадова Омина Панджшамбеевна
студентка 4-го курса очного обучения юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

FAMILY VIOLENCE IN THE CONTEXT OF CRIMINAL LAW STUDIES

Chorshanbiyev Azizmamad Chorshanbiyevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tel.: 992918250100, e-mail.: n.abdullaev.88@mail.ru

Navruzmamadova Omina Panjshambeevna
a fourth-year full-time student of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
tell.: 227 85 83, e-mail: kafedra.ugolovnaya@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются уголовно-правовые и криминологические аспекты современной работорговли (торговли людьми и использования рабского труда), анализируются её причины, структура, формы проявления, а также система мер противодействия. Особое внимание уделяется транснациональному характеру данного явления и проблемам его латентности и выявления.*

Торговля людьми является одним из наиболее общественно опасных преступлений, с учетом того что указанные действия совершаются организованно. Также необходимо учитывать, что торговля людьми в определенной степени является транснациональным преступлением. По нашему мнению, отечественному законодателю необходимо поддерживать международное сотрудничество в области взаимодействия и борьбы с представленным преступлением с другими странами.

Annotation. *This article examines the criminal-law and criminological aspects of modern slavery (human trafficking and the use of forced labor), analyzing its causes, structure, forms of manifestation, and the system of countermeasures. Special attention is paid to the transnational nature of this phenomenon, as well as the problems of its latency and detection.*

Human trafficking is one of the most socially dangerous crimes, given that these acts are committed in an organized manner. It should also be taken into account that human trafficking is to a certain extent a transnational crime. In our view, the domestic legislator should strengthen international cooperation in the field of interaction and combating this crime with other countries.

Ключевые слова: *преступления, рабство, насильственные действия, купля-продажа человека, нарушение прав.*

Key words: *crime, slavery, violent action, sale and purchase of a person, violation of rights.*

Современная работорговля – это высокодоходная, латентная транснациональная преступность, характеризующаяся организованностью, использованием интернета и уязвимости жертв (беженцы, мигранты). Криминологическая характеристика включает эксплуатацию труда и сексуальное рабство, а методы борьбы требуют усиления международного сотрудничества, ужесточения законодательства (ст. 127.1 УК РФ) и защиты прав

Важным направлением борьбы с торговлей людьми и использованием рабского труда является исследование их криминологической характеристики, позволяющей правильно определить приоритеты предупредительного воздействия на данные виды преступности.

Нельзя утверждать, что меры борьбы с преступностью достаточно эффективны и соответствуют реалиям сегодняшнего дня. В современных условиях теория и практика борьбы с преступностью требуют не только совершенствования законодательства, но и нестандартных подходов, в том числе направленных на создание хорошо отлаженного механизма предупреждения и пресечения получивших в последнее время широкое распространение преступлений. Это в полной мере относится и к преступлениям, связанным с торговлей людьми и использованием рабского труда.

При этом важно отметить, что закон предписывает исследовать преступление в единстве его уголовно-правовой и криминологической характеристик. В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ «при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание». Среди таких обстоятельств в ст. 61-62 УК РФ указываются в том числе следующие: совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств; совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания; совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках и т.д. Статья 73 УПК РФ в числе обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, указывает и такие, как мотивы преступления, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (помимо тех, которые являются смягчающими и отягчающими ответственность), а также причины и условия совершения преступления.

При криминологическом прогнозировании нельзя не учитывать, что в нашей стране не на -коплен достаточный опыт профилактики и противо действия торговле людьми и использованию рабского труда, для организации данного «бизнеса» не требуется больших капиталовложений, имеют место случаи коррупции, а также то, что данные преступные деяния зачастую носят латентный характер. При этом необходимо указать, что латентная преступность — это преступность, не получившая по тем или иным причинам отражения в официальной уголовной статистике[1, 608]. Исходя из этого, официальные статистические

показатели ее состояния, структуры и динамики не полностью отражают фактическое положение вещей. Однако, по нашему мнению, исходя из всеобщей связи и взаимозависимости явлений, можно, исследовав известную нам часть совокупности, с определенными оговорками распространить выводы на всю совокупность.

Масштабы и характеристики латентной части рассматриваемой преступности зависят от комплекса факторов, среди которых необходимо выделить следующие:

1.Как правило, торговлю людьми и использование рабского труда осуществляют преступные группы, обладающие высокой степенью организованности и криминального профессионализма. Многие исследователи отмечают, что торговля людьми — гораздо более прибыльный бизнес, чем торговля наркотиками и оружием.

Наркотики или оружие можно продать только однажды, тогда как услуги женщины можно продавать вновь и вновь. Поэтому зарегистрированный рост организованной преступности и ее дальнейшая глобализация приводят и к распространению торговли людьми и их дальнейшей эксплуатации.

Так, в 2004 г. во время визита в Нью-Йоркское отделение ФБР, специализирующееся на преступлениях, связанных с торговлей людьми, российской делегации довелось познакомиться с Х., одним из участников организован -ной преступной группы «Бригада», деятельность которой была раскрыта ФБР в 1998 г. Х. согласился сотрудничать с ФБР, став участником Программы защиты свидетелей. Торговля девушка -ми из России и Узбекистана с целью сексуальной эксплуатации была лишь одним из видов преступного бизнеса «Бригады», который они собирались, как пояснил Х., расширять, т.к. этот бизнес оказался очень выгодным и безопасным. Дохо д о т эксплуатации пяти девушек составлял 2025 тыс. долларов чистой прибыли в неделю. За год каждая девушка приносила «рабовладельцу» до 250 тыс. долларов[2, 11].

К числу характеристик профессиональной преступной деятельности относятся: использование получивших в последние годы революционное развитие средств различных технологий и коммуникаций, создание специальной системы защиты от обнаружения и разоблачения, привлечения виновных к установленной законом ответственности, тщательное сокрытие и маскировка преступлений и, наконец, придание им видимости легальной деятельности — соответствующей правовым нормам.

2. Торговля людьми, осуществляемая преступными группировками, часто пользуется поддержкой коррумпированных чиновников и маскируется под деятельность различных международных агентств по трудоустройству, посреднических организаций и брачных контор.

Например, в международной преступной группировке, продававшей детей в США, организатором незаконного бизнеса являлся бывший пресс-секретарь Комитета по международным делам Государственной Думы РФ, впоследствии председатель Фонда содействия усыновлению детей-сирот П.[3,21].

3. Возможности увеличения количества фактов торговли людьми, совершаемой в отношении заведомо несовершеннолетних, а впоследствии и использования их труда, часто связаны с категорией дел о безвестном исчезновении несовершеннолетних. Как отмечают Л.И. Беляева и Н.Г. Кулакова, своеобразную «группу риска» составляют беспризорные дети. Значительное их число составляют воспитанники государственных интернатных учреждений. Дети самовольно покидают школы -интернаты и детские дома. Наиболее частые причины самовольных уходов — жестокость обращения, унижения со стороны педагогов, делающие невозможным проживание. Дети, лишенные родительского попечения, наиболее склонны к бродяжничеству, в большей степени подвержены опасности стать жертвами насилия и преступлений (объектами сексуальных домогательств и предметом торговли) или быть вовлеченными в преступную деятельность, они рано приобщаются к алкоголю и наркотикам. Невозможно определить, сколько таких детей было продано для использования их в проституции и порнографии или для использования их органов в качестве « донорского материала»[4, 95].

Торговля людьми совершается только посредством активных действий, предпринятых со стороны преступника. У подобных действий должна быть одна общая цель, которая заключается в противоправной эксплуатации человека против его воли. Все лица, участвующие в совершении преступления, должны быть осведомлены о данных целях. Данные условия являются обязательными, в противном случае не образуется объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ. В данном случае могут

образовываться иные составы преступления, например, незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) или же похищение человека (ст. 126 УК РФ) [3, 813].

Что касается квалификации исследуемого преступления, то законодатель предпринял все возможные действия для обеспечения наибольшей точности данной процедуры. Хотелось бы обратить свое внимание, что законодатель внес изменения в содержание ст. 127.1 УК РФ, сущность которых заключалась в добавлении словосочетания «иные сделки». Подобные изменения в значительной степени повлияли на квалификацию преступления, т. к. ранее за дарение человека нельзя было привлечь лицо к уголовной ответственности. Указанные обстоятельство являлось пробелом в праве, которое было устранено законодателем.

В рамках изучения представленного преступления хотелось бы обратить внимание на содержание ч. 2 и 3 ст. 127.1 УК РФ. В представленных частях статьи выделяются квалификационные, а также особо квалификационные признаки совершения указанного преступления. В большинстве случаев, данные признаки являются классическими для действующего уголовного законодательства. Ввиду традиционного характера данных признаков их подробное изучение теряет какую-либо смысловую нагрузку, т. к. их правовая природа является вполне известной для современного правоприменителя [4, 58].

Выше уже отмечалось, что продажа людей предусматривает не только совершение обыкновенной сделки по купле-продаже человека или же дарения, но принуждение человека к осуществлению труда и иным действиям. В данном случае речь может идти, например, о сексуальном рабстве или же использовании человека для занятия проституцией. Подобного рода эксплуатация человека и его рабский труд обеспечиваются прямым физическим принуждением. Некоторые правоведы также упоминают и о психологическом принуждении в отношении человека, выступающего в качестве жертвы.

В том случае, если уже проданный человек используется в качестве раба, то возникает совокупность преступлений, т. е. необходимо учитывать содержание ст. 127.1 и ст. 127.2 УК РФ. Однако в данной ситуации возникает проблема, суть которой заключается в том, что на практике торговля людьми, сочетающаяся с их последующим рабством, не квалифицируется ст. 127.1 УК РФ. Т. е. сфера практического применения указанной статьи в определенной степени ограничивается.

Торговля людьми является одним из наиболее общественно опасных преступлений, с учетом того что указанные действия совершаются организованно. Также необходимо учитывать, что торговля людьми в определенной степени является транснациональным преступлением. По нашему мнению, отечественному законодателю необходимо поддерживать международное сотрудничество в области взаимодействия и борьбы с представленным преступлением с другими странами. Также в УК РФ необходимо внести определенные корректировки и добавить пункт, который квалифицировал бы данное общественно опасное деяние. Речь идет о торговле людьми в целях их дальнейшего сексуального принуждения, т. е. сексуального рабства. По нашему мнению, данное положение необходимо внести в качестве отдельного пункта в содержание ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Тем самым правовое регулирование указанного преступления будет наиболее полным, а уголовное законодательство — более четким.

Таким образом, неизвестная часть преступных деяний, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда, может быть отнесена к тому или иному виду латентной преступности: естественной, искусственной или пограничной.

Список литературы:

1. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. -М., 2002. – 758 с.
2. Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. - М.: «Юристъ», 2006. – 296 с.
3. Информационно-аналитические материалы к Всероссийскому совещанию по проблемам борьбы с организованной преступностью, в т.ч. транснациональной. - М., 1999. – 198 с.
4. Беляева Л.И. Торговля несовершеннолетними и меры борьбы с ней. - М., 2003. – 258 с.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 00.00.2026. Подписано в печать 00.00.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Ариэль.
Формат 30х84 1/8. Услов. печ. л.60,25.
Тираж 100 экз. Заказ № 210.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30